Викторъ Гюго.

Соборъ Парижской Богоматери.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1903

Дозволено цензурою. Москва, 12 февраля 1903 года.

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

Часть первая.

Соборъ Парижской Богоматери въ 1482 г.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Большая зала.

Ровно триста сорокъ восемь лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и девятнадцать дней тому назадъ [1]) парижане проснулись при громкомъ трезвонѣ всѣхъ колоколовъ Стараго города, Новаго города и Университетскихъ кварталовъ.

А между тѣмъ, этотъ день, 6 января 1482 года, не принадлежалъ къ числу тѣхъ, о которыхъ сохранилась бы память въ исторіи. Ничего особенно замѣчательнаго не было въ событіи, такъ взволновавшемъ парижскихъ горожанъ и заставившемъ звонить всѣ колокола. На городъ не шли приступомъ пикардійцы или бургундцы, по улицамъ не двигалось торжественной религіозной процессіи, схолары [2]) не бунтовали и не предвидѣлось ни въѣзда „нашего грознаго властелина, господина короля“, ни казни черезъ повѣшеніе воровъ и воровокъ, ни прибытія какого-нибудь разряженнаго и разубраннаго посольства, что случалось такъ часто въ XV вѣкѣ.

Всего два дня тому назадъ торжественно въѣхало въ Парижъ одно изъ такихъ посольствъ. Прибыли фламандскіе послы, которымъ было поручено устроить бракъ между дофиномъ и Маргаритой Фландрской. И кардиналъ Бурбонскій, чтобы сдѣлать удовольствіе королю, долженъ былъ волей-неволей оказать любезный пріемъ этимъ неотесаннымъ фламандскимъ бургомистрамъ и угощать ихъ въ своемъ Бурбонскомъ дворцѣ представленіемъ „весьма прекрасной морали, шуточной пьесы и фарса“ въ то время, какъ проливной дождь поливалъ его великолѣпные ковры, которыми былъ разукрашенъ снаружи его дворецъ.

Парижскіе горожане такъ волновались по случаю издавна установленнаго 6 января двойного празднества — праздника волхвовъ и праздника шутовъ.

Въ этотъ день предполагались—иллюминація на Гревской площади, посадка майскаго дерева въ Бракской часовнѣ и мистерія во Дворцѣ Правосудія.

Объ этомъ провозгласили наканунѣ на всѣхъ перекресткахъ, при звукахъ трубъ, подчиненные г. прево въ красивыхъ одеждахъ изъ фіолетоваго камлота, съ большими бѣлыми крестами на груди.

А потому дома и лавки были заперты, и толпы горожанъ и горожанокъ потянулись съ самаго утра по тремъ разнымъ направленіямъ.

---

[1]) Этотъ романъ написанъ въ 1830 году.

[2]) Студенты.

Каждый выбралъ то, что ему больше приходилось по вкусу. Одни шли на Гревскую площадь, другіе — въ часовню, третьи — смотрѣть мистерію. И нужно отдать справедливость здравому смыслу тогдашнихъ парижанъ: большинство изъ нихъ предпочло иллюминацію, какъ разъ подходящую ко времени года, и мистерію, которая должна была разыгрываться въ тепломъ помѣщеніи. Бѣдный „май“ привлекъ лишь очень немногихъ и ему пришлось почти въ полномъ одиночествѣ дрожать подъ январскимъ небомъ на кладбищѣ Бракской часовни.

Особенно много народу стекалось по улицамъ, ведущимъ къ Дворцу Правосудія, такъ какъ было извѣстно, что прибывшіе два дня тому назадъ фламандскіе послы будутъ присутствовать на представленіи и при избраніи папы шутовъ, которое тоже должно было происходить въ большой залѣ.

Не легко было пробраться теперь въ эту залу, считавшуюся самой большой на свѣтѣ, — Соваль еще не вымѣрилъ тогда залы въ замкѣ Монтаржи.

Залитая народомъ площадь около Дворца Правосудія казалась—смотрѣвшимъ на нее изъ оконъ зрителямъ—волнующимся моремъ, въ которое пять или шесть улицъ изливали каждую минуту, подобно рѣкамъ, новыя волны головъ. И эти волны, все увеличиваясь, разбивались объ углы домовъ, выступавшихъ въ этомъ морѣ то тутъ, то тамъ, какъ мысы.

Въ центрѣ высокаго готическаго[1]) фасада Дворца Правосудія, съ большой лѣстницы непрерывно поднимались и спускались толпы народа, раздѣляясь на верхней площадкѣ и разливаясь широкими волнами по двумъ боковымъ спускамъ, какъ будто низвергались водопады. Отъ криковъ, смѣха, топота тысячъ ногъ надъ площадью стояли страшный шумъ и гулъ. По временамъ этотъ шумъ еще увеличивался, и теченіе, несшее всю эту толпу къ лѣстницѣ, внезапно поворачивало назадъ, и начинался какой-то водоворотъ. Это происходило, когда полицейскій стражъ ударялъ кого-нибудь ружейнымъ прикладомъ или конный сержантъ врѣзывался въ толпу. Такой странный способъ водворенія порядка—прево завѣщали коннетаблямъ, отъ которыхъ онъ перешелъ по наслѣдству къ маршаламъ, а отъ нихъ къ теперешнему корпусу жандармовъ въ Парижѣ.

У дверей, у оконъ, на крышахъ, на чердакахъ — всюду виднѣлись тысячи добродушныхъ, честныхъ лицъ горожанъ, смотрѣвшихъ то на Дворецъ, то на толпу, и не желавшихъ ничего больше. Многіе парижане довольствуются только тѣмъ, что смотрятъ на зрителей; даже стѣна, за которой происходитъ что-нибудь интересное, любопытна для нихъ.

Если бы мы, живущіе въ 1830 году, могли какими-нибудь путями попасть вмѣстѣ съ горожанами XV столѣтія въ громадную залу Дворца, оказавшуюся, однако, слишкомъ тѣсной 6 января 1482 года, то открывшееся передъ нами зрѣлище, навѣрное, заинтересовало бы насъ, а все окружающее, такое старинное, именно по этому показалось бы намъ новымъ.

Если читатель ничего не имѣетъ противъ, мы попробуемъ воспроизвести хоть мысленно то впечатлѣніе, которое онъ испыталъ бы вмѣстѣ

---

[1]) Значеніе, которое обыкновенно придается слову «готическій», хоть и не точно но принято всѣми. Мы, какъ и всѣ, употребляемъ его здѣсь, чтобы охарактеризовать стиль архитектуры второй половины среднихъ вѣковъ, въ которомъ стрѣльчатый сводъ служитъ такимъ же отличительнымъ признакомъ, какъ въ предшествовавшемъ ему періодѣ — полукруглый сводъ.

съ нами, пробравшись черезъ шумную, разнокалиберную толпу и переступивъ за порогъ большой залы.

Прежде всего мы были бы оглушены страшнымъ шумомъ и ослѣплены роскошью и блескомъ. Вверху, надъ нашими головами — двойной стрѣльчатый блѣдноголубой сводъ, украшенный деревянной рѣзьбой и усѣянный золотыми лиліями; внизу, подъ ногами, — полъ изъ черныхъ и бѣлыхъ мраморныхъ плитъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ — громадная колонна, потомъ другая, третья. Всего по длинѣ залы семь колоннъ, поддерживающихъ сводъ.

Около первыхъ четырехъ колоннъ устроены лавочки торговцевъ, сверкающія стекломъ и разными побрякушками; около трехъ остальныхъ стоятъ дубовыя скамьи, уже послужившія на своемъ вѣку, гладко отполированныя штанами тяжущихся и мантіями прокуроровъ. Кругомъ залы, вдоль высокихъ стѣнъ, между колоннами и въ простѣнкахъ между дверями и окнами, тянется безконечный рядъ статуй французскихъ королей, начиная съ Фарамонда, — лѣнивыхъ королей съ опущенными руками и глазами, и мужественныхъ, воинственныхъ королей съ смѣло воздѣтыми къ небу руками. Въ высокихъ стрѣльчатыхъ окнахъ вставлены стекла тысячи цвѣтовъ; великолѣпныя двери украшены тонкой рѣзьбой. И все это — сводъ, колонны, стѣны, наличники, потолокъ, двери, статуи — чуднаго голубого цвѣта съ золотомъ. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, краска уже нѣсколько потускнѣла, а въ 1549 г. она совсѣмъ исчезла подъ пылью и паутиной, и де Брёль восхищался ею уже только по преданію.

Теперь представьте себѣ эту громадную продолговатую залу, освѣщенную блѣднымъ свѣтомъ январскаго дня, съ нахлынувшей въ нее пестрой, шумной толпой, и вы получите объ ней нѣкоторое понятіе въ общемъ, а интересныя частности мы постараемся указать болѣе точно.

Если бы Равальякъ не убилъ Генриха IV, его не привлекли бы къ суду, въ канцеляріи Дворца не хранились бы документы по его дѣлу, не было бы сообщниковъ, заинтересованныхъ въ исчезновеніи этихъ документовъ, а слѣдовательно — не было бы и поджигателей, которымъ пришлось, за неимѣніемъ лучшаго, сжечь канцелярію, чтобы сжечь документы, и сжечь самый Дворецъ Правосудія, чтобы сжечь канцелярію. Тогда не было бы и пожара 1618 года. Старинный дворецъ сохранился бы до сихъ поръ, и я могъ бы сказать читателю: „Подите взглянуть на большую залу“. И мнѣ не пришлось бы описывать ее, а читателю — читать это посредственное описаніе. Все это служитъ доказательствомъ новой истины, что великія событія имѣютъ безчисленныя послѣдствія.

Возможно, конечно, что у Равальяка не было сообщниковъ, а если онъ и имѣлъ ихъ, то они все-таки могли быть неповинны въ пожарѣ 1618 года. Существуетъ, впрочемъ, еще два очень вѣроятныхъ предположенія. Во-первыхъ, всѣ знаютъ, что 7 марта, послѣ полуночи, большая пылающая звѣзда шириною въ футъ, длиною въ локоть, упала съ неба на Дворецъ Правосудія. Во-вторыхъ, мы имѣемъ слѣдующее четверостишіе Теофиля:

Certes, ce fut un triste jeu,
Quand à Paris dame Justice,
Pour avoir mangé trop d'épice,
Se mit tout le palais en feu.

Но какъ бы мы ни смотрѣли на эти три толкованія — политическое, физическое и поэтическое — грустный фактъ, пожаръ Дворца Правосудія въ 1618 году, остается налицо. По милости этого пожара, а въ особенности, по милости послѣдовавшихъ затѣмъ поправокъ, погубившихъ то, что онъ пощадилъ, у насъ въ настоящее время почти ничего не осталось отъ этого перваго дворца французскихъ королей. Онъ былъ древнѣе Лувра и уже въ царствованіе Филиппа Красиваго считался такимъ стариннымъ, что въ немъ находили много общаго съ великолѣпными постройками, воздвигнутыми королемъ Робертомъ и описанными Гельгальдусомъ. И почти все исчезло. Что сталось съ канцеляріей, гдѣ Людовикъ Святой „скрѣпилъ свой бракъ?“ Съ садомъ, гдѣ онъ, „одѣтый въ камлотовое платье, камзолъ безъ рукавовъ изъ грубаго сукна и черный плащъ, рѣшалъ дѣла, лежа на коврѣ вмѣстѣ съ Жуанвилемъ?“ Гдѣ комнаты императора Сигизмунда, Карла IV, Іоанна Безземельнаго? Гдѣ лѣстница, съ которой Карлъ VI провозгласилъ свой милостивый эдиктъ? Плита, на которой Марсель, въ присутствіи дофина, задушилъ Роберта Клермонскаго и маршала Шампаньскаго? Калитка, въ которую вышли посланные антипапы Бенедикта послѣ того, какъ были разорваны его буллы, — посланные, наряженные въ насмѣшку въ мантіи и митры и принужденные публично каяться на всѣхъ перекресткахъ Парижа! Гдѣ большая зала съ своей голубой окраской, позолотой, статуями, колоннами, своимъ стрѣльчатымъ сводомъ, украшеннымъ тонкой рѣзьбой? А позолоченная комната? А каменный левъ около дверей, съ опущенной головой и поджатымъ хвостомъ, какъ львы около трона Соломона — символъ власти, смиренно склоняющейся передъ правосудіемъ? А великолѣпныя двери и цвѣтныя оконныя стекла? А рѣзныя дверныя ручки, приводившія въ отчаяніе Бискорнета? А изящная столярная работа дю Ганси?.. Что сдѣлало время, что сдѣлали люди со всѣми этими чудесами? И что дали намъ взамѣнъ этой исторіи галловъ, этого готическаго стиля? Тяжелые полукруглые своды де Брасса, построившаго неуклюжій порталъ Сенъ-Жерве — по части искусства, а по части исторіи — вздорную болтовню о главной колоннѣ г.г. Патрю. Нельзя сказать, чтобы это было много.

Но вернемся къ настоящей большой залѣ настоящаго стариннаго дворца!..

Одинъ конецъ этого гигантскаго параллелограма былъ занятъ знаменитымъ мраморнымъ столомъ изъ цѣльной глыбы, такой длинной, широкой и толстой, что, по выраженію старинныхъ рукописей, она была способна возбудить аппетитъ у Гаргантюа, потому что „другого такого толстаго ломтя никогда на свѣтѣ не бывало“. На противоположномъ концѣ залы была капелла Людовика XI, гдѣ онъ велѣлъ поставить свою колѣнопреклоненную статую передъ образомъ Божіей Матери и куда, по его приказанію, были перенесены статуи Карла Великаго и Людовика Святого. Онъ считалъ, что они, какъ французскіе короли, пользуются большимъ вліяніемъ на небѣ. Эта капелла, еще совсѣмъ новая, выстроенная всего около шести лѣтъ тому назадъ, была того изящнаго, прелестнаго стиля архитектуры, съ чудными скульптурными украшеніями и тонкой рѣзьбой, который заканчиваетъ у насъ готическую эру и продолжается до половины XVI столѣтія въ волшебныхъ, причудливыхъ созданіяхъ эпохи возрожденія. Небольшая, вдѣланная надъ входомъ, сквозная розетка необыкновенно изящной и

тонкой работы была въ особенности замѣчательнымъ произведенiемъ искусства. Она казалась сотканной изъ кружева звѣздой.

Посреди залы, напротивъ главнаго входа, возвышалась около стѣны обтянутая золотой парчей эстрада, на которую былъ устроенъ отдѣльный ходъ черезъ окно коридора, находящагося передъ залоченой комнатой. Эта эстрада была приготовлена для фламандскихъ пословъ и другихъ знатныхъ особъ, приглашенныхъ на представленiе.

Мистерiя, по издавна установившемуся обычаю, должна была разыгрываться на мраморномъ столѣ. Все было приготовлено на немъ съ самаго утра. На его великолѣпной мраморной доскѣ, исцарапанной каблуками судебныхъ писцовъ, стояла довольно высокая деревянная клѣтка. Верхняя ея часть, хорошо видная всѣмъ зрителямъ, должна была служить сценой, а внутренность, замаскированная коврами,—уборной для актеровъ. Лѣстница, наивно приставленная къ клѣткѣ снаружи, предназначалась для сообщенiя сцены съ уборной, и по ней должны были входить и уходить актеры. Какъ ни внезапно должно было появиться какое-нибудь дѣйствующее лицо, ему все-таки приходилось взбираться по этой лѣстницѣ, и какимъ неожиданнымъ ни предполагался какой-нибудь сценическiй эффектъ — нельзя было обойтись безъ этихъ ступенекъ. Невинное и почтенное дѣтство искусства и механики!

Четыре сержанта дворцоваго бальи, обязанные присутствовать при всѣхъ народныхъ развлеченiяхъ, какъ въ дни празднествъ, такъ и во время казней, стояли по четыремъ угламъ мраморнаго стола.

Представленiе должно было начаться ровно въ двѣнадцать часовъ съ послѣднимъ ударомъ большихъ дворцовыхъ часовъ. Это было, конечно, очень поздно для театральнаго представленiя, но дѣлать нечего,— приходилось сообразоваться съ временемъ, когда обѣщали пожаловать фламандскiе послы.

Между тѣмъ, вся эта толпа, тѣснившаяся въ залѣ, ждала здѣсь съ ранняго утра. Многiе пришли на площадь, какъ только занялась заря, и терпѣливо стояли тамъ, дрожа отъ холода,—а были и такiе любители, которые провели всю ночь, лежа поперекъ входныхъ дверей, чтобы навѣрняка войти первыми. Толпа увеличивалась съ каждой минутой и, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ, поднималась около стѣнъ, вздувалась около колоннъ и разливалась по карнизамъ, подоконникамъ, выступамъ и всѣмъ выпуклостямъ скульптурныхъ украшенiй.

Отъ давки, скуки, нетерпѣнiя, свободы праздничнаго дня, ссоръ, разгоравшихся отъ каждаго вздора — отъ попавшаго не на мѣсто локтя или подбитаго гвоздями башмака, — въ говорѣ этого стиснутаго, запертого, задыхавшагося народа начало звучать раздраженiе еще задолго до прибытiя пословъ. Всѣ жаловались и проклинали все на свѣтѣ: фламандцевъ, старшину купеческаго сословiя, кардинала Бурбонскаго, бальи, Маргариту Австрiйскую, сержантовъ съ жезлами, холодъ, жаръ, дурную погоду, парижскаго епископа, папу шутовъ, колонны, статуи, вотъ эту запертую дверь, вонъ то открытое окно. Все это очень забавляло разсѣянныхъ въ толпѣ схоларовъ, которые старались еще больше подзадорить недовольныхъ, коля ихъ, какъ булавками, своими язвительными остротами и насмѣшками.

Особенно отличалась одна группа веселыхъ забiякъ, которые выбивъ въ окнѣ стекла, усѣлись на подоконникъ и оттуда осыпали насмѣшками поперемѣнно то толпу на площади, то толпу въ залѣ. По

ихъ оживленнымъ жестамъ, звонкому хохоту, по тому, какъ весело перекликались они черезъ всю залу съ товарищами, видно было, что эти молодые клерки не скучаютъ, какъ остальная публика. Ихъ, повидимому, очень занимало бывшее у нихъ передъ глазами зрѣлище, и они, въ ожиданіи другого, отличнѣйшимъ образомъ развлекались.

— Клянусь душой, это онъ—это Жоаннесъ Фролло де Молендино!— крикнулъ одинъ изъ нихъ, увидавъ маленького бѣлокураго бѣсенка съ хорошенькимъ, плутовскимъ личикомъ, прицѣпившагося къ акантамъ капители. — Ну, недаромъ же тебя зовутъ Жаномъ Фролло Муленъ [1]. Твои руки и ноги теперь удивительно похожи на мельничныя крылья. Давно ты здѣсь?

— Да ужъ побольше четырехъ часовъ,—отвѣчалъ Жанъ Фролло.— Надѣюсь, они зачтутся мнѣ, когда я попаду въ чистилище. Я слышалъ, какъ восемь пѣвчихъ сицилійскаго короля начали пѣть въ семь часовъ обѣдню въ капеллѣ.

— Отличные пѣвчіе! Голоса ихъ будутъ, пожалуй, еще поострѣе ихъ колпаковъ. Только прежде чѣмъ служить обѣдню св. Іоанну, королю слѣдовало бы разузнать, захочетъ ли св. Іоаннъ слушать латинскіе псалмы съ провансальскимъ акцентомъ.

— И все это онъ сдѣлалъ для того, чтобы эти проклятые пѣвчіе могли зашибить деньгу! — рѣзко крикнула старуха, стоявшая въ толпѣ подъ окномъ. — Тысячу ливровъ за одну обѣдню — скажите, пожалуйста! Да еще изъ налога на морскую рыбу, которая продается на парижскомъ рынкѣ!

— Помолчи, старуха! — сказалъ важный толстякъ, стоявшій возлѣ рыбной торговки и зажимавшій себѣ носъ, благодаря этому сосѣдству.— Нельзя было не отслужить обѣдни. Развѣ тебѣ хочется, чтобы король опять заболѣлъ?

— Ловко сказано, метръ Жилль Лекорню [2], придворный мѣховщикъ! — закричалъ студентъ, прицѣпившійся къ капители.

Схолары громко захохотали, услыхавъ злосчастное имя придворнаго поставщика.

— Лекорню! Жилль Лекорню! — кричали они.

— Cornitus et hirsutus! — прибавилъ кто-то.

— Само собою разумѣется, — продолжалъ маленькій схоларъ на капители. — И чему они смѣются? Этотъ почтенный человѣкъ, Жилль Лекорню,—братъ Жана Лекорню, смотрителя королевскаго дворца, сынъ Матье Лекорню, главнаго сторожа въ Венсенскомъ лѣсу. Всѣ они парижскіе горожане и всѣ до одного женаты.

Хохотъ усилился. Толстый мѣховщикъ, не говоря ни слова, старался скрыться отъ устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ глазъ. Но тщетно пыхтѣлъ онъ и обливался пòтомъ: онъ не могъ спрятать за плечи сосѣдей свое толстое, побагровѣвшее отъ досады и гнѣва лицо.

Наконецъ, одинъ изъ его сосѣдей, такой же толстый, приземистый и почтенный, какъ онъ самъ, пришелъ къ нему на помощь.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ. — Какъ смѣютъ схолары такъ издѣваться надъ горожаниномъ! Въ мое время ихъ высѣкли бы за это розгами, а потомъ сожгли бы на кострѣ изъ этихъ самыхъ розогъ.

---

[1]) Moulin — мельница.
Рогатый.

Возмущенные схолары накинулись на него.

— Эй! кто это распѣваетъ тамъ? Что это за зловѣщая сова, предвѣщающая несчастье?

— Постойте, я знаю его! — воскликнулъ кто-то. — Это метръ Андри Мюнье.

— Одинъ изъ завзятыхъ книгопродавцевъ университета! — подхватилъ другой.

— Въ нашей лавочкѣ всего по четыре! — крикнулъ третій. — Четыре націи [1]), четыре факультета, четыре праздника, четыре прокуратора, четыре избирателя и четыре книгопродавца.

— Мюнье, мы сожжемъ твои книги.

— Мюнье, мы поколотимъ твоего слугу!

— Мюнье, мы помнемъ твою жену!

— Что за славная толстуха — эта мадемуазель Ударда!

— И притомъ такъ свѣжа и весела, какъ будто овдовѣла!

— Чортъ побери васъ всѣхъ! — пробормоталъ Мюнье.

— Молчи, метръ Андри, а не то я свалюсь тебѣ прямо на голову, — сказалъ Жанъ, все еще вися на своей капители.

Метръ Андри поднялъ глаза, смѣрилъ высоту капители, опредѣлилъ приблизительную тяжесть Жана и, помноживъ ее въ умѣ на квадратъ скорости, замолчалъ.

— Такъ-то лучше, — съ торжествомъ проговорилъ Жанъ, оставшись побѣдителемъ. — Я въ самомъ дѣлѣ свалился бы ему на голову, хоть и прихожусь роднымъ братомъ архидьякону.

— Что за жалкое начальство сидитъ у насъ въ университетѣ! Они даже не подумали ознаменовать чѣмъ-нибудь такой день, какъ сегодня. Въ городѣ — праздникъ мая и иллюминація; здѣсь — мистерія, папа шутовъ и послы; у насъ въ университетѣ — ничего.

— А между тѣмъ, площадь Моберъ, кажется, достаточно велика, — замѣтилъ одинъ изъ схоларовъ, сидѣвшихъ на подоконникѣ.

— Долой ректора, избирателей и прокураторовъ! — крикнулъ Жанъ.

— Устроимъ сегодня иллюминацію изъ книгъ метра Андри.

— И изъ пюпитровъ писцовъ!

— И изъ жезловъ надзирателей!

— И изъ плевальницъ декановъ!

— И изъ буфетовъ прокураторовъ!

— И изъ квашней избирателей!

— И изъ скамеекъ ректора!

— Долой метра Андри! — прожужжалъ Жанъ. — Долой метра Андри, надзирателей и писцовъ! Теологовъ, медиковъ и докторовъ богословія! Прокураторовъ, избирателей и ректора!

— Настоящее свѣтопреставленіе! — пробормоталъ Мюнье, затыкая себѣ уши.

— Вотъ кстати и ректоръ! Вотъ онъ, на площади! — крикнулъ одинъ изъ сидѣвшихъ на окнѣ.

Всѣ устремили глаза на площадь.

---

[1]) Такъ назывались корпораціи студентовъ, группировавшихся по мѣсту родины. Въ университетѣ съ самаго начала было четыре націи: французы, нормандцы, пикардійцы и англичане. *Прим. перев.*

— Неужели это въ самомъ дѣлѣ нашъ достопочтенный ректоръ, метръ Тибо? — спросилъ Жанъ дю Муленъ: онъ съ своей капители не могъ видѣть площади.

— Да, да, — закричали ему. — Это онъ самъ, ректоръ метръ Тибо!

И дѣйствительно, ректоръ и всѣ университетскія власти двигались процессіей передъ послами и въ настоящую минуту пересѣкали площадь. Сидѣвшіе на окнѣ схолары встрѣтили ихъ язвительными насмѣшками и громомъ ироническихъ рукоплесканій. Ректору, ѣхавшему впереди, достался первый залпъ.

— Здравствуйте, г. ректоръ! Эй! Да здравствуйте же!

— Какъ онъ попалъ сюда, этотъ старый игрокъ? Какъ онъ рѣшился разстаться съ игральными костями?

— Смотрите, какъ онъ подпрыгиваетъ на мулѣ. А вѣдь, право же, у мула уши короче, чѣмъ у него самого!

— Здравствуйте, г. ректоръ Тибо! Tybalde aleator! Старый дуралей! Старый игрокъ!

— Что за отвратительная рожа — блѣдная, испитая, помятая! А все оттого, что любитъ нашъ старикашка поиграть въ кости.

— Куда это вы ѣдете, Тибо, Tybalde ad dados, повернувшись спиной къ университету, а лицомъ къ городу?

— Онъ ѣдетъ искать квартиру въ улицѣ Тиботодэ! — крикнулъ Жанъ.

Вся компанія повторила выдуманное Жаномъ названіе улицы и захлопала въ ладоши.

— Вы, значитъ, хотите поселиться въ улицѣ Тиботодэ — вѣдь такъ, г. ректоръ, партнеръ дьявола?

Потомъ наступила очередь другихъ властей.

— Долой надзирателей! Долой жезлоносцевъ!

— А это что за птица? Не знаешь ли ты, Робинъ Пуспенъ, — кто это?

— Это Жильберъ де Сюильи, Gilbertus de Soliaco, канцлеръ Отёнской коллегіи.

— Вотъ мой башмакъ. Тебѣ ловчѣе, — брось его ему въ физіономію!

— Saturnalitias mittimus ecce noces.

— Долой шестерыхъ теологовъ съ ихъ бѣлыми стихарями!

— Такъ это-то теологи? А я думалъ, что это шесть бѣлыхъ гусей, которыхъ св. Женевьева [1]) пожертвовала городу.

— Долой медиковъ!

— Долой диспуты на заданный и выбранный по желанію тезисъ!

— А вотъ канцлеръ св. Женевьевы, — брошу-ка въ него мою шапку! Знаете, какъ безобразно онъ поступилъ со мной? Онъ отдалъ мое мѣсто въ націи нормандцевъ маленькому Асканіо Фальзаспада изъ Буржской провинціи, потому что онъ итальянецъ.

— Это несправедливо! — закричали всѣ схолары. — Долой канцлера св. Женевьевы!

— Ага! Іоахимъ де Ладегоръ! Луи Дагюиль! Ламберъ Гоктеманъ!

— Чтобы чертъ придушилъ прокуратора націи германцевъ!

— А кстати ужъ и капеллановъ капеллы съ ихъ сѣрымъ мѣховымъ облаченіемъ! Cum tunicis grisis!

---

[1]) При монастырѣ св. Женевьевы была богословская школа. *Прим. перев.*

— Seu de pellibus grisis fourratis!

— Ого! Учителя словесныхъ наукъ! Всѣ великолѣпныя черныя мантіи! Всѣ чудныя красныя мантіи!

— Недурный хвостъ для ректора!

— Право же, можно подумать, что это венеціанскій дожъ идетъ обручаться съ моремъ!

— Смотри-ка, Жанъ! Каноники св. Женевьевы!

— Къ чорту канониковъ!

— Аббатъ Клодъ Шоаръ! Докторъ Клодъ Шоаръ! Вы, должно-быть, ищете Мари Жиффаръ?

— Она живетъ въ улицѣ Глатиньи.

— Видите, видите? Это ѣдетъ Симонъ Сангэнъ, избиратель Пикардіи, а позади него сидитъ его жена.

— Post equitem sedet atra cura.

— Смѣлѣе, метръ Симонъ!

— Добраго утра, г. избиратель!

— Спокойной ночи, г-жа избирательница!

— Какіе счастливцы, — имъ видно все! — со вздохомъ проговорилъ Жанъ дю Муленъ, сидя на своей капители.

Прилежный книгопродавецъ университета, Андри Мюнье, нагнулся къ уху мѣховщика, Жилля Лекорню.

— Ну, право же, пришелъ конецъ свѣта! — сказалъ онъ. — Никогда еще не видно было такой распущенности школяровъ. А всему виной эти проклятыя новыя изобрѣтенія — артиллерія, серпантины, бомбарды, а въ особенности книгопечатаніе — эта язва Германіи! Не будетъ больше ни манускриптовъ ни книгъ. Да, книгопечатаніе убиваетъ книжную торговлю. Пришелъ конецъ міра!

— Вѣрно, вѣрно! Это видно ужъ потому, какъ бойко сталъ расходиться бархатъ.

Въ эту минуту пробило двѣнадцать часовъ.

— А! — въ одинъ голосъ воскликнула вся толпа.

Схолары замолчали; въ залѣ поднялась страшная суматоха. Головы задвигались, ноги зашаркали, люди начали вертѣться и поправляться, стараясь принять болѣе удобное положеніе. Раздался оглушительный взрывъ откашливанья и сморканья, а затѣмъ наступила глубокая тишина. Всѣ шеи вытянулись, всѣ рты открылись, всѣ глаза устремились на мраморный столъ. Но никто не вошелъ на него. Только четыре сержанта, вытянувшись въ струнку, продолжали стоять неподвижно, какъ раскрашенныя статуи. Всѣ взгляды обратились къ эстрадѣ, приготовленной для посольства; дверь была затворена и на эстрадѣ не было никого. Вся эта толпа ждала съ ранняго утра: полудня, фламандскихъ посланниковъ и мистеріи. Но только одинъ полдень явился во время.

Это было ужъ слишкомъ!

Подождали одну, двѣ, три, пять минутъ, четверть часа — представленіе не начиналось. Эстрада оставалась попрежнему пустой, сцена — нѣмой. Нетерпѣніе начало смѣняться гнѣвомъ. Послышались недовольные возгласы — правда, еще вполголоса — и сдержанный гулъ голосовъ: „Мистерію! Мистерію!“ Головы разгорячались. Буря, пока еще глухо шумѣвшая, готова была разразиться каждую минуту. Первая искра вспыхнула, благодаря Жану дю Мулену.

— Мистерію и къ чорту фламандцевъ! — крикнулъ онъ во всю силу своихъ легкихъ, извиваясь, какъ змѣя, кругомъ капители.

Толпа захлопала въ ладоши.

— Мистерію! — заревѣла она. — Ко всѣмъ чертямъ Фландрію!

— Начинайте мистерію и сію же минуту! — продолжалъ Жанъ. — А не то мы взамѣнъ представленія повѣсимъ дворцоваго бальи!

— Вѣрно, вѣрно! — подхватила толпа. — А для начала повѣсимъ его сержантовъ.

Поднялся страшный шумъ и крики. Несчастные сержанты поблѣднѣли и переглянулись. Толпа надвигалась на нихъ, — того и гляди, рухнетъ легкая деревянная рѣшетка, отдѣляющая ихъ отъ зрителей.

Минута была критическая.

— Вздернуть ихъ! Вздернуть! — кричали со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ коверъ, закрывавшій входъ въ уборную, откинулся и показался человѣкъ, одинъ видъ котораго, какъ по волшебству, усмирилъ толпу и измѣнилъ ея настроеніе: вмѣсто гнѣва ее теперь охватило любопытство.

— Тише! Тише! — раздались отовсюду голоса.

Вошедшій былъ страшно взволнованъ. Дрожа отъ страха и ежеминутно кланяясь, шелъ онъ по столу. И чѣмъ ближе онъ подходилъ къ краю, тѣмъ ниже становились его поклоны и тѣмъ больше были они похожи на колѣнопреклоненіе.

Между тѣмъ, шумъ мало-по-малу затихъ. Остался только тотъ легкій гулъ, который всегда стоитъ надъ толпой.

— Господа горожане и госпожи горожанки! — сказалъ вошедшій. — Мы будемъ имѣть честь представлять и декламировать передъ его преосвященствомъ, господиномъ кардиналомъ, прекрасную мораль, подъ названіемъ: „Премудрый судъ Пресвятой Дѣвы Маріи". Я буду играть Юпитера. Его преосвященство сопровождаетъ въ настоящую минуту достопочтенное посольство герцога австрійскаго, которое нѣсколько замѣшкалось, слушая привѣтственную рѣчь г. ректора университета у воротъ Бодэ. Какъ только прибудетъ его преосвященство, г. кардиналъ, мы тотчасъ же начнемъ представленіе.

Только вмѣшательство самого Юпитера и могло спасти четырехъ сержантовъ дворцоваго бальи. Если бы мы сами выдумали эту правдивую исторію и были отвѣтственны за нее передъ судомъ критики, насъ нельзя было бы упрекнуть въ нарушеніи классическаго правила: „Nec deus intersit".

Костюмъ Юпитера былъ очень красивъ и не мало способствовалъ успокоенію толпы, такъ какъ привлекъ на себя всеобщее вниманіе. Юпитеръ былъ въ латахъ, обтянутыхъ чернымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ золотыми гвоздиками; на головѣ его была шапочка, украшенная серебряными вызолоченными шишечками. И если бы толстый слой румянъ не покрывалъ верхней части его лица, а густая рыжая борода не закрывала нижней; если бы онъ не держалъ въ рукахъ свернутаго въ трубку позолоченнаго картона, усѣяннаго блестками и мишурой, въ которомъ опытный глазъ сейчасъ же узналъ бы молнію; еслибъ его ноги не были тѣлеснаго цвѣта и еслибъ онѣ не были перевиты на греческій манеръ лентами, — Юпитеръ не спасовалъ бы передъ любымъ бретонскимъ стрѣлкомъ изъ отряда герцога Беррійскаго.

II.

Пьеръ Гренгуаръ.

Восхищеніе, возбужденное костюмомъ Юпитера, мало-по-малу проходило по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ свою рѣчь. А когда онъ дошелъ до злополучнаго заключенія: „Какъ только прибудетъ его преосвященство г. кардиналъ, мы сейчасъ же начнемъ представленіе“, голосъ его былъ заглушенъ громкимъ шиканьемъ.

— Начинайте сейчасъ же! Мистерію! Мистерію! Сейчасъ же начинайте мистерію! — кричалъ народъ. А всѣ эти голоса покрывалъ пронзительный голосъ Жана дю Муленъ, который былъ слышенъ, несмотря на страшный шумъ, какъ слышенъ звукъ флейты среди грома другихъ инструментовъ. — Начинайте сію же минуту! — визжалъ Жанъ.

— Долой Юпитера и кардинала Бурбонскаго! — вопилъ Робинъ Пуспенъ и клерки, сидѣвшіе на окнѣ.

— Играйте мораль! — ревѣла толпа. — Сейчасъ же! Сію же минуту! А не то мы повѣсимъ и комедіантовъ и кардинала!

Бѣдный Юпитеръ, растерянный, перепуганный, поблѣднѣвшій подъ своими румянами, уронилъ молнію, снялъ шапочку, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, низко кланяясь, пробормоталъ: „Его преосвященство... послы... госпожа Маргарита Фландрская...“ Онъ не зналъ, что сказать. У него замиралъ духъ отъ страха, что его повѣсятъ. Его повѣситъ народъ, если онъ будетъ ждать кардинала; его повѣситъ кардиналъ, если онъ не станетъ ждать его. Спасенія нѣтъ! Его во всякомъ случаѣ ждетъ висѣлица.

Къ счастью, нашелся человѣкъ, пожелавшій вывести его изъ затрудненія и взять отвѣтственность на себя.

До сихъ поръ этотъ, такъ неожиданно явившійся спаситель, стоялъ въ промежуткѣ между рѣшеткой и мраморнымъ столомъ, прислонившись къ колоннѣ, скрывавшей отъ публики его длинную, тощую фигуру. Это былъ высокій, худой, блѣдный, бѣлокурый человѣкъ съ блестящими глазами и улыбающимся ртомъ, еще молодой, но уже съ морщинами на лбу и на щекахъ. На немъ была черная саржевая одежда, сильно потертая и залоснившаяся отъ времени. Онъ подошелъ къ мраморному столу и сдѣлалъ знакъ несчастному Юпитеру. Но тотъ, совсѣмъ растерявшись отъ страха, не замѣтилъ этого.

— Юпитеръ! — позвалъ его незнакомецъ, подойдя еще ближе къ столу. — Любезный Юпитеръ!

Юпитеръ не слыхалъ его.

Тогда высокій блондинъ, потерявъ терпѣніе, крикнулъ ему чуть не въ самое ухо:

— Мишель Жиборнъ!

— Кто меня зоветъ? — спросилъ Юпитеръ, какъ будто внезапно пробудившись отъ сна.

— Я.

— А!

— Начинайте представленіе. Удовлетворите публику. Я берусь смягчить неудовольствіе бальи, а онъ смягчитъ гнѣвъ кардинала.

Юпитеръ облегченно вздохнулъ.

— Господа горожане! — воскликнулъ онъ, насколько могъ громче, обращаясь къ толпѣ, продолжавшей шикать и свистать. — Мы сію минуту начнемъ представленіе!

— Evoe, Jupiter! Plaudite cives! — закричали схолары.

— Браво! Браво! — заревѣла толпа.

Раздался оглушительный взрывъ рукоплесканій, и даже послѣ того, какъ Юпитеръ скрылся въ уборной, вся зала еще дрожала отъ нихъ.

Между тѣмъ, незнакомецъ, превратившій, какъ по волшебству, „бурю въ штиль“, какъ выражается нашъ милый старый Корнель, скромно удалился за свою колонну. Онъ навѣрное и остался бы тамъ, попрежнему невидимый для публики, попрежнему безмолвный и неподвижный, если бы его не вызвали оттуда двѣ молодыя дѣвушки, сидѣвшія въ первомъ ряду зрителей, замѣтившія его разговоръ съ Мишелемъ Жиборномъ, Юпитеромъ.

— Метръ! — сказала одна изъ нихъ, дѣлая ему знакъ подойти.

— Молчи, милая Ліенарда, — остановила ее сидѣвшая рядомъ съ ней хорошенькая, свѣженькая, разряженная по-праздничному дѣвушка. — Это не духовный, а міряпинъ. Его нужно называть не „метръ“, а „мессиръ“.

— Мессиръ! — сказала Ліенарда.

Незнакомецъ подошелъ къ рѣшеткѣ.

— Что вамъ угодно, сударыня? — любезно спросилъ онъ.

— Нѣтъ... ничего! — смутившись, отвѣтила Ліенарда. — Не я, а моя сосѣдка, Жискета ла Жансьенъ хотѣла что-то сказать вамъ.

— Неправда, — возразила Жискета, покраснѣвъ. — Это Ліенарда сказала вамъ „метръ“. А я поправила ее, объяснивъ, что нужно назвать васъ „мессиръ“.

Обѣ молодыя дѣвушки опустили глазки. Незнакомецъ, который, повидимому, былъ не прочь продолжать разговоръ, улыбаясь смотрѣлъ на нихъ.

— Такъ я ничѣмъ не могу служить вамъ, сударыни? — спросилъ онъ.

— О, ничѣмъ! — отвѣтила Жискета.

— Совершенно ничѣмъ, — добавила Ліенарда.

Высокій блондинъ сдѣлалъ шагъ назадъ, собираясь уйти. Но двѣ любопытныя дѣвушки не имѣли ни малѣйшаго желанія выпустить такъ легко свою добычу.

— Мессиръ, — остановила его Жискета и потомъ продолжала быстро и стремительно, какъ вода, прорвавшая плотину, или женщина, принявшая твердое рѣшеніе. — Значитъ, вы знаете этого солдата, который будетъ играть роль Пресвятой Дѣвы въ мистеріи?

— То-есть, вы хотите сказать роль Юпитера? — спросилъ блондинъ.

— Конечно! — воскликнула Ліенарда. — Какая она глупая! Такъ вы знаете Юпитера?

— Мишеля Жиборна? Да, сударыня.

— Какая у него красивая борода! — сказала Ліенарда.

— А хорошо то, что они будутъ представлять? — застѣнчиво спросили Жискета.

— Великолѣпно, сударыня, — безъ малѣйшаго колебанія отвѣтилъ блондинъ.

— Что же это будетъ? — спросила Ліенарда.

Пьеръ Гренгуаръ.

— „Премудрый судъ Пресвятой Дѣвы Маріи“ — мораль, сударыня.

— А вотъ что! — сказала Ліенарда.

Наступило небольшое молчаніе. Незнакомецъ прервалъ его.

— Это совершенно новая мораль, — замѣтилъ онъ, — ее еще ни разу не играли.

— Значитъ, это не та, — спросила Жискета, — которую давали два года тому назадъ, въ тотъ день, какъ въ городъ въѣзжалъ легатъ? Тамъ еще играли три хорошенькія дѣвушки, которыя представляли...

— Сиренъ...— подсказала Ліенарда.

— И которыя выходили на сцену совсѣмъ голыя, — прибавилъ молодой человѣкъ.

Ліенарда стыдливо опустила глазки. Жискета взглянула на нее и послѣдовала ея примѣру.

— Да, это была очень интересная пьеса, — продолжалъ ихъ собесѣдникъ. — Но сегодня будутъ играть мораль, написанную нарочно для герцогини Фландрской.

— А будутъ пѣть пастушескія пѣсенки? спросила Жискета.

— Помилуйте, развѣ это возможно въ морали! Не нужно смѣшивать разные жанры. Будь это шуточная пьеса, тогда дѣло другое.

— Жаль, — сказала Жискета. — Въ день пріѣзда легата у фонтана Понсо играли прекрасную пьесу. Мужчины и женщины — ихъ было очень много — представляли дикарей, сражались между собою и пѣли пастушескія пѣсни и мотеты [1]).

— То, что хорошо для легата, — довольно сухо замѣтилъ молодой человѣкъ, — не подходитъ для принцессы.

— И около нихъ, — сказала Ліенарда, — играли разные инструменты.

— А для освѣженія прохожихъ, — подхватила Жискета, — изъ трехъ отверстій фонтана било вино, молоко и напитокъ съ пряностями. Всякій могъ пить, сколько угодно.

— А немножко пониже фонтана, — продолжала Ліенарда, — актеры представляли страсти Христовы, но молча, — не говоря ни слова.

— Ахъ, какъ хорошо я помню это! — воскликнула Жискета. — Господь на крестѣ и два разбойника по правую и лѣвую сторону.

Тутъ молодыя дѣвушки, разгоряченныя воспоминаніями обо всемъ видѣнномъ въ день въѣзда легата, затараторили разомъ, перебивая другъ друга:

— А повыше Понсо, у воротъ Живописцевъ, какъ великолѣпно были одѣты актеры!

— А помнишь охотника, который около фонтана св. Иннокентія гнался за козочкой?

— Какъ громко трубили тогда въ охотничьи рога и какъ лаяли собаки!

— А на площади, около парижской бойни, были устроены подмостки, изображавшія Дьепскую крѣпость...

— И когда мимо проѣзжалъ легатъ, — помнишь, Жискета? — начался приступъ, и всѣхъ англичанъ перерѣзали.

— А какіе прекрасные актеры были у воротъ Шателэ!

— А какъ только легатъ въѣхалъ на мостъ, выпустили больше двухсотъ дюжинъ всякихъ птицъ. Ахъ, какъ это было красиво, Ліенарда!

---

[1]) Церковныя пѣсни.

— Сегодня будетъ еще лучше, — сказалъ ихъ собесѣдникъ, повидимому, съ большимъ нетерпѣніемъ слушавшій ихъ.

— Вы ручаетесь, что мистерія будетъ хороша? — спросила Жискета.

— Вполнѣ,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ нѣсколько напыщенно.—Я авторъ этой пьесы, сударыни.

— Неужели? — воскликнули изумленныя дѣвушки.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ поэтъ, слегка выпятивъ грудь.— Насъ собственно двое: Жанъ Маршанъ напилилъ доски и сколотилъ театръ, а я написалъ пьесу. Мое имя — Пьеръ Гренгуаръ.

Даже авторъ Сида не произнесъ бы съ такой гордостью свое имя: Пьеръ Корнель.

Читатель, навѣрное, замѣтилъ, что должно было пройти ужъ порядочно времени съ тѣхъ поръ, какъ Юпитеръ ушелъ въ уборную, до той минуты, какъ Пьеръ Гренгуаръ объявилъ дѣвушкамъ, что онъ авторъ новой морали, и тѣ съ наивнымъ восхищеніемъ устремили на него глаза. Странная вещь! Вся эта толпа,— такая буйная всего нѣсколько минутъ тому назадъ, теперь добродушно ходила, успокоенная обѣщаніемъ актера. Новое доказательство той вѣчной истины, которая ежедневно подтверждается и въ нашихъ театрахъ, что лучшій способъ— заставить публику терпѣливо ждать,—состоитъ въ томъ, чтобы объявить ей: „Представленіе сейчасъ начнется!“

Однако, Жанъ дю Муленъ все-таки не унялся.

— Эй! — раздался вдругъ его голосъ, нарушая мирную тишину, смѣнившую шумъ и волненіе. — Юпитеръ и всѣ чортовы фигляры!— насмѣхаетесь вы, что ли, надъ нами? Пьесу! Пьесу! Начинайте, а не то опять начнемъ мы!

Этого возгласа оказалось вполнѣ достаточно.

Извнутри стоявшей на столѣ огромной клѣтки послышались звуки музыки; коверъ, закрывавшій входъ, откинулся и изъ уборной вышли четыре нарумяненные актера въ пестрыхъ костюмахъ. Они вскарабкались по крутой лѣстницѣ и, добравшись до сцены, выстроились въ рядъ передъ публикой и низко поклонились. Музыка смолкла. Началась мистерія.

Четыре актера, получивъ за свои поклоны щедрое вознагражденіе въ видѣ рукоплесканій, начали среди благоговѣйной тишины прологъ, отъ котораго мы избавимъ читателя. Впрочемъ, и публика не особенно внимательно слушала его. Ее, какъ нерѣдко бываетъ и съ теперешней публикой, гораздо больше занимали костюмы дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ ихъ роли. А на костюмы этихъ четверыхъ актеровъ, дѣйствительно, стоило посмотрѣть. Они всѣ четверо были въ платьяхъ наполовину желтаго, наполовину бѣлаго цвѣта, одинаковыхъ по покрою, но изъ разныхъ матерій. Платье перваго актера было изъ золотой и серебряной парчи, платье второго—изъ шелковой матеріи, третьяго— изъ шерстяной и четвертаго—изъ бумажной. Первый держалъ въ рукѣ шпагу, второй — золотые ключи, третій — вѣсы, четвертый — лопату. А чтобы зрители, не обладающіе быстрымъ соображеніемъ, поняли, что означаютъ эти атрибуты, на подолѣ парчевого платья было вышито большими черными буквами: „Я Дворянство“; на подолѣ шелковаго платья: „Я Духовенство“, на подолѣ шерстяного: „Я Купечество“; и на подолѣ бумажнаго: „Я Крестьянство“. Каждый здравомыслящій человѣкъ могъ

сейчасъ же догадаться, какія изъ этихъ аллегорическихъ фигуръ были мужского пола и какія женскаго, такъ какъ на первыхъ платья были короче, а головные уборы гораздо проще.

Нужно было также особое упорство, чтобы не понять изъ поэтическаго изложенія пролога, что Крестьянство состояло въ бракѣ съ Купечествомъ, а Духовенство съ Дворянствомъ и что у этихъ двухъ счастливыхъ парочекъ былъ общій чудный золотой дельфинъ [1]), котораго они рѣшили отдать самой красивой женщинѣ въ мірѣ. Съ этой цѣлью они отправились разыскивать эту красавицу по всему свѣту, отвергли Голкондскую королеву, Трапезондскую принцессу, дочь великаго хана Татарскаго, и многихъ другихъ. Наконецъ, Крестьянство, Купечество, Духовенство и Дворянство пришли отдохнуть на мраморномъ столѣ Дворца Правосудія и, пользуясь удобнымъ случаемъ, принялись угощать почтенную публику такимъ огромнымъ количествомъ афоризмовъ, остроумныхъ изреченій, софизмовъ и реторическихъ фигуръ, что ихъ могло бы хватить на весь факультетъ словесныхъ наукъ. Казалось, эти двѣ парочки стараются блеснуть краснорѣчіемъ и выкладываютъ свои познанія передъ публикой потому, что ихъ мучитъ страстное желаніе добиться ученой степени.

Все шло прекрасно, и всѣ были довольны. Но ни у кого изъ всѣхъ слушателей, на которыхъ эти четыре аллегорическія фигуры изливали цѣлые потоки метафоръ, не было такихъ внимательныхъ ушей, такого трепещущаго сердца, такого напряженнаго взгляда и такой вытянутой шеи, какъ у самого автора, поэта Пьера Гренгуара, который нѣсколько минутъ тому назадъ не могъ устоять отъ желанія сказать свое имя двумъ хорошенькимъ дѣвушкамъ. Теперь онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, около своей колонны и, прислонившись къ ней, слушалъ, смотрѣлъ и наслаждался. Одобрительные аплодисменты, привѣтствовавшіе начало его пролога, еще звучали у него въ ушахъ, и онъ забылся въ томъ блаженномъ упоеніи, съ какимъ авторъ внимаетъ словамъ актера, передающаго его мысли одна за другой среди безмолвія многочисленной публики.

Достойный Пьеръ Гренгуаръ!

Однако, это восторженное состояніе — какъ ни грустно намъ сознаться въ этомъ—было скоро нарушено. Только что успѣлъ Гренгуаръ поднести къ губамъ эту опьяняющую чашу восторга и торжества, какъ уже въ нее попала капля горечи.

Какой-то нищій въ лохмотьяхъ, которому было неудобно просить милостыню затерявшись въ толпѣ, и котораго, должно-быть, неудовлетворили подачки сосѣдей, придумалъ забраться на какое-нибудь видное мѣстечко, надѣясь такимъ образомъ привлечь вниманіе публики и попользоваться отъ ея щедротъ. Какъ только начался прологъ, онъ вскарабкался на одну изъ колоннъ эстрады, приготовленной для пословъ, и добрался до карниза, идущаго подъ нижней частью балюстрады. Тутъ онъ и усѣлся, стараясь возбудить состраданіе зрителей своими лохмотьями и отвратительной раной на правой рукѣ. Онъ, впрочемъ, не произносилъ ни слова и, благодаря этому, прологъ могъ итти безъ перерыва. Впрочемъ, онъ и закончился бы вполнѣ благополучно, если бы, по несчастной случайности, Жанъ дю Муленъ не уви-

---

[1]) По-французски Dauphin—«дельфинъ» и «наслѣдникъ престола».

далъ со своей колонны нищаго и его кривлянья. Неудержимый смѣхъ овладѣлъ имъ, и онъ, нисколько не заботясь о томъ, что прерываетъ представленіе и мѣшаетъ внимательно слушающей публикѣ, весело крикнулъ:

— Посмотрите-ка! Вѣдь этотъ бѣднякъ сбираетъ милостыню!

Тотъ, кому случалось бросить камень въ болото, гдѣ много лягушекъ, или выстрѣлить въ стаю птицъ, можетъ легко представить себѣ, какое дѣйствіе произвело это совсѣмъ не идущее къ дѣлу восклицаніе на зрителей, все вниманіе которыхъ было обращено на сцену. Гренгуаръ вздрогнулъ, какъ отъ электрической искры. Прологъ прервался, и всѣ головы сразу повернулись къ нищему, котораго это нимало не смутило. Онъ, напротивъ, нашелъ, что теперь самое подходящее время просить милостыню и, закрывъ глаза, жалобно затянулъ: „Подайте Христа ради!“

— Вотъ такъ штука! — воскликнулъ Жанъ. — Клянусь душою, это Клопенъ Труйльфу. Эй, пріятель! Должно-быть, рана на ногѣ мѣшала тебѣ, что ты перенесъ ее на руку?

Говоря это, онъ съ ловкостью обезьяны бросилъ мелкую серебряную монету прямо въ засаленную шапку, которую Клопенъ держалъ въ своей больной рукѣ. Нищій, не сморгнувъ, принялъ подаяніе и насмѣшку и продолжалъ жалобно тянуть: „Подайте Христа ради!“

Этотъ эпизодъ послужилъ немалымъ развлеченіемъ для публики и многіе зрители съ Рабиномъ Пуспеномъ и всѣми клерками во главѣ весело аплодировали странному дуэту, который такъ неожиданно затянули среди пролога—Жанъ своимъ пронзительнымъ голосомъ и нищій своимъ монотоннымъ причитаньемъ.

Гренгуаръ былъ возмущенъ и, какъ только немножко опомнился, закричалъ актерамъ:

— Продолжайте! Чортъ возьми,—да продолжайте же!—не удостоивая даже взглядомъ двухъ нарушителей тишины.

Въ эту минуту кто-то дернулъ его за платье. Онъ съ досадой обернулся и едва могъ заставить себя улыбнуться. А не улыбнуться было нельзя: его дергала за полу Жискета, просунувъ свою хорошенькую ручку черезъ рѣшетку.

— Мессиръ, — сказала она, — актеры будутъ еще играть?

— Конечно, — отвѣтилъ нѣсколько задѣтый этимъ вопросомъ Гренгуаръ.

— Въ такомъ случаѣ, мессиръ, не будете ли вы любезны объяснить мнѣ...

— Что они будутъ говорить? — прервалъ ее Гренгуаръ. — Извольте. Они...

— Нѣтъ, — сказала Жискета, — объясните мнѣ, пожалуйста, что они говорили раньше.

Гренгуаръ вздрогнулъ, какъ вздрагиваетъ человѣкъ, когда неосторожно дотронутся до его свѣжей раны.

— Чортъ побери эту глупую дѣвчонку! — сквозь зубы пробормоталъ онъ.

И съ этой минуты Жискета погибла въ его мнѣніи.

Между тѣмъ, актеры повиновались ему и снова начали играть. Публика, видя, что они говорятъ, стала слушать. Но она все-таки была лишена возможности насладиться нѣсколькими прекрасными мѣстами

пролога изъ-за злополучнаго перерыва, такъ неожиданно раздѣлившаго его на двѣ части. Такъ, по крайней мѣрѣ, съ горечью подумалъ про себя Гренгуаръ.

Тишина мало-по-малу возстановилась; Жанъ молчалъ, нищій считалъ монеты въ своей шапкѣ, а пьеса шла своимъ чередомъ.

Эта была въ сущности очень недурная пьеса, которая могла бы, пожалуй, съ успѣхомъ пойти съ нѣкоторыми измѣненіями и въ наше

Онъ нашелъ, что это самое подходящее время просить милостыню.

время. Положимъ, она, согласно тогдашнимъ правиламъ, была слишкомъ растянута и безсодержательна, но за то она отличалась простотой, и Гренгуаръ, въ глубинѣ души, восхищался необыкновенной ясностью изложенія.

Немудрено, что двѣ аллегорическія парочки немножко устали, обѣгавъ три части свѣта и не найдя возможности приличнымъ образомъ отдѣлаться отъ своего золотого дельфина. А потому понятны безконеч-

ныя похвалы, которыя они расточали ему, дѣлая въ то же время тонкіе намеки на юнаго жениха Маргариты Фландрской. А онъ въ это самое время скучалъ въ заключеніи въ Амбуазѣ, ни мало не подозрѣвая, что Крестьянство, Купечество, Духовенство и Дворянство совершили ради него цѣлое кругосвѣтное путешествіе. Итакъ, дельфинъ былъ молодъ, красивъ, силенъ и—что еще важнѣе—былъ сыномъ Льва Франціи, отчего главнымъ образомъ и происходили всѣ его достоинства. Эта удивительная и смѣлая метафора, хоть и несогласная съ законами природы, не казалась неестественной въ аллегоріи, написанной по случаю предстоящаго бракосочетанія дофина. Дельфинъ — сынъ Льва! Что же, какъ не вдохновеніе внушило поэту такое необыкновенное и смѣлое сопоставленіе! Однако, въ пьесѣ былъ все-таки одинъ недостатокъ. Критикъ, навѣрное, замѣтилъ бы, что двухсотъ стиховъ какъ будто ужъ слишкомъ много для развитія прекрасной идеи автора. Но и въ этомъ случаѣ для него находилось оправданіе: г. прево распорядился, чтобы мистерія продолжалась отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ, и потому поэту поневолѣ приходилось быть многорѣчивымъ, — не могли же актеры стоять молча на сценѣ. Впрочемъ, публика терпѣливо слушала ихъ разглагольствованія.

Вдругъ, въ то время, какъ ссора между Купечествомъ и Дворянствомъ находилась въ полномъ разгарѣ, и Крестьянство произносило удивительный стихъ:

On ne vit dans les bois bête plus triomphante [1]),

дверь эстрады, которая до сихъ поръ такъ некстати оставалась затворенной, теперь еще болѣе некстати отворилась, и привратникъ громко провозгласилъ:

— Его преосвященство, монсиньоръ кардиналъ Бурбонскій!

III.

Кардиналъ.

Бѣдный Гренгуаръ! Трескъ огромныхъ двойныхъ петардъ въ Ивановъ день, залпъ двадцати мушкетовъ, взрывъ всего пороха, хранящагося у воротъ Темпля, выстрѣлъ изъ знаменитой пушки башни Бильи, изъ которой въ воскресенье, 29 сентября 1465 года, во время осады Парижа, было убито однимъ ударомъ семеро бургундцевъ, — ничто въ эту торжественную и драматическую минуту не оглушило бы и не поразило бы его такъ, какъ эта коротенькая фраза слуги: „Его преосвященство, монсиньоръ кардиналъ Бурбонскій!“

Слова эти такъ подѣйствовали на него не потому, чтобы онъ боялся кардинала или относился бы къ нему съ пренебреженіемъ. Нѣтъ, Гренгуаръ не былъ ни настолько малодушенъ ни настолько высокомѣренъ. Въ настоящее время его назвали бы эклектикомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ спокойныхъ, уравновѣшенныхъ людей, обладающихъ возвышеннымъ и твердымъ умомъ, которые всегда и во всемъ держатся золотой середины (stare in dimidio rerum), ставятъ на первый планъ здравый смыслъ и очень либерально философствуютъ, относясь въ то

[1]) Не видно было въ лѣсу болѣе торжествующаго звѣря.

же время съ полнымъ уваженіемъ къ кардиналамъ. Подобные философы бываютъ всегда. Мудрость, какъ новая Аріадна, даетъ имъ клубокъ нитокъ, и они, разматывая его, идутъ съ самаго начала міра по лабиринту человѣческихъ дѣлъ. Они всегда одинаковы, т.-е. всегда умѣютъ припоровиться къ своему времени. Оставя въ сторонѣ Гренгуара, ихъ представителя въ XV вѣкѣ, мы легко найдемъ подобный же типъ и въ XVI. Стоитъ только припомнить великолѣпныя въ своей наивности и достойные всѣхъ вѣковъ взгляды отца де Брёля, высказанные имъ въ печати: „Я парижанинъ по происхожденію и парижанинъ по манерѣ говорить, потому что „parrhisia“ по-гречески значитъ „свобода рѣчи“. Я всегда говорилъ безъ всякаго стѣсненія правду монсиньорамъ кардиналамъ, дядѣ и брату монсиньора принца Конти, конечно, съ должнымъ уваженіемъ къ ихъ высокому сану и не оскорбляя никого изъ ихъ свиты, что было не легко“.

Итакъ, въ непріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на Гренгуара возгласъ слуги, не было ни страха передъ кардиналомъ ни пренебреженія къ его присутствію. Совершенно напротивъ. Нашъ поэтъ обладалъ слишкомъ большой дозой здраваго смысла и слишкомъ потертой одеждой, чтобы не придавать цѣны тому, что намеки его пролога, а въ особенности горячія похвалы дельфину, сыну Льва Франціи, будутъ прослушаны преосвященствомъ. Но въ благородной натурѣ поэтовъ расчетъ никогда не стоитъ на первомъ планѣ. Если предположимъ, что совокупности всѣхъ достоинствъ и недостатковъ поэта обозначена цифрой 10, то химикъ, разлагая ее на составныя части, навѣрное, нашелъ бы, что на девять частей самолюбія приходится лишь одна часть корысти. А въ ту минуту, какъ отворилась дверь эстрады, девять частей самолюбія Гренгуара, польщеннаго восхищеніемъ публики, такъ разрослись и достигли такихъ громадныхъ размѣровъ, что за ними сдѣлалась незамѣтна та маленькая частичка корысти, которую мы нашли въ натурѣ поэта вообще.

А кстати сказать, эта частичка реальности и человѣческой слабости необходима, какъ противовѣсъ: безъ нея поэты были бы совсѣмъ не отъ міра сего.

Гренгуаръ наслаждался, видя, чувствуя и, такъ сказать, осязая, какъ вся публика — хоть и далеко не блестящая — изумлялась, цѣпенѣла и какъ бы замирала, слушая безконечныя тирады его морали. Онъ и самъ блаженствовалъ за одно съ публикой и не походилъ въ этомъ случаѣ на Лафонтена, который, присутствуя на представленіи своей комедіи „Флорентинецъ“, спрашивалъ: „Что за болванъ написалъ эту чушь? „Гренгуаръ, напротивъ, охотно спросилъ бы сосѣда: „Кто написалъ это чудное произведеніе?“ Теперь читатель можетъ представить себѣ, какъ подѣйствовало на него неожиданное и несвоевременное прибытіе кардинала.

То, чего онъ боялся, оправдалось на самомъ дѣлѣ. Появленіе его преосвященства произвело страшный переполохъ въ публикѣ. Всѣ головы повернулись къ эстрадѣ, всѣ заговорили, заглушая голоса актеровъ. „Кардиналъ! Кардиналъ!“ раздавалось со всѣхъ сторонъ. И несчастный прологъ былъ прерванъ во второй разъ.

Кардиналъ на минуту остановился у самаго входа и довольно равнодушно оглядѣлъ публику. Суматоха усилилась. Каждому хотѣлось получше разсмотрѣть его; каждый вытягивалъ шею и клалъ голову на плечо сосѣда.

Это было, дѣйствительно, очень важное лицо и на него стоило взглянуть. Карлъ, кардиналъ Бурбонскій, архіепископъ и графъ Ліонскій, примасъ Галльскій, состоялъ въ родствѣ и съ Людовикомъ XI, на старшей дочери котораго былъ женатъ его братъ, синьоръ Пьеръ Божэ, и съ Карломъ Смѣлымъ по своей матери, Аннѣ Бургундской. Примасъ Галльскій былъ по натурѣ настоящій придворный и преклонялся предъ властью. Можно же представить себѣ, сколько затрудненій вытекало для него изъ этого родства и съ какимъ трудомъ приходилось ему лавировать между подводными камнями, чтобы не натолкнуться ни на Людовика XI, ни на Карла,—на Сциллу и Харибду, уже погубившихъ герцога Немурскаго и Коннетабля Сенъ-Поля. Къ счастью, ему удалось избѣгнуть опасностей и достигнуть Рима. Но хотя теперь онъ и былъ у пристани или, вѣрнѣе, именно поэтому, онъ не могъ вспоминать безъ волненія различныхъ препятствій, которыя встрѣчались ему въ его политической карьерѣ и которыя такъ трудно было преодолѣвать.

Въ 1476 году умерла его мать, герцогиня Бурбонская, и кузенъ, герцогъ Бургундскій. Кардиналъ говорилъ, что этотъ годъ былъ для него „и бѣлымъ и чернымъ", намекая этимъ на горе, испытанное имъ послѣ смерти матери, и радость, которую доставила ему смерть кузена.

Впрочемъ, онъ былъ довольно добродушный человѣкъ. Онъ велъ веселую жизнь кардинала, съ удовольствіемъ попивалъ королевское вино Шалюо, гораздо охотнѣе подавалъ милостыню молодымъ дѣвушкамъ, чѣмъ старухамъ, и, благодаря всему этому, пользовался большой популярностью у парижанъ. Онъ являлся всюду въ сопровожденіи цѣлаго штата епископовъ и аббатовъ знатнаго происхожденія, любезныхъ, веселыхъ, готовыхъ при случаѣ покутить. И часто разряженные прихожанки Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, проходя вечеромъ мимо ярко освѣщенныхъ оконъ Бурбонскаго дворца, негодовали и чувствовали себя оскорбленными, слыша, какъ тѣ же самые голоса, которые пѣли днемъ въ церкви, теперь при звонѣ стакановъ распѣвали вакхическую пѣсню Бенедикта XII, папы, прибавившаго третью корону къ тіарѣ:—Bibamus papaliter.

Должно-быть, именно благодаря этой вполнѣ заслуженной популярности, толпа не встрѣтила кардинала шиканьемъ, несмотря на то, что была такъ враждебно настроена противъ него всего нѣсколько минутъ тому назадъ и притомъ нисколько не была расположена относиться съ уваженіемъ къ нему, кардиналу, въ тотъ самый день, какъ ей самой предстояло выбирать себѣ папу. Но парижане не злопамятны. Они заставили начать представленіе, не дожидаясь прибытія его преосвященства, и эта побѣда удовлетворила ихъ. Да къ тому же кардиналъ Бурбонскій былъ очень красивъ, на немъ была великолѣпная красная мантія, которая очень шла къ нему. Значитъ, на его сторонѣ были всѣ женщины, то-есть лучшая часть публики. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ было бы несправедливо и безтактно шикать кардиналу за то только, что онъ немножко опоздалъ, когда онъ такой красивый и къ нему такъ идетъ его красная мантія.

Онъ вошелъ и поклонился публикѣ съ той традиціонной улыбкой, которая всегда появляется у высокопоставленныхъ лицъ при обращеніи къ народу. Потомъ онъ медленно направился къ своему красному бархатному креслу, съ разсѣяннымъ видомъ человѣка, думающаго

о чемъ-то постороннемъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ на эстраду весь его штатъ епископовъ и аббатовъ, отчего еще усилились волненіе и любопытство толпы. Всякій, знавшій хоть одного изъ этихъ духовныхъ лицъ, спѣшилъ указать на него и назвать его. Вотъ это марсельскій епископъ Аладэ, это примикарій Сенъ-Дени, это Робертъ де Леспинасъ, аббатъ Сенъ-Жерменъ де Пре, распутный братъ любовницы Людовика XI. И при этомъ они ужасно перепутывали имена и принимали одно лицо за другое. Что же касается до схоларовъ, то они шумѣли, кричали, разражались бранью и проклятіями. Это былъ ихъ день, ихъ сатурналія, ежегодная оргія схоларовъ и клерковъ. Всякое безумство считалось въ этотъ день дозволеннымъ, всякая дерзость — простительной. И они широко пользовались своей привилегіей. Бѣдный Людовикъ Святой! Какія непристойности позволяли они себѣ въ самомъ его дворцѣ! Каждый изъ нихъ выбралъ одну изъ сутанъ—черную, сѣрую, бѣлую или фіолетовую—и изощрялъ надъ ней свое остроуміе. А Жанъ Фролло де Малендино, въ качествѣ брата архидіакона, смѣло набросился на красную мантію и, устремивъ на кардинала свои дерзкіе глаза, распѣвалъ во все горло: Cappa repleta mero!

Но всѣ эти насмѣшки и остроты сливались съ гуломъ толпы и исчезали въ немъ, не доходя до эстрады. Впрочемъ, если бы кардиналъ и услыхалъ что-нибудь нелестное для себя, онъ не обратилъ бы на это вниманія, настолько уже вошла въ обычай полная свобода въ этотъ день. Да ему было и не до того. У него была своя забота — фламандскіе послы, прибывшіе почти въ одно время съ нимъ.

Кардиналъ не былъ большимъ политикомъ. Его мало интересовали возможныя послѣдствія брака между его кузиной, Маргаритой Бургундской, и кузеномъ Карломъ, дофиномъ Вѣнскимъ; онъ не разсчитывалъ, долго ли продолжится далеко неискреннее примиреніе герцога австрійскаго съ королемъ французскимъ, не спрашивалъ себя, какъ приметъ англійскій король пренебреженіе, съ которымъ отнеслись къ его дочери. Нѣтъ, всѣ эти вопросы не особенно интересовали его, и онъ очень спокойно пилъ каждый вечеръ вино Шальо. Ему и въ голову не приходило, что нѣсколько бутылокъ этого самаго вина, только немножко приправленнаго докторомъ Куактье, будутъ предложены Людовикомъ XI Эдуарду IV и въ одинъ прекрасный день избавятъ Людовика XI отъ Эдуарда IV.

И достопочтенное посольство герцога австрійскаго озабочивало кардинала не въ политическомъ, а совсѣмъ въ другомъ отношеніи. Мы уже говорили раньше, что ему было тяжело принимать этихъ пословъ. Онъ, Карлъ Бурбонскій и кардиналъ, долженъ былъ разсыпаться въ любезностяхъ передъ какими-то старшинами; ему, французу и веселому собесѣднику, приходилось выносить общество неотесанныхъ фламандцевъ, молча попивающихъ пиво. И все это онъ принужденъ былъ продѣлывать публично. Никогда еще не случалось ему играть такой скучной роли въ угоду королю.

Но когда привратникъ громко провозгласилъ: „Господа послы герцога австрійскаго", кардиналъ съ самой привѣтливой улыбкой — онъ отлично умѣлъ владѣть собою — обернулся къ двери. Нечего и говорить, что глаза всей публики обратились туда же.

На эстраду начали входить попарно, съ важностью, представлявшею рѣзкій контрастъ съ оживленіемъ духовнаго штата Карла Бурбонскаго,

сорокъ восемь пословъ Максимиліана Австрійскаго. Во главѣ ихъ шли: преподобный отецъ Жеганъ, аббатъ Сенъ-Бартенскій, канцлеръ ордена „золотого руна“, и Іаковъ де Гуа, сьэръ Доби, главный судья Гента. Въ залѣ наступила тишина, прерываемая заглушеннымъ смѣхомъ, когда привратникъ провозглашалъ разные смѣшные имена и титулы фламандцевъ, страшнѣйшимъ образомъ коверкая ихъ. Тутъ были: метръ Лолсъ Рёлофъ, старшина города Лувена; мессиръ Клайсъ Этюэльдъ, старшина города Брюсселя; мессиръ Поль Баёстъ, сьеръ Вуармизель, президентъ Фландріи; метръ Жеганъ Коллегенсъ, бургомистръ города Антверпена; метръ Георгъ Мёръ, главный старшина города Гента; метръ Гельдольфъ ванъ-деръ-Гаге и сьеръ Борбокъ, и Жеганъ Пиннокъ, и Жеганъ Димаэрзель и т. д. и т. д. — судьи, старшины, бургомистры; бургомистры, старшины, судьи, — серьезные, важные, чопорные, разряженные въ бархатъ и шелкъ, въ черныхъ бархатныхъ шапочкахъ, украшенныхъ золотыми кистями. Впрочемъ, у всѣхъ этихъ фламандцевъ были славныя лица, спокойныя и строгія, того типа, который обезсмертилъ Рембрандтъ въ своемъ „Ночномъ дозорѣ“. Стоило только взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться, что Максимиліанъ Австрійскій имѣлъ полное основаніе „всецѣло довѣриться“ посламъ, какъ онъ выразился въ своемъ манифестѣ, „полагаясь на ихъ здравый смыслъ, мужество, опытность и добросовѣстность“.

Только одинъ изъ нихъ составлялъ исключеніе. У него было умное, хитрое лицо, похожее и на лицо дипломата и на мордочку обезьяны. Кардиналъ сдѣлалъ три шага къ нему навстрѣчу и низко поклонился, несмотря на то, что этотъ фламандецъ, Гильомъ Римъ, былъ только совѣтникомъ и пенсіонеромъ города Гента.

Немногіе знали тогда Гильома Рима. Это былъ замѣчательный, геніальный человѣкъ, который навѣрное сыгралъ бы выдающуюся роль во время революціи, но въ XV вѣкѣ былъ принужденъ заниматься подпольными интригами. Въ этомъ отношеніи онъ дошелъ до совершенства и былъ оцѣненъ по достоинству первымъ интриганомъ той эпохи, Людовикомъ XI. Гильомъ Римъ принималъ дѣятельное участіе въ интригахъ этого короля и не разъ исполнялъ его секретныя порученія. Но толпа, собравшаяся въ залѣ, не подозрѣвала этого и удивлялась, съ какой стати такъ разлюбезничался кардиналъ съ какимъ-то жалкимъ фламандскимъ совѣтникомъ.

IV.

Метръ Жакъ Коппеноль.

Въ то время, какъ пенсіонеръ Гента и его преосвященство кардиналъ обмѣнивались низкими поклонами и нѣсколькими тихо произнесенными словами, какой-то человѣкъ высокаго роста, съ широкимъ лицомъ и могучими плечами выступилъ впередъ, чтобы войти одновременно съ Гильомомъ Римомъ. Онъ напоминалъ бульдога, пробирающагося за лисицей. Его войлочная шапка и кожаная куртка казались пятномъ среди бархатныхъ и шелковыхъ одеждъ. Привратникъ, полагая, что это конюхъ, зашедшій сюда по ошибкѣ, заступилъ ему дорогу.

— Постой, любезный, — сказалъ онъ, — тутъ нельзя пройти.

Человѣкъ въ кожаной курткѣ оттолкнулъ его плечомъ.

— Что такое мелетъ этотъ болванъ! — воскликнулъ онъ такимъ громкимъ голосомъ, что вся зала встрепенулась и стала слушать. — Развѣ ты не видишь, что и я принадлежу къ посольству.

— Ваше имя? — спросилъ привратникъ.

— Жакъ Копеноль.

— Званіе?

— Продавецъ чулокъ въ Гентѣ, подъ вывѣской „Три цѣпочки".

Привратникъ попятился. Докладывать о старшинахъ и бургомистрахъ еще куда ни шло, но о продавцѣ чулокъ — это ужъ слишкомъ. Кардиналъ былъ какъ на иголкахъ. Народъ слушалъ и смотрѣлъ. Вотъ уже два дня, какъ его преосвященство старался по мѣрѣ силъ отшлифовать этихъ фламандскихъ медвѣдей, чтобы сдѣлать ихъ хоть немножко попрезентабельнѣе для публики, и вдругъ теперь этотъ чулочникъ испортилъ все.

Между тѣмъ, Гильомъ Римъ подошелъ къ привратнику и съ своей лукавой улыбкой вполголоса сказалъ ему:

— Доложите: метръ Жакъ Копеноль, клеркъ старшинъ города Гента.

— Привратникъ, — громко повторилъ кардиналъ, — доложите: метръ Жакъ Копеноль, клеркъ старшинъ славнаго города Гента.

Это была ошибка. Гильомъ Римъ, дѣйствуя осторожно и незамѣтно, навѣрное, уладилъ бы дѣло; теперь же самъ Копеноль услыхалъ слова кардинала.

— Нѣтъ, клянусь Богомъ, я не похвалю этого! — воскликнулъ онъ своимъ громовымъ голосомъ. — Доложи: Жакъ Копеноль, продавецъ чулокъ въ Гентѣ. Слышишь? Только это, — ни больше ни меньше. Чортъ возьми! Продавецъ чулокъ — развѣ имъ этого мало? Да самъ эрцгерцогъ не разъ искалъ свою перчатку въ моихъ чулкахъ!

Раздался взрывъ хохота и загремѣли рукоплесканія. Въ Парижѣ сейчасъ же поймутъ шутку и оцѣнятъ ее по достоинству.

Да къ тому же Копеноль былъ изъ народа, какъ и вся публика въ залѣ. Благодаря этому, сближеніе между нимъ и зрителями произошло необыкновенно быстро и какъ-то сразу. Гордая выходка фламандца, оскорбивъ придворныхъ, пробудила въ душѣ всѣхъ плебеевъ чувство собственнаго достоинства, еще смутное и неопредѣленное въ XV вѣкѣ. Этотъ Копеноль, равный имъ по происхожденію, не уступилъ кардиналу. И это было очень пріятно жалкимъ бѣднякамъ, привыкшимъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ и покорностью даже къ слугамъ сержанта бальи аббатства св. Женевьевы, потому что этотъ бальи былъ шлейфоносцемъ кардинала.

Копеноль гордо поклонился кардиналу, и тотъ отвѣтилъ на поклонъ всемогущаго горожанина, котораго боялся даже Людовикъ XI. Гильомъ Римъ, этотъ „умный и хитрый человѣкъ", по выраженію Филиппа Комина, съ насмѣшливой улыбкой слѣдилъ за ними глазами въ то время, какъ они возвращались на свои мѣста. Кардиналъ казался смущеннымъ и озабоченнымъ; Копеноль смотрѣлъ спокойно и гордо. Онъ, навѣрное, раздумывалъ теперь о томъ, что его званіе торговца стоитъ всякаго другого и что Марія Бургундская, мать той самой Маргариты, которую онъ выдавалъ теперь замужъ, гораздо меньше боялась бы его, если бы онъ былъ кардиналомъ, а не торговцемъ.

Кардиналъ не возмутилъ бы горожанъ Гента противъ фаворитовъ дочери Карла Смѣлаго, не сумѣлъ бы однимъ словомъ укрѣпить ихъ въ принятомъ намѣреніи, несмотря на ея просьбы и слезы, несмотря

на то, что она пришла къ самому подножію эшафота и умоляла свой народъ пощадить ихъ. А ему, продавцу чулокъ, стоило только махнуть рукой и слетѣли головы двухъ свѣтлѣйшихъ сановниковъ, Гюи Эмберкура и канцлера Вильгельма Гугоне.

Между тѣмъ, кардинала ждала еще одна непріятность. Онъ попалъ въ общество неблаговоспитанныхъ людей и ему пришлось испить до дна чашу горечи.

Читатель, можетъ-быть, не забылъ дерзкаго нищаго, который еще въ началѣ пролога вскарабкался до самой балюстрады кардинальской эстрады. Прибытіе высокихъ посѣтителей не заставило Клопена спуститься внизъ, и въ то время, какъ прелаты и посланники, набившись на эстраду, какъ настоящія фламандскія сельди въ боченокъ, усаживались на свои мѣста, онъ преспокойно скрестилъ ноги на карнизѣ. Сначала никто не замѣтилъ этой дерзости, такъ какъ всѣ были заняты другимъ. А Клопенъ, съ своей стороны, не обращалъ никакого вниманія на то, что дѣлалось въ залѣ. Онъ съ беззаботностью неаполитанца покачивалъ головою и, время отъ времени, несмотря на шумъ, начиналъ машинально тянуть: „Подайте, Христа ради!“ И, безъ всякаго сомнѣнія, только онъ одинъ изъ всего собранія не удостоилъ повернуть голову, когда Копеноль заспорилъ со слугой. Гентскій горожанинъ, уже успѣвшій заслужить сочувствіе всей залы, прошелъ въ первый рядъ и случайно сѣлъ какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пріютился Клопенъ. Каково же было удивленіе публики, когда фламандскій посолъ, пристально взглянувъ на нищаго, дружески хлопнулъ его по плечу. Клопенъ обернулся, съ изумленіемъ взглянулъ на посла и, повидимому, узналъ его, такъ какъ лица ихъ обоихъ просвѣтлѣли. Потомъ, не обращая никакого вниманія на устремленные на нихъ со всѣхъ сторонъ взгляды, Копеноль и Клопенъ начали тихонько разговаривать, держа другъ друга за руки, при чемъ оборванный и грязный рукавъ нищаго на обтянутой золотой парчей эстрадѣ казался гусеницей, вползшей на апельсинъ.

Эта неожиданная сцена вызвала такой смѣхъ и такое безумное веселье въ публикѣ, что кардиналъ не могъ не замѣтить этого. Онъ наклонился, но такъ какъ съ его мѣста были только чуть-чуть видны лохмотья Труйльфу, то ему естественно пришло въ голову, что нищій выпрашиваетъ милостыню.

— Господинъ дворцовый бальи! — воскликнулъ онъ, возмущенный такой наглостью.— Велите бросить этого негодяя въ рѣку!

— Помилосердуйте, ваше преосвященство! — сказалъ Копеноль, не выпуская руки Клопена.— Это мой другъ!

— Браво! браво! — закричала толпа.

Съ этой минуты метръ Копенноль сталъ такъ же популяренъ въ Парижѣ, какъ и въ Гентѣ.

Кардиналъ закусилъ губу, и, наклонившись къ своему сосѣду, аббату св. Женевьевы, вполголоса сказалъ:

— Какихъ удивительныхъ пословъ отправилъ къ намъ эрцгерцогъ, чтобы возвѣстить о прибытіи принцессы Маргариты.

— Вы, ваше преосвященство, слишкомъ любезны съ этими фламандскими свиньями. Margaritas ante porcos.

— А не лучше ли такъ: Porcos ante Margaritam, — съ улыбкой сказалъ кардиналъ.

Весь маленькій дворъ прелатовъ пришелъ въ восторгъ отъ такой игры словъ. Это нѣсколько утѣшило кардинала. Онъ сквитался съ Копненолемъ — его шутка произвела такой же эффектъ.

Теперь мы позволимъ себѣ спросить тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые умѣютъ обобщать образы и идеи, вполнѣ ли ясно представляютъ они себѣ, какой видъ имѣлъ громадный параллелограмъ залы въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь?

Посреди западной стѣны возвышается великолѣпная обтянутая золотой парчей эстрада; чрезъ маленькую стрѣльчатую дверь на нее входятъ одинъ за другимъ важные посѣтители, о которыхъ докладываетъ рѣзкимъ голосомъ привратникъ. На переднихъ скамьяхъ уже размѣстились разодѣтые въ шелкъ и бархатъ послы. На этой эстрадѣ все тихо и благоприлично. А по обѣ ея стороны и прямо передъ ней шумитъ и волнуется внизу громадная толпа. Тысячи глазъ устремлены на каждаго входящаго на эстраду, тысячи устъ повторяютъ шопотомъ его имя. Зрѣлище, дѣйствительно, очень любопытное и вполнѣ заслуживаетъ вниманія публики. Но что же это тамъ, въ самомъ концѣ залы? Что это за подмостки, на которыхъ кривляются четыре пестро одѣтыя фигуры? Кто этотъ блѣдный человѣкъ въ потертой одеждѣ, стоящій около подмостковъ? Увы, любезный читатель,—это Пьеръ Гренгуаръ и его прологъ.

Мы совсѣмъ было забыли о немъ.

А именно этого-то онъ и боялся.

Съ той минуты, какъ на эстраду вошелъ кардиналъ, Гренгуаръ не переставалъ мучиться за судьбу своего пролога. Увидавъ, что актеры нерѣшительно остановились, онъ велѣлъ имъ продолжать и говорить громче; потомъ, видя, что никто не слушаетъ, остановилъ ихъ и въ продолженіе четверти часа, пока продолжался перерывъ, метался изъ стороны въ сторону, топалъ ногами, обращался къ Жискетѣ и Ліенардѣ и убѣждалъ своихъ сосѣдей требовать продолженія пролога. Но все было тщетно. Всѣ, не отрывая глазъ, смотрѣли на кардинала, посланниковъ и эстраду. Полагаемъ даже — съ сожалѣніемъ говоримъ это — что прологъ успѣлъ уже порядочно надоѣсть публикѣ къ тому времени, какъ его прервалъ кардиналъ. Да къ тому же и на эстрадѣ и на мраморномъ столѣ разыгрывалось одно и то же — борьба между Крестьянствомъ и Духовенствомъ, Купечествомъ и Дворянствомъ. И большинству было гораздо пріятнѣе смотрѣть на ту сцену, гдѣ это столкновеніе между сословіями происходило на самомъ дѣлѣ, гдѣ дѣйствовали и боролись настоящіе представители этихъ сословій: фламандскіе послы, духовный штатъ кардинала, самъ кардиналъ въ своей мантіи и Копненоль въ своей курткѣ. Да, они представляли несравненно большій интересъ, чѣмъ нарумяненные, говорящіе стихами актеры въ бѣлыхъ и желтыхъ туникахъ, въ которыя нарядилъ ихъ Гренгуаръ.

Однако, къ тому времени, какъ шумъ немножко стихъ, нашъ поэтъ придумалъ средство, которое, по его мнѣнію, могло спасти все.

— Какъ вы думаете,— обратился онъ къ одному изъ своихъ сосѣдей, толстяку съ добродушнымъ лицомъ, — не пора ли намъ опять начать?

— Что?

— Что? Да, конечно, мистерію.

— Какъ знаете,— отвѣчалъ сосѣдъ.

Этого далеко не полнаго одобренія оказалось вполнѣ достаточно для Гренгуара. Онъ вмѣшался въ толпу и началъ кричать какъ можно громче:

— Начинайте мистерію сначала! Начинайте сначала!

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Жанъ де Молендино. — Съ чего это они такъ разорались на томъ концѣ? (Гренгуаръ шумѣлъ и кричалъ за четверыхъ). Послушайте, братцы, вѣдь мистерія кончена? А они хотятъ начинать ее сначала. Это несправедливо!

— Несправедливо! Несправедливо! — закричали схолары. — Долой мистерію!

Но Гренгуаръ не сдался и началъ кричать еще громче на разные голоса.

— Начинайте! Начинайте.

Эти крики обратили на себя вниманіе кардинала.

— Господинъ дворцовый бальи,— обратился онъ къ высокому человѣку въ черной одеждѣ, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.— Съ какой стати эти бездѣльники подняли такой шумъ?

Дворцовый бальи принадлежалъ, если можно такъ выразиться, къ отряду земноводныхъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ летучей мыши судебнаго сословія, не то крысой, не то птицей, судьей и вмѣстѣ съ тѣмъ солдатомъ.

Онъ подошелъ къ кардиналу и, хотя сильно боясь возбудить его неудовольствіе и заикаясь отъ страха, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Полдень наступилъ до прибытія его преосвященства, народъ началъ волноваться и требовать, чтобы начинали представленіе, а потому актеры вынуждены были начать, не дожидаясь его преосвященства.

Кардиналъ расхохотался.

— Клянусь честью,— воскликнулъ онъ,— что и ректору университета не мѣшало бы поступить также. Какъ вы полагаете, метръ Гильомъ Римъ?

— Ваше преосвященство, — отвѣчалъ Римъ, — будемъ довольны и тѣмъ, что избавились хоть отъ половины комедіи. Во всякомъ случаѣ, мы остались въ выигрышѣ.

— Дозволитъ ли ваше преосвященство продолжать представленіе? — спросилъ бальи.

— Продолжайте, продолжайте — мнѣ все равно. Я пока почитаю мой требникъ.

Бальи подошелъ къ краю эстрады и, махнувъ рукою, чтобы замолчали, закричалъ:

— Горожане, крестьяне и жители новыхъ городовъ! Чтобы удовлетворить тѣхъ, кто желаетъ слушать мораль съ самаго начала и тѣхъ, кто не желаетъ слушать ее совсѣмъ, его преосвященство приказываетъ продолжать представленіе.

Обѣ стороны принуждены были покориться. Но ни авторъ ни публика не были довольны рѣшеніемъ кардинала и долго не могли простить ему этого.

Итакъ, актеры снова принялись декламировать стихи, и Гренгуаръ надѣялся, что хоть конецъ его произведенія будетъ выслушанъ внимательно. Но эта надежда обманула его, какъ и всякія другія иллюзіи. Тишина, дѣйствительно, мало-по-малу водворилась въ залѣ, но Гренгу-

аръ не замѣтилъ, что эстрада была далеко не полна въ ту минуту, какъ кардиналъ велѣлъ продолжать представленіе и что на нее стали входить послѣ фламандскихъ пословъ еще новыя лица. Слуга принялся докладывать о нихъ, и выкликаемые его пронзительнымъ голосомъ имена и титулы новоприбывшихъ примѣшивались совсѣмъ некстати къ діалогу актеровъ. Пусть читатель представитъ себѣ, что во время театральнаго представленія раздаются между двумя стихами и даже полустишіями такіе возгласы:

— Метръ Жакъ Шармолю, королевскій прокуроръ духовнаго суда!

— Жеганъ де Гарлэ, начальникъ ночной стражи города Парижа!

— Мессиръ Галіо де Женуалакъ, рыцарь!

— Сеньоръ де Бриссакъ, начальникъ королевской артиллеріи!

— Метръ Дрэ-Рагье, инспекторъ королевскихъ лѣсовъ, водъ и земель во Франціи, Шампани и Бри!

— Мессиръ Луи де Гравиль, рыцарь, совѣтникъ и камергеръ короля, адмиралъ Франціи, завѣдующій Венсенскимъ лѣсомъ!

— Мессиръ Дени ле Мерсье, начальникъ дома слѣпыхъ въ Парижѣ!
И т. д. и т. д.

Это становилось невыносимо.

Этотъ странный аккомпаниментъ, изъ-за котораго не было никакой возможности слѣдить за ходомъ пьесы, тѣмъ болѣе возмущалъ Гренгуара, что интересъ его мистеріи, какъ онъ ясно сознавалъ, шелъ, все увеличиваясь, и его произведенію недоставало лишь одного — вниманія слушателей.

И, дѣйствительно, трудно было представить себѣ болѣе остроумный и драматическій сюжетъ. Четыре дѣйствующія лица пролога разливались въ жалобахъ на свое затруднительное положеніе, какъ вдругъ сама Венера, vera incessu patuit dea, въ красивой одеждѣ съ гербомъ Парижа, предстала передъ ними. Она пришла за дельфиномъ, который былъ обѣщанъ прекраснѣйшей изъ женщинъ. Юпитеръ, громы котораго гремѣли въ уборной, очевидно, настаивалъ на исполненіи ея требованія, и богиня уже готова была завладѣть дельфиномъ, или иначе говоря выйти замужъ за дофина, когда совсѣмъ молоденькая дѣвушка въ бѣломъ шелковомъ платьѣ и съ маргариткой въ рукѣ (прозрачный намекъ на Маргариту Фландрскую) явилась оспаривать его у Венеры. Поразительный театральный эффектъ, сразу измѣнившій все. Послѣ долгаго состязанія Венера, Маргарита и всѣ остальныя рѣшили обратиться къ суду Дѣвы Маріи. Въ пьесѣ была еще одна прекрасная роль — короля Мессопотаміи, дона Педро. Но, вслѣдствіе постоянныхъ перерывовъ, трудно было сообразить, зачѣмъ собственно понадобился этотъ король, и всѣ дѣйствующія лица карабкались на сцену по лѣстницѣ?!

Но, къ сожалѣнію, публика не поняла и не оцѣнила ни одной изъ этихъ красотъ пьесы. Казалось, съ прибытіемъ кардинала какая-то невидимая волшебная нить притянула всѣ взоры отъ мраморнаго стола къ эстрадѣ, отъ южной стѣны залы — къ западной. И ничто не могло разрушить очарованія. Всѣ глаза были устремлены на эстраду и вновь прибывающія лица, ихъ проклятыя имена, ихъ наружность и костюмы служили предметомъ постояннаго развлеченія для публики и отвлекали ее отъ пьесы. Это было ужасно! Кромѣ Жискеты и Ліенарды, которыя на минуту оборачивались къ сценѣ, когда Гренгуаръ начиналъ дергать ихъ за платья, и терпѣливаго толстяка, его сосѣда, положительно

никто не слушалъ и не смотрѣлъ на представленіе бѣдной, покинутой морали. И каждый разъ, какъ Гренгуаръ оборачивался, чтобы взглянуть на зрителей, онъ видѣлъ одни только профили.

Съ какой горечью смотрѣлъ онъ, какъ рушится мало-по-малу возведенное имъ зданіе поэзіи и славы! Рушится изъ-за невниманія тѣхъ самыхъ людей, которые желали услыхать его произведеніе такъ нетерпѣливо, что начали даже угрожать бальи. А теперь, когда желаніе ихъ исполнилось, они не обращаютъ никакого вниманія на пьесу, которая началась при такихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ. Вѣчный приливъ и отливъ народнаго расположенія! И подумать только, что эта же самая толпа чуть не повѣсила сержантовъ бальи! О, какъ ему хотѣлось бы пережить опять эти чудныя минуты!

Наконецъ, привратникъ пересталъ выкрикивать имена посѣтителей. Всѣ уже собрались, и Гренгуаръ могъ, наконецъ, свободно вздохнуть. Актеры тоже ободрились и все шло прекрасно, какъ вдругъ, къ величайшему ужасу нашего поэта, Копеноль всталъ и среди всеобщаго вниманія публики произнесъ такую возмутительную рѣчь:

— Господа горожане и дворяне парижскіе! Клянусь Богомъ, я не понимаю, что мы дѣлаемъ здѣсь. Я вижу вонъ въ томъ углу, на подмосткахъ, какихъ-то людей, которые какъ будто собираются драться. Не знаю, можетъ-быть, это и называется по-вашему мистеріей, но помоему тутъ нѣтъ ничего забавнаго. Они только ссорятся и больше ничего. Вотъ уже четверть часа какъ я жду перваго удара, а они все не начинаютъ драться. Это просто трусы — они бьютъ другъ друга не кулаками, а словами. Вамъ слѣдовало бы послать за бойцами въ Лондонъ или Роттердамъ. Они показали бы вамъ, какъ слѣдуетъ драться,— даже на площади услыхали бы ихъ удары. А эти актеры какіе-то жалкіе. Хоть бы они проплясали мавританскій танецъ или придумали еще что-нибудь забавное! Да, это совсѣмъ не то, чего я ожидалъ. Мнѣ сказали, что здѣсь будетъ праздникъ шутовъ, и станутъ выбирать папу. У насъ въ Гентѣ тоже выбираютъ папу шутовъ, — въ этомъ мы не отстали отъ другихъ. Вотъ какъ это бываетъ у насъ: мы собираемся цѣлой толпой, какъ и вы здѣсь. Потомъ каждый по очереди просовываетъ голову въ какое-нибудь отверстіе и дѣлаетъ самую ужасную гримасу, какую только можетъ. И тотъ, чья гримаса выйдетъ, по мнѣнію публики, страшнѣе всѣхъ остальныхъ, выбирается папой. Это очень забавно. Хотите выбрать сегодня папу по-нашему? Ручаюсь, что это, во всякомъ случаѣ, будетъ веселѣе, чѣмъ слушать этихъ болтуновъ. Если они хотятъ, мы, пожалуй, примемъ въ игру и ихъ. Что вы скажете на это, господа горожане? Здѣсь, въ залѣ, найдется достаточно безобразныхъ лицъ и у мужчинъ и у женщинъ. Значитъ, есть надежда, что мы увидимъ много самыхъ ужасныхъ гримасъ и повеселимся, какъ настоящіе фламандцы.

Гренгуаръ хотѣлъ было возразить на эту рѣчь, но отъ изумленія, негодованія и гнѣва не могъ произнести ни слова. Къ тому же предложеніе Копеноля было съ такимъ восторгомъ принято горожанами, польщенными титуломъ „дворянъ“, что нечего было и думать о сопротивленіи. Оставалось только отдаться теченію. И бѣдный Гренгуаръ закрылъ лицо руками, — у него, къ сожалѣнію, не было плаща, который онъ могъ бы набросить себѣ на голову, какъ Агамемнонъ.

V.

Квазимодо.

Въ одно мгновеніе все было приготовлено, чтобы привести въ исполненіе поданную Коппенолемъ мысль. Горожане, схолары, клерки — всѣ принялись за работу. Гримасы рѣшили дѣлать въ маленькой капеллѣ, занимавшей конецъ залы, напротивъ мраморнаго стола. Въ хорошенькой розеткѣ надъ входомъ выбили одно стекло, такъ что образовалось круглое отверстіе, въ которое конкуренты должны были просовывать голову. Для того, чтобы добраться до него, стоило только вскарабкаться на двѣ бочки, которыя гдѣ-то добыли и кое-какъ примостили одна на другую. Было условлено, чтобы каждый кандидатъ въ папы, будь то мужчина или женщина (папа могъ быть и женскаго пола), ждалъ въ капеллѣ, закрывъ лицо, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ его очередь показываться въ отверстіе. Это было сдѣлано для того, чтобы никто не подражалъ другъ другу и самъ придумывалъ свою гримасу. Въ одну минуту капелла наполнилась конкурентами, и дверь затворилась за ними.

Коппеноль съ своего мѣста отдавалъ приказанія, распоряжался всѣмъ, устраивалъ все. Въ залѣ поднялся страшный шумъ и суетня. Кардиналъ, возмущенный всѣмъ этимъ не меньше Гренгуара, сославшись на неотложныя дѣла и вечернюю службу, поспѣшилъ уйти вмѣстѣ съ своей свитой. И вся эта толпа, которую такъ взволновало его прибытіе, теперь даже не видала его ухода. Одинъ только Гильомъ Римъ замѣтилъ бѣгство его преосвященства.

Вниманіе народа отвлеклось въ другую сторону; оно въ этотъ день обращалось кругомъ залы, какъ солнце кругомъ земли. Сначала оно было устремлено на одинъ конецъ залы, потомъ перешло на средину, а оттуда на другой конецъ. Мраморный столъ и парчевая эстрада уже получили свою долю, — наступила очередь капеллы Людовика XI. Теперь открывалось широкое поле для всякихъ безумствъ: въ залѣ остались только фламандцы и народъ.

Начались гримасы. Первая показавшаяся въ отверстіе физіономія съ вывернутыми вѣками, разинутымъ, точно пасть, ртомъ и лбомъ, собраннымъ въ складки, какъ гусарскіе сапоги временъ Имперіи, — возбудила такой неудержимый хохотъ, что Гомеръ, навѣрное, принялъ бы этихъ крестьянъ и горожанъ за боговъ. Между тѣмъ, большая зала ничуть не походила на Олимпъ, и бѣдный Юпитеръ—Гренгуаръ зналъ это лучше всякаго другого. За первою страшной рожей появилась другая, потомъ третья, а хохотъ и восхищеніе толпы все увеличивались. Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то безумное, какое-то могучее упоеніе и очарованіе, о которомъ трудно составить понятіе читателю нашего времени. Вообразите себѣ, что передъ вами проходитъ цѣлая серія лицъ, представляющихъ изъ себя всѣ геометрическія фигуры, отъ треугольника до трапеціи и отъ конуса до многогранника; всѣ выраженія человѣческихъ лицъ, отъ гнѣва до сладострастія; всѣ возрасты, отъ морщинъ новорожденнаго до морщинъ умирающей старухи; всѣ религіозныя фантасмагоріи, отъ Фавна до Вельзевула; всѣ профили живот-

ныхъ, отъ пасти до клюва, отъ кабаньей головы до мордочки лисицы. Представьте себѣ, что всѣ чудовищныя изваянія Новаго моста, эти превращенные въ камень кошмары, вдругъ ожили и устремили на васъ свои сверкающіе глаза, — вообразите себѣ, что передъ вами проходятъ всѣ маски венеціанскаго карнавала, весь человѣческій калейдоскопъ,— и вы составите себѣ хоть нѣкоторое понятіе о томъ, что происходило въ большой залѣ.

Оргія становилась чисто фламандской. Самъ Теньеръ не могъ бы дать о ней вполнѣ яснаго понятія. Это была превращенная въ вакханалію битва Сальватора Розы. Въ залѣ не было теперь ни схоларовъ, ни пословъ, ни горожанъ, ни мужчинъ, ни женщинъ, ни Клопена Труйльфу, ни Жилля Лекорню, ни Робина Пуспена. Все перемѣшалось, все исчезло въ этой общей распущенности. Большая зала превратилась какъ бы въ громадную печь безстыдства и безумнаго веселья, гдѣ каждый ротъ издавалъ крикъ, каждое лицо дѣлало гримасу, каждая фигура принимала странную позу. И все это ревѣло и выло. Странныя лица, которыя одно за другимъ показывались въ отверстіе розетки, были какъ бы пылающими головнями, бросаемыми въ горящій костеръ. И изъ всей этой буйной толпы вырывался, какъ паръ изъ громадной печи, рѣзкій, пронзительный гулъ:

— Взгляни-ка на эту рожу!

— Ну, она ничего не стоитъ.

— А вотъ и другая!

— Гильомета Можерпюи, видишь эту бычачью морду? Ей не хватаетъ только роговъ. Не твой ли это мужъ?

— Подавай новую!

— Смотрите, смотрите — это что за гримаса?

— Эй! Плутовать не позволяется. Можно показывать только лицо.

— Это, навѣрное, проклятая Перетта Кальботъ. Она способна на все.

— Браво! Браво!

— Я задыхаюсь!

— А у этого уши не могутъ пролѣзть!

И т. д. и т. д.

Нужно отдать справедливость нашему другу Жану. Среди этого шабаша онъ продолжалъ сидѣть на верхушкѣ своей колонны, какъ юнга на мачтѣ. Онъ бѣсновался, какъ безумный. Ротъ его былъ широко открытъ, и изъ него вырывался крикъ, который не былъ слышенъ не потому, что его заглушалъ общій шумъ, а, вѣроятно, потому, что онъ былъ слишкомъ высокъ и недоступенъ человѣческому уху. Совёръ полагаетъ, что это бываетъ при 12.000 колебаніяхъ, а Біо — при 8.000.

Что же касается до Гренгуара, то послѣ первой минуты оцѣпенѣнія, онъ пришелъ въ себя и, вооружившись твердостью, рѣшилъ не поддаваться.

— Продолжайте! — въ третій разъ сказалъ онъ своимъ говорящимъ машинамъ-актерамъ и принялся ходить большими шагами около мраморнаго стола.

Минутами ему приходило въ голову подойти, въ свою очередь, къ розеткѣ капеллы, хоть бы для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе состроить гримасу этому неблагодарному народу. Но онъ отгонялъ отъ себя эту мысль.

„Нѣтъ, — думалъ онъ, — такая месть недостойна меня. Будемъ бороться до конца. Поэзія обладаетъ могущественнымъ вліяніемъ на народъ. Я заставлю эту толпу вернуться ко мнѣ. Посмотримъ, что одержитъ верхъ, — гримасы или поэзія!“

Увы! Онъ остался единственнымъ зрителемъ своей пьесы.

Теперь, оборачиваясь взглянуть на публику, онъ видѣлъ даже не профили, а одни только затылки.

Впрочемъ, я ошибаюсь. Лицо терпѣливаго толстяка, съ которымъ Гренгуаръ совѣтовался въ критическую минуту, было обращено къ сценѣ. Что же касается до Ліенарды и Жискеты, то онѣ уже давно исчезли.

Гренгуаръ былъ тронутъ до глубины души такой вѣрностью своего единственнаго слушателя. Онъ подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ, сначала подергавъ его за руку, такъ какъ этотъ честный человѣкъ облокотился на балюстраду и, какъ кажется, немножко вздремнулъ.

— Благодарю васъ, сударь, — сказалъ Гренгуаръ.

— За что же? — спросилъ толстякъ, зѣвая.

— Я вижу, что вамъ надоѣлъ этотъ страшный шумъ, — онъ мѣшаетъ вамъ слушать пьесу. Но будьте спокойны: — ваше имя перейдетъ въ потомство. Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ?

— Рено Шато, хранитель печати въ парижскомъ судѣ, къ вашимъ услугамъ.

— Вы здѣсь единственный представитель музъ, — сказалъ Гренгуаръ.

— Вы слишкомъ любезны, сударь, — отвѣтилъ Рено Шато.

— Одинъ только вы слушали пьесу, какъ слѣдуетъ, — продолжалъ Гренгауръ. — Какъ вы ее находите?

— Гм! Гм! Она, право же, довольно забавна, — отвѣтилъ толстякъ, уже совсѣмъ проснувшись.

Гренгуару пришлось удовольствоваться этой похвалой, такъ какъ громъ рукоплесканій и оглушительные крики прервали ихъ разговоръ. Папа шутовъ былъ выбранъ.

— Браво! Браво! Браво! — ревѣла толпа.

И дѣйствительно, трудно было придумать что-нибудь великолѣпнѣе той гримасы, которая виднѣлась въ настоящую минуту въ отверстіи розетки. Послѣ всѣхъ этихъ пяти и шести-угольныхъ безобразныхъ рожъ, которыя выглядывали оттуда, не достигая идеала уродливости, сложившагося въ разгоряченномъ оргіей воображеніи зрителей, — только такая необыкновенная, по своему безобразію, гримаса могла прельстить толпу и привести ее въ восторгъ. Самъ метръ Коппеноль аплодировалъ и даже бывшій въ числѣ конкурентовъ Клопенъ Труйльфу — а онъ былъ настолько безобразенъ, что могъ состроить ужаснѣйшую гримасу, — призналъ себя побѣжденнымъ. Такъ же поступимъ и мы. Мы не беремся дать читателю понятія объ этомъ лицѣ съ четверогранымъ носомъ, ртомъ въ видѣ подковы и раздвоеннымъ подбородкомъ. Надъ маленькимъ, въ видѣ сумочки, лѣвымъ глазомъ этого урода нависла щетинистая рыжая бровь, тогда какъ правый глазъ совсѣмъ исчезалъ подъ громадной бородавкой; поломанные зубы были зазубрены, какъ зубцы на крѣпостной стѣнѣ, а одинъ изъ нихъ выступалъ изъ-за растрескавшихся губъ, какъ клыкъ слона. Но еще труднѣе передать выраженіе этого ужаснаго лица — какую-то смѣсь злости, изумленія и грусти. А теперь представьте себѣ, если можете, это чудовище.

Публика единодушно привѣтствовала его восторженными криками. Всѣ бросились къ капеллѣ и съ торжествомъ вывели оттуда папу шутовъ. Но тутъ изумленіе и восторгъ толпы дошли до крайнихъ предѣловъ: то, что она приняла за гримасу, было настоящее лицо новаго папы.

Или вѣрнѣе, вся его фигура представляла изъ себя гримасу. Огромная голова съ щетинистыми рыжими волосами; громадный горбъ на

Квазимодо.

спинѣ и поменьше на груди; страшно искривленныя ноги, которыя могли соприкасаться только колѣнками и имѣли видъ двухъ серповъ, приложенныхъ выпуклостями одинъ къ другому; громадныя ступни, чудовищныя руки—и при всемъ этомъ безобразіи что-то грозное, могучее и смѣлое во всей фигурѣ, представлявшее странное исключеніе изъ общепринятаго правила, требующаго, чтобы сила, какъ и красота, вытекала изъ гармоніи, — вотъ каковъ былъ папа шутовъ.

Онъ казался разбитымъ и затѣмъ кое-какъ спаяннымъ великаномъ.

Когда этотъ циклопъ показался на порогѣ капеллы — коренастый, почти одинаковый въ ширину и высоту, въ камзолѣ, наполовину

красномъ, наполовину фіолетовомъ, затканномъ серебряными колоколенками,—толпа по этому камзолу, а въ особенности по необыкновенному безобразію новаго папы тотчасъ же узнала его.

— Это Квазимодо, звонарь! — Это Квазимодо кривой! — Квазимодо горбунъ, изъ Собора Богоматери!—Квазимодо кривоногій! Браво! Браво!

У бѣдняка не было, какъ видно, недостатка въ прозвищахъ.

— Берегитесь, беременныя женщины! — закричали схолары.

— Или тѣ, которыя желаютъ забеременѣть,—прибавилъ Жеганъ.

Женщины, дѣйствительно, закрыли лицо руками.

— Господа, какая отвратительная обезьяна! — воскликнула одна изъ нихъ.

— И онъ настолько же золъ, насколько безобразенъ, — подхватила другая.

— Это самъ дьяволъ! — прибавила третья.

— Я, къ несчастью, живу возлѣ самаго Собора Богоматери и слышу, какъ онъ каждую ночь шатается по крышѣ.

— Вмѣстѣ съ кошками.

— Да, онъ всегда шляется по нашимъ крышамъ.

— И напускаетъ на насъ порчу черезъ дымовыя трубы.

— Какъ-то вечеромъ онъ заглянулъ ко мнѣ въ окно. Я приняла его за мужчину и ужасно перепугалась.

— Я увѣрена, что онъ ѣздитъ на шабашъ. Разъ онъ забылъ свою метлу около моего дома.

— Безобразный горбунъ!

— Отвратительный злюка!

— Тфу!

Зато мужчины смотрѣли на горбуна съ восхищеніемъ и восторженно рукоплескали ему.

А Квазимодо, предметъ всей этой суматохи, продолжалъ стоять неподвижно около двери капеллы, серьезный и мрачный, позволяя любоваться собой.

Робинъ Пуспенъ подошелъ слишкомъ близко къ нему и засмѣялся ему въ лицо. Квазимодо, не говоря ни слова, схватилъ его за поясъ и отшвырнулъ шаговъ на десять въ толпу.

Метръ Копеноль, восхищенный такой выходкой, приблизился къ нему.

— Клянусь Богомъ, никогда въ жизни не видалъ я такого великолѣпнаго безобразія!—воскликнулъ онъ.—Тебя стоило бы сдѣлать папой не только въ Парижѣ, но и въ Римѣ.

И, сказавъ это, онъ положилъ ему руку на плечо.

Квазимодо не шевельнулся.

— Ты какъ разъ такой человѣкъ, съ которымъ я былъ бы не прочь покутить, — продолжалъ Копеноль. — И кутежъ будетъ на славу, — я не пожалѣю денегъ. Что ты на это скажешь?

Квазимодо молчалъ.

— Господи, помилуй!—воскликнулъ Копеноль.—Развѣ ты глухъ?

Квазимодо былъ дѣйствительно глухъ.

Между тѣмъ, любезности Копеноля начали, повидимому, надоѣдать горбуну. Онъ вдругъ повернулся къ нему и такъ грозно заскрежеталъ зубами, что богатырь-фламандецъ попятился, какъ бульдогъ передъ кошкой.

Толпа тоже отступила, такъ что около Квазимодо образовалось пустое пространство въ видѣ круга, радіусъ котораго былъ не меньше пятнадцати шаговъ. А за этимъ кругомъ стояли любопытные, съ уваженіемъ и страхомъ смотря на горбуна.

Какая-то старуха объяснила Коппенолю, что Квазимодо глухъ.

— Глухъ!— повторилъ, громко расхохотавшись фламандецъ. — Клянусь Богомъ, лучше этого папы и не придумаешь!

Онъ такъ заскрежеталъ зубами, что богатырь-фламандецъ попятился.

— А, вотъ это кто! — воскликнулъ Жанъ, спустившись, наконецъ, съ своего карниза, чтобы взглянуть на папу поближе. — Это звонарь моего брата, архидіакона. Здравствуй, Квазимодо!

— Этакій дьяволъ! — сказалъ Робинъ Пуспенъ, еще не успѣвшій оправиться отъ смущенія послѣ своего паденія. — Поглядишь на него, — оказывается, что онъ горбунъ; пойдетъ онъ, — видишь, что онъ кривоногій; посмотришь, — кривой; заговоришь съ нимъ, — онъ глухъ. Но почему же онъ молчитъ? Куда дѣвалъ свой языкъ этотъ Полифемъ?

— Онъ говоритъ, когда захочетъ, — сказала старуха. — Онъ оглохъ отъ звона колоколовъ. Онъ не нѣмой.

— Только этого ему и не хватаетъ, — замѣтилъ Жанъ.

— Да еще одинъ глазъ у него лишній,—прибавилъ Робинъ Пуспенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — вполнѣ основательно возразилъ Жанъ. — Кривому еще хуже, чѣмъ слѣпому: онъ знаетъ, чего онъ лишенъ.

Налюбовавшись на Квазимодо, нищіе, слуги и воры-карманники отправились вмѣстѣ со схоларами за картонной тіарой и шутовской мантіей папы шутовъ, которыя хранились въ шкафу судебныхъ писцовъ. Квазимодо безпрекословно, съ какой-то горделивой покорностью позволилъ одѣть себя и посадить на пестрыя носилки, которыя подняли на плечи двѣнадцать человѣкъ изъ братства шутовъ. И выраженіе горькой и презрительной радости освѣтило мрачное лицо циклопа, когда онъ увидалъ подъ своими уродливыми ногами головы всѣхъ этихъ красивыхъ, прямыхъ, стройныхъ людей. Потомъ шумная, оборванная толпа двинулась процессіей, чтобы, по принятому обычаю, обойти сначала всѣ внутреннія галлереи дворца, и затѣмъ уже совершить прогулку по городскимъ улицамъ.

VI.

Эсмеральда.

Съ величайшимъ удовольствіемъ можемъ объявить нашимъ читателямъ, что въ продолженіе всей этой сцены Гренгуаръ твердо держался разъ принятаго рѣшенія, и его пьеса шла своимъ чередомъ. Актеры, которыхъ онъ то и дѣло понукалъ, не умолкая декламировали стихи, а онъ не переставалъ ихъ слушать. Не обращая вниманія на шумъ, онъ рѣшилъ итти до конца, все еще не теряя надежды привлечь вниманіе публики. Эта надежда оживилась, когда Квазимодо, Копеноль и буйная свита папы шутовъ съ оглушительнымъ шумомъ вышли изъ залы и толпа бросилась за ними.

„Отлично, — подумалъ Гренгуаръ, — теперь всѣ крикуны ушли!“

Къ сожалѣнію, „крикунами“ оказалась вся публика, и зала въ одно мгновеніе опустѣла.

Собственно говоря, въ ней еще осталось нѣсколько зрителей. Это были старики, женщины и дѣти, которыхъ уже успѣлъ утомить весь этотъ шумъ и гамъ. Кромѣ того, нѣсколько схоларовъ сидѣли верхомъ на подоконникѣ и глядѣли на площадь.

„Ну, что же? — подумалъ Гренгуаръ, — и этихъ достаточно, чтобы выслушать конецъ моей мистеріи. Правда, ихъ мало, но зато это самая избранная, самая образованная публика“.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ замѣтилъ, что музыканты, которые при появленіи Пресвятой Дѣвы должны были заиграть симфонію — что несомнѣнно произвело бы большой эффектъ,— почему-то молчатъ. Оказалось, что музыканты исчезли, — ихъ увлекла свита папы шутовъ.

— Обойдемся безъ музыки, — стоически сказалъ Гренгуаръ.

Онъ подошелъ къ кучкѣ горожанъ, говорившихъ, какъ ему показалось, о его пьесѣ. Вотъ отрывокъ ихъ разговора, который онъ услыхалъ:

— Знаете вы, метръ Шенето, Наваррскій отель, принадлежавшій г. де Немуру?

— Знаю, это напротивъ Бракской часовни.

— Ну, такъ казна отдала его внаймы Гильому Александру за шесть ливровъ восемь су въ годъ.

— Господи, какъ наемная плата-то повышается!

„Увы! — со вздохомъ подумалъ Гренгуаръ. — Но, навѣрное, другіе слушаютъ внимательно мою пьесу“.

— Товарищи! — крикнулъ вдругъ одинъ изъ схоларовъ, сидѣвшихъ на окнѣ. — Эсмеральда! Эсмеральда на площади!

Это имя произвело какое-то магическое дѣйствіе на оставшихся въ залѣ зрителей. Всѣ они бросились къ окнамъ, чтобы увидать ее. „Эсмеральда! Эсмеральда!“ слышалось со всѣхъ сторонъ.

Въ то же время на площади раздался взрывъ рукоплесканій.

„Что это еще за Эсмеральда? — подумалъ Гренгуаръ, съ отчаяніемъ сжимая руки. — Ахъ, Господи! Теперь, какъ видно, пришла очередь оконъ“.

Онъ обернулся къ мраморному столу и увидалъ, что представленіе было прервано. Наступила какъ разъ та минута, когда долженъ былъ явиться Юпитеръ съ своей молніей. А между тѣмъ, Юпитеръ стоялъ неподвижно внизу, около уборной.

— Мишель Жиборнъ! — воскликнулъ разсвирѣпѣвшій поэтъ. — Что ты дѣлаешь тамъ? Забылъ ты, что ли, свою роль? Выходи скорѣе на сцену!

— Увы! — сказалъ Юпитеръ. — Какой-то схоларъ унесъ лѣстницу.

Гренгуаръ взглянулъ на то мѣсто, гдѣ она стояла, — тамъ, дѣйствительно, не было ничего. Всякое сообщеніе между завязкой и развязкой его пьесы было прервано.

— Негодяй! — пробормоталъ онъ, — зачѣмъ же взялъ онъ лѣстницу?

— Чтобы посмотрѣть на Эсмеральду, — жалобно проговорилъ Юпитеръ. — Онъ сказалъ: „Вотъ лѣстница, которая ни къ чему не нужна!“ и утащилъ ее.

Это былъ послѣдній ударъ; Гренгуаръ безропотно вынесъ его.

— Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ! — крикнулъ онъ комедіантамъ. — Если заплатятъ мнѣ, и я заплачу вамъ.

И онъ ушелъ, понуривъ голову, но ушелъ послѣдній, послѣ всѣхъ, какъ храбро сражавшійся генералъ, покидающій поле битвы.

— Что за буйное сборище ословъ и дураковъ эти парижане! — ворчалъ онъ сквозь зубы, сходя внизъ по извилистымъ лѣстницамъ дворца. — Они приходятъ слушать мистерію и не слушаютъ ее! Они занимались всѣмъ на свѣтѣ — Клопеномъ Труйльфу, кардиналомъ, Копенолемъ, Квазимодо, чортомъ и дьяволомъ, но только не моей пьесой! Знай я это, я задалъ бы вамъ такую мистерію, болваны! А я? Вмѣсто того, чтобы видѣть лица зрителей, я видѣлъ однѣ только спины! Я — поэтъ — провалился, какъ какой-нибудь аптекарь! Положимъ, Гомеръ просилъ милостыню въ греческихъ поселкахъ, а Овидій Назонъ умеръ въ изгнаніи, у московитовъ... Пусть дьяволъ сдеретъ съ меня кожу, если я понимаю, что хотѣли они сказать своей Эсмеральдой, и что это за слово? Оно, какъ будто — египетское.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Сцилла и Харибда.

Въ январѣ смеркается рано. На улицахъ было уже почти совсѣмъ темно, когда Гренгуаръ вышелъ изъ дворца. Эта темнота пришлась ему по душѣ. Ему хотѣлось уйти въ какую-нибудь пустынную улицу и поразмыслить тамъ на свободѣ: философъ долженъ былъ наложить первую повязку на рану поэта. Да и философія была теперь его единственнымъ прибѣжищемъ, такъ какъ онъ даже не зналъ, гдѣ проведетъ ночь. Послѣ такого блистательнаго провала своей пьесы онъ не рѣшался вернуться въ помѣщеніе, которое занималъ въ Житной улицѣ, напротивъ Сѣнного склада. Онъ за цѣлые полгода задолжалъ своему хозяину, метру Гильому Ду-Сиру, и разсчитывалъ, расплатиться съ нимъ деньгами, которыя надѣялся получить за свою пьесу отъ г. прево. А долгъ былъ большой — цѣлыхъ двѣнадцать су, ровно въ двѣнадцать разъ больше всего его имущества, со включеніемъ рубашки, шапки и панталонъ.

Нѣсколько минутъ стоялъ онъ около маленькой тюремной калитки, находившейся въ завѣдываніи казначея капеллы, раздумывая о томъ, гдѣ бы провести ночь. Наконецъ, онъ припомнилъ, что на прошлой недѣлѣ, проходя по Башмачной улицѣ, видѣлъ около дома одного парламентскаго совѣтника каменную приступку, устроенную для того, чтобы было удобнѣе садиться на мула. Онъ тогда же подумалъ, что эта приступка могла бы, при случаѣ, служить отличной подушкой нищему или поэту. Возблагодаривъ Провидѣніе, пославшее ему такую счастливую мысль, Гренгуаръ рѣшилъ отправиться туда. Для этого ему нужно было пересѣчь Дворцовую площадь и углубиться въ извилистый лабиринтъ старинныхъ улицъ, — Бочарной, Суконной, Башмачной, Еврейской и т. д., которыя еще и до сихъ поръ существуютъ съ своими девятиэтажными домами. Но только что ступилъ онъ на площадь, какъ туда хлынула процессія папы шутовъ. Она только что вышла изъ дворца и съ оглушительными криками, зажженными факелами и музыкой неслась прямо на Гренгуара. Онъ не въ силахъ былъ вынести этого зрѣлища и поспѣшилъ удалиться. Съ болью сознавалъ онъ свою неудачу на театральномъ поприщѣ, и все, напоминавшее ему о праздникѣ, раздражало его и растравляло его рану.

Онъ направился къ мосту Сенъ-Мишель, — тамъ бѣгали дѣти съ горящими факелами и ракетами.

— Чтобы чортъ побралъ всѣ эти ракеты! — сказалъ про себя Гренгуаръ и повернулъ къ мосту Шанжъ. У входа на мостъ на домахъ были вывѣшены три флага съ нарисованными на нихъ изображеніями короля, дофина и Маргариты Фландрской и шесть маленькихъ флаговъ съ портретами герцога Австрійскаго, кардинала Бурбонскаго, синьора де Божэ, Жанны Французской и еще кого-то. Все это было освѣщено факелами. Толпа стояла и любовалась.

— Какой счастливчикъ этотъ живописецъ Жеганъ Фурбо! — съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Гренгуаръ и повернулся спиной къ флагамъ. Прямо передъ нимъ была улица, такая темная и пустынная, что тамъ,—какъ онъ надѣялся,—ему, наконецъ, удастся укрыться отъ всѣхъ отголосковъ и отблесковъ праздника. Гренгуаръ вошелъ въ нее; черезъ нѣсколько минутъ нога его запнулась за что-то, — онъ пошатнулся и упалъ. Это былъ „май", который корпорація парламентскихъ клерковъ поставила съ утра около двери президента парламента въ честь этого торжественнаго дня.

Гренгуаръ геройски перенесъ эту новую непріятность. Онъ всталъ и пошелъ по берегу рѣки. Пройдя мимо гражданской и уголовной палатъ Парламента и высокихъ стѣнъ королевскихъ садовъ, по немощеному берегу, гдѣ грязь доходила ему до ладыжекъ, онъ дошелъ до западной оконечности Ситэ. Тутъ онъ остановился и нѣсколько времени смотрѣлъ на Пастушій островокъ, который въ настоящее время исчезъ подъ бронзовымъ конемъ Новаго Моста. Островокъ этотъ, отдѣлявшійся отъ Гренгуара узкой полоской воды, казался ему въ темнотѣ какой-то черной массой. На немъ блестѣлъ огонекъ, при мерцающемъ свѣтѣ котораго смутно выдѣлялась хижина въ формѣ улья, гдѣ пастухъ проводилъ ночь.

„Счастливый пастухъ! — подумалъ Гренгуаръ. — Ты не мечтаешь о славѣ и не пишешь мистерій. Что тебѣ до королей, которые женятся, и до герцогинь Бургундскихъ! Ты знаешь только однѣ маргаритки — тѣ, которыя цвѣтутъ въ апрѣлѣ на лугу, гдѣ пасутся твои коровы. А я, поэтъ, униженъ и осмѣянъ! Я дрожу отъ холода, я долженъ двѣнадцать су, а подошвы моихъ башмаковъ такъ проносились, что могли бы служить стеклами для твоего фонаря. Спасибо тебѣ, пастухъ! Смотря на твою хижину, я успокаиваюсь и забываю Парижъ".

Страшный трескъ двойной петарды, внезапно вылетѣвшей изъ счастливой хижины, грубо нарушилъ охватившее поэта восторженное настроеніе. Пастухъ, какъ видно, не хотѣлъ отстать отъ другихъ и пускалъ фейерверкъ. Гренгуаръ вздрогнулъ, услыхавъ трескъ петарды, и морозъ пробѣжалъ у него по тѣлу.

— Проклятый праздникъ!—воскликнулъ онъ.—Неужели ты будешь всюду преслѣдовать меня? О, Господи! Отъ него нельзя избавиться даже здѣсь, около хижины пастуха!

Онъ взглянулъ на Сену, протекавшую у него подъ ногами, и страшное искушеніе овладѣло имъ.

— Ахъ, какъ охотно бы я утопился!—воскликнулъ онъ, — если бы вода не была такъ холодна!

Въ виду этого, онъ принялъ другое, не менѣе отчаянное рѣшеніе. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности скрыться отъ процессіи папы шутовъ, отъ флаговъ Жегана Фурбо, отъ „мая", ракетъ и петардъ,

то ужъ лучше смѣло ринуться въ самый центръ увеселеній и отправиться на Гревскую площадь.

„Тамъ я хоть немножко погрѣюсь около костра, — думалъ онъ, — и поужинаю крошками отъ трехъ огромныхъ сахарныхъ щитовъ съ королевскими гербами, выставленныхъ надъ городскимъ общественнымъ буфетомъ“.

II.

Гревская площадь.

Въ настоящее время трудно составить себѣ понятіе о томъ, какова была Гревская площадь въ XV вѣкѣ. Какъ слѣдъ прошлаго, на ней осталась только одна прелестная башенка, занимающая ея сѣверный уголъ. Да и она уже не та, что была прежде. Ея чудныя скульптурныя украшенія грубо замазаны штукатуркой—и очень возможно, что башня эта въ недалекомъ будущемъ совсѣмъ исчезнетъ за массой новыхъ домовъ, которые такъ быстро вырастаютъ, отнимая у насъ старинныя зданія Парижа.

Люди, которые, подобно намъ, не могутъ пройти по Гревской площади, не бросивъ взгляда сожалѣнія и сочувствія на эту бѣдную башенку, стиснутую между двумя некрасивыми домами временъ Людовика XV, легко возсоздадутъ въ своемъ воображеніи общій видъ зданій, къ которымъ она принадлежала, и такимъ образомъ ясно представятъ себѣ старую готическую площадь XV вѣка.

Она, какъ и теперь, имѣла форму неправильной трапеціи; по одной сторонѣ ея шла набережная, а по тремъ остальнымъ тянулись ряды высокихъ, узкихъ, мрачныхъ домовъ. Днемъ можно было любоваться разнообразіемъ этихъ почти сплошь покрытыхъ рѣзьбою по дереву или камню зданій, которыя могли служить вполнѣ точными образцами различныхъ средневѣковыхъ стилей отъ XI до XV вѣка. Тутъ можно было увидать и прямоугольныя окна, замѣнившія стрѣльчатыя, и полукруглыя окна чисто романскаго стиля, которыя были вытѣснены стрѣльчатыми. Окна этого романскаго стиля были во всемъ нижнемъ этажѣ башни Роланда, стоявшей на углу набережной, около Кожевенной улицы.

Ночью изъ всей этой массы зданій можно было различить лишь остроконечныя верхушки крышъ, которыя рядомъ черныхъ зубцовъ вырѣзывались на небѣ. Одно изъ самыхъ главныхъ различій между теперешними и прежними городами состоитъ въ томъ, что въ настоящее время дома строются фасадомъ на улицу, тогда какъ прежде они стояли къ ней бокомъ. Прошло уже два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ дома повернулись къ улицѣ.

На восточной сторонѣ площади возвышалось тяжелое зданіе смѣшаннаго стиля, состоящее изъ трехъ помѣщеній. У него было три различныхъ названія, объясняющія его исторію, назначеніе и архитектуру. Оно называлась „Домомъ дофина“, потому что дофинъ Карлъ V жилъ здѣсь; „Домомъ Торговли“, такъ какъ здѣсь былъ городской магистратъ, и „Домомъ съ колоннами“ (domus ad piloria), потому что рядъ толстыхъ колоннъ поддерживалъ его три этажа.

Здѣсь можно было найти все, что требуется для такого большого города, какъ Парижъ: капеллу для тѣхъ, кто хотѣлъ помолиться; залу,

куда собирались для совѣщаній по дѣламъ, и арсеналъ, полный огнестрѣльнаго оружія. Парижане прекрасно понимали, что однѣми просьбами далеко не всегда можно добиться какихъ-нибудь льготъ для города, и потому у нихъ на всякій случай былъ сложенъ на чердакѣ порядочный запасъ ржавыхъ мушкетовъ.

Что-то зловѣщее было въ томъ впечатлѣніи, которое производила тогда Гревская площадь. Впрочемъ, почти такое же впечатлѣніе производитъ она и теперь, благодаря тяжелымъ воспоминаніямъ, которыя пробуждаются при ея видѣ и благодаря мрачному Hôtel de Ville Доминика Бокадора, замѣнившему „Домъ съ колоннами“. Къ тому же висѣлица и позорный столбъ — „правосудіе и лѣстница“, какъ говорили тогда,— всегда стоявшіе рядышкомъ посреди площади, заставляли невольно отвращать глаза отъ этого страшнаго мѣста, гдѣ погибло столько полныхъ жизни и здоровья людей и гдѣ, спустя полвѣка, появилась особая ужасная болѣзнь, „лихорадка св. Вальера“, вызываемая страхомъ передъ эшафотомъ,—самая чудовищная изъ всѣхъ болѣзней, такъ какъ она исходитъ не отъ Бога, а отъ человѣка.

Утѣшительно думать, что смертная казнь, загромождавшая триста лѣтъ тому назадъ своими желѣзными колесами, каменными висѣлицами и разными орудіями пытки Гревскую и Рыночную площади, перекрестокъ Трауаръ, площадь Дофина, Свиной рынокъ, ужасный Монфоконъ, заставу Сержантовъ, Кошачью площадь, ворота Сенъ-Дени, Шампо, ворота Бодэ и Сенъ-Жакъ, не считая безчисленныхъ висѣлицъ прево, епископовъ, аббатовъ и пріоровъ, которымъ было предоставлено право суда,—не считая тѣхъ несчастныхъ, которыхъ, по судебнымъ приговорамъ, топили въ Сенѣ, — утѣшительно думать, что въ настоящее время эта старая сюзеренка феодальныхъ временъ потеряла свою прежнюю власть. Она мало-по-малу принуждена была сложить оружіе, отказаться отъ утонченныхъ мученій, развращавшихъ воображеніе и фантазію, и отъ пытокъ, для которыхъ передѣлывали каждыя пять лѣтъ кожаную постель въ тюрьмѣ при уголовномъ судѣ. И такимъ образомъ смертная казнь совсѣмъ почти исчезла изъ нашихъ законовъ и городовъ. Ее преслѣдовали шагъ за шагомъ, прогоняли съ мѣста на мѣсто, и теперь у нея во всемъ громадномъ Парижѣ остался лишь одинъ опозоренный уголокъ на Гревской площади, одна жалкая, робкая гильотина, которая какъ будто боится, что ее застанутъ на мѣстѣ преступленія, и которая мгновенно исчезаетъ, нанеся свой ударъ.

III.

BESOS PARA GOLPES.

Къ тому времени какъ Пьеръ Гренгуаръ дошелъ до Гревской площади, онъ успѣлъ совсѣмъ окоченѣть отъ холода. Чтобы избѣжать толпы на мосту Шанжъ и флаговъ Жегана Фурбо, онъ свернулъ на Мельничный мостъ. Но по пути вертѣвшіяся колеса всѣхъ мельницъ епископа такъ забрызгали его водою, что платье его совсѣмъ промокло. Къ тому же онъ чувствовалъ, что послѣ провала своей пьесы онъ сталъ какъ будто еще болѣе зябокъ. А потому онъ быстро направился къ срединѣ площади, гдѣ горѣлъ громадный костеръ; но, къ сожалѣнію, толпа окружала его сплошнымъ кольцомъ.

— Проклятые парижане! — сказалъ про себя Гренгуаръ, который, какъ настоящій драматическій поэтъ, чувствовалъ пристрастіе къ монологамъ. — Проклятые парижане! Теперь они загораживаютъ мнѣ огонь. А какъ бы мнѣ нужно было погрѣться и пообсушиться. Мои башмаки промокли, а эти отвратительныя мельницы окатили меня съ ногъ до головы водой! Чтобы чортъ побралъ парижскаго епископа со всѣми его мельницами! Интересно бы знать, къ чему епископу мельницы? Или ему хочется изъ епископа сдѣлаться мельникомъ? Если для этого нужно только мое проклятіе, то я съ удовольствіемъ прокляну и его самого и его мельницы!.. А эти зѣваки и не думаютъ расходиться! И что̀, спрашивается, они тамъ дѣлаютъ? Грѣются,—вотъ такъ удовольствіе! Смотрятъ, какъ горитъ сотня полѣньевъ, — есть чѣмъ любоваться!

Однако, подойдя поближе, Гренгуаръ замѣтилъ, что народъ собрался тутъ не для того, чтобы любоваться на горящія дрова и грѣться около королевскаго костра.

Въ довольно большомъ пустомъ пространствѣ между толпой и костромъ танцовала молодая дѣвушка.

Несмотря на весь свой скептицизмъ, какъ философа, и всю свою иронію, какъ поэта, Гренгуаръ въ первую минуту не могъ рѣшить, была ли эта молодая дѣвушка человѣческимъ существомъ или феей, или ангеломъ, — до такой степени былъ онъ очарованъ ослѣпительнымъ видѣніемъ.

Она была невысока ростомъ, но тонкая фигурка ея была такъ стройна. что она казалась высокой. Она была брюнетка, и днемъ кожа ея, какъ нетрудно было догадаться, имѣла тотъ чудный золотистый оттѣнокъ, который свойственъ андалузкамъ и римлянкамъ. Ея маленькія ножки такъ легко и свободно двигались въ хорошенькихъ узкихъ башмачкахъ. что тоже казались ножками андалузки. Молодая дѣвушка танцовала, вертѣлась, кружилась на небрежно брошенномъ на землю старомъ персидскомъ коврѣ—и каждый разъ, какъ она повертывалась и ея сіяющее лицо мелькало передъ вами, она обжигала васъ, какъ молніей, взглядомъ своихъ большихъ черныхъ глазъ.

Всѣ взгляды были обращены на нее, всѣ рты полуоткрыты. Она танцовала съ тамбуриномъ, поднимая его надъ головой своими нѣжными, точно выточенными руками. Тоненькая, легкая и подвижная, какъ оса, въ золотистомъ корсажѣ, плотно облегающемъ талію, пестрой, развѣвающейся юбкѣ, иногда открывавшей ея стройныя ножки, съ обнаженными плечами, черными волосами и сверкающими глазами — она, дѣйствительно, казалась какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ.

„Это саламандра, — думалъ Гренгуаръ, — это нимфа, богиня, вакханка!“

Въ эту минуту одна изъ косъ „саламандры“ расплелась и мѣдная монета, которая была привязана къ ней, упала и покатилась по землѣ.

— Господи, да это цыганка! — воскликнулъ Гренгуаръ.

И вся иллюзія сразу исчезла.

А молодая дѣвушка снова принялась танцовать. Поднявъ съ земли двѣ шпаги и приложивъ ихъ остріемъ ко лбу, она начала вертѣть ихъ въ одну сторону, а сама стала кружиться въ другую. Да, она была простая цыганка. Но какъ ни велико было разочарованіе Гренгуара,

онъ не могъ не поддаться очарованію этого зрѣлища, въ которомъ было что-то волшебное. Яркокрасное пламя костра освѣщало эту картину. Оно дрожало на лицахъ зрителей, на смугломъ лбу молодой дѣвушки и отбрасывале слабый отблескъ въ глубину площади, на старый, почернѣвшій фосадъ „Дома съ колоннами" съ одной стороны и на каменные столбы висѣлицы — съ другой.

Среди множества лицъ, освѣщенныхъ краснымъ пламенемъ костра, особенно выдѣлялось суровое, спокойное и мрачное лицо одного человѣка, поглощеннаго больше всѣхъ остальныхъ созерцаніемъ танцовщицы.

Человѣку этому, одежду котораго нельзя было разсмотрѣть за окружавшей его толпой, казалось на видъ не больше тридцати пяти лѣтъ. А между тѣмъ, онъ былъ лысъ и только нѣсколько прядей жидкихъ и уже сѣдѣющихъ волосъ остались у него на вискахъ. Его высокій и широкій лобъ былъ изрѣзанъ морщинами, но впалые глаза сверкали пыломъ молодости, жаждой жизни и глубокой страстью. Онъ не спускалъ ихъ съ цыганки, и въ то время, какъ эта беззаботная шестнадцатилѣтняя дѣвушка танцовала и порхала, возбуждая восторгъ толпы, его мысли становились, казалось, все мрачнѣе. Время отъ времени онъ тяжело вздыхалъ, и въ то же время улыбка мелькала у него на губахъ, но эта улыбка была еще печальнѣе вздоха.

Наконецъ, запыхавшаяся молодая дѣвушка остановилась, и толпа осыпала ее рукоплесканіями.

— Джали! — позвала цыганка.

Тутъ только увидалъ Гренгуаръ хорошенькую бѣлую козочку съ глянцовитой шерстью, позолоченными рожками и копытцами и въ золоченомъ ошейникѣ. До сихъ поръ она лежала на уголкѣ ковра, смотря, какъ танцуетъ цыганка, и онъ не замѣтилъ ея.

— Теперь твоя очередь, Джали, — сказала танцовщица.

Она сѣла и граціозно протянувъ козочкѣ свой тамбуринъ, спросила:

— Какой теперь мѣсяцъ, Джали?

Козочка подняла переднюю ногу и ударила по тамбурину одинъ разъ.

Былъ, дѣйствительно, январь. Толпа зааплодировала.

— Джали, — спросила молодая дѣвушка, перевернувъ тамбуринъ на другую сторону, — какое у насъ число?

Джали подняла свое позолоченное копытце и ударила имъ по тамбурину шесть разъ.

— Джали, — продолжала цыганка, снова перевернувъ тамбуринъ, — который теперь часъ?

Козочка ударила по тамбурину семь разъ. Въ ту же минуту на часахъ „Дома съ колоннами" пробило семь часовъ.

Народъ былъ въ восторгѣ.

— Это колдовство! — сказалъ зловѣщій голосъ въ толпѣ.

Это говорилъ лысый человѣкъ, не спускавшій глазъ съ цыганки.

Она вздрогнула и обернулась. Но въ ту же минуту раздался громъ рукоплесканій, заглушившій эти ужасныя слова и изгладившій изъ памяти молодой дѣвушки произведенное ими тяжелое впечатлѣніе.

— Джали, — обратилась она опять къ своей козочкѣ, — покажи, какъ ходитъ метръ Гишаръ Гранъ-Реми, капитанъ городской стражи, во время крестнаго хода на Срѣтеніе?

Джали поднялась на заднія ноги и заблеяла, переступая съ такой уморительной важностью, что вся толпа разразилась громкимъ хохотомъ при этой пародіи на корыстную набожность капитана.

— Джали, — продолжала цыганка, ободренная все возраставшимъ успѣхомъ, — представь, какъ говоритъ рѣчь метръ Жакъ Шармолю, королевскій прокуроръ духовнаго суда?

Козочка сѣла и заблеяла, размахивая передними ножками, при чемъ по ея позѣ и жестамъ сейчасъ же можно было узнать метра Жака Шармолю. Для полнаго сходства недоставало только плохого французскаго языка и такой же плохой латыни.

Толпа разразилась восторженными рукоплесканіями.

— Это святотатство! Профанація! — снова раздался голосъ лысаго человѣка.

Цыганка опять обернулась.

— Ахъ, это тотъ противный человѣкъ! — прошептала она и, вытянувъ впередъ нижнюю губку, сдѣлала гримаску, которая, повидимому, вошла у нея въ привычку. Потомъ она повернулась на каблучкахъ и, взявъ въ руки тамбуринъ, пошла собирать приношенія зрителей.

Крупныя и мелкія серебряныя монеты и ліарды сыпались градомъ. Когда она проходила мимо Гренгуара, онъ необдуманно опустилъ руку въ карманъ, и молодая дѣвушка остановилась передъ нимъ.

— Чортъ возьми! — пробормоталъ поэтъ, найдя въ своемъ карманѣ дѣйствительность то-есть пустоту.

А цыганка продолжала стоять, смотря на него своими большими глазами и протягивая ему тамбуринъ. Потъ крупными каплями выступилъ на лбу Гренгуара.

Если бы у него въ карманѣ лежало все золото Перу, онъ не задумавшись отдалъ бы его танцовщицѣ. Но никакихъ золотыхъ розсыпей Перу не было у Гренгуара, да и Америка въ то время еще не была открыта.

Счастливая случайность помогла ему.

— Скоро ли ты уберешься отсюда, египетская саранча! — крикнулъ рѣзкій голосъ изъ самаго темнаго уголка площади.

Молодая дѣвушка испуганно обернулась. Это говорилъ уже не лысый человѣкъ; это былъ голосъ женщины, — злой, сварливый голосъ.

Но восклицаніе, такъ напугавшее цыганку, доставило большое удовольствіе бѣгавшимъ по площади дѣтямъ.

— Это затворница башни Роланда! — со смѣхомъ закричали они. — Это она бранится! Должно-быть, она не ужинала. Пойдемъ въ городской буфетъ и принесемъ ей какихъ-нибудь объѣдковъ!

И они побѣжали къ „Дому съ колоннами“.

Между тѣмъ, Гренгуаръ, воспользовавшись смущеніемъ танцовщицы, обратился въ постыдное бѣгство. Слова дѣтей напомнили ему, что онъ не ужиналъ, и онъ тоже поспѣшно направился къ буфету. Но у ребятишекъ ноги были проворнѣе, чѣмъ у него, и, когда онъ пришелъ, они уже успѣли очистить столъ. На немъ не осталось рѣшительно ничего. Только нѣжныя лиліи и розы, переплетаясь между собою, красовались на стѣнахъ, расписанныхъ въ 1435 году Матьё Битерномъ. Но такой ужинъ не могъ, конечно, насытить нашего поэта.

Непріятно ложиться спать безъ ужина. Но еще непріятнѣе остаться безъ ужина и не имѣть уголка, гдѣ бы можно было заснуть. Гренгуаръ

находился какъ разъ въ такомъ положеніи,—у него не было ни хлѣба ни пристанища. Горькая нужда тѣснила его со всѣхъ сторонъ, и онъ находилъ ее черезчуръ суровой. Давно уже открылъ онъ ту истину, что Юпитеръ создалъ людей въ припадкѣ мизантропіи и что мудрецу приходится всю жизнь бороться съ судьбою, которая держитъ какъ бы въ осадѣ его философію. Что касается до него самого, то никогда еще, казалось ему, эта осада не доходила до такой крайней степени. Желудокъ его билъ тревогу, и онъ находилъ, что со стороны злой судьбы не честно смирять его философію голодомъ и такимъ образомъ домогаться побѣды.

Погрузившись въ эти грустныя размышленія, онъ глубоко задумался, какъ вдругъ странное, но необыкновенно нѣжное пѣніе вывело его изъ задумчивости. Это пѣла молодая цыганка.

Про голосъ ея можно было сказать то же, что про ея танцы и красоту. Въ немъ было что-то неизъяснимое и прелестное, что-то чистое, воздушное и, такъ сказать, окрыленное. Голосъ этотъ то повышался, то понижался; чудныя мелодіи смѣнялись неожиданными переходами; простыя музыкальныя фразы перемежались съ рѣзкими, звонкими нотами; рулады, способныя сбить съ толку соловья, но всегда полныя гармоніи, переходили въ мягкіе переливы октавъ, то поднимаясь, то опускаясь, какъ грудь самой молодой пѣвицы.

На ея прелестномъ лицѣ съ необыкновенной быстротой смѣнялось выраженіе, передавая всѣ оттѣнки ея капризной пѣсенки—отъ страстнаго вдохновенія до самаго чистаго, цѣломудреннаго величія. Она казалась то безумной, то королевой.

Она пѣла на неизвѣстномъ Гренгуару языкѣ. Казалось, онъ былъ незнакомъ и самой пѣвицѣ, такъ какъ выраженіе, которое она придавала пѣнію, часто совсѣмъ не подходило къ словамъ. Безумнымъ весельемъ звучали въ ея устахъ эти четыре стиха:

Подъ зелеными волнами
Отыскали дивный кладъ:
Пики, копья съ знаменами
И чудовищъ длинный рядъ...

А минуту спустя, когда она пѣла:

На прекрасныхъ коняхъ
Въ золотыхъ чапракахъ,
Неподвижно Арабы сидятъ:
Держатъ сабли, въ рукахъ,
На шелковыхъ снурахъ
У нихъ ружья стальныя висятъ...

У Гренгуара навернулись на глазахъ слезы отъ грустнаго тона, который она придала этимъ словамъ.

Но чаще всего въ ея пѣніи звучала жизнерадостность: она пѣла весело и беззаботно, какъ птичка.

Пѣсня цыганки вывела Гренгуара изъ задумчивости. Онъ слушалъ съ восхищеніемъ, забывъ обо всемъ на свѣтѣ. Послѣ долгихъ, тяжелыхъ часовъ въ первый разъ вздохнулъ онъ свободно и не чувствовалъ страданія.

Но это продолжалось не долго.

Голосъ той же старухи, которая прервала танецъ цыганки, теперь прервалъ ея пѣніе.

— Замолчишь ли ты, чортова стрекоза? — крикнула она изъ своего темнаго угла.

Бѣдная стрекоза сразу умолкла, а Гренгуаръ заткнулъ себѣ уши.

— Ахъ, эта проклятая зазубренная пила разбила лиру! — воскликнулъ онъ.

Въ толпѣ тоже послышался ропотъ.

— Къ чорту затворницу! — крикнулъ кто-то.

И невидимая старуха, нарушавшая общее веселье, могла бы дорого поплатиться за свои нападки на цыганку, если бы вниманіе толпы не было въ эту минуту отвлечено процессіей папы шутовъ. Она уже обошла улицы и перекрестки и теперь хлынула на Гревскую площадь со всѣми своими факелами и шумомъ.

Эта процессія, о которой читатель составилъ себѣ нѣкоторое понятіе, когда она выходила изъ дворца, успѣла организоваться во время пути и забрала съ собой по дорогѣ всѣхъ парижскихъ мошенниковъ, воровъ и бродягъ. Такимъ образомъ, у нея былъ вполнѣ представительный видъ, когда она явилась на Гревскую площадь.

Впереди шествовало цыганское царство. Во главѣ его ѣхалъ верхомъ герцогъ цыганскій со своими графами, которые шли рядомъ съ нимъ, ведя за поводъ его коня и придерживая стремена; позади нихъ двигалась безпорядочная толпа цыганъ и цыганокъ съ маленькими плачущими дѣтьми за плечами. Всѣ они — герцогъ, графы и простой народъ были въ лохмотьяхъ и мишурныхъ украшеніяхъ.

Затѣмъ, слѣдовало королевство „арго“, то-есть всѣ воры Франціи. Они были раздѣлены, смотря по рангамъ, на нѣсколько отрядовъ. Мелкіе воришки шли впереди, за ними, по четыре въ рядъ, слѣдовали остальные, со знаками ученыхъ степеней, въ которыя ихъ возвелъ этотъ странный факультетъ. Тутъ были хромые, однорукіе, карлики, слѣпые, кривые, эпилептики, разслабленные, сироты, плуты, лицемѣры и множество другихъ. Посреди святошей и плутовъ ѣхалъ король „арго“, высокій человѣкъ, сидѣвшій на корточкахъ въ маленькой телѣжкѣ, которую везли двѣ большія собаки.

Потомъ шло царство галилейское. Впереди бѣжали шуты, которые дрались между собою и выплясывали пиррическій танецъ, а за ними важно выступалъ Гильомъ Руссо, царь галилейскій, въ пурпурной, залитой виномъ мантіи, окруженный своими жезлоносцами, совѣтниками и писцами счетной палаты.

Шествіе замыкала корпорація судебныхъ писцовъ въ черныхъ мантіяхъ, съ украшенными цвѣтами „маями“, достойной шабаша музыкой и толстыми желтыми восковыми свѣчами. Посреди этой толпы высшіе члены братства шутовъ несли на плечахъ носилки, на которыхъ было налѣплено больше свѣчей, чѣмъ на ракѣ св. Женевьевы во время чумы. А на этихъ носилкахъ сидѣлъ сіяющій, облаченный въ мантію, въ митрѣ и съ посохомъ въ рукахъ новый папа шутовъ — звонарь Собора Богоматери, Квазимодо-горбунъ.

У каждаго отдѣленія этой шутовской процессіи была своя музыка. Цыгане били въ тамбурины и балафосы. Народъ „арго“, далеко не музыкальный, все еще придерживался віолы, пастушьяго рожка и еще какихъ-то инструментовъ XII столѣтія. Царство галилейское стояло по части музыки почти на такомъ же уровнѣ. Положимъ, въ его оркестрѣ слышались звуки гудка, но это былъ жалкій старинный гудокъ, всего

въ нѣсколько нотъ. Зато около папы шутовъ звучали и гремѣли въ дикой какофоніи всѣ лучшіе музыкальные инструменты той эпохи. Тутъ были уже новые гудки, отдѣльные — для верхнихъ, среднихъ и нижнихъ регистровъ, было много флейтъ и мѣдныхъ инструментовъ. Увы! Какъ извѣстно читателю, это былъ оркестръ Гренгуара.

Трудно представить себѣ, до какой степени измѣнилось безобразное и грустное лицо Квазимодо съ тѣхъ поръ, какъ процессія выступила изъ дворца и добралась до Гревской площади. Теперь это лицо просвѣтлѣло, озаренное выраженіемъ гордости и блаженства. Первый разъ во всю свою жизнь испыталъ Квазимодо чувство удовлетвореннаго самолюбія. До сихъ поръ онъ не зналъ ничего, кромѣ униженій; всѣ относились къ нему съ презрѣніемъ въ виду его низкаго положенія, всѣ съ отвращеніемъ смотрѣли на его фигуру и лицо. А потому, несмотря на свою глухоту, онъ наслаждался, какъ настоящій папа, восторженными криками толпы, которую ненавидѣлъ за ненависть къ себѣ. Положимъ, народъ его состоялъ изъ всякаго сброда—изъ воровъ, шутовъ, нищихъ и калѣкъ, — но что изъ этого? Все же это былъ народъ, а онъ его властелинъ. И онъ принималъ за правду ироническія рукоплесканія и насмѣшливые знаки уваженія, хотя, нужно сознаться, что къ чувствамъ толпы примѣшивалась также и немалая доля страха. Горбунъ былъ силенъ, кривоногій былъ ловокъ, глухой былъ золъ — три качества, умѣряющія насмѣшки.

Но едва ли новый папа шутовъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ чувствахъ, которыя онъ возбуждалъ, и тѣхъ, которыя испытывалъ самъ. Умъ, обитавшій въ этомъ уродливомъ тѣлѣ, тоже не могъ развиться какъ слѣдуетъ, не могъ разсуждать здраво и дѣлать точные выводы. А потому Квазимодо лишь смутно и неопредѣленно сознавалъ то, что самъ онъ чувствовалъ въ эту минуту. Только радость охватывала его все сьилнѣе, только гордость преобладала надъ всѣмъ. Вокругъ этого уродливаго, жалкаго лица было точно сіяніе.

Въ ту минуту какъ опьяненнаго величіемъ Квазимодо торжественно несли мимо „Дома съ колоннами“, какой-то человѣкъ, къ изумленію и ужасу толпы, вдругъ бросился къ нему и гнѣвнымъ движеніемъ вырвалъ у него изъ рукъ деревянный позолоченный посохъ, знакъ его папскаго достоинства.

Этотъ смѣльчакъ былъ тотъ самый лысый незнакомецъ, который, нѣсколько времени тому назадъ, стоя въ толпѣ, окружавшей цыганку, испугалъ молодую дѣвушку своими угрожающими, полными ненависти словами. На немъ была одежда духовнаго лица. Въ ту минуту, какъ онъ бросился къ Квазимодо, Гренгуаръ, до сихъ поръ не видавшій его, вскрикнулъ отъ удивленія.

— Господи! — пробормоталъ онъ.— Да это мой учитель герметики, архидіаконъ Клодъ Фролло! Что ему нужно отъ этого кривого? Вѣдь, тотъ разорветъ его!

И дѣйствительно, Квазимодо въ ярости соскочилъ съ носилокъ. Раздался крикъ ужаса, и женщины отвернулись, чтобы не видать убійства.

Горбунъ бросился къ Клоду Фролло, взглянулъ на него и палъ на колѣни.

Архидіаконъ сорвалъ съ него тіару, сломалъ его посохъ и разорвалъ его мишурную мантію.

Квазимодо продолжалъ стоять на колѣняхъ, опустивъ голову и сложивъ руки.

Потомъ между ними начался странный разговоръ на языкѣ знаковъ и жестовъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не произносилъ ни слова. Архидіаконъ стоялъ, гнѣвный, въ угрожающей, повелительной позѣ; Квазимодо склонялся къ его ногамъ, смиренный, умоляющій. А между тѣмъ, онъ могъ бы однимъ пальцемъ уничтожить Клода Фролло, — въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Наконецъ, архидіаконъ, сжавъ могучее плечо Квазимодо, знакомъ велѣлъ ему встать и слѣдовать за собою.

Горбунъ всталъ.

Тогда братство шутовъ, немножко опомнившись отъ изумленія, рѣшило защищать своего такъ грубо свергнутаго папу Цыгане, воры и писцы съ криками окружили архидіакона.

Квазимодо заслонилъ его собою, сжалъ свои страшные кулаки и, оглядѣвъ толпу, заскрежеталъ зубами, какъ разъяренный тигръ.

Архидіаконъ, лицо котораго приняло свое обычное спокойное и строгое выраженіе, сдѣлалъ ему знакъ и молча удалился.

Горбунъ пошелъ впереди его, расталкивая народъ на его пути.

Когда они выбрались изъ толпы и пересѣкли площадь, множество любопытныхъ двинулось за ними. Тогда Квазимодо занялъ мѣсто въ арьергардѣ и, обернувшись къ нимъ лицомъ, пошелъ за архидіакономъ задомъ. Угрюмый, коренастый, всклокоченный, чудовищный — онъ какъ-то подбирался весь, точно готовясь къ прыжку, облизывалъ свои кабаньи клыки, ворчалъ, какъ дикій звѣрь, и однимъ взглядомъ или жестомъ заставлялъ толпу отпрядывать въ сторону.

Наконецъ, они оба вошли въ узкую, темную улицу, и никто не рѣшился слѣдовать за ними, — одна мысль о страшномъ, скрежещущемъ зубами Квазимодо преграждала туда путь.

— Вотъ такъ чудеса! — сказалъ Гренгуаръ. — Но гдѣ же, чортъ возьми, я добуду себѣ ужинъ?

IV.

Неудобства, которымъ подвергаешься, преслѣдуя вечеромъ хорошенькую женщину.

Гренгуаръ, не зная, куда итти, пошелъ за цыганкой. Онъ видѣлъ, какъ она повернула съ своей козочкой въ Ножовую улицу, и тоже свернулъ туда.

„Почему бы нѣтъ!“ подумалъ онъ.

Гренгуаръ, практическій философъ парижскихъ улицъ, замѣтилъ, что мечтательное настроеніе легче всего вызывается, когда слѣдуешь за хорошенькой женщиной, не зная, куда она идетъ. Это добровольное отреченіе отъ своей воли, это подчиненіе своего каприза капризу другого, даже не подозрѣвающаго о томъ, эта смѣсь независимости и слѣпого повиновенія, что-то среднее между свободой и рабствомъ—нравились Гренгуару. У него былъ нерѣшительный, сложный характеръ, постоянно переходящій изъ одной крайности въ другую, колеблющійся между различными желаніями и стремленіями, которыя вслѣдствіе этого взаимно

уничтожались. Онъ самъ охотно сравнивалъ себя съ гробомъ Магомета, который два магнита тянутъ въ противоположныя стороны, и онъ вѣчно колеблется между верхомъ и низомъ, между восхожденіемъ и паденіемъ, между зенитомъ и надиромъ.

Если бы Гренгуаръ жилъ въ наше время,—какой золотой середины держался бы онъ между классицизмомъ и романтизмомъ!

Но, къ сожалѣнію, онъ родился слишкомъ поздно, когда люди уже

Эсмеральда и Джали.

перестали жить по триста лѣтъ. А между тѣмъ, въ настоящее время его отсутствіе въ особенности ощутительно и замѣтно.

Настроеніе человѣка, не имѣющаго пристанища на ночь, самое подходящее для того, чтобы слѣдовать за прохожими, а преимущественно, конечно, за женщинами.

И Гренгуаръ провожалъ танцовщицу главнымъ образомъ потому, что не зналъ, гдѣ ночевать.

Итакъ, онъ шелъ, задумавшись, за молодой дѣвушкой, которая ускорила шагъ и заставляла бѣжать свою козочку, видя, что всѣ расходятся

по домамъ, и таверны запираются. Лавки были закрыты по случаю праздника, только однѣ таверны были отворены цѣлый день.

„Вѣдь живетъ же она гдѣ-нибудь, — думалъ Гренгуаръ. — У цыганъ доброе сердце. Кто знаетъ?..“

Многоточіе, которое онъ мысленно ставилъ послѣ этого вопроса, указывало на что-то недосказанное и, повидимому, очень пріятное.

Время отъ времени, когда онъ проходилъ мимо группъ горожанъ, возвращавшихся домой и запиравшихъ за собою двери, до него долетали отрывки ихъ разговоровъ и прерывали цѣпь его мечтаній.

Иногда на улицѣ встрѣчались два старика.

— А какой холодъ-то сегодня, метръ ТибоФерникль!—говорилъ одинъ.

Гренгуаръ зналъ это по опыту съ самаго начала зимы.

— Ваша правда, метръ Бонифацій Дизомъ, — отвѣчалъ другой. — Неужели у насъ будетъ опять такая же зима, какъ три года тому назадъ, въ 1480 году, когда охапка дровъ стоила восемь су?

— Это что, метръ Тибо! А помните зиму въ 1407 году, когда морозы стояли съ Мартинова дня и до самаго Срѣтенія, — да такіе морозы, что у секретаря парламента черезъ каждыя три слова замерзали на перѣ чернила! И изъ-за этого пришлось запустить дѣла.

А не то двѣ сосѣдки болтали, стоя около оконъ съ зажженными свѣчами, трещавшими отъ тумана.

— Слышали вы, какое несчастье случилось сегодня, г-жа де Бурдакъ? Разсказывалъ вамъ мужъ?

— Нѣтъ. Что же такое случилось, г-жа Тюрканъ!

— Лошадь нотаріуса Жилля Годена испугалась фламандцевъ съ ихъ свитой и сбила съ ногъ метра Филиппа Аврилло, облата [1]) Целестинскихъ монаховъ.

— Неужели?

— Истинная правда.

— Лошадь горожанина! Это ужъ слишкомъ. Еще будь это кавалерійская лошадь, тогда бы куда ни шло!

И окна захлопывались. Но Гренгуаръ все-таки терялъ нить своихъ мыслей.

Къ счастью, онъ скоро опять находилъ ее, благодаря цыганкѣ и Джали, двумъ нѣжнымъ, граціознымъ, прелестнымъ созданіямъ, которыя шли передъ нимъ. Онъ любовался ихъ маленькими ножками, ихъ стройными формами и граціозными движеніями, и онѣ почти сливались въ его воображеніи. По своему уму и той привязанности, какую онѣ чувствовали одна къ другой, обѣ онѣ казались ему молодыми дѣвушками; по легкости и быстротѣ походки, это были двѣ козочки.

Между тѣмъ, улицы становились съ каждой минутой все темнѣе и пустыннѣе.

Прошло уже довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ былъ звонъ, чтобы тушили огни, и теперь только изрѣдка попадался на улицѣ какой-нибудь прохожій или свѣтился гдѣ-нибудь въ окнѣ огонекъ.

Гренгуаръ послѣдовалъ за цыганкой въ запутанный лабиринтъ улицъ, перекрестковъ и глухихъ переулковъ, которые окружаютъ старинное кладбище „Saints Innocents“ и походятъ на мотокъ нитокъ, перепутанный кошкой.

---

[1]) Oblat — инвалидъ, помѣщенный королемъ на прокормъ въ монастырь.

„Вотъ улицы, которымъ не хватаетъ логики!“ думалъ Гренгуаръ, путаясь въ безчисленныхъ поворотахъ, которые, казалось ему, приводили опять на то же мѣсто. Но молодая дѣвушка, очевидно, хорошо знала эту мѣстность: она безъ малѣйшаго колебанія шла впередъ, все ускоряя шагъ. Что же касается Гренгуара, то онъ совсѣмъ сбился съ толку и не могъ бы сказать, куда попалъ, если бы не замѣтилъ на поворотѣ одной улицы восьмиугольнаго позорнаго столба рыночной площади, сквозная верхушка котораго рѣзко выдѣлялась своей черной рѣзьбой на освѣщенномъ окнѣ одного изъ домовъ улицы Верделэ.

Молодая дѣвушка, наконецъ, замѣтила, что ее преслѣдуютъ, и нѣсколько разъ съ безпокойствомъ оглядывалась назадъ. А разъ она даже совсѣмъ остановилась и, воспользовавшись свѣтомъ, выходившимъ изъ полуотворенной двери булочной, внимательно оглядѣла Гренгуара съ головы до ногъ. Послѣ этого осмотра она сдѣлала гримаску, которую онъ уже видѣлъ раньше, и пошла дальше.

Эта хорошенькая гримаска заставила призадуматься Гренгуара; она — въ этомъ не могло быть сомнѣнія — выражала презрѣніе и насмѣшку. А потому онъ немножко замедлилъ шагъ и, опустивъ голову, сталъ считать камни мостовой. Вдругъ, на поворотѣ одной улицы дѣвушка пропала у него изъ виду, и онъ услыхалъ ея пронзительный крикъ.

Гренгуаръ бросился впередъ.

Улица была окутана мракомъ. Къ счастью, на углу, около статуи Пресвятой Дѣвы, горѣла въ желѣзномъ фонарѣ пропитанная масломъ свѣтильня, и при ея слабомъ свѣтѣ Гренгуаръ увидалъ цыганку, которая рвалась изъ рукъ двухъ мужчинъ, старавшихся заглушить ея крики. Бѣдная, перепуганная козочка опустила рога и жалобно блеяла.

— Стража, сюда! — крикнулъ Гренгуаръ и смѣло бросился впередъ. Одинъ изъ мужчинъ, державшихъ дѣвушку, обернулся къ нему, и онъ увидалъ страшное лицо Квазимодо.

Гренгуаръ не обратился въ бѣгство, но и не двинулся съ мѣста.

Квазимадо подошелъ къ нему и ударилъ его со всего размаху. Бѣдный поэтъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и упалъ на мостовую, а горбунъ исчезъ, унося молодую дѣвушку. Спутникъ его послѣдовалъ за нимъ, а бѣдная козочка, продолжая жалобно блеять, побѣжала позади.

— Помогите! Помогите! — кричала несчастная цыганка.

— Стойте, негодяи, и освободите эту женщину! — раздался вдругъ громовой голосъ, и изъ-за угла появился какой-то всадникъ.

Это былъ капитанъ королевскихъ стрѣлковъ, вооруженный съ головы до ногъ и съ обнаженной саблей въ рукѣ.

Онъ вырвалъ цыганку изъ рукъ ошеломленнаго Квазимодо и положилъ ее поперекъ своего сѣдла. А когда ужасный горбунъ, опомнившись отъ изумленія, бросился къ нему, чтобы отнять свою добычу, человѣкъ пятнадцать вооруженныхъ палашами стрѣлковъ, ѣхавшихъ слѣдомъ за своимъ начальникомъ, подскакали къ нему. Этотъ отрядъ былъ посланъ въ ночной объѣздъ по распоряженію парижскаго прево, мессира Роберта д'Эстувалля.

Квазимодо схватили и связали по рукамъ и ногамъ. Онъ кричалъ, бѣсновался, кусался и, будь это днемъ, одинъ видъ его безобразнаго, искаженнаго гнѣвомъ лица, которое вслѣдствіе этого было еще ужаснѣе обыкновеннаго, навѣрное, обратилъ бы въ бѣгство весь

отрядъ. Но темнота лишила горбуна самаго страшнаго его оружія—безобразія.

Спутникъ Квазимодо исчезъ во время схватки.

Цыганка граціозно приподнялась на сѣдлѣ и, положивъ руки на плечи молодого всадника, нѣсколько секундъ пристально смотрѣла на него, какъ бы благодаря его за оказанную услугу и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищаясь его красивой наружностью. Она первая нарушила молчаніе. Придавъ еще больше нѣжности своему и безъ того нѣжному голосу, она спросила:

— Какъ васъ зовутъ, г. стрѣлокъ?

— Капитанъ Фебъ де Шатоперъ, къ вашимъ услугамъ, моя красавица, — выпрямившись отвѣтилъ офицеръ.

— Благодарю васъ, — сказала она.

И въ то время, какъ капитанъ самодовольно крутилъ усы, она быстро, какъ падающая на землю стрѣла, соскользнула съ лошади и исчезла, какъ молнія.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ капитанъ и велѣлъ стянуть покрѣпче ремни, которыми былъ связанъ Квазимодо. — Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе оставить у себя дѣвушку!

— Что дѣлать, капитанъ! — сказалъ одинъ изъ его спутниковъ. — Птичка улетѣла, а летучая мышь осталась.

V.

Продолженіе неудачъ.

Оглушенный паденіемъ Гренгуаръ продолжалъ лежать на углу улицы, передъ статуей Пресвятой Дѣвы. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя. Сначала, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, онъ находился въ полубезсознательномъ и довольно пріятномъ забытьи, при чемъ воздушныя фигуры цыганки и козочки какъ-то странно смѣшивались у него въ умѣ съ полновѣснымъ кулакомъ Квазимодо. Но это состояніе продолжалось недолго. Довольно сильное ощущеніе холода вывело его изъ забытья и привело въ себя.

„Отчего мнѣ такъ холодно?“ подумалъ онъ и тутъ только замѣтилъ, что лежитъ въ уличной канавѣ.

— Чортъ побери этого горбатаго циклопа! — проворчалъ сквозь зубы Гренгуаръ и хотѣлъ встать. Но у него такъ кружилась голова, и онъ былъ до того разбитъ, что не могъ подняться, и принужденъ былъ остаться на мѣстѣ. Дѣлать нечего—приходилось покориться. Онъ поднялъ руку и зажалъ себѣ носъ.

„Парижская грязь, — подумалъ онъ, ни мало не сомнѣваясь, что ему придется ночевать въ этой канавѣ, — парижская грязь какъ-то особенно зловонна. Она навѣрное заключаетъ въ себѣ много летучей соли и азотной кислоты. По крайней мѣрѣ, такъ полагаетъ метръ Никола Фламель и герметики“...

Слово „герметики“ напомнило ему объ архидіаконѣ Клодѣ Фролло. Онъ вспомнилъ страшную сцену насилія, которой былъ свидѣтелемъ; вспомнилъ, какъ цыганка отбивалась отъ двухъ мужчинъ; вспомнилъ, что у Квазимодо былъ спутникъ—и суровая, гордая фигура архидіакона смутно промелькнула въ его памяти.

„Это было бы очень странно!“ подумалъ онъ и по одной лишь данной принялся строить на весьма шаткомъ основаніи причудливое зданіе гипотезъ — этотъ карточный домикъ философовъ.

— Господи! Я совсѣмъ замерзаю! — вдругъ воскликнулъ онъ, снова возвращаясь къ дѣйствительности.

Положеніе Гренгуара становилось дѣйствительно невыносимымъ. Каждая частичка воды отнимала частичку теплоты его тѣла, такъ что его температура, мало-по-малу понижаясь, начала весьма непріятнымъ образомъ сравниваться съ температурой воды.

Но этого было, какъ видно, еще мало, — Гренгуара постигла новая бѣда. Толпа уличныхъ мальчишекъ, этихъ маленькихъ оборванныхъ дикарей, которые съ незапамятныхъ временъ гранятъ мостовыя Парижа и называются „гаменами“, которые во дни нашего дѣтства швыряли каменьями въ насъ, когда мы по вечерамъ выходили изъ школы, только за то, что наши панталоны не были оборваны,—толпа этихъ буйныхъ ребятишекъ показалась изъ-за угла. Нисколько не заботясь о томъ, что всѣ уже спятъ, они съ громкимъ хохотомъ и криками бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Гренгуаръ, таща за собою какой-то безобразный мѣшокъ. Деревянные башмаки ихъ съ такимъ громомъ ударялись о мостовую, что этотъ стукъ могъ бы разбудить мертваго. Гренгуаръ, который былъ еще не совсѣмъ мертвъ, немножко приподнялся.

— Эй, Геннепенъ Дандешъ! Эй, Жеганъ Пенсбурдъ! — во все горло кричали они. — Старикъ Эсташъ Мубонъ, торговавшій на углу желѣзомъ, умеръ. У насъ его соломенное чучело — мы разведемъ изъ него костеръ—сдѣлаемъ иллюминацію по случаю пріѣзда фламандцевъ!

И они швырнули чучело прямо на Гренгуара, къ которому подбѣжали, не замѣтивъ его. Потомъ одинъ изъ нихъ взялъ пукъ соломы и зажегъ его у лампадки, горѣвшей предъ статуей Пресвятой Дѣвы.

— Господи, помилуй! — пробормоталъ Гренгуаръ. — То мнѣ было страшно холодно, а теперь будетъ, пожалуй, ужъ черезчуръ жарко!

Минута была критическая. Гренгуаръ могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи, между водой съ одной стороны и огнемъ — съ другой. Сдѣлавъ такое же страшное, нечеловѣческое усиліе, какое сдѣлалъ бы для спасенія своей жизни фальшивый монетчикъ, видя, что его собираются варить въ котлѣ, Гренгуаръ всталъ, отбросилъ чучело на мальчишекъ и бросился бѣжать.

— Пресвятая Дѣва! — вскрикнули дѣти. — Это вернулся старикъ Мубонъ!

И они тоже убѣжали безъ оглядки.

Поле битвы осталось за соломеннымъ чучеломъ. На другой день мѣстное духовенство подняло его и торжественно отнесло въ церковь Sainte-Opportune. Для ризницы этой церкви онъ до 1789 года служилъ довольно прибыльной статьей дохода, такъ какъ появленіе чучела Эсташа Мубона на перекресткѣ считалось чудомъ, совершеннымъ Пресвятой Дѣвой, статуя которой стояла тутъ же, на углу улицы Мовонсейль. Она однимъ своимъ присутствіемъ спасла умершаго Эсташа Мубона, который, желая подшутить надъ дьяволомъ, умирая, укрылъ свою душу въ соломенное чучело.

VI.

Разбитая кружка.

Гренгуаръ бѣжалъ нѣсколько времени со всѣхъ ногъ, самъ не зная куда. Не разъ стукался онъ головой объ углы домовъ, сворачивая изъ одной улицы въ другую, перепрыгивалъ черезъ множество канавъ, пересѣкалъ множество улицъ, глухихъ переулковъ и перекрестковъ, бросался во всѣ извилистые проходы стариннаго рынка и изслѣдовалъ въ своемъ паническомъ страхѣ то, что называется въ старинныхъ латинскихъ хартіяхъ „tota via, cheminum et viaria“.

Вдругъ нашъ поэтъ остановился, какъ вкопанный. Во-первыхъ, онъ чуть не задохнулся, а во-вторыхъ, его, такъ сказать, схватила за воротъ неожиданно пришедшая ему въ голову дилемма.

— Мнѣ кажется, метръ Пьеръ Гренгуаръ, — сказалъ онъ, прикладывая палецъ ко лбу, — что вы совсѣмъ потеряли голову! Ну, зачѣмъ вы бѣжите, какъ безумный? Вѣдь мальчишки испугались, увидя васъ, нисколько не меньше, чѣмъ вы испугались ихъ. Вы своими же собственными ушами слышали, какъ застучали ихъ башмаки по направленію къ югу—въ то время, какъ вы сами бросились къ сѣверу. Одно изъ двухъ. Если они убѣжали, то принесенная ими солома послужитъ вамъ прекрасной постелью, которой вы добиваетесь чуть не съ самаго утра и которую вамъ чудесно посылаетъ Пресвятая Дѣва въ награду за то, что вы написали въ ея честь мистерію. Если же дѣти остались и зажгли солому, у васъ будетъ великолѣпный костеръ, около котораго вамъ можно будетъ обсушиться, обогрѣться и немножко воспрянуть духомъ. Во всякомъ случаѣ—въ видѣ ли костра, въ видѣ ли постели—солома есть даръ неба. Можетъ-быть, Пресвятая Дѣва Марія, статуя Которой стоитъ на углу улицы Мокансейль, именно для этого и послала смерть Эсташу Мубону. И очень глупо съ вашей стороны бѣжать, какъ пикардіецъ передъ французомъ, оставляя позади себя то, чего сами же ищете. Вы ужаснѣйшій болванъ, метръ Пьеръ Гренгуаръ!

Усовѣстивъ себя такимъ монологомъ, Гренгуаръ повернулъ обратно. Настороживъ уши и внимательно присматриваясь, онъ старался оріентироваться и отыскать благодѣтельную солому. Но старанія его были тщетны. Онъ попалъ въ такой лабиринтъ глухихъ переулковъ, перекрестковъ и домовъ, что постоянно колебался, не зная, куда итти, и терялъ направленіе въ этой путаницѣ темныхъ улицъ. Наконецъ, онъ потерялъ терпѣніе.

— Будь прокляты всѣ эти перекрестки! — воскликнулъ онъ. — Навѣрное, самъ дьяволъ понадѣлалъ ихъ!

Это восклицаніе нѣсколько облегчило его, а красноватый отблескъ, который онъ въ эту минуту увидалъ въ концѣ длинной, извилистой улицы, вернулъ ему мужество.

— Слава Богу! — воскликнулъ онъ. — Это горитъ мой костеръ! — И, сравнивая себя съ кормчимъ судна, сбившагося ночью съ пути, онъ благоговѣйно прибавилъ: — Salve, maris stella!

Не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ по длинной немощеной улицѣ, которая шла подъ гору и становилась все круче и гряз-

нѣе, какъ замѣтилъ что-то странное. То тутъ, то тамъ по ней двигались, смутно выдѣляясь среди темноты, какія-то неуклюжія фигуры. Всѣ онѣ направлялись къ свѣту, мерцавшему въ концѣ улицы, и походили на неповоротливыхъ гусеницъ, которыя, перебираясь ночью со стебелька на стебелекъ, ползутъ къ костру пастуха.

Человѣкъ дѣлается необыкновенно смѣлъ, когда у него пусты карманы. Гренгуаръ продолжалъ итти впередъ и скоро догналъ одну изъ этихъ гусеницъ, которая тащилась медленнѣе другихъ. Поровнявшись съ нею, онъ увидалъ, что это жалкій калѣка, который передвигался, подпрыгивая на рукахъ, и походилъ на паука-сѣнокосца, оставшагося только съ двумя лапками. Въ то время, какъ онъ проходилъ мимо этого паука съ человѣческимъ лицомъ, тотъ жалобно проговорилъ:

— La buona mancia, signor! La buona mancia!

— Чортъ тебя побери, — воскликнулъ Гренгуаръ, — да и меня вмѣстѣ съ тобою, если я понимаю, что ты хочешь сказать!

И онъ пошелъ дальше.

Черезъ минуту Гренгуаръ догналъ другого калѣку и съ любопытствомъ оглядѣлъ его. Это былъ разбитый параличомъ несчастный, хромой и однорукій, опиравшійся на нѣсколько костылей, которые дѣлали его похожимъ на ходячія подмостки каменщиковъ. Гренгуаръ, имѣвшій слабость къ благороднымъ классическимъ сравненіямъ, мысленно сравнилъ его съ жалкимъ треножникомъ Вулкана.

Этотъ треножникъ поклонился, когда онъ поровнялся съ нимъ, и подставивъ свою шляпу, какъ бритвенницу, подъ самый его подбородокъ, крикнулъ ему вслухъ:

— Senor caballero, para comprar un pedaso de pan!

„И этотъ, кажется, говоритъ, — подумалъ Гренгуаръ, — но на очень грубомъ языкѣ. Онъ счастливѣе меня, если понимаетъ его“.

Тутъ мысли его внезапно приняли другой оборотъ, и онъ прибавилъ, хлопнувъ себя по лбу:

— Не понимаю, что хотѣли сказать оставшіеся въ залѣ зрители своей „Эсмеральдой“!

Онъ ускорилъ шагъ, но въ третій разъ что-то или вѣрнѣе кто-то преградилъ ему путь. Это былъ слѣпой, съ еврейскимъ лицомъ, низенькій и бородатый, котораго вела на буксирѣ большая собака. Онъ размахивалъ около себя палкой и, услыхавъ шаги Гренгуара, прогнусилъ съ венгерскимъ акцентомъ:

— Facitote caritatem!

— Слава Богу! — сказалъ Гренгуаръ, — хоть одинъ говоритъ по человѣчески. Должно-быть, я кажусь очень сострадательнымъ, если у меня просятъ милостыню, несмотря на мой тощій кошелекъ... Любезный другъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ слѣпому, — у меня нѣтъ ничего, я на прошлой недѣлѣ продалъ свою послѣднюю рубашку или, говоря на языкѣ Цицерона, такъ какъ никакого другого ты, повидимому, не понимаешь, Vendidi hebdomade nuper transita meam ultimam chemisam.

Сказавъ это, онъ повернулся спиной къ нищему и пошелъ дальше. Но слѣпой ускорилъ шагъ и не отставалъ отъ него; въ то же время паралитичный и безногій стали догонять Гренгуара, громко стуча по мостовой своими костылями и чашками для сбора подаяній. Потомъ они всѣ трое, спотыкаясь и ковыляя, пошли за бѣднымъ поэтомъ и затянули свою пѣсенку:

— Caritatem! — начиналъ слѣпой.

— La buona mancia! — подхватывалъ безногій.

— Un pedaso de pan! — заканчивалъ музыкальную фразу паралличный.

Гренгуаръ заткнулъ уши.

— Настоящее Вавилонское столпотвореніе! — воскликнулъ онъ и бросился бѣжать. Слѣпой, безногій и паралличный тоже побѣжали за нимъ.

И по мѣрѣ того, какъ Гренгуаръ подвигался впередъ, около него все увеличивалось число калѣкъ, которые выходили изъ домовъ и прилегающихъ переулковъ, выползали изъ подваловъ. Тутъ были безногіе, слѣпые, горбатые, безрукіе, кривые и прокаженные съ своими страшными язвами. И всѣ они кричали, выли, визжали, всѣ спотыкались и ковыляли, стремясь къ свѣту, всѣ были грязны, какъ улитки послѣ дождя.

Гренгуаръ, котораго продолжали преслѣдовать трое нищихъ, совсѣмъ растерялся и, не зная, что дѣлать, шелъ вмѣстѣ съ остальными, обходя хромыхъ, перепрыгивая черезъ безногихъ и съ такимъ же трудомъ пробираясь въ этой толпѣ калѣкъ, съ какимъ подвигалось судно одного англійскаго капитана, попавшее въ стадо крабовъ.

Ему пришло въ голову вернуться назадъ, но было уже слишкомъ поздно. Весь этотъ легіонъ сомкнулся позади него, а его преслѣдователи не отставали ни на шагъ. И онъ продолжалъ итти, увлекаемый этимъ непреодолимымъ теченіемъ и охватившимъ его страхомъ. Голова у него кружилась—ему казалось, что онъ видитъ страшный сонъ.

Наконецъ, онъ дошелъ до конца улицы. Она выходила на громадную площадь, гдѣ тысячи разсѣянныхъ огоньковъ мерцали въ ночномъ туманѣ. Гренгуаръ бросился бѣжать, надѣясь, что быстрыя ноги унесутъ его отъ трехъ отвратительныхъ калѣкъ, не выпускавшихъ его изъ виду.

— Onde, vas hombre! — крикнулъ паралличный, швырнувъ костыли, и бросился за нимъ. У него оказалась пара самыхъ великолѣпныхъ и быстрыхъ ногъ, какія когда-либо ходили по парижскимъ улицамъ.

Безногій тоже подбѣжалъ и нахлобучилъ на голову Гренгуару свою тяжелую, окованную желѣзомъ чашку, а слѣпой смотрѣлъ на него сверкающими глазами.

— Гдѣ я? — спросилъ перепуганный поэтъ.

— Во Дворѣ Чудесъ, — отвѣтилъ четвертый нищій, подходя къ товарищамъ.

— Да, здѣсь, дѣйствительно, совершаются чудеса, — сказалъ Гренгуаръ. — Слѣпые тутъ прозрѣваютъ, безногіе бѣгаютъ... Но гдѣ же Спаситель?

Въ отвѣтъ раздался зловѣщій смѣхъ.

Бѣдный поэтъ осмотрѣлся кругомъ. Онъ на самомъ дѣлѣ попалъ на этотъ страшный Дворъ Чудесъ, куда никогда не заходилъ въ такой поздній часъ ни одинъ порядочный человѣкъ. Это былъ магическій кругъ, гдѣ исчезали безслѣдно чиновники Шателэ и сержанты прево, осмѣлившіеся зайти туда; притонъ воровъ, отвратительный наростъ на лицѣ Парижа; клоака, откуда изливался каждое утро, а ночью текъ назадъ грязный потокъ пороковъ, нищенства и бродяжничества, всегда переливавшійся черезъ край и наводнявшій улицы столицы; чудовищный улей, куда сходились вечеромъ съ добычей всѣ трутни человѣческаго общества; обманчивый госпиталь, гдѣ цыганъ, разстриженный

монахъ, развратившійся студентъ и негодяи всѣхъ націй и религій— испанцы, итальянцы, нѣмцы, евреи, христіане, магометане, язычники— днемъ просили подаянія, стараясь разжалобить публику своими искусственными язвами, а ночью превращались въ разбойниковъ,—словомъ, громадная уборная, гдѣ одѣвались и раздѣвались въ эту эпоху актеры той вѣчной комедіи, которую воровство, проституція и убійство играютъ на улицахъ Парижа.

Обширная площадь имѣла неправильную форму и была плохо вымощена, какъ и всѣ парижскія площади въ то время. На ней въ нѣсколькихъ мѣстахъ горѣли костры, около которыхъ тѣснились странныя группы. Люди передвигались съ мѣста на мѣсто, уходили, кричали. Со всѣхъ сторонъ раздавался грубый смѣхъ, плачъ дѣтей и голоса женщинъ. Руки и головы этой толпы, казавшіяся черными на свѣтломъ фонѣ, рѣзко выдѣлялись на немъ. Иногда мимо костра, около котораго дрожалъ на землѣ колеблющійся отблескъ, перемѣшиваясь съ длинными, смутными тѣнями, проходила собака, похожая на человѣка, или человѣкъ, похожій на собаку. Здѣсь были, какъ мы уже говорили, люди всякаго сорта и всѣхъ національностей, но различіе между ними какъ будто исчезало. Мужчины, женщины, животныя, возрастъ, полъ, здоровье, болѣзни—все смѣшивалось и сливалось. Каждый принималъ здѣсь участіе во всемъ.

При слабомъ, мерцающемъ свѣтѣ Гренгуаръ, несмотря на свое волненіе, различилъ кругомъ площади рядъ безобразныхъ старыхъ домовъ. Осѣвшіе, низкіе, источенные червями фасады ихъ съ освѣщенными иногда однимъ, иногда двумя слуховыми окнами—казались ему въ темнотѣ рядомъ громадныхъ головъ угрюмыхъ, чудовищныхъ старухъ, смотрѣвшихъ, подмигивая, на этотъ шабашъ.

Передъ нимъ былъ какой-то совсѣмъ новый міръ, невиданный, неслыханный, уродливый, пресмыкающійся, фантастическій.

Гренгуаръ, совсѣмъ обезумѣвшій отъ страха, окруженный тремя нищими, державшими его, какъ въ тискахъ, и массой другихъ лицъ,— оглушенный шумомъ и гвалтомъ, старался собраться съ мыслями и припомнить, не суббота ли теперь и не попалъ ли онъ на шабашъ. Но всѣ его усилія были тщетны,—нить его мыслей и памяти какъ бы порвалась. И, сомнѣваясь во всемъ, переходя отъ того, что онъ видѣлъ, къ тому, что онъ чувствовалъ, онъ задавалъ себѣ неразрѣшимый вопросъ:

— Если я существую,—существуетъ ли все окружающее? Если существуетъ все окружающее,—существую ли я?

Въ это время раздались громкіе крики, покрывшіе гулъ окружавшей его толпы.

— Отведемъ его къ королю! Отведемъ его къ королю!

— Пресвятая Дѣва!—пробормоталъ Гренгуаръ.—Здѣшній король навѣрное козелъ!

— Къ королю! Къ королю!—заревѣла вся толпа.

Гренгуара потащили куда-то, при чемъ каждый старался завладѣть имъ. Но трое нищихъ не выпускали своей добычи и вырывали его у другихъ съ крикомъ: „Онъ нашъ!“

Платье поэта, и безъ того уже ветхое, превратилось совсѣмъ въ лохмотья за время этой битвы.

Проходя черезъ площадь, онъ нѣсколько опомнился и пришелъ въ себя. Въ первую минуту, благодаря его воображенію поэта, а можетъ-

быть просто пустому желудку, какъ будто какое-то легкое облако задернуло передъ нимъ все окружающее, и онъ видѣлъ все, какъ въ неясномъ туманѣ кошмара, какъ въ сумракѣ сна, когда всѣ очертанія дрожатъ, формы колеблются, предметы скучиваются въ чудовищныя группы, когда вещи превращаются въ химеры, а люди—въ призраки. Мало-по-малу эта галлюцинація разсѣялась, и помутившійся взглядъ Гренгуара прояснился. Дѣйствительность предстала передъ нимъ; она била ему въ глаза, попадалась подъ ноги, и, наконецъ, ужасная, но поэтическая картина, вызванная въ первыя минуты его воображеніемъ, поблѣднѣла и исчезла. Онъ не могъ не замѣтить, что передъ нимъ не Стиксъ, а грязь, что его толкаютъ не демоны, а воры и мошенники, что въ опасности находится не душа его, а попросту жизнь, такъ какъ у него нѣтъ денегъ, этого вѣрнѣйшаго примирителя, который съ такимъ успѣхомъ становится между воромъ и честнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ, разглядѣвъ оргію поближе и похладнокровнѣе, Гренгуаръ понялъ, что попалъ не на шабашъ, а въ кабакъ.

Дворъ Чудесъ былъ на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ кабакъ, но кабакъ разбойниковъ, залитый не однимъ виномъ, но и кровью.

Когда оборванный конвой Гренгуара, наконецъ, доставилъ его на мѣсто, открывшееся передъ нимъ зрѣлище никоимъ образомъ не могло привести его въ мечтательное настроеніе, такъ какъ было лишено всякой поэзіи, даже поэзіи ада. Передъ нимъ была самая прозаическая, грубая дѣйствительность таверны. Если бы дѣйствіе происходило не въ XV вѣкѣ, мы сказали бы, что Гренгуаръ спустился отъ Микель Анджело къ Калло.

На плоскомъ камнѣ былъ разложенъ большой огонь, надъ которымъ стоялъ таганъ, въ настоящую минуту пустой, а кругомъ огня стояло, какъ попало, безъ всякаго порядка, нѣсколько источенныхъ червями столовъ. Никакой слуга-геометръ не удостоилъ придать имъ побольше симметріи и приглядѣть, чтобы они не соприкасались между собою подъ такими необычайными углами. На столахъ стояло нѣсколько кружекъ съ пивомъ и виномъ, а за этими кружками виднѣлись пьяныя лица, покраснѣвшія отъ огня и вина. Вонъ какой-то толстякъ съ огромнымъ брюхомъ и веселымъ лицомъ звонко цѣлуетъ толстую, расплывшуюся дѣвушку. Рядомъ съ нимъ „плутъ“, изображавшій днемъ солдата, разбинтовываетъ, посвистывая, свою якобы раненую ногу и потираетъ здоровое колѣно, которое было закручено съ самаго утра во всевозможныя тряпки. Его сосѣдъ занятъ изготовленіемъ чудеснаго снадобья изъ чистотѣла и бычачьей крови, при помощи котораго онъ превратитъ свою здоровую ногу въ больную, покрытую страшными язвами. Черезъ два стола отъ нихъ „святоша“ въ полномъ костюмѣ паломника упражняется, монотонно напѣвая въ носъ стихи и канты. Недалеко отъ него, очевидно еще неопытный юноша беретъ урокъ падучей болѣзни у стараго эпилептика, который учитъ его пускать пѣну изо рта, суя ему въ ротъ кусокъ мыла. Рядомъ съ ними разоблачается страдающій водянкой, распространяя вокругъ себя такой ужасный запахъ, что четыре женщины, затѣявшія споръ изъ-за украденнаго вечеромъ, ребенка, зажимаютъ себѣ носы.

Спустя два вѣка, всѣ эти типы и превращенія Двора Чудесъ казались „такими удивительными и забавными“, какъ говоритъ Соваль, „что, для развлеченія короля, они появились на сценѣ и послужили

сюжетомъ для балета „Ночь", который раздѣлялся на четыре акта и давался въ театрѣ Малаго Бурбонскаго дворца".

„Никогда еще, — говоритъ очевидецъ, жившій въ 1653 году, — никогда еще не были такъ вѣрно воспроизведены необыкновенныя метаморфозы Двора Чудесъ. А прелестные стихи Бенсерада подготовили насъ къ представленію".

Всюду раздавался грубый смѣхъ и непристойныя пѣсни. Каждый говорилъ свое, кричалъ и бранился, не слушая другихъ. Сосѣди чокались кружками, а потомъ сейчасъ же заводили ссоры, а иногда доходили и до драки.

Большая собака сидѣла около огня и смотрѣла въ него. Было тутъ и нѣсколько дѣтей. Украденный ребенокъ плакалъ и кричалъ. Другой, толстенькій мальчикъ, лѣтъ четырехъ, сидѣлъ, свѣсивъ ноги, на слишкомъ высокой для него скамейкѣ, около доходившаго ему до подбородка стола, и не говорилъ ни слова. Третій съ серьезнымъ видомъ размазывалъ пальцемъ по столу сало, которое текло съ оплывавшей свѣчи. Послѣдній, еще совсѣмъ крошка, сидѣлъ на корточкахъ въ грязи и былъ едва виденъ изъ-за огромнаго котла. Онъ влѣзъ въ него почти весь и скребъ его обломкомъ черепицы, извлекая звукъ, отъ котораго Страдиваріусъ навѣрное упалъ бы въ обморокъ.

У огня стояла бочка, а на ней сидѣлъ человѣкъ. Это былъ король на своемъ тронѣ.

Трое нищихъ, захватившихъ Гренгуара, подвели его къ бочкѣ, и на минуту вся толпа притихла, только изъ котла, въ который забрался ребенокъ, попрежнему раздавался скрипъ.

Гренгуаръ не осмѣливался ни поднять глазъ ни перевести духъ.

— Hombre, quita tu sombrero, — сказалъ одинъ изъ трехъ нищихъ и прежде, чѣмъ Гренгуаръ понялъ, что это значитъ, другой нищій сорвалъ съ него шляпу. Правда, это была довольно жалкая шляпа, но она еще могла защищать его отъ солнца и дождя. Гренгуаръ вздохнулъ.

Между тѣмъ, король съ высоты своего трона бросилъ на него взглядъ.

— Это что за птица? — спросилъ онъ.

Гренгуаръ вздрогнулъ. Голосъ короля, хотя въ немъ теперь и слышалась угроза, напомнилъ ему другой, жалобный голосъ, который въ это самое утро нанесъ первый ударъ его мистеріи, затянувъ среди представленія: „Подайте Христа ради!" Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ былъ, дѣйствительно, Клопенъ Труйльфу.

Несмотря на знаки королевскаго достоинства, онъ былъ облаченъ въ тѣ же самыя лохмотья. Онъ держалъ въ рукѣ — бывшая на ней рана уже исчезла — ременный кнутъ изъ бѣлой кожи, какіе назывались въ то время „метелками" и употреблялись сержантами, когда нужно было водворить порядокъ въ толпѣ. На головѣ у него было что-то странное — не то дѣтская шапочка, не то корона.

Между тѣмъ, Гренгуаръ, самъ не зная почему, нѣсколько ободрился, узнавъ въ королѣ Двора Чудесъ ненавистнаго ему нищаго большой залы.

— Метръ... — пробормоталъ онъ. — Монсиньоръ... Сиръ... Какъ прикажете называть васъ? — наконецъ, спросилъ онъ, достигнувъ высшей точки своего crescendo, не зная какъ подняться еще выше и не рѣшаясь спуститься внизъ.

— Монсиньоръ, ваше величество или товарищъ — называй меня, какъ хочешь. Но только не мямли. Что можешь ты сказать въ свою защиту?

„*Въ мою защиту!* — подумалъ Гренгуаръ. — Плохо дѣло!“ — И онъ проговорилъ заикаясь: — Я тотъ... который сегодня утромъ...

— Клянусь когтями дьявола! — прервалъ его Клопенъ. — Вѣдь я, предупреждалъ тебя, чтобы ты не мямлилъ. У тебя спрашиваютъ только твое имя и ничего больше. Слушай. Ты находишься въ настоящую минуту въ присутствіи трехъ могущественныхъ государей: меня, Клопена Труйльфу, короля тунскаго, верховнаго властелина королевства арго; Матіаса Гунгади Спикали, герцога египетскаго и цыганскаго, — вонъ того желтолицаго старика съ тряпкой, обвязанной, кругомъ головы, и Гильома Руссо, императора галилейскаго — того толстяка, который ласкаетъ дѣвушку и не слушаетъ насъ. Мы — твои судьи. Ты, чужой пришелъ въ королевство арго и нарушилъ этимъ привилегіи нашего города. Ты будешь наказанъ, если только ты не воръ, не нищій и не бродяга. Оправдывайся. Высчитывай свои титулы. Кто ты — воръ, нищій или бродяга?

— Увы! — отвѣчалъ Гренгуаръ — Я не имѣю чести принадлежать къ нимъ. Я авторъ...

— Довольно, — остановилъ его Труйльфу, не давъ ему кончить, — ты будешь повѣшенъ. Да, повѣшенъ, и это вполнѣ справедливо, господа честные горожане. Какъ вы обращаетесь съ нами, когда мы попадаемъ въ ваши руки, такъ и мы обращаемся съ вами у себя. Законъ, который вы придумали для бродягъ, бродяги въ свою очередь примѣняютъ къ вамъ. Вы сами виноваты, если онъ строгъ. Надо же когда-нибудь полюбоваться и намъ на гримасу честнаго человѣка подъ веревочной петлей. И сама висѣлица принимаетъ въ это время какой-то болѣе почтенный видъ... Ну, пріятель, раздѣли свои лохмотья между этими барышнями. Я повѣшу тебя для развлеченія воровъ и бродягъ, а ты отдашь имъ кошелекъ, чтобы имъ было на что выпить. Если хочешь помолиться передъ смертью, у насъ есть прекрасная статуя Бога Отца, коорую мы украли изъ церкви св. Петра на Быкахъ. Даю тебѣ четыре минуты на молитву.

Рѣчь произвела большой эффектъ.

— Ловко сказано, клянусь душою! — воскликнулъ царь галилейскій, разбивъ свою кружку объ столъ. — Клопенъ Труйльфу говоритъ проповѣди не хуже самого святѣйшаго отца папы!

— Всемилостивѣйшіе императоры и короли! — хладнокровно сказалъ Гренгуаръ — къ нему совершенно неожиданно вернулось мужество и онъ говорилъ смѣло. — Всемилостивѣйшіе императоры и короли, вамъ еще неизвѣстно, кто я. Я Пьеръ Гренгуаръ, поэтъ, написавшій мистерію, которую разыгрывали сегодня утромъ въ большой залѣ.

— А, такъ вотъ ты кто! — воскликнулъ Клопенъ. — Какъ же, какъ же, вѣдь я тоже былъ тамъ. Такъ что же изъ этого пріятель? Развѣ потому что ты надоѣдалъ намъ утромъ, тебя нельзя повѣсить вечеромъ?

„Трудно мнѣ будетъ выпутаться изъ бѣды“, подумалъ Гренгуаръ, но все-таки сдѣлалъ еще одну попытку. — По-моему, — сказалъ онъ, — поэты какъ разъ подходятъ къ вамъ. Эзопъ былъ бродягой, Гомеръ — нищимъ, Меркурій — воромъ...

— Ты, какъ кажется, хочешь морочить насъ своей тарабарщиной, — прервалъ его Клопенъ. — Чортъ возьми! Къ чему столько церемоній? Неужели ты не можешь дать себя повѣсить просто?

— Извините, ваше величество, король тунскій, — возразилъ Гренгуаръ, упорно отстаивая каждый шагъ. — Вы увидите сами... Одну минуту... Выслушайте меня... Вѣдь, не осудите же вы меня, не выслушавъ?..

Это что за птица?

Между тѣмъ, шумъ мало-по-малу увеличился, и слабый голосъ Гренгуара былъ едва слышенъ. Маленькій мальчикъ скрипѣлъ по котлу еще усерднѣе, чѣмъ прежде, да вдобавокъ какая-то старуха поставила на таганъ сковородку съ жиромъ, который трещалъ на огнѣ такъ же громко, какъ кричитъ толпа ребятишекъ, преслѣдуя маску.

Клопенъ Труйльфу обратился къ герцогу цыганскому и царю галилейскому и нѣсколько времени совѣщался съ ними, а потомъ рѣзко крикнулъ своимъ подданнымъ:

— Молчать!

Но такъ какъ котелъ и сковородка не слушались его, то онъ соскочилъ съ бочки, однимъ ударомъ ноги отбросилъ котелъ шаговъ на десять отъ ребенка, а другой ногой — опрокинулъ сковороду, весь жиръ съ которой пролился въ огонь. Затѣмъ онъ важно взобрался на свой тронъ и усѣлся, не обращая вниманія на сдерживаемый плачъ мальчика и ворчанье старухи, ужинъ которой улетѣлъ вмѣстѣ съ дымомъ.

По знаку Труйльфу, герцогъ цыганскій, императоръ галилейскій, святоши и высшіе члены королевства арго встали полукругомъ вокругъ Гренгуара, котораго продолжали держать трое нищихъ. Окружавшіе поэта люди были въ лохмотьяхъ и мишурныхъ украшеніяхъ, съ дрожащими отъ пьянства ногами, тусклыми глазами и тупыми, безжизненными лицами. Они держали въ рукахъ вилы и топоры. Впереди всего этого сброда возсѣдалъ на своемъ тронѣ Труйльфу, какъ дожъ въ сенатѣ, какъ папа въ канклавѣ, какъ король среди своихъ пэровъ. Онъ господствовалъ надъ всѣми, былъ выше всѣхъ и не потому только, что сидѣлъ на бочкѣ. Въ выраженіи его лица было что-то свирѣпое, надменное и грозное, придававшее блескъ его глазамъ и смягчавшее животный типъ расы „арго". Онъ казался вепремъ среди свиней.

— Слушай, — сказалъ онъ Гренгуару, поглаживая подбородокъ своей мозолистой рукой. — Я не вижу ничего такого, что мѣшало бы мнѣ повѣсить тебя. Положимъ, это какъ будто не нравится тебѣ, но что же тутъ мудренаго? Вы, горожане, не привыкли къ этому, и потому воображаете себѣ ужъ нивѣсть что. Но мы вовсе не желаемъ тебѣ зла и, если ты хочешь, я дамъ тебѣ возможность выпутаться изъ бѣды. Согласенъ ты присоединиться къ намъ?

Нетрудно представить себѣ, какъ подѣйствовало это предложеніе на Гренгуара, потерявшаго уже всякую надежду спасти свою жизнь. Онъ съ восторгомъ ухватился за него.

— Согласенъ... конечно... съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ.

— Желаешь ты вступить въ воровскую шайку?

— Въ воровскую? Конечно.

— Признаешь ты себя членомъ вольнаго братства? — продолжалъ тунскій король.

— Да, я признаю себя членомъ вольнаго братства.

— Подданымъ королевства арго?

— Подданнымъ королевства арго.

— Бродягой?

— Бродягой.

— Отъ всей души?

— Отъ всей души.

— Долженъ, впрочемъ, предупредить тебя, — сказалъ король, — что въ концѣ концовъ тебя все-таки повѣсятъ.

— Господи, помилуй! — воскликнулъ поэтъ.

— Только немножко позднѣе, — невозмутимо продолжалъ Клопенъ, — съ бо̀льшей церемоніей, повѣсятъ честные люди, на красивой каменной висѣлицѣ и на счетъ добраго города Парижа. Эта можетъ служить тебѣ утѣшеніемъ.

— Да... конечно. — согласился Гренгуаръ.

— Ты будешь пользоваться и другими преимуществами. Какъ члену вольнаго братства, тебѣ не придется платить обязательныхъ для всѣхъ парижанъ налоговъ: въ пользу бѣдныхъ, за чистку и освѣщеніе улицъ.

— Хорошо, — сказалъ поэтъ, — я согласенъ. Я бродяга, подданный королевства арго, членъ воровской шайки, вольнаго братства и всего, чего угодно. И я былъ всѣмъ этимъ еще раньше, ваше величество, потому что я философъ. А какъ вамъ извѣстно et omnia in philosophia, omnes in philosopho continentur. (Все въ философіи и всѣ философы).

Тунскій король нахмурилъ брови.

— За кого ты принимаешь меня, пріятель? — сказалъ онъ. — Съ какой стати заболталъ ты на языкѣ венгерскихъ жидовъ? Я не говорю по-жидовски. Чтобы сдѣлаться бандитомъ, не нужно быть жидомъ. Теперь я даже не занимаюсь воровствомъ; я выше этого — я убиваю. Я рѣжу головы, но не срѣзываю кошельковъ.

Слушая эти короткія фразы, которыя становились все отрывистѣе отъ овладѣвшаго королемъ гнѣва, Гренгуаръ испугался и началъ оправдываться.

— Прошу извиненія у вашего величества, — сказалъ онъ. — Я говорилъ не по-еврейски, а по-латыни.

— Повторяю тебѣ, что я не жидъ! — въ ярости воскликнулъ Клопенъ. — Я велю тебя повѣсить, отродье синагоги! Вмѣстѣ вонъ съ тѣмъ коротышкой — жиденкомъ, который стоитъ рядомъ съ тобою. Впрочемъ, его, навѣрное, скоро пригвоздятъ къ прилавку, какъ фальшивую монету!

Говоря это, онъ показалъ пальцемъ на низенькаго, бородатаго еврея, надоѣдавшаго Гренгуару своимъ „Facitate caritem“. Не зная никакого другого языка, еврей съ удивленіемъ смотрѣлъ на тунскаго короля, не понимая, чѣмъ могъ вызвать его гнѣвъ.

Наконецъ, его величество нѣсколько успокоился.

— Итакъ, ты хочешь поступить въ воровскую шайку? — спросилъ онъ Гренгуара.

— Да, хочу, — отвѣчалъ поэтъ.

— Одного хотѣнья еще мало, — угрюмо проговорилъ Клопенъ. — Отъ него не прибавится ни одной луковицы въ супѣ, оно хорошо только для рая. А между раемъ и арго большая разница. Чтобы быть принятымъ въ шайку, ты долженъ доказать, что годенъ на что-нибудь, и для этого обыскать чучело.

— Я обыщу, кого угодно, — отвѣчалъ Гренгуаръ.

Клопенъ сдѣлалъ знакъ. Нѣсколько человѣкъ вышли изъ круга и черезъ минуту вернулись, неся два столба. Эти столбы заканчивались двумя деревянными подпорками, на которыхъ они держались прочно и крѣпко, когда ихъ вбили въ землю. Верхніе концы столбовъ соединили поперечной перекладиной, такъ что вышла прехорошенькая переносная висѣлица. Гренгуаръ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ она въ одну минуту воздвиглась передъ нимъ. Все было налицо, даже петля, граціозно качавшаяся подъ перекладиной.

— Что они хотятъ дѣлать? — съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спрашивалъ себя Гренгуаръ.

Въ эту минуту раздался звонъ колокольчиковъ, и чучело, которому члены вольнаго братства накинули на шею петлю, закачалось на висѣлицѣ. Это было настоящее воронье пугало, наряженное въ красную одежду и увѣшанное такимъ огромнымъ количествомъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, что ихъ хватило бы на упряжь тридцати кастильскихъ муловъ. Эти колокольчики звенѣли, пока качалась веревка, а потомъ,

мало-по-малу замирая, совсѣмъ затихли, когда чучело остановилось неподвижно, подчиняясь закону маятника, вытѣснившаго водяные и песочные часы.

Тогда Клопенъ, указывая Гренгуару на старую, расшатанную, едва державшуюся на трехъ ногахъ скамейку, стоявшую подъ чучеломъ, сказалъ:

— Влѣзай!

— Чортъ возьми, да вѣдь я сломаю себѣ шею! — возразилъ Гренгуаръ. — Ваша скамейка хромаетъ, какъ двустишіе Марціала. Одна нога у нея гекзаметръ, а другая пентаметръ.

— Влѣзай! — повторилъ Клопенъ.

Дѣлать нечего, Гренгуаръ влѣзъ на скамейку и, взмахнувъ нѣсколько разъ руками и головой, нашелъ, наконецъ, центръ тяжести.

— Теперь, — продолжалъ тунскій король, — подними правую ногу, обхвати ею лѣвое колѣно и встань на цыпочки на лѣвую ногу.

— Такъ вы непремѣнно хотите, чтобы я сломалъ себѣ что-нибудь, ваше величество? — воскликнулъ Гренгуаръ.

Клопенъ покачалъ головою.

— Ты слишкомъ много болтаешь, пріятель, — сказалъ онъ. — Вотъ въ двухъ словахъ, что отъ тебя требуется. Ты встанешь на цыпочки на лѣвую ногу, какъ я уже говорилъ. Тогда тебѣ можно будетъ достать до чучелы. Ты обыщешь его и вынешь у него изъ кармана кошелекъ, который тамъ лежитъ. Если ты сдѣлаешь это такъ, что не зазвенитъ ни одинъ колокольчикъ — отлично, ты будешь членомъ нашей шайки и все ограничится только тѣмъ, что мы въ продолженіе восьми дней будемъ нещадно колотить тебя.

— Господи, помилуй! — воскликнулъ Гренгуаръ. — А если колокольчики зазвенятъ?

— Тогда тебя повѣсятъ. Понимаешь?

— Нѣтъ, совсѣмъ не понимаю, — отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Такъ слушай еще разъ. Ты обыщешь это пугало и вытащишь у него изъ кармана кошелекъ. Если въ это время зазвенитъ хоть одинъ колокольчикъ, тебя повѣсятъ. Понимаешь?

— Хорошо, понимаю, — сказалъ Гренгуаръ. — А дальше?

— Если тебѣ удастся вытащить кошелекъ такъ, что не зазвенитъ ни одинъ колокольчикъ, ты будешь принятъ въ шайку и мы станемъ тузить тебя въ продолженіе восьми дней подъ рядъ. Теперь ты, надѣюсь, понялъ?

— Нѣтъ, ваше величество, я опять-таки ничего не понялъ. Что же я выиграю? Въ одномъ случаѣ меня повѣсятъ, въ другомъ будутъ колотить!

— Но вѣдь зато тебя примутъ въ шайку. Развѣ ты ставишь это ни во что? А бить тебя мы будемъ для твоей же пользы, что бы пріучить твое тѣло къ ударамъ.

— Благодарю покорно, — отвѣчалъ поэтъ.

— Ну, будетъ болтать! — воскликнулъ король, ударивъ ногой по бочкѣ, которая загудѣла, какъ огромный барабанъ. — Обыскивай чучело и покончимъ съ этимъ. Предупреждаю тебя въ послѣдній разъ, что ты самъ займешь мѣсто чучелы, если звякнетъ хоть одинъ колокольчикъ.

Вся шайка разразилась рукоплесканіями при этихъ словахъ Клопена и съ громкимъ смѣхомъ окружила висѣлицу; этотъ безжалостный

смѣхъ показалъ Гренгуару, что его отчаянное положеніе служитъ для нихъ забавой и что ему нечего ждать пощады. Итакъ, все было противъ него — оставалась лишь одна слабая надежда, что, можетъ-быть, ему удастся выполнить трудную задачу. Онъ рѣшилъ рискнуть, но сначала обратился мысленно съ горячей мольбой къ чучелу, которое собирался обокрасть; легче было смягчить его, чѣмъ окружавшихъ висѣлицу людей. А когда Гренгуаръ взглядывалъ на всѣ эти колокольчики съ мѣдными язычками, ему казалось, что это миріады змѣй, что онѣ открыли свои пасти и собираются зашипѣть и ужалить его.

„Господи! — думалъ онъ. — Неужели моя жизнь зависитъ отъ того, зазвенитъ или не зазвенитъ хотя бы одинъ изъ этихъ маленькихъ колокольчиковъ? О, колокольчики, не звените, бубенчики, не гремите!“ — прибавилъ онъ мысленно, съ мольбою сжавъ руки.

Потомъ онъ снова обратился къ Клопену.

— А если колокольчики зазвенятъ отъ вѣтра? — спросилъ онъ.

— Ты будешь повѣшенъ, — не задумываясь отвѣчалъ Клопенъ.

Видя, что нѣтъ никакой возможности ни увернуться ни добиться отсрочки, Гренгуаръ покорился своей судьбѣ. Онъ обхватилъ правою ногою лѣвое колѣно, всталъ на цыпочки на лѣвую ногу и протянулъ руку; но въ ту минуту, какъ онъ дотронулся до чучелы, тѣло его, стоявшее только на одной ногѣ да къ тому же на трехногой скамейкѣ, пошатнулось. Онъ машинально хотѣлъ опереться на чучело и, потерявъ равновѣсіе, тяжело упалъ на землю. Всѣ колокольчики оглушительно зазвенѣли, а чучело, которое онъ толкнулъ, сначала описало кругъ, а потомъ величественно закачалось между двумя столбами.

— Проклятіе! — воскликнулъ Гренгуаръ, летя со скамейки, и, упавъ на землю ничкомъ, остался неподвиженъ, какъ мертвый.

А между тѣмъ, онъ слышалъ страшный трезвонъ у себя надъ головой и злобный хохотъ бродягъ и голосъ ихъ короля, который сказалъ:

— Поднимите этого молодца и повѣсьте его!

Гренгуаръ всталъ. Чучело сняли, чтобы освободить ему мѣсто, и заставили его взлѣзть на скамейку. Клопенъ подошелъ къ нему, надѣлъ ему на шею петлю и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Прощай, любезный другъ! Теперь тебѣ ужъ не увернуться, будь ты хоть самъ папа!

Мольба о пощадѣ замерла на губахъ Гренгуара. Онъ оглядѣлся кругомъ. Никакой надежды — всѣ хохочутъ, смотря на него.

— Бельвинь де Летуаль, — сказалъ тунскій король, и какой-то верзила вышелъ изъ рядовъ. — Взлѣзь на перекладину!

Бельвинь ловко взобрался на поперечную балку, и Гренгуаръ съ ужасомъ увидалъ, что онъ присѣлъ на корточки надъ самой его головой.

— Когда я хлопну въ ладоши, — продолжалъ король, — ты, Андрэ Леружъ, вышибешь скамейку изъ-подъ ногъ этого писателя, ты, Франсуа Шантъ-Прюнъ, повиснешь у него на ногахъ, а ты, Бельвинь, вскочишь ему на плечи. И всѣ трое сразу — понимаете?

Гренгуаръ задрожалъ.

— Ну, готовы вы? — спросилъ Клопенъ, взглянувъ на Бельвиня, Франсуа и Леружа, которые собирались броситься на Гренгуара, какъ три паука на муху. Затѣмъ, для несчастнаго поэта наступила минута томительнаго ожиданія въ то время, какъ Клопенъ спокойно подталки-

валъ ногою въ огонь нѣсколько еще не загорѣвшихся вѣтокъ.— Готовы вы? — повторилъ онъ и поднялъ руки, чтобы хлопнуть въ ладоши.

Еще секунда — и все было бы кончено.

Но вдругъ Клопенъ остановился, какъ бы внезапно пораженный какою-то мыслью.

— Погодите, — сказалъ онъ, — я забылъ. По нашимъ обычаямъ, нельзя повѣсить человѣка, не спросивъ сначала, не хочетъ ли какая-нибудь женщина взять его въ мужья... Ну, товарищъ, это твоя послѣдняя надежда. Ты возьмешь себѣ въ жены или одну изъ нашихъ женщинъ или веревку.

Этотъ цыганскій обычай можетъ показаться читателю очень страннымъ, но онъ существовалъ на самомъ дѣлѣ и внесенъ въ старинное англійское законодательство. О немъ можно справиться въ „Примѣчаніяхъ“ Берингтона.

Гренгуаръ перевелъ духъ. Въ теченіе получаса онъ во второй разъ возвращался къ жизни и не могъ быть вполнѣ увѣренъ, что ему удастся спастись.

— Эй, вы, бабье! — крикнулъ Клопенъ, снова взобравшись на свою бочку. — Кто изъ васъ, начиная съ колдуньи и кончая ея кошкой, хочетъ взять себѣ въ мужья этого молодца? Эй, Колетта ла Шароннъ! Елизабета Трувенъ! Симона Жадуинъ! Марія Пьедебу! Тонна ла Лонгъ! Берарда Фануель! Мишель Женайль! Клодина Ронжъ-Орейль! Изабелла Тьерри! Идите сюда, смотрите! Отдается даромъ мужчина! Кому онъ нуженъ?

Но Гренгуаръ имѣлъ такой жалкій видъ, что представлялъ мало привлекательнаго. Женщины отнеслись равнодушно къ предложенію короля, и бѣдный поэтъ слышалъ, какъ онѣ говорили: „Нѣтъ, Нѣтъ! Его лучше повѣсить. Тогда будетъ удовольствіе для всѣхъ“.

Однако, три изъ нихъ все-таки вышли изъ толпы и одна за другой стали подходить и осматривать его. Первая была толстуха съ почти квадратнымъ лицомъ. Она внимательно оглядѣла истрепанную одежду философа; на ней было больше дыръ, чѣмъ на сковородкѣ, на которой жарятъ каштаны. Дѣвушка сдѣлала гримасу.

— Старое тряпье! — пробормотала она и обратилась къ Гренгуару:

— Гдѣ твой плащъ?

— Я потерялъ его.

— А твоя шляпа?

— У меня ее взяли.

— Покажи твои башмаки.

— У нихъ отваливаются подошвы.

— Твой кошелекъ?

— Увы! — запинаясь проговорилъ Гренгуаръ. — У меня нѣтъ ни монетки!

— Такъ попроси, чтобы тебя повѣсили, да еще поблагодари за трудъ! — сказала дѣвушка и повернулась къ нему спиной.

Вторая, подошедшая взглянуть на Гренгуара, была безобразная, смуглая старуха, вся въ морщинахъ, казавшаяся какимъ-то отвратительнымъ пятномъ даже на Дворѣ Чудесъ. Она обошла кругомъ Гренгуара, которому даже сдѣлалось страшно, что она захочетъ взять его.

— Нѣтъ, онъ слишкомъ тощъ! — проворчала сквозь зубы старуха и ушла.

Третья была молодая дѣвушка, довольно свѣженькая и не дурна собою.

— Спасите меня! — прошепталъ ей несчастный поэтъ.

Она посмотрѣла на него съ состраданіемъ, потомъ опустила глаза и, перебирая юбку, нѣсколько времени стояла, какъ бы не зная, на что рѣшиться.

— Нѣтъ, — наконецъ, сказала она. — Гильомъ Лонгжу приколотитъ меня.

И она вошла въ толпу.

— Ну, пріятель, тебѣ не везетъ! — сказалъ Клопенъ.

Онъ всталъ на бочку и, къ величайшему удовольствію публики, закричалъ тономъ оцѣнщика на аукціонѣ:

— Никто не желаетъ взять его? Разъ, два три! — И, повернувшись къ висѣлицѣ, прибавилъ, кивнувъ головой. — Онъ остался за тобою!

Бельвинь де Летуаль, Андрэ Леружъ и Франсуа Шантъ-Прюнъ пододвинулись къ Гренгуару.

Въ эту минуту раздались крики:

— Эсмеральда! Эсмеральда!

Гренгуаръ вздрогнулъ и обернулся въ ту сторону. Толпа разступилась и пропустила прелестную молодую дѣвушку.

Это была цыганка.

— Эсмеральда! — прошепталъ пораженный Гренгуаръ. Несмотря на волненіе и на то, что мысли его были заняты совсѣмъ другимъ, магическое слово „Эсмеральда“ сразу вызвало въ его памяти всѣ событія этого дня.

Даже здѣсь, на Дворѣ Чудесъ, всѣ, казалось, испытывали на себѣ могущество красоты и очарованія этого чуднаго созданія. Мужчины и женщины тихо разступались, давая ей дорогу, и ихъ грубыя лица прояснялись отъ одного ея взгляда.

Она подошла своей легкой поступью къ поэту. Хорошенькая Джали слѣдовала за ней. Гренгуаръ былъ ни живъ ни мертвъ. Эсмеральда съ минуту смотрѣла на него.

— Вы хотите повѣсить этого человѣка? — спросила она Клопена.

— Да, сестра, — отвѣчалъ тунскій король, — если только ты не захочешь взять его въ мужья.

Она сдѣлала свою презрительную гримаску и сказала:

— Хорошо, я возьму его.

Тутъ Гренгуаръ уже вполнѣ убѣдился, что видитъ сонъ. Да, онъ заснулъ еще утромъ — онъ грезитъ и теперь.

Развязка, какъ ни была она пріятна, слишкомъ потрясла его своей неожиданностью.

Съ шеи поэта сняли петлю и помогли ему сойти со скамейки. Онъ былъ такъ взволнованъ, что принужденъ былъ сѣсть.

Герцогъ цыганскій, не произнося ни слова, принесъ глиняную кружку. Эсмеральда подала ее Гренгуару.

— Бросьте ее, — сказала она.

Кружка разлетѣлась на четыре куска.

Тогда герцогъ цыганскій положилъ руки на головы Гренгуара и Эсмеральды.

— Братъ, она твоя жена, — сказалъ онъ. — Сестра, онъ твой мужъ. На четыре года. Ступайте.

VII.

Брачная ночь.

Черезъ нѣсколько минутъ Гренгуаръ очутился въ маленькой, уютной, теплой комнаткѣ со сводчатымъ потолкомъ, передъ столомъ, который, повидимому, только и ждалъ, чтобы на него положили что-нибудь изъ стоявшаго тутъ же шкафика съ провизіей. А въ перспективѣ нашему поэту улыбалась хорошая постель и общество очаровательной молодой дѣвушки. Все это было такъ похоже на волшебную сказку, что Гренгуаръ сталъ не шутя смотрѣть на себя, какъ на сказочнаго принца. Время отъ времени онъ даже внимательно осматривался по сторонамъ, какъ бы отыскивая огненную колесницу, запряженную двумя крылатыми химерами, такъ какъ только она одна могла перенести его такъ быстро изъ тартара въ рай. А иногда онъ начиналъ упорно смотрѣть на свою дырявую одежду, на эту грубую дѣйствительность, которая удерживала его на землѣ и не давала унестись совсѣмъ въ міръ фантазіи и грезъ.

Молодая дѣвушка, повидимому, не обращала на Гренгуара никакого вниманія. Она ходила то туда, то сюда, передвигала скамейки, болтала съ своей козочкой, дѣлала по временамъ свою любимую гримаску. Наконецъ, она подошла къ столу и сѣла, благодаря чему Гренгуаръ могъ, наконецъ, хорошо разсмотрѣть ее.

Вы были ребенкомъ, читатель, и, можетъ-быть, такъ счастливы, что остались имъ до сихъ поръ. Вѣроятно, вы не разъ слѣдили въ солнечный день около ручейка за какой-нибудь прелестной, зеленой или голубой стрекозой, которая быстрыми, рѣзкими углами перелетала съ кустика на кустикъ, легко прикасаясь ко всѣмъ вѣточкамъ, какъ бы цѣлуя ихъ. Я, съ своей стороны, проводилъ за этимъ занятіемъ цѣлые дни — лучшіе дни моей жизни. Помните, съ какой любовью и любопытствомъ слѣдили вы взглядомъ и мыслью за этимъ вихремъ крыльевъ, пурпура и лазури, среди которыхъ мелькало что-то неуловимое, благодаря необыкновенной быстротѣ движеній. И воздушное созданіе, которое смутно обрисовывалось сквозь прозрачныя, трепещущія крылья, казалось вамъ тогда чѣмъ-то фантастическимъ, призрачнымъ, недоступнымъ ни зрѣнію ни осязанію. А когда, наконецъ, стрекоза садилась отдохнуть на верхушку тростника, съ какимъ удивленіемъ, сдерживая дыханіе, смотрѣли вы на ея длинныя, прозрачныя крылья, на ея эмалевое одѣяніе и кристальные глаза! Какъ боялись вы, что этотъ образъ снова задернется дымкой, что это прелестное созданіе опять превратится въ химеру! Вспомните, что вы чувствовали тогда, и вы поймете, что испытывалъ Гренгуаръ, любуясь Эсмеральдой, которую до сихъ поръ видѣлъ только мелькомъ, въ вихрѣ танцевъ, среди звуковъ пѣнія и шума толпы.

„Такъ вотъ что такое Эсмеральда! — думалъ онъ, смотря на нее и все больше погружаясь въ мечты.— Небесное созданіе! уличная танцовщица! Такъ много и такъ мало! Она нанесла послѣдній ударъ моей мистеріи утромъ и она же спасла мнѣ жизнь вечеромъ. Мой злой геній! Мой добрый ангелъ!.. Прехорошенькая дѣвушка, клянусь честью!

И такъ какъ она сама захотѣла сдѣлаться моей женой, то, навѣрное, любитъ меня до безумія. Да, какъ никакъ, — подумалъ онъ вдругъ съ тѣмъ сомнѣніемъ дѣйствительности, которое составляло основу его характера и философіи.— Да, какъ ни какъ, а я ея мужъ!“

Мысль эта отразилась у него во взглядѣ и онъ съ такимъ побѣдоноснымъ и развязнымъ видомъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, что она отступила.

— Что вамъ нужно? — спросила она.

— Какъ можете вы спрашивать объ этомъ, прелестная Эсмеральда?— сказалъ Гренгуаръ, и голосъ его зазвучалъ такою страстью, что это изумило даже его самого.

Цыганка широко открыла глаза.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,— съ недоумѣніемъ проговорила она.

— Какъ? — воскликнулъ Гренгуаръ, воспламеняясь еще больше и думая, что имѣетъ дѣло съ дѣвушкой, добродѣтельной лишь съ точки зрѣнія Двора Чудесъ.— Какъ? Развѣ я не принадлежу тебѣ, моя дорогая? Развѣ ты не моя?

И онъ обнялъ ее за талію.

Цыганка выскользнула, какъ угорь, у него изъ рукъ. Она отпрыгнула на другой конецъ комнаты, нагнулась, выпрямилась и въ рукѣ ея блеснулъ кинжалъ. Гренгуаръ даже не успѣлъ увидать, откуда она взяла его. Она стояла передъ нимъ, гнѣвная и гордая, съ дрожащими губами и раздувающимися ноздрями; щеки ея пылали, глаза сверкали. Въ то же время бѣлая козочка встала передъ ней и, готовясь къ бою, опустила голову и выставила впередъ свои хорошенькіе, позолоченные рожки, — очень острые рожки. Все это произошло въ одно мгновеніе ока.

Стрекоза превратилась въ осу и собиралась ужалить.

Бѣдный философъ, совсѣмъ растерявшись, тупо смотрѣлъ то на Эсмеральду, то на козочку.

— Пресвятая Дѣва! — воскликнулъ онъ, наконецъ, немножко опомнившись отъ изумленія.— Вотъ такъ бѣдовая парочка!

— А ты, какъ видно, очень дерзкій негодяй! — замѣтила съ своей стороны Эсмеральда.

— Извините, сударыня,— съ улыбкой сказалъ Гренгуаръ. — Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ взяли вы меня въ мужья?

— А лучше было бы дать тебя повѣсить?

— Такъ, значитъ, вы вышли за меня замужъ только для того, чтобы спасти меня отъ висѣлицы? — спросилъ Гренгуаръ, воображавшій, что цыганка влюбилась въ него и теперь разочаровавшійся въ своихъ ожиданіяхъ.

— А иначе зачѣмъ же я вышла бы за васъ? — сказала она.

— Я, какъ видно, далеко не такъ счастливъ въ любви, какъ думалъ,— пробормоталъ онъ.— Но къ чему же тогда было разбивать эту несчастную кружку?

Между тѣмъ, Эсмеральда все еще держала въ рукѣ кинжалъ, а козочка продолжала стоять, опустивъ рога.

— Заключимъ перемиріе, м-ль Эсмеральда, — сказалъ поэтъ.— Я не секретарь суда и, конечно, не стану доносить, что вы держите у себя оружіе, вопреки указамъ и запрещеніямъ парижскаго прево. Вѣдь

вы, навѣрное, знаете, что всего недѣлю тому назадъ Ноэль Лескрипьенъ былъ присужденъ къ штрафу въ десять су за то, что носилъ шпагу. Но это меня не касается, и я перейду прямо къ дѣлу. Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, что не подойду къ вамъ близко безъ вашего разрѣшенія и позволенія. Только дайте мнѣ поужинать.

У Гренгуара былъ въ сущности очень холодный темпераментъ; онъ, какъ и Депрео, обладалъ лишь „небольшой дозой чувственности“ и не принадлежалъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ побѣдителей, которые берутъ молодыхъ дѣвушекъ приступомъ. Въ любви, какъ и во всемъ остальномъ, онъ былъ противъ крайнихъ мѣръ и предпочиталъ выжидательную политику. Хорошій ужинъ и пріятное общество казались ему — въ особенности на пустой желудокъ — великолѣпнѣйшимъ антрактомъ между прологомъ и развязкой его любовнаго приключенія.

Эсмеральда не отвѣчала. Она сдѣлала свою презрительную гримаску, подняла голову, какъ птичка, и звонко расхохоталась; а маленькій кинжалъ исчезъ такъ же быстро, какъ и появился, прежде чѣмъ Гренгуаръ могъ замѣтить, куда пчелка спрятала свое жало.

Черезъ минуту на столѣ лежали ржаной хлѣбъ, ломоть свиного сала и нѣсколько сморщенныхъ яблокъ и стояла кружка пива. Гренгуаръ съ страстнымъ увлеченіемъ принялся за ѣду. Судя по отчаянному стуку его желѣзной вилки о фаянсовую тарелку, можно было подумать, что вся его любовь перешла въ аппетитъ.

Молодая дѣвушка сидѣла напротивъ него и молча смотрѣла, какъ онъ ужинаетъ, очевидно, занятая совсѣмъ другими мыслями. Время отъ времени на губахъ ея мелькала улыбка, и она гладила своей нѣжной рукой умную головку козочки, прижавшейся къ ея колѣнямъ.

Желтая восковая свѣча освѣщала эту сцену жадности и мечтательности.

Между тѣмъ, Гренгуаръ, утоливъ первые приступы голода, устыдился, увидавъ, что на столѣ не осталось ничего, кромѣ одного яблока.

— Вы ничего не кушаете, м-ль Эсмеральда? — сказалъ онъ.

Она отрицательно покачала головой и устремила задумчивый взглядъ на сводчатый потолокъ.

„Что она нашла тамъ интересного? — подумалъ Гренгуаръ и взглянулъ на потолокъ. — Не можетъ быть, чтобы рожа этого высѣченнаго на сводѣ карлика такъ занимала ее. Чортъ возьми! Кажется, я могу выдержать съ нимъ сравненіе“.

— М-ль Эсмеральда! — сказалъ онъ.

Она, казалось, не слыхала его.

— М-ль Эсмеральда! — повторилъ онъ, возвысивъ голосъ.

Напрасный трудъ. Мысли молодой дѣвушки были далеко, и голосъ Гренгуара не могъ отвлечь ее отъ нихъ. Къ счастью, вмѣшалась козочка. Она начала тихонько дергать свою госпожу за рукавъ.

— Что тебѣ, Джали? — спросила цыганка, какъ бы внезапно пробудившись отъ сна.

— Она голодна, — сказалъ Гренгуаръ, очень довольный случаемъ завязать разговоръ.

Эсмеральда накрошила хлѣба, который Джели принялась граціозно ѣсть съ ея ладони.

Гренгуаръ не далъ молодой дѣвушкѣ времени снова впасть въ задумчивость. Онъ рѣшился сдѣлать ей довольно щекотливый вопросъ.

— Такъ вы не хотите, чтобы я былъ вашимъ мужемъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ,— отвѣчала Эсмеральда, пристально взглянувъ на него.

— А вашимъ любовникомъ?

— Нѣтъ,— отвѣчала она, сдѣлавъ свою гримаску.

— А вашимъ другомъ? — продолжалъ Гренгуаръ.

Она снова внимательно посмотрѣла на него и, немножко подумавъ, сказала:

— Можетъ-быть.

Это „можетъ-быть", такое дорогое для философовъ, ободрило Гренгуара.

— Знаете вы, что такое дружба? — спросилъ онъ.

— Да,— отвѣчала цыганка.— Это значитъ быть братомъ и сестрой. Это двѣ души, которыя соприкасаются, но не сливаются; это два пальца на рукѣ.

— А любовь? — спросилъ Гренгуаръ.

— О, любовь! — сказала она, и голосъ ея задрожалъ, а глаза блеснули.— Это когда два существа сливаются въ одно, когда мужчина и женщина превращаются въ ангела. Это небо.

Въ то время, какъ уличная танцовщица говорила это, ея лицо просіяло такой чудной красотой, вполнѣ гармонировавшей съ восточной экзальтаціей ея словъ, что Гренгуаръ былъ пораженъ. Ея невинныя розовыя губки улыбались, ея чистый, ясный лобъ минутами затуманивался мыслью, какъ зеркало отъ дыханія, а изъ-подъ ея опущенныхъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ разливался какой-то особенный свѣтъ, придававшій ея лицу ту идеальную красоту, которую впослѣдствіи нашелъ Рафаэль въ сліяніи дѣвственности, материнства и божества.

— Какимъ же нужно быть, чтобы вамъ понравиться? — продолжалъ допрашивать ее Гренгуаръ.

— Нужно быть мужчиной.

— А я? — спросилъ онъ.— Что же я такое?

— Мужчиной съ каской на головѣ, со шпагой въ рукѣ и золотыми шпорами на ногахъ.

— Такъ,— сказалъ Гренгуаръ.— Значитъ, безъ коня нѣтъ и мужчины? А вы любите кого-нибудь?

— Любовью?

— Да, любовью.

Эсмеральда на минуту задумалась, а потомъ сказала съ какимъ-то особымъ выраженіемъ:

— Я скоро узнаю это.

— Почему же не сегодня вечеромъ? — нѣжно спросилъ поэтъ. — Почему не меня?

Она серіозно взглянула на него.

— Я могу полюбить только такого человѣка, который сумѣетъ защитить меня.

Гренгуаръ покраснѣлъ и принялъ къ свѣдѣнію слова молодой дѣвушки. Она, очевидно, намекала на то, что онъ не помогъ ей спастись отъ Квазимодо. Только теперь вспомнилъ онъ, какой опасности она подвергалась: ему самому пришлось столько вынести въ послѣдніе два часа, что онъ совсѣмъ забылъ объ этомъ.

— Мнѣ слѣдовало прежде всего спросить объ этомъ! — воскликнулъ онъ.— Простите мнѣ, пожалуйста, мою глупую разсѣянность. Скажите, какъ удалось вамъ вырваться изъ когтей Квазимодо?

Этотъ вопросъ заставилъ вздрогнуть Эсмеральду.

— Ахъ, этотъ ужасный горбунъ! — сказала она, закрывъ лицо руками и дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Дѣйствительно, ужасный,— согласился Гренгуаръ и снова спросилъ: — Какъ же удалось вамъ спастись отъ него?

Эсмеральда улыбнулась, вздохнула и не отвѣчала.

— Знаете вы, зачѣмъ онъ слѣдилъ за вами? — спросилъ Гренгуаръ, стараясь вернуться обходомъ къ тому же интересовавшему его вопросу.

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣчала молодая дѣвушка, а потомъ быстро прибавила: — Вѣдь и вы слѣдили за мной. Зачѣмъ вы это дѣлали?

— Клянусь честью, тоже не знаю! — отвѣчалъ Гренгуаръ.

Наступило молчаніе. Гренгуаръ строгалъ ножомъ столъ. Молодая дѣвушка улыбалась и пристально смотрѣла на стѣну, какъ будто видѣла что-то скрывающееся за ней. Вдругъ она запѣла едва слышно:

Замолкнулъ хоръ веселыхъ птицъ,
Земля подернулась туманомъ...

и, такъ же внезапно остановившись, начала ласкать Джали.

— Какое хорошенькое животное,— сказалъ Гренгуаръ.

— Это моя сестра,— отвѣчала цыганка.

— Почему васъ называютъ Эсмеральдой? — спросилъ поэтъ.

— Не знаю.

— Однако?

Она вынула изъ кармана маленькую овальную ладонку, висѣвшую у нея на шеѣ на цѣпочкѣ изъ какихъ-то зеренъ. Отъ ладонки несся сильный запахъ камфоры. Она была сшита изъ зеленой шелковой матеріи; посрединѣ ея блестѣлъ зеленый камень, похожій на изумрудъ.

— Можетъ-быть, меня называютъ такъ поэтому,— сказала она.

Гренгуаръ хотѣлъ взять въ руки ладонку, но она отдернула ее.

— Нѣтъ, не трогайте — это амулетъ, — сказала она. — Или вы повредите ему, или онъ повредитъ вамъ.

Любопытство поэта было сильно возбуждено.

— Кто же вамъ далъ его? — спросилъ онъ.

Она приложила палецъ къ губамъ и снова спрятала амулетъ за корсажъ.

Гренгуаръ попробовалъ сдѣлать ей еще нѣсколько вопросовъ, но она едва отвѣчала ему.

— Что значитъ слово „Эсмеральда“?

— Не знаю.

— На какомъ оно языкѣ?

— Должно-быть, по-египетски.

— Такъ казалось и мнѣ,— сказалъ Гренгуаръ. — Вы родились не во Франціи?

— Не знаю.

— Живы ваши родители?

Въ отвѣтъ на это она запѣла на мотивъ старинной пѣсни:

Моя мать была чайкой свободной,
Соколъ былъ мой отецъ благородный.
Предо мною рѣка,
Не видать челнока.

Птичкой я пронесусь
И воды не коснусь...
Моя мать была чайкой свободной,
Соколъ былъ мой отецъ благородный!

— Такъ,— сказалъ Гренгуаръ. — Какихъ же лѣтъ пріѣхали вы во Францію?

— Я была въ то время еще совсѣмъ маленькая.

Когда мы входили въ Папскія Ворота, надъ нашими головами пролетѣла камышевая славка.

— А въ Парижъ?

— Въ прошломъ году. Когда мы входили въ Папскія Ворота, надъ нашими головами пролетѣла камышевая славка. И тогда я сказала себѣ: зима будетъ холодная,

— Она и на самомъ дѣлѣ была холодная,— сказалъ Гренгуаръ, радуясь, что она стала немножко пособщительнѣе. — Мнѣ все время приходилось дуть себѣ на пальцы. Такъ вы, значитъ, обладаете даромъ пророчества?

— Нѣтъ,— попрежнему лаконически отвѣчала она.

— Этотъ герцогъ цыганскій, какъ вы его называете, считается главой вашего племени?

— Да.

— А, между тѣмъ, вѣдь онъ сочеталъ насъ бракомъ, — робко замѣтилъ поэтъ.

Эсмеральда сдѣлала свою презрительную гримаску.

— Я даже не знаю, какъ васъ зовутъ,— сказала она.

— Вы желаете знать мое имя? Извольте. Меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ.

— Я знаю одно имя, которое гораздо лучше.

— Злая! — сказалъ онъ.— Ну, пусть будетъ такъ, я не стану сердиться на васъ. Послушайте, вы, можетъ-быть, полюбите меня, когда узнаете ближе. Къ тому же вы съ такимъ довѣріемъ разсказали мнѣ свою исторію, что я считаю себя обязаннымъ сдѣлать то же. Итакъ, меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ — я сынъ фермера изъ Гонесса. Моего отца повѣсили бургундцы, а мать зарѣзали пикардійцы во время осады Парижа, двадцать лѣтъ тому назадъ. И я съ шести лѣтъ остался сиротою и былъ выброшенъ на парижскія улицы. Не знаю самъ, какъ удалось мнѣ прожить съ шести до шестнадцати лѣтъ. Иногда какая-нибудь торговка фруктами давала мнѣ сливу, иногда булочникъ бросалъ корку хлѣба. Вечеромъ я старался, чтобы меня подобралъ патруль, и мнѣ можно было-бы переночевать на соломѣ въ тюрьмѣ. Несмотря на всѣ эти невзгоды, я, какъ видите, выросъ, хоть толстымъ меня, конечно, назвать нельзя. Зимой я грѣлся на солнышкѣ у дверей гостиницъ и никакъ не могъ понять, почему костры Иванова дня зажигаются лѣтомъ, а не зимою. Въ шестнадцать лѣтъ я рѣшилъ пристроиться къ какому-нибудь дѣлу. Я перепробовалъ все. Сначала я поступилъ въ солдаты, но оказалось, что я недостаточно храбръ для военной службы. Затѣмъ я пошелъ въ монахи, но я былъ недостаточно набоженъ и къ тому же не могъ много пить. Съ отчаянія я поступилъ ученикомъ къ плотникамъ — оказалось, что я недостаточно силенъ. Больше всего мнѣ хотѣлось сдѣлаться школьнымъ учителемъ. Положимъ, я не умѣлъ читать, но это ничего не значило. Черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что за какое бы занятіе я не принимался, мнѣ всегда не хватаетъ чего-нибудь. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ своей полной непригодности ни къ чему, я по доброй волѣ сдѣлался поэтомъ. Это самое подходящее занятіе при бродячей жизни и все-таки оно лучше, чѣмъ воровство, къ которому подбивали меня нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, занимающіеся кражей. Къ счастью, въ одинъ прекрасный день я встрѣтился съ преподобнымъ отцомъ Клодомъ Фролло, архидіакономъ Собора Богоматери. Онъ принялъ во мнѣ участіе, и ему обязанъ я тѣмъ, что сталъ настоящимъ ученымъ. Я знаю латынь отъ твореній Цицерона до мортиролога Целестинскихъ монаховъ, я изучилъ схоластику, піитику, стихосложеніе и герметику — эту премудрость изъ премудростей. Я — авторъ мистеріи, которую съ такимъ успѣхомъ разыгрывали сегодня въ биткомъ набитой большой залѣ Дворца Правосудія. Затѣмъ я написалъ книгу — въ ней будетъ не меньше шестисотъ страницъ — о чудесной кометѣ 1465 года, отъ которой одинъ бѣднякъ даже сошелъ съ ума. Выпали на мою долю и другіе успѣхи. Понимая кое-что въ артиллерійскомъ дѣлѣ, я работалъ вмѣстѣ съ другими при

сооруженiи громадной бомбарды Жана Могъ, которую, какъ вы знаете, разорвало на Шарантонскомъ мосту, когда изъ нея попробовали выстрѣлить. При этомъ еще убило двадцать четыре человѣка изъ числа зрителей. Какъ видите, меня нельзя назвать плохой партiей. Я знаю очень много забавныхъ фокусовъ и штукъ, которымъ научу вашу козочку. Я, напримѣръ, могу выучить ее представлять парижскаго архiепископа, этого проклятаго фарисея, мельницы котораго обрызгиваютъ съ головы до ногъ всѣхъ проходящихъ по Мельничному мосту. Да, кромѣ того, я получу за свою мистерiю много денегъ, если мнѣ заплатятъ. Словомъ, я весь къ вашимъ услугамъ, я отдаю вамъ себя самого, свой умъ, свои знанiя и литературныя произведенiя. И я готовъ жить съ вами, какъ вамъ будетъ угодно — цѣломудренно или весело. Если хотите, мы будемъ мужемъ и женой; не хотите — братомъ и сестрой.

Гренгуаръ остановился, ожидая, какое впечатлѣнiе произведетъ его рѣчь на молодую дѣвушку, которая сидѣла, опустивъ глаза въ землю,

— Фебъ! — вполголоса проговорила она и, обернувшись къ поэту спросила: — Что значитъ слово „Фебъ“?

Гренгуаръ, хоть и не понимавшiй, какое отношенiе имѣетъ этотъ вопросъ къ его рѣчи, былъ не прочь похвастаться своей ученостью.

— Это латинское слово, — отвѣчалъ онъ, прiосаниваясь, — и значитъ „солнце“.

— Солнце! — повторила она.

— Такъ звали прекраснаго стрѣлка, который былъ богомъ, — прибавилъ Гренгуаръ.

— Богомъ! — снова повторила цыганка.

Что-то задумчивое и страстное звучало въ ея голосѣ.

Въ эту минуту одинъ изъ ея браслетовъ разстегнулся и упалъ. Гренгуаръ тотчасъ же нагнулся поднять его, а когда онъ выпрямился, молодая дѣвушка и козочка исчезли. Онъ услыхалъ, какъ щелкнула задвижка. Маленькая дверь вела въ сосѣднюю комнатку и теперь эта дверь была заперта изнутри.

„На чемъ же я лягу?“ — подумалъ нашъ философъ.

Онъ обошелъ кругомъ комнаты. Въ ней не было ничего, могущаго замѣнить кровать, кромѣ довольно длиннаго деревяннаго сундука. Но у него была рѣзная крышка, такъ что когда Гренгуаръ легъ на него, то, навѣрное, испыталъ такое же ощущенiе, какое испыталъ Микромегасъ, улегшись во всю длину на Альпы.

„Дѣлать нечего — попробуемъ заснуть хоть тутъ! — подумалъ онъ, укладываясь поудобнѣе. — Однако, какая странная брачная ночь! Очень жаль, что такъ вышло. Въ этой свадьбѣ съ разбитой кружкой было что-то наивное, допотопное и привлекательное“.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Соборъ Богоматери.

Соборъ Парижской Богоматери, безъ сомнѣнія, и въ настоящее время является прекраснымъ и величественнымъ зданіемъ. Но какъ ни хорошо сохранилось это зданіе, трудно не скорбѣть и не возмущаться при видѣ многочисленныхъ поврежденій, нанесенныхъ ему дружными усиліями времени и рукъ человѣческихъ, безъ всякаго уваженія къ Карлу Великому, положившему первый камень при его основаніи, и къ Филиппу-Августу, закончившему его постройку.

На лицѣ этой престарѣлой царицы нашихъ соборовъ рядомъ съ каждой морщиной обязательно находится и глубокій шрамъ. Tempus edax, homo edacior. Эту пословицу я бы охотно перевелъ такъ: „Время слѣпо, а человѣкъ глупъ".

Если бы у насъ съ читателемъ было достаточно досуга, чтобы подробно разобрать одинъ за другимъ слѣды различныхъ способовъ разрушенія, примѣненныхъ къ этому древнему храму, то мы бы нашли, что время гораздо менѣе участвовало въ этой работѣ разрушенія, чѣмъ человѣкъ, и, главнымъ образомъ,—„человѣкъ искусства". Я не оговариваюсь, сказавши „человѣкъ искусства", потому что въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, дѣйствительно, были люди, которые въ качествѣ архитекторовъ немилосердно портили этотъ великій памятникъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что, навѣрное, немного найдется архитектурныхъ страницъ болѣе прекрасныхъ, чѣмъ тѣ, которыя представляются фасадомъ собора Парижской Богоматери, гдѣ послѣдовательно и въ совокупности являются глазу три стрѣльчатыхъ входа, точно вышитая кружевная линія изъ двадцати восьми королевскихъ нишъ, громадное круглое центральное окно въ формѣ розетки, съ двумя меньшими круглыми боковыми окнами по обѣ стороны подобно тому, какъ по обѣ стороны священника всегда бываютъ діаконъ и иподіаконъ, высокая прозрачная галлерея трехлиственныхъ аркадъ, несущая на своихъ тонкихъ колоннахъ тяжелую площадку, и, наконецъ, двѣ массивныхъ черныхъ башни съ ихъ шиферными навѣсами. Всѣ эти гармоничныя части великолѣпнаго цѣлаго, нагроможденныя другъ на друга пятью гигантскими ярусами, съ ихъ безчисленными статуями, скульптурными и рѣзными подробностями, властно собранными въ одно спокойное, величавое цѣлое, въ стройной гармоніи развертываются передъ вами. Это, такъ сказать, исполинская каменная симфонія; колоссальный трудъ

одного человѣка и одного народа, цѣлый и полный, какъ Иліада и Романсеро, которымъ онъ родственъ; чудное произведеніе соединенія всѣхъ силъ одной эпохи, въ каждомъ камнѣ котораго вы видите многообразное проявленіе фантазіи мастера, сдерживаемой въ извѣстныхъ границахъ геніемъ художника; словомъ, созданіе человѣческаго творчества, могучаго и плодотворнаго, какъ творчество природы, у которой оно заимствовало и двойственность характера: разнообразіе и устойчивость.

То, что сказано о фасадѣ, нужно примѣнять и ко всему собору, а все сказанное о парижскомъ каѳедральномъ соборѣ относится вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ искусствѣ все вытекаетъ изъ самого себя, является строго послѣдовательнымъ и соразмѣрнымъ. Достаточно смѣрить одинъ палецъ ноги гиганта, чтобы опредѣлить размѣры всего его тѣла.

Но вернемся къ фасаду собора Богоматери, какимъ онъ представляется намъ въ настоящее время, когда мы будемъ благоговѣйно любоваться этимъ могучимъ и величественнымъ зданіемъ, которое, по словамъ своихъ хроникеровъ, наводитъ на зрителя невольный трепетъ; quae mole sua terrorem incutit spectantibus.

Въ настоящее время въ этомъ фасадѣ недостаетъ трехъ важныхъ частей: одиннадцати ступеней, когда-то поднимавшихся надъ землею; статуй, украшавшихъ ниши трехъ главныхъ порталовъ, и находившихся въ наружной галлереѣ перваго яруса двадцати восьми изображеній самыхъ древнихъ французскихъ королей, начиная съ Хильдеберта и кончая Филиппомъ-Августомъ, державшимъ въ рукѣ „императорскую державу“.

Ступени заставило исчезнуть время, непреодолимою силою поднимавшее уровень почвы города. Но время, допуская постепенное поглощеніе постоянно поднимавшеюся парижской мостовою одной за другою этихъ одиннадцати ступеней, способствовавшихъ величественной высотѣ зданія, дало, пожалуй, собору болѣе отнятаго: оно придало ему ту темную, сотканную вѣками окраску, которая превращаетъ эпоху старости памятниковъ въ эпоху расцвѣта ихъ наивысшей красоты.

Но кто опрокинулъ оба ряда статуй? Кто опустилъ ниши? Кто высѣкъ посреди центральнаго входа это новое, совсѣмъ не подходящее стрѣлчатое украшеніе? Кто дерзнулъ вставить эту тяжелую, аляповатую рѣзную деревянную дверь, въ стилѣ Людовика XV, рядомъ съ арабесками Бискорнета? — Люди, архитекторы, художники нашего времени.

А если мы войдемъ въ самый соборъ, — то кто снесъ колоссальное изображеніе св. Христофора, такъ же славившееся между другими статуями, какъ славился большой залъ Дворца Правосудія между другими залами, и шпицъ колокольни Страсбургскаго собора между всѣми прочими колокольными шпицами? Кто такъ варварски грубо уничтожилъ тѣ миріады статуй, которыя населяли всѣ промежутки между колоннами въ храмѣ и на хорахъ, — статуй колѣнопреклоненныхъ, статуй во весь ростъ, статуй конныхъ, статуй мужчинъ, женщинъ, дѣтей, королей, епископовъ, воиновъ, — кто уничтожилъ всѣ эти чудныя изваянія изъ камня, мрамора, золота, серебра, мѣди и даже воска? — Ужъ никакъ не время.

А кто замѣнилъ древній готическій алтарь, такъ роскошно обставленный драгоцѣнными ковчежцами и раками для мощей, этимъ тяже-

лымъ мраморнымъ саркофагомъ, украшеннымъ головами ангеловъ и облаками, который гораздо болѣе подходитъ къ церкви Валь де-Грасъ или Инвалидовъ? Кто такъ нелѣпо внесъ этотъ громоздкій каменный анахронизмъ въ созданіе карловингской эпохи? Не Людовикъ ли XIV, исполнившій желаніе Людовика XIII?

Кто вставилъ въ розетки надъ среднимъ главнымъ входомъ и въ стрѣльчатыя окна хоровъ эти холодныя, бѣлыя стекла, вмѣсто прежнихъ цвѣтныхъ стеколъ, которыми не могли вдоволь налюбоваться очарованные взоры нашихъ предковъ? Что бы сказалъ какой-нибудь причетникъ шестнадцатаго столѣтія, если бы онъ увидалъ прекрасную желтую штукатурку, которою наши вандалы-архіепископы измазали свой соборъ? Онъ припомнилъ бы, что желтою краскою палачи его времени *очищали* зданія, запятнанныя какимъ-нибудь злодѣйствомъ; припомнилъ бы отель „Маленькаго Бурбона", весь закрашенный желтой краской въ ознаменованіе измѣны Конетабля, той самой краской, о которой сказалъ Соваль: „Эта желтая краска такого прекраснаго свойства, такъ хорошо сохранилась, что болѣе чѣмъ столѣтній промежутокъ времени не могъ заставить ее полинять". Припомнивъ все это, причетникъ подумалъ бы, что это священное мѣсто сдѣлалось нечистымъ и въ ужасѣ бѣжалъ бы изъ него.

Не останавливаясь на тысячѣ разнообразныхъ мелкихъ варварствъ подобнаго рода, если мы пройдемъ на верхъ собора, то удивимся тому, что сталось съ той прелестной маленькой колоколенкой, которая, находясь на точкѣ пересѣченія свода, и не менѣе красивая, чѣмъ сосѣдній шпицъ Святой Часовни (также уничтоженной), стройная, изящная, острая, сквозная, звонкая, такъ смѣло вонзалась въ чистое голубое небо, выше башенъ самаго собора? Одинъ архитекторъ, обладавшій хорошимъ вкусомъ (въ 1787 году), ампутировалъ ее и вздумалъ замаскировать зіявшую рану безобразнымъ свинцовымъ пластыремъ, похожимъ на крышку котла.

Варварское отношеніе къ чудному средневѣковому искусству проявлялось во всѣхъ странахъ, а больше всего во Франціи. На соборѣ Парижской Богоматери ясно можно прослѣдить три рода поврежденій, изъ которыхъ каждое захватывало зданіе глубже другого. Сначала, видна рука времени, но она только тамъ и сямъ провела едва замѣтныя борозды и на все набросила слой ржавчины; потомъ, на соборъ цѣлыми толпами обрушились слѣпыя, бѣшеныя по своему характеру политическія и религіозныя смуты: онѣ оборвали его богатый скульптурный и рѣзной нарядъ, вырвали его розетки, разбили его украшенія изъ арабесокъ и нѣжныхъ завитковъ, стерли въ порошокъ его статуи, — однѣ за то, что онѣ были въ митрахъ, другія за то, что на ихъ головахъ красовались короны; наконецъ, соборъ теребила и искажала по-своему каждая новая мода, смѣнявшая одна другую въ все болѣе и болѣе грубыхъ и безобразныхъ формахъ въ продолженіе постепеннаго неизбѣжнаго упадка зодчества, начавшагося съ анархистскихъ, но красивыхъ уклоненій эпохи Возрожденія.

Мода надѣлала больше вреда, чѣмъ даже революціи. Она рѣзала ужъ прямо живое тѣло, касалась самаго остова произведенія искусства; рѣзала, кромсала, разрывала на части, убивала зданіе не только въ его формѣ, но и въ его символѣ, уничтожала его красоту и смыслъ. Въ довершеніе всего, та же мода отваживалась передѣлывать соборъ, на что

не осмѣлились ни время ни революціи. Съ наглымъ безстыдствомъ мода, вообразивъ себя обладательницею привилегіи „хорошаго вкуса", залѣпила язвы готическаго памятника своими однодневными бездѣлушками, мраморными лентами, металлическими помпончиками, покрыла все чудное зданіе настоящей проказою каменныхъ яичекъ, завитковъ, ободковъ, драпировокъ, гирляндъ, бахромъ, огненныхъ языковъ, бронзовыхъ облаковъ, толстыхъ амуровъ, херувимовъ съ раздутыми щеками, — всѣмъ тѣмъ, чѣмъ было начато разъѣданіе искусства въ молельнѣ Екатерины Медичи, а спустя два вѣка, послѣ безконечнаго кривлянія было окончательно погублено въ будуарѣ Дюбарри.

Слѣдовательно, резюмируя все указанное нами, мы видимъ, что памятники готическаго зодчества оказываются обезображенными тремя разрушительными силами. Морщины и борозды на нихъ — дѣло времени. Слѣды грубаго насилія, выбоины, проломы — дѣло революцій, начиная съ времени Лютера и кончая временемъ Мирабо. Изуродованіе, уничтоженіе частей, разрушеніе гармоніи цѣлаго, наконецъ, такъ называемые „реставраціи"—дѣло варварской работы желавшихъ подражать грекамъ и римлянамъ ученыхъ мастеровъ, справлявшихся по Витрувію и по Виньоле. Итакъ, чудное искусство созданное вандалами, было убито академиками. Къ дѣйствію вѣковъ и революцій, производившихъ опустошенія, по крайней мѣрѣ, съ величавымъ безпристрастіемъ, присоединилась туча патентованныхъ, присяжныхъ и дипломированныхъ зодчихъ изъ академій, которые принялись съ разборчивостью дурного вкуса унижать все, что было сдѣлано до нихъ, и по своему передѣлывать, замѣняя, напримѣръ, готическое рѣзное кружево нелѣпыми завитушками временъ Людовика XV. Это было ударомъ ослинаго копыта умирающему льву. Это можно также сравнить съ старымъ засыхающимъ дубомъ, на который набросились гусеницы, чтобы скорѣе источить и уничтожить обезсилившаго исполина.

Какъ это далеко отъ того времени, когда Робертъ Сеналисъ, сравнивая соборъ Парижской Богоматери съ знаменитымъ храмомъ Діаны Ефесской, „столь прославляемымъ языческими писателями", нашелъ галльскій соборъ „превосходнѣе по длинѣ, ширинѣ, высотѣ и складу".

Въ общемъ соборъ Парижской Богоматери не можетъ быть названъ памятникомъ цѣльнымъ, вполнѣ законченнымъ, классифицированнымъ. Это уже не романская церковь, но еще и не вполнѣ готическая. Словомъ,—это не типъ. Въ этомъ соборѣ нѣтъ того, чѣмъ отличается Турнюсское аббатство: массивной и величавой квадратной формы, круглаго и широкаго свода, нѣтъ той величественной простоты, которыми отличаются зданія, сооруженныя по принципу полной дуги. Онъ не является подобіемъ собора въ Буржѣ и не представляется такимъ великолѣпнымъ произведеніемъ, легкимъ, разнообразнымъ, сжатымъ, уносящимся въ высь, колосящимся такимъ множествомъ стрѣлокъ. Нѣтъ также никакой возможности причислить его и къ числу древнихъ храмовъ, мрачныхъ, таинственныхъ, низкихъ, точно придавленныхъ тяжелыми сводами; къ числу почти египетскихъ храмовъ съ низкимъ потолкомъ; храмовъ іероглифическихъ, жреческихъ, символическихъ и обремененныхъ въ видѣ украшеній болѣе косоугольниками и зигзагами, чѣмъ цвѣтами, болѣе цвѣтами, чѣмъ животными, и болѣе животными, чѣмъ людьми; храмовъ, являвшихся произведеніями скорѣе епископовъ, чѣмъ зодчихъ; храмовъ,

служившихъ выраженіемъ перваго преобразованія искусства, всецѣло проникнутаго теократическимъ и военнымъ духомъ, вышедшимъ изъ Византійской имперіи и существовавшимъ до Вильгельма Завоевателя. Нельзя причислить нашъ соборъ и къ другому семейству церквей, отличающихся высотою, воздушностью, богатствомъ цвѣтныхъ оконныхъ стеколъ и скульптурныхъ украшеній остроконечныхъ по формѣ, смѣлыхъ по виду, какъ политическіе символы, служащіе выраженіемъ общины и буржуазіи, свободныхъ, прихотливыхъ, разнузданныхъ, какъ произведенія искусства; церквей, служащихъ воплощеніемъ второго преобразованія зодчества, являющагося теперь болѣе уже не іероглифическимъ, жреческимъ, неподвижнымъ, а художественнымъ, прогрессирующимъ и всенароднымъ,—новаго вида зодчества, начавшагося во времена крестовыхъ походовъ и закончившагося царствованіемъ Людовика XI. Соборъ Парижской Богоматери, произведеніе не чисто романской расы, какъ церкви первой категоріи, но и не чисто арабской, какъ церкви второй категоріи.

Это зданіе переходной эпохи. Когда саксонскій зодчій водружалъ первые столбы для средней части храма, явилось произведеніе крестовыхъ походовъ—стрѣльчатый сводъ, и онъ побѣдоносно легъ на эти широкія романскія капители, которыя были предназначены для круглыхъ сводовъ. Воцарившись, стрѣльчатый сводъ докончилъ зданіе. Впрочемъ, довольно скромный и нерѣшительный вначалѣ, этотъ сводъ только ширился и раскидывался въ извѣстныхъ границахъ, не дерзая еще вытянуться въ острыя стрѣлы и копья, какъ онъ сдѣлалъ это впослѣдствіи въ столькихъ другихъ соборахъ. Казалось, онъ еще стѣснялся сосѣдствомъ тяжелыхъ романскихъ столбовъ.

Однако, зданія временъ перехода отъ романскаго искусства къ готическому не менѣе драгоцѣнны для изучающаго исторію зодчества, чѣмъ типы чистые. Эти зданія выражаютъ особый оттѣнокъ искусства; безъ нихъ онъ былъ бы утраченъ для насъ. Это, такъ сказать, зачатокъ стрѣльчатаго свода.

Въ частности, соборъ Парижской Богоматери является любопытнымъ образцомъ этой архитектурной разновидности. Каждый фасадъ, каждый камень этого прекраснаго памятника представляетъ собою не только страницу исторіи страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи науки и искусства. Чтобы не останавливаться на мелочахъ, укажемъ, для примѣра, на Малыя Красныя двери, которыя своей отдѣлкою почти переходятъ границы нѣжности готическаго зодчества пятнадцатаго столѣтія, и на столбы притвора, напоминающіе намъ своими размѣрами аббатство Сенъ-Жерменъ-де-Пре временъ карловинговъ. Можно сказать, что между этими дверями и столбами лежитъ промежутокъ въ шесть вѣковъ. Даже сами герметики въ символическихъ украшеніяхъ главной паперти должны найти вполнѣ удовлетворительный образчикъ ихъ науки, въ такомъ совершенствѣ выразившейся во всемъ зданіи церкви Сенъ-Жакъ-де-ла-Бушри. Такимъ образомъ, въ соборѣ Парижской Богоматери соединились, слились, сплотились въ одно цѣлое всѣ разновидности искусства зодчества: въ него вошла часть романскаго аббатства, часть церкви философической, часть искусства готическаго и саксонскаго, вошелъ и массивный круглый столбъ временъ папы Григорія VII и герметическій символизмъ, которымъ Николай Фламель предшествовалъ Лютеру; въ немъ видны и папское единеніе, и схизма, и Сенъ-Жер-

менъ-де-Пре, и Сенъ Жакъ-де-ла-Бушри. Эта, такъ сказать, собирательная церковь между всѣми парижскими церквами является какъ бы химерою, соединяя въ себѣ голову одной церкви, члены другой, торсъ третьей и, вообще, понемногу каждой изъ нихъ.

Повторяемъ, эти смѣшанныя зданія одинаково интересны, какъ для художника, такъ и для антикварія и историка. Они доказываютъ, что зодчество есть нѣчто первобытное, что доказывается также остатками циклопическихъ построекъ, египетскими пирамидами, исполинскими индусскими пагодами; такимъ образомъ, крупные памятники зодчества скорѣе являются произведеніями цѣлаго общества, чѣмъ индивидуальнаго духа; это — отложенія цѣлаго народа, межевые столбы вѣковъ, осадки послѣдовательныхъ испареній человѣчества, — словомъ, это своего рода органическія формаціи. Каждая волна времени оставляетъ свой наносъ, каждая раса оставляетъ на памятникѣ свой слой, каждый индивидумъ приноситъ для него свой камень. Такъ дѣлаютъ бобры, такъ дѣлаютъ пчелы, такъ дѣлаютъ и люди. Величайшій символъ архитектуры — Вавилонъ — тотъ же улей.

Великія зданія точно такъ же, какъ и высокія горы, сооружаются вѣками. Часто форма искусства уже измѣнилась, но работа этимъ не прекращается; pendent opera interrupta; она спокойно продолжается по новымъ пріемамъ измѣнившагося искусства. Новое искусство берется за неоконченный памятникъ, гдѣ бы оно его ни нашло, оно овладѣваетъ имъ, ассимилируетъ его, развиваетъ его сообразно своей фантазіи и заканчиваетъ, если можетъ. Дѣло совершается тихо, безъ усилія, безъ противодѣйствія откуда бы то ни было, слѣдуя естественному закону. Это прозябающій отростокъ какого-нибудь полузасохшаго растенія, циркулирующій сокъ, возрождающаяся растительность. Въ этихъ послѣдовательныхъ сшивкахъ различныхъ искусствъ на одномъ и томъ же памятникѣ, стоящихъ на различныхъ высотахъ, скрывается богатый матеріалъ для многотомныхъ книгъ, въ особенности для исторіи человѣчества. Въ этихъ громадныхъ массахъ совершенно исчезаетъ дѣло человѣка, какъ художника и индивида; въ нихъ только собираются и резюмируются усилія всего человѣчества. Время—зодчій, народъ — каменщикъ.

Разсматривая здѣсь одно европейское, христіанское зодчество, этого младшаго брата великихъ зодчествъ Востока, мы замѣтимъ, что оно является исполинскою формаціей, раздѣленной на три, рѣзко отличающихся одинъ отъ другого послѣдовательныхъ слоя: на слой романскій [1]), слой готическій и слой эпохи Возрожденія, который мы охотно назовемъ греко-римскимъ. Слой романскій, самый древній, нижній, выражается круглымъ сводомъ, возстающимъ вновь передъ нами въ верхнемъ, новѣйшемъ слоѣ, подпираемомъ греческими колоннами. Между нижнимъ и верхнимъ слоями находится слой стрѣльчатаго свода. Зданія, принадлежащія исключительно одному изъ этихъ трехъ слоевъ, ярко разнятся между собою и являются вполнѣ цѣльными и законченными.

---

[1]) Это то самое искусство, которое, согласно мѣстности, климату и расѣ обитателей, называется также ломбардскимъ, саксонскимъ и византійскимъ. Эти три разновидности зодчества родственны между собою и идутъ параллельно; исходя изъ общаго принципа, они отличаются своей разнохарактерностью.

Facies non omnibus una,
Non diversa tamen qualem, etc. *Прим. В. Гюго.*

Возьмемъ, напримѣръ, Жюмьэжское аббатство, соборъ въ Реймсѣ, церковь Святого Креста въ Орлеанѣ. Но всѣ эти три слоя смѣшиваются и сливаются вмѣстѣ по краямъ, какъ цвѣта въ солнечномъ спектрѣ. Отсюда возникли зданія составныя, зданія съ оттѣнкомъ перехода. Одно является романскимъ по своему основанію, готическимъ въ срединѣ, греко-римскимъ по верхней своей части. Это значитъ, что оно строилось въ продолженіе цѣлыхъ шестисотъ лѣтъ. Эта разновидность рѣдкая. Образчикомъ такого зданія служитъ башня замка д'Этампъ. Болѣе часто встрѣчаются памятники двухъ формацій. Къ нимъ принадлежитъ соборъ Парижской Богоматери — зданіе стрѣльчатое, внѣдренное своими круглыми столбами въ романскій слой, въ которомъ всецѣло находятся главная паперть церкви Сенъ-Дени и притворъ церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Такого же рода и прекрасный полуготическій капитулярный залъ Бошервиля, до половины коренящійся въ романскомъ слоѣ. Двойственъ и каѳедральный соборъ въ Руанѣ, который былъ бы вполнѣ готическимъ, если бы конечность его шпиля не уносилась въ слой эпохи Возрожденія [1]).

Въ сущности всѣ эти различія и оттѣнки касаются одной поверхности зданій. Искусство измѣнило только оболочку; самое же строеніе христіанской церкви осталось безъ измѣненія. Внутренній остовъ ея тотъ же, съ тѣмъ же логическимъ расположеніемъ частей. Но какова бы ни была разукрашенная оболочка каѳедральнаго собора, въ ней всегда, хотя бы въ зачаточномъ видѣ, можно найти контуры римской базилики. Всѣ соборы созидаются по одному закону. Въ каждомъ изъ нихъ вы неизбѣжно найдете два притвора, перерѣзывающихъ одинъ другой въ формѣ креста и имѣющихъ въ верхней своей части закругленное, въ видѣ навѣса, мѣсто для хора; найдете придѣлы для внутреннихъ процессій, или для устройства въ нихъ часовенъ; это своего рода боковые ходы, сообщающіеся съ главнымъ притворомъ колоннадами. На этомъ незыблемомъ основаніи до безконечности разнообразятся число и форма часовенъ, папертей, колоколенъ, стрѣлъ и пр.—сообразно фантазіи времени, народа, искусства. Разъ богослуженіе обезпечено, всѣ предписанныя имъ условія соблюдены, зодчество получаетъ возможность продолжаться далѣе уже по собственному усмотрѣнію. Статуи, оконныя стекла, розетки, арабески, разныя украшенія, капители, барельефы,—все это зодчество комбинируетъ по своему вкусу. Отсюда изумительное наружное разнообразіе этихъ зданій, внутренность которыхъ отличается общимъ порядкомъ и единствомъ. Стволъ дерева неизмѣняемъ, а его вѣтви могутъ разрастаться, какъ имъ угодно.

II.

Парижъ съ птичьяго полета.

Мы попытались возстановить передъ читателемъ дивное созданіе среднихъ вѣковъ—прекрасный соборъ Парижской Богоматери. Мы указали ему часть тѣхъ выдающихся красотъ, которыми онъ отличался въ пятнадцатомъ столѣтіи и которыхъ недостаетъ ему нынѣ. Но мы упу-

---

[1]) Эта часть шпиля была деревянная, уничтоженная грозою въ 1823 году.

Прим. В. Гюго.

стили изъ виду главное: мы еще ни слова не сказали о тѣхъ видахъ Парижа, которые открывались со всѣхъ башенъ собора.

Чудная картина сразу развертывалась передъ изумленными взорами того, кто, послѣ долгаго подъема ощупью по темной винтовой лѣстницѣ, отвѣсно пронзающей толстыя стѣны колокольни, вдругъ очутился бы на одной изъ высокихъ площадокъ, залитыхъ свѣтомъ и воздухомъ. Зрѣлище это было такъ красиво, что о немъ могутъ составить себѣ понятіе только тѣ изъ нашихъ читателей, которые имѣли счастье видѣть цѣльный, однородный въ своихъ частяхъ, готическій городъ, напримѣръ, Нюренбергъ въ Баваріи, или Витторію въ Испаніи, или хотя самые небольшіе образчики такихъ городовъ, лишь бы они хорошо сохранились, въ родѣ Витрэ въ Бретани и Нордгаузена въ Пруссіи.

Парижъ триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Парижъ пятнадцатаго вѣка, уже былъ исполинскимъ городомъ. Мы, современные парижане, сильно заблуждаемся, воображая, что съ тѣхъ поръ заняли Богъ вѣсть сколько лишняго пространства. Въ сущности Парижъ со времени Людовика XI увеличился не многимъ болѣе одной трети. Во всякомъ случаѣ, онъ гораздо больше проигралъ въ красотѣ, чѣмъ выигралъ въ пространствѣ.

Какъ извѣстно, Парижъ возникъ на томъ древнемъ островѣ Стараго города, который имѣетъ форму колыбели. Рифъ этого острова былъ его первой оградой, Сена была его первымъ рвомъ. Парижъ нѣсколько вѣковъ находился въ положеніи острова, съ двумя мостами,— однимъ на сѣверѣ, другимъ на югѣ, и съ двумя мостовыми укрѣпленіями, служившими въ то же время и воротами: Гранъ-Шатлэ на правомъ берегу и Пти-Шатлэ — на лѣвомъ. Затѣмъ, начиная съ королей первой династіи, Парижъ, не имѣя болѣе возможности пошевельнуться на островѣ, который сдѣлался для него слишкомъ тѣсенъ, перешелъ черезъ рѣку. Тогда по ту сторону обоихъ Шатлэ была воздвигнута первая линія стѣнъ, охватившая часть полей на обоихъ берегахъ Сены. Еще въ прошломъ столѣтіи оставалось нѣсколько слѣдовъ этой древней ограды, нынѣ же отъ нея не сохранилось ничего, кромѣ воспоминанія и кое-какихъ связанныхъ съ мѣстностью преданій, какъ, напримѣръ, о воротахъ Бодэ, или Бодуайе, (римской porta Bagauda). Понемногу потокъ домовъ, безпрерывно изливавшійся изъ сердца города на окраины, поднялся черезъ ограду, подмылъ ее, источилъ, затѣмъ совершенно сравнялъ съ землею. Филиппъ-Августъ воздвигъ этому потоку новую запруду. Этотъ король заключилъ Парижъ со всѣхъ сторонъ въ послѣдовательную цѣпь громадныхъ, высокихъ и солидныхъ башенъ. Въ теченіе болѣе столѣтія дома тѣснились, сбивались въ кучу, и уровень ихъ въ этомъ бассейнѣ все поднимался, какъ вода въ резервуарѣ. Дома бросались въ глубину города, нагромождали одинъ ярусъ надъ другимъ, карабкались другъ на друга, пробивались кверху, какъ всякая сжатая жидкость; только тотъ домъ и могъ захватить немного воздуха, которому удавалось поднять голову надъ сосѣдями. Улица все болѣе и болѣе углублялась и суживалась, площади наполнялись строеніями и исчезали подъ ними. Наконецъ, дома, перескочивъ и черезъ стѣну Филиппа-Августа, весело разсыпались, какъ попало, по равнинѣ, точно вырвавшіеся на свободу узники. Тамъ они, не стѣсняясь, начали себѣ устраивать въ поляхъ сады и вообще располагаться съ полнымъ удобствомъ.

Съ 1367 года предмѣстья города стали такъ расползаться, что понадобилась новая ограда, въ особенности на правомъ берегу. Эту ограду возвелъ Карлъ V. Но городъ, подобный Парижу, находится въ состояніи вѣчнаго роста. Только такіе города и дѣлаются столицами. Это своего рода воронки, въ которыя вливаются географическія, политическія, нравственныя и умственныя теченія цѣлаго народа, къ которымъ ведутъ всѣ природныя тропинки страны; это, такъ сказать, кладези цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сточныя мѣста, въ которыя просачивается и въ которыхъ скапливается, капля за каплей, изъ вѣка въ вѣкъ, торговля, промышленность, умъ, народность, т.-е. все, что составляетъ соки, жизнь, душу народа. Стѣна Карла V раздѣлила участь ограды Филиппа-Августа. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія дома перекарабкались и черезъ нее, и предмѣстье устремилось дальше. Въ шестнадцатомъ столѣтіи кажется, будто сама стѣна отступаетъ, все глубже и глубже уходя въ старый городъ, — до такой степени разрастается за нею новый городъ.

Такимъ образомъ, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, на которомъ мы остановимся, Парижъ уже прорвалъ тройной концентрическій кругъ, бывшій во времена Юліана Отступника еще, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи между обоими Шатлэ. Могучій городъ послѣдовательно заставилъ треснуть четверной поясъ своихъ стѣнъ, подобно тому, какъ у растущаго ребенка лопается по швамъ его одежда. При Людовикѣ XI изъ моря домовъ мѣстами еще выдѣлялись развалины башенъ прежнихъ оградъ, какъ вершины холмовъ во время наводненія, какъ архипелагъ древняго Парижа, затопленный волнами новаго города.

Съ тѣхъ поръ Парижъ не разъ вновь преображался, къ несчастью для нашихъ глазъ, но перешелъ съ того времени всего одну новую ограду,—ту, которую воздвигъ Людовикъ XV—эту жалкую стѣну, слѣпленную изъ грязи и мусора, вполнѣ достойную своего строителя и своего пѣвца съ его бьющимъ на остроуміе стихомъ.

Le mur murant Paris rend Paris murmurant [1]).

Въ пятнадцатомъ столѣтіи Парижъ былъ еще раздѣленъ на три части, составлявшія какъ бы отдѣльные города, совершенно независимые и рѣзко отличные другъ отъ друга, имѣвшіе каждый свою собственную физіономію и спеціальность, собственные нравы и привилегіи и собственную исторію. Это были: Ситэ, городъ Университета и собственно „Городъ“. Ситэ, расположенный на островѣ, старшій изъ городовъ и отецъ обоихъ остальныхъ, но самый незначительный по своимъ размѣрамъ, былъ такъ сжатъ между остальными частями, что какъ бы терялся въ ихъ серединѣ. Городъ Университета, или просто „Университетъ“, какъ его называли, занималъ лѣвый берегъ Сены, отъ Ла-Турнеля до Несльской башни; въ современномъ Парижѣ первый изъ этихъ пунктовъ соотвѣтствуетъ Винному рынку, а второй—Монетному двору. Его ограда далеко раскидывалась по тому полю, гдѣ когда-то находились термы Юліана. Въ этой оградѣ оказалась заключенной гора св. Женевьевы. Самымъ виднымъ пунктомъ этой каменной дуги

---

1) Стихъ этотъ построенъ на созвучіи и игрѣ словъ: mur — стѣна, murant — замуравливающій и murmurant — ропщущій, и значитъ: «Стѣна, замуравливающая Парижъ, вызываетъ въ немъ ропотъ». *Прим. перев.*

являлись Папскія Ворота, находившіяся приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго Пантеона. „Городъ“, самая обширная изъ трехъ частей Парижа, располагался на правомъ берегу рѣки. Его набережная, прерывавшаяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, тянулась вдоль Сены отъ башни Бильи, до башни Буа, т.-е. отъ мѣстности, гдѣ нынѣ склады „Изобилія“, до мѣста, на которомъ красуется Тюльери. Эти четыре пункта, въ которыхъ Сена перерѣзаетъ ограду столицы, оставляя налѣво Ла-Турнель и Несльскую башню, а направо—башни Бильи и Буа, въ общемъ носили названіе „Четырехъ парижскихъ башенъ“. „Городъ“ еще дальше углублялся въ окружающія земли, чѣмъ Университетъ. Главнымъ пунктомъ его ограды, возведенной Карломъ V, были ворота Сенъ-Дени и Сенъ-Мартенъ, уцѣлѣвшія на своихъ мѣстахъ до сихъ поръ.

Какъ мы уже сказали, каждое изъ этихъ трехъ крупныхъ подраздѣленій Парижа и составляло особый городъ, но городъ съ слишкомъ спеціальнымъ характеромъ, чтобы быть совершеннымъ и обходиться безъ остальныхъ двухъ. Отъ этого и видъ у каждаго былъ своеобразный. Ситэ изобиловалъ церквами, Университетъ—коллегіями, а „Городъ“—дворцами. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя особенности стараго Парижа и причуды его распространенія, скажемъ съ общей точки зрѣнія, взявъ во вниманіе лишь главныя характеризующія черты и выдѣливъ изъ хаоса общественной юрисдикціи однѣ сплоченныя массы, что островъ принадлежалъ епископу, правый берегъ—торговому старшинѣ, а лѣвый—ректору. Надъ всѣмъ этимъ властвовалъ прево, т.-е. старшина города Парижа, чиновникъ королевскій, а не муниципальный. Ситэ заключалъ въ себѣ соборъ Парижской Богоматери, „Городъ“—Луврскій дворецъ и городскую ратушу, а Университетъ—Сорбонну. Въ „Городѣ“ былъ главный рынокъ, въ Ситэ—Отель Дьe [1]), а въ Университетѣ—Пре-о-Клеркъ [2]). Проступки, совершавшіеся учащимися на лѣвомъ берегу Сены, разбирались на островѣ, во Дворцѣ Правосудія, и наказывались на правомъ берегу, въ Монфоконѣ. Исключенія бывали только тогда, когда за провинившихся вступался ректоръ и когда сила была на сторонѣ университета, а королевская власть ослабѣвала. Учащіеся вообще обладали привилегіей быть повѣшенными у себя дома.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи парижскія стѣны обхватывали пять острововъ, омываемыхъ Сеною: островъ Лувье, гдѣ въ то время были деревья, а теперь нѣтъ ничего, кромѣ валежника; острова О-Вашъ и Нотръ-Дамъ, находившіеся во владѣніи парижскаго епископа. Они были тогда совсѣмъ пустынными. Въ семнадцатомъ столѣтіи ихъ соединили въ одинъ островъ, назвали островомъ св. Людовика и застроили. Четвертымъ былъ островъ Ситэ, а пятымъ—примыкавшій къ нему островокъ Перевозчика коровъ, теперь подъ валомъ Новаго моста. Ситэ имѣлъ въ то время пять мостовъ: три по правую сторону, изъ которыхъ одинъ каменный, называвшійся Нотръ-Дамъ, и деревянные — Шанжъ и Менье, — и два по лѣвую сторону — каменный Малый мостъ и деревянный св. Михаила; всѣ они были застроены домами. Университетъ имѣлъ шесть воротъ, сооруженныхъ Филиппомъ-Августомъ и носившихъ слѣдующія названія: Сенъ-Викторъ, Бордель, Пап-

---

1) Старинное убѣжище, или больница.

2) Т.-е. «Лугъ для клерковъ». Въ то время учащіеся назывались клерками, и они собирались на этомъ лугу.

скія, Сенъ-Жакъ, Сенъ-Мишель и Сенъ-Жерменъ. „Городъ“ также имѣлъ шесть воротъ, построенныхъ Карломъ V и называвшихся: Сенъ-Антуанъ, Дю-Тампль, Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дени, Монмартръ и Сентъ-Оноре. Всѣ эти ворота были крѣпки и красивы; послѣднее качество не вредитъ солидности. Подножія стѣнъ, окружавшихъ Парижъ, омывались проведенными изъ Сены водами широкаго и глубокаго рва. Ночью всѣ ворота запирались, и рѣка на обоихъ концахъ города заграждалась толстыми желѣзными цѣпями; Парижъ могъ спать спокойно.

Съ высоты птичьяго полета всѣ эти три части—Ситэ, Университетъ и „Городъ“—представлялись глазу густою, запутанною сѣтью причудливо свивавшихся между собою улицъ. Тѣмъ не менѣе, при первомъ же взглядѣ можно было различить, что эти три части составляютъ одно цѣлое. Сразу бросались въ глаза двѣ длинныя параллельныя улицы, тянувшіяся безъ перерыва, почти совершенно прямыми линіями, съ юга на сѣверъ, отвѣсно къ Сенѣ, и пересѣкавшія изъ конца въ конецъ всѣ три части города. Соединяясь, смѣшиваясь, мѣстами сливаясь и безпрестанно переливая народныя волны изъ одного города въ другой, эти улицы тѣсно связывали три города въ одинъ. Первая изъ этихъ улицъ шла отъ воротъ Сенъ-Жакъ до воротъ Сенъ-Мартенъ; въ Университетѣ она называлась улицею Сенъ-Жакъ, въ Ситэ—улицею дела-Жюиври, а въ „Городѣ“—улицею Сенъ-Мартенъ. Она дважды переходила черезъ рѣку по мостамъ Пти-Понъ и Нотръ-Дамъ. Вторая улица, на лѣвомъ берегу рѣки, называвшаяся улицею де-ла-Гарпъ,—на островѣ—улицей де-ла-Барильери, на правомъ берегу—улицей Сенъ-Дени, шла отъ воротъ Сенъ-Мишель, въ Университетѣ, до воротъ Сенъ-Дени, въ „Городѣ“—черезъ мосты св. Михаила на одномъ рукавѣ Сены и Шанжъ — на другомъ. Эти всѣ названія носили только двѣ улицы,—улицы-матери, родоначальницы, главныя артеріи Парижа. Остальныя жилы тройнаго города были ихъ развѣтвленіями или въ нихъ вливались.

Независимо отъ этихъ двухъ главныхъ улицъ, послѣдовательно прорѣзавшихъ Парижъ во всю его ширину, общихъ для всей столицы,—„Городъ“ и Университетъ имѣли каждый свою особую главную улицу, пробѣгавшую вдоль, параллельно Сенѣ и мимоходомъ перерѣзывавшую подъ прямымъ угломъ обѣ артеріальныя улицы. Такимъ образомъ, въ „Городѣ“ можно было пройти по прямой линіи отъ воротъ Сенъ-Антуана до воротъ Сентъ-Оноре; въ Университетѣ—отъ воротъ Сенъ-Виктора до воротъ Сенъ-Жермена. Скрещиваясь съ первыми улицами, эти главные пути „Города“ и Университета образовали основу, на которой разстилался перепутанный лабиринтъ всѣхъ парижскихъ улицъ. Въ сливавшихся очертаніяхъ узора этой гигантской сѣти, пристально вглядываясь, можно было различить какъ бы два широкихъ снопа улицъ: одинъ въ Университетѣ, другой въ „Городѣ“,—эти два пучка большихъ улицъ, постепенно расширяясь, шли отъ мостовъ къ воротамъ.

Кое-что отъ этого геометрическаго плана осталось и до сихъ поръ.

Въ какомъ же видѣ представлялось это цѣлое съ высоты башенъ собора Парижской Богоматери въ 1482 году?

Постараемся дать понятіе и объ этомъ.

Взобравшійся на эту высоту и запыхавшійся зритель сначала былъ бы ослѣпленъ разстилавшимся внизу хаосомъ кровель, трубъ, улицъ, мостовъ, площадей, шпилей, колоколенъ. Ему сразу бросились бы въ

глаза: рѣзные шпили, остроконечныя кровли, повисшія на углахъ стѣны башенки, каменная пирамида одиннадцатаго вѣка, шиферные обелиски пятнадцатаго, круглыя башни замка, четыреугольныя узорчатыя колокольни церквей,—грандіозное и миніатюрное, массивное и воздушное. Взоръ его долго терялся бы въ глубинѣ этого лабиринта, гдѣ не было ничего, что не отличалось бы оригинальностью, смысломъ, геніемъ, красотою, на чемъ не лежало бы печати художественности, начиная съ самаго маленькаго домика, съ расписаннымъ и скульптурнымъ фасадомъ, съ сводчатою дверью и съ нависшимъ на немъ вторымъ ярусомъ, и кончая королевскимъ Лувромъ, который былъ тогда окруженъ колоннадою башенъ. Но когда глазъ началъ бы разбираться въ этомъ хаосѣ, то онъ различилъ бы его главныя составныя части.

Сначала выдѣлился бы передъ нимъ Ситэ. „Островъ Ситэ, -- говоритъ Соваль, у котораго, посреди его набора пустозвонныхъ словъ, иногда попадаются и удачныя выраженія, — походитъ на большой корабль, завязшій въ тинѣ и застрявшій навсегда по серединѣ Сены“. Мы уже говорили, что въ пятнадцатомъ столѣтіи этотъ „корабль“ соединялся съ обоими берегами пятью мостами. Корабельная форма острова поразила и составителей геральдики. Корабль, украшающій древній гербъ Парижа, и попалъ въ этотъ гербъ, по словамъ Фавена и Пакье, вслѣдствіе такого сходства, а вовсе не вслѣдствіе осады нормандцевъ. Для человѣка, умѣющаго въ ней разбираться, геральдика есть своего рода алгебра, геральдика—языкъ. Вся исторія второй половины среднихъ вѣковъ написана на гербахъ, какъ исторія первой ихъ половины выражена символами романской церкви. Это іероглифы феодаловъ, замѣнившіе іероглифы теократіи.

Итакъ, островъ Ситэ показался бы зрителю похожимъ на корабль, обращенный кормою на востокъ, а носомъ на югъ. Обернувшись къ носу, зритель увидалъ бы несмѣтное множество древнихъ кровель, надъ которыми возвышается куполообразная свинцовая крыша Святой Часовни напоминающая спину слона съ находящейся на ней башенкой. И эта башня представилась бы взору зрителя смѣлой, острой, узорчатой, тщательно отдѣланной, рѣзной вершиною, сквозь кружевной конусъ которой просвѣчиваетъ голубое небо. Далѣе, его взоръ упалъ бы на красивую, обставленную старинными домами площадь собора Парижской Богоматери, съ выходившими на нее тремя улицами. На южной сторонѣ этой площади высился угрюмый, весь въ морщинахъ и бороздахъ, фасадъ Отель Дье съ его кровлей, кажущейся покрытой желваками и пузырями. И повсюду въ тѣсной сравнительно окружности Ситэ, направо и налѣво, на востокъ и на западъ, и куда бы ни взглянулъ зритель, виднѣлись колокольни двадцати одной церкви различныхъ временъ, всевозможныхъ формъ и величинъ, начиная съ низенькой, источенной вѣками, романской колокольни церкви Сенъ-Дени-дю-Па и кончая тонкими шпилями церквей Сенъ-Пьеръ-о-Бёфъ и Сенъ-Ландри. За соборомъ Парижской Богоматери бросались въ глаза на сѣверѣ—монастырь съ готическими галлереями; на югѣ — полуроманскій дворецъ епископа; на востокѣ — пустынная оконечность острова, такъ называемый мысъ Террэнъ. Въ этихъ грудахъ домовъ глазъ отличалъ, по каменнымъ сквознымъ митрамъ, увѣнчивавшимъ въ ту эпоху верхнія окна дворцовъ, не исключая и слуховыхъ,— отель, подаренный городомъ, при Карлѣ VI, Жювеналю Дерюрзэну; немного далѣе — просмоленные бараки рынка

Палюсъ; еще далѣе — старую церковь Сенъ-Жерменъ-ле-Вье, расширенную въ 1458 году въ ущербъ улицы О-Февъ; потомъ — кипящій народомъ перекрестокъ, позорный столбъ на углу улицы, клочекъ прекрасной мостовой Филиппа-Августа, великолѣпную вымощенную плитами и предназначавшуюся для всадниковъ дорожку по серединѣ улицы, такъ плохо замѣненную въ шестнадцатомъ вѣкѣ жалкимъ наборомъ булыжника, называвшимся мостовою Лиги; послѣ этого глазъ зрителя проникалъ во внутрь какого-нибудь двора позади дома и останавливался на одной изъ тѣхъ сквозныхъ башенокъ, пристроенныхъ ко входу въ домъ, образецъ которыхъ можно видѣть еще и теперь въ улицѣ Бурдонне. Наконецъ, направо отъ Святой Часовни, на западной сторонѣ, на краю самой воды, виднѣлась группа башенъ Дворца Правосудія. Деревья королевскихъ садовъ, покрывавшихъ западную оконечность острова Ситэ, маскировали островокъ Перевозчика. Что же касается рѣки, то съ башенъ собора Парижской Богоматери ея совсѣмъ не было видно ни съ какой стороны: она исчезала подъ мостами, а мосты скрывались подъ домами.

Если, пробѣжавъ по этимъ мостамъ съ находившимися на нихъ домами, кровли которыхъ зеленѣли отъ плѣсени, преждевременно наросшей отъ вліянія водяныхъ испареній, — взглядъ зрителя направлялся влѣво, къ Университету, то прежде всего останавливался на широкомъ и низкомъ снопѣ башенъ; это былъ Пти-Шатлэ, широко зіявшія ворота котораго точно поглощали часть Малаго моста; если же взглядъ устремлялся на берегъ, то во всю длину его, съ востока на западъ, отъ Ла-Турнеля до Нельской башни, онъ видѣлъ линію домовъ съ скульптурными украшеніями, съ цвѣтными оконными стеклами, съ нависшими другъ надъ другомъ ярусами; видѣлъ безконечныя извилины владѣній буржуазіи, часто пересѣкаемыхъ какою-нибудь улицей или задѣваемыхъ фасадомъ или угломъ громаднаго каменнаго отеля, безцеремонно расползшагося въ ширину и въ длину, со всѣми своими дворами и садами, корпусами и флигелями, посреди массы сжатыхъ, тѣснившихся другъ къ другу домовъ, какъ важный баринъ посреди толпы простолюдиновъ. Такихъ отелей на берегу было пять или шесть; они начинались отелемъ де-Лоренъ, раздѣлявшимъ съ бернардинцами громадное, обведенное оградой пространство, по сосѣдству съ Ла-Турнелемъ, и кончались отелемъ де-Несль, главная башня котораго служила рубежомъ Парижа, а остроконечныя кровли обладали привилегіей ежегодно, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ подъ рядъ, своими черными треугольниками застилать багряный дискъ заходящаго солнца.

Этотъ берегъ Сены обладалъ менѣе торговымъ характеромъ, чѣмъ противоположный: на немъ болѣе толпились и шумѣли учащіеся, чѣмъ ремесленники. Набережной, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можно было считать только пространство отъ моста Св. Михаила до Нельской башни, остальная же часть берега Сены представлялась или голой песчаной полосой, какъ по ту сторону владѣнія бернардинцевъ, или была покрыта скопищемъ домовъ, купавшихся своими основаніями въ водѣ, какъ, напримѣръ, между обоими мостами. Здѣсь стоялъ вѣчный гвалтъ прачекъ; съ утра до вечера полоща бѣлье вдоль рѣки, онѣ неумолчно болтали, кричали и пѣли такъ же, какъ и въ наши дни. Это былъ одинъ изъ веселыхъ уголковъ Парижа.

Университетъ являлся глазу сплоченною массою. Съ одного конца до другого онъ былъ однороднымъ цѣлымъ. Тысячи его остроконечныхъ, примыкавшихъ, одна къ другой, кровель, почти одинаковаго типа, съ высоты казались кристаллизаціями одного и того же вещества. Прихотливо извивавшіеся рвы улицъ равномѣрно перерѣзали всю эту массу зданій. Сорокъ двѣ коллегіи, имѣвшіяся въ этой части Парижа, распредѣлялись тоже довольно ровно, такъ что ихъ можно было видѣть всюду. Разнообразныя, ласкавшія взоръ, вершины этихъ прекрасныхъ зданій были произведеніями того же самаго искусства, какъ и кровли простыхъ домовъ, которыя они превосходили только вышиною; онѣ были, въ сущности, ничѣмъ другимъ, какъ умноженіемъ въ квадратѣ или въ кубѣ одной и той же геометрической фигуры. Эти вершины только объединяли цѣлое, не нарушая его, только дополняли, не обременяя. Геометрія — это гармонія. Тамъ и сямъ нѣсколько красивыхъ отелей выдѣлялись великолѣпными брызгами посреди живописныхъ чердаковъ лѣваго берега: Неверское подворье, Римское подворье и Реймское подворье, которыя теперь всѣ исчезли; отель Клюни,— существующій въ утѣшеніе художниковъ до сихъ поръ,— башню котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ глупо развѣнчали. Возлѣ отеля Клюни видпѣлось красивое римское зданіе съ прекрасными сводчатыми арками, это — термы Юліана. Не мало было зданій, отличавшихся болѣе смиренною красотою, чѣмъ отели, но не менѣе ихъ величественныхъ; это были монастыри и аббатства разныхъ орденовъ. Изъ нихъ особенно бросались въ глаза: аббатство бернардинцевъ съ его тремя колокольнями; монастырь св. Женевьевы, четыреугольная башня котораго, уцѣлѣвшая до сихъ поръ, заставляетъ такъ жалѣть объ остальномъ; Сорбонна, полу-монастырь, полу-школа, прекрасная церковь которой еще сохранилась; красивый монастырь матуринцевъ квадратной формы; его сосѣдъ, монастырь Сенъ-Бенуа, въ стѣны котораго, въ промежуткѣ между седьмымъ и восьмымъ изданіемъ этой книги, успѣли втиснуть театръ; аббатство кордельеровъ съ его тремя громадными остроконечными фронтонами; аббатство августинцевъ, изящная стрѣла котораго, послѣ Несльской башни, является въ этой сторонѣ Парижа вторымъ по красотѣ рѣзнымъ украшеніемъ. Коллегіи, въ сущности служившія соединительнымъ звеномъ монастыря съ міромъ, держались по архитектурѣ середины между отелями и аббатствами, отличаясь полною изящества строгостью, менѣе воздушными скульптурами, чѣмъ дворцы, и менѣе серіозною архитектурой, чѣмъ монастыри. Къ несчастью, почти ничего не осталось отъ этихъ памятниковъ, въ которыхъ готическое искусство такъ прекрасно соединялось съ богатствомъ и умѣренностью. Церковныя зданія въ Университетѣ были многочисленны и великолѣпны; они также представляли всѣ эпохи зодчества, начиная съ круглыхъ сводовъ Сенъ-Жюльена и кончая стрѣльчатыми сводами Сенъ-Северина. Церкви тамъ господствовали надъ всѣмъ, и новой гармоніей въ этой красивой массѣ на каждомъ шагу пронизывали разнообразныя вырѣзки вершинъ зданій съ ихъ узорчатыми стрѣлами, сквозными колокольнями и тонкими иглами, линіи которыхъ были такъ же не чѣмъ инымъ, какъ прелестнымъ дополненіемъ острыхъ угловъ кровель.

Почва Университета гориста. Гора св. Женевьевы образуетъ громадный выступъ на юго-востокѣ. Интересно было бросить взглядъ съ

высоты собора Парижской Богоматери на это множество узкихъ и извилистыхъ улицъ (нынѣ тамъ Латинскій кварталъ), на эти массы домовъ, разбросанныхъ по горѣ и въ безпорядкѣ скатывавшихся по ея склонамъ: одни изъ нихъ имѣли видъ падающихъ внизъ, другіе карабкающихся наверхъ, а всѣ вмѣстѣ — цѣпляющихся другъ за друга. Безпрерывный потокъ многихъ тысячъ черныхъ точекъ, перекрещивавшихся на мостовой, представлялъ глазу точно движущуюся картину: это кишѣлъ людской муравейникъ, который едва можно было различить съ такой высоты и на такомъ разстояніи.

Наконецъ, въ промежуткахъ этихъ кровель, стрѣлъ, разнообразныхъ безчисленныхъ зданій, такъ прихотливо очерчивавшихъ и украшавшихъ своимъ узоромъ линіи Университета, — мѣстами проглядывали части покрытой мохомъ стѣны, массивная круглая башня и зубчатыя городскія ворота, представлявшія укрѣпленія; это была стѣна Филиппа-Августа. По ту сторону этой стѣны разстилались зеленые луга и во всѣ стороны разбѣгались дороги, вдоль которыхъ были разбросаны послѣдніе дома предмѣстій, по мѣрѣ удаленія отъ города все болѣе и болѣе рѣдѣвшіе. Нѣкоторыя изъ этихъ предмѣстій пользовались извѣстнымъ значеніемъ. Таково, напримѣръ, предмѣстье Сенъ-Викторъ, съ его мостомъ — аркою черезъ Бьевръ, его аббатствомъ, гдѣ можно было прочесть надпись Людовика Толстаго — epitaphium Ludovici Grossi — и его церковью съ восьмигранною стрѣлою, окруженною четырьмя колоколенками одиннадцатаго вѣка. (Подобную церковь до сихъ поръ можно видѣть въ Этампѣ — ее не успѣли еще сломать). Далѣе слѣдовало предмѣстье Сенъ-Марсо, въ которомъ было три церкви и монастырь. Потомъ, если оставить влѣво фабрику гобеленовъ съ ея четырьмя бѣлыми стѣнами, передъ вами открывалось предмѣстье Сенъ-Жакъ съ его прекраснымъ рѣзнымъ крестомъ на перекресткѣ. По пути бросались въ глаза: церковь Сенъ-Жакъ-дю-Го-Па, которая тогда еще была готическою и плѣняла взоры своей воздушной красотою; прелестная церковь Сенъ-Маглуаръ, красивое произведеніе четырнадцатаго вѣка, которую Наполеонъ превратилъ въ складъ сѣна; церковь Богоматери Полей, въ которой находились византійскія мозаики. Наконецъ, скользнувъ по расположенному въ открытомъ полѣ монастырю Шартрё, богатому зданію, современному Дворца Правосудія, съ его маленькими фигурчатыми садами, и пробѣжавъ по развалинамъ Вовера, пользующимся такой дурной славою, взоръ падалъ на три романскія стрѣлы церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Сенъ-Жерменское предмѣстье, бывшее уже тогда большой общиной, расползалось пятнадцатью или двадцатью улицами. Одинъ изъ угловъ этого предмѣстья отмѣчался островерхой колокольней церкви св. Сульпиція. Рядомъ съ этой церковью можно было различить четырехгранную ограду Сенъ-Жерменскаго рынка, затѣмъ — красивую кругленькую башню аббатства, увѣнчанную свинцовымъ конусомъ. Дальше: черепичный заводъ, улица дю-Фуръ, ведущая къ общественной хлѣбопекарнѣ, мельница на пригоркѣ и больница для прокаженныхъ,— одинокое непривлекательнаго вида зданіе. Но болѣе всего приковывало къ себѣ взоры Сенъ-Жерменское аббатство. Дѣйствительно, великолѣпную картину представляло на горизонтѣ это аббатство съ его одинаково величественными церковью и дворцомъ, провести хоть одну ночь въ которомъ парижскіе епископы считали за особенную честь. Этотъ монастырь съ его трапезной, которой архитек-

торъ сумѣлъ придать видъ, красоту и роскошь каѳедральной розетки, съ изящной часовней Богоматери, монументальными дортуарами, обширными садами, опускными рѣшетками и мостами, съ зубчатою оградою, такъ красиво обрисовывавшейся на зеленомъ фонѣ окружающихъ луговъ, съ дворами, гдѣ вперемежку съ блещущими золотомъ мантіями кардиналовъ сверкало оружіе воиновъ,—все это сгруппированное и объединенное вокругъ трехъ острыхъ готическихъ стрѣльчатыхъ башенъ,—представлялъ прямо волшебный видъ восхищенному взору зрителя.

Когда же, наконецъ, вдоволь налюбовавшись на Университетъ, вы повертывались къ правому берегу, гдѣ расположенъ „Городъ", панорама вдругъ мѣнялась. Болѣе обширный, чѣмъ Университетъ, „Городъ" представлялъ менѣе единства. При первомъ же взглядѣ было видно, что онъ подраздѣляется на нѣсколько частей, рѣзко отличающихся одна отъ другой. На востокѣ, въ той части, которая до сихъ поръ еще называется по тому болоту, куда Камулогенъ загналъ было Цезаря, тѣснится группа дворцовъ, выдвинувшихся на самый край берега. Въ водахъ Сены красиво отражались перерѣзанныя стройными башенками шиферныя кровли четырехъ отелей, почти примыкавшихъ другъ къ другу: Жуи, Сансъ, Барбо и Дворецъ Королевы. Эти четыре зданія наполняли все пространство отъ улицы де-Нонендьеръ до целестинскаго монастыря, своей стрѣльчатой колокольней такъ красиво высившагося надъ зубцами и кровлями дворцовъ. Нѣсколько позеленѣвшихъ развалинъ, нависшихъ надъ водою передъ этими роскошными дворцами, не мѣшали видѣть прекрасныя линіи ихъ фасадовъ, широкія окна съ крестообразными каменными переплетами, сводчатыя, украшенныя статуями ворота, изящно закругленные выступы стѣнъ. Всѣ эти прелестныя архитектурныя детали доказывали изумительное богатство готическаго искусства. За этими дворцами извивались во всѣхъ направленіяхъ, то выдѣляясь своими зубцами и укрѣпленіями, то прячась въ тѣни деревьевъ, безконечныя стѣны грандіознаго отеля Сенъ-Поль, гдѣ король могъ такъ свободно и великолѣпно помѣстить двадцать двухъ принцевъ крови, вродѣ дофина и герцога Бургундскаго, съ ихъ свитами и служителями, не считая знатныхъ вельможъ германскаго императора, когда онъ посѣщалъ Парижъ, и львовъ, помѣщавшихся тутъ же въ особомъ зданіи. Замѣтимъ мимоходомъ, что отдѣленіе каждаго принца состояло изъ одиннадцати комнатъ, начиная парадныммъ заломъ и кончая молельней, не говоря ужъ о галлереяхъ, ваннахъ и другихъ „лишнихъ" помѣщеніяхъ, которыми было снабжено каждое отдѣленіе; не говоря объ особыхъ для каждаго королевскаго гостя садахъ; умалчивая о кухняхъ, чуланахъ, людскихъ, столовыхъ для слугъ, заднихъ дворахъ, на которыхъ было расположено двадцать двѣ различныхъ лабораторіи, начиная съ хлѣбопекарни и кончая пивоварней; не говоря о помѣщеніяхъ для разнообразныхъ игръ: въ мячи, въ шары, въ обручи, и т. п., и о множествѣ птичниковъ, рыбныхъ садковъ, конюшенъ, звѣринцевъ, скотныхъ дворовъ, библіотекъ, арсеналовъ и проч. Вотъ что тогда представляли собою королевскіе Лувръ и отель Сенъ-Поль; это были города въ городѣ.

Съ того мѣста, гдѣ находился зритель, отель Сенъ-Поль, полузакрытый отъ взора четырьмя вышеупомянутыми дворцами, все-таки представлялъ величественное зрѣлище. Можно было легко различить

три отеля, которые Карлъ V присоединилъ къ этому дворцу, хотя они очень искусно были связаны съ главнымъ зданіемъ длинными галлереями, украшенными колонками и расписными окнами. Эти отели были слѣдующіе: Пти-Мюсъ съ кружевнымъ балюстрадомъ, такъ граціозно обвивавшимъ его кровлю; отель аббатства Сенъ-Моръ, съ очертаніями крѣпости, съ толстой башней, желѣзнымъ болверкомъ, бойницами и горбомъ аббатства на соксонскихъ воротахъ между выемками для подъемнаго моста; наконецъ, отель графа д'Этампъ, съ попорченною въ верхней части вышкою, зазубренною какъ пѣтушій гребешокъ. Кое-гдѣ тамъ были разбросаны купы вѣковыхъ дубовъ, похожихъ издали на кочаны цвѣтной капусты; въ прозрачныхъ, полныхъ то свѣта, то тѣни водахъ прудовъ бѣлѣли гордые лебеди; къ сожалѣнію, можно было видѣть только уголки этихъ прекрасныхъ и живописныхъ прудовъ. То здѣсь, то тамъ выглядывалъ уголокъ внутренняго двора съ разными постройками. Здѣсь помѣщеніе для львовъ съ низкими сводами на саксонскихъ столбахъ, съ желѣзными рѣшетками и вѣчнымъ гуломъ львинаго рыканія; тамъ, пронизывая воздухъ, уходитъ въ небо чешуйчатая стрѣла церкви Ave Maria; налѣво жилище парижскаго прево, фланкированное четырьмя башнями съ тончайшими прорѣзами; въ самой серединѣ, въ глубинѣ этого городка въ городѣ, ширится главное зданіе отеля Санъ-Поль съ его разнообразными фасадами, съ послѣдовательными роскошными прибавленіями и прикрасами, со всѣми тѣми безчисленными приращеніями всевозможныхъ родовъ, которыми со временъ Карла V обременяла его въ продолженіе двухъ столѣтій фантазія зодчихъ; со всѣми вышками его часовенъ, съ его галлереями, съ тысячами узорчатыхъ флюгеровъ во всѣхъ направленіяхъ вѣтровъ, наконецъ, съ его двумя смежными высокими башнями, коническія кровли которыхъ, окруженныя при основаніи зубцами, такъ напоминали островерхія шляпы съ загнутыми полями.

Поднимаясь уступами по этому раскинувшемуся въ отдаленіи амфитеатру дворцовъ, перенесясь черезъ низину, прорытую въ массѣ домовъ „Города“ и обозначавшую положеніе улицы Сенъ-Антуанъ, глазъ зрителя достигалъ Ангулемскаго подворья, обширнаго зданія нѣсколькихъ эпохъ, въ которомъ были части совсѣмъ новыя, рѣзко отличавшіяся отъ старыхъ своей бѣлизною и такъ же мало подходившія къ цѣлому, какъ красныя заплаты на голубой мантіи. Особенно поражала изумительно острая, высокая кровля новаго дворца, щетинившаяся своими рѣзными желобами и покрытая свинцовыми полосами, которыя были усѣяны безчисленными, ярко сверкавшими, фантастическими арабесками, выложенными изъ желтой мѣди; эта точно дамаскированная замысловатая кровля съ величавой граціозностью возносилась посреди коричневыхъ развалинъ стараго зданія, толстыя башни котораго, раздувшіяся отъ ветхости, осѣдали отъ дряхлости и трескались сверху донизу. Позади этого отеля виднѣлся лѣсъ иголъ дворца де-Турнель. Нигдѣ во всемъ мірѣ, даже въ Альгамбрѣ или Шамборѣ, нельзя было видѣть такой волшебной, чарующей, воздушной картины, какъ та, которая вырисовывалась передъ зрителемъ здѣсь узоромъ всѣхъ этихъ стрѣлъ, колоколенъ, флюгеровъ, винтовыхъ лѣстницъ, шпилей, просвѣчивавшихъ фонариковъ, павильоновъ и башенъ всевозможныхъ формъ, высотъ и положеній. Все это вмѣстѣ взятое можно было сравнить съ гигантской каменной шахматной доской, уставленной шахматными фигурами.

По правую сторону отъ дворца де-Турнель ершился громадный пукъ черныхъ башенъ, врѣзывавшихся одна въ другую и точно перевязанныхъ охватывавшимъ ихъ рвомъ; башни окружали мрачное зданіе, въ которомъ было болѣе бойницъ, чѣмъ оконъ, и у котораго былъ постоянно поднятъ мостъ и опущена рѣшетка. Это — Бастилія. Тѣ черные цилиндрическіе предметы, которые выглядывали изъ-за каждаго зубца этого замка и походили издали на желоба, были пушки.

Отель Сенъ-Поль.

Подъ ихъ жерлами, у подножія страшнаго зданія, виднѣлись ворота Сенъ-Антуанъ, сжатыя между своими двумя башнями.

Дальше, за этимъ городкомъ башенъ, вплоть до стѣны Карла V, разстилался роскошный зеленый, красиво расшитый цвѣтами коверъ полей и королевскихъ парковъ, между которыми сразу можно было отличить, по лабиринту аллей и деревьевъ, знаменитый садъ Дедалуса, подаренный Людовикомъ XI придворному медику Куактье. Обсерваторія этого ученаго поднималась надъ лабиринтомъ исполинскою колонною, увѣнчанною вмѣсто капители, небольшимъ домикомъ. Въ этой башнѣ

не мало было состряпано ужасныхъ астрологическихъ бредней. Теперь на этомъ мѣстѣ находится Пале-Рояль.

Выше было сказано, что кварталъ дворцовъ, о которомъ мы старались дать читателю понятіе, хотя останавливались только на его наиболѣе выдающихся особенностяхъ, наполнялъ весь уголъ, образуемый на восточной сторонѣ оградою Карла V и Сеною. Центръ города былъ загроможденъ массами домовъ обыкновенныхъ обывателей. Тамъ сходились всѣ три моста съ праваго берега Ситэ; дома на этихъ мостахъ предшествовали дворцамъ. И это скопище буржуазныхъ жилищъ, лѣпившихся другъ къ другу, какъ ячейки улья, тоже не лишено было красоты. Какъ настоящее море, такъ и море кровель большого города представляетъ величественную картину. Спутанныя, то и дѣло перекрещивающіяся улицы „Города" разрѣзали эту груду домовъ на сотни причудливыхъ фигуръ. Вокругъ рынка онѣ образовывали громадную звѣзду. Улицы Сенъ-Дени и Сенъ-Мартенъ, съ ихъ безчисленными развѣтвленіями, поднимались рядомъ одна съ другою и походили на исполинскія деревья, перепутавшіяся своими сучьями. Улицы Каменщиковъ, Стекольщиковъ, Ткачей и др. змѣились своими извилинами во всѣхъ направленіяхъ. Мѣстами застывшія волны этого моря кровель прорывались и видными зданіями. Такъ, напримѣръ, передъ мостомъ Мѣнялъ, за которымъ Сена пѣнила свои воды подъ колесами мельницъ, расположенныхъ вдоль моста Менье, высился Шатлэ, уже не въ видѣ римской башни, какъ во времена Юліана Отступника, а въ формѣ башни феодальной тринадцатаго столѣтія; камень, изъ котораго была сооружена эта башня, отличался такой крѣпостью, что нужно было усиленно работать три часа ломомъ, чтобы выломать небольшой кусокъ. Вотъ и прекрасная колокольня церкви Сенъ-Жакъ де-ла-Бушри, съ ея гранями и скульптурными украшеніями, усыпавшими ее точно мохомъ, очень живописная, несмотря на то, что она не была окончена въ свое время, т.-е. въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Тогда ей еще недоставало тѣхъ четырехъ чудовищъ по угламъ; они имѣютъ видъ сфинксовъ, задающихъ новому Парижу загадку стараго; скульпторъ помѣстилъ ихъ туда только въ 1526 году, и за этотъ трудъ получилъ двадцать франковъ. Дальше: церковь Сенъ-Мери со сводчатыми окнами; церковь св. Іоанна, дивный шпиль которой вошелъ въ пословицу; Домъ съ колоннами выходившій на Гревскую площадь, о которой мы уже дали понятіе читателю. Церковь Сенъ - Жервэ, впослѣдствіи испорченная папертью въ стилѣ „хорошаго" вкуса, и десятки другихъ памятниковъ, не брезговавшихъ погрузить свои прелести въ этотъ хаосъ черныхъ, глубокихъ и узкихъ улицъ. Прибавьте къ этому рѣзные каменные кресты, которыми перекрестки изобиловали болѣе, чѣмъ висѣлицами; кладбище Невинныхъ, виднѣвшееся вдали, надъ моремъ зданій; архитектурную ограду; столбы рынка, верхушки которыхъ выдѣлялись между двумя печными трубами улицы де-ла-Коссонери; лѣстницу церкви де-ла-Круа дю-Трагуаръ, на перекресткѣ того же имени, вѣчно чернѣвшемъ народомъ; развалины круглаго хлѣбнаго рынка; обломки древней ограды Филиппа-Августа, потонувшія тамъ и сямъ въ массѣ домовъ; источенныя временемъ башни; полуразрушенныя ворота; безформенныя, разсыпающіеся остатки домовыхъ стѣнъ; набережную съ ея тысячами лавокъ и кровавыми живодернями; часть покрытой лодками Сены; — представьте себѣ все это, и вы будете имѣть хоть смутное

понятіе о томъ, каковъ былъ въ 1482 году видъ центральной части „Города“.

„Городъ“, состоявшій изъ квартала дворцовъ и квартала буржуазнаго, опоясывался почти кругомъ рядомъ аббатствъ, тянувшихся со своими монастырями и часовнями съ востока на западъ, по ту сторону фортификаціонныхъ линій. Между обѣими улицами дю-Тампль, Старою и Новою, посреди обширной зубчатой ограды, хмурился высокій, уединенный и мрачный пукъ башенъ аббатства дю-Тампль. Между улицами Нёвъ дю-Тампль и Сенъ-Мартенъ находилось аббатство Сенъ-Мартенъ, чудный укрѣпленный монастырь посреди садовъ, уступавшій красотою башенъ своей ограды и тіарою своихъ колоколенъ развѣ только церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Между улицами Сенъ-Мартенъ и Сенъ-Дени виднѣлась ограда аббатства де-ла-Тринитe. Наконецъ, между улицами Сенъ-Дени и Монторгель было аббатство Филь-Дьё. Въ сторонѣ можно было различить прогнившія кровли и полуразрушенную ограду Двора Чудесъ; это было единственнымъ мірскимъ звеномъ, неизвѣстно какъ попавшимъ въ эту цѣпь святынь.

Но „Городъ“ имѣлъ и четвертое подраздѣленіе, рѣзко обрисовывавшееся въ путаницѣ его домовъ на правомъ берегу; эта часть, занимавшая западный уголъ „Города“, состояла изъ новаго узла дворцовъ и отелей, тѣснившихся у подножія Лувра. Древній Луврь Филиппа-Августа—огромное зданіе, вокругъ главной башни котораго было сгруппировано двадцать три другихъ, немного меньшихъ размѣромъ, не считая безчисленнаго множества маленькихъ башенокъ, издали казалось втиснутымъ между готическими кровлями отеля д'Алансонъ и отеля Пти-Бурбонъ. Эта башенная гидра, исполинская охранительница Парижа, съ ея двадцатью четырьмя грозно поднятыми головами, чудовищными свинцовыми или чешуйчатыми крестцами, вся переливавшаяся волнами металлическихъ отблесковъ, восхитительно заканчивала собою западный уголъ „Города“.

Итакъ, „Городъ“ въ пятнадцатомъ вѣкѣ представлялся громаднымъ скопленіемъ частныхъ домовъ между двумя группами дворцовъ, увѣнчанныхъ съ одной стороны Лувромъ, а съ другой—дворцомъ Турнель, и окаймленныхъ на сѣверѣ длинной линіею аббатствъ и садовъ. Все это издали сливалось въ одно цѣлое. Надъ этими тысячами зданій высились одна надъ другою черепичныя и шиферныя кровли, а надъ ними, причудливо разсѣкая воздухъ и перемѣшиваясь, между собою, вонзались въ небо стройныя рѣзныя, узорчатыя башни сорока четырехъ церквей. Внизу вся эта масса зданій прорывалась множествомъ улицъ и переулковъ, ограничиваясь съ одной стороны стѣнами съ четырехъугольными башнями (башни стѣнъ Университета были круглыя), а съ другой—Сеною, пересѣкаемою мостами и покрытою всевозможными мелкими судами.

За стѣнами „Города“, ближе къ воротамъ, расположилось нѣсколько предмѣстій, но менѣе многочисленныхъ и болѣе разбросанныхъ, чѣмъ за стѣнами Университета. За Бастиліей кучилось десятка два плохонькихъ домишекъ вокругъ любопытныхъ скульптурныхъ сооруженій Круа-Фобэнъ и массивныхъ сводовъ аббатства Сенъ-Антуанъ-де-Шанъ; затѣмъ шли предмѣстья: Попенкуръ, затерявшееся въ хлѣбныхъ поляхъ; Ла-Куртиль, веселенькая деревенька кабачковъ; мѣстечко Сенъ-Лоренъ, съ его церковью, колокольня которой издали смѣшивалась съ островерхими башнями воротъ Сенъ-Мартенъ; предмѣстье Сенъ-Дени съ обшир-

ной оградой монастыря Сенъ-Ладръ; за Монмартрскими воротами бѣлѣлись стѣны Гранжъ-Бательеръ; за ними высились мѣловые откосы самаго Монмартра, въ которомъ тогда было почти столько же церквей, сколько мельницъ и на которомъ теперь уцѣлѣли однѣ мельницы, такъ какъ современное общество требуетъ только тѣлесной пищи. Наконецъ, по ту сторону Лувра можно было видѣть: разстилающееся по лугамъ предмѣстье Сентъ-Оноре, въ то время уже довольно значительное, зеленѣющую Пти-Бретань и развертывающійся Свиной Рынокъ съ чернѣвшею посерединѣ страшною черною печью, въ которой заживо варились фальшивые монетчики. Между предмѣстьями Куртиль и Сенъ-Лоренъ глазъ зрителя останавливался на зданіи, увѣнчивавшемъ одинокій холмъ посреди пустынной равнины и издали походившемъ на развалины колоннады съ разсыпавшимся основаніемъ. Это зданіе не было ни Портенономъ ни храмомъ Юпитера олимпійскаго, это былъ знаменитый Монфоконъ.

Теперь, давши перечисленіе главныхъ особенностей описываемой картины и опасаясь, что всѣ эти подробности тутъ же улетучивались изъ памяти читателя, по мѣрѣ того, какъ мы ихъ указывали ему, постараемся нѣсколько короче резюмировать сказанное и дорисовать картину общаго вида стараго Парижа. Итакъ, повторяемъ, въ центрѣ— островъ Ситэ, похожій своею формою на исполинскую черепаху, лапы которой образуются чешуйчатыми мостами, а голова — массою сѣрыхъ кровель; налѣво—сплошная трапеція Университета, какъ бы слитая, плотно-сжатая, ощетинившаяся; направо — обширный полукругъ „Города“, изобилующій садами и церквами. Эти три части—Ситэ, Университетъ и „Городъ“ изрыты безчисленными улицами. Поперекъ всего этого тянется серебристая лента Сены, „Сены-кормилицы“, какъ называлъ ее П. дю-Брёль, сплошь покрытая островами, мостами и судами. Всю эту панораму окружаетъ необъятная равнина, покрытая всевозможными нивами, усѣянная прекрасными селеніями; съ лѣвой стороны идутъ селенія: Исси, Ванвръ, Вожираръ, Монружъ и Жантильи съ двумя башнями, круглой и четвероугольной; съ правой стороны расположены двадцать селеній, начиная съ Конфлана и кончая Вильд'Эвекъ. На горизонтѣ — кайма холмовъ, составляющихъ полукругъ, напоминающій края бассейна. Наконецъ, вдали виднѣются: на востокѣ— Венсенъ съ семью четырехгранными башнями; на югѣ — тонутъ въ облакахъ острыя вершины башенъ Бисетра; на сѣверѣ видимъ Сенъ-Дени съ его стрѣлою, а на западѣ — замокъ Сенъ-Клу. Вотъ каковъ былъ Парижъ, которымъ любовались съ башенъ собора Парижской Богоматери вороны, жившіе въ 1482 году.

Между тѣмъ, Вольтеръ сказалъ объ этомъ городѣ, что онъ до Людовика XIV имѣлъ всего четыре хорошихъ памятника: куполъ Сорбонны, церковь Валь-де-Грасъ, Новый Лувръ и не помню какой четвертый, кажется, Люксамбургъ. Къ счастью, Вольтеръ написалъ „Кандида“ и лучше всѣхъ остальныхъ людей, смѣнявшихъ другъ друга въ безконечной серіи человѣчества, умѣлъ хохотать демонскимъ смѣхомъ. Это, между прочимъ, доказываетъ, что можно быть геніемъ въ одномъ искусствѣ и ничего не смыслить въ остальныхъ. Не воображалъ ли и Мольеръ, что онъ оказывалъ много чести Рафаэлю и Микелю Анджело, когда называлъ ихъ „Миньярами“ [1]) своего времени?

[1]) Миньяръ — неважный живописецъ при Людовикѣ XIV. *Примч. перев.*

Но возвратимся къ Парижу и къ пятнадцатому столѣтію.

Парижъ былъ тогда городомъ не только красивымъ, но и цѣльнымъ произведеніемъ зодчества и исторіи среднихъ вѣковъ, былъ каменною хроникою. Онъ былъ составленъ всего изъ двухъ наслоеній: римскаго готическаго. Римское наслоеніе давно уже исчезло, за исключеніемъ термъ Юліана, въ видѣ которыхъ оно еще пробивалось сквозь толстую кору среднихъ вѣковъ. Что же касается отложенія кельтическаго, то его слѣдовъ не находили даже при рытьѣ колодцевъ.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда начавшееся Возрожденіе принялось примѣшивать къ этому строгому и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразному единству ослѣпительную роскошь своихъ фантазій и системъ и праздновать свои оргіи римскаго свода, греческихъ колоннъ и готическихъ перекладинъ, свою тонкую, идеальную скульптуру, свои любимыя арабески и свое архитектурное язычество, современное Лютеру, — тогда Парижъ, быть-можетъ, сдѣлался еще болѣе прекраснымъ, зато не такимъ гармоничнымъ для глаза и мысли. Но этотъ блестящій моментъ быстро миновалъ. Возрожденіе не отличалось безпристрастіемъ: оно не довольствовалось созиданіемъ, — оно стремилось и къ разрушенію. Правда, ему нужно было очистить больше мѣста. Такимъ образомъ, Парижъ только на одну минуту былъ вполнѣ готическимъ. Еще не успѣли окончить церкви Сенъ-Жакъ-де-ла-Бушри, какъ уже начали ломать старый Лувръ.

Съ тѣхъ поръ великій городъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обезображивался. Парижъ готическій, подъ которымъ исчезалъ романскій, быстро исчезъ въ свою очередь. Какой же Парижъ замѣнилъ его?

Ихъ было не мало, и они слѣдовали одинъ за другимъ. Мы имѣли Парижъ Екатерины Медичи въ Тюльери [1]); Парижъ Генриха II въ городской ратушѣ, — оба эти зданія прекрасны еще до сихъ поръ; Парижъ Генриха IV: на Королевской площади — кирпичные фасады, каменные углы, шиферныя кровли и трехцвѣтные дома; Парижъ Людовика XIII: въ церкви Валь-Де-Грасъ — зодчество приземистое, придавленное, полуовальные своды, съ какими-то толстыми колоннами и горбатыми куполами; Парижъ Людовика XIV: въ зданіи Инвалидовъ; — величавый, богатый, раззолоченный и холодный стиль; Парижъ Людовика XV: въ церкви св. Сульпиція — каменные банты, облака, червячки и завитушки; Парижъ Людовика XVI: въ Пантеонѣ, неудачно скопированномъ съ римскаго собора св. Петра (зданіе это слѣплено коекакъ); Парижъ Республики: въ Медицинской школѣ, — тоже плохомъ подражаніи римлянамъ и грекамъ, столь же похожемъ на Колизей или Парфенонъ, какъ конституція III-го года походитъ на законы Миноса

---

[1]) Съ грустью и негодованіемъ слышали мы, что хотятъ увеличить, перекроить, передѣлать, т.-е. собственно уничтожить этотъ чудный дворецъ. У зодчихъ нашего времени слишкомъ тяжелая рука, чтобы касаться такого нѣжнаго произведенія эпохи Возрожденія. Но будемъ надѣяться, что этого не рѣшатся сдѣлать. Разрушеніе Тюльери было бы въ наши дни не только грубымъ варварствомъ, отъ котораго могъ бы покраснѣть даже вандалъ, но прямо актомъ измѣны. Вѣдь Тюльери является не просто шедевромъ искусства шестнадцатаго вѣка, а страницею исторіи девятнадцатаго столѣтія. Этотъ дворецъ принадлежитъ уже не королю, а народу. Оставимъ же его такимъ, какимъ онъ есть. Наша революція сдѣлала на немъ двѣ отмѣтины: одинъ его фасадъ пробитъ ядрами 10 августа, другой — 29 іюля. (Примѣчаніе автора къ 5-му изданію).

(этотъ видъ зодчества назывался „стилемъ Мессидора“); Парижъ Наполеона: на Вандомской площади — нѣчто, дѣйствительно, грандіозное, но состоящее изъ одной бронзовой колонны, перелитой изъ пушекъ; Парижъ Реставраціи: въ зданіи Биржи—бѣлая какъ снѣгъ колоннада съ черезчуръ прилизаннымъ фризомъ, (зданіе это четвероугольное и стоило двадцать милліоновъ).

Каждому изъ этихъ своеобразныхъ памятниковъ соотвѣтствуетъ, по вкусу, формѣ и виду, извѣстное количество домовъ, разсѣянныхъ въ различныхъ частяхъ города. Въ общей массѣ знатокъ сразу отличаетъ эти дома и опредѣляетъ ихъ эпоху. Кто умѣетъ смотрѣть, тотъ узнаетъ духъ вѣка и характеръ даннаго царствованія даже по ручкѣ дверного молотка.

Но современный Парижъ не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи. Это — простая коллекція образцовъ зодчества нѣсколькихъ столѣтій и притомъ далеко не лучшихъ. Наша столица увеличивается только количествомъ зданій и какихъ зданій! Парижъ теперь живетъ при такихъ условіяхъ, что долженъ возобновляться каждыя пятьдесятъ лѣтъ. Поэтому историческое значеніе его зодчества все болѣе и болѣе умаляется. Прежнихъ памятниковъ въ немъ становится меньше и меньше: они постепенно поглощаются волнами новыхъ зданій. Наши отцы имѣли Парижъ каменный, а дѣти будутъ имѣть Парижъ гипсовый.

Что же касается современныхъ памятниковъ новаго Парижа, то мы охотно избавимъ себя отъ труда говорить о нихъ подробно. Мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ и оцѣнимъ ихъ по достоинству. Напримѣръ, церковь св. Женевьевы, сооруженная архитекторомъ Суфло, безспорно является однимъ изъ самыхъ красивыхъ савойскихъ пироговъ, когда - либо выдѣланныхъ изъ камня. Дворецъ Почетнаго Легіона также довольно видный кусокъ пирожнаго. Куполъ хлѣбнаго рынка очень походитъ на фуражку англійскаго жокея, посаженную на длинную лѣстницу. Башни церкви св. Сульпиція очень напоминаютъ пару большихъ кларнетовъ; но чѣмъ одна форма хуже другой? Телеграфъ, торчащій на ихъ кровлѣ, вполнѣ гармонируетъ съ цѣлымъ. Церковь Сенъ-Рошъ щеголяетъ папертью, съ которою по великолѣпію можетъ равняться развѣ только паперть церкви св. Ѳомы Аквинскаго. Въ ней есть круглое и горбатое возвышеніе, изображающее Голгоѳу; кромѣ того, имѣется солнце изъ позолоченнаго дерева. Оба эти издѣлія очень замѣчательны. Фонарь лабиринта Зоологическаго сада—тоже штука довольно замысловатая. Что же касается зданія Биржи, греческаго стиля по его колоннадѣ, римскаго — по дугообразнымъ сводамъ оконъ и дверей, и эпохи Возрожденія—по большимъ низкимъ перекладинамъ,—то это, несомнѣнно, памятникъ вполнѣ корректный и безупречный; ужъ одно то, что онъ увѣнчанъ аттическою вышкою, какой не было и въ Аѳинахъ, изумительно прямолинейною и мѣстами чрезвычайно изящно пересѣченною печными трубами, вполнѣ доказываетъ это. По правиламъ, архитектура зданія должна вполнѣ соотвѣтствовать его назначенію, такъ, чтобы при первомъ же взглядѣ было понятно, къ чему оно предназначено. Взглянувъ же на зданіе биржи, вы можете его принять за что угодно: за королевскій дворецъ, за палату общинъ, за ратушу, за школу, за манежъ, за академію, за складъ товаровъ, за зданіе суда, за музей, казармы, гробницу, храмъ или театръ. Но пока это — биржа. Между прочимъ, каждое строеніе должно быть приспособлено и къ

мѣстному климату. То зданіе, о которомъ идетъ рѣчь, очевидно, тоже построено сообразно съ нашимъ климатомъ. Кровля у него сдѣлана плоская, какія бываютъ на Востокѣ; поэтому зимою, когда идетъ снѣгъ, ее метутъ, изъ чего должно заключить, что кровли только для того и устраиваются, чтобы ихъ мели. Что же касается назначенія, о которомъ мы выше говорили, то это зданіе такъ хорошо удовлетворяетъ этому требованію, что, будучи во Франціи биржей, оно въ Греціи съ тѣмъ же удобствомъ могло бы служить храмомъ. Правда, архитекторъ сильно старался замаскировать циферблатъ часовъ, который нарушилъ бы чистоту прекрасныхъ линій фасада, зато позаботился окружить все зданіе колоннадою, въ которой, въ особо торжественные дни, свободно можетъ развернуться величественная процессія биржевыхъ маклеровъ и купеческихъ агентовъ.

Да, все это, безъ сомнѣнія, превосходныя произведенія зодчества. А если къ нимъ прибавить удивительно красивыя, разнообразныя и веселыя улицы, въ родѣ улицы Риволи, то смѣло можно надѣяться, что когда-нибудь Парижъ, съ высоты птичьяго полета, представитъ глазу то богатство линій, изобиліе деталей, пріятное разнообразіе видовъ, ту величавость въ простотѣ и оригинальность въ красотѣ, которыя отличаютъ шахматную доску.

Между тѣмъ, какимъ бы прекраснымъ ни казался вамъ современный Парижъ, возстановите мысленно Парижъ пятнадцатаго столѣтія; вообразите себѣ этотъ волшебный лѣсъ башенъ, колоколенъ и стрѣлъ; разбросьте ихъ по городу, оторвите отъ оконечностей острововъ, обвейте вокругъ арокъ мостовъ обрывки Сены съ ея зелеными и желтыми волнами, переливающимися еще сильнѣе, чѣмъ кожа змѣи; нарисуйте на голубомъ фонѣ неба чудный профиль готическаго Парижа; набросьте на него пелену зимняго тумана, сквозь который смутно обрисовывались бы его дивные контуры; окуните его въ ночной мракъ, и полюбуйтесь на эту волшебную игру свѣта и тѣни въ лабиринтѣ его зданій; пролейте на него полосу луннаго свѣта, и посмотрите, какъ она выхватитъ изъ тумана очертанія вершинъ башенъ и какія придастъ имъ фантастическія очертанія; или, проведите по небу огненной кистью заката и заставьте на немъ вырисоваться художественный кружевной узоръ нѣжныхъ линій всѣхъ иглъ, стрѣлъ, острыхъ кровель и башенъ. Сдѣлайте все это, а потомъ и сравнивайте.

Если же вы желаете получить отъ стараго города впечатлѣніе, какого никогда не будетъ въ состояніи дать вамъ новый Парижъ, то поднимитесь пораньше утромъ, въ какой-нибудь изъ большихъ праздниковъ, напримѣръ, въ первый день Пасхи или въ Духовъ День, на одинъ изъ возвышенныхъ пунктовъ, господствующихъ надъ всей столицей, и ждите пробужденія колоколовъ. Но вотъ вы дождались этого момента, когда по сигналу неба, данному первымъ солнечнымъ лучемъ, брызнувшимъ надъ горизонтомъ, сразу дрогнутъ всѣ эти сотни колоколенъ. Сначала отъ одной церкви къ другой понесутся рѣдкіе удары колоколовъ, какъ въ оркестрѣ передъ началомъ увертюры проносятся отдѣльные звуки. Потомъ, смотрите, — вѣдь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ухо можетъ смотрѣть какъ глазъ—съ каждой колокольни сразу поднимется столбъ звуковъ, облако гармоніи. Пока еще вибрація каждаго колокола поднимается къ ясному утреннему небу какъ бы отдѣльно, чистымъ, кристаллическимъ звукомъ, но понемногу эти звуки, усили-

ваясь, сливаются въ одно цѣлое и соединяются въ одинъ великолѣпный аккордъ. Теперь съ безчисленныхъ колоколенъ начинаетъ проноситься одно сплошное звучное гудѣніе; послѣдовательными волнами оно разстилается надъ Парижемъ и далеко за его предѣлы переноситъ отзвуки своихъ могучихъ раскатовъ. Это море гармоніи не хаотично. Несмотря на всю свою ширину и глубину, оно все-таки остается, такъ сказать, прозрачнымъ; вы свободно можете прослѣдить, какъ въ немъ змѣиными изгибами проносятся отдѣльныя группы звуковъ, брызжущихъ изъ прорѣзовъ колоколенъ; можете отличить діапазонъ важнаго басоваго колокола и суетливо-крикливаго тенороваго; можете видѣть, какъ съ одной колокольни на другую перелетаютъ октавы, какъ легко возносятся крылатыя, пронизывающія ноты серебрянаго колокола, и какъ грузно падаютъ глухіе звуки деревяннаго; можете любоваться роскошными переливами и гаммами всѣхъ семи колоколовъ церкви св. Евстафія, гаммами, то повышающимися то понижающимися. Временами въ этотъ концертъ звуковъ врываются неизвѣстно откуда нѣсколько ясныхъ, звонкихъ нотъ и, отчетливо прозвучавъ, снова поспѣшно исчезаютъ, сверкнувъ молніеносными зигзагами въ этомъ океанѣ благовѣста. Съ одного горизонта несется дребезжащее и крикливое пѣніе колоколовъ аббатства Сенъ-Мартена, съ другого ему отвѣчаетъ грубый и зловѣщій голосъ Бастиліи; дальше гудитъ басомъ Луврская башня. Царственные колокола Дворца Правосудія безпрерывно во всѣ стороны шлютъ дивныя трели своихъ чистыхъ голосовъ, покрываемыхъ по временамъ тяжелыми ударами большого колокола собора Богоматери; отъ этихъ ударовъ трели разсыпаются еще звонче и брызжутъ точно искры на наковальнѣ при ударахъ тяжелымъ молотомъ. Въ извѣстные промежутки безконечно разнообразными сочетаніями проносятся струи звуковъ, изливаемыя тройнымъ наборомъ колоколовъ церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Иногда вся эта масса чудныхъ звуковъ вдругъ какъ бы разступается, чтобы пропустить налетающую съ колокольни церкви Благовѣщенія роскошную фугу, ноты которой тотчасъ же разлетаются хрустальными брызгами. А снизу, изъ самой глубины этого оркестра, вамъ смутно слышится пѣніе, которымъ въ эту минуту полны церкви и которое пробивается наружу сквозь ихъ гулкіе своды. — Да, такую оперу, безспорно, стоитъ послушать. Днемъ Парижъ шумитъ говоромъ своего населенія; ночью вы можете слышать шумъ его дыханія, а теперь вы слышите, какъ онъ поетъ. Прислушайтесь же къ этому чарующему ухо трезвону парижскихъ колоколовъ; присоедините къ нему немолчный гулъ полумилліоннаго населенія, вѣчный ропотъ рѣки, неумолкаемые вздохи вѣтровъ и торжественный квартетъ четырехъ рощъ, расположенныхъ на окаймляющихъ горизонтъ холмахъ, подобно трубамъ гигантскихъ органовъ; представьте себѣ, какъ тонетъ въ этомъ морѣ постороннихъ шумовъ все, что можетъ быть грубаго и рѣзкаго въ городскомъ трезвонѣ, — и скажите, положа руку на сердце, знаете ли вы еще что-нибудь болѣе радостное, болѣе яркое и захватывающее, чѣмъ ликованіе этихъ колоколовъ, чѣмъ этотъ очагъ дивной музыки, чѣмъ эти десять тысячъ мѣдныхъ голосовъ, поющихъ всѣ разомъ и какъ бы возносящихся изъ гигантскихъ каменныхъ флейтъ въ триста футовъ высоты? Скажите, знаете ли вы городъ, болѣе прекрасный, чѣмъ Парижъ, составляющій въ эту минуту одинъ грандіозный оркестръ? Слышали ли вы что-либо лучше этой симфоніи, воспроизводящей шумъ бури?

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Добрыя души.

За шестнадцать лѣтъ до описываемыхъ нами событій, яснымъ утромъ въ Ѳомино воскресенье случилось интересное происшествіе: въ соборѣ Парижской Богоматери, послѣ обѣдни, было найдено какое-то маленькое живое существо. Оно лежало въ деревянныхъ ясляхъ, вдѣланныхъ въ полъ паперти, налѣво отъ того исполинскаго изображенія св. Христофора, на которое такъ благоговѣйно смотрѣла съ 1413 года каменная колѣнопреклоненная фигура рыцаря, мессира Антуана Дезэссара, находившагося въ этомъ положеніи вплоть до того времени, когда умные люди нашли нужнымъ убрать отсюда и самого св. Христофора и этого благочестиваго рыцаря.

По издавна существовавшему обычаю, въ эти ясли клали подкидышей, поручая ихъ такимъ образомъ общественному милосердію. Отсюда каждый желающій могъ взять подкидыша на воспитаніе. Передъ яслями находилось мѣдное блюдо для сбора подаяній.

Подобіе живого существа, лежавшее на голыхъ доскахъ этого убогаго ложа въ Ѳомино воскресенье 1467 года, очевидно, сильно возбуждало любопытство столпившейся вокругъ этого мѣста довольно густой кучки людей. Кучка эта состояла большею частью изъ представительницъ прекраснаго пола и преимущественно пожилыхъ.

Между этими женщинами особенно выдѣлялись четыре старухи, стоявшія у самыхъ яслей и низко наклонившіяся надъ ними. Судя по длиннымъ сѣрымъ одѣяніямъ монашескаго покроя, старухи принадлежали къ какой-нибудь благочестивой общинѣ. Я не вижу причинъ, почему бы не передать потомству именъ этихъ четырехъ скромныхъ и почтенныхъ особъ. Ихъ звали: Агнеса ла-Гермъ, Жегана де-ла-Тармъ, Генріета ла-Гольтьеръ и Гошеръ ла-Віолетъ. Онѣ всѣ были вдовы и состояли при обители Этьенъ-Годри.

Съ разрѣшенія своей начальницы и согласно уставу Пьера д'Айльи, старушки приходили въ соборъ для слушанія проповѣди.

Однако, соблюдая въ точности уставъ Пьера д'Айльи, достойныя годріетки, съ другой стороны, самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушали правила Михаила де-Браша и кардинала Пизскаго, которые такъ жестоко предписывали имъ молчаніе.

— Что это такое, сестра? — говорила Агнеса своей сосѣдкѣ Гошеръ, разсматривая маленькое созданіе, которое съ пискомъ корчилось въ ясляхъ, видимо испуганное множествомъ устремленныхъ на него глазъ.

— Что же это будетъ съ нами, если стали появляться на свѣтъ такія дѣти! — сказала Жегана.

— Я не знаю толку въ ребятахъ, — продолжала Агнеса, — но думаю, что на этого вотъ ребенка грѣшно даже и смотрѣть.

— Да это вовсе и не ребенокъ, Агнеса.

— Это неудавшаяся обезьяна,— замѣтила Гошеръ.

— А по-моему, это какое-то знаменіе, — произнесла Генріета ла-Гольтьеръ.

— Въ такомъ случаѣ,— подхватила Агнеса,— это уже третье чудо за нынѣшній мѣсяцъ. Вѣдь прошло не больше недѣли, какъ Обервильская Богородица такъ чудесно наказала нечестиваго странника, который кощунствовалъ передъ Ея изображеніемъ. А то было вторымъ чудомъ въ этотъ мѣсяцъ.

— Этотъ подкидышъ — настоящее страшилище! — воскликнула Жегана.

— А какъ онъ кричитъ, — хоть кого оглушить можетъ, — добавила Гошеръ.— Замолчишь ли ты, неугомонный ревунъ! — пригрозила она подкидышу, дѣйствительно, кричавшему благимъ матомъ.

— И подумать только, что монсиньоръ архіепископъ Реймскій прислалъ это чудовище въ подарокъ монсиньору архіепископу Парижскому! — ужасалась Гошеръ, всплеснувъ руками.

— По-моему, — снова заговорила Агнеса ла-Гошеръ, — это просто какой-то противный звѣренышъ... что-то въ родѣ помѣси жида и свиньи... словомъ, что-то такое нечистое, чему мѣсто не въ христіанскомъ храмѣ, а скорѣе — въ водѣ или въ огнѣ.

— Надѣюсь, никто не рѣшится взять къ себѣ это чудовище, — сказала ла-Гольтьеръ.

— Ахъ, Боже мой! — сокрушалась Агнеса, — какъ мнѣ жаль бѣдныхъ кормилицъ пріюта для подкидышей, который находится въ самомъ концѣ переулка, на берегу, чуть не рядомъ съ жилищемъ архіепископа... Каково имъ будетъ, если придется кормить такое чудовище!.. Я бы на ихъ мѣстѣ предпочла кормить своей грудью настоящаго вампира...

— Ну, и простота же вы, ла-Гермъ! — вскричала Жегана. — Развѣ вы не видите, что этому маленькому страшилищу, по меньшей мѣрѣ, года четыре, и что онъ нуждается не въ груди, а скорѣе въ хорошемъ кускѣ мяса?

И, дѣйствительно, маленькое „страшилище“ (мы и сами затруднились бы назвать его иначе) было не изъ новорожденныхъ. Это существо представляло какую-то безформенную, угловатую, очень подвижную массу, завязанную въ мѣшокъ, помѣченный начальными буквами имени мессира Гильома Шартье, тогдашняго парижскаго архіепископа. Изъ мѣшка выглядывала одна только голова, отличавшаяся поразительной уродливостью. На ней ничего нельзя было различить, кромѣ щетины рыжихъ волосъ, одного глаза и рта съ зубами. Глазъ плакалъ, ротъ кричалъ, а зубы, казалось, такъ и искали, во что бы имъ вонзиться. Существо это изо всей силы билось въ своемъ мѣшкѣ, къ немалому изумленію толпы, окружавшей ясли и продолжавшей все увеличиваться.

Въ эту толпу вмѣшалась и госпожа Алоиза Гондлорье, богатая и знатная дама, которая вела за руку хорошенькую дѣвочку лѣтъ шести и тащила за собой длинное покрывало, прикрѣпленное къ золотому

рогу ея головного убора. Дама остановилась, чтобы тоже взглянуть на злополучное маленькое существо, корчившееся и кричавшее въ ясляхъ, между тѣмъ, какъ ея дочь, прелестная Флеръ-де-Лисъ, водила своимъ крохотнымъ пальчикомъ по надписи, прибитой къ яслямъ и гласившей: „Найденыши“.

— Фу, какая гадость! — съ отвращенiемъ проговорила дама. — Я думала, что сюда кладутъ только дѣтей.

И она поспѣшно пошла дальше, бросивъ на блюдо серебряный флоринъ, гордо звякнувшiй между лежавшими тамъ мѣдяками. Бѣдныя сестры общины Этьена-Годри даже глаза вытаращили при видѣ такой небывалой щедрости.

Вслѣдъ затѣмъ подошелъ кичившiйся своей ученостью Робертъ Мистриколь, королевскiй протонотарiусъ, державшiй подъ мышкою одной руки толстый молитвенникъ, а подъ другой — руку своей супруги Гильометы, урожденной ла-Мересъ; такимъ образомъ, онъ имѣлъ при себѣ оба свои регулятора: духовный и мiрской.

— Найденышъ! — проговорилъ онъ, разсмотрѣвъ метавшееся въ мѣшкѣ существо.— Г-мъ... По всей вѣроятности, его нашли на берегу рѣки Флегетона.

— У него виденъ только одинъ глазъ, а другой закрытъ какимъ-то желвакомъ,— замѣтила бывшая дѣвица ла-Мересъ.

— Это не желвакъ, — возразилъ метръ Робертъ Мистриколь, — это — яйцо; оно содержитъ въ себѣ другого такого же демона съ такимъ же яйцомъ, въ которомъ тоже сидитъ демонъ. И такъ далѣе... до безконечности.

— Почему ты это знаешь? — спросила Гильомета.

— Знаю, вотъ и все! — отвѣтилъ протонотарiусъ.

— Господинъ протонотарiусъ,— обратилась къ нему Гошеръ,— что, по вашему мнѣнiю, предвѣщаетъ этотъ странный найденышъ?

— Величайшiя бѣдствiя,— изрекъ метръ Мистриколь.

— Ахъ, ты, Господи! — вскричала одна старуха въ толпѣ.— Неужели мало того, что у насъ въ прошломъ году была такая сильная чума, а теперь, говорятъ, еще англичане собираются высадиться въ Гарфлё?

— Чего добраго,— подхватила другая старуха, — этотъ уродъ сдѣлаетъ то, что королева не прiѣдетъ въ Парижъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. А торговля и безъ того идетъ такъ плохо.

— По моему мнѣнiю,— сказала Жегана де-ла-Тармъ, — для парижскихъ бѣдняковъ было бы лучше, если бы этотъ маленькiй колдунъ былъ положенъ на костеръ вмѣсто яслей.

— Да, на хорошенькiй пылающiй костерчикъ! — подхватила первая старуха.

— Дѣйствительно, это было бы благоразумнѣе, — подтвердилъ и Мистриколь.

Въ толпѣ уже нѣсколько минутъ стоялъ одинъ молодой священникъ, внимательно прислушиваясь къ тому, что говорилось годрiетками и протонотарiусомъ. Лицо этого человѣка отличалось широкимъ лбомъ, глубокимъ взглядомъ и серiознымъ выраженiемъ. Онъ молча отстранилъ толпу, посмотрѣлъ на „маленькаго колдуна“ и положилъ на него руку. Да и пора было, потому что всѣ эти старыя ханжи уже начали предвкушать наслажденiе при мысли о „хорошенькомъ пылающемъ костерчикѣ“.

— Я беру этого ребенка къ себѣ, — громко произнесъ молодой священникъ.

Съ этими словами онъ взялъ маленькое существо на руки, завернулъ его въ свою сутану и быстро ушелъ съ нимъ, провожаемый полными ужаса взглядами присутствующихъ. Черезъ минуту онъ уже скрылся въ „Красной“ двери, служившей въ то время для сообщенія церкви съ монастыремъ.

Когда прошелъ столбнякъ изумленія, охватившаго благочестивыхъ годріетокъ, Жегана де-ла-Тармъ наклонилась къ уху Генріеты де-ла-Гольтьеръ и прошептала:

— Развѣ я не говорила вамъ, сестра, что этотъ молодой клирикъ, Клодъ Фролло, колдунъ?

II.

Клодъ Фролло.

Клодъ Фролло, дѣйствительно, не былъ обыкновенною личностью.

Онъ принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ семействъ средняго положенія, которыя на грубомъ языкѣ прошлаго столѣтія причислялись то къ высшей буржуазіи, то къ низшему дворянству. Семейство это унаслѣдовало отъ братьевъ Пакле ленный участокъ земли Тиршапъ, зависѣвшій отъ епископа парижскаго, двадцать одинъ домъ котораго въ тринадцатомъ столѣтіи были предметомъ безконечныхъ судебныхъ тяжбъ. Въ качествѣ владѣльца этого лена, Клодъ Фролло принадлежалъ къ числу тѣхъ феодаловъ, которые имѣли притязаніе на взиманіе сборовъ въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ; его имя долгое время красовалось между леномъ отеля Танкарвиль, принадлежавшаго метру Франсуа Ле-Рецъ, и леномъ Турской коллегіи въ спискѣ упомянутыхъ феодаловъ, хранившемся въ архивѣ монастыря Сенъ-Мартенъ-де-Шанъ.

Родители Клодо Фролло со дня рожденія сына предназначили его къ духовному званію. Грамотѣ обучили его прямо по-латыни, и очень рано привили ему привычку держать глаза опущенными и говорить тихимъ голосомъ. Совсѣмъ еще маленькимъ онъ былъ отданъ отцомъ въ коллегію Торши, въ кварталѣ Университета. Онъ тамъ такъ и выросъ надъ молитвенникомъ и словаремъ.

Впрочемъ, Клодъ уже отъ природы былъ ребенкомъ серіознымъ, тихимъ и задумчивымъ. Онъ отлично учился, никогда не шумѣлъ во время рекреацій, не участвовалъ въ вакханаліяхъ улицы Фуаръ, не зналъ, что такое dare alapas et capillos laniare и не фигурировалъ въ томъ мятежѣ 1473 года, который былъ занесенъ лѣтописцами въ хронику подъ громкимъ названіемъ „Шестой университетской смуты“. Лишь изрѣдка онъ позволялъ себѣ вмѣстѣ съ другими осмѣивать бѣдныхъ учениковъ коллегіи Монтегю за ихъ capelles (плащи съ капюшонами), по которымъ они получили свое прозвище „капеляровъ“, или надъ бурсаками коллегіи Дормана за ихъ тонзуры и трехцвѣтные кафтаны изъ зеленовато-синяго, голубого и фіолетоваго сукна „azurini coloris et bruni“, какъ сказано въ хартіи кардинала Четырехъ Коронъ.

Зато онъ былъ самымъ ревностнымъ посѣтителемъ всѣхъ большихъ и малыхъ учебныхъ заведеній улицы Сенъ-Жанъ де-Бове. Начиная вою лекцію каноническаго права въ школѣ Сенъ-Вандржезиль, аббатъ

Сенъ-Пьеръ-де-Валь всегда видѣлъ первымъ лицо Клода Фролло, который, сидя какъ разъ противъ каѳедры, у одного изъ столбовъ аудиторіи, и, вооруженный перомъ и чернильницей, готовился записывать слова лектора въ лежавшую у него на колѣняхъ тетрадь, для чего зимою онъ долженъ былъ отогрѣвать дыханіемъ окоченѣвшіе отъ холода пальцы. Онъ же, весь запыхавшись, первый прибѣгалъ на лекціи доктора декреталій, мессира Миль-Дилье, читавшаго по понедѣльникамъ въ школѣ Шефъ-Сенъ-Дени; ни разу не случалось, чтобы онъ не поспѣлъ туда къ тому моменту, когда растворялись двери школы. Благодаря этому, Клодъ уже шестнадцати лѣтъ смѣло могъ бы потягаться въ мистической теологіи съ любымъ изъ отцовъ Церкви, въ канонической — съ любымъ изъ членовъ соборовъ, а въ схоластической — съ кѣмъ угодно изъ докторовъ Сорбонны.

Изучивъ до тонкости богословіе, онъ съ жадностью набросился на декреталіи. Отъ „Свода сентенцій“ онъ перешелъ къ „Капитуляріямъ“ Карла Великаго. Затѣмъ, при такой неутолимой жаждѣ знанія, онъ послѣдовательно поглощалъ одни декреталіи за другими: Теодора, епископа Испальскаго, Бушара, епископа Вормскаго, Ива, епископа Шартрскаго, потомъ — декреталіи Граціана, послѣдовавшія за капитуляріями Карла Великаго, сборникъ Григорія IX и посланіе Гонорія III. Этимъ путемъ онъ вполнѣ разобрался въ томъ обширномъ и смутномъ періодѣ борьбы права каноническаго съ гражданскимъ, совершавшейся въ хаосѣ среднихъ вѣковъ,— періодѣ, начатомъ епископомъ Ѳеодоромъ въ 618 году и законченномъ папою Григоріемъ въ 1227 году.

Переваривъ декреталіи, Клодъ Фролло ухватился за медицину и за свободныя искусства. Онъ изучилъ науку о цѣлебныхъ растеніяхъ и о составленіи мазей, основательно ознакомился съ различными способами лѣченія лихорадокъ, ушибовъ, нарывовъ, ранъ и т. п. Вообще онъ и въ этомъ направленіи достигъ того, что самъ знаменитый Жакъ д'Эпаръ не задумался бы дать ему дипломъ доктора медицины, а Ришаръ Гелленъ съ удовольствіемъ вручилъ бы ему дипломъ и на степень доктора хирургіи. Съ тѣмъ же успѣхомъ онъ прошелъ и всѣ ученыя степени въ изящныхъ наукахъ: лиценціата, магистра и доктора. Онъ сдѣлался какъ свой и въ томъ тройномъ святилищѣ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ, которое въ то время мало кого привлекало. Его прямо пожирала горячка знанія, и онъ накапливалъ его съ ненасытностью скряги. Восемнадцати лѣтъ онъ уже прошелъ всѣ четыре факультета. Ясно было, что этотъ юноша видѣлъ въ жизни только одну цѣль: знаніе.

Какъ разъ въ это время, т.-е. въ знойное лѣто 1466 года, и разразилась та страшная чума, которая въ одномъ парижскомъ округѣ унесла около сорока тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ, какъ выразился Жанъ де-Труа, и „метра Арну, королевскаго астролога, человѣка добродѣтельнаго, мудраго и пріятнаго въ обиходѣ“. Вдругъ, въ университетѣ распространился слухъ, что эпидемія съ особенной силою свирѣпствуетъ въ улицѣ Тиршапъ. На этой улицѣ, въ своемъ ленномъ владѣніи, проживали родители Клода Фролло. Въ страшномъ испугѣ юноша бросился туда. Онъ засталъ отца и мать уже мертвыми. Въ одной комнатѣ съ едва остывшими трупами родителей лежалъ и плакалъ въ колыбели покинутый разбѣжавшимися слугами грудной младенецъ, братъ Клода, изъ всей его семьи только одинъ и оставшійся въ живыхъ. Клодъ

взялъ брата на руки и поспѣшилъ покинуть зараженный домъ родителей. Событіе это заставило юношу задуматься. До этой страшной минуты онъ жилъ только въ наукѣ, а теперь внезапно оказался брошеннымъ въ водоворотъ настоящей „живой“ жизни.

Эта катастрофа произвела коренной переворотъ въ жизни Клода. Внизапно осиротѣвъ и сдѣлавшись девятнадцати лѣтъ отъ роду, такъ сказать, главою семейства, онъ вдругъ былъ низведенъ изъ міра школьныхъ мечтаній въ міръ грубой дѣйствительности. Но охваченный жалостью къ своему маленькому, безпомощному брату, онъ съ жаромъ отдался заботамъ о немъ и страстно къ нему привязался. Эта живая привязанность имѣла что-то необычайно сладостное для юноши, имѣвшаго раньше любовь только къ книгамъ.

Любовь къ брату развивалась въ немъ съ изумительною быстротою и силою, всецѣло охватывая его дѣвственную душу. Разлученный въ раннемъ дѣтствѣ съ родителями, которыхъ поэтому онъ едва зналъ, ушедшій всецѣло въ книги, жаждавшій только знанія, заботившійся исключительно о развитіи своего ума посредствомъ науки и питавшій свое воображеніе лишь изящною словесностью, бѣдный школьникъ до сихъ поръ не имѣлъ времени почувствовать, что и у него бьется сердце. Маленькій, сразу осиротѣвшій братъ, свалившійся къ нему вдругъ точно съ неба, мгновенно преобразилъ его и сдѣлалъ какъ бы другимъ человѣкомъ. Онъ понялъ, что на ряду съ умозрѣніями Сорбонны и стихами Гомера въ мірѣ есть еще кое-что; понялъ, что человѣку свойственны и живыя привязанности, что безъ любви и нѣжности жизнь не что иное, какъ мертвый, ржавый, скрипучій и безобразный механизмъ. Но будучи еще въ тѣхъ годахъ, когда одна иллюзія смѣняется другою, онъ былъ увѣренъ, что человѣку нужны одни родственныя, основанныя на узахъ крови привязанности, и что любви къ брату вполнѣ достаточно, чтобы наполнить навсегда сердце.

Такимъ образомъ, онъ весь отдался любви къ Жегану, своему маленькому брату, отдался со всей страстью своей глубокой, сосредоточенной души. Это крошечное, хрупкое существо съ розовыми щечками и свѣтлыми кудрявыми волосиками. этотъ сиротка, не имѣвшій другой опоры, кромѣ него, Клода, который былъ такимъ же сиротою, трогало его до глубины души. Серьезный мыслитель, Клодъ, подолгу размышлялъ и надъ этимъ существомъ, въ то же время окружая его нѣжнѣйшей заботливостью. Онъ былъ для Жегана болѣе, чѣмъ братъ, — онъ сдѣлался его второй матерью.

Жеганъ лишился матери въ то время, когда еще былъ груднымъ ребенкомъ, поэтому Клодъ былъ вынужденъ пріискать ему кормилицу. Кромѣ лена въ улицѣ Тиршапъ, онъ унаслѣдовалъ отъ отца еще другой ленный участокъ, — мельницу, стоявшую на холмѣ, близъ Винчестерскаго дворца (Бисетра), и ставившую своихъ владѣльцевъ въ извѣстную зависимость отъ владѣльцевъ четырехъугольной Гентильской башни. Клодъ зналъ, что у мельничихи есть здоровый грудной ребенокъ, и рѣшилъ отдать ей кормить и своего брата. Мельница находилась недалеко отъ Университета, и Клодъ самъ отнесъ туда Жегана.

Съ того времени, чувствуя, что на него возложена тяжесть, которую онъ долженъ во что бы то ни стало нести, Клодъ сталъ относиться къ жизни съ серьезностью человѣка зрѣлыхъ лѣтъ. Забота о маленькомъ братѣ сдѣлалась не только его отдохновеніемъ, но и единственною

цѣлью его ученыхъ занятій. Онъ рѣшилъ посвятить себя всецѣло этому существу, за будущность котораго обязанъ былъ отвѣчать передъ Богомъ, и далъ обѣтъ, что никогда не женится, и что всѣ свои радости, все свое счастье, будетъ искать только въ братѣ. Это еще болѣе побудило его избрать духовное поприще, къ которому онъ чувствовалъ такую склонность съ дѣтства. Кстати, его прекрасныя свойства, его знанія и положеніе въ качествѣ вассала парижскаго архіепископа широко открывали ему церковныя двери.

Двадцати лѣтъ отъ роду онъ съ особаго разрѣшенія папы былъ уже священникомъ, и его назначили младшимъ капелланомъ въ тотъ придѣлъ собора Богоматери, въ которомъ служилась поздняя обѣдня и алтарь котораго поэтому назывался *altare pigrorum*.

На этомъ мѣстѣ онъ, еще болѣе прежняго погруженный въ любимыя книги, которыя покидалъ только за тѣмъ, чтобы сходить не надолго на мельницу навѣстить брата, не по годамъ серьезный и ученый, быстро завоевалъ удивленіе и уваженіе къ себѣ всего монастыря. Отсюда слава объ его учености проникла и въ народъ, который, какъ это водилось въ доброе старое время, смѣшивалъ научныя знанія съ колдовствомъ.

Въ то памятное Ѳомино воскресенье Клодъ шелъ къ себѣ домой послѣ того, какъ отслужилъ позднюю обѣдню въ упомянутомъ придѣлѣ, находившемся направо отъ главнаго алтаря, у входа на хоры, возлѣ изображенія Богоматери, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено группою старухъ, такъ возбужденно работавшихъ языками вокругъ яслей найденышей.

Чуя что-то недоброе, онъ поспѣшилъ подойти къ тому злополучному маленькому существу, на которое изъ устъ окружающихъ сыпалось столько ненависти и угрозъ. Видъ этого брошеннаго, безпомощнаго, обиженнаго природою и людьми созданія внушилъ ему мысль, что, если онъ, Клодъ, внезапно умретъ, то и его дорогой братишка можетъ быть такъ же безжалостно брошенъ въ ясли найденышей. Эта ужасная мысль возбудила въ его сердцѣ чувство безконечной жалости къ уродцу въ мѣшкѣ и заставила его взять несчастнаго ребенка подъ свое покровительство.

Вынутый изъ мѣшка найденышъ, дѣйствительно, оказался уродливымъ до чудовищности. Лѣвый глазъ бѣдняжки былъ закрытъ желвакомъ, голова совершенно уходила въ плечи, позвоночникъ выгибался въ видѣ дуги, грудная кость сильно выпячивалась, а ноги были кривыя. Тѣмъ не менѣе, этотъ уродецъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, принадлежалъ къ числу живучихъ; между прочимъ, объ его здоровьѣ и силѣ свидѣтельствовалъ громкій голосъ, которымъ онъ все время выкрикивалъ что-то непонятное. Уродливость ребенка только усилила состраданіе къ нему Клода и заставила его дать обѣтъ воспитать и этого подкидыша изъ любви къ своему брату; этимъ онъ какъ бы дѣлалъ на имя брата вкладъ, который въ будущемъ могъ бы служить противовѣсомъ проступковъ Жегана. Клодъ, такимъ образомъ, заботился о томъ, чтобы припасти брату капиталъ добрыхъ дѣлъ на тотъ случай, если онъ самъ окажется не въ состояніи накопить себѣ такихъ денегъ — единственныхъ, которыя въ ходу въ раю.

Клодъ окрестилъ своего пріемыша и назвалъ его Квазимодо [1]), не то въ память того дня, въ который онъ его нашелъ, не то потому, что

---

[1]) *Quasimodo* значитъ «Ѳомино воскресенье», а также подобіе. *Примѣч. перев.*

хотѣлъ этимъ нечеловѣческимъ именемъ охарактеризовать его, какъ существо, представляющее собою не полнаго человѣка, а лишь черновой набросокъ его. Вѣдь кривой, горбатый и кривоногій Квазимодо, дѣйствительно, могъ считаться только *подобіемъ* человѣка.

III.

IMMANIS PECORIS CUSTOS, IMMANIOR IPSE.

Въ 1482 г. Квазимодо былъ уже взрослымъ. Онъ нѣсколько лѣтъ исправлялъ должность звонаря собора Богоматери. Эту должность онъ получилъ, благодаря своему пріемному отцу, Клоду Фролло. Послѣдній имѣлъ теперь санъ Жозасскаго архидіакона, полученный имъ отъ своего начальника Луи де-Бомона, сдѣлавшагося въ 1472 году, по смерти Гильома Шартье и по протекціи своего покровителя, Оливье-ле-Дема, цирюльника Людовика XI, парижскимъ архіепископомъ.

Итакъ, Квазимодо былъ звонаремъ собора Богоматери.

Съ теченіемъ времени между звонаремъ и соборомъ образовалась какая-то таинственная связь. Навсегда отрѣшенный отъ міра тяготѣвшимъ надъ нимъ двойнымъ несчастіемъ: неизвѣстностью происхожденія и уродливостью, съ дѣтства заключенный въ этотъ двойной кругъ, черезъ который не было никакой возможности перешагнуть, злополучный подкидышъ не привыкъ видѣть ничего другого, кромѣ этихъ священныхъ стѣнъ, пріютившихъ его подъ своей сѣнью. По мѣрѣ того, какъ Квазимодо росъ, соборъ Богоматери представлялъ для него сначала какъ бы яйцо, потомъ — гнѣздо, домъ, отечество, а подъ конецъ и всю вселенную.

Казалось, что и въ самомъ дѣлѣ это существо соединяла съ соборомъ Богоматери какая-то особенная, споконъ вѣка установленная гармонія.

Когда Квазимодо, будучи еще совсѣмъ маленькимъ, съ мучительными усиліями, въ прискочку, на четвереинькахъ, пробирался подъ мрачными сводами этого собора, то онъ, со своимъ получеловѣческимъ лицомъ и чудовищнымъ тѣлосложеніемъ, казался пресмыкающимся, возникшимъ прямо изъ того сырого помоста, на которомъ капители романскихъ столбовъ вырисовывали такія причудливыя тѣни.

Позднѣе, въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ уцѣпился за веревку колокольни и, повиснувъ на ней, раскачалъ колоколъ, то это произвело на его пріемнаго отца, Клода Фролло, такое впечатлѣніе, точно у этого страннаго ребенка развязался, наконецъ, языкъ и онъ начинаетъ говорить.

Такимъ образомъ, постепенно развиваясь сообразно окружавшей его обстановкѣ собора, безвыходно живя въ этомъ зданіи и постоянно подвергаясь его таинственному вліянію, Квазимодо, въ концѣ концовъ, почти сросся съ соборомъ, сдѣлался какъ бы его инкрустаціей, неотдѣлимою отъ него частью. Выступающіе углы его тѣла (да простятъ намъ это сравненіе!) вполнѣ соотвѣтствовали вогнутымъ угламъ зданія, такъ что онъ казался не только обитателемъ, но прямо частью этого зданія. Можно было сказать, не впадая въ особенное преувеличеніе, что онъ принялъ форму собора, какъ улитка принимаетъ форму своей раковины. Соборъ былъ его жилищемъ, его норою, его оболочкою. Между нимъ и

старымъ храмомъ существовала такая глубокая коренная симпатія, было столько, такъ сказать, органическаго сходства, что онъ какъ бы цѣликомъ приросъ къ собору, какъ прирастаетъ черепаха къ своему панцырю. Шероховатыя стѣны собора были, дѣйствительно, точно его чешуей.

Было бы лишнимъ предупреждать читателя, не придавать буквальнаго значенія сравненіямъ, къ которымъ мы были вынуждены прибѣгнуть, чтобы дать понятіе объ этомъ странномъ, симметричномъ, непосредственномъ, почти однородномъ по своему вещественному составу сочетаніи человѣка съ зданіемъ. Безполезно также было бы распространяться о томъ, до какой степени Квазимодо освоился со всѣмъ соборомъ въ продолженіе долгаго и близкаго своего общенія съ нимъ. Соборъ былъ зданіемъ, построеннымъ точно нарочно для него. Въ этомъ зданіи не было ни одной щели, въ которой не побывалъ бы Квазимодо, ни одной высоты, на которую онъ бы не вскарабкивался. Сколько разъ онъ взбирался на соборъ прямо по его фасаду, пользуясь одними выступами скульптурныхъ украшеній. Не разъ видали его пробирающимся ползкомъ по наружнымъ краямъ башенъ, подобно ящерицѣ, скользящей по отвѣсной стѣнѣ; эти два каменныхъ близнеца-исполина, грозные и недоступные для другихъ, не имѣли для него ничего страшнаго; карабкаясь по нимъ, онъ не испытывалъ ни головокруженія, ни боязни, ни приступовъ растерянности. Видя ихъ такими податливыми для него, прямо можно было подумать, что онъ приручилъ ихъ себѣ. Постоянно лазая, прыгая и кувыркаясь надъ бездною, зіявшею со всѣхъ стронъ у подножія гигантскаго зданія, Квазимодо сдѣлался чѣмъ-то среднимъ между обезьяной и серною, напоминая въ то же время и калабрійскаго ребенка, который научается раньше плавать, чѣмъ ходить, и, совершенно еще маленькій, точно играетъ съ грознымъ моремъ.

Наконецъ, не только его тѣло, но и самая его душа, сформировались какъ бы по подобію собора. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ состояніи находилась его душа? Какъ она складывалась, какую приняла форму въ этой угловатой оболочкѣ, въ этой невозможной жизненной обстановкѣ? Опредѣлить это очень трудно. Квазимодо явился на свѣтъ кривымъ, горбатымъ и колченогимъ. Даже выучить его говорить Клоду Фролло удалось съ громаднымъ трудомъ и терпѣніемъ. Но, очевидно, надъ бѣднымъ подкидышемъ тяготѣлъ рокъ. Сдѣлавшись четырнадцати лѣтъ отъ роду звонаремъ собора Богоматери, онъ подвергся новому несчастью, довершившему его физическое убожество: отъ колокольнаго звона у него лопнули барабанныя перепонки, и онъ оглохъ. Этимъ для него закрылась навсегда и та послѣдняя дверь, которую оставила было ему природа для общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Съ закрытіемъ этой двери пресѣкся доступъ единственнаго луча свѣта и радости, до тѣхъ поръ кое-какъ проникавшаго въ душу бѣднаго звонаря, и эта душа очутилась въ безусловномъ мракѣ. Злополучнаго калѣку охватила глубокая меланхолія, такая же полная и неизлѣчимая, какъ и его тѣлесное уродство. Глухота сдѣлала его отчасти и нѣмымъ. Почувствовавъ себя оглохшимъ, онъ, чтобы не быть мишенью лишнихъ насмѣшекъ, обрекъ себя на молчаніе, которое нарушалъ только наединѣ съ самимъ собою. Онъ добровольно вновь наложилъ узы на свой языкъ, развязать который стоило столькихъ трудовъ его пріемному

отцу. Послѣдствіемъ этого было то, что когда ему представлялась неизбѣжная необходимость говорить, языкъ его поворачивался такъ же тяжело и неуклюже, какъ дверь на ржавыхъ петляхъ.

Если бы мы попытались проникнуть въ душу Квазимодо сквозь покрывавшую ее толстую и корявую оболочку; если бы мы могли прозондировать всю глубину этой уродливой организаціи; если бы намъ была дана возможность заглянуть за эти грубые органы и изслѣдовать сумрачную внутренность этого загадочнаго существа, пройти по всѣмъ угламъ и своеобразнымъ изгибамъ этой темной пропасти и освѣтить томившуюся на ея днѣ душу:—то мы, навѣрное, нашли бы ее въ самомъ жалкомъ положеніи: скорченною и захирѣлою, подобно тѣмъ несчастнымъ узникамъ венеціанскихъ свинцовыхъ тюремъ, которые доживали до старости, согнутые въ три погибели въ каменныхъ ящикахъ, слишкомъ узкихъ, короткихъ и низкихъ для того, чтобы можно было въ нихъ выпрямиться.

Въ уродливомъ тѣлѣ духъ не можетъ не атрофироваться. Квазимодо лишь смутно могъ чувствовать въ себѣ присутствіе души, сформированной сообразно съ его тѣломъ. Впечатлѣнія окружавшихъ его предметовъ должны были подвергаться множеству преломленій прежде, чѣмъ дойти до его сознанія. Мозгъ его представлялъ совсѣмъ особую среду; проходившія черезъ него мысли являлись въ невозможно извращенномъ видѣ. Мысль, подвергавшаяся столькимъ преломленіямъ, естественно, должна была получаться до невозможности растрепанною и изуродованною.

Отъ этого происходило безчисленное множество зрительныхъ обмановъ, ложныхъ сужденій и уклоненій блуждавшей мысли, потому Квазимодо и казался то сумасшедшимъ, то полнымъ идіотомъ.

Первымъ послѣдствіемъ такой роковой организаціи было то, что она совершенно затемняла взглядъ Квазимодо на окружающее. Не получая никакихъ непосредственныхъ впечатлѣній, это злополучное существо было несравненно дальше отъ внѣшняго міра, чѣмъ всякое другое.

Вторымъ дѣйствіемъ его уродства являлась злость.

И дѣйствительно, Квазимодо былъ золъ, потому что былъ дикъ, а дикимъ онъ сдѣлался оттого, что былъ безобразенъ. Въ его природѣ было столько же послѣдовательности, сколько и въ нашей. Его необычайно развившаяся тѣлесная сила тоже не мало способствовала увеличенію въ немъ злости. Гоббсъ не даромъ сказалъ: *Malus puer robustus*.

Впрочемъ, по справедливости слѣдуетъ сказать, что злость, пожалуй, у него не была врожденною. Не нужно забывать, что съ первыхъ же своихъ шаговъ среди людей онъ почувствовалъ себя, — а впослѣдствіи и отчетливо созналъ это—оплеваннымъ, заброшеннымъ грязью, отверженнымъ. Человѣческая рѣчь была для него не чѣмъ инымъ, какъ проклятіями ему или насмѣшками надъ нимъ. Онъ не нашелъ вокругъ себя ничего кромѣ ненависти, поэтому и самъ сталъ всѣхъ ненавидѣть. Проникаясь тою злостью, которую видѣлъ во всѣхъ другихъ, онъ только поднялъ оружіе, причинившее ему столько глубокихъ, неизлѣчимыхъ ранъ.

Впрочемъ, онъ и всегда съ крайнею неохотою обращался къ людямъ. Ему было вполнѣ достаточно его собора. Соборъ для него оживлялся мраморными изображеніями королей, святыхъ, епископовъ и пр. Эти изображенія, по крайней мѣрѣ, не смѣялись ему прямо въ лицо и

смотрѣли на него лишь взглядомъ, полнымъ благоволенія и величаваго безстрастія. Правда, тамъ были изображенія демоновъ и чудовищъ, но и тѣ смотрѣли на него безъ всякой ненависти. Онъ самъ слишкомъ походилъ на нихъ, чтобы подозрѣвать въ нихъ ненависть къ себѣ. Если онъ и подмѣчалъ въ нихъ оттѣнокъ насмѣшливости, то развѣ только по отношенію къ другимъ. Святые какъ бы благословляли его, и онъ поэтому считалъ ихъ своими друзьями; чудовища точно охраняли его, почему онъ и въ нихъ видѣлъ своихъ друзей. Онъ не стѣснялся изливать передъ ними свои чувства. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на корточкахъ передъ какою-нибудь статуей, ведя съ ней задушевную бесѣду. Если кто-нибудь заставалъ его въ этомъ положеніи, онъ поспѣшно убѣгалъ, точно влюбленный, котораго застали во время пѣнія имъ серенады подъ окномъ предмета его тайной страсти.

Соборъ замѣнялъ для Квазимодо не только общество людей, но и всю вселенную, всю природу. Ему не нужно было другихъ украшеній, кромѣ вѣчно свѣжихъ цвѣтовъ, такъ пышно распускавшихся на оконныхъ стеклахъ собора,—другой тѣни, кромѣ той, которая отбрасывалась каменною, усаженною птицами листвою, густо украшавшей саксонскія капители, другихъ горъ, кромѣ исполинскихъ башенъ собора,—другого океана, кромѣ бурлившаго у подножія этихъ башенъ Парижа.

Но что онъ болѣе всего любилъ въ этомъ родномъ зданіи, что пробуждало его душу и заставляло ее хоть изрѣдка расправлять свои бѣдныя крылья, такъ безжалостно сжатыя ея тѣснымъ помѣщеніемъ,—это колокола. Онъ ихъ любилъ, ласкалъ, разговаривалъ съ ними и понималъ ихъ. Онъ ихъ всѣ, такъ сказать, охватывалъ своей нѣжностью, начиная съ маленькихъ колоколовъ средней стрѣльчатой башенки и кончая большимъ колоколомъ портала. Средняя колоколенка и обѣ боковыя башни были для него тремя громадными клѣтками, въ которыхъ воспитанныя имъ птицы услаждали своимъ пѣніемъ только его одного. А между тѣмъ, эти самые колокола были причиною его глухоты. Но вѣдь матери обыкновенно любятъ сильнѣе именно тѣхъ дѣтей, которыя заставляли ихъ больше страдать.

Да, голосъ колоколовъ былъ единственный, который онъ могъ еще слышать. Поэтому онъ больше всѣхъ остальныхъ любилъ большой колоколъ; онъ относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и отличалъ его изъ всей этой шумной семьи, такъ весело заливавшейся вокругъ него по праздничнымъ днямъ. Этотъ большой колоколъ звали „Маріей“. Онъ висѣлъ одинъ въ южной башнѣ, рядомъ съ своей сестрой Жакелиной, заключенной въ клѣтку меньшихъ размѣровъ. Жакелина была названа этимъ именемъ въ честь жены Жана Монтегю, пожертвовавшаго этотъ колоколъ собору, что, кстати сказать, жертвователю не помѣшало быть потомъ обезглавленнымъ на Монфоконѣ. Во второй башнѣ висѣло шесть колоколовъ, на средней башенкѣ помѣщалось тоже шесть колоколовъ, поменьше, въ обществѣ деревяннаго колокола, въ который звонили только на Страстной недѣлѣ, начиная съ полудня чистаго четверга и кончая утромъ субботы. Такимъ образомъ, у Квазимодо было въ распоряженіи пятнадцать колоколовъ, изъ которыхъ самымъ любимымъ былъ все-таки „Марія.“

Невозможно описать радость, какую онъ испытывалъ въ дни большого трезвона. Какъ только архидіаконъ приказывалъ ему итти на

свое мѣсто и начинать звонъ, онъ бросался на винтовую лѣстницу и взбирался по ней скорѣе, чѣмъ другой сталъ бы спускаться. Весь запыхавшись, онъ вступалъ въ воздушное помѣщеніе большого колокола. Съ минуту онъ проводилъ въ благоговѣйномъ созерцаніи своего любимца, потомъ нѣжнымъ голосомъ что-то говорилъ ему и гладилъ его рукою, точно добраго коня, которому предстоитъ длинный путь. Казалось, онъ жалѣлъ колоколъ за предстоявшій ему трудъ. Послѣ этихъ первыхъ ласкъ онъ кричалъ своимъ помощникамъ, дожидавшимся въ нижнемъ ярусѣ башни, чтобы они начинали. Помощники повисали на канатахъ, раздавался скрипъ ворота, и громадная мѣдная масса медленно начинала раскачиваться взадъ и впередъ. Съ замирающимъ сердцемъ Квазимодо слѣдилъ за нею глазами. Вотъ вздрогнули бревенчатыя балки подъ первымъ ударомъ колокола, подъ первымъ звукомъ мѣднаго языка. Квазимодо вибрировалъ вмѣстѣ съ колоколомъ.

— Ну, звони! — вскрикивалъ онъ и разражался безумнымъ хохотомъ. Между тѣмъ, движеніе колокола ускорялось, и, по мѣрѣ того, какъ увеличивался описываемый имъ уголъ размаха, глазъ Квазимодо все болѣе и болѣе расширялся и начиналъ сверкать какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Наконецъ, къ голосу этого колокола присоединялись голоса и остальныхъ колоколовъ собора. Начинался трезвонъ; задрожала уже вся башня; она гудѣла всѣмъ своимъ корпусомъ, — каменными плитами и свинцовыми полосами, начиная со столбовъ фундамента и кончая увѣнчивавшими ее трилистниками. Квазимодо кипѣлъ бѣлымъ ключемъ. Наклоняясь взадъ и впередъ, онъ дрожалъ заодно съ башней съ головы до ногъ. Приведенный точно въ изступленіе, колоколъ подносилъ то къ тому, то къ другому изъ пролетовъ башни свою бронзовую пасть, дышавшую той бурей звуковъ, которая была слышна, по крайней мѣрѣ, на четыре льё кругомъ. Помѣстившись передъ этой пастью, Квазимодо, слѣдуя движеніямъ колокола, то присѣдалъ, то подскакивалъ, вдыхая въ себя производимый движеніемъ колокола вѣтеръ и съ торжествомъ глядя попеременно, то на кишѣвшую внизу, на глубинѣ двухсотъ футовъ, народомъ площадь, то на исполинскій мѣдный языкъ, ревѣвшій ему прямо въ уши. Это былъ единственный голосъ, который онъ могъ слышать, единственный звукъ, нарушавшій безмолвіе, въ которое для него была погружена вселенная. Онъ наслаждался, какъ птица въ лучахъ солнца. Вдругъ изступленіе колокола сообщилось и ему; взглядъ его дѣлался какимъ-то неестественно-дикимъ. Выждавъ приближеніе качавшагося взадъ и впередъ колокола, какъ паукъ выжидаетъ добычу, и уловивъ моментъ, онъ однимъ прыжкомъ бросался на него. Повиснувъ надъ бездной, онъ схватывалъ мѣдное чудовище за ушки, сжималъ его колѣнями, пришпоривалъ ударами пятокъ и всею своею силою, всею тяжестью своего тѣла старался увеличить и безъ того уже бѣшеные размахи колокола. Вся башня тряслась. Квазимодо вскрикивалъ и скрежеталъ зубами; его рыжіе волосы становились дыбомъ, грудь его пыхтѣла, какъ кузнечный мѣхъ, единственный глазъ его пламенѣлъ чисто адскимъ огнемъ; колоколъ точно ржалъ и задыхался подъ нимъ. Въ концѣ-концовъ передъ вами были уже не колоколъ собора Богоматери и его звонарь Квазимодо, но казалось, что по колокольнѣ носится какая-то фантасмагорія, какой-то вихрь или смерчь. Это было безуміе верхомъ на звукѣ; духъ, вцѣпившійся въ летающій хребетъ; чудовищный центавръ, наполовину чело-

вѣкъ, наполовину колоколъ; своего рода ужасающій Астольфъ, уносимый волшебнымъ бронзовымъ гипогрифомъ.

Присутствіе такого страннаго существа, какъ Квазимодо, словно вдыхало жизнь во все зданіе собора. По словамъ суевѣрной толпы, казалось, что отъ Квазимодо исходитъ какая-то таинственная сила, оживлявшая камни и шевелившая самыя нѣдра стараго собора. Достаточно было вѣрившимъ въ эту силу знать, что онъ находится въ со-

Повиснувъ надъ бездной, онъ схватывалъ мѣдное чудовище за ушки.

борѣ, чтобы имъ представлялось, какъ онъ оживляетъ безчисленныя статуи, галлереи и паперти. И, дѣйствительно, соборъ казался живымъ существомъ, во всемъ ему покорнымъ и послушнымъ, ждавшимъ его приказанія, чтобы поднять свой гулкій голосъ, — существомъ, одержимымъ Квазимодо, какъ духомъ. Можно сказать, что Квазимодо заставлялъ все зданіе дышать. Онъ былъ точно вездѣсущъ въ соборѣ, какъ бы одновременно присутствовалъ во всѣхъ его пунктахъ. Вы то съ ужасомъ видѣли на вершинѣ одной изъ башенъ уродливаго карлика,

который тамъ лазилъ, извивался змѣей, ползалъ на четвереникахъ, висѣлъ надъ пропастью, прыгалъ съ одного выступа на другой и забирался во внутрь какой-нибудь скульптурной горгоны: это былъ Квазимодо, дѣлавшій облаву на вороньи гнѣзда. То вдругъ вы неожиданно наталкивались въ темномъ углу собора на нѣчто въ родѣ живой химеры, скорченное и насупившееся: это тоже былъ Квазимодо, погруженный въ размышленіе. То вдругъ изъ-подъ какого-нибудь колокола показывалась громадная голова, придѣланная къ чудовищно уродливому туловищу, бѣшено раскачивавшемуся на веревкѣ: это опять-таки былъ Квазимодо, звонившій къ вечернѣ. Часто по ночамъ можно было видѣть какое-то страшилище, бродившее по нѣжной, точно кружевной балюстрадѣ, увѣнчивавшей башни и кровлю собора: это былъ все тотъ же горбунъ собора Богоматери. Въ эти ночи, какъ увѣряли сосѣдки, вся церковь принимала какой-то сверхъестественный, страшный видъ; тамъ и сямъ раскрывались глаза и уста; слышенъ былъ лай каменныхъ псовъ, вой змѣй и драконовъ, съ вытянутыми шеями и разинутыми пастями день и ночь сторожившихъ соборъ. А если дѣло происходило въ ночь подъ Рождество, въ то время, когда большой колоколъ задыхающимся голосомъ созывалъ вѣрующихъ на полунощное богослуженіе, мрачный фасадъ собора принималъ такой видъ, точно онъ своимъ порталомъ, какъ чудовищной пастью, поглощаетъ одну за другою всѣ эти толпы богомольцевъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, а центральная розетка казалась громаднымъ свѣтящимся глазомъ, озиравшимъ ихъ съ высоты. И все это происходило благодаря Квазимодо. Въ Египтѣ его признали бы божествомъ этого храма; средніе вѣка увидѣли бы въ немъ демона собора, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ только душою этого зданія.

Да, все это такъ и было для тѣхъ, которые знали о существованіи Квазимодо; соборъ Богоматери теперь опустѣлъ, превратился въ одну бездыханную, мертвую массу. Чувствуется, что въ соборѣ чего-то недостаетъ, что это громадное тѣло внутри пусто, что это, въ сущности, одинъ скелетъ: духъ исчезъ, осталась одна его оболочка. Это все равно, что черепъ, въ которомъ еще сохранились впадины для глазъ, но самихъ глазъ уже нѣтъ.

IV.

Собака и ея господинъ.

Между тѣмъ, было одно человѣческое существо, на которое Квазимодо не распространялъ злобныхъ чувствъ, питаемыхъ имъ ко всѣмъ остальнымъ людямъ; напротивъ, онъ любилъ этого человѣка такъ же, а, пожалуй, даже и болѣе, чѣмъ свой соборъ. Это былъ Клодъ Фролло.

Да оно и понятно. Клодъ Фролло подобралъ его, когда онъ былъ брошенъ всѣми, усыновилъ, вскормилъ и воспиталъ его. Будучи еще ребенкомъ, Квазимодо привыкъ искать у ногъ Клода Фролло защиты противъ бросавшихся на него злыхъ собакъ и ребятишекъ. Клодъ Фролло научилъ его говорить, читать и писать. Наконецъ, Клодъ Фролло сдѣлалъ его звонаремъ собора, а обручить Квазимодо съ большимъ, колоколомъ—было то же самое, что дать Юлію обожавшему ее Ромео.

Зато глубокой, страстной признательности Квазимодо не было предѣла. Хотя лицо его пріемнаго отца часто было мрачно и сурово, а рѣчь его обыкновенно была отрывистая, жесткая и повелительная, но признательность Квазимодо къ своему воспитателю еще ни разу ни на одно мгновеніе не ослабѣвала. Архидіаконъ имѣлъ въ своемъ пріемышѣ самаго покорнаго раба, самаго усерднаго слугу, самую бдительную собаку. Когда бѣдный звонарь оглохъ, между нимъ и Клодомъ Фролло установился своеобразный, таинственный языкъ знаковъ, понятный только имъ однимъ. Такимъ образомъ, архидіаконъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Квазимодо еще имѣлъ сношенія. Только два предмета и связывали его съ здѣшнимъ міромъ: соборъ Богоматери и Клодъ Фролло.

Власть архидіакона надъ звонаремъ и привязанность послѣдняго къ первому были безпредѣльны. По одному знаку Клода Фролло, изъ простого желанія сдѣлать ему удовольствіе, Квазимодо былъ бы готовъ сброситься внизъ съ самой высокой башни собора Богоматери. Интересно было видѣть, какъ Квазимодо, обладавшій такой необычайной физической силой, подчинялся, точно ребенокъ, человѣку, физически гораздо слабѣе его. Въ этомъ несомнѣнно, сказывались не только сыновняя любовь и привязанность слуги къ своему господину, но и обаяніе болѣе сильнаго ума. Убогій, скудный, жалкій умишко звонаря невольно благоговѣйно преклонялся передъ глубокимъ, сильнымъ, властнымъ и могучимъ умомъ архидіакона. Но болѣе всего здѣсь дѣйствовала признательность, дошедшая до такихъ крайнихъ предѣловъ, что трудно и представить себѣ ее. Наиболѣе яркіе примѣры этой добродѣтели даются не людьми. Поэтому мы лучше всего можемъ охарактеризовать привязанность Квазимодо къ Клоду Фролло, если скажемъ, что онъ любилъ его такъ, какъ ни собака, ни лошадь, ни слонъ никогда не любили своего господина.

V.

Продолженіе о Клодѣ Фролло.

Въ 1482 году Квазимодо было безъ малаго 20 лѣтъ, а Клоду Фролло около тридцати шести. Одинъ только что переступалъ за грань первой юности, а другой находился въ самомъ расцвѣтѣ зрѣлыхъ лѣтъ.

Клодъ Фролло уже не былъ прежнимъ скромнымъ школьникомъ коллегіи Торши, нѣжнымъ покровителемъ безпомощнаго ребенка, молодымъ философомъ-мечтателемъ, такъ много знавшимъ и еще больше не знавшимъ. Теперь это былъ строгій, серьезный и угрюмый священникъ, блюститель душъ, важный архидіаконъ, второй помощникъ епископа, управлявшій двумя деканатами — Монлерійскимъ и Шатофорскимъ—и ста семьюдесятью четырьмя сельскими приходами. Онъ сдѣлался особой, передъ которой трепетали всѣ пѣвчіе въ стихаряхъ и курткахъ, всѣ причетники, вся братія св. Августина, всѣ младшіе клирики собора Богоматери, когда онъ, величавый и мрачный, медленными шагами проходилъ передъ ними, скрестивъ на груди руки и низко опустивъ голову, такъ что былъ виденъ только одинъ его высокій обнаженный лобъ.

Однако, Клодъ Фролло не бросилъ ни науки, ни заботъ о воспитаніи своего братца, не измѣнилъ этимъ двумъ привязанностямъ; съ теченi-

емъ времени къ нимъ примѣшалась только нѣкоторая горечь. Недаромъ Павелъ-діаконъ говоритъ, что со временемъ горкнетъ и самое лучшее сало. Маленькій Жеганъ Фролло, прозванный дю-Муляномъ по мельницѣ, въ которой онъ былъ вскормленъ, смотрѣлъ совсѣмъ не въ ту сторону, въ какую направлялъ его Клодъ. Старшій братъ порывался сдѣлать изъ младшаго богобоязненнаго, покорнаго, ученаго и вообще достойнаго уваженія человѣка; а тотъ, подобно тѣмъ молодымъ дере-

Клодъ Фролло.

вьямъ, которыя, наперекоръ всѣмъ стараніямъ садовника, упорно повертываются въ сторону свѣта и воздуха, росъ и распускался пышными побѣгами только въ сторону лѣни, невѣжества и всякаго рода безразсудствъ. Это былъ настоящій дьяволенокъ, своими безшабашными проказами то и дѣло заставлявшій грозно хмуриться высокое чело старшаго брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой забавный и увертливый, что часто вызывалъ на строгомъ лицѣ старшаго брата невольную улыбку. Клодъ помѣстилъ его въ ту самую коллегію Торши, въ которой самъ

провелъ первые годы своей школьной жизни въ занятіяхъ и размышленіяхъ. Для архидіакона было большимъ огорченіемъ, что теперь въ этомъ святилищѣ имя Фролло произносилось чуть не съ ужасомъ, между тѣмъ, когда былъ тамъ онъ самъ, это имя считалось однимъ изъ лучшихъ украшеній школы. На эту тему Клодъ часто читалъ брату длинныя и строгія наставленія, которыя тотъ выслушивалъ съ

Жеганъ Фролло.

примѣрнымъ мужествомъ. Впрочемъ, несмотря на свою распущенность, Жеганъ былъ юноша очень добродушный, точно его списали съ какого-нибудь вѣтренаго, но простосердечнаго героя комедіи. Выдержавъ грозную проповѣдь брата, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно снова продолжалъ свои похожденія и всевозможныя дурачества. То чуть не до смерти заколотитъ какого-нибудь школяра-новичка, слѣдуя въ этомъ случаѣ сохранившейся до нашихъ временъ традиціи, по которой всѣ вновь поступавшіе въ храмъ науки посвящались

въ его адепты доброю порціей колотушекъ со стороны поступившихъ раньше.

То поведетъ банду школяровъ въ „классическій“ походъ на какой-нибудь кабачекъ, quasi classico excitati, гдѣ буяны сначала отдубасятъ „злыми палками“ кабатчика, потомъ съ хохотомъ все разгромятъ у него, выбьютъ дно у бочекъ въ погребѣ и устроятъ настоящее разливанное море. По временамъ къ Клоду являлся старшій наставникъ коллегіи Торши и съ скорбнымъ видомъ вручалъ ему изложенный на превосходномъ латинскомъ языкѣ отчетъ о буйствахъ Жегана, съ грустною отмѣткою на поляхъ: Rixa; prima causa vinum oprimum potatum. Въ довершеніе всего этого, говорили, что Жеганъ Фролло доходилъ въ своихъ безчинствахъ даже до улицы Глатиньи, хуже чего и представить себѣ было нельзя со стороны шестнадцатилѣтняго юноши.

Опечаленный и все болѣе падая духомъ вслѣдствіи такихъ свѣдѣній о поведеніи брата, Клодъ съ большей еще страстью бросался въ объятія науки, этой сестры, которая во всякомъ случаѣ не издѣвается надъ нами и всегда, хотя по временамъ довольно потертою монетою, вознаграждаетъ насъ за оказываемое ей вниманіе. Такимъ образомъ, онъ набирался бо́льшей и бо́льшей учености, и сообразно съ этимъ, по естественному закону послѣдовательности, становился все суровѣе въ качествѣ священника и печальнѣе въ качествѣ просто человѣка. У каждаго изъ насъ существуетъ извѣстный параллелизмъ между нашимъ умственнымъ складомъ, нашимъ характеромъ и нашими склонностями, нарушающійся только въ силу какихъ-либо особенныхъ житейскихъ переворотовъ.

Клодъ Фролло уже въ молодости прошелъ почти весь кругъ положительныхъ, официальныхъ, дозволенныхъ закономъ знаній; теперь ему ничего болѣе не оставалось, какъ перейти черезъ границу этихъ знаній и искать другой пищи для утоленія своего ненасытнаго духовнаго голода, если онъ не хотѣлъ остановиться *ubi defuit orbis*. Древній символъ змѣи, кусающей свой собственный хвостъ, всего лучше подходитъ къ наукѣ. Вѣроятно, Клодъ Фролло убѣдился въ этомъ опытомъ. Многіе серьезные люди увѣряли, что, истощивъ весь *fas* человѣческаго знанія, онъ дерзнулъ проникнуть и въ nefas; что, перепробовавъ последовательно одинъ за другимъ всѣ плоды древа познанія и не удовлетворившись ими, онъ ухватился и за плоды запретные. Читатели помнятъ, что онъ принималъ участіе и въ конференціяхъ богослововъ Сорбонны, и въ собраніяхъ богослововъ Сентъ-Илэра, и въ диспутахъ декретистовъ Сенъ-Мартена, и въ конгрегаціяхъ медиковъ Чаши Богородицы.

Онъ поглотилъ всю стряпню тѣхъ четырехъ громадныхъ кухонь, которыя называются университетскими факультетами, и пресытился ими раньше, чѣмъ успѣлъ насытиться. Тогда онъ сталъ проникать дальше и глубже и рваться за предѣлы этой ограниченной, строго замкнутой самой въ себѣ, чисто матеріальной науки. Рискуя своей душою, онъ забрался въ таинственную пещеру запретнаго знанія и усѣлся за ту мистическую трапезу, на верхнемъ концѣ которой въ средніе вѣка сидѣли Авероэсъ, Гильомъ Парижскій и николай Фламель, а другой, освѣщенный семисвѣчникомъ, терялся въ дебряхъ Востока, гдѣ за нимъ виднѣлись тѣни Соломона, Пиѳагора и Зороастра.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думали о Клодѣ Фролло, а справедливо это было или нѣтъ—неизвѣстно.

Несомнѣнно было только то, что архидіаконъ часто посѣщалъ кладбище Невинныхъ душъ, на которомъ были погребены его родители, вмѣстѣ съ остальными жертвами чумы 1466 года. Тамъ онъ не столько молился надъ крестомъ, осѣнявшимъ ихъ могилу, сколько всматривался въ странныя изображенія, украшавшія могилы Николая Фламеля и Клода Пэрнеля, находившіяся рядомъ.

Достовѣрно было и то, что Клода Фролло не разъ видали пробирающимся по улицѣ Ломбаръ и торопливо скрывающимся въ небольшомъ домикѣ, стоявшемъ на углу улицъ Экривенъ и Мариво. Этотъ домъ былъ построенъ Николаемъ Фламелемъ, который въ немъ и скончался около 1417 года. Съ тѣхъ поръ домикъ стоялъ необитаемымъ и уже начиналъ разрушаться, благодаря тому, что стекавшіеся къ нему со всѣхъ сторонъ герметики и искатели философскаго камня исчерчивали его стѣны своими именами. Были люди, увѣрявшіе, что однажды они видѣли, какъ архидіаконъ Клодъ усердно рылъ землю въ тѣхъ двухъ подвалахъ, подпорки которыхъ были покрыты во всѣхъ направленіяхъ безчисленными іероглифами и стихами, писанными рукою Николая Фламеля. Предполагалось, что въ этихъ подвалахъ онъ зарылъ свой философскій камень, поэтому въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ всѣ алхимики, съ Манджистри и до отца Пасифика, не переставали рыться подъ фундаментомъ этого дома, пока послѣдній не выдержалъ и не разсыпался прахомъ.

Не подлежалъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что архидіаконъ пылалъ какою-то странною страстью къ символическому порталу собора Богоматери, этой страницѣ чернокнижной мудрости, начертанной таинственными каменными письменами рукою епископа Гильома Парижскаго, который, разумѣется, попалъ прямо въ адъ за то, что дерзнулъ придѣлать такой дьявольскій заголовокъ къ священному гимну, представляемому самымъ зданіемъ. Шелъ также слухъ, что архидіаконъ изслѣдовалъ внутренность колоссальной статуи св. Христофора и того длиннаго загадочнаго каменнаго изображенія, которое въ то время возвышалось у входа на паперть и было извѣстно въ народѣ подъ насмѣшливымъ прозваніемъ *Monsieur Legris*. Но какъ бы тамъ ни было, а во всякомъ случаѣ каждый могъ видѣть, какъ Клодъ Фролло просиживалъ по цѣлымъ часамъ на парапетѣ преддверія, то созерцая изваянія надъ главнымъ входомъ въ соборъ, то изучая безразсудныхъ дѣвъ съ потухшими свѣтильниками и мудрыхъ съ горящими, то измѣряя взглядомъ уголъ, подъ которымъ смотритъ въ какую-то таинственную точку внутри собора воронъ, изображенный надъ лѣвымъ входомъ. По всей вѣроятности, въ томъ мѣстѣ, куда смотритъ каменный воронъ, и зарытъ философскій камень, если только, впрочемъ, онъ не находится подъ развалинами дома Николая Фламеля. Сказать мимоходомъ: не казалось ли въ самомъ дѣлѣ страннымъ то обстоятельство, что соборъ Богоматери въ описываемую нами эпоху былъ предметомъ горячей, беззавѣтной преданности двухъ существъ, такъ отличавшихся одно отъ другого, каковы были Клодъ Фролло и Квазимодо? Звонарь, полу-человѣкъ, полу-животное, жившій почти однимъ инстинктомъ, любилъ соборъ за его внѣшнюю красоту, за его стройную величавость, за гармонію, которою въ цѣломъ дышитъ это зданіе, а архидіаконъ, какъ человѣкъ, глубоко ученый, съ пылкимъ воображеніемъ, чувствовалъ любовь къ собору за его внутреннее значеніе, за символы, разсѣянные по его фасаду подъ

скульптурными изображеніями, какъ въ древней рукописи подъ однимъ текстомъ скрывается другой, болѣе глубокій и содержательный по смыслу,— словомъ, Клодъ Фролло любилъ соборъ Богоматери за ту вѣчную, неразрѣшимую загадку, которую пытливому уму представляетъ это зданіе.

Наконецъ, не подлежало сомнѣнію и то, что архидіаконъ приспособилъ себѣ, въ одной изъ тѣхъ двухъ башенъ, которыя обращены къ Гревской площади, рядомъ съ помѣщеніемъ для колоколовъ, небольшую потайную келью, куда никто не смѣлъ входить безъ его разрѣшенія, даже самъ епископъ, какъ гласила молва. Эта келья, находившаяся на самой вершинѣ башни, между вороньими гнѣздами, была устроена епископомъ Гуго Безансонскимъ (жившимъ между 1326—1332 гг.), занимавшимся тамъ кудесничествомъ. Что заключала въ себѣ келья,— никто не зналъ. Но не рѣдко, по ночамъ, съ песчаныхъ отмелей Террена можно было видѣть, какъ въ ея небольшомъ окнѣ, выходившемъ въ сторону противоположную площади, въ правильные промежутки, то вспыхиваетъ, то гаснетъ, то вновь разгорается какое-то странное красное сіяніе, происходившее точно отъ дѣйствія кузнечнаго мѣха и напоминавшее скорѣе пламя горна, чѣмъ огонь обыкновеннаго свѣтильника. Этотъ перемежающійся огонь, виднѣвшійся въ ночномъ мракѣ на высотѣ собора, производилъ очень странное впечатлѣніе, и кумушки, завидѣвъ его, говорили: „Ну, архидіаконъ опять принялся раздувать огонь въ своей адской печкѣ!“

Въ сущности, все это не могло еще, конечно, служить несомнѣнными доказательствами чернокнижничества, но все-таки давало столько дыма, что поневолѣ приходилось подозрѣвать за нимъ и огонь, тѣмъ болѣе, что архидіаконъ пользовался въ этомъ отношеніи дурною славой. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что всѣ науки, происхожденіе которыхъ нужно искать въ древнемъ Египтѣ,—всѣ эти некромантіи и магіи, не исключая и самой невинной изъ нихъ, такъ называемой *бѣлой магіи*, не имѣли болѣе заклятаго врага и болѣе яростнаго обличителя передъ судомъ консисторіи, чѣмъ архидіаконъ Клодъ Фролло. Скажись въ этомъ даже искреннее отвращеніе Клода и не будь оно только уловкой вора, громче всѣхъ кричащаго „держите его!“—все равно ученые мужи капитула смотрѣли на архидіакона, какъ на душу уже забравшуюся въ преддверіе ада, блуждающую въ дебряхъ кабалистики и ощупью изслѣдующую мрачные тайники тайныхъ наукъ. Народъ тоже понималъ его по своему. Для каждаго мало-мальски проницательнаго человѣка было ясно, какъ Божій день, что Квазимодо—демонъ, а Клодъ-Фролло—колдунъ. Очевидно, звонарь обязался прослужить у архидіакона извѣстный срокъ, чтобы затѣмъ, по истеченіи этого срока, овладѣть его душою, въ видѣ платы за свою службу. Въ виду всего этого архидіаконъ, несмотря на свой строгій образъ жизни, пользовался дурною славой между людьми, и не было ни одной такой неопытной наивной души, которая не считала бы его за колдуна.

Съ теченіемъ времени не только въ его знаніяхъ, но и въ его сердцѣ образовались глубокія бездны; такъ, покрайней мѣрѣ, можно было думать, глядя на его лицо, на которомъ его душа просвѣчивала точно сквозь густую темную тучу. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся у него такой широкій и высокій лобъ? Отчего голова его всегда клонилась книзу, а грудь постоянно волновалась тяжелыми вздохами? Какая тай-

ная мысль съ такой горечью заставляла улыбаться его уста въ то время, когда его нахмуренныя брови сдвигались подобно двумъ быкамъ, готовымъ вступить въ бой другъ съ другомъ? Почему остатокъ его волосъ успѣлъ такъ рано посѣдѣть? Что это былъ за внутренній огонь, который порою такъ вспыхивалъ въ его глазахъ, что они казались отверстіями пылающаго горна?

Архидіаконъ чувствовалъ любовь къ собору за его внутреннее значеніе, за символы, разсѣянные подъ скульптурными изображеніями.

Всѣ эти признаки напряженной душевной дѣятельности у Клода Фролло особенно рѣзко стали проявляться въ описываемую нами эпоху. Не разъ случалось, что кто-нибудь изъ маленькихъ хористовъ, встрѣтившись съ нимъ въ соборѣ глазъ на глазъ, въ ужасѣ убѣгалъ, испуганный его неестественно сверкающимъ взоромъ. Нерѣдко на хорахъ во время богослуженія кто-нибудь изъ его сослужителей слыхалъ, какъ онъ къ пѣнію священныхъ гимновъ *ad omnem tonum* примѣшивалъ какія-то непонятныя слова. Даже прачка, обстирывавшая „капитулъ“,

часто съ ужасомъ замѣчала на стихарѣ Жозасскаго архидіакона слѣды судорожно сжатыхъ пальцевъ и вонзавшихся въ ткань ногтей.

Въ то же время онъ сталъ вести еще болѣе строгій образъ жизни и могъ служить блестящимъ примѣромъ нравственной чистоты. Положимъ, онъ и въ пору цвѣтущей молодости избѣгалъ женщинъ, — отчасти въ силу своего положенія, а отчасти и по своему личному характеру; теперь же, казалось, онъ прямо ненавидѣлъ ихъ. Достаточно было ему услыхать шуршаніе шелковой женской одежды, чтобы это заставило его опустить капюшонъ своей рясы на глаза. Строгость его въ этомъ отношеніи дошла до того, что когда дочь короля, Анна де-Божэ, въ декабрѣ 1481 года, пожелала посѣтить монастырь собора Богоматери, онъ серіозно воспротивился допущенію принцессы въ монастырь, напомнивъ сопровождавшему принцессу епископу параграфъ Черной Книги, опубликованной въ 1334 году, наканунѣ дня св. Варѳоломея, по которому доступъ въ монастырь собора Богоматери воспрещался всякой женщинѣ, „безъ разбора, молода она или стара, госпожа или служанка“. Въ отвѣтъ на это епископъ былъ вынужденъ сослаться на постановленіе легата Одо, дѣлавшее исключеніе въ пользу особенно высокопоставленныхъ дамъ. „Aliquae magnates mulieres, quae sine scandalo vilari non possunt“,— говорится въ томъ параграфѣ [1]). Но архидіаконъ не сдался и на это. Продолжая протестовать, онъ возразилъ епископу, что постановленіе Одо, составленное въ 1207 году, предшествуетъ Черной Книгѣ на сто двадцать семь лѣтъ, слѣдовательно, должно считаться отмѣненнымъ послѣднею.

Хотя, въ концѣ концовъ, авторитетъ епископа и одержалъ верхъ, но принять принцессу лично архидіаконъ отказался.

Между прочимъ, досужіе умы замѣчали, что съ нѣкоторыхъ поръ ненависть архидіакона особенно усилилась къ египтянкамъ и цыганкамъ. Не ограничиваясь исходатайствованіемъ у епископа распоряженія, которымъ цыганкамъ воспрещалось бить въ бубенъ и плясать на площади передъ соборомъ, онъ рылся въ заплѣсневѣлыхъ документахъ консисторіи и составлялъ сборникъ о колдунахъ и колдуньяхъ, присужденныхъ къ висѣлицѣ или къ сожженію на кострѣ за чародѣйства, совершенныя ими при содѣйствіи козловъ, свиней или козъ.

VI.

Народная злость.

Такимъ образомъ, архидіаконъ и звонарь собора Богоматери не пользовались расположеніемъ лицъ, обитавшихъ по сосѣдству съ этимъ соборомъ. Когда Клодъ и Квазимодо выходили вмѣстѣ,— что случалось довольно часто,— и пробирались по прохладнымъ, узкимъ и темнымъ улицамъ въ окрестностяхъ собора, то по адресу обоихъ летѣли злыя словечки, насмѣшливые припѣвы и различныя оскорбительныя замѣчанія. Исключеніе составляли только тѣ рѣдкіе случаи, когда Клодъ Фролло шелъ съ высоко поднятой головою; видъ строгаго и величественнаго лица архидіакона останавливалъ насмѣшниковъ.

---

[1]) Т.-е., «исключая нѣкоторыхъ именитыхъ женщинъ, посѣщенія которыхъ нельзя избѣжать, не вызывая огласки».

Они оба въ своемъ околоткѣ находились въ положенiи тѣхъ поэтовъ, о которыхъ Ренье говоритъ:

„Toutes sortes de gens vont après les poètes,
Comme après les hiboux vont criant les fauvettes“ [1]).

Часто какой-нибудь шалунъ мальчишка рисковалъ своей шкурой и костями изъ-за наслажденiя воткнуть булавку въ горбъ Квазимодо, или какая-нибудь красивая, бойкая, не въ мѣру отважная дѣвица нарочно задѣвала своимъ платьемъ за черную рясу архидiакона, напѣвая ему подъ носъ насмѣшливую пѣсенку, начинающуюся словами: „Niche, niche, le diable est pris!“

Иной разъ группа старухъ, сидѣвшихъ на ступеняхъ одной изъ папертей собора, громко ворчала вслѣдъ архидiакону и звонарю разныя любезности въ родѣ слѣдующихъ:

— Гмъ! вотъ парочка-то! Сразу видно, что у одного написано прямо на рожѣ, то у другого таится въ душѣ!

Или же кучка школяровъ, игравшихъ въ камешки, разомъ поднималась при ихъ появленiи и встрѣчала ихъ свистками и какою-нибудь насмѣшкою на латинскомъ языкѣ въ родѣ, напримѣръ, этой: „Eia! eia! Claudius cum claudo“.

Но большей частью всѣ эти оскорбленiя оставались незамѣченными тѣми, къ кому они относились. Чтобы разслышать всѣ эти любезности, Квазимодо былъ слишкомъ глухъ, а Клодъ — слишкомъ погруженъ въ свои размышленiя.

---

[1]) Люди всякаго рода гонятся за поэтами, какъ съ крикомъ гонятся малиновки за совами.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ABBAS BEATI MARTINI.

Слава объ учености Клода Фролло разнеслась далеко. Ей онъ былъ обязанъ однимъ посѣщеніемъ, случившимся какъ разъ около того времени, когда онъ отказался принять госпожу де-Божэ. Это посѣщеніе произвело на него глубокое впечатлѣніе и надолго осталось у него въ памяти.

Дѣло было вечеромъ. Клодъ только что вернулся послѣ вечерняго богослуженія въ свою официальную келью монастыря собора Богоматери. Въ этой кельѣ не было ничего страннаго или таинственнаго, если не считать нѣсколькихъ стоявшихъ въ углу склянокъ, наполненныхъ какимъ-то подозрительнаго вида порошкомъ, напоминавшимъ алхимическія снадобья. Правда, кое-гдѣ на стѣнахъ виднѣлись надписи, но, по внимательномъ разсмотрѣніи, эти надписи оказывались простыми научными сентенціями или благочестивыми изреченіями, заимствованными изъ произведеній вполнѣ благонадежныхъ авторовъ. Усѣвшись при свѣтѣ мѣднаго трехсвѣчника передъ столомъ, на которомъ лежалъ большой баулъ съ рукописями, и опершись локтемъ на раскрытую книгу Гонорія Отенскаго „De preadestinationis et libero arbitrio", архидіаконъ въ глубокой задумчивости перелистывалъ большой печатный томъ in folio, только что принесенный имъ съ собою. Другихъ печатныхъ книгъ у него въ этой кельѣ не было.

Занятіе его вдругъ было прервано стукомъ въ дверь.

— Кто тамъ? — крикнулъ ученый радушнымъ тономъ голодной собаки, которой помѣшали какъ разъ въ то время, когда она хотѣла приняться за кость.

— Вашъ другъ, Жакъ Куактье,— раздалось за дверью.

Архидіаконъ поднялся и отперъ дверь.

Это, дѣйствительно, былъ медикъ короля, Жакъ Куактье, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ жесткимъ выраженіемъ лица, нѣсколько смягчавшимся взглядомъ хитрыхъ глазъ. Съ нимъ былъ какой-то незнакомецъ. Оба были въ длинныхъ одеждахъ темно-сѣраго цвѣта, обшитыхъ бѣлымъ мѣхомъ, наглухо застегнутыхъ и перетянутыхъ поясомъ; головы ихъ покрывали шапки того же цвѣта и изъ той же матеріи, какъ и одежда; руки исчезали подъ рукавами, ноги — подъ складками одеждъ, а глаза — подъ шапками.

— Праведный Боже! — воскликнулъ архидіаконъ, впуская гостей въ келью, — вотъ ужъ никакъ не ожидалъ такихъ почетныхъ посѣтителей въ такой поздній часъ.

Говоря это любезнымъ тономъ, онъ съ видимымъ безпокойствомъ пытливо вглядывался въ лица гостей.

— Никакой часъ не можетъ считаться слишкомъ позднимъ для посѣщенія такого знаменитаго ученаго, какъ домъ [1]) Клодъ Фролло де Тиршапъ,— отвѣтилъ докторъ Куактье, тягучее произношеніе котораго обличало въ немъ уроженца Франшъ-Конте.

Тутъ между докторомъ и архидіакономъ начался обмѣнъ тѣхъ комплиментовъ, которые, по обычаю того времени, были обязательны при встрѣчѣ ученыхъ, что, однако, нисколько не мѣшало имъ обыкновенно отъ всей души ненавидѣть другъ друга. Впрочемъ, и въ наши дни замѣчается то же самое: уста ученаго, привѣтствующія собрата, представляютъ сосудъ, наполненный желчью, подслащенной медомъ.

Въ любезностяхъ, которыми Клодъ осыпалъ Жака Куактье, были скрыты ядовитые намеки на тѣ мірскія блага, которыя достойный медикъ такъ удачно умѣлъ извлекать изъ каждой пустячной болѣзни короля въ теченіе своей карьеры, возбуждавшей столько зависти. По мнѣнію архидіакона, способъ дѣйствій доктора Куактье могъ быть приравненъ къ алхимическимъ дѣяніямъ, только болѣе вѣрнымъ и болѣе прибыльнымъ, нежели исканіе философскаго камня.

— Честное слово, господинъ докторъ,— продолжалъ распинаться архидіаконъ передъ медикомъ короля,— вѣсть о томъ, что вашъ племянникъ, достопочтенный Пьеръ Версэ, получилъ епископатъ, возбудила живѣйшую радость въ моемъ сердцѣ... Если не ошибаюсь, онъ назначенъ епископомъ въ Амьенъ?

— Совершенно вѣрно, господинъ архидіаконъ,— отвѣчалъ медикъ.— Это великая милость Божія,— прибавилъ онъ.

— А вы сами, кажется, занимаете теперь должность президента счетной палаты? По крайней мѣрѣ, я видѣлъ васъ на Рождествѣ во главѣ всѣхъ служащихъ этой палаты и былъ пораженъ вашимъ внушительнымъ видомъ...

— Увы, нѣтъ, домъ Клодъ! Я пока еще только вице-президентъ.

— Ну, а какъ вашъ прекрасный домъ въ улицѣ Сенъ-Андрэ-Деаркъ?.. Это настоящій Лувръ!.. Какъ красиво изображенное надъ главнымъ его входомъ абрикосовое дерево съ остроумною надписью: *A l'abri — cotier* [2]).

— Увы, метръ Клодъ, если бы вы знали, какихъ бѣшеныхъ денегъ стоятъ мнѣ всѣ эти изображенія и прочія украшенія! Когда кончится постройка этого дома, я буду совершенно разоренъ...

— Ну, полноте! Развѣ у васъ нѣтъ еще доходовъ отъ пошлинъ всѣхъ судебныхъ учрежденій парижскаго округа, кромѣ аренды съ домовъ, лавокъ, палатокъ и мастерскихъ, находящихся на вашей землѣ... Неужели и этихъ доходовъ мало?

— Ну, что это за доходы!.. Вотъ, напримѣръ, кастелянство въ Пуасси въ нынѣшнемъ году не дало ничего...

— Зато выручаютъ заставныя пошлины, которыя вы получаете съ Тріеля, Сенъ-Джемса и Сенъ-Жерменъ-анъ-Лей.

---

[1]) Dom, сокращенное domine, значитъ по-латыни господинъ

Примѣч. перев.

[2]) Остроуміе заключалось въ игрѣ словъ. Написанныя отдѣльно, слова *abri cotier* означаютъ ***прибрежный пріютъ***, а если написать ихъ вмѣстѣ, напримѣръ, *abricotier*, то выйдетъ ***абрикосовое дерево.*** *Прим. перев.*

— А много ли ихъ набирается? Всего сто двадцать ливровъ, да и то не парижскихъ!

— Но у васъ и постоянные доходы, напримѣръ, жалованье, получаемое вами въ качествѣ совѣтника короля.

— Это вѣрно, мой дорогой собратъ. Зато проклятое Полиньи, о которомъ такъ много шумятъ, даже въ самый хорошій годъ даетъ мнѣ не болѣе шестидесяти золотыхъ экю.

Во всѣхъ любезностяхъ архидіакона сквозила горькая насмѣшка. Пока онъ ихъ расточалъ, на его губахъ играла печальная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жестокая усмѣшка человѣка, одареннаго болѣе возвышеннымъ умомъ, но не такого счастливаго и пользующагося случаемъ потѣшиться надъ грубымъ довольствомъ человѣка дюжиннаго. Но королевскій медикъ ничего этого не замѣчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, — заключилъ, наконецъ, Клодъ, пожимая руку медика, — я душевно радъ видѣть васъ въ вожделѣнномъ здравіи.

— Благодарю васъ, домъ Клодъ, — съ поклономъ отвѣчалъ Куактье.

— Кстати, какъ здоровье вашего царственнаго паціента? — продолжалъ архидіаконъ, переходя на другую тему.

— Здоровье-то ничего, только онъ плохо вознаграждаетъ своего врача, — отвѣчалъ медикъ, искоса взглянувъ на своего спутника, который до сихъ поръ не проронилъ ни одного слова.

— Развѣ такъ, кумъ Куактье? — проговорилъ послѣдній.

Эти слова, сказанныя тономъ удивленія и упрека, заставили архидіакона пристальнѣе взглянуть на незнакомца, котораго до этой минуты онъ наблюдалъ только украдкою, хотя и довольно внимательно. Не имѣй онъ тысячи причинъ сохранять добрыя отношенія съ докторомъ Жакомъ Куактье, этимъ всемогущимъ любимцемъ короля Людовика XI, онъ ни за что не принялъ бы его въ обществѣ незнакомой личности. Поэтому лицо его не отличалось особенною привѣтливостью, когда Жакъ Куактье, видя, съ какимъ недовѣріемъ онъ поглядываетъ на незнакомца, поспѣшилъ сказать:

— Кстати, домъ Клодъ, я привелъ къ вамъ собрата, который, наслышавшись о вашей учености, пожелалъ во что бы то ни стало познакомиться съ вами.

— Такъ этотъ господинъ тоже служитель науки? — спросилъ архидіаконъ, устремляя проницательный взглядъ на незнакомца, изъ-подъ нависшихъ бровей котораго сверкнулъ не менѣе острый и недовѣрчивый взоръ.

Насколько можно было разглядѣть при слабомъ свѣтѣ трехсвѣчника, спутникъ Жака Куактье былъ старикъ лѣтъ около шестидесяти, средняго роста, довольно болѣзненный и хилый на видъ. Профиль его лица, хотя и отличался буржуазнымъ типомъ, имѣлъ въ себѣ что-то строгое и величественное; глаза его изъ глубокихъ впадинъ сверкали огнемъ, вырывавшимся точно изъ нѣдръ пещеры, а подъ шапкой, надѣтой на самый носъ, можно было угадать очертанія высокаго лба.

Незнакомецъ самъ отвѣтилъ на вопросъ архидіакона, обращенный къ Куактье.

— Уважаемый метръ, — проговорилъ онъ внушительнымъ тономъ, — ваша слава дошла до меня, и я пожелалъ съ вами посовѣтоваться кое о чемъ. Я — небогатый провинціальный дворянинъ и всегда съ

величайшимъ почтенiемъ отношусь къ людямъ науки... Но вы еще не знаете моего имени. Мое имя—кумъ Туранжо.

„Странное имя для дворянина!“ —подумалъ архидiаконъ, въ то же время чувствуя, что передъ нимъ какая-то сильная и могущественная личность.

Чутьемъ собственнаго выдающагося ума онъ угадывалъ такой же умъ и подъ отдѣланной мѣхомъ шапкою незнакомца. По мѣрѣ того, какъ онъ пристальнѣе всматривался въ эту полную достоинства фигуру, ироническая усмѣшка, вызванная на его собственномъ угрюмомъ лицѣ присутствiемъ Жака Куактье, постепенно исчезала, какъ исчезаетъ вечерняя заря на ночномъ небѣ. Снова мрачный и молчаливый, онъ усѣлся опять въ своемъ глубокомъ креслѣ, по привычкѣ облокотился на столъ, подперъ лобъ рукою и точно застылъ въ этомъ положенiи. Послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, онъ знакомъ пригласилъ своихъ посѣтителей сѣсть и произнесъ, обращаясь къ куму Туранжо:

— Вы желаете посовѣтоваться со мною, сударь, но о чемъ же?

— Отецъ мой,—отвѣтилъ незнакомецъ, назвавшiйся такимъ буржуазнымъ именемъ,—я очень боленъ, а вы, говорятъ, второй Эскулапъ; вотъ я и пришелъ просить у васъ медицинскаго совѣта.

— Медицинскаго!—воскликнулъ архидiаконъ, покачавъ головою.

Подумавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Кумъ Туранжо,—если васъ, дѣйствительно, такъ зовутъ,—поверните голову, и вы увидите мой отвѣтъ вотъ на этой стѣнѣ.

Незнакомецъ повиновался и прочиталъ слѣдующую надпись, находившуюся какъ разъ надъ его головою: *Медицина—дочь сновидѣнiй. Ямвликъ.*

Вопросъ кума Туранжо вызвалъ на лицѣ его спутника выраженiе досады, которая еще болѣе усилилась при отвѣтѣ домъ Клода. Онъ нагнулся къ уху кума Туранжо и сказалъ ему такъ тихо, что архидiаконъ не могъ его разслышать:

— Я предупреждалъ васъ, что это сумасшедшiй, но вы все-таки пожелали его видѣть...

— А можетъ-быть, этотъ сумасшедшiй и правъ, докторъ Жакъ,—также тихо, но съ горькою улыбкою отвѣтилъ кумъ Туранжо.

— Думайте, какъ вамъ угодно,—сухо проговорилъ медикъ и, обращаясь къ архидiакону, громко сказалъ:

— Однако, домъ Клодъ, вы очень быстры въ своихъ сужденiяхъ, и для васъ раздѣлаться съ Гиппократомъ, очевидно, такъ же легко, какъ обезьянѣ разгрызть орѣхъ... Называть медицину сновидѣнiемъ! Я увѣренъ, что если бы васъ услыхали господа аптекари и лѣкари, то непремѣнно побили бы васъ каменьями... Такъ, слѣдовательно, вы отрицаете влiянiе микстуръ на кровь, не признаете пользы мазей для тѣла? Отрицаете вѣковѣчную аптеку травъ и металловъ, которую изображаетъ изъ себя природа и которая нарочно устроена для того вѣчнаго пацiента, котораго зовутъ человѣкомъ?

— Я вовсе не отрицаю ни аптеки ни больного,—холодно возразилъ Клодъ:—я отрицаю только медика.

— Такъ по-вашему,—съ жаромъ продолжалъ Куактье,—не правда, что подагра—простой вошедшiй внутрь лишай, что огнестрѣльную рану можно вылѣчить прикладыванiемъ къ ней жареной мыши, что надлежащимъ образомъ перелитая въ старыя жилы молодая кровь возвра-

щаетъ старикамъ молодость?.. Отрицаете, что дважды два — четыре и что въ корчахъ тѣло сначала выгибается впередъ, а потомъ назадъ?

— Нѣтъ, я просто составилъ себѣ о нѣкоторыхъ вещахъ особое мнѣніе,— спокойно отвѣтилъ архидіаконъ.

Куактье весь покраснѣлъ отъ негодованія.

— Полно, полно, мой добрый Куактье, не будемъ сердиться, — сказалъ кумъ Туранжо.— Не забывайте, что господинъ архидіаконъ нашъ другъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, что спрашивать съ сумасшедшаго! — вполголоса проворчалъ Куактье, подавляя свой гнѣвъ.

— Ну, метръ Клодъ,— продолжалъ кумъ Туранжо послѣ короткой паузы,— вы меня совсѣмъ обезкуражили. Я было шелъ къ вамъ посовѣтоваться относительно своей болѣзни и насчетъ своей звѣзды.

— Милостивый государь,— отвѣтилъ архидіаконъ,— если вы пришли именно съ этимъ намѣреніемъ, то не стоило и затруднять себя подниматься ко мнѣ по лѣстницѣ. Я не вѣрю ни въ медицину ни въ астрологію.

— Въ самомъ дѣлѣ? — съ удивленіемъ произнесъ кумъ Туранжо.

Куактье насильственно засмѣялся и шепнулъ своему спутнику:

— Ну, развѣ вамъ теперь не ясно, что это сумасшедшій?.. Не вѣритъ даже въ астрологію!

— Какъ можно воображать, что каждый лучъ звѣзды изображаетъ изъ себя нить, прикрѣпленную къ головѣ человѣка!—продолжалъ Клодъ.

— Такъ во что же вы вѣрите? — спросилъ кумъ Туранжо.

Архидіаконъ съ минуту какъ бы въ нерѣшимости помолчалъ, потомъ съ мрачною улыбкой, противорѣчившей его словамъ, проговорилъ:

— Credo in Deum (Я вѣрю въ Бога).

— Dominum nostrum (Господа нашего), — добавилъ кумъ Туранжо, сотворивъ крестное знаменіе.

— Amen (Аминь), —докончилъ Куактье.

— Уважаемый учитель, — продолжалъ кумъ Туранжо, — я душевно радъ видѣть васъ такимъ твердымъ въ религіи Но неужели, будучи такимъ великимъ ученымъ, вы ради религіи перестали признавать науку?

— Нѣтъ!—воскликнулъ архидіаконъ, положивъ руку на руку кума Туранжо, при чемъ въ его потускнѣвшихъ было глазахъ вспыхнулъ лучъ прежней восторженности, — нѣтъ, я не отрицаю науки!.. Если я столько времени ощупью, ползкомъ, не щадя силъ, пробирался по запутанному лабиринту подземныхъ ходовъ храма науки, то, конечно, въ концѣ концовъ, не могъ не увидать мерцающій вдали, въ страшной глубинѣ, огонекъ, свѣтоносное сіяніе, отблескъ того ослѣпительнаго свѣта, которымъ должна быть наполнена центральная лабораторія вселенной, гдѣ пребываетъ Самъ Богъ... Но лабораторія эта доступна только мудрымъ и терпѣливымъ... а не мнѣ, —съ глубокимъ вздохомъ заключилъ Клодъ.

— Но какую же изъ наукъ вы считаете вѣрною и истинною? — спросилъ кумъ Туранжо.

— Алхимію, — увѣренно произнесъ архидіаконъ.

— Можетъ-быть, алхимія и права, — замѣтилъ Куактье.— Но зачѣмъ же поносить медицину и астрологію?

— Затѣмъ, что ваша наука о человѣкѣ и о небѣ — ничто!— съ жаромъ проговорилъ архидіаконъ.

— Стало-быть, — продолжалъ медикъ съ улыбкой, — по-вашему. Эпидавра и всю Халдею можно по боку, а?

— Послушайте, мессиръ Жакъ, — отвѣтилъ Клодъ, — будемъ говорить, положа руку на сердце. Я вѣдь не медикъ короля и не получалъ отъ его величества сада Дедалуса, чтобы наблюдать тамъ звѣзды. Не сердитесь и выслушайте меня... Скажите по совѣсти, какую вы извлекли истину... Я ужъ не говорю изъ медицины, — она не имѣетъ подъ собою ровно никакой почвы, — но что дала вамъ астрологія? Укажите мнѣ достоинства вертикальнаго *бустрофедона* и открытія чиселъ *зируфъ и зефиродъ?*

— Значитъ, вы отрицаете и симпатическую силу клавикулы [1]) и происхожденіе отъ нея кабалистики?

— Все это только заблужденіе, мессиръ Жакъ! Ни одна изъ вашихъ формулъ не приводитъ ни къ чему дѣйствительному, тогда какъ алхимія имѣетъ за собою неоспоримыя заслуги: она сдѣлала множество открытій. Что вы можете возразить противъ тѣхъ истинъ, до которыхъ дошли путемъ алхиміи?.. Напримѣръ, благодаря этой наукѣ извѣстно, что ледъ, пробывши въ землѣ тысячу лѣтъ, превращается въ горный кристаллъ; что свинецъ — родоначальникъ всѣхъ металловъ, за исключеніемъ золота, которое не можетъ быть названо маталломъ, оно скорѣе — свѣтъ, и что свинцу нужно всего четыре періода, каждый въ двѣсти лѣтъ, чтобы послѣдовательно перейти сначала въ красный мышьякъ, потомъ — въ олово, а изъ олова — въ серебро... Развѣ это не положительные факты? Но вѣрить въ клавикулу, въ *полную* линію и во вліяніе на человѣка звѣздъ — такъ же смѣшно, какъ, напримѣръ, вѣрить вмѣстѣ съ обитателями Великаго Катея [2]), что иволга можетъ превращаться въ крота, а хлѣбныя зерна — въ рыбу чебакъ.

— Я изучалъ герметику и утверждаю...— началъ было Куактье, но разгоряченный архидіаконъ не далъ ему договорить.

— А я изучалъ и медицину, и астрологію, и герметику,— перебилъ онъ,— и нашелъ истину только вотъ въ этомъ.

Съ этими словами онъ досталъ изъ-подъ стола склянку съ тѣмъ подозрительнымъ порошкомъ, о которомъ мы уже говорили выше, и продолжалъ:

— Только въ этомъ свѣтъ!.. Гиппократъ — одна мечта; Уранія — тоже; Гермесъ — мысль, а золото — это солнце. Дѣлать золото — значитъ быть самимъ Божествомъ. Вся истинная наука скрыта въ этомъ познаніи... Повторяю, я проникъ въ самую глубь медицины и астрологіи, но не нашелъ тамъ ничего, кромѣ пустоты... Тѣло человѣческое — потемки! Тѣ же потемки и звѣзды!

И Клодъ откинулся на спинку своего кресла; лицо его дышало мощью и вдохновеніемъ. Туранжо молча наблюдалъ его, а Куактье искусственно посмѣивался, пожималъ плечами и вполголоса повторялъ:

— Это сумасшедшій, честное слово, сумасшедшій!

— Ну, а скажите, пожалуйста, удалось вамъ достигнуть великой цѣли алхиміи? Добыли вы золото? — вдругъ спросилъ Туранжо

---

[1]) Клавикула — кабалистическая книга, приписываемая царю Соломону.

[2]) Средневѣковое названіе сѣвернаго Китая. *Примѣч. перев.*

— Если бы я его добылъ,—отвѣчалъ архидіаконъ, медленно выговаривая каждое слово, какъ человѣкъ, болѣе отвѣчающій на собственную мысль, чѣмъ на вопросъ другого, — то французскій король назывался бы Клодомъ, а не Людовикомъ.

Туранжо нахмурился.

— Впрочемъ, — съ презрительной улыбкой продолжалъ архидіаконъ, — на что бы мнѣ французскій престолъ! Владѣя тайною дѣлать золото, я могъ бы возстановить Восточную имперію.

— Ну, вотъ это дѣло другое, — проворчалъ Туранжо.

— Вотъ безумецъ-то! — бормоталъ себѣ подъ носъ Куактье.

Слѣдуя теченію своихъ мыслей, Клодъ продолжалъ съ разстановкою:

— Но я пока все еще только двигаюсь ползкомъ... Я раздираю себѣ лицо и колѣни о камни подземелья... пока только смутно подозрѣваю, но прямо ничего еще не вижу... Я еще не читаю, а лишь едва разбираю по складамъ.

— А когда вы научитесь читать свободно, то сумѣете дѣлать золото? — спросилъ кумъ Туранжо.

— О, конечно! Въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія! — воскликнулъ архидіаконъ.

— Я тоже очень желалъ бы научиться читать ваши книги. Одной Богоматери извѣстно, какъ я нуждаюсь въ деньгахъ, — произнесъ со вздохомъ Туранжо. — А скажите, уважаемый учитель, ваша наука не враждебна и не непріятна Божіей Матери? — спросилъ онъ.

На этотъ вопросъ Клодъ ограничился однимъ спокойно-высокомѣрнымъ замѣчаніемъ:

— А гдѣ я служу архидіакономъ?

— Вы правы, учитель... Не будете ли такъ добры посвятить и меня въ вашу науку настолько, чтобы я могъ вмѣстѣ съ вами читать хоть по складамъ?

Клодъ принялъ величественный видъ и заговорилъ тономъ пророка.

— Старикъ! для того, чтобы отважиться предпринять путешествіе по дебрямъ великихъ тайнъ, нужно имѣть впереди себя болѣе длинный рядъ лѣтъ, чѣмъ тотъ, который остался передъ вами. Ваша голова уже покрыта сѣдиною, а съ сѣдиною можно только *выходить* изъ тѣхъ дебрей, *входить* же въ нихъ нужно съ темными волосами, чтобы имѣть возможность хоть немного разобраться въ нихъ. Сама наука сумѣетъ избороздить, изсушить и заставить поблекнуть человѣческое лицо; она не нуждается, чтобы къ ней приходили съ лицами, уже изможденными старостью... Но если васъ, несмотря на ваши годы, тянетъ засѣсть за указку и приняться за страшную азбуку мудрецовъ, то приходите ко мнѣ. Я попробую помочь вамъ научиться ей. Я не заставлю такого слабаго старика, какъ вы, спускаться въ подземные склепы пирамидъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ древній Геродотъ; я не отправлю васъ изслѣдовать ни вавилонскую кирпичную башню, ни громадное, возведенное изъ бѣлаго мрамора святилище индійскаго храма въ Эклингѣ. Я и самъ не видалъ ни халдейскихъ каменныхъ сооруженій, воздвигнутыхъ въ священной формѣ Сикры, ни разрушеннаго храма Соломона, ни разбитыхъ каменныхъ вратъ отъ гробницъ царей израильскихъ. Ничего подобнаго. Мы удовольствуемся тѣми отрывками книги Гермеса, которые у насъ здѣсь подъ рукою. Я объясню вамъ статую святого

Христофора, символъ сѣятеля, и значеніе двухъ ангеловъ, изображенныхъ при входѣ въ Святую Часовню, одинъ изъ которыхъ держитъ руку опущенною въ сосудъ, а другой — простираетъ свою руку въ облака...

Здѣсь Жакъ Куактье, совсѣмъ было опѣшившій передъ страстною рѣчью архидіакона, пріободрился и перебилъ его торжествующимъ тономъ ученаго, поправляющаго ошибку другого.

— Erras amice Claudi (Вы ошибаетесь, другъ Клодъ)! — произнесъ онъ:—символъ — не число. Вы принимаете Орфея за Гермеса.

— Нѣтъ, это вы заблуждаетесь, — съ спокойной самоувѣренностью возразилъ архидіаконъ: — Дедалъ — это нижніе устои основанія; Орфей— самое основаніе, а Гермесъ — это все зданіе... Приходите, когда хотите,—продолжалъ онъ, обращаясь къ куму Туранжо. — Я покажу вамъ крупинки золота, оставшіяся на днѣ тигеля Николая Фламеля, и вы можете сравнить ихъ съ золотомъ Гильома Парижскаго. Я объясню вамъ тайный смыслъ греческаго слова peristera... Но прежде всего я научу васъ, какъ нужно читать мраморныя буквы азбуки, гранитныя страницы великой книги. Мы послѣдовательно разберемъ порталъ епископа Гильома и Сенъ-Жана ле-Рона у Святой Часовни, потомъ отправимся въ домъ Николая Фламеля въ улицѣ Мариво, а оттуда — къ его могилѣ на кладбищѣ „Невинныхъ душъ"; послѣ чего посѣтимъ оба его госпиталя въ улицѣ Монморанси. Я научу васъ разбирать іероглифы, которыми покрыты четыре массивныхъ желѣзныхъ косяка портала больницы Сенъ-Жерве и улицы Ла-Ферронри. Кромѣ того, мы вмѣстѣ постараемся разобрать по складамъ фасады церквей Сенъ-Комъ, св. Женевьевы-Дезарданъ, Сенъ-Мартена, Сенъ-Жакъ-де-ла-Бушри...

По выраженію лица кума Туранжо было замѣтно, что онъ, несмотря на умъ, свѣтившійся въ его глазахъ, тоже пересталъ понимать домъ Клода. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и воскликнулъ:

— Господи! Да что же это за книги у васъ?

— Вотъ одна изъ нихъ, — отвѣтилъ архидіаконъ.

И, распахнувъ окно своей келліи, онъ указалъ на величавое зданіе собора Богоматери. Соборъ, вырисовываясь на звѣздномъ небѣ черными силуэтами своихъ двухъ башенъ, каменныхъ боковъ и чудовищнаго хребта, казался исполинскимъ двухголовымъ сфинксомъ, расположившимся посреди города. Нѣсколько времени архидіаконъ молча смотрѣлъ на колоссальное зданіе, потомъ, протянувъ со вздохомъ правую руку къ печатной книгѣ, лежавшей раскрытою на столѣ, а лѣвую по направленію къ собору, съ глубокой печалью произнесъ:

— Увы! *Это* убьетъ *то*!

Куактье поспѣшно нагнулся надъ книгою и воскликнулъ:

— Помилуйте! Да что же дурного въ этой книгѣ? Вѣдь это — *Glossa in epistolas D. Pauli. Norimbergoe, Antonius Koburger.* 1474 г. и вещь далеко не новая. Это сочиненіе Пьера Ломбара, прозваннаго „Учителемъ сентенцій". Можетъ-быть, васъ пугаетъ эта книга только потому, что она печатная?

— Именно потому, — отвѣтилъ Клодъ.

Выпрямившись во весь ростъ, съ печатью глубокой думы на лицѣ, онъ крѣпко прижалъ согнутый указательный палецъ къ одной изъ страницъ книги, вышедшей изъ-подъ знаменитаго нюренбергскаго печатнаго станка, и многозначительно добавилъ:

— Да, увы! Малое осиливаетъ великое; одинъ зубъ въ состоянiи разрушить цѣлую массу. Нильская крыса убиваетъ крокодила, рыба-мечъ убиваетъ кита, а книга убьетъ зданiе.

Монастырскiй колоколъ, приглашавшiй тушить огонь, прозвучалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда медикъ шепталъ куму Туранжо на ухо свой вѣчный припѣвъ:

— Онъ сумасшедшiй!

На этотъ разъ и кумъ Туранжо отвѣтилъ:

— Кажется, что такъ.

Насталъ часъ, когда всѣ посторонніе должны были удалиться изъ монастыря. Посѣтители архидiакона тоже поспѣшили проститься съ нимъ.

— Учитель, — сказалъ Туранжо, прощаясь на лѣстницѣ съ Клодомъ,—я люблю ученыхъ и великіе умы, васъ же я особенно уважаю. Приходите завтра въ Турнельскiй дворецъ и спросите тамъ аббата Сенъ-Мартенъ-де-Туръ.

Архидiаконъ возвратился въ свою келью совершенно ошеломленный; онъ, наконецъ, понялъ, кто былъ этотъ „кумъ Туранжо". Ему припомнилось слѣдующее мѣсто изъ монастырскихъ грамотъ св. Мартина Турскаго: *Abbas beati Martini, scilicet rex Franciae, est canonicus de consuetudine et habet parvam proebendam quam habet sanctus Venantius et debet sedere in sede thesaurarii*[1]).

Утверждали, что съ этого вечера архидiаконъ часто видался съ Людовикомъ XI, когда этотъ король прiѣзжалъ въ Парижъ, и что милость, которою Клодъ Фролло пользовался у короля, возбуждала зависть даже Оливье Ле-Дена и Жака Куактье, при чемъ послѣднiй, по своей привычкѣ, грубо пенялъ за это Людовику.

II.

Это убьетъ то

Надѣемся, наши читательницы извинятъ насъ, если мы остановимся на минуту, чтобы попытаться открыть внутреннiй смыслъ сказанныхъ архидiакономъ загадочныхъ словъ: „Это убьетъ то" и „книга убьетъ зданiе".

По нашему мнѣнiю мысль, скрывавшаяся въ этихъ словахъ, была двойственная. Прежде всего, это было выраженiемъ мысли священника; отраженiемъ ужаса священнослужителя передъ новою силой — печатнымъ станкомъ; крикъ испуга представителя церкви, ослѣпленнаго свѣтоноснымъ изобрѣтенiемъ Гутенберга. Это была тревога церковной каѳедры и рукописной книги,— тревога слова изустнаго и слова рукописнаго передъ словомъ печатнымъ. Это было нѣчто въ родѣ ужаса воробья, передъ которымъ ангелъ Легiонъ развернулъ бы свои шесть миллiоновъ крыльевъ. Это было воплемъ пророка, которому уже слышится, какъ шумитъ и бурлитъ освобождающееся человѣчество, который видитъ, какъ въ будущемъ расшатаются устои вѣры, какъ свободная мысль свергнетъ съ пьедестала слѣпую вѣру и какъ потрясется могуще-

[1]) Т.-е. «Аббатомъ блаженнаго Мартина считается король Францiи, который состоитъ каноникомъ по обычаю, имѣетъ малый приходъ, принадлежащiй къ церкви св. Венецiя, и засѣдаетъ на мѣстѣ казначея».

ство Рима. Это было предвѣдѣніемъ философа, которому представлялось, какъ окрыленная печатью человѣческая мысль вырвется изъ мрака. Это было страхомъ воина передъ желѣзнымъ стѣнобитнымъ орудіемъ, которое должно сокрушить защищаемую имъ крѣпость. Словомъ,—эта мысль была продуктомъ сознанія, что одна сила смѣняется другою, что „печать убьетъ произволъ представителей римской церкви".

Но это было, такъ сказать, только поверхностной частью мысли, понятной каждому по своей простотѣ; за этой частью мысли скрывалась другая, менѣе доступная общему пониманію, хотя и легче опровержимая,—мысль также философская и мысль уже не только священника, а ученаго и художника. Въ этой второй половинѣ мысли архидіакона сказывалось предчувствіе, что человѣческое мышленіе направится по новому пути и, соотвѣтственно этому, будетъ выливаться въ новыя формы; что преобладающія въ каждомъ поколѣніи идеи не будутъ болѣе записываться прежнимъ матеріаломъ и прежнимъ способомъ; что книга каменная, которая казалась такою прочною и трудно истребимою, должна будетъ уступить мѣсто книгѣ бумажной, еще болѣе прочной и неистребимой. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія, неопредѣленныя выраженія архидіакона имѣли второй смыслъ и именно тотъ, что одно искусство займетъ мѣсто другого, что книгопечатаніе убьетъ зодчество.

Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала возникновенія человѣка и вплоть до пятнадцатаго столѣтія нашей эры единственною книгою человѣчества было зодчество; въ этой книгѣ и выражались всѣ степени развитія человѣка, какъ силы просто физической и какъ силы умственной.

Когда память первобытныхъ человѣческихъ племенъ оказалась уже черезчуръ обремененною, когда запасъ накопившихся воспоминаній человѣчества сдѣлался такъ великъ и запутанъ, что простое летучее слово рисковало растерять его весь по дорогѣ, то эти воспоминанія стали записывать на почвѣ самымъ легкимъ, прочнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ естественнымъ способомъ, т.-е. каждое преданіе запечатлѣвалось подъ видомъ какого-нибудь памятника.

Первые памятники были простыми каменными глыбами, къ которымъ, по выраженію Моисея, „не прикасалось желѣзо". Зодчество началось съ того же, съ чего начинается каждая письменность — съ азбуки. Въ извѣстномъ мѣстѣ ставили стоймя камень, и онъ изображалъ собою какую-нибудь букву; каждая такая буква была іероглифомъ, а на каждомъ іероглифѣ покоилась цѣлая группа мыслей, какъ покоится на колоннѣ капитель. Такъ дѣлали первобытныя племена человѣческаго рода одинаково по всему лицу земли. Стоячій камень кельтовъ можно найти и въ азіатскихъ степяхъ и въ американскихъ пампасахъ.

Позднѣе люди стали составлять уже цѣлыя слова. Начали накладывать одинъ камень на другой и такимъ образомъ соединяли каменные слога въ слова, дѣлая извѣстныя комбинаціи. Долмены и кромлехи кельтовъ, этрусскій тумулъ, еврейскій галгалъ, — все это каменныя слова. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, въ особенности этрусскіе тумулы, представляютъ собою *имена собственныя*. Подчасъ въ извѣстный періодъ писались даже цѣлыя фразы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было много матеріала и пространства. Такъ, напримѣръ, громадныя каменныя нагроможденія въ Карнакѣ изображаютъ цѣлыя формулы.

Наконецъ, этимъ путемъ начали уже составлять и цѣлыя книги. Преданія породили символы, подъ которыми сами исчезали, какъ исчезаетъ подъ листьями стволъ дерева. Всѣ эти символы, въ которые вѣровало человѣчество, постепенно наростали, размножались, перекрещивались между собою и все болѣе и болѣе осложнялись; подъ конецъ они разрослись до такой степени, что подъ ними нельзя было уже разобрать смысла тѣхъ простыхъ, едва поднимавшихся надъ землею преданій, въ воспоминаніе о которыхъ были воздвигнуты памятники. Символу понадобилось расшириться въ зданіе. Въ это время вмѣстѣ съ человѣческой мыслью стало развиваться и зодчество; выростая въ гиганта съ тысячью головъ и тысячью рукъ, оно облекло въ вѣковѣчную, видимую и осязаемую форму весь символизмъ, страдавшій раньше такой неопредѣленностью. Пока Дедалъ (сила) дѣлалъ измѣренія, а Орфей (разумъ) пѣлъ, зодчество тоже дѣлало свое дѣло: столпъ — буква, аркада — слогъ, пирамида — слово, и — все это, вызванное къ существованію по законамъ геометріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэзіи, — начало группироваться, соединяться и сливаться въ одно цѣлое, углубляться въ почву, подниматься въ высь, громоздясь одно надъ другимъ, тянуться въ небо, создавая такимъ образомъ, подъ диктовку преобладающей въ данную эпоху идеи, тѣ чудныя книги, которыя являлись и чудными зданіями, какъ, напримѣръ, Эклингская пагода, Рамсейіонъ въ Египтѣ и храмъ Соломона въ Іерусалимѣ.

Главная идея, слово, не только легло въ основаніи всѣхъ этихъ зданій, но выражалось и въ ихъ формѣ. Такимъ образомъ, храмъ Соломона представлялъ собою не просто переплетъ священной книги, но былъ и самою книгою. Посвященные могли прочесть ясно выраженное и истолкованное слово на каждой изъ его концентрическихъ оградъ и отъ святилища къ святилищу прослѣдить всѣ его превращенія, пока, наконецъ, это слово не представилось имъ, въ Святомъ Святыхъ, въ самой конкретной формѣ, — опять-таки зодческой, — въ формѣ Кивота Завѣта. Слово хотя и было заключено въ зданіи, но образъ его запечатлѣвался и на его внѣшней оболочкѣ, какъ очертанія человѣческой фигуры на муміи.

Не только форма зданія, но и самое мѣсто, на которомъ оно располагалось, служило выраженіемъ представляемой имъ мысли. Сообразно съ свѣтлымъ характеромъ своего символа, Греція увѣнчивала горы храмами, плѣнявшими глазъ гармоничностью линій, между тѣмъ какъ Индія, подъ вліяніемъ своего мрачнаго міровоззрѣнія, пряталась въ нѣдрахъ горъ, чтобы тамъ высѣкать причудливыя пагоды, поддерживаемыя рядами исполинскихъ гранитныхъ слоновъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ шести тысячъ лѣтъ существованія міра, зодчество служило человѣчеству въ качествѣ великой книги исторіи, начиная съ самой древней пагоды Индостана и кончая Кёльнскимъ соборомъ. Это фактъ неоспоримый; въ этой огромной книгѣ были записаны не только всѣ религіозные символы человѣчества, но каждая его мысль нашла мѣсто на ея страницахъ и этимъ увѣковѣчилась.

Каждая цивилизація начинается съ теократіи и кончается демократіей. Порядокъ послѣдовательнаго перехода отъ подчиненія единству къ свободѣ тоже отмѣченъ зодчествомъ. Не нужно забывать, что зодчество воздвигало не одни храмы, выражало не одни миѳы и священные

символы и начерчивало іероглифами на своихъ каменныхъ страницахъ не однѣ таинственныя скрижали закона. Если бы этимъ ограничивалась задача зодчества и если бы оно не было въ состояніи быть истолкователемъ другого порядка мышленія человѣчества, то оборотная сторона каждой страницы представляемой имъ книги оставалась бы пустою, а этого мы не видимъ. Въ исторіи каждаго человѣческаго общества наступаетъ моментъ, когда священный символъ стирается и сглаживается подъ давленіемъ свободной мысли, когда человѣкъ ускользаетъ отъ представителя храма, а философскія системы и ученія все болѣе разрастаются. Все это также добросовѣстно записано зодчествомъ, и безъ этого его книга была бы не полна и задача его не было бы исполнена.

Возьмемъ для примѣра средніе вѣка, которые для насъ доступнѣе, потому что они къ намъ ближе. Въ самомъ ихъ началѣ, въ то время, какъ теократія организуетъ Европу, Ватиканъ собираетъ вокругъ себя и приводитъ въ порядокъ всѣ элементы новаго Рима, возникающіе изъ частей стараго Рима, лежащаго въ развалинахъ вокругъ Капитолія; въ то время, какъ христіанство отыскиваетъ въ обломкахъ древней цивилизаціи матеріалъ для возведенія новаго общественнаго зданія со всѣми ярусами прежняго, для сооруженія новаго іерархическаго міра, краеугольнымъ камнемъ котораго является духовенство; — въ то время, говоримъ мы, изъ хаоса и изъ-подъ развалинъ мертвыхъ архитектуръ Греціи и Рима начинаетъ медленно пробиваться, благодаря соединеннымъ усиліямъ христіанства и варваровъ, таинственное романское зодчество, — этотъ братъ теократическихъ сооруженій Египта и Индіи, эта яркая эмблема чистаго католицизма, этотъ непоколебимый памятникъ папскаго единства. Дѣйствительно, мысль того времени выражена цѣликомъ мрачнымъ романскимъ стилемъ. Отъ этого стиля такъ и вѣетъ властью, единствомъ, непроницаемостью и абсолютизмомъ, — словомъ — папою Григоріемъ VII; во всѣхъ зданіяхъ этой эпохи всюду чувствуется священнослужитель, а не человѣкъ, проявляется каста, а не народъ. Но вотъ наступаютъ крестовые походы. Это было сильное народное движеніе, а каждое такое движеніе, каковы бы ни были его причина и цѣль, въ концѣ концовъ, всегда порождаетъ стремленіе къ освобожденію духа отъ сковывающихъ его узъ. Начинаетъ пробиваться что-то новое, открывается бурный періодъ „Жакерій“, „Прагерій“, „Лигъ“. Власть расшатывается, единство раздваивается. Феодализмъ оспариваетъ часть власти у теократіи, въ ожиданіи, когда дойдетъ неизбѣжная очередь до народа, который обязательно потребуетъ себѣ львиную долю. Quia nominor leo. Изъ-подъ духовенства пробивается аристократія, а изъ-подъ аристократіи—городская община. Физіономія Европы рѣзко измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и физіономія зодчества. Одновременно съ цивилизаціей и зодчество перевертываетъ страницы своей лѣтописи и готовится добросовѣстно записывать то, что продиктуетъ ему новый духъ времени. Какъ народъ возвратился изъ крестовыхъ походовъ съ стремленіемъ къ свободѣ, такъ и зодчество вернулось изъ нихъ со стремленіемъ къ стрѣльчатой формѣ, а въ то время, когда власть Рима начинаетъ мало-по-малу распадаться, гибнетъ и романское зодчество. Іероглифъ покидаетъ соборъ и переходитъ въ гербы замковъ аристократіи, чтобы увеличить обаяніе послѣдней. Самый соборъ, этотъ символъ строгаго догматизма, подъ вліяніемъ врывающейся въ него буржуазіи, свободной общины, начинаетъ уклоняться отъ непосредственной

власти священника и отдается художнику, который и перестраиваетъ его по собственному вкусу. На мѣсто мистеріи, миѳа и догмата выступаютъ прихоть и фантазія художника. Лишь бы священнику была сохранена основная форма базилики съ алтаремъ, во всемъ остальномъ онъ уже не имѣетъ права голоса. Стѣны собора всецѣло находятся теперь въ распоряженіи художника. Книга зодчества перестаетъ быть исключительнымъ достояніемъ духовенства, религіи, Рима, она уже открываетъ свои страницы воображенію, поэзіи, народу. Отсюда быстрыя и многочисленныя превращенія новаго зодчества, въ теченіе его только трехвѣкового существованія представляющія такой рѣзкій контрастъ со стоячей неподвижностью, выдержанною романскимъ зодчествомъ въ продолженіе вдвое большаго промежутка времени. Искусство исполинскими шагами двигается впередъ. Народный геній и народное творчество берутъ на себя задачу, которая раньше выполнялась только епископами. Каждое поколѣніе мимоходомъ заноситъ свою строку въ книгу зодчества; соединенными усиліями цѣлаго ряда поколѣній стираются съ фасадовъ соборовъ древніе романскіе іероглифы и замѣняются новыми символами, и лишь очень проницательный глазъ можетъ различить подъ этими іероглифами слѣды стараго догмата, подъ драпировкою народной фантазіи—остовъ религіи. Трудно себѣ представить, до какой степени доходила въ эту эпоху вольность зодчихъ по отношенію къ церкви. Въ Каминномъ залѣ Дворца Правосудія капители колоннъ унизываются изображеніями монаховъ и монахинь въ самыхъ неприличныхъ позахъ. На паперти собора въ Буржѣ выписана рѣзцомъ, такъ сказать, изъ буквы въ букву, вся исторія посрамленія Ноя въ кругу его семьи. Въ умывальной комнатѣ Бошервильскаго аббатства смѣется въ лицо всей общинѣ пьяный монахъ, съ ослиными ушами держащій въ рукѣ чашу, наполненную виномъ. Вообще, въ ту эпоху человѣческая мысль, выражаемая зодчествомъ, пользовалась привилегіей напоминающею современную свободу печати. Это было время свободы зодчества.

Эта свобода заходила очень далеко. То тутъ, то тамъ какой-нибудь порталъ, фасадъ, а иногда и цѣлая церковь являлись символическимъ выраженіемъ мысли, совершенно чуждой и даже враждебной культу религіи. Гильомъ Парижскій въ тринадцатомъ столѣтіи, а Николай Фламель въ пятнадцатомъ, написали этимъ способомъ нѣсколько очень соблазнительныхъ страницъ. Что же касается церкви Сенъ-Жакъ-де-ла-Бушри, то она вся была воплощеніемъ духа оппозиціи.

Будучи свободной лишь въ области зодчества, мысль и высказывалась цѣликомъ только на тѣхъ страницахъ, которыя называются зданіями. Въ этой формѣ мысль спокойно присутствовала при томъ, какъ она же, выраженная въ формѣ рукописи, сжигалась на площадяхъ палачемъ. Книга жестоко преслѣдовалась, а церковныя стѣны, покрытыя содержаніемъ той же самой книги, оставались неприкосновенными. Поэтому вполнѣ понятно, что мысль съ такой стремительностью бросалась на единственный путь, оставшійся ей открытымъ. Этимъ только и можно объяснить то невѣроятное количество церквей, покрывшихъ всю Европу,—количество до такой степени громадное, что трудно повѣрить, даже пересчитавъ ихъ лично. Очевидно, что всѣ матеріальныя и духовныя силы общества тогда сосредоточились въ одномъ зодчествѣ, какъ въ зрительномъ фокусѣ. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ сооруженія

церквей для служенія Богу, искусство развивалось до самыхъ широкихъ размѣровъ.

Въ то время каждый, родившійся поэтомъ, дѣлался архитекторомъ. Вся та сумма дарованій, которая была разсѣяна въ массахъ и со всѣхъ сторонъ подавлялась феодализмомъ, точно стѣною бронзовыхъ щитовъ, находила приложеніе только въ зодчествѣ и, широко пользуясь этимъ искусствомъ, писала свои иліады въ формѣ соборовъ. Всѣ остальныя искусства подчинились зодчеству и служили ему, переставъ существовать самостоятельно. Архитекторъ-поэтъ, архитекторъ-мастеръ, подчинилъ себѣ и скульптуру, покрывавшую рѣзьбою его фасады, и живопись, разрисовывавшую ему оконныя стекла, и музыку, приводившую въ движеніе колокола и дышавшую трубами органа. Даже бѣдная поэзія, которая такъ упорствовала прозябать въ рукописяхъ, въ концѣ концовъ, не желая окончательно погибнуть, должна была согласиться войти въ рамки зданія подъ формою каменнаго гимна или каменной прозы. Ея роль была та же самая, какую играли въ жреческихъ празднествахъ трагедіи Эсхила, а въ храмѣ Соломона — книга Бытія.

Такимъ образомъ, до Гуттенберга зодчество было преобладающею формою письменности, общею для всего міра. Его гранитная книга, начатая Востокомъ, продолжавшаяся греческою и римскою древностью, была дописана средними вѣками. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не въ однихъ среднихъ вѣкахъ можно было наблюдать то явленіе, что зодчество народное выступаетъ на смѣну зодчеству кастовому, но также и въ другихъ періодахъ исторіи человѣчества. Укажемъ вкратцѣ на главнѣйшія проявленія закона, для подробнаго изслѣдованія котораго понадобилось бы исписать цѣлые томы. На Дальнемъ Востокѣ, этой колыбели первобытнаго человѣчества, индусское зодчество смѣняется финикійскимъ, щедрымъ родоначальникомъ аравійскаго. Въ классической древности за египетскимъ зодчествомъ, съ его разновидностями — циклопическими постройками и этрусскими подземными сводами — слѣдуетъ греческое, продолженіемъ котораго служилъ римскій стиль въ соединеніи съ карѳагенскимъ куполомъ. Потомъ, въ среднихъ вѣкахъ, какъ мы уже видѣли, на смѣну зодчеству романскому явилось готическое. Классифицируя всѣ эти различные виды зодчества, мы видимъ, что они составляютъ, такъ сказать, три двойныхъ серіи, изъ которыхъ первая половина — зодчество индусское, египетское и романское — символизировали одно понятіе: теократію, касту, единство, догматъ, миѳъ, Бога, а вторая половина — зодчество финикійское, греческое и готическое, и при всемъ различіи ихъ формъ представляли понятіе совершенно противоположное: свободу, народъ, человѣка. Въ зданіяхъ перваго порядка, т.-е. въ индусскихъ, египетскихъ и романскихъ, чувствуется вліяніе одного священнослужителя, какъ бы онъ ни назывался: браминомъ, магомъ или папою, между тѣмъ, какъ въ зданіяхъ, созданныхъ не кастою, а народомъ, чуется нѣчто совершенно иное. Такъ, въ постройкахъ финикійскихъ чувствуется купецъ, въ греческихъ — республиканецъ, въ готическихъ — буржуа.

Теократическое зодчество всегда и всюду отличалось неизмѣняемостью, боязнью всякаго прогресса, строгимъ сохраненіемъ традиціонныхъ формъ, соблюденіемъ первоначальныхъ типовъ и постояннымъ подчиненіемъ всѣхъ проявленій человѣческаго бытія и самой природы непостижимой прихоти символа. Произведенія этого зодчества — такія

темныя книги, разобрать которыя можетъ только посвященный. Въ нихъ каждая форма, даже самая уродливая, имѣетъ свой особенный смыслъ, обезпечивающій ея неприкосновенность. Отъ индусскихъ, египетскихъ или романскихъ зодчихъ нельзя требовать, чтобы они измѣняли свой рисунокъ и совершенствовали формы своихъ изваяній: каждое улучшеніе въ ихъ глазахъ—кощунство. Зданія эпохи теократическаго зодчества кажутся вдвойнѣ окаменѣлыми — и по своему матеріалу и по неподвижности своихъ догматическихъ формъ. Отличительныя же особенности зданій народнаго зодчества совершенно противоположнаго свойства; эти зданія — воплощеніе стремленія къ прогрессу, къ самобытности, къ разнообразію и вѣчному движенію. Народное искусство уже настолько отрѣшилось отъ религіознаго догмата, что не считаетъ грѣхомъ думать и заботиться о своей красотѣ, которую и усиливаетъ безпрестаннымъ улучшеніемъ своего наряда въ видѣ статуй и арабесковъ. Такое искусство всегда живетъ вмѣстѣ съ временемъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ примѣшиваетъ присущій ему элементъ человѣчности къ религіозному символу, подъ которымъ поневолѣ продолжаетъ еще проявляться. Отсюда эти зданія становятся доступными для каждой души, для каждаго ума, для каждаго воображенія; несмотря на то, что и они еще символичны, ихъ можно такъ же легко понять, какъ самую природу. Собственно, между зодчествомъ теократическимъ и народнымъ та же разница, какъ между священнымъ языкомъ и народной рѣчью, между іероглифомъ и искусствомъ, между Соломономъ и Фидіемъ.

Резюмируя отмѣченныя въ этомъ бѣгломъ обозрѣніи главнѣйшія данныя о зодчествѣ, которыя можно было бы подтвердить тысячью примѣрами, мы получимъ слѣдующій выводъ: что зодчество было главною лѣтописью человѣчества до пятнадцатаго столѣтія нашей эры; что въ продолженіе всего этого громаднаго промежутка времени не было ни одной болѣе или менѣе сложной идеи, которая не выразилась бы въ видѣ зданія; что каждая народная идея, какъ и идея религіозная, оставила свои памятники; что, наконецъ, человѣчество не воспринимало ни одной значительной идеи, которую не спѣшило бы увѣковѣчить въ формѣ каменныхъ письменъ. Чѣмъ же это объяснить? — А тѣмъ, что каждая мысль, будь она религіозная или философская, стремится увѣковѣчить себя; каждая идея, волновавшая одно поколѣніе, рвется перейти къ слѣдующимъ поколѣніямъ и поэтому старается оставить по себѣ неизгладимый слѣдъ. Легко уничтожимая рукопись представляетъ слишкомъ плохую гарантію увѣковѣченія мысли, между тѣмъ, какъ зданіе своей прочностью, устойчивостью и способностью сопротивленія скорѣе можетъ обезпечить долговѣчность. Для уничтоженія рукописнаго слова достаточно какого-нибудь дикаря или горящаго факела, а для уничтоженія того же слова, вылитаго изъ гранита, нуженъ цѣлый переворотъ — общественный или земной. Колизей устоялъ подъ напоромъ варваровъ; надъ пирамидами, быть-можетъ, пронесся цѣлый потопъ, нисколько не повредивъ ихъ.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи все измѣняется. Человѣческая мысль открываетъ другой способъ увѣковѣченія себя,— способъ, не только еще болѣе прочный и устойчивый, чѣмъ зодчество, но несравненно болѣе простой и легкій. Зодчество развѣнчивается. Каменныя буквы Орфея замѣняются свинцовыми буквами Гуттенберга.

Книга стремится убить зданіе.

Изобрѣтеніе книгопечатанія — величайшее событіе въ мірѣ. Оно производитъ коренной переворотъ. Способъ выраженія человѣческой мысли совершенно измѣняется; мышленіе облекается въ новую форму, отбросивъ старую. Символическая змѣя, со временъ Адама олицетворявшая разумъ, смѣняетъ старую шкуру на совершенно новую, небывалую.

Благодаря печати, человѣческая мысль становится уже вполнѣ безсмертною, потому что сдѣлалась крылатою, неуловимою и неуничтожимою. Она начинаетъ носиться по воздуху. Во времена владычества зодчества мысль превращалась въ утесъ и властно располагалась въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и овладѣвала однимъ опредѣленнымъ вѣкомъ. Но съ возникновеніемъ печати она превращается въ стаю птицъ, которая разлетается во всѣ стороны и одновременно наполняетъ всѣ точки воздуха и пространства.

Повторяемъ, каждому понятно, что эта перемѣна должна была придать мысли большую несокрушимость. Изъ просто прочной она дѣлается живучей, изъ долговѣчной превращается въ безсмертную. Всякую твердыню можно уничтожить тѣмъ или другимъ способомъ, но какъ уничтожить что-нибудь вездѣсущее? Пусть настанетъ потопъ, горы исчезнутъ подъ водою, а птицы все-таки будутъ летать; въ этомъ потопѣ достаточно уцѣлѣть одному ковчегу и носиться на поверхности водъ, чтобы на него опустились птицы и поплыли вмѣстѣ съ нимъ. Когда спадутъ воды и изъ хаоса потопа выдѣлится новый міръ, то этотъ міръ все-таки увидитъ витающую надъ нимъ крылатую, безсмертную мысль міра погибшаго.

Можно ли поэтому удивляться, что человѣческій разумъ покинулъ зодчество ради изобрѣтенія Гуттенберга и что книгопечатаніе не только лучше зодчества обезпечиваетъ сохраненіе мысли, но въ то же время представляется наиболѣе простымъ, удобнымъ и легкимъ способомъ для ея выраженія? Дѣйствительно, книгопечатаніе не требуетъ громоздкихъ приспособленій, не нуждается въ тяжеловѣсныхъ орудіяхъ. Для того, чтобы выразиться въ формѣ зданія, мысль должна затратить значительную денежную сумму, призвать къ себѣ на помощь всѣ остальныя искусства, срыть цѣлыя горы, чтобы добыть необходимый матеріалъ, срубить цѣлые лѣса для устройства подмостковъ, двинуть цѣлыя полчища рабочихъ; между тѣмъ, какъ для того, чтобы выразиться въ видѣ книги, ей нужно немного бумаги, чернилъ и перьевъ. Само собою разумѣется, что мысль съ радостью должна была ухватиться за новый способъ облеченія ея въ осязаемую форму. Пересѣките сразу русло рѣки каналомъ, прорытымъ ниже ея уровня, и воды рѣки тотчасъ же устремятся въ этотъ каналъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, какъ съ момента изобрѣтенія книгопечатанія, начинаетъ понемногу сохнуть, атрофироваться и блѣднѣть зодчество. Такъ и чувствуется, что вода въ этомъ руслѣ убываетъ, что жизненные соки этого искусства изсякаютъ, что мысль вѣковъ и народовъ устремилась уже по другому пути. Въ пятнадцатомъ столѣтіи эта перемѣна еще не особенно была замѣтна; печатный станокъ тогда еще недостаточно окрѣпъ и поддерживалъ свое существованіе только тѣмъ, что питался излишкомъ соковъ процвѣтавшаго еще зодчества. Но съ шестнадцатаго вѣка зодчество начинаетъ хирѣть и уже такъ сильно,

что это бросается въ глаза; оно перестаетъ быть главнымъ выразителемъ общественной мысли и, какъ искусство, ищетъ жалкой опоры въ классицизмѣ, превращаясь изъ галльскаго, европейскаго, самобытнаго, въ греко-римское, изъ современнаго и правдиваго — въ ложно-античное. Настаетъ та эпоха упадка зодчества, которая называется эпохою Возрожденія. Положимъ, этотъ упадокъ былъ обставленъ очень эффектно: старый готическій геній, представлявшій собою какъ бы солнце, закатывавшееся за исполинскимъ майнцскимъ печатнымъ станкомъ, еще нѣкоторое время золотитъ своими послѣдними лучами всю эту разнохарактерную смѣсь латинскихъ аркадъ и коринѳскихъ колоннадъ.

Вотъ въ этомъ-то заходящемъ солнцѣ мы и видимъ зарю новаго дня.

Лишь только зодчество стало на одну ступень съ остальными искусствами, переставъ быть главнымъ между ними, поглощавшимъ остальныя и всецѣло господствовавшимъ надъ ними, — оно теряетъ на нихъ всякое вліяніе. Чувствуя безсиліе зодчества, остальныя искусства спѣшатъ освободиться изъ-подъ его гнета и сдѣлаться самостоятельными. И они всѣ выигрываютъ отъ этого освобожденія. Обособленіе способствуетъ ихъ развитію. Рѣзьба становится ваяніемъ, рисованіе превращается въ живопись, церковный канонъ развивается въ музыку. Совершается нѣчто въ родѣ распаденія имперіи послѣ смерти какого-нибудь Александра, когда провинціи дѣлаются государствами.

Отсюда появленіе Рафаэля, Микель-Анджело, Жана Гужона, Палестрины — этихъ свѣточей лучезарнаго шестнадцатаго вѣка.

Одновременно съ искусствами освобождается со всѣхъ сторонъ и мысль. Католичество уже сильно было поколеблено ересями среднихъ вѣковъ, а шестнадцатый вѣкъ окончательно его расшатываетъ въ самомъ его основаніи. До книгопечатанія реформація была бы только расколомъ, а изобрѣтеніе Гуттенберга сдѣлало ее переворотомъ. Отнимите у ереси печатный станокъ, и вы обезсилите ее. По предопредѣленію или по роковому случаю, но Гуттенбергъ является предшественникомъ Лютера.

Между тѣмъ, когда средневѣковое солнце совершенно закатилось, когда готическій геній навѣки угасъ на горизонтѣ искусства, — зодчество отживаетъ свой вѣкъ, все болѣе и болѣе тускнѣя, обезцвѣчиваясь и ухудшаясь во всѣхъ смыслахъ. Оно высасывается и пожирается печатною книгою, подобно червю, подтачивающему дерево. Зодчество, какъ дерево, корни котораго изъѣдены червями, быстро чахнетъ, лишается своихъ листьевъ и сохнетъ. Оно оскудѣваетъ, впадаетъ въ убожество, превращается въ ничтожество. Оно уже болѣе ничего не выражаетъ, — даже воспоминанія объ искусствѣ прежнихъ временъ. Предоставленное самому себѣ, покинутое остальными искусствами, потому что человѣческая мысль устремилась въ другую сторону, оно вмѣсто художниковъ зоветъ къ себѣ на помощь ремесленниковъ. Расписныя оконныя стекла замѣняются простыми. Скульпторъ замѣняется каменотесомъ. Прощай, всякая самобытность, вся жизненность, вся осмысленность зодчества! Отнынѣ оно, сдѣлавшись жалкимъ нищимъ, будетъ влачить свое безотрадное существованіе по ремесленнымъ заведеніямъ, пробавляясь плохимъ подражаніемъ. Микель-Анджело, очевидно, понимавшій, что зодчество въ шестнадцатомъ вѣкѣ пошло на окончательную убыль, въ отчаяніи сдѣлалъ послѣднюю попытку спасти погибающее

искусство. Съ этой цѣлью, онъ, этотъ титанъ искусства, создалъ соборъ св. Петра въ Римѣ, нагромоздивъ на Парѳенонъ Пантеонъ. Это великое произведеніе, достойное того, чтобы остаться единственнымъ въ своемъ родѣ, было послѣднею вспышкою творчества въ зодчествѣ, рукоприкладствомъ художника-исполина къ длинному, многовѣковому каменному списку, которому уже болѣе не суждено продолжаться. Умеръ Микель-Анджело — въ чемъ же тогда стало проявляться убогое

Іероглифъ покидаетъ соборъ и переходитъ въ гербы замковъ аристократіи.

зодчество, пережившее само себя въ видѣ блѣднаго призрака? Оно набрасывается на римскій соборъ св. Петра и начинаетъ дѣлать съ него слѣпки и пародіи. Это подражаніе превращается въ жалкую манію. Каждое столѣтіе имѣетъ свой соборъ св. Петра; семнадцатое представляетъ его подъ названіемъ церкви Валь-де-Грасъ, восемнадцатое — подъ названіемъ церкви св. Женевьевы. Каждая страна обзаводится своимъ соборомъ св. Петра; въ Парижѣ ихъ два или три, въ Петербургѣ и Лондонѣ по одному. Это послѣднія усилія воли, послѣдній бредъ умирающаго великана, отъ дряхлости впавшаго въ дѣтство передъ смертью.

Если мы, не вдаваясь въ подробности, вглядимся только въ общій видъ зодчества, за періодъ времени отъ шестнадцатаго до восемнадцатаго столѣтія, то замѣтимъ тѣ же признаки упадка и вырожденія. Начиная съ Франциска II, художественная форма зданія все болѣе и болѣе сглаживается и изъ-подъ нея все замѣтнѣе выступаетъ форма чисто геометрическая, какъ на исхудавшемъ тѣлѣ больного обрисовываются кости скелета. Изящныя линіи художника уступаютъ мѣсто сухимъ, жесткимъ линіямъ геометра. Зданіе перестаетъ быть зданіемъ, оно превращается въ простой многогранникъ. Между тѣмъ, зодчество тщетно усиливается скрыть свою наготу. Отсюда происходитъ то, что въ романскій фронтонъ втискивается греческій и наоборотъ; повсюду вы видите все тотъ же Партенонъ на Пантеонѣ, — тотъ же соборъ св. Петра. Но вотъ кирпичные дома Генриха IV, съ каменными углами: такими домами застроены Королевская площадь и площадь Дофина. Вотъ церкви эпохи Людовика XIII,—тяжелыя, приземистыя, неуклюжія, придавленныя куполомъ, точно горбомъ. Вотъ зодчество временъ кардинала Мазарини, — плохая итальянская стряпня, въ видѣ училища Четырехъ Націй. Вотъ дворцы Людовика XIV, — длинныя, холодныя, скучныя казармы для придворныхъ. Вотъ, наконецъ, и эпоха Людовика XV съ ея пучками цикорія и червячками, со всѣми этими бородавками и наростами, которые такъ обезображиваютъ лицо стараго, беззубаго, дряхлаго, но все еще молодящагося зодчества. Словомъ, — начиная съ Франциска II и до Людовика XV, недугъ архитектуры возрасталъ въ геометрической прогрессіи. Отъ искусства остались только кожа да кости, и оно находится при послѣднемъ издыханіи.

Что же, между тѣмъ, дѣлается съ книгопечатаніемъ? Всѣ тѣ жизненныя силы, которыя покидаютъ зодчество, приливаютъ къ нему. По мѣрѣ того, какъ зодчество падаетъ, книгопечатаніе растетъ и крѣпнетъ. Человѣчество теперь тратитъ на книги всю ту сумму силъ, которую прежде тратило на зданія. Уже въ шестнадцатомъ столѣтіи книгопечатаніе, сравнявшись ростомъ съ падающимъ зодчествомъ, борется съ нимъ и убиваетъ его, а въ семнадцатомъ — печать уже настолько могущественна и побѣдоносна, настолько укрѣпила плоды своей борьбы, что можетъ задать міру великій пиръ литературнаго процвѣтанія. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ она, послѣ продолжительнаго отдыха при дворѣ Людовика XIV, снова овладѣваетъ старымъ оружіемъ Лютера, вооружаетъ имъ Вольтера и шумно устремляется въ битву съ той старой Европой, которую уже лишила архитектурнаго способа выраженія. Къ концу же восемнадцатаго столѣтія печать разрушила все старое, а въ девятнадцатомъ — начинаетъ созидать новое.

Спросимъ теперь себя: которое же изъ двухъ этихъ искусствъ является за три послѣднія столѣтія истиннымъ представителемъ человѣческой мысли? Которое изъ нихъ истолковываетъ эту мысль, выражаетъ не только ея литературныя и школьныя направленія, но и все ея движеніе во всей его широтѣ и глубинѣ? Которое изъ нихъ постоянно, ни на секунду не отставая, неутомимо идетъ рядомъ съ постоянно подвигающимся впередъ тысяченогимъ чудовищемъ, называемымъ человѣчествомъ — зодчество или печать? — Разумѣется, печать.

Не будемъ обманываться: зодчество умерло и никогда уже болѣе не воскреснетъ; оно убито печатною книгою, — убито потому, что оно не такъ прочно, какъ эта книга, и несравненно дороже стоитъ. Каждый

соборъ поглотилъ милліардъ. Представьте же себѣ, какія колоссальныя затраты понадобились бы на то, чтобы, такъ сказать, переписать заново всю архитектурную книгу, чтобы снова покрыть землю тысячами зданій, чтобы воскресить то время, когда, по словамъ Глабера Радульфа, количество памятниковъ зодчества было такъ велико, что „казалось, міръ стряхнулъ съ себя старыя одежды, чтобы покрыться бѣлыми ризами церквей“. *Erat enim ut si mundus, ipse excutiendo semet, rejecta vetustate, candidam ecclesiarum vestem indueret* (*Glaber Radulphus*).

Между тѣмъ, книга изготовляется такъ быстро, стоитъ такъ дешево и распространяется по всему міру такъ легко, что вовсе неудивительно, если человѣческая мысль устремляется по этому склону. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы зодчество уже окончательно лишилось возможности всякаго успѣха, что оно уже болѣе никогда не будетъ въ состояніи дать какого-нибудь единичнаго образцоваго произведенія. Нѣтъ, и при господствѣ печатнаго станка зодчество можетъ, по временамъ, воздвигать изъ сплава пушекъ и при помощи цѣлой арміи какую-нибудь колонну, какъ складывались, при господствѣ зодчества, Иліады и Романсеро, Магабгараты и Нибелунги — эти литературныя созиданія цѣлыхъ народовъ, слитыя воедино изъ отдѣльныхъ рапсодій. Случай можетъ вызвать къ жизни и въ двадцатомъ столѣтіи геніальнаго зодчаго, какъ онъ породилъ въ тринадцатомъ Данта. Но только зодчество уже никогда болѣе не будетъ искусствомъ общественнымъ, коллективнымъ и главенствующимъ, какимъ оно было. Великая поэма, великое зданіе, великое твореніе человѣчества не будетъ болѣе строиться, — оно будетъ печататься.

Если зодчеству и удастся случайно вновь подняться, оно не будетъ болѣе стоять во главѣ; оно будетъ подчинено литературѣ, какъ литература въ свое время была подчинена ему. Взаимоотношеніе обоихъ искусствъ измѣнится въ обратномъ направленіи. Несомнѣнно, что въ эпоху владычества зодчества изрѣдка появлявшіяся поэмы имѣли много сходства съ его собственными произведеніями. Индійскій Віяза, творецъ Магабгараты, такъ же непроницаемъ, загадоченъ и страненъ, какъ сама пагода. Поэзія египетскаго востока отличается тою же строгостью очертаній и величавостью, какою отличаются самыя зданія страны фараоновъ. Въ античной Греціи въ обоихъ искусствахъ — въ поэзіи и зодчествѣ царятъ одинаковая красота, ясность и гармонія. Въ христіанской Европѣ поражаетъ величавость католицизма, наивность народа и богатая, бьющая черезъ край жизнедѣятельность эпохи Возрожденія. Въ общемъ, Библія походитъ на пирамиды, Илліада—на Парфенонъ, Гомеръ — на Фидія. Дантъ, въ тринадцатомъ столѣтіи, представляетъ какъ бы послѣдній храмъ романскаго стиля, какъ Шекспиръ въ шестнадцатомъ — послѣдній готическій соборъ.

Итакъ, дѣлая окончательный выводъ изъ всего сказаннаго, по необходимости такъ отрывисто и бѣгло, мы видимъ, что человѣчество имѣетъ, такъ сказать, двѣ книги, два списка, два завѣта — одинъ каменный, другой бумажный: зодчество и печать. Безспорно, сравнивая оба эти завѣта, обѣ эти книги, такъ широко раскрытыя передъ нами исторіей, мы невольно поддаемся чувству сожалѣнія о покинутомъ величіи этого гранитнаго письма, гигантскія буквы котораго изображались въ видѣ колоннадъ, пилоновъ и обелисковъ, въ видѣ горъ, созданныхъ и раскиданныхъ рукою человѣка по всему лицу земли, начиная съ

Хеопсовой пирамиды и кончая Страсбургскимъ соборомъ. Будемъ же перечитывать прошлое, начертанное на этихъ каменныхъ страницахъ; будемъ чаще перелистывать книгу, написанную зодчествомъ, и восхищаться ею, но не будемъ ради нея отрицать и величія зданія, воздвигнутаго, въ свою очередь, печатью.

Это зданіе своей колоссальностью превосходитъ всѣ остальныя. Какой-то статистикъ-любитель вычислилъ, что если положить одну на другую всѣ книги, вышедшія изъ-подъ печатнаго станка со временъ Гуттенберга, то онѣ могли бы заполнить все разстояніе между землею и луною. Положимъ, мы говоримъ не о такомъ величіи, однако, не можемъ не замѣтить, что если мы попытаемся вычислить въ умѣ всю сумму произведеній печати отъ начала ея возникновенія и до нашихъ дней, то передъ нашимъ воображеніемъ, дѣйствительно, возникнетъ такое исполинское зданіе, которое своимъ основаніемъ покроетъ весь земной шаръ, а вершиною затеряется въ туманахъ будущаго, потому что оно постоянно увеличивается неустанными трудами всего человѣчества. Это вѣчно кишащій муравейникъ умовъ; улей, въ который всѣ золотистыя пчелы воображенія сносятъ свой сладкій медъ. Это зданіе имѣетъ тысячи ярусовъ. Здѣсь и тамъ въ его стѣнахъ зіяютъ темныя впадины безчисленныхъ, пересѣкающихъ другъ друга пещеръ, выкапываемыхъ въ немъ наукою. Искусство щедрою рукою украшаетъ это гигантское зданіе своими чудными арабесками, розетками и кружевами. Каждое отдѣльное произведеніе, какимъ бы причудливымъ и обособленнымъ оно ни казалось, имѣетъ здѣсь свое мѣсто и находится на виду. Тысячи башенъ разбросано въ этомъ зданіи во всѣхъ направленіяхъ, заполняя промежутки между соборомъ Шекспира и мечетью Байрона. На самомъ же его основаніи переписаны нѣкоторыя изъ древнихъ грамотъ человѣчества, не вошедшія въ списокъ зодчества. Налѣво, у входа, воспроизведенъ бѣлый мраморный барельефъ Гомера, направо возвышаетъ свои семь головъ многоязычная Библія. Дальше щетинится гидра Романсеро и нѣкоторыя другія гибриды поэзіи, Веды и Нибелунги. Но какъ ни велико это зданіе, оно все еще не закончено. Печать, этотъ гигантскій механизмъ, безостановочно выкачивающій изъ общества всѣ его соки, постоянно подбавляетъ новые строительные матеріалы, ни на минуту не давая себѣ отдыха. Все человѣчество собралось для работы на лѣсахъ этого зданія. Каждый умъ здѣсь является каменщикомъ. Самый смиренный работникъ кладетъ свой камень или задѣлываетъ еле замѣтную щель. Даже какой-нибудь жалкій Ретифъ-де-ла-Бретонъ [1]), и тотъ тащитъ свою корзину со щебнемъ. Каждый день кладется новый рядъ камней. Независимо отъ самостоятельныхъ трудовъ отдѣльныхъ творцовъ, въ безконечное зданіе печати вводятся и цѣлыя части, созданныя коллективно. Восемнадцатый вѣкъ даетъ *Энциклопедію*, а революція создаетъ *Moniteur* [2]). Вообще зданіе печати растетъ и тянется вверхъ безконечными спиралями. Здѣсь мы присутствуемъ при смѣшеніи всевозможныхъ языковъ, видимъ безпрерывную дѣятельность, неутомимый трудъ, напряженное соревнованіе всего человѣчества, созиданіе убѣжища для мысли на случай новаго потопа или нашествія варваровъ. Словомъ,—мы присутствуемъ при возведеніи человѣчествомъ второй Вавилонской башни.

[1]) Французскій писатель XVIII вѣка.

[2]) Извѣстная парижская газета, основанная въ 1789 г. Панкукомъ. *Прим. перев.*

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Безпристрастный взглядъ на старинную магистратуру.

Кажется, въ 1482 году во всемъ Парижѣ не было человѣка, счастливѣе благороднаго Робера д'Эстутвиля, сьёра де-Бейна, барона д'Иври и Сенъ-Андри-анъ-ла-Маршъ, совѣтника и камергера короля и парижскаго прево. Послѣднюю должность, очень почтенную и прибыльную, онъ получилъ отъ короля еще семнадцать лѣтъ тому назадъ, а именно 7 ноября 1465 года, столь памятнаго появленіемъ страшной кометы [1]). Кстати сказать, эта должность давала гораздо больше правъ, чѣмъ обязанностей, по опредѣленію Іоанна Лемнея, сказавшаго о ней *„Dignitas, quae cum non exigua potestate politiam concernente, atque proeragativis multis et juribus conjuncta est“*. Въ 1482 г. не часто можно было встрѣтить человѣка, состоявшаго на королевской службѣ со времени бракосочетанія побочной дочери Людовика XI съ незаконнымъ сыномъ герцога Бурбонскаго. Въ тотъ же самый день, когда Роберъ д'Эстутвиль замѣстилъ Жака де-Вилье въ званіи главнаго парижскаго судьи, метръ Жеганъ Довэ былъ назначенъ первымъ президентомъ парламентскаго суда на мѣсто мессира Эли де-Торета, Жеганъ Жувенель Дэзерсэнъ смѣнилъ Пьера де-Морвилье въ должности государственнаго канцлера, а Реньо де-Дорманъ сдѣлался преемникомъ Пьера Пюи въ должности рекетмейстера королевскаго двора. Съ тѣхъ поръ три послѣднія должности много уже разъ переходили изъ рукъ въ руки, а Роберъ д'Эстутвиль все еще сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Королевскій патентъ гласилъ, что должность главнаго парижскаго судьи „дается ему на храненіе“, и онъ, дѣйствительно, хранилъ ее, какъ нельзя тщательнѣе. Онъ такъ крѣпко вцѣпился въ эту прибыльную должность, точно приросъ къ ней и сроднился съ нею, и несмотря на страсть Людовика XI къ перемѣнамъ, усидѣлъ на мѣстѣ.

Какъ извѣстно, этотъ недовѣрчивый и упрямый король, постоянно самъ во все входившій, любилъ поддерживать упругость своей власти частыми перемѣщеніями должностныхъ лицъ, увольненіемъ старыхъ и назначеніемъ новыхъ. Что же касается д'Эстутвиля, то почтенный прево, на случаѣ своей смерти, добился даже и для своего сына формальнаго закрѣпленія за нимъ должности главнаго парижскаго судьи, такъ

---

[1]) Эта комета, при появленіи которой папа Калистъ, дядя Борджіа, повелѣлъ всенародно молиться, появлялась вновь въ 1835 году. *Прим. В. Гюго.*

что за послѣдніе годы имя его сына, Жака д'Эстутвиля, бывшаго оруженосцемъ, красовалось рядомъ съ именемъ отца въ спискѣ служебнаго персонала парижскаго судебнаго приказа. Такая высокая милость была большой рѣдкостью со стороны Людовика XI. Правда, Роберъ дЭстутвиль былъ храбрый воинъ и въ свое время мужественно бился за короля противъ лиги общественной безопасности, а въ день въѣзда королевы въ Парижъ поднесъ ей великолѣпнаго конфектнаго оленя. Кромѣ того, онъ пользовался расположеніемъ мессира Тристана Л'Эрмита, начальника королевской дворцовой стражи. Вообще, мессиръ Роберъ благоденствовалъ, что было большою рѣдкостью въ то безпокойное время. Во-первыхъ, онъ получалъ приличное жалованье, къ которому были прицѣплены, какъ кисти къ виноградной лозѣ, разные побочные доходы, напримѣръ: доходъ съ судебныхъ пошлинъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, подлежавшимъ разбору въ главной парижской судебной палатѣ; доходы съ дѣлъ, разбиравшихся въ Шатлэ; мостовыя пошлины въ Мантѣ и Корбейлѣ и пр., не считая барышей съ различныхъ другихъ статей, въ родѣ поборовъ съ мѣрильщиковъ дровъ, вѣсовщиковъ соли и пр. Прибавьте къ этому удовольствіе разъѣзжать по городу и развертывать блескъ своего великолѣпнаго военнаго мундира на фонѣ полу-красныхъ полу-коричневыхъ одѣяній мѣщанскихъ старшинъ и квартальныхъ. Кстати: кто желаетъ имѣть вѣрное понятіе объ этомъ мундирѣ, тотъ можетъ полюбоваться его точнымъ изображеніемъ на могилѣ Робера д'Эстутвиля въ Вальмонскомъ аббатствѣ, въ Нормандіи; тамъ же находится и его шлемъ со слѣдами ударовъ, которые сыпались на него въ сраженіи при Монлери. А чего стоило наслажденіе сознавать себя начальникомъ надъ двѣнадцатью сержантами, надъ привратниками и сторожами Шатлэ, надъ двумя аудиторами того же Шатлэ, надъ шестнадцатью комиссарами столькихъ же парижскихъ кварталовъ, надъ тюремщикомъ Шатлэ, надъ четырьмя сержантами ленными, ста двадцатью конными и ста двадцатью сержантами-жезлоносцами, надъ начальникомъ ночной стражи со всѣми его помощниками? А развѣ плохо было имѣть право рѣшать и вершить всевозможныя судебныя дѣла, вѣшать, четвертовать и подвергать наказанію плетьми у позорнаго столба, не считая права разбирательства мелкихъ дѣлъ въ первой инстанціи (*in prima instantia*, какъ говорилось въ тогдашнихъ хартіяхъ) по всему парижскому виконтству съ его семью судебными округами? Можно ли представить себѣ что-нибудь пріятнѣе возможности чинить судъ и расправу, какъ это ежедневно дѣлалъ мессиръ Роберъ д'Эстутвиль, засѣдая въ залахъ Большого Шатлэ, подъ широкими и придавленными сводами эпохи Филиппа-Августа, а затѣмъ возвращаться вечеромъ въ прелестный домикъ на Галилейской улицѣ возлѣ королевскаго дворца, въ домикъ, полученный имъ въ приданое за своей женою, Амбруазою де-Лорэ, и спокойно предаваться тамъ сладкому отдыху послѣ трудовъ. Труды же эти состояли, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы осудить какого-нибудь горемыку на ночевку въ „маленькой горенкѣ“ въ улицѣ Л'Эскоршери, употреблявшейся судьями и старшинами города Парижа въ качествѣ тюрьмы и имѣвшей одиннадцать футовъ въ длину, семь футовъ четыре дюйма въ ширину и одиннадцать футовъ въ вышину [1]).

[1]) См. «Отчеты по управленію коронными имуществами» за 1383 годъ.

Прим. В. Гюго.

Мессиръ Роберъ д'Эстутвиль имѣлъ не только свою собственную юрисдикцію въ качествѣ прево и виконта парижскаго, но и долю въ отправленіяхъ высшаго королевскаго суда, участвуя какъ въ разбирательствахъ, такъ и въ прибыляхъ послѣдняго. Не было ни одной сколько-нибудь высокопоставленной личности, которая не прошла бы черезъ его руки прежде, чѣмъ попасть въ руки палача. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ удовольствіе вести изъ Бастиліи на площадь Главнаго Рынка для казни герцога Немурскаго, а на Гревскую площадь Греви, для той же надобности и коннетабля Сенъ-Поля, который на пути къ казни кричалъ и вырывался, къ немалой радости господина прево, сильно недолюбливавшаго его.

Разумѣется, всего этого было вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ и знаменитымъ и чтобы обезпечить за нимъ впослѣдствіи мѣстечко на страницахъ той интересной исторіи парижскихъ главныхъ судей, изъ которой мы, между прочимъ, узнаемъ, что Ударъ де-Вильнёвъ имѣлъ собственный домъ на улицѣ Бушри, что Гильомъ де-Ганга купилъ большую и малую Савойю, что Гильомъ Тибу завѣщалъ монахинямъ св. Женевьевы свои дома на улицѣ Клопэнъ, что Гюгъ Обріо жилъ въ отелѣ Поркъ-Эпикъ, и много другихъ подробностей изъ быта этихъ господъ.

Однако, несмотря на то, что Роберъ д'Эстутвиль имѣлъ столько причинъ быть довольнымъ своей жизнью, утромъ 7 января 1482 года онъ проснулся въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Почему —онъ и самъ не сумѣлъ бы опредѣлить. Быть-можетъ, его разстраивала пасмурная погода, бывшая въ это утро, или, быть можетъ, пряжка отъ его портупеи, побывавшей въ сраженіи при Монлери, была неловко застегнута и слишкомъ сжимала его раздобрѣвшую за послѣдніе годы талію? Или же его разсердила кучка гулякъ изъ отребьевъ населенія, которые, точно ему насмѣхъ, прошли подъ его окнами, щеголяя своими лохмотьями и продавленными шляпами, но съ сумками и фляжками у пояса? А можетъ статься, его томило предчувствіе грядущей бѣды, ожидавшей его въ слѣдующемъ году, когда новый король, Карлъ VII, долженъ былъ болѣе чѣмъ на триста семьдесятъ ливровъ урѣзать доходы парижскаго главнаго судьи? Предоставляемъ читателю самому рѣшить, какое изъ этихъ предположеній вѣрнѣе; что же касается насъ, то мы склонны думать, что Роберъ д'Эстутвиль былъ не въ духѣ просто потому, что не былъ въ духѣ.

Къ тому же, наканунѣ былъ праздникъ, т.-е. день и вообще-то скучный, а въ особенности для магистрата, обязаннаго убирать всю грязь, какую въ прямомъ и переносномъ смыслѣ оставляетъ послѣ себя праздникъ въ Парижѣ. Кромѣ всего этого, нужно принять во вниманіе и то, что Роберу д'Эстутвилю предстояло въ этотъ день засѣдать въ Шатлэ. Насколько мы могли замѣтить, судьи всегда стараются подогнать дурное расположеніе духа къ тѣмъ днямъ, когда имъ предстоитъ присутствовать на засѣданіяхъ; впрочемъ, они дѣлаютъ это, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность сорвать на законномъ основаніи сердце на подсудимомъ.

Въ этотъ разъ засѣданіе началось безъ него. Назначенныя на этотъ день дѣла, по обыкновенію, разбирались его помощниками, замѣщавшими его въ уголовномъ и гражданскомъ отдѣленіяхъ суда. Уже съ восьми часовъ утра нѣсколько десятковъ обывателей обоего пола набилось въ

тѣсное пространство между стѣною и крѣпкою дубовою рѣшеткою; это мѣсто было отведено для публики въ самомъ темномъ углу залы судебныхъ засѣданій въ Шатлэ. Публика всегда съ удовольствіемъ присутствовала при разнообразныхъ и подчасъ увеселительныхъ эпизодахъ разбирательства, чинимаго метромъ Флоріаномъ Барбдьёномъ, аудиторомъ суда Шатлэ и помощникомъ господина прево. Онъ переходилъ отъ гражданскихъ дѣлъ къ уголовнымъ и обратно, какъ попало, по вдохновенію, ничѣмъ не стѣсняясь.

Зала суда была небольшая, низкая и сводчатая. Въ глубинѣ ея находился столъ, украшенный изображеніями лилій, а передъ столомъ помѣщалось дубовое рѣзное кресло, которое въ эту минуту было пусто, такъ какъ сидѣть въ этомъ креслѣ имѣлъ право только главный судья. Налѣво отъ кресла была скамья, на которой возсѣдалъ аудиторъ Флоріанъ Барбдьёнъ; нѣсколько пониже, на другой скамьѣ, помѣщался секретарь суда, что-то строчившій. Публика сидѣла напротивъ стола, по ту сторону рѣшетки. Возлѣ дверей было выстроено нѣсколько сержантовъ суда, въ лиловыхъ камлотовыхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми крестами. Двое другихъ сержантовъ, въ красныхъ съ голубымъ камзолахъ, стояли на часахъ у низкой затворенной двери, виднѣвшейся въ глубинѣ залы позади стола. При блѣдномъ свѣтѣ январскаго утра, проникавшаго черезъ единственное стрѣльчатее окно, продѣланное въ толстой стѣнѣ, среди этой обстановки особенно выдѣлялись двѣ точно балаганныя фигуры: причудливый каменный демонъ, высѣченный въ самой серединѣ свода залы, и аудиторъ, сидѣвшій на скамьѣ, покрытой изображеніями королевскихъ лилій.

Въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ болѣе смѣшную фигуру, чѣмъ та, которая сидѣла за столомъ между двухъ кипъ бумагъ. Локтями эта фигура тяжело опиралась на столъ, а одна изъ ея ногъ покоилась на длинномъ шлейфѣ темнаго суконнаго платья. Голову фигуры украшала шапка, обшитая бѣлымъ барашкомъ; брови фигуры походили на два клочка мѣха, оторванныхъ отъ шапки; лицо было краснаго цвѣта; щеки лоснились отъ жира и граціозно висѣли по обѣимъ сторонамъ лица, почти сходясь у подбородка, а выпученные глаза постоянно мигали. Это былъ метръ Флоріанъ Барбдьёнъ, аудиторъ Шатлэ.

Вдобавокъ господинъ аудиторъ былъ глухъ. Но глухота, очевидно, не важный порокъ для судьи, потому что она нисколько не препятствовала метру Флоріану судить довольно здраво и постановлять безапелляціонные приговоры. Да оно и вѣрно: для судьи совершенно достаточно лишь показывать видъ, что онъ слушаетъ, а этому условію, которое одно только и существенно въ дѣлѣ правосудія, почтенный аудиторъ удовлетворялъ вполнѣ, такъ какъ его вниманіе не могло отвлекаться никакими посторонними звуками.

Впрочемъ, въ залѣ суда находился строгій контролеръ каждаго слова и движенія метра Флоріана—нашъ пріятель Жеганъ Фролло дю-Мулэнъ, этотъ безбородый школяръ и неутомимый пѣшеходъ, котораго всегда можно было встрѣтить гдѣ угодно, только не передъ профессорской каѳедрой.

— Смотри-ка,—шопотомъ говорилъ онъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Робену Пуспену, которому онъ взялся объяснять все, что происходило у нихъ передъ глазами,—вѣдь это Жеганетона дю-Буисонъ, красивая

дочка торговца съ Новаго Рынка. И этотъ старый хрычъ произноситъ надъ нею обвинительный приговоръ!.. Да у него нужно полагать, не только нѣтъ ушей, но даже и глазъ!.. Изволь теперь, бѣдняжка, платить пятнадцать су и четыре денье и только за то, что нацѣпила на себя пару четокъ. Дорогонько! Lex duri carminis. А это кто? Аа! Робенъ Шефъ-де Виль, кольчужный мастеръ... Съ него взимается пошлина „по случаю принятія его мастеромъ въ сказанный цехъ"... Плати!.. Э, да вотъ и двое дворянъ посреди этого сброда! Это оруженосцы Эгле де-Суанъ и Гютэнъ де-Мальи. Что это значитъ? А, вотъ что! Ихъ притянули за игру въ кости... Удивляюсь, какъ это нашъ ректоръ до сихъ поръ не попалъ сюда за эту же вину... Сто ливровъ парижской чеканки въ пользу короля? Здорово! Однако, этотъ Барбдьёнъ бьетъ съ плеча, какъ настоящій глухарь!.. Ну, я готовъ хоть сейчасъ превратиться въ своего почтеннаго братца, господина архидіакона, если это помѣшаетъ мнѣ играть въ кости. Я буду играть днемъ и ночью, стану жить за игрою и умру за игрою, предварительно спустивъ послѣ своей послѣдней рубашки и душу!.. Батюшки! сколько дѣвицъ-то!.. Смотри, смотри, такъ и валятъ одна за другой!.. Амбруаза Лекюеръ, Изабо ла-Пейнетъ, Берарда Жироненъ. Это все мои знакомыя... Ба! всѣ онѣ присуждаются къ штрафу... Вотъ то-то, голубушки! будете знать, какъ щеголять въ золотыхъ поясахъ, когда васъ каждый разъ заставятъ платить за это удовольствіе по десяти парижскихъ су... Ахъ, ты старая судейская морда! глупая, глухая башка! Флоріанъ-болванъ, дуракъ Барбдьёнъ!.. Ишь сидитъ за столомъ, какъ боровъ, и жретъ все, что ни попало: подсудимыхъ, дѣла— все чавкаетъ, скотина! Наколачиваетъ, наколачиваетъ себѣ брюхо, а все ему мало!.. Штрафы, пени, пошлины, судебныя издержки, протори и убытки, тюрьма, желѣзныя узы,— словомъ, весь адъ для подсудимыхъ, а для него это настоящія лакомства, все равно, что для другихъ святочные пряники или марципаны, которыми угощаютъ въ Ивановъ день... Ненасытный обжора!.. Ахъ, вотъ еще одна жрица любви! Сама Тибо ла-Тибодъ, собственною персоною... Ее привлекли за то, что она „вышла за границы улицы Глатиньи"... А это что за молодецъ? Ба! Жифруа Мабонъ, жандармъ изъ стрѣлковой команды... Онъ-то за что попался?.. А! „за произнесеніе всуе имени Божьяго"... Такъ!.. Къ штрафу ла-Тибодъ! къ штрафу и Жифруа!.. Ну, глухой тетеревъ, кажется, перепуталъ оба дѣла! Право, я готовъ побиться объ закладъ, что дѣвицу онъ приговорилъ къ штрафу за крѣпкое словцо, а жандарма— за легкое поведеніе!.. Ну, Робенъ Пуспенъ, будь теперь внимательнѣе! По всему видно, что ждутъ кого-то важнаго... Гляди, сколько собралось жандармовъ—чуть не со всего Парижа!.. Вся свора ищеекъ налицо... Навѣрное, дошла очередь до очень крупной дичи, въ родѣ кабана... И то кабанъ, настоящій кабанъ!.. Гляди-ка, Робенъ, гляди!.. Ба! да вѣдь это нашъ вчерашній владыка, нашъ папа шутовъ, нашъ звонарь, нашъ горбунъ, нашъ кривоглазый гримасникъ,—словомъ, — Квазимодо! Вотъ такъ штука!

Это, дѣйствительно, былъ Квазимодо.

Звонарь шелъ крѣпко связанный и окруженный сильнымъ конвоемъ, состоящимъ изъ городскихъ сержантовъ подъ предводительствомъ самого начальника ночной стражи, у котораго на груди былъ вышитъ французскій государственный гербъ, а на спинѣ — гербъ города Парижа. Впрочемъ, въ самомъ Квазимодо, если не считать его феноме-

нальнаго безобразія, не было ничего такого, что требовало бы особенныхъ предосторожностей. Онъ былъ, по обыкновенію, угрюмъ, безмолвенъ и спокоенъ. Лишь изрѣдка, украдкою, онъ бросалъ своимъ единственнымъ глазомъ гнѣвный взглядъ на веревки, которыми были скручены его руки.

Войдя въ залу, онъ осмотрѣлся вокругъ съ видомъ такой сонливости и тупости, что всѣ женщины невольно разсмѣялись, указывая на него другъ другу пальцами.

Въ это время метръ Флоріанъ внимательно перелистывалъ протоколъ, составленный по дѣлу Квазимодо и поданный аудитору секретаремъ суда.

Просмотрѣвъ этотъ протоколъ, судья помолчалъ съ минуту, какъ бы собираясь съ мыслями. Онъ всегда придерживался этой предосторожности прежде, чѣмъ приступить къ допросу. Ознакомляясь раньше съ именемъ, званіемъ и проступкомъ подсудимаго, аудиторъ пріискивалъ напередъ возраженія на отвѣты, которые ожидалъ по существу дѣла; такимъ образомъ, онъ почти всегда выпутывался изъ всѣхъ затрудненій допроса, не слишкомъ выдавая передъ присутствующими свою глухоту. Протоколы предварительнаго слѣдствія для него служили тѣмъ же, чѣмъ собака для слѣпого. Если ему иногда и случалось выдавать свой недостатокъ какимъ-нибудь неумѣстнымъ вопросомъ или замѣчаніемъ, то у однихъ это сходило за глубокомысліе, а у другихъ— за доказательство его глупости.

Въ томъ и другомъ случаѣ честь судебнаго сословія нисколько не страдала, потому что для судьи гораздо лучше прослыть за глубокомысленнаго или за глупаго человѣка, нежели за глухого. Итакъ, тщательно скрывая свою глухоту, онъ дѣлалъ это такъ успѣшно, что въ концѣ концовъ и самъ позабывалъ о своемъ недостаткѣ. Дойти до такого самообмана гораздо легче, чѣмъ думаютъ.

Всѣ горбуны ходятъ, высоко поднявъ голову, и воображаютъ себя высокими и прямыми; всѣ заики считаютъ себя великими ораторами, глухіе говорятъ чуть ли не шопотомъ, точно сами могутъ слышать тихій голосъ. Что же касается нашего аудитора, то онъ считалъ себя только нѣсколько „туговатымъ" на ухо. Это была единственная уступка общему мнѣнію, но и до нея онъ доходилъ только въ минуты откровенности и строгой провѣрки самого себя.

Такимъ образомъ, мысленно переваривъ какъ слѣдуетъ дѣло Квазимодо, метръ Флоріанъ откинулъ назадъ голову и прищурилъ глаза, чтобы придать себѣ болѣе внушительный и безпристрастный видъ, благодаря чему онъ въ эту минуту не только плохо слышалъ, но и плохо видѣлъ. Извѣстно, что только при соблюденіи этихъ двухъ условій и можно быть идеальнымъ судьею. Принявъ величественную позу, аудиторъ началъ свой допросъ:

— Ваше имя?

Но здѣсь возникло недоразумѣніе, не предусмотрѣнное закономъ: глухой сталъ допрашивать глухого, и печальныя послѣдствія столкновенія двухъ глухихъ, изъ которыхъ одинъ являлся въ роли подсудимаго, а другой — въ качествѣ судьи, не замедлили сказаться.

Не видя никакихъ признаковъ, по которымъ онъ могъ бы догадаться, что аудиторъ обратился къ нему съ вопросомъ, Квазимодо молчалъ, впиваясь своимъ единственнымъ глазомъ въ судью. Глухой же

судья, который тоже ничего не зналъ о глухотѣ подсудимаго, думалъ, что тотъ отвѣтилъ на вопросъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ подсудимые, и повелъ дальнѣйшій допросъ своимъ глухимъ монотоннымъ голосомъ, не теряя, впрочемъ, своего величія:

— Такъ... Ну, а сколько вамъ лѣтъ?

Квазимодо и на этотъ вопросъ отвѣтилъ молчаніемъ, а судья, въ полной увѣренности, что подсудимый уже отвѣтилъ, продолжалъ:

— Ваше званіе?

То же молчаніе со стороны подсудимаго. Публика начала насмѣшливо переглядываться и перешептываться.

— Довольно,— проговорилъ невозмутимый аудиторъ, когда, по его мнѣнію, подсудимый успѣлъ отвѣтить и на послѣдній вопросъ. — Вы обвиняетесь передъ судомъ: *primo*, (во-первыхъ),— въ учиненіи ночного буйства; *secundo* (во-вторыхъ),— въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ женщины легкаго поведенія, *in preajudicium meretricis; tertio* (въ третьихъ),— въ бунтѣ и неповиновеніи стрѣлкамъ, состоящимъ на службѣ его величества, нашего всемилостивѣйшаго короля. Отвѣчайте по всѣмъ этимъ пунктамъ обвиненія... Секретарь, вы записали предварительные отвѣты подсудимаго?

При этомъ вопросѣ по всей залѣ, начиная съ секретарской скамьи и кончая мѣстами для публики, пронесся такой дружный хохотъ, что даже глухой судья и глухой подсудимый не могли не замѣтить его. Квазимодо обернулся, презрительно поводя своимъ горбомъ, между тѣмъ, какъ судья, увѣренный, что хохотъ вызванъ какимъ-нибудь непочтительнымъ замѣчаніемъ подсудимаго по его адресу, чѣмъ объяснялось и презрительное движеніе Квазимодо, съ негодованіемъ воскликнулъ:

— За такой отвѣтъ, негодяй, тебя слѣдовало бы повѣсить!.. Знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь?

Эти слова аудитора подлили масла въ огонь и, конечно, не могли остановить взрыва общей веселости. Новая выходка судьи такъ поразила всѣхъ своей несообразностью, что даже сержанты, у которыхъ тупоуміе составляло своего рода необходимую принадлежность, не выдержали и дружно захохотали. Одинъ Квазимодо оставался серіознымъ, по той простой причинѣ, что онъ ровно ничего не понималъ изъ происходившаго вокругъ него. Что же касается судьи, то, раздражаясь все болѣе и болѣе, онъ нашелъ нужнымъ продолжать въ начатомъ имъ тонѣ, надѣясь нагнать этимъ страхъ на подсудимаго и оказать косвенное воздѣйствіе на публику, напомнивъ ей о должномъ уваженіи къ суду.

— Понимаешь ли ты, безсовѣстный и развращенный человѣкъ, — продолжалъ метръ Флоріанъ,— что ты позволяешь себѣ забываться передъ аудиторомъ суда Шатлэ, передъ сановникомъ, которому ввѣрено охраненіе порядка въ городѣ Парижѣ, передъ лицомъ, на которое возложены многотрудныя и важныя обязанности: преслѣдовать всѣ преступленія, проступки и непорядки; имѣть надзоръ за всѣми промыслами и ремеслами и не допускать монополій; содержать въ порядкѣ мостовую; пресѣкать злоупотребленія въ торговлѣ домашней птицей и дичью; слѣдить за правильной мѣрою дровъ; очищать городъ отъ нечистотъ и воздухъ отъ заразительныхъ болѣзней,— словомъ, неусыпно печься о благополучіи обывателей? И все это я долженъ дѣлать со-

вершенно безвозмездно; я не получаю за это ни жалованья ни какого-либо иного вознагражденія, даже не имѣю надежды на что-либо подобное!.. Такъ знай же, что я — Флоріанъ Барбдьёнъ, помощникъ самого господина прево, кромѣ того комиссаръ, слѣдователь, контролеръ и допросчикъ и пользуюсь одинаковыми правами во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ городскихъ, такъ и прочихъ.

Когда глухой обращается къ другому глухому, ему нѣтъ никакой надобности останавливать потокъ своихъ рѣчей, потому что его никто не перебиваетъ. Богъ знаетъ, когда окончилъ бы метръ Флоріанъ, разъ забравшись въ высшія сферы краснорѣчія, если бы въ эту минуту не отворилась низенькая дверь за судейскимъ столомъ и въ залу не вошелъ самъ господинъ прево.

При появленіи начальника, аудиторъ вскочилъ съ своего мѣста и сдѣлалъ довольно ловкій пируэтъ на каблукахъ, потомъ, обращаясь къ главному судьѣ, продолжалъ съ прежней горячностью:

— Монсиньоръ, я требую такого наказанія, какое вы найдете нужнымъ назначить для этого вотъ подсудимаго; онъ осмѣлился издѣваться надъ судомъ!

Выпаливъ задыхающимся голосомъ эти слова, онъ снова усѣлся на свое мѣсто, тяжело дыша и отирая крупныя капли пота, которыя выступили у него на лбу и градомъ скатывались на лежавшія передъ нимъ бумаги.

Мессиръ Робертъ д'Эстутвиль нахмурилъ брови и обратился къ подсудимому съ такимъ выразительнымъ, грознымъ жестомъ, что Квазимодо, несмотря на свою глухоту и тупость поневолѣ насторожилъ вниманіе.

— Отвѣчай, негодяй, — строго проговорилъ прево, — за какое преступленіе ты попалъ въ судъ?

Бѣдняку вообразилось, что судья спрашиваетъ, какъ его зовутъ, и потому онъ, прервавъ свое обычное молчаніе, отвѣтилъ хриплымъ горловымъ голосомъ:

— Квазимодо.

Отвѣтъ такъ плохо гармонировалъ съ вопросомъ, что въ публикѣ снова раздался оглушительный хохотъ. Мессиръ Роберъ, весь красный отъ гнѣва, внѣ себя крикнулъ:

— Какъ, негодяй, ты, кажется, вздумалъ потѣшаться и надо мною?!

— Я состою звонаремъ при соборѣ Богоматери, снова невпопадъ отвѣтилъ Квазимодо, думая, что судья спрашиваетъ объ его занятіи.

— А, ты состоишь звонаремъ! — продолжалъ прево, который, какъ мы уже говорили, въ этотъ день всталъ лѣвой ногой съ постели, а потому и безъ такихъ отвѣтовъ подсудимаго готовъ былъ вскипѣть гнѣвомъ каждую минуту. — Звонаремъ! Хорошо! Я прикажу задать тебѣ на парижскихъ перекресткахъ такого трезвона по спинѣ, что ты вѣкъ не забудешь этого!

— Если вы спрашиваете меня о моемъ возрастѣ, — невозмутимо продолжалъ Квазимодо, — то мнѣ въ Мартиновъ день, должно полагать, будетъ двадцать лѣтъ.

Это было уже слишкомъ. Прево окончательно вышелъ изъ себя.

— Ахъ, ты мерзавецъ! — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ, — такъ ты и надъ самимъ главнымъ судьей ужъ начинаешь издѣваться! Господа сержанты-жезлоносцы! отведите этого нахала на Гревскую площадь,

привяжите его тамъ къ позорному столбу и бейте плетью цѣлый часъ... Онъ у меня поплатится за свои дерзости!.. И объ этомъ приговорѣ объявить чрезъ глашатаевъ, въ сопровожденіи четырехъ присяжныхъ трубачей, по всѣмъ семи округамъ парижскаго виконтства!

Секретарь принялся писать письменный приговоръ.

— Чортъ возьми! вотъ это судъ, такъ судъ! — воскликнулъ изъ своего угла Жеганъ Фролло дю-Муленъ.

Прево вздрогнулъ и снова устремилъ на Квазимодо свой сверкающій взглядъ.

— Кажется, этотъ негодяй сказалъ „чортъ возьми?" — въ бѣшенствѣ прохрипѣлъ онъ. — Секретарь, прибавьте къ наложенному наказанію еще двѣнадцать парижскихъ денье штрафа за произношеніе бранныхъ словъ, и пусть половина этого штрафа пойдетъ въ пользу церкви св. Евстафія, къ которому я чувствую особенное уваженіе.

Черезъ нѣсколько минутъ приговоръ былъ готовъ. Содержаніе его было коротко и ясно. Въ то время обычаи парижскаго превотства и виконтства еще не были преобразованы президентомъ Тибо Бэллье и прокуроромъ Роже Бармомъ. Судопроизводство тогда не загромождалось еще тѣмъ дремучимъ лѣсомъ формальностей и крючкотворства, который эти юристы насадили въ немъ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Тогда все было просто, ясно и дѣлалось очень быстро. Правосудіе шло прямо къ цѣли, безъ всякихъ изворотовъ и обходовъ, такъ что во время самаго судопроизводства сразу можно было видѣть, къ чему будетъ присужденъ подсудимый: къ висѣлицѣ, позорному столбу или къ четвертованію. По крайней мѣрѣ, каждый сразу зналъ, что его ожидаетъ.

Секретарь подалъ приговоръ господину прево, который, скрѣпивъ его своею подписью и печатью, тотчасъ же вышелъ изъ залы, чтобы продолжать свой обходъ по другимъ отдѣленіямъ суда. Расположеніе духа, въ которомъ онъ удалился, было таково, что можно было ожидать значительнаго увеличенія населенія парижскихъ тюремъ въ этотъ день.

Жеганъ Фролло и Робенъ Пуспенъ потихоньку пересмѣивались между собою, между тѣмъ, какъ Квазимодо съ равнодушнымъ и недоумѣвающимъ видомъ озирался вокругъ.

Въ то время, когда метръ Флоріанъ пробѣгалъ глазами приговоръ и готовился, въ свою очередь, подписать его, въ секретарѣ суда шевельнулось чувство состраданія къ осужденному, и онъ, въ надеждѣ добиться смягченія приговора, наклонился къ самому уху аудитора и довольно громко сказалъ, указывая на Квазимодо:

— Вѣдь онъ глухой.

Секретарь предполагалъ, что эта общность физическаго недостатка расположитъ метра Флоріана въ пользу осужденнаго. Но аудиторъ, во-первыхъ, какъ мы уже сказали, вовсе не желалъ, чтобы другіе замѣчали его собственную глухоту, а, во-вторыхъ, онъ былъ такъ тугъ на ухо, что не разслышалъ ни одного звука изъ того, что ему сказалъ секретарь. Не желая, однако, показать этого, онъ съ апломбомъ проговорилъ:

— Вотъ какъ! Ну я не зналъ этого... Въ такомъ случаѣ прибавьте негодяю еще одинъ часъ наказанія у позорнаго столба.

И онъ подписалъ исправленный въ такомъ видѣ приговоръ.

— Славно! подѣломъ ему! — обрадовался Робенъ Пуспенъ, кототорый все еще не могъ позабыть тумакъ, полученный имъ наканунѣ отъ Квазимодо: — это научитъ его быть повѣжливѣе съ людьми.

II.

Крысиная нора.

Теперь мы попросимъ читателя вернуться съ нами на Гревскую площадь, которую мы оставили наканунѣ, чтобы вмѣстѣ съ Гренгуаромъ послѣдовать за Эсмеральдой.

Было десять часовъ утра. Вся площадь носила слѣды минувшаго празднества. Мостовая была усѣяна обрывками лентъ, оторванными отъ женскихъ одеждъ кусками матерій и отдѣлокъ, перьями отъ шляпъ, каплями воска отъ факеловъ и всевозможными другими остатками послѣ громаднаго народнаго сборища. Тамъ и тутъ еще бродили кучки зѣвакъ, расшевеливая ногами потухавшіе огни вчерашняго костра и любуясь фасадомъ Дома съ колоннами, который наканунѣ былъ такъ роскошно задрапированъ, а теперь щеголялъ одними гвоздями, которыми держалась драпировка. Посреди публики сновали продавцы сидра и пива со своими телѣжками. По всѣмъ направленіямъ площади шли дѣловые люди, спѣшившіе къ своимъ обязанностямъ. Торговцы переговаривались между собою изъ дверей своихъ лавокъ. Толковали о вчерашнемъ праздникѣ, о фламандскихъ послахъ, о Копенолѣ, о папѣ шутовъ. Каждый старался сообщить какой-нибудь курьезъ, и всѣ смѣялись наперерывъ другъ передъ другомъ. Вдругъ на площадь явились четыре конные сержанта и расположились у каждаго изъ четырехъ угловъ позорнаго столба. Появленіе ихъ привлекло со всѣхъ концовъ площади любопытныхъ, тотчасъ же обступившихъ позорный столбъ и добровольно обрекшихъ себя на продолжительную неподвижность и скуку въ надеждѣ насладиться зрѣлищемъ предстоящаго истязанія человѣка.

Если теперь читатель, полюбовавшись шумными, оживленными сценами, происходившими во всѣхъ концахъ площади, перенесетъ свой взоръ на старинный домъ полу-романской, полу-готической архитектуры, извѣстный подъ названіемъ „Роландовой Башни“ и занимающій западный уголъ площади, то онъ можетъ замѣтить на одномъ изъ угловъ фасада этого дома большой общественный требникъ съ роскошно разрисованными страницами. Этотъ требникъ защищенъ отъ дождя небольшимъ навѣсомъ, а отъ воровъ—рѣшеткой, не мѣшающей, однако, переворачивать въ немъ листы. Рядомъ съ требникомъ находится небольшое узкое окно стрѣльчатой формы, перегороженное двумя скрещивающимися желѣзными полосами. Окно выходитъ на площадь и служитъ единственнымъ отверстіемъ, пропускающимъ немного свѣта и воздуха въ тѣсную келью безъ дверей, продѣланную на одномъ уровнѣ съ мостовой въ стѣнѣ стараго зданія. Глубокая, мертвая тишина, постоянно царившая въ этой келліи, производитъ особенно сильное впечатлѣніе, потому что тутъ же, рядомъ съ нею, кипитъ жизнь одной изъ самыхъ людныхъ и шумныхъ площадей Парижа.

Эта келья уже около трехсотъ лѣтъ тому назадъ была прославлена мадамъ Роландою, владѣлицею Роландовой Башни. Роланда оплакивая своего отца, погибшаго въ одномъ изъ крестовыхъ походовъ, приказала

вырубить въ стѣнѣ своего дома келью и заперлась въ ней навсегда. Отъ всего своего роскошнаго жилища она оставила въ свое личное пользованіе только эту тѣсную комнатку, входъ въ которую приказала замуравить, оставивъ только небольшое окно; это окно она держала открытымъ круглый годъ лѣтомъ и зимою. Все свое имущество она раздала нищимъ. Двадцать лѣтъ дожидалась смерти неутѣшная дочь крестоносца въ этой каменной могилѣ, въ которую она заточила себя заживо. Дни и ночи она проводила въ молитвѣ, спала на кучѣ золы, не имѣя даже камня подъ головою, носила власяницу и питалась только тѣмъ хлѣбомъ и водою, которые ставились сострадательными прохожими на наружный выступъ ея окна. Раздавъ все, что имѣла, она сама стала существовать однимъ подаяніемъ. Передъ смертью, прежде чѣмъ перейти въ вѣчную могилу, она свою временную могилу завѣщала тѣмъ вдовамъ или осиротѣвшимъ дѣвушкамъ, которыя захотятъ, въ сильной скорби или раскаяніи, такъ же, какъ она, похоронить себя заживо, чтобы замаливать свои или чужіе грѣхи. На погребеніе умершей затворницы собралась вся голь и бѣднота того времени и съ честью проводила ее на вѣчный покой, напутствуя своими слезами и благословеніями. Но, къ величайшему удивленію и сожалѣнію бѣдняковъ, подвижница не удостоилась канонизаціи, какъ они ожидали, за неимѣніемъ протекціи при папскомъ дворѣ. Однако, тѣ изъ ея почитателей, которые отличались нѣкоторымъ вольнодумствомъ, утѣшались мыслью, что въ царствѣ небесномъ къ добровольной затворницѣ отнесутся лучше, чѣмъ въ Римѣ, а остальные довольствовались тѣмъ, что усердно молились за нее Богу. Большинство свято чтило ея память и благоговѣйно хранило остатокъ ея рубища. Городъ съ своей стороны устроилъ въ честь дѣвицы Роланды рядомъ съ ея кельей нишу для общественныхъ молитвъ. Это было сдѣлано съ той цѣлью, чтобы прохожіе останавливались въ этомъ мѣстѣ и читали молитву, которая могла бы навести ихъ на мысль о помощи затворницамъ, поселившимся въ кельѣ Роланды, чтобы онѣ не умерли съ голода, всѣми позабытыя.

Такого рода могилы посреди городовъ не были особенной рѣдкостью въ средніе вѣка. Очень часто на какой-нибудь людной улицѣ или среди шумнаго рынка, кишащаго народомъ, чуть не подъ ногами лошадей и колесами тележекъ продавцовъ, можно было замѣтить замурованную нору, нѣчто въ родѣ подвала или колодца, съ еле замѣтнымъ оконцемъ, задѣланнымъ желѣзною рѣшеткою. Въ такой норѣ добровольно проводило свой вѣкъ какое-нибудь человѣческое существо, оплакивая большое горе или отмаливая тяжкое преступленіе. Въ наше время подобное зрѣлище вызвало бы въ каждомъ улыбку сожалѣнія и множество размышленій, но тогда оно дѣйствовало на толпу иначе. Эта ужасная нора, служившая какъ бы промежуточнымъ звеномъ между домомъ и гробомъ, между городомъ и кладбищемъ; этотъ живой покойникъ, отрѣшенный навсегда отъ всякаго общенія съ живыми людьми; эта жизнь, догорающая во мракѣ, подобно лампѣ, въ которую больше не подливается масла; этотъ голосъ, неустанно твердящій слова молитвы въ четырехъ стѣнахъ каменнаго ящика; это тѣло, заточенное въ склепѣ, и вѣчное томленіе духа въ своемъ двойномъ заключеніи,— словомъ все, что намъ бросилось бы въ глаза, ускользало отъ вниманія современниковъ. Въ тѣ времена благочестивые люди не разсуждали и

не вдавались въ различныя тонкости. Въ подвигѣ благочестія они не разбирали всѣхъ частностей. Они брали фактъ цѣликомъ, высоко чтили подвигъ самоотреченія, преклонялись передъ нимъ, признавали его святымъ дѣломъ, но не анализировали тѣхъ страданій, съ которыми былъ сопряженъ этотъ подвигъ для того, кто его выполнялъ, и не особенно плакали надъ участью добровольнаго мученика. Отъ времени до времени они приносили ему корку хлѣба, заглядывали въ окошко, чтобы удостовѣриться, живъ ли онъ еще, но часто не знали даже имени затворника и едва ли могли сказать, сколько лѣтъ тому назадъ онъ обрекъ себя на медленную смерть въ своей норѣ. На разспросы постороннихъ о живомъ скелетѣ, похороненномъ въ подвалѣ, сосѣди просто отвѣчали, что это затворникъ или затворница, и больше ничего.

Въ тѣ времена на всѣ явленія жизни смотрѣли безъ всякихъ мудрствованій, безъ всякихъ преувеличеній, такъ сказать, простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Микроскопъ въ ту пору еще не былъ изобрѣтенъ ни для предметовъ міра вещественнаго ни для явленій міра духовнаго. Къ тому же, случаи подобнаго добровольнаго заточенія среди шумной жизни городовъ были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Не мало было такихъ келій и въ Парижѣ, и всѣ онѣ были почти всегда заняты. Да и само духовенство заботилось о томъ, чтобы кельи не пустовали, такъ какъ это было бы признакомъ оскудѣнія вѣры въ народѣ, и если не оказывалось налицо добровольныхъ подвижниковъ, то въ эти норы замуровывали прокаженныхъ. Кромѣ кельи въ Роландовой башнѣ, была другая такая же келья на Монфоконѣ, третья находилась близъ кладбища „Невинныхъ душъ“, а четвертая — не упомню гдѣ именно, кажется, въ стѣнѣ отеля Клишонъ. Нѣсколько такихъ же убѣжищъ было разбросано въ разныхъ другихъ мѣстахъ; преданія о нихъ сохранились до нашихъ дней, хотя самыя зданія, въ которыхъ они были устроены, уже давно не существуютъ. Въ кварталѣ Университета тоже были такія мѣста добровольнаго заточенія. На горѣ св. Женевьевы какой-то средневѣковой Іовъ цѣлыя тридцать лѣтъ распѣвалъ всѣ семь покаянныхъ псалмовъ, сидя на гноищѣ, въ какомъ-то колодцѣ. Окончивъ седьмой псаломъ, онъ тотчасъ же начиналъ опять первый. Особенно громко онъ пѣлъ по ночамъ „*Magna voce per umbras*“ Еще въ наши дни любителю, посѣщающему улицу „Говорящаго колодца“ на горѣ св. Женевьевы мерещится голосъ этого пѣвца.

Но возвратимся въ кельѣ Роландовой башни. Въ затворницахъ, желавшихъ занять эту келью, рѣдко бывалъ недостатокъ, поэтому она почти не пустовала, а если это и случалось, то не надолго, самое большее на годъ, на два. Не мало женщинъ оплакивало въ ней своихъ погибшихъ родныхъ, возлюбленныхъ, дѣтей, или свои прегрѣшенія. Парижскіе злоязычники, вмѣшивающіеся во все, даже и въ то, чего имъ не слѣдовало бы и касаться, утверждали, что менѣе всего въ этой кельѣ перебывало вдовъ.

По обычаю той эпохи, латинская надпись, вырѣзанная на стѣнѣ, прямо указывала грамотному прохожему на благочестивое назначеніе помѣщенія. Вообще вплоть до половины шестнадцатаго столѣтія еще сохранился обычай пояснять назначеніе зданій коротенькимъ изреченіемъ надъ его входомъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи и теперь можно прочесть надъ калиткою тюрьмы въ Турвильскомъ замкѣ надпись:

„*Sileto et spera*“. Въ Ирландіи, на щитѣ, которымъ украшены главныя ворота замка Фортескью, мы читаемъ: „*Forte scutum, salus ducum*“. Въ Англіи, надъ главнымъ входомъ гостепріимнаго замка графовъ Кауперъ, видимъ надпись: „*Tuum est*“. И это понятно: вѣдь въ тѣ времена каждое зданіе выражало собою какую-нибудь мысль.

Такъ какъ замуравленная келья Роландовой башни не имѣла двери, то надъ ея окномъ были вырѣзаны крупными романскими буквами слѣдующія два слова: „Tu, ora“.

Народъ, здравый смыслъ котораго не любитъ останавливаться на разныхъ тонкостяхъ и который не стѣсняется переводомъ словъ *Ludovico Magno* въ *Porte Saint-Denis*, прозвалъ этотъ темный, мрачный и сырой склепъ Крысиною норой. Названіе это если и не имѣло возвышеннаго смысла тѣхъ латинскихъ словъ, изъ которыхъ его передѣлали, за то было гораздо ȯбразнѣе [1]).

III.

Исторія маисовой лепешки.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, келья Роландовой башни была занята. Если читатель полюбопытствуетъ узнать, кѣмъ именно была занята эта келья, то пусть прислушается къ бесѣдѣ трехъ почтенныхъ кумушекъ, которыя, какъ разъ въ ту минуту, когда мы остановили вниманіе читателя на Крысиной норѣ, шли въ ея сторону, пробираясь отъ Шатлэ, вдоль рѣки, къ Гревской площади.

Двѣ изъ этихъ кумушекъ были одѣты какъ подобало настоящимъ парижскимъ гражданкамъ. Ихъ тонкія бѣлыя шемизетки, юбки изъ полосатой, красной съ голубымъ, шерстяной ткани, красиво облегавшіе ноги бѣлые чулки съ цвѣтными вышитыми стрѣлками, желтые кожаные башмаки съ квадратными вырѣзами и черными подошвами, а главное — ихъ головные уборы въ видѣ рога изъ блестящей мишуры, съ котораго спускалось множество лентъ и кружевъ, — указывали на ихъ принадлежность къ разряду тѣхъ богатыхъ купчихъ, которыя занимаютъ нѣчто среднее между тѣми, которыхъ лакеи называютъ просто женщинами, и тѣми, которыхъ они же величаютъ дамами. На нихъ не было надѣто ни золотыхъ колецъ ни крестовъ, но сразу замѣчалось, что онѣ отказываютъ себѣ въ удовольствіи щеголять такими украшеніями вовсе не изъ бѣдности, а просто изъ боязни штрафа [2]). Спутница этихъ купчихъ была одѣта приблизительно такъ же, какъ онѣ, но во всемъ ея нарядѣ и въ манерахъ было что-то такое, что прямо изобличало въ ней провинціалку. При одномъ взглядѣ на ея слишкомъ высоко подтянутый поясъ можно было понять, что она очень недавно пріѣхала въ Парижъ. Прибавьте къ этому шемизетку со складками, банты на башмакахъ, юбку съ поперечными, а не съ продольными полосами и множество другихъ тому подобныхъ отступленій въ ея нарядѣ отъ хорошаго вкуса, и вы вполнѣ убѣдитесь, что въ ея лицѣ имѣете дѣло съ провинціалкою.

---

[1]) *Tu, ora* буквально значитъ «Ты молись». Французы эти латинскія слова передѣлали въ *Trou aux rats*, т.-е. «Крысиная нора». *Прим. перев.*

[2]) Въ средніе вѣка воспрещалось, подъ опасеніемъ штрафа, простымъ людямъ носить на себѣ какія-либо драгоцѣнности. Этой привилегіей пользовались только знатныя особы. *Прим. перев.*

Купчихи шли той особенною походкою, которая свойственна только парижанкамъ, показывающимъ свою столицу пріѣзжей изъ какого-нибудь провинціальнаго захолустья. Пріѣзжая вела за руку толстаго мальчугана, державшаго въ рукѣ большую лепешку. Къ великому нашему прискорбію, мы должны сознаться, что этотъ толстый карапузъ, по случаю холодной погоды, вмѣсто носового платка, пользовался своимъ языкомъ.

Мальчикъ давалъ себя тащить *non passibus aequis*, какъ выражается Виргилій, и на каждомъ шагу спотыкался, при чемъ его мать тоже каждый разъ громко вскрикивала. Неловкость малыша происходила, вѣроятно, оттого, что онъ больше смотрѣлъ на свою лепешку, чѣмъ себѣ подъ ноги. Должно-быть, существовали какія-нибудь важныя причины, мѣшавшія ему приняться за истребленіе этой лепешки и заставлявшія его довольствоваться однимъ любовнымъ созерцаніемъ ея. Матери слѣдовало бы самой взять лепешку на свое попеченіе. Было слишкомъ большою жестокостью подвергать этого толстощекаго малыша мукамъ Тантала.

Между тѣмъ, всѣ три дамуазели (такъ назывались въ то время женщины недворянскаго происхожденія, въ отличіе отъ *дамъ* высшаго сословія) безъ умолка тараторили.

— Однако, намъ нужно поторопиться, дамуазель Магіета, — говорила, обращаясь къ провинціалкѣ, самая молодая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая толстая изъ кумушекъ. — Боюсь, мы опоздаемъ. Вѣдь въ Шатлэ говорили, что его сейчасъ же поведутъ къ позорному столбу.

— Ахъ, что вы, дамуазель Ударда Мюнье! — съ жаромъ возразила другая парижанка.—Развѣ вы не слыхали, что его продержатъ тутъ цѣлыхъ два часа? Времени у насъ вполнѣ достаточно... А вы видали когда-нибудь позорный столбъ, милая Магіета?

— Конечно, у насъ же, въ Реймсѣ, — отвѣчала Магіета.

— Ну, что за позорный столбъ можетъ быть у васъ въ Реймсѣ! Такъ какая-нибудь дрянная клѣтка, въ которой выставляютъ однихъ неотесанныхъ крестьянъ... Есть чѣмъ хвалиться!

— Крестьянъ! — съ негодованіемъ повторила Магіета. — Это на Суконномъ-то рынкѣ, въ Реймсѣ? Ну, нѣтъ, вы ошибаетесь, мы видали тамъ очень замѣчательныхъ преступниковъ, даже такихъ, которые убивали отца и мать!.. Крестьянъ!.. Да за кого же вы меня принимаете, милая Жерваза?

Очевидно, провинціалка была готова энергично вступиться за честь позорнаго столба своего родного города. Къ счастью, благоразумная Ударда Мюнье поспѣшила свернуть разговоръ на другую тему.

— Кстати, дамуазель Магіета, — сказала она, — какъ понравились вамъ наши фламандскіе послы? Бывали у васъ такіе въ Реймсѣ?

— Нѣтъ, надо сказать правду, что такихъ пословъ можно увидать только въ Парижѣ, — согласилась Магіета.

— А замѣтили вы между ними того высокаго и толстаго посла, который назвалъ себя хозяиномъ чулочнаго заведенія?

— Какже, какже, я и его видѣла! Онъ имѣетъ видъ настоящаго Сатурна, — отвѣтила провинціалка

— А того толстяка, у котораго лицо похоже на голое брюхо? — продолжала Жерваза. — И того низенькаго съ маленькими глазами и красными вѣками, который своей растрепанной головой такъ походитъ на кустъ репейника?

— Лучше всего мнѣ понравились ихъ лошади, — онѣ такъ красиво обряжены по модѣ ихъ страны, — замѣтила Ударда.

— Ахъ, моя милая! — воскликнула Магіета, въ свою очередь принимая видъ превосходства, что же вы бы сказали, если бы въ шестьдесятъ первомъ году, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, увидали лошадей принцевъ и королевской свиты у насъ, въ Реймсѣ, на коронаціи? Такіе тамъ были попоны и чепраки, — просто умопомрачительные!.. У однихъ они были изъ тончайшаго сукна или изъ золотэй парчи, обшитые соболями; у другихъ — бархатные съ горностаевой отдѣлкой; у нѣкоторыхъ такъ и горѣли золотомъ, а по угламъ мотались толстыя золотыя или серебряныя кисти... Какихъ страшныхъ денегъ все это должно было стоить... А если бы видѣли, какіе хорошенькіе пажи сидѣли на этихъ лошадяхъ.

— Все это можетъ быть, — сухо сказала Ударда. — А все-таки и у фламандцевъ лошади очень хороши и богато убраны, да и ужинъ вчера былъ заданъ посольству на славу въ ратушѣ господиномъ купеческимъ старшиною. Говорятъ, за столомъ подавали дражэ, пуншъ, разныя сласти и другія рѣдкости.

— Что вы, милая сосѣдка! — вскричала Жерваза: — да вѣдь фламандцы ужинали у кардинала, въ Маломъ Бурбонскомъ дворцѣ!

— Нѣтъ, они ужинали именно въ ратушѣ! — задорно возразила Ударда. — Еще докторъ Скурабль сказалъ имъ тамъ прекрасную латинскую рѣчь, которой они остались очень довольны. Я это знаю не отъ кого другого, а отъ своего мужа, который, какъ вы знаете, присяжный книготорговецъ.

— Нѣтъ, — упорствовала Жерваза, — они ужинали въ Маломъ Бурбонскомъ дворцѣ! Я это знаю навѣрное и даже могу пересчитать вамъ по пальцамъ все, что тамъ подавалось. Между прочимъ, посланный отъ кардинала поставилъ имъ двѣнадцать двойныхъ бутылей вина съ пряностями, бѣлаго, розоватаго и краснаго; двадцать четыре коробки самыхъ лучшихъ раззолоченныхъ ліонскихъ пряниковъ; столько же факеловъ, вѣсомъ въ два фунта каждый; полдюжины бѣлаго и краснаго боннскаго вина самаго лучшаго достоинства, и много другихъ хорошихъ вещей... Думаю, что я лучше другихъ должна это знать, мнѣ объ этомъ разсказывалъ мужъ, а онъ, какъ вамъ извѣстно, состоитъ пятидесятникомъ въ отрядѣ судебныхъ сержантовъ. Онъ у меня человѣкъ бывалый и обо всемъ имѣетъ полное понятіе. Онъ еще сегодня утромъ очень умно сравнивалъ фламандскихъ пословъ съ послами Огипа-Жана и императора требизондскаго, которые пріѣзжали изъ Месопотаміи въ Парижъ при послѣднемъ королѣ и носили въ ушахъ кольца.

— А все-таки фламандцы ужинали въ ратушѣ, — продолжала Ударда, нисколько не смущенная доводами Жервезы. — Это такъ же вѣрно, какъ и то, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ ратуша, никогда не видали такой пропасти жаркихъ и сластей.

— А я вамъ говорю, что они ужинали въ Маломъ Бурбонскомъ дворцѣ, — кипятилась Жерваза. — Навѣрное, васъ сбило съ толку слышанное отъ кого-то, что имъ прислуживалъ сержантъ городского управленія, Ле-Секъ, вотъ вы все и спутали.

— Нѣтъ, это вы путаете! Они ужинали въ ратушѣ.

— Въ Маломъ Бурбонскомъ дворцѣ, моя милая, въ Маломъ Бурбонскомъ! Я даже знаю, что слово „Надежда“, которое выбито надъ

главнымъ входомъ этого дворца, было иллюминовано волшебными фонарями.

— Въ ратушѣ, въ ратушѣ, говорю вамъ!.. Еще Гюссонъ-Ле-Вуаръ игралъ тамъ на флейтѣ во время ужина.

— Говорю вамъ — нѣтъ!

— А я вамъ говорю — да!

— Да нѣтъ же, нѣтъ!

Толстая Ударда собиралась еще что-то отвѣтить болѣе рѣзкое, и споръ угрожалъ перейти въ крупную ссору, которая могла кончиться потасовкою, если бы въ эту критическую минуту Магіета не воскликнула:

— Смотрите, смотрите, сколько собралось народу въ концѣ моста!.. Тамъ что-то случилось... Видите, какъ всѣ столпились?

— И то правда, — сказала Жервеза. — Слышите, бубенъ?.. Э, да тамъ, должно-быть, маленькая Эсмеральда со своей козой... Ну, милая Магіета, прибавьте шагу да и сынишку заставьте итти попроворнѣе... Вѣдь вы пріѣхали, чтобы ознакомиться со всѣмъ, что есть интереснаго у насъ, въ Парижѣ. Вчера вы видѣли нашихъ фламандскихъ пословъ, а сегодня вамъ надо посмотрѣть цыганку.

— Цыганку? — повторила Магіета, энергично прокладывая себѣ путь локтями и крѣпко сжимая руку ребенка. — Нѣтъ, сохрани меня Господи! Она еще украдетъ у меня мальчика!.. Пойдемъ же скорѣе, Эсташъ! — торопила она мальчугана, который чуть не плакалъ, едва поспѣвая за нею.

И она бѣгомъ пустилась вдоль набережной по направленію къ Гревской площади. Магіета бѣжала до тѣхъ поръ, пока далеко не оставила за собою мостъ. Наконецъ, Эсташъ отъ усталости упалъ на колѣни, и она сама, вся запыхавшись, остановилась. Ударда и Жерваза вскорѣ догнали ее.

— Съ чего вамъ пришло въ голову, что эта цыганка можетъ украсть у васъ ребенка? — спросила Жерваза. — Какая дикая фантазія!

Магіета молча и съ задумчивымъ видомъ покачала головой.

— Странно! — замѣтила Ударда. — Вѣдь вотъ и затворница то же самое говоритъ о цыганкахъ.

— Какая затворница? — спросила Магіета.

— Да сестра Гудула, — отвѣтила Ударда.

— А кто же такая эта сестра Гудула?

— Вотъ и видно, что вы только что пріѣхали изъ вашего Реймса! — воскликнула Ударда. — Не знать, кто такая сестра Гудула?.. Да вѣдь это затворница Роландовой башни.

— А, — догадалась, наконецъ, Магіета, — такъ это та самая, которой мы несемъ лепешку?

Ударда утвердительно кивнула головою и сказала:

— Ну, да, та самая. Вы сейчасъ ее увидите у окошечка ея кельи, — оно выходитъ прямо на площадь... Да, она думаетъ то же, что и вы, объ этихъ египетскихъ бродягахъ, которые бьютъ въ бубенъ и предсказываютъ судьбу. Никто не знаетъ, почему затворница такъ ненавидитъ этихъ цыганъ. Но вы-то, милая Магіета, почему такъ испугались одного упоминанія о цыганкѣ?

— Ахъ! — вскричала Магіета, обхватывая обѣими руками бѣлокурую головку своего ребенка, — я не хочу, чтобы со мной случилось то же самое, что было съ Пакеттой Шантфлёри.

— Э, да это, кажется, пахнетъ цѣлой исторіей! Вы намъ разскажете ее, не такъ ли, милая Магіета? — проговорила Жерведа, взявъ пріѣзжую подъ руку.

— Пожалуй, разскажу,— согласилась провинціалка. — Но вотъ сейчасъ видно, что и вы дальше своего Парижа нигдѣ не бывали, если даже ничего не слыхали о Пакеттѣ... Такъ вотъ... Да что же мы остановились? Развѣ я не могу разсказывать на ходу?.. Ну, такъ вотъ, нужно вамъ сказать, что Пакетта Шантфлёри была красивой восемнадцатилѣтней дѣвушкою какъ разъ въ то время, когда я была такою же, то-есть, восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Если изъ нея теперь не вышло такой же здоровой, свѣжей женщины, имѣющей мужа и ребенка, какъ я, то она сама виновата... Впрочемъ, ей уже съ четырнадцати лѣтъ поздно было думать о замужествѣ... Отца ея звали Гиберто. Онъ былъ реймскимъ судовымъ менестрелемъ,— тѣмъ самымъ, который имѣлъ счастье играть и пѣть передъ самимъ королемъ Карломъ VII, когда король, во время празднествъ по случаю своей коронаціи, катался въ лодкѣ по нашей рѣкѣ Велѣ, отъ Сильери до Мюизона. Сама Дѣвственница [1]) была вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ. Гиберто — онъ былъ тогда уже старикомъ,— умеръ, когда Пакетта была еще ребенкомъ. У нея, такимъ образомъ, осталась только мать, которая была сестрою господина Прадона, мастера мѣдныхъ и котельныхъ издѣлій, жившаго въ Парижѣ, въ улицѣ Паренъ-Гарленъ. Онъ умеръ только въ прошломъ году. Какъ видите, жена Гиберто происходила изъ хорошаго рода и вдобавокъ была доброю женщиною, но на свою бѣду она ничему не научила Пакетту, кромѣ вышиванія золотомъ и бисеромъ разныхъ бездѣлушекъ. Ну, такъ вотъ дѣвочка и росла, а достатковъ не прибавлялось. Жили онѣ вдвоемъ съ матерью въ Реймсѣ, у самой рѣки, въ улицѣ Фоль-Пенъ. Запомните себѣ это: мнѣ думается, что отъ этого и произошло все несчастье Пакетты. Въ шестьдесятъ первомъ году, когда нашъ король Людовикъ одиннадцатый — да хранитъ его Богъ! вступилъ на престолъ, Пакета была такая хорошенькая и веселенькая рѣзвушка, что ее прозвали Шантфлери... [2]) Зубы у нея были точно жемчугъ, и она то и дѣло смѣялась, чтобы похвалиться ими. А это ужъ извѣстно, что когда дѣвушки много смѣются, значитъ готовятъ себѣ ручьи слезъ въ будущемъ; прекрасные зубы губятъ прекрасные глаза... Такъ вотъ какая была эта Пакетта Шантфлёри... Жить имъ съ матерью было очень трудно. Менестрель-то имъ ничего не оставилъ послѣ себя, кромѣ своей памяти. Своими бездѣлушками онѣ зарабатывали не больше шести денье въ недѣлю, стало-быть, каждая меньше двухъ ліардовъ. Развѣ такія были у нихъ средства при жизни Гиберто? Онъ во время коронаціи однѣми своими пѣсенками заработалъ двѣнадцать парижскихъ су... Итакъ, вотъ, въ одну очень холодную зиму.. это случилось какъ разъ въ шестьдесятъ первомъ году... у нихъ не было ни одной хворостинки, чтобы протопить себѣ печку. Отъ холода у бѣдной Шантфлёри такъ зарумянились щечки, что мужчины больше прежняго стали на нее заглядываться. Тутъ-то и стряслась бѣда. Въ эту самую зиму она и сгубила себя... Эсташъ, ты, никакъ собираешься приняться за лепешку? Смотри у меня!.. Мы тогда же всѣ сразу поняли, что она

---

[1]) Орлеанская дѣва. *Прим. перев.*
[2]) *Chantefleurie* значитъ „цвѣтущая". *Прим. перев.*

пропала, когда она въ одно воскресенье пришла въ церковь съ золотымъ крестикомъ на шеѣ. Это въ четырнадцать-то лѣтъ, а? Началось съ виконта де-Кормонтрёля, у котораго есть замокъ въ трехъ четвертяхъ льё отъ Реймса. Потомъ на его мѣсто явился мессиръ Анри де-Тріанкуръ, королевскій всадникъ. Послѣ него она перешла къ сержанту Шіару де-Больону. Потомъ она начала опускаться все ниже и ниже и попала сначала къ Гери Обержону, который былъ лакеемъ при королевскомъ столѣ, затѣмъ къ Масэ де-Фрепюсу, цирюльнику дофина; потомъ сошлась съ Тевененомъ ле-Муэномъ, королевскимъ поваромъ, пока, наконецъ, переходя все къ болѣе старымъ и менѣе благороднымъ, не попала въ руки Гильома Расина, менестреля-сказочника, а ужъ отъ него прямо къ фонарщику Тьери де-Меру. Вообще бѣдняжка въ концѣ концовъ пустилась, какъ говорится, во всѣ тяжкія, и въ одинъ годъ дошла до того, что во время коронаціи нашего благочестиваго короля попала вовсе на улицу... вы понимаете?.. Прямо жалко было смотрѣть!

Магіета глубоко вздохнула и утерла слезы, навернувшіяся у нея на глаза.

— Ну, эта исторія самая обыкновенная,— замѣтила Жервеза.— Мы думали, вы намъ поразскажете что-нибудь о цыганкахъ, которыя воруютъ дѣтей...

— Погодите, — продолжала Магіета, — дойдетъ и до этого. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, въ день святого Павла, будетъ ровно шестнадцать лѣтъ, какъ Пакетта родила дѣвочку. Это, стало-быть, случилось въ шестьдесятъ шестомъ году... Бѣдняжка была ужасно рада этому, потому что давно ужъ желала имѣть ребенка. Мать ея, эта простушка, которая во всю свою жизнь только и умѣла, что закрывать на все глаза, закрыла ихъ въ то время уже навѣки, такъ что Пакеттѣ некого было больше любить, точно такъ же, какъ некому было приласкать и самое ее. Со времени ея первой бѣды прошло пять лѣтъ. Жизнь ея была такъ плоха, что и сказать нельзя. Она осталась на свѣтѣ одна, какъ перстъ. Всѣ только и знали, что срамить ее; на улицахъ ей не давали прохода, городская стража ее колотила, мальчишки бросали въ нее грязью и насмѣхались надъ нею. И потомъ ей вѣдь стукнуло уже двадцать лѣтъ, а это для такихъ женщинъ, какъ она, чуть не старость. Отъ своего уличнаго промысла она получала не больше того, что въ прежнее время зарабатывала иголкою. Каждая лишняя морщинка на лицѣ убавляла ея заработокъ. Зимою она постоянно дрогла отъ холода, потому что нечѣмъ было топить печь, ѣсть тоже приходилось не каждый день; у нея часто не было даже корки хлѣба. Работать она больше не могла, потому что, пустившись гулять, облѣнилась... Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что она и загуляла-то отъ того, что всегда была лѣнива... Священникъ церкви Сенъ-Реми говоритъ, что такія женщины въ старости больше другихъ страдаютъ отъ холода и голода...

— Все это прекрасно, — перебила Жервеза, — но гдѣ же цыганки?

— Ахъ, какая вы нетерпѣливая! — воскликнула болѣе степенная Ударда.— Дайте же ей разсказать все по порядку. Не съ конца же начинать вамъ... Продолжайте, Магіета, вы такъ интересно разсказываете... Что же было дальше съ этой бѣдной Шантфлёри?

Польщенная похвалою Ударды, провинціалка продолжала:

— Она никакъ не могла выбиться изъ нужды и плакала такъ, что всѣ щечки свои избороздила горючими слезами. Но среди своего одиночества, срама и позора ей казалось, что она не будетъ такой одикой, опозоренной и отверженной, если кого-нибудь полюбитъ чистой любовью и такой же любовью будутъ отвѣчать ей. И ей захотѣлось имѣть ребенка, который, по своей ангельской невинности, могъ бы дать ей эту любовь. Она поняла это послѣ того, какъ сошлась съ однимъ воромъ, который, какъ ей казалось, изъ одной благодарности долженъ былъ искренно привязаться къ ней. Но черезъ нѣсколько времени она замѣтила, что и воръ ничего не чувствуетъ къ ней, кромѣ презрѣнія... А между тѣмъ, именно такимъ несчастнымъ женщинамъ и необходима какая-нибудь сильная привязанность, чтобы наполнить ихъ сердце: если не любовникъ, то хоть ребенокъ. Безъ этого имъ ужъ слишкомъ тяжело жить. Не находя вѣрнаго любовника, она горячо стала желат ребенка, а такъ какъ она всегда была набожною, несмотря на свою грѣшную жизнь, то постоянно просила Бога полать ей хотя это утѣшеніе. Но вотъ Господь сжалился надъ нею и послалъ ей дочку. Трудно описать, какъ она была рада этому! Бѣдняжка чуть не зацѣловала и не заласкала до смерти своего ребенка и обливала его слезами радости. Она сама стала кормить свою дочку и надѣлала ей пеленокъ изъ своего единственнаго старенькаго одѣяла. Отъ счастья она не чувствовала ни холода ни голода; она даже опять похорошѣла и точно помолодѣла. Это, впрочемъ, всегда такъ: даже старая дѣвушка бываетъ молодой матерью. Опять нашлись за нею ухаживатели, да еще такіе, которые стали ей хорошо помогать. Но она почти всѣ деньги, добытыя грѣхомъ, употребляла на то, чтобы нашивать дочкѣ разныхъ шелковыхъ шапочекъ, передничковъ съ кружевцами, хорошенькихъ платьицъ и разныхъ другихъ бездѣлушекъ, а сама такъ и оставалась безъ одѣяла. Итакъ, вотъ... Эсташъ! я ужъ говорила тебѣ, чтобы ты не смѣлъ ѣсть этой лепешки!.. Итакъ, вотъ маленькая Агнеса... Этимъ именемъ Шантфлёри назвала свою дочку, фамиліи же она не могла ей дать, потому что забыла даже свою собственную... Ну, вотъ, я и говорю, что маленькая Агнеса всегда была такая нарядная, что ее не стыдно было бы взять на руки хоть принцессѣ... Недаромъ Шантфлёри умѣла вышивать и для дочки, конечно, не лѣнилась. Между прочимъ, у дѣвочки была пара такихъ башмачковъ, какихъ, я думаю, не было и у самого нашего короля въ дѣтствѣ. Мать сама ихъ и сшила изъ розовой шелковой матеріи и украсила разными блестками и золотыми шнурочками. Обойди, кажется, весь свѣтъ, а лучшихъ башмачковъ не найдешь. Величиною они были не длиннѣе моего большого пальца, а дѣвочкѣ приходились какъ разъ впору. Поэтому можно себѣ представить, какія крошечныя ножонки были у Агнесы! А какъ онѣ были хороши, просто заглядѣнье! пухленькія и розовенькія, такъ что ихъ даже трудно было отличить отъ розовыхъ башмачковъ... Когда у васъ будутъ дѣти, милая Ударда, вы поймете, что нѣтъ ничего прелестнѣе дѣтскихъ рученокъ и ноженокъ...

— Ахъ! — со вздохомъ произнесла Ударда, — я только и мечтаю о ребенкѣ, но Богъ не даетъ мнѣ дѣтей.

— Но у дочки Пакетты, — продолжала Магіета, — были хороши не однѣ ножки. Я видѣла ее, когда ей было всего четыре мѣсяца, и могу сказать, что она выглядѣла настоящимъ ангелочкомъ. Глаза у нея

были больше ротика, и вся головка уже покрывалась тонкими черными вьющимися волосиками. Шестнадцати лѣтъ она была бы такой красавицей, что другой подобной ей не сыскать бы во всемъ свѣтѣ. Мать съ каждымъ днемъ все больше и больше сходила съ ума по своей дочкѣ. Только и знала, что возиться съ дѣвочкою: мыла, чесала, наряжала, кормила, ласкала и баловала ее по цѣлымъ днямъ. Отъ счастья она не знала какъ благодарить Бога. Особенно восхищалась она розовыми ножками дочки; никакъ не могла на нихъ налюбоваться и безпрестанно ихъ цѣловала, чуть не готова была съѣсть ихъ. Сто разъ въ день она то обувала, то разувала эти ножки, восторгалась ими, разглядывала ихъ на свѣтъ и едва не плакала отъ жалости, когда дѣвочка начала пробовать переступать ими по постели. Однимъ словомъ, счастливая мать не полѣнилась бы, кажется, всю жизнь простоять на колѣняхъ передъ ножками дочери, точно передъ какою-нибудь святыней, и все время обувать, разувать и цѣловать ихъ...

— Все это очень хорошо, — проворчала снова Жерваза, — а цыганокъ-то я все-таки еще не вижу.

— Погодите, сейчасъ будутъ и онѣ, — сказала разскавчица и продолжала: — Въ одинъ прекрасный день въ Реймсъ прибыли какіе-то странные всадники, не то нищіе, не то бродяги, шлявшіеся по странѣ подъ предводительствомъ своихъ старшинъ. Лица у нихъ были смуглыя, волосы—курчавые, а въ ушахъ блестѣли большія круглыя серебряныя серьги. Женщины ихъ были еще хуже мужчинъ: почти совсѣмъ черныя, безъ покрываль, въ драныхъ юбчонкахъ и какихъ-то дерюгахъ на плечахъ; волосы у нихъ были распущены по плечамъ на манеръ лошадиной гривы. Дѣти ихъ, цѣплявшіяся за подолы матерей, совсѣмъ смахивали на обезьянъ. Словомъ, — это была настоящая шайка нехристей. Какъ мы потомъ узнали, вся эта нечисть пожаловала въ Реймсъ прямо изъ Египта черезъ Польшу. Говорили, что они были на исповѣди у папы, и тотъ наложилъ на нихъ эпитемію, чтобы они семь лѣтъ подъ рядъ странствовали по бѣлу свѣту и во все это время не спали ни одной ночи на постели. Поэтому они сами называли себя кающимися, и отъ нихъ, ужасъ какъ, несло какою-то вонью. Кажется, они когда-то были сарацынами и поэтому, конечно, должны были вѣрить въ Юпитера... Вдобавокъ они брали по десяти турскихъ ливровъ со всѣхъ архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ, имѣвшихъ митры и кресты. Говорили, что это имъ было разрѣшено папой. Въ Реймсъ они притащились затѣмъ, чтобы предсказывать судьбу отъ имени алжирскаго короля и германскаго императора. Такъ какъ имъ было воспрещено пребываніе въ самомъ городѣ, то вся ихъ ватага расположилась станомъ за стѣнами города, у Бренскихъ воротъ, на пригоркѣ, гдѣ стоитъ мельница, рядомъ съ старыми каменоломнями, въ которыхъ когда-то добывали мѣлъ. Понятно, чуть не весь Реймсъ поспѣшилъ къ этимъ предсказателямъ. Они глядѣли людямъ на руки и предсказывали такія чудеса, что просто можно было сойти съ ума, если повѣрить имъ. Кажется, сунь имъ самъ Іуда-предатель свою нечестивую ручищу, они и ему предсказали бы, что онъ будетъ папой. Это, впрочемъ, все было бы еще ничего, но про нихъ ходила дурная молва: поговаривали, будто они похищаютъ дѣтей, воруютъ у ротозѣевъ кошельки и ѣдятъ человѣческое мясо. Все это, однако, никого не останавливало ходить къ нимъ. Даже тѣ, которые удерживали другихъ, сами украдкою бывали

у нихъ. Всѣ словно очумѣли отъ близости этихъ колдуновъ!.. Впрочемъ, это было неудивительно: черномазая нечисть предсказывала всѣмъ такія вещи, что любой кардиналъ, и тотъ бы потерялъ голову. Всѣ матери совсѣмъ рехнулись отъ гордости, послѣ того, какъ цыганки вычитали на рукахъ ихъ дѣточекъ всякія умопомрачительныя вещи, написанныя будто бы на дѣтскихъ ручкахъ по-язычески и по-турецки. У одной сыночку суждено, вишь, быть императоромъ, у дру-

Двѣ изъ этихъ кумушекъ были одѣты, какъ подобало настоящимъ парижскимъ гражданкамъ.

гой — папой, у третьей — великимъ полководцемъ, который побѣдитъ весь міръ. И все въ такомъ духѣ. Несчастную Шантфлёри тоже разобрало любопытство: захотѣлось и ей узнать, не сдѣлается ли и ея хорошенькая дочка когда-нибудь армянской императрицею или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого. Вотъ и она бросилась со своей дѣвочкой къ цыганкамъ. Онѣ превозносили ребенка до небесъ за его красоту и чуть не прикладывались къ нему своими черными губами. Разумѣется, мать и

уши развѣсила. Ножки и башмачки дѣвочки, которой тогда еще не было и года, хитрыя цыганки нашли такими восхитительными, какихъ, по ихъ словамъ, не было ни у одного ребенка въ свѣтѣ да и не будетъ. Дѣвочка что-то лепетала, заливалась смѣхомъ, глядя на мать, и хлопала ручонками. При этомъ она была такая пухленькая, румяная и быстроглазая и дѣлала такую уморительную рожицу, что на нее и, правда, нельзя было достаточно налюбоваться. Наконецъ, дѣвочкѣ сдѣлалось скучно или страшно отъ обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ цыганокъ: она громко заплакала и начала отбиваться отъ нихъ. Но мать живо успокоила ее поцѣлуями и ушла съ нею, не помня себя отъ радости, когда ворожеи предсказали ей, что ея дѣвочка будетъ невиданной красавицей, умницей и сдѣлается впослѣдствіи королевою. Бѣдная Шантфлёри, сама не своя отъ гордости, что несетъ на рукахъ будущую королеву, не помнила, какъ вернулась въ свою бѣдную каморку въ улицѣ Фольпенъ. На другой день она улучила минутку, когда Агнеса спала на ея кровати, куда она всегда клала ее, и побѣжала къ сосѣдкѣ въ улицу Сешри похвалиться, что настанетъ день, когда ея Агнесѣ будутъ прислуживать за столомъ даже такія лица, какъ англійскій король и эѳіопскій эрцгерцогъ, и вообще кучу разныхъ чудесъ. Не слыша крика ребенка, когда, вернувшись отъ сосѣдки, она стала подниматься къ себѣ наверхъ, Пакетта подумала, что дѣвочка все еще спитъ, и была очень этимъ довольна. Ее удивило только то, что она нашла дверь кbморки отворенною настежь, тогда какъ она оставила ее затворенною. Она поспѣшно вошла въ каморку и бросилась къ кровати. Кровать оказалась пустою: вмѣсто ребенка на ней лежалъ одинъ изъ его розовыхъ башмачковъ. Можете себѣ представить, что послѣ этого было съ несчастной матерью! Какъ безумная, она бросилась вонъ изъ дому, вихремъ слетѣла съ высокой и крутой лѣстницы и стала колотиться головой объ стѣну, крича не своимъ голосомъ: „Дитя мое... У кого мое дитя? Кто взялъ мое дитя?“ Въ домѣ въ это время не было ни души. Пакетта побѣжала по улицѣ и стала тамъ кричать то же самое; но улица была пуста, и никто не могъ ей ничего сказать, куда дѣвалась ея дѣвочка. Несчастная мать обѣгала весь городъ, заглядывала во всѣ встрѣчные дворы, совалась во всѣ двери и окна, какъ разъяренная тигрица, у которой отняли дѣтеныша. Растрепанная, съ искаженнымъ лицомъ, запыхавшаяся, съ сухими горящими глазами, она имѣла такой страшный видъ, что отъ нея всѣ въ испугѣ пятились. А между тѣмъ, она останавливала всѣхъ встрѣчныхъ и со слезами приставала къ нимъ: „Гдѣ моя дочь?.. Отдайте мнѣ мою маленькую хорошенькую дѣвочку... Кто мнѣ вернетъ мою дочь, я буду его слугою... даже слугою его собаки... Если нужно, я свое сердце отдамъ на съѣденіе этой собакѣ!..“ Но никто не могъ утѣшить ее. Наконецъ, Пакетта встрѣтила священника церкви Сенъ-Реми и сказала ему: „Господинъ кюрэ, я готова простыми руками копать вамъ землю, только помогите мнѣ найти мою дѣвочку!“ Это было ужасно, увѣряю васъ, Ударда. Даже прокуроръ Понсъ Лакабръ, и тотъ заплакалъ, глядя на обезумѣвшую отъ горя мать, а ужъ на что, кажется, онъ былъ черствъ сердцемъ... Только поздно вечеромъ вернулась она домой и узнала отъ сосѣдки, что пока она бродила по городу, въ ея каморку потихоньку пробрались двѣ цыганки, одна изъ нихъ несла въ рукахъ какой-то свертокъ. Немного погодя, эти цыганки торопливо спустились

внизъ и какъ только вышли на улицу, такъ и исчезли, словно провалились сквозь землю; послѣ этого изъ каморки Пакетты сталъ слышаться пискъ ребенка. Выслушавъ это, Пакета радостно засмѣялась и мигомъ взбѣжала къ себѣ наверхъ. Она съ такою силою толкнула ветхую дверь, что та затрещала. Она бросилась въ свою каморку... Ахъ, милая Ударда, страшно даже сказать, что она тамъ увидала... Вмѣсто вымоленной у Бога своей красавицы-дочки, этой бѣленькой, румяной и пухленькой дѣвочки, съ громадными ясными глазами и кудрявыми волосами, на полу ползалъ какой-то безобразный уродецъ, кривой, горбатый, колченогій,— вообще такое страшилище, что и вообразить себѣ трудно... Ползаетъ, какъ слѣпой щенокъ, и пищитъ самымъ отчаяннымъ образомъ... Пакета, какъ только взглянула на этого уродца, такъ и взревѣла отъ горя и страха. „Господи! — кричала она,— неужели злыя колдуньи обратили мою дѣвочку въ этого страшнаго звѣреныша?..“ Прибѣжали сосѣдки, увидали въ чемъ дѣло и скорѣе унесли уродца: онѣ боялись, что Пакетта сойдетъ съ ума, глядя на него... Всѣ поняли, что это отродье самого нечистаго и какой-нибудь цыганки, подмѣнившей имъ хорошенькую Агнесу. На видъ уродцу было года четыре и онъ все бормоталъ что-то непонятное,— знать, на чортовскомъ языкѣ. Пакетта бросилась на башмачокъ, который ей остался въ воспоминаніе о дочкѣ. Долго она лежала ничкомъ на кровати, прижавъ башмачокъ къ своей груди. Она лежала не шевелясь, молча, даже безъ слезъ и точно не дыша. Думали ужъ, не умерла ли она. Вдругъ она задрожала, поднялась, и, не переставая осыпать поцѣлуями башмачокъ, такъ принялась голосить, что у насъ сердце разрывалось на части. Я была при этомъ вмѣстѣ съ другими сосѣдками, и мы всѣ тоже навзрыдъ ревѣли отъ жалости къ ней. Помолчитъ-помолчитъ она съ минуту, да какъ вдругъ опять завопитъ: „Дочка моя! милая моя, дорогая дѣвочка! гдѣ ты? Куда ты скрылась отъ своей бѣдной мамы?“ — такъ у насъ морозъ по кожѣ и пробѣжитъ — до того она жалостно кричала... Я и сейчасъ готова плакать, какъ только вспомню объ этомъ... Вѣдь дѣти-то наши — мозгъ костей нашихъ, каково же ихъ лишиться?.. О, мой милый Эсташъ, что бы я стала дѣлать безъ тебя?.. Если бы вы знали, какой онъ у меня умникъ! Вчера еще говоритъ мнѣ: „Мама, я хочу быть жандармомъ...“ Ахъ, ты ангелочекъ мой славный! никуда я тебя не отпущу отъ себя... Но я продолжаю о Пакеттѣ. Какъ только она пришла немного въ себя, сейчасъ же вскочила и выбѣжала на улицу. Тамъ она принялась кричать отчаяннымъ голосомъ: „Бѣжимъ въ цыганскій таборъ... Зовите сержантовъ! Нужно сжечь этихъ проклятыхъ вѣдьмъ!“ Многіе и, правда, бросились въ таборъ, а его ужъ и слѣдъ простылъ. Наступила ночь, и такая темная, что хоть глазъ выколи. Разыскивать колдуновъ нечего было и думать. На другой день, неподалеку отъ Реймса, на пустоши между Гё и Тиллуа, нашли слѣды отъ большого костра, ленточки отъ наряда Агнесы, капли крови и разную дрянь. Наканунѣ была суббота, поэтому всѣ догадались, что цыгане справляли въ этой пустоши свой шабашъ и сожрали дочку Пакетты въ компаніи съ Веельзевуломъ, какъ это водится у магометанъ. Когда Пакетта узнала про всѣ эти ужасы, она не проронила не слезинки, а только все шевелила губами, словно хотѣла что-то сказать, но не могла. На другое утро она оказалась вся сѣдая, а на третій день пропала безъ вѣсти изъ города...

— Да, это, дѣйствительно, ужасная исторія и можетъ разжалобить даже бургундца,— замѣтила Ударда.

— Послѣ этого я не удивляюсь, что вы такъ боитесь цыганъ, — съ своей стороны сказала и Жервеза.

— Вы хорошо сдѣлали, что сейчасъ убѣжали сюда съ своимъ Эсташемъ, потому что цыгане, которые бродятъ у насъ по Парижу, тоже изъ Польши,— продолжала Ударда.

— Нѣтъ,— сказала Жервеза, — говорятъ, они пришли изъ Испаніи и изъ Каталоніи.

— Изъ Каталоніи?.. Ну, можетъ-быть,— сдалась Ударда,— Польша, Каталонія, Валонія—это все одно и то же; я всегда смѣшиваю эти три провинціи. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что тутъ бродятъ цыгане...

— И что у нихъ зубы достаточно остры, чтобы пожирать дѣтей,— подхватила Жервеза.— Мнѣ думается, что даже эта Эсмеральда втихомолку лакомиться дѣтскимъ мясомъ, несмотря на то, что умѣетъ такъ хорошо складывать свои губки сердечкомъ. Ея бѣлая коза, съ которою она постоянно показывается, выкидываетъ такія хитрыя штуки, что едва ли дѣло тутъ чисто.

Магіета теперь шла молча. Она была погружена въ ту глубокую задумчивость, которая всегда служитъ какъ бы продолженіемъ только что оконченнаго печальнаго разсказа и прекращается лишь тогда, когда на днѣ души угаснетъ волненіе, вызванное грустнымъ содержаніемъ разсказа. Но Жервеза не могла долго молчать и черезъ минуту спросила:

— Неужели такъ никто и не узналъ, что сдѣлалось съ Пакеттой?

Магіета не отвѣчала. Жервеза повторила свой вопросъ, схвативъ свою спутницу за руку и назвавъ ее по имени.

— Что сталось съ Пакеттой?— машинально повторила Магіета сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобы вникнуть въ смыслъ этихъ словъ, и съ живостью добавила: — Ахъ, вы спрашиваете о Пакеттѣ? Нѣтъ, вѣрнаго о ней ничего такъ и не узнали.

Помолчавъ немного, она добавила:

— Правда, одни говорили, что видѣли ее вечеромъ какъ она выходила изъ города черезъ Флешамбосскія ворота, а другіе — что она вышла на разсвѣтѣ черезъ старыя Базескія ворота. Какой-то нищій нашелъ ея золотой крестикъ, повѣшеннымъ на каменный крестъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ бываютъ у насъ ярмарки. Это былъ тотъ самый крестикъ, который подарилъ ей въ шестьдесятъ первомъ году ея первый любовникъ, красавецъ виконтъ де-Кормонтрёль, бывшій причиною ея погибели. Какъ бывало ни нуждалась Пакетта, но никогда не соглашалась продать этотъ крестикъ. Поэтому, когда мы узнали о находкѣ ея крестика, да еще въ такомъ мѣстѣ — на другомъ крестѣ, — то сразу подумали, что, навѣрное, она умерла. А между тѣмъ, есть люди въ Кабаре-ле-Вотъ, которые увѣряютъ, что видѣли ее, идущею босикомъ по дорогѣ въ Парижъ. Но тогда она должна была выйти изъ Реймса Вельскими воротами. Вообще слухи были разные. Впрочемъ, очень можетъ быть, что она вышла изъ города и Вельскими воротами, только не въ Парижъ, а прямо на тотъ свѣтъ...

— Почему вы такъ думаете?—спросила Жервеза.

— Вѣдь у насъ передъ этими воротами протекаетъ рѣка Вель, — съ печальной улыбкой пояснила Магіета.

— Бѣдная Шантфлёри!—съ дрожью проговорила Ударда.—Значитъ, она утопилась?

— Навѣрное такъ,—сказала Магіета.—Думалъ ли Гиберто, когда онъ распѣвалъ свои пѣсни, плывя въ лодкѣ подъ мостомъ Тенкё, внизъ по теченію рѣки, что настанетъ день, когда и его милая маленькая Пакетта проплыветъ подъ этимъ мостомъ, но ужъ не въ лодкѣ и безъ пѣсенъ?

— Ну, а башмачокъ-то, который оставался у нея?—любопытствовала Жерваза.

— Пропалъ вмѣстѣ съ нею,—отвѣтила Магіета.

— Бѣдненькій башмачокъ!—сказала Ударда.

Эта чувствительная толстушка готова была довольствоваться одними такими восклицаніями и вздохами, между тѣмъ, какъ худенькая и живая Жерваза, казалось, вся состояла изъ одного любопытства.

— А какъ же чудовище-то?—спросила она у Магіеты.

— Какое чудовище?—недоумѣвала та.

— Да то самое, которое цыганки подкинули вмѣсто маленькой Агнесы, какъ вы разсказывали?—Съ нимъ что сдѣлали? Тоже утопили?

— Нѣтъ, не утопили,—отвѣчала Магіета.

— Ахъ, да! его сожгли... Такія колдовскія отродья и слѣдуетъ сжигать, чтобы отъ нихъ и слѣда не оставалось.

— Нѣтъ, Жерваза, его и не сожгли. Этимъ цыганскимъ ребенкомъ заинтересовался самъ архіепископъ. Монсиньеръ отчиталъ его отъ сидѣвшаго въ немъ бѣса, благословилъ и отправилъ въ Парижъ; тамъ его положили въ соборѣ Богоматери въ ясли для найденышей.

— Охъ, ужъ эти епископы!—проворчала съ неудовольствіемъ Жерваза:—никогда ничего не сдѣлаютъ по-людски... отъ большой учености, должно-быть... Ну, скажите, пожалуйста, Ударда, на что это похоже—класть чертенятъ въ мѣсто для найденышей? Я увѣрена, что какъ ни отчитывалъ вашъ епископъ этого урода, а дьяволъ все-таки въ немъ такъ и остался... Навѣрное, это и былъ самъ дьяволъ, а вовсе не человѣческій ребенокъ... Ну, а не слыхали вы, Магіета, что сталось съ нимъ у насъ въ Парижѣ? Неужели нашелся такой чудакъ, который рѣшился взять его себѣ на воспитаніе? Думаю, что нѣтъ.

— Ну, ужъ этого не могу вамъ сказать,—отвѣтила реймская жительница.—Какъ разъ въ то время, когда случилось это дѣло, мужъ мой пріобрѣлъ мѣсто нотаріуса въ Берю, въ двухъ льё отъ Реймса, и мы больше не занимались этой исторіей. Передъ деревней стоятъ два большихъ Сернейскихъ пригорка; они заслоняютъ отъ насъ весь городъ вмѣстѣ даже съ его соборными колокольнями, такъ что мы теперь мало и помнимъ о Реймсѣ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, три почтенныя гражданки, наконецъ, дошли до Гревской площади. Занятыя своимъ разговоромъ, онѣ прошли, не останавливаясь, мимо Роландовой башни съ кельей затворницы и машинально направлялись къ позорному столбу, вокругъ котораго толпа продолжала увеличиваться. По всей вѣроятности, зрѣлище, привлекавшее туда толпу, заставило бы и нашихъ кумушекъ совсѣмъ забыть о Крысиной норѣ и ея обитательницѣ, если бы объ этомъ вдругъ не напомнилъ шестилѣтній толстякъ Эсташъ, котораго мать тащила за руку.

— Мама, можно мнѣ теперь съѣсть лепешку?—спросилъ онъ, точно угадавъ дѣтскимъ инстинктомъ, что Крысиная нора осталась позади.

Если бы Эсташъ былъ болѣе хитеръ или, вѣрнѣе, менѣе лакомкой, то онъ отложилъ бы свой робкій вопросъ до того времени, когда они съ матерью вернутся въ домъ метра Андри Мюнье, въ кварталѣ Университета; тамъ онъ съ своей лепешкою былъ бы отдѣленъ отъ Крысиной норы обоими рукавами Сены и всѣми пятью мостами острова Ситэ.

Но теперь несвоевременный вопросъ Эсташа имѣлъ результатъ, совсѣмъ нежелательный для мальчика.

— Постойте! — воскликнула Магіета,—вѣдь мы совсѣмъ и забыли про затворницу! Хорошо, что Эсташъ напомнилъ... Гдѣ же она тутъ у васъ живетъ? Недаромъ же мы несли ей подаяніе. Нужно ей отдать его.

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ! — спохватилась Ударда, останавливаясь и оглядываясь кругомъ, — мы уже прошли Крысиную нору. Но это ничего не значитъ: мы можемъ повернуть назадъ и отдать лепешку.

— Я хочу лепешку... Она моя!.. — хныкалъ Эсташъ, ежась и попеременно потирая уши то однимъ плечомъ, то другимъ, что у дѣтей служитъ признакомъ крайняго неудовольствія.

И, дѣйствительно, Эсташъ былъ очень недоволенъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Но мать прикрикнула на мальчика, и онъ замолчалъ. Когда всѣ три женщины дошли обратно до Роландовой башни, Ударда сказала своимъ спутницамъ:

— Намъ не слѣдуетъ всѣмъ сразу заглядывать въ окно, чтобы не испугать затворницы. Вы обѣ дѣлайте видъ, что читаете „Отче нашъ“ по молитвеннику — вотъ онъ тутъ, а я пока загляну одна въ келью. Затворница меня ужъ немножко знаетъ. Я скажу, когда можно будетъ подойти и вамъ.

И Ударда одна подошла къ окну кельи. Но лишь только она заглянула во внутренность каменнаго мѣшка, на ея открытой и веселой физіономіи тотчасъ же изобразилась глубокая жалость и самый цвѣтъ ея лица измѣнился такъ рѣзко, точно она перешла изъ солнечнаго свѣта въ лунный. На глазахъ ея навернулись слезы и губы судорожно задергались, какъ будто она собиралась заплакать. Минуту спустя, она сдѣлала Магіетѣ знакъ подойти поближе.

Магіета, тоже сильно взволнованная, приблизилась на цыпочкахъ, точно къ ложу умирающаго.

Трудно было представить себѣ болѣе печальную картину, чѣмъ та, которую увидали обѣ женщины, молча притаивъ дыханіе, заглядывавшія въ окно Крысиной норы.

Келья была очень узкая, но довольно высокая, со стрѣльчатымъ сводомъ, придававшимъ ей внутри нѣкоторое сходство съ епископской митрой. Прямо, на голомъ каменномъ полу, прислонившись спиною къ стѣнѣ, сидѣла скорчившаяся женская фигура. Голова ея была опущена на грудь, а руки крѣпко обхватывали приподнятыя колѣни. Изъ-подъ покаяннаго коричневаго балахона, который облекалъ худое, изможденное тѣло фигуры, виднѣлись босыя ноги. Въ такомъ скорченномъ положеніи, съ растрепанными космами длинныхъ сѣдыхъ волосъ, падавшихъ ей на лицо, она съ перваго взгляда казалась не человѣкомъ, а чѣмъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ, вырисовывавшимся во мракѣ кельи; какимъ-то предметомъ, въ родѣ треугольника, рѣзко раздѣленнаго слабо проникавшимъ въ окно свѣтомъ на двѣ половины, — одну тем-

ную, а другую — немного освѣщенную. Это былъ точно одинъ изъ тѣхъ. призраковъ, состоящихъ наполовину изъ тѣни, наполовину изъ свѣта, которые иногда видишь во снѣ. Впрочемъ, ихъ можно видѣть и наяву на удивительныхъ произведеніяхъ кисти Гойа, изображавшаго блѣдные, неподвижные, зловѣщіе призраки, сидящими на могилѣ или прислоненными къ рѣшеткѣ тюрьмы. Описываемая нами фигура не походила ни на женщину ни на мужчину, вообще, ни на одно живое существо, даже не была похожа ни на какой опредѣленный предметъ. Это было что-то безформенное, чудовищное, какая-то странная смѣсь дѣйствительнаго съ фантастичнымъ, нѣчто въ родѣ смѣси свѣта съ мракомъ. Съ большимъ трудомъ можно было различить сквозь нависшіе и падавшіе почти до полу волосы строгія очертанія изможденнаго лица. Только виднѣвшіяся изъ-подъ подола балахона босыя ноги, судорожно сжатыя на холодныхъ плитахъ пола, доказывали, что эта фигура можетъ быть человѣкомъ, а это еще болѣе заставляло содрогаться отъ жалости сердца зрительницъ.

Это существо, которое казалось вросшимъ въ каменный полъ, какъ бы и само окаменѣло, лишившись способности двигаться и дышать. Едва прикрытая тонкимъ холщевымъ балахономъ, сидя на голомъ гранитномъ полу въ углу темнаго помѣщенія, въ окно котораго проникалъ только холодный вѣтеръ и слабый дневной свѣтъ, затворница точно не чувствовала январскаго холода. Но это, происходило, быть-можетъ оттого, что она дѣйствительно уже окаменѣла на камняхъ, застыла на холодѣ. Руки ея были сложены, а глаза неподвижно устремлены въ одну точку. При первомъ взглядѣ ее можно было принять за призракъ, при второмъ — за статую.

Однако, по временамъ ея посинѣвшія губы раскрывались, и она слабо вздыхала; но это движеніе было такое же машинальное и безжизненное, какъ движеніе сухихъ листьевъ подъ дѣйствіемъ небольшого вѣтерка. Ея тусклые глаза были неподвижно устремлены въ уголъ кельи, не видный снаружи, и глядѣли такимъ глубокимъ, сумрачнымъ, напряженнымъ взглядомъ, въ которомъ, казалось, сосредоточились всѣ скорбныя ощущенія ея страждущей души.

Такова была эта затворница, которая, по своему мѣшковидному балахону, была прозвана народомъ мѣшочницей.

Жерваза вмѣстѣ съ своими подругами тоже взглянула въ окно кельи. Головы любопытныхъ женщинъ заслоняли и безъ того скупой свѣтъ, проникавшій въ крошечное, задѣланное рѣшеткою окно, но несчастная затворница, очевидно, и не замѣчала этого.

— Молится! — шопотомъ замѣтила Ударда. — Не будемъ ей мѣшать.

Между тѣмъ Магіета съ возрастающимъ вниманіемъ всматривалась въ поблекшее, страшно исхудалое лицо затворницы, едва виднѣвшееся изъ-подъ растрепанныхъ волосъ. Вдругъ глаза наблюдательницы наполнились слезами и она чуть слышно пробормотала про себя:

— Да неужели это она?..

Вставъ на цыпочки и плотно прижавъ лицо къ рѣшеткѣ окна, она еще разъ пристально взглянула на затворницу. Ей удалось прослѣдить, на что именно та такъ внимательно смотритъ. Вдругъ добродушная провинціалка отняла голову отъ окна; все ея лицо было омочено слезами.

— Какъ зовутъ эту несчастную? — спросила она Ударду.

— Мы зовемъ ее сестрой Гудулой, — отвѣчала Ударда.

— Ну, а я могу ее назвать Пакеттой Шантфлёри, — сказала Магіета и, приложивъ палецъ къ губамъ, предложила удивленной Ударде посмотрѣть повнимательнѣе въ тотъ уголъ, куда былъ обращенъ неподвижный взглядъ затворницы. Ударда поспѣшно взглянула туда и замѣтила въ углу крошечный розовый башмачокъ, покрытый золотымъ шитьемъ и блестками. Къ этому-то предмету и были прикованы точно магнитическою силой потухшіе глаза затворницы.

Послѣ Ударды заглянула въ глубь кельи и Жервеза; затѣмъ всѣ три женщины, глядя на злополучную мать, расплакались чуть не навзрыдъ.

Но ни ихъ назойливое заглядываніе ни ихъ слезы не были замѣчены отшельницей. Руки ея попрежнему оставались сложенными, уста — безмолвными, глаза — неподвижными. Для знавшихъ ея исторію это сосредоточенное до самозабвенія созерцаніе розоваго башмачка было очень тяжело.

Наблюдательницы стояли молча, не рѣшаясь говорить даже шопотомъ. Это полное безконечной скорби торжественное безмолвіе неподвижной затворницы, застывшей въ одной всепоглощающей мысли, очевидно, всецѣло связанной съ башмачкомъ, отъ котораго она не отрывала глазъ, производило на стоявшихъ снаружи женщинъ такое впечатлѣніе, точно онѣ присутствовали при какомъ-нибудь торжественномъ богослуженіи. Затихнувъ въ глубокомъ благоговѣніи, онѣ готовы были опуститься на колѣни и погрузиться въ пламенную молитву объ этой страждущей душѣ.

Наконецъ Жервеза, самая любопытная, а потому и не особенно деликатная, рѣшила попытаться заговорить съ затворницей и, наклонившись надъ окномъ, крикнула сквозь рѣшетку:

— Сестра Гудула! а сестра Гудула!

Она повторила свой окликъ три раза, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, но затворница оставалась попрежнему неподвижною. Съ ея стороны не послѣдовало ни взгляда, ни вздоха, ни малѣйшаго признака жизни.

Ударда тоже окликнула ее, но болѣе мягкимъ и ласковымъ голосомъ:

— Сестра Гудула, что съ вами?

Такое же молчаніе и такая же неподвижность со стороны затворницы.

— Вотъ странная женщина! — воскликнула Жервеза: — тутъ хоть изъ пушекъ стрѣляй, она и тогда, должно-быть, не пошевельнется...

— Можетъ-быть, она глухая? — замѣтила Ударда.

— И слѣпая, — добавила Жервеза.

— Скорѣе всего, она умерла, — сказала Магіета.

Но если душа и не покинула еще это неподвижное, оцѣпенѣвшее, точно застывшее тѣло, зато она скрылась въ такіе глубокіе тайники, куда не могли проникнуть никакіе внѣшніе звуки.

— Можно бы оставить лепешку на окнѣ и уйти, — сказалъ Ударда, — но ее, пожалуй, стащатъ мальчишки, а этого бы не хотѣлось. Нужно придумать, какъ бы заставить сестру Гудулу прійти въ себя...

Въ это время Эсташъ, вниманіе котораго раньше было отвлечено большой собакой, запряженной въ телѣжку, вдругъ замѣтилъ, что его

мама и обѣ „тети“ пристально смотрятъ въ окно кельи. Это возбудило и его любопытство. Онъ забрался на тумбу, стоявшую возлѣ стѣны, приподнялся на цыпочки и, приложивъ свое толстое румяное личико къ оконной рѣшеткѣ, крикнулъ:

— Мама, я тоже хочу посмотрѣть!

Звуки свѣжаго и звонкаго дѣтскаго голоса произвели на затворницу точно волшебное дѣйствіе. Повернувъ голову рѣзкимъ движеніемъ

Сестра Гудула.

автомата, она откинула своими длинными, костлявыми руками съ лица волосы и обратила на ребенка изумленный, горькій, отчаянный и быстрый, какъ молнія, взглядъ.

— Боже мой! — воскликнула она, снова уткнувшись лицомъ въ колѣни, — зачѣмъ Ты мучаешь меня видомъ чужихъ дѣтей?

Голосъ ея былъ такъ рѣзокъ, что, казалось, долженъ былъ разорвать ей грудь, вырываясь изъ нея.

— Здравствуйте, мадамъ! — съ важностью сказалъ ей Эсташъ.

Какъ бы тамъ ни было, но мальчуганъ своимъ вмѣшательствомъ вывелъ затворницу изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ она все время находилась. По всему ея изможденному тѣлу пробѣжала дрожь, и зубы ея застучали. Она снова приподняла голову, прижала локти къ бокамъ и и, обхвативъ руками ноги, чтобы согрѣть ихъ, тихо проговорила:

— Ой, какъ холодно!

— Бѣдная сестра Гудула, не хотите ли, мы вамъ принесемъ огня, чтобы погрѣться? — сострадательно обратилась къ ней Ударда.

Затворница отрицательно покачала головою.

— Такъ вотъ выпейте этого вина съ пряностями, это васъ согрѣетъ, — продолжала Ударда.

Отшельница снова покачала головою и, пристально глядя на относившуюся къ ней съ такимъ сочувствіемъ женщину, промолвила:

— Воды!

— О, сестра, что за питье зимою вода! — возразила Ударда. — Лучше выпейте вина и закусите вотъ этой лепешкой. Она изъ маисовой муки; мы нарочно для васъ испекли ее.

Но затворница оттолкнула и лепешку, которую просунула было ей въ окно Магіета, и рѣзко сказала:

— Чернаго хлѣба!

— Сестра Гудула, — заговорила въ свою очередь Жерваза, тоже охваченная жалостью къ этой несчастной женщинѣ,—возьмите вотъ мою шерстяную накидку. Она будетъ потеплѣе вашего балахона.

И она хотѣла снять съ себя накидку. Затворница отказалась и отъ этого подарка точно такъ же, какъ отказалась отъ вина и лепешки.

— Довольно и балахона, — проговорила она съ тою же рѣзкостью.

— Но надо же,—продолжала добродушная Ударда,—помянуть чѣмъ-нибудь и вамъ вчерашній праздникъ.

— Я и такъ его помню, — сказала затворница: — второй день у меня въ кружкѣ нѣтъ ни капли воды.

Помолчавъ немного, она добавила:

— Въ праздники меня всегда забываютъ. Да это и хорошо. Къ чему людямъ думать обо мнѣ, когда я о нихъ не думаю? Потухшимъ угольямъ — холодная зола.

И, какъ бы утомленная этой длинной рѣчью, она опять уткнулась головою въ колѣни.

— Ну, такъ что же, принести вамъ горячихъ угольевъ?—спросила добрая, но простоватая Ударда, понявшая послѣднія слова затворницы въ томъ смыслѣ, что та все еще продолжаетъ жаловаться на холодъ.

— Горячихъ угольевъ? — какимъ-то страннымъ тономъ повторила затворница. — А могутъ эти уголья согрѣть ту бѣдную малютку, которая уже пятнадцать лѣтъ лежитъ въ землѣ?

Она вся дрожала, какъ въ злѣйшей лихорадкѣ; голосъ ея вдругъ зазвенѣлъ, глаза ея загорѣлись огнемъ. Привставъ на колѣни, она протянула свою костлявую руку по направленію къ Эсташу, смотрѣвшему на нее изумленными глазами, и громко крикнула:

— Уведите скорѣе отсюда этого ребенка, а не то и его унесетъ цыганка!

Съ послѣднимъ словомъ она упала ничкомъ на полъ и ударилась лбомъ о каменный полъ кельи съ такимъ звукомъ, точно и ея лобъ былъ каменный. Стоявшія за окномъ женщины подумали, что она умерла. Однако, немного спустя, она зашевелилась и поползла на колѣняхъ въ тотъ уголъ, гдѣ висѣлъ башмачокъ. У посѣтительницъ не хватило духа подсмотрѣть, что она тамъ будетъ дѣлать; но онѣ вскорѣ услыхали звуки безсчетныхъ поцѣлуевъ, въ перемжку со вздохами, раздирающими душу воплями и какими-то глухими ударами, точно головою объ стѣну. Потомъ, послѣ одного изъ такихъ ударовъ, до такой степени сильнаго, что всѣ три женщины невольно вздрогнули, въ кельѣ вдругъ все затихло.

— Боже мой! не убилась ли она? — сказала Жерваза, пытаясь просунуть голову сквозь толстые прутья оконной рѣшетки.

— Сестра Гудула! Сестра Гудула, послушайте! — кричала она.

— Сестра Гудула! — повторяла за нею и Ударда.

— Такъ и есть, — продолжала Жерваза: — она не движется... Навѣрное, умерла... Гудула! Гудула!

Магіета, едва владѣвшая собою отъ охватившаго ее волненія, до сихъ поръ молчала, не будучи въ состояніи говорить отъ душившихъ ее слезъ. Но вотъ она сдѣлала надъ собою усиліе и отстранила подругъ.

— Погодите, я попробую,—сказала она имъ и крикнула въ окно:— Пакетта! Пакетта Шантфлёри!

Ребенокъ, нечаянно вызвавшій взрывъ ракеты, дунувъ на ея тлѣвшій фитиль и получившій при этомъ обжоги всего лица, не могъ бы испугаться такъ, какъ испугалась Магіета дѣйствія на затворницу произнесеннаго ею имени.

Вся трепещущая, злополучная отшельница вскочила на свои босыя ноги и однимъ скачкомъ очутилась у окна. Глаза ея такъ страшно сверкали, что всѣ три посѣтительницы, подхвативъ ребенка, въ ужасѣ бросились бѣжать отъ кельи.

Страшная фигура отшельницы, плотно прильнувъ къ рѣшеткѣ окна, закричала имъ вслѣдъ съ безумнымъ смѣхомъ:

— А! это меня зоветъ цыганка!

Вдругъ ея блуждающій взглядъ остановился на позорномъ столбѣ.

Увидавъ происходившую тамъ сцену, она, съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, просунула сквозь рѣшетку свои изсохшія, какъ у скелета руки, и крикнула дикимъ голосомъ:

— Такъ это опять ты, нечестивая египтянка! Это ты меня зовешь, несчастная воровка дѣтей?! О будь ты проклята! проклята! проклята!

IV.

Слеза за каплю воды.

Послѣдняя выходка затворницы служила, такъ сказать, соединительнымъ звеномъ между двумя сценами, происходившими одновременно въ двухъ пунктахъ Гревской площади: въ Крысиной норѣ и у позорнаго столба. Первая сцена, уже описанная нами, не имѣла другихъ свидѣтелей, кромѣ трехъ извѣстныхъ читателю женщинъ, вторая же,

предстоящая еще описанію, происходила на глазахъ всей той публики, которая, какъ мы видѣли выше, толпами собиралась вокругъ позорнаго столба и висѣлицы.

Толпа, привлеченная видомъ тѣхъ четырехъ сержантовъ, которые съ девяти часовъ утра заняли свои мѣста по четыремъ угламъ столба, поняла, что предстоитъ какое-нибудь интересное зрѣлище: если и не повѣшеніе, то, по крайней мѣрѣ, наказаніе плетьми, отрѣзаніе ушей или что-нибудь въ этомъ родѣ. Мало-по-малу эта толпа возросла до такихъ размѣровъ, что сержанты, на которыхъ она слишкомъ безцеремонно напирала, не разъ вынуждены были осаживать ее, какъ тогда выражались, ударами плети или крупами своихъ лошадей.

Публика, пріученная привычкою подолгу ожидать начала зрѣлищъ на этой площади, не выказывала особеннаго нетерпѣнія. Для развлеченія она разсматривала позорный столбъ, представлявшій собою очень простое сооруженіе въ видѣ пустого внутри куба, сложеннаго изъ камней и имѣвшаго футовъ десять вышины. Нѣсколько крутыхъ ступеней изъ неотесаннаго камня, носившихъ громкое названіе лѣстницы, вели на верхъ этого столба, устроеннаго въ видѣ площадки, гдѣ виднѣлось дубовое колесо, помѣщенное въ горизонтальномъ положеніи. Приговореннаго къ наказанію плетьми на этомъ колесѣ ставили на него на колѣни со связанными назадъ руками и привязывали къ нему. Скрытый въ столбѣ воротъ посредствомъ зубчатой оси въ колесѣ приводилъ послѣднее въ движеніе; вращаясь вокругъ своей оси, колесо продолжало оставаться въ горизонтальномъ положеніи, такъ что осужденный поворачивался лицомъ послѣдовательно во всѣ стороны площади. Это называлось вертѣть преступника.

Изъ этого описанія читатель видитъ, что позорный столбъ Гревской площади далеко не представлялъ столько любопытнаго, какъ столбъ Рынка. Въ немъ не было ничего монументальнаго, никакихъ архитектурныхъ особенностей; не было ни крыши съ желѣзнымъ крестомъ, ни восьмиграннаго фонаря, ни стройныхъ колоннъ, распускавшихъ вокругъ, подъ самой крышей, свои капители въ видѣ листьевъ и цвѣтовъ медвѣжьей лапы, ни жолобовъ, похожихъ на какія-то фантастичныя чудовища; не имѣлось и разныхъ украшеній деревянныхъ частей или тонкой скульптуры на каменныхъ частяхъ. Зрителю положительно не чѣмъ было любоваться, кромѣ грубой кладки столба съ его двумя подпорками да возвышающейся рядомъ съ нимъ тощей, обнаженной тоже каменной висѣлицей. Любитель изящной архитектуры не нашелъ бы ничего интереснаго въ этомъ аляповатомъ сооруженіи. Но почтенные ротозѣи среднихъ вѣковъ были очень невзыскательны въ художественномъ отношеніи и не искали никакихъ красотъ въ сооруженіяхъ, предназначавшихся для наказаній.

Наконецъ, прибылъ и осужденный.

Его привезли въ телѣжкѣ, къ задку которой онъ былъ привязанъ.

Когда его ввели на верхъ столба и привязали тамъ веревками и ремнями къ колесу, вся площадь дрогнула отъ смѣшаннаго гула криковъ, хохота и говора толпы, узнавшей въ осужденномъ Квазимодо.

Это былъ, дѣйствительно, онъ. Судьба, видимо, издѣвалась надъ нимъ, заставляя его сегодня стоять у позорнаго столба на той самой площади, на которой онъ наканунѣ такъ торжественно фигурировалъ въ качествѣ папы и повелителя шутовъ, при восторженныхъ крикахъ

толпы, въ сопровожденіи герцога Египетскаго, короля Тунскаго и императора Галилейскаго.

Смѣло можно, однако, поручиться, что во всей этой толпѣ, присутствовавшей на площади въ описываемую минуту, не было ни одного человѣка, не исключая и даже героя дня, превратившагося изъ вчерашняго тріумфатора въ жалкаго преступника, — словомъ, никого, кому пришло бы на умъ такое сопоставленіе. Недоставало даже Гренгуара съ его страстью къ философствованію.

Но вотъ Мишель Нуарэ, присяжный трубачъ его величества, заставилъ умолкнуть шумѣвшихъ зрителей и громкимъ голосомъ прочиталъ судебный приговоръ, какъ это было приказано господиномъ прево. Затѣмъ онъ вмѣстѣ со своими одѣтыми въ мундиры подчиненными отошелъ къ тележкѣ, въ которой привезли осужденнаго.

Квазимодо держалъ себя такъ, какъ будто все происходившее до него вовсе не касалось. Сопротивленія онъ оказать не могъ, благодаря тому, что на тогдашнемъ канцелярскомъ языкѣ называлось силою и крѣпостью узъ, которыя, дѣйствительно, крѣпко впивались ему въ тѣло. Впрочемъ, эта традиція тюремъ и галеръ до сихъ поръ еще сохраняется у насъ въ видѣ кандаловъ, несмотря на нашу цивилизованность, мягкость и гуманность.

Звонарь собора Богоматери съ видомъ полнѣйшаго равнодушія позволилъ себя привезти на площадь, втащить волокомъ на вершину столба, связывать, развязывать и снова связывать, сколько было угодно его мучителямъ. На его лицѣ ничего нельзя было прочесть, кромѣ развѣ изумленія дикаря или идіота. Что онъ былъ глухъ, — это давно уже всѣмъ было извѣстно, а теперь казалось, что онъ былъ также и слѣпъ.

Его поставили на колѣни на вершинѣ столба, — онъ не сопротивлялся. Съ него сняли верхнюю одежду и спустили до пояса рубашку, — онъ и тутъ не выказалъ ни малѣйшаго поползновенія къ сопротивленію. Его стали опутывать цѣлою системою ремней и пряжекъ, — и онъ покорно давалъ застегивать на себѣ пряжки и завязывать узлы. Только по временамъ онъ шумно фыркалъ, какъ теленокъ, который крѣпко связанный, колотится головой о края телѣжки мясника.

— Вотъ дуракъ-то! — говорилъ Жеганъ дю-Мулэнъ своему другу Робену Пуспену (само собою разумѣется, что эти два школяра послѣдовали за осужденнымъ на площадь), — сейчасъ видно, что онъ смыслитъ не больше жука, засаженнаго въ коробку, гдѣ онъ долженъ задохнуться.

Въ толпѣ пронесся оглушительный хохотъ, когда обнажили горбатую спину, верблюжью грудь и угловатыя, обросшія волосами плечи Квазимодо.

Въ продолженіе этого взрыва народной веселости на площадку столба поднялся небольшого роста коренастый человѣкъ съ грубымъ лицомъ, одѣтый въ мундиръ городской магистратуры, и всталъ рядомъ съ осужденнымъ.

Имя этого человѣка, передаваясь изъ устъ въ уста, съ быстротою молніи облетѣло всю толпу.

Это былъ метръ Пьерра Тортерю, присяжный палачъ суда Шатлэ.

Сначала онъ поставилъ на край площадки столба черные песочные часы, верхняя часть которыхъ была наполнена краснымъ пескомъ,

мѣрно сыпавшимся въ нижнее отдѣленіе. Потомъ онъ снялъ съ себя верхнюю двухцвѣтную одежду, подъ которой у него оказалась висѣвшая на правой рукѣ тонкая длинная плеть изъ скрученныхъ между собою бѣлыхъ лоснящихся кожаныхъ ремешковъ, покрытыхъ узлами и снабженныхъ на концахъ металлическими когтями. Очевидно, рисуясь, палачъ лѣвою рукою небрежно засучилъ на правой рукѣ рукавъ до самаго плеча, потомъ сдѣлалъ то же самое и съ лѣвымъ рукавомъ, дѣйствуя уже правой рукой.

Между тѣмъ, Жеганъ Фролло взобрался на плечи Робена Пуспена и, поднявъ, такимъ образомъ, свою кудрявую бѣлокурую голову надъ толпою, закричалъ во все горло:

— Месьё и медамъ, пожалуйте сюда! Здѣсь сейчасъ начинается интересное представленіе: будутъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ хлестать достопочтеннаго метра Квазимодо, звонаря моего брата, господина архидіакона Жозасскаго. Уважаемый звонарь устроенъ въ чисто восточномъ вкусѣ,—въ этомъ вы можете убѣдиться по его куполообразной спинѣ и ногамъ въ видѣ витыхъ колоннъ.

Слова школяра были встрѣчены новымъ взрывомъ хохота, въ особенности со стороны молодежи и дѣтей.

Но вотъ палачъ тронулъ ногой рычагъ и колесо, къ которому былъ прикрѣпленъ осужденный, пришло въ вращательное движеніе. Квазимодо невольно вздрогнулъ подъ своими узами.

Появившееся на его уродливомъ лицѣ выраженіе тупого недоумѣнія усилило смѣхъ толпы.

Вдругъ, въ ту самую минуту, когда колесо, обернувшись, подставило метру Пьерра горбатую спину Квазимодо, палачъ поднялъ руку съ плетью, тонкіе ремни съ рѣзкимъ свистомъ прорѣзали воздухъ, словно пучекъ змѣй, и со всего розмаха опустились на плечи наказуемаго.

Квазимодо подскочилъ, точно внезапно разбуженный отъ сна. Теперь и онъ началъ, если не понимать, то чувствовать. Онъ сталъ корчиться и извиваться подъ ремнями, крѣпко его связывавшими. Все лицо его судорожно передернулось подъ вліяніемъ неожиданности и боли, но онъ не издалъ ни одного звука. Онъ только повернулъ голову сначала назадъ, потомъ направо и налѣво, наконецъ, замоталъ ею съ неуклюжими движеніями быка, ужаленнаго въ бокъ слѣпнемъ.

За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, затѣмъ — третій, четвертый и такъ далѣе. Колесо вертѣлось и удары плетью градомъ сыпались на злополучнаго звонаря. Вскорѣ брызнула кровь и побѣжала струйками по спинѣ горбуна; свистѣвшая же въ воздухѣ плеть, передъ тѣмъ какъ упасть на истязуемаго, далеко разбрызгивала въ толпу капли этой крови.

Что же касается Квазимодо, то онъ снова, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, впалъ въ свою обычную апатію. Въ началѣ онъ пробовалъ незамѣтно оборвать связывавшія его узы. Глазъ его при этомъ пылалъ дикимъ огнемъ, мускулы напрягались, все тѣло корчилось. Ремни было растянулись подъ его отчаяннымъ, геркулесовскимъ усиліемъ, но, несмотря на свою старость, все-таки съ честью выдержали этотъ могучій напоръ. Они только слегка трещали, но не лопались.

Квазимодо, очевидно, понялъ безполезность своей попытки и болѣе не повторялъ ея. Вмѣсто тупого равнодушія на его лицѣ теперь легло выраженіе глубокаго и горькаго разочарованія.

Онъ закрылъ свой единственный глазъ, свѣсилъ голову на грудь и замеръ въ этой позѣ.

Послѣ этого онъ даже не пошевельнулся. Казалось, ничто не могло заставить его двинуть хоть однимъ мускуломъ: ни кровь, продолжавшая литься по его исполосованной спинѣ, ни удары плетью, сыпавшіеся на него градомъ, ни ярость палача, возраставшая съ каждымъ ударомъ, ни рѣзкій свистъ отвратительныхъ змѣевидныхъ ремней.

Наконецъ, одѣтый съ головы до ногъ въ черное, приставъ суда Шатлэ, все время державшійся верхомъ на черной лошади у подножія столба, протянулъ свой черный жезлъ по направленію къ песочнымъ часамъ. По этому знаку палачъ мгновенно остановился. Остановилось и колесо. Вмѣстѣ съ тѣмъ медленно раскрылся и глазъ Квазимодо.

Истязаніе кончилось.

Двое слугъ палача обмыли окровавленную спину наказаннаго, натерли ее какою-то мазью, тотчасъ же остановившею кровь, и накинули ему на плечи что-то вродѣ желтой рясы.

Одновременно съ этимъ Пьерра Тортерю самодовольно стряхивалъ на мостовую кровь, которою была пропитана его плеть.

Однако, Квазимодо еще не отдѣлался этимъ. Ему предстояло пробыть на позорномъ столбѣ еще тотъ часъ, которымъ метръ Флоріанъ Барбдьёнъ такъ справедливо усилилъ приговоръ мессира Робера д'Эстутвиля, къ вящшей славѣ старой, но столь богатой психологическимъ и физіологическимъ смысломъ игры словъ Іоанна Куменскаго: Surdus absurdus.

Слуги палача перевернули песочные часы низомъ вверхъ и оставили горбуна привязаннымъ къ колесу, чтобы такимъ образомъ удовлетворить правосудіе до конца.

Чернь всегда является среди общества тѣмъ же, чѣмъ ребенокъ среди своей семьи, въ особенности чернь, жившая въ условіяхъ среднихъ вѣковъ. Пока народъ находится въ состояніи первобытнаго невѣжества, умственнаго и нравственнаго несовершеннолѣтія, про него можно сказать то же самое, что говорятъ о дѣтяхъ: „Этотъ возрастъ не знаетъ жалости".

Мы уже говорили, что Квазимодо былъ предметомъ общей ненависти, имѣвшей, впрочемъ, болѣе или менѣе основательныя причины. Едва ли во всей этой толпѣ, обступавшей позорный столбъ Гревской площади, былъ хоть одинъ человѣкъ, который не считалъ бы себя въ правѣ жаловаться на звонаря собора Богоматери. Поэтому его появленіе на позорномъ столбѣ возбудило общую радость. Жестокое истязаніе, которому онъ подвергся, и жалкое положеніе, въ которомъ его оставили послѣ бичеванія, не только не возбудили состраданія въ толпѣ, напротивъ, еще болѣе усилили проявленіе народной ненависти, вооруживъ ее жаломъ насмѣшки.

И вотъ лишь только были выполнены требованія закона „общественнаго возмездія", какъ до сихъ поръ еще выражаются носители четырехъугольныхъ шапокъ, настала очередь и тысячеголовой личной мести.

Здѣсь, на площади, точно такъ же, какъ въ залѣ суда, больше всѣхъ неистовствовали женщины. Онѣ всѣ ненавидѣли Квазимодо: однѣ— за его злой нравъ, другія — за его уродство. Послѣднія прямо бѣсновались, глядя на него.

— У, антихристова харя! — визжала одна.

— Чортовъ всадникъ на помелѣ! — голосила другая.

— Ишь, вѣдь, какую рожу корчитъ! — кричала третья. — Если бы вчерашній праздникъ былъ сегодня, этого урода за одну его рожу нужно было бы сдѣлать папой шутовъ!

— Ахъ, моя милая! — прошамкала какая-то старуха, — если онъ

Наконецъ, приставъ суда протянулъ свой черный жезлъ.

строитъ такую рожу у позорнаго столба, то какую же сталъ бы онъ выдѣлывать на висѣлицѣ?

— Когда же твой большой колоколъ вдавитъ тебя въ землю? — доносилось съ одной стороны.

— И этотъ чортъ звонитъ къ вечернѣ? — неслось съ другой.

— Ахъ, ты глухарь!.. Кривоглазый уродъ!.. Горбатое чудовище! — слышалось съ разныхъ сторонъ.

— При одномъ взглядѣ на это чучело можно выкинуть безъ помощи лѣкарей и аптекарей!

А школяры Жеганъ дю-Муленъ и Робенъ Пуспенъ во все горло распѣвали старинный народный припѣвъ:

„Une hart
Pöur le pendard!
Un fagot
Pour le magot!“ [1]).

Толпа разступилась и пропустила дѣвушку въ странномъ нарядѣ...

Ругательства, проклятія, оскорбительныя замѣчанія, насмѣшки, вмѣстѣ съ хохотомъ, такъ и сыпались на злополучнаго горбуна. По временамъ въ него летѣли камни, черепки, — все, что попадалось подъ руку.

Квазимодо былъ глухъ, но его единственный глазъ видѣлъ очень хорошо, поэтому, если онъ не слыхалъ издѣвательствъ толпы, зато

¹) «Веревка для висѣльника, костеръ для урода».

прекрасно читалъ на лицахъ то, что такъ воодушевляло бушевавшую вокругъ него массу людей, а летѣвшіе въ него камни и другіе предметы служили еще лучшими истолкователями настроенія толпы.

Сначала звонарь крѣпился, но мало-по-малу и его терпѣніе, закалившееся подъ плетью палача, стало колебаться передъ безчисленными уколами цѣлой тучи насѣкомыхъ и, наконецъ, истощилось. Астурійскій быкъ, хладнокровно выдержавшій нападенія пикадора, приходитъ въ ярость, когда на него накидывается свора собакъ.

Квазимодо вдругъ обвелъ толпу угрожающимъ взглядомъ. Но такъ какъ горбунъ былъ крѣпко связанъ, то его взглядъ не могъ отогнать мухъ, облѣпившихъ и сосавшихъ его раны. Онъ началъ рваться изъ своихъ узъ съ такою силою, что старое колесо, къ которому онъ былъ привязанъ, колебалось и трещало. Но все это только подливало масло въ огонь: насмѣшки и ругательства толпы усилились еще болѣе.

Убѣдившись еще разъ, что ему не порвать ремней, которыми онъ былъ связанъ, несчастный горбунъ, какъ дикій звѣрь, снова затихъ. Лишь по временамъ вздохъ бѣшенства волновалъ его уродливую грудь. На лицѣ его не выражалось ни стыда ни смущенія. Онъ былъ слишкомъ далекъ отъ цивилизаціи и слишкомъ близокъ къ дикому состоянію, чтобы имѣть понятіе о стыдѣ. Да и возможно ли при такомъ уродствѣ, какимъ онъ отличался, быть чувствительнымъ къ позору? Но гнѣвъ, ненависть и отчаяніе постепенно заволакивали его безобразное лицо темной тучей, все болѣе и болѣе сгущавшейся и насыщавшейся электричествомъ, которое, наконецъ, разрядилось тысячами молній въ его глазу, точно въ глазу циклопа.

Однако, эта туча на мгновеніе просвѣтлѣла, когда въ толпѣ появился какой-то священникъ верхомъ на мулѣ. Лишь только Квазимодо еще издали увидѣлъ этого священника, лицо его сразу смягчило свое свирѣпое выраженіе. Гримаса бѣшенства, еще болѣе усиливавшая безобразіе этого лица, смѣнилась какою-то странною улыбкою, полною безконечной нѣжности, кротости и умиленія. По мѣрѣ приближенія священника, эта улыбка становилась яснѣе, теплѣе и лучезарнѣе, точно несчастный привѣтствовалъ появленіе своего спасителя

Но въ ту минуту, когда мулъ очутился такъ близко отъ столба, что всадникъ могъ узнать преступника, выставленнаго на этомъ столбѣ, всадникъ опустилъ глаза, круто повернулъ своего мула и погналъ его обратно. Повидимому, онъ спѣшилъ избавиться отъ унизительнаго положенія быть узнаннымъ жалкимъ горемыкой, выставленнымъ на общій позоръ.

Это былъ архидіаконъ домъ-Клодъ Фролло.

Туча на лицѣ Квазимодо сгустилась болѣе прежняго; сквозь нее еще мелькала улыбка, но улыбка уже горькая, скорбная, страдальческая.

Время шло. Уже полтора часа мучился Квазимодо на позорномъ столбѣ, истерзанный нравственно и физически, служа мишенью для всевозможныхъ глумленій со стороны зрителей.

Вдругъ онъ снова началъ биться на колесѣ съ удвоенной энергіей отчаянія; все сооруженіе такъ затрещало, что, казалось, готово было разрушиться.

Сдѣлавъ новую неудачную попытку освободиться, онъ, наконецъ, нарушилъ молчаніе, которое до сихъ поръ такъ упорно хранилъ.

— Пить! — крикнулъ онъ глухимъ, сиплымъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства голосомъ, напоминавшимъ лай разъяреннаго пса.

Этотъ вопль страданія, вырвавшійся изъ глубины измученной груди, вмѣсто того, чтобы разжалобить добрыхъ парижанъ, окружавшихъ столбъ, только усилилъ ихъ веселость. Впрочемъ, эти парижане были нисколько не лучше той шайки бродягъ, съ которой мы уже познакомили читателя и которая составилась изъ худшихъ отбросовъ

И съ ласковымъ видомъ она поднесла фляжку къ пересохшимъ губамъ страдальца.

общества. Если и поднимались голоса вокругъ страждущаго на колесѣ, то лишь съ тѣмъ, чтобы поглумиться надъ его новымъ мученіемъ — жаждою.

Положимъ, въ эту минуту съ своимъ краснымъ, безобразнымъ лицомъ, покрытымъ грязнымъ потомъ, съ блуждающимъ взоромъ, искривленными бѣшенствомъ губами и высунутымъ языкомъ, онъ былъ болѣе страшенъ и отвратителенъ, чѣмъ жалокъ.

Но если бы въ толпѣ и нашлась сострадательная душа, въ родѣ евангельскаго самарянина, которая была бы готова подать страдальцу глотокъ воды, то и она едва ли бы рѣшилась это сдѣлать въ виду того, что считалось унизительнымъ и постыднымъ даже касаться ногой ступеней позорнаго столба. А господствующіе предразсудки, какъ извѣстно, сильнѣе всего.

Тщетно прождавъ нѣсколько минутъ, Квазимодо окинулъ толпу взглядомъ отчаянія и прохрипѣлъ еще болѣе раздирающимъ душу голосомъ:

— Пить!

Въ отвѣтъ на это снова раздался грубый, злорадный хохотъ.

— Вотъ, на, пососи!—крикнулъ Робенъ Пуспенъ, бросивъ въ лицо несчастнаго грязную тряпку, намоченную въ лужѣ.— Получай, подлый глухарь, отъ своего должника!

Какая-то женщина бросила горбуну въ голову камень.

— А вотъ тебѣ за то, что ты насъ будишь по ночамъ своимъ адскимъ трезвономъ! — крикнула она.

— Ну, что, дружокъ, — спросилъ одинъ калѣка, стараясь ткнуть несчастнаго своимъ костылемъ, — будешь ты еще околдовывать насъ съ вершины соборныхъ башенъ?

— На, получай посудину для питья!—крикнулъ какой-то мастеровой, швырнувъ горбуну прямо въ грудь разбитую кружку.—Моя жена, мимо которой ты прошелъ, когда она была беременна, изъ-за тебя родила двухголоваго ребенка. Будь ты проклятъ!

— А моя кошка изъ-за тебя принесла котенка съ шестью лапами!— визжала древняя старушка и бросила въ горбуна черепкомъ.

— Пить! — въ третій разъ повторилъ Квазимодо задыхающимся голосомъ.

Въ эту минуту онъ увидалъ, какъ толпа вдругъ разступилась и пропустила молодую дѣвушку въ странномъ нарядѣ. Дѣвушка держала въ рукѣ баскскій бубенъ и шла въ сопровожденіи бѣлой козы съ золотыми рогами.

Глазъ Квазимодо засверкалъ. Горбунъ узналъ въ этой дѣвушкѣ ту самую цыганку, которую онъ пытался похитить въ предшествующую ночь и за которую, какъ онъ смутно предполагалъ, его такъ жестоко наказывали. Но мы знаемъ, что это предположеніе было невѣрно: онъ просто сдѣлался жертвою случая, столкнувшаго его съ такимъ же глухимъ судьею, какъ онъ самъ. Квазимодо вообразилъ, что и цыганка пришла лишь за тѣмъ, чтобы отомстить ему и дать ему лишній ударъ.

Какъ бы въ подтвержденіе его догадки, цыганка быстро поднялась по ступенямъ позорнаго столба.

Квазимодо теперь прямо задыхался отъ ярости. Ему хотѣлось бы разрушить столбъ, чтобы погребсти подъ его развалинами своего предполагаемаго врага въ образѣ этой прелестной дѣвушки. Если бы молніеносный взглядъ его глаза могъ имѣть такое дѣйствіе, какого желалъ горбунъ, то Эсмеральда была бы превращена въ прахъ раньше, чѣмъ бы она достигла площадки столба.

Безмолвно приблизившись къ Квазимодо, тщетно пытавшемуся увернуться отъ воображаемаго удара, цыганка отвязала отъ пояса фляжку и съ ласковымъ видомъ поднесла ее къ пересохшимъ губамъ страдальца.

Вдругъ въ его глазу, который до сихъ поръ оставался сухимъ и воспаленнымъ, выступила крупная слеза и медленно скатилась на грудь горбуна по его уродливому лицу, столько времени выражавшему только злобу и отчаяніе. Быть-можетъ, это была первая слеза, пролитая жалкимъ созданіемъ во всю его жизнь.

Пораженный неожиданнымъ поступкомъ цыганки, Квазимодо даже забылъ о своей жаждѣ. Эсмеральда нетерпѣливо передернула плечами и съ улыбкой прижала свою фляжку къ зубастому рту Квазимодо. Теперь только онъ жадными глотками сталъ утолять мучившую его жажду.

Осушивъ фляжку, онъ вытянулъ свои почернѣвшія губы съ очевиднымъ намѣреніемъ поцѣловать хорошенькую руку, такъ кстати оказавшую ему помощь. Но молодая дѣвушка, повидимому, не совсѣмъ ему довѣряя и вспомнивъ объ его вчерашнемъ дерзкомъ покушеніи, отдернула руку съ испуганнымъ видомъ ребенка, опасающагося, какъ бы его не укусило животное. Несчастный горбунъ устремилъ на нее свой глазъ, полный упрека и невыразимой печали.

Трогательное зрѣлище представляла изъ себя эта прелестная, цвѣтущая и чистая дѣвушка, которая, несмотря на свою слабость, такъ мужественно явилась на помощь къ олицетворенію уродства, злобы и убожества. Такое зрѣлище вездѣ и во всякое время было бы прекрасно, а здѣсь, у позорнаго столба, оно являлось прямо величественнымъ.

Даже толпа невольно почувствовала себя тронутой и съ криками: „Noël! Noël!“ [1])— стала хлопать въ ладоши.

Въ эту-то именно минуту затворница изъ окна своей кельи увидала цыганку на вершинѣ позорнаго столба и выкрикнула ей зловѣщія слова:

„О, будь ты проклята! проклятая! проклята!“

V.

Окончаніе исторіи лепешки.

Эсмеральда поблѣднѣла и поспѣшила сойти съ позорнаго столба, а голосъ затворницы продолжалъ ее преслѣдовать:

— Сходи, сходи, египетская душегубка! Тебѣ опять придется взбираться туда! — глухо доносилось изъ кельи.

— Ну, на затворницу что-то нашло сегодня! — говорили зрители. Больше они ничего не рѣшались сказать, потому что такого рода сподвижницы не только пользовались уваженіемъ въ народѣ, но ихъ даже боялись. Неудобно затрогивать человѣка, который день и ночь проводитъ въ молитвѣ.

Между тѣмъ, срокъ наказанія окончился. Бѣднаго горбуна отвязали отъ колеса, и толпа стала расходиться.

Магіета тоже направилась домой вмѣстѣ съ своими двумя спутницами. У Большого Моста она вдругъ остановилась и спросила своего мальчугана:

---

[1]) Noël, по-французски значитъ «Рождество Христово»; но здѣсь это слово нужно понимать, какъ выраженіе высшей восторженности толпы.

Прим. перев.

— Эсташъ, а куда ты дѣвалъ лепешку?

— Ахъ, мама, — отвѣчалъ ребенокъ, — пока вы говорили съ тетей, которая сидитъ въ башнѣ, ко мнѣ подбѣжала большая собака и откусила кусокъ лепешки. Тогда и я откусилъ.

— Какъ, безстыдникъ! — воскликнула мать. — Ты съѣлъ всю лепешку?

— Нѣтъ, мама, виновата собака. Я ей говорилъ, что нельзя ѣсть эту лепешку, а она меня не послушалась. Ну, тогда и я сталъ ѣсть лепешку.

— Ахъ, какой ты ужасный ребенокъ! — съ притворно сердитой улыбкой проговорила Магіета и, обращаясь къ одной изъ спутницъ, добавила: — представьте себѣ, Ударда, этотъ малышъ поѣдаетъ всѣ вишни въ нашемъ садикѣ въ Шарльранжѣ. Недаромъ дѣдушка говоритъ, что быть ему капитаномъ... Смотри ты у меня, Эсташъ! въ другой разъ не спущу!.. Ну, а теперь пойдемъ, гадкій шалунишка!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга первая.

Книга вторая.

Книга третья.

Книга четвертая.

Книга пятая.

Книга шестая.

Викторъ Гюго.

Соборъ Парижской Богоматери.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА — 1903.

Дозволено цензурою. Москва, 12 февраля 1903 года.

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

Часть вторая.

Фебъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I.

Какъ опасно довѣрять свою тайну козѣ.

Прошло нѣсколько недѣль.

Стояли первые дни марта. Солнце, еще не получившее отъ Дюбарта, этого классическаго предка перифразы, названія „*великаго герцога свѣчей*", сіяло, однако, не менѣе ярко и радостно. Былъ одинъ изъ тѣхъ мягкихъ и чудныхъ весеннихъ дней, когда весь Парижъ высыпаетъ на площади и бульвары, чтобъ праздновать ихъ, какъ праздники. Въ эти ясные, теплые дни есть особенно одно время, когда слѣдуетъ любоваться фасадомъ собора Богоматери. Это тотъ часъ, когда солнце, уже склонившись къ западу, стоитъ почти напротивъ самаго собора. Его лучи, становясь все болѣе и болѣе горизонтальными, медленно покидаютъ мостовую площади и поднимаются вдоль заканчивающагося шпилемъ фасада, освѣщая тысячи его округленныхъ выпуклостей, пріобрѣтающихъ особенную рельефность, между тѣмъ какъ большая центральная розетка пылаетъ какъ глазъ циклопа, въ которомъ отражается пламя кузницы.

Былъ именно этотъ часъ.

Напротивъ собора, освѣщеннаго пурпуромъ заката, на балконѣ надъ входомъ богатаго дома готическаго стиля, стоявшаго на углу площади и улицы Парви, весело смѣялось и забавлялись нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. По длинѣ покрывалъ, спускавшихся съ ихъ остроконечныхъ унизанныхъ жемчугомъ уборовъ до земли, по тонкости полотна ихъ вышитыхъ сорочекъ, покрывавшихъ плечи и, по тогдашней модѣ, низко вырѣзанныхъ спереди, по пышности ихъ нижнихъ юбокъ, сдѣланныхъ, по изысканной утонченности, изъ еще болѣе богатаго матеріала, чѣмъ покрывавшія ихъ шелковыя, газовыя и бархатныя верхнія юбки, а особенно по бѣлизнѣ ихъ рукъ, указывавшей на праздный, лѣнивый образъ жизни,— не трудно было узнать въ нихъ богатыхъ, благородныхъ наслѣдницъ. Дѣйствительно, то была дѣвица Флёръ-де-Лись де-Гондлорье со своими подругами, Діаной де-Кристёль, Амлоттой де-Монмишель, Коломбой де-Гайфонтэнъ и маленькой Шаншеврiе; всѣ онѣ принадлежали къ аристократическимъ семьямъ и собрались у вдовы де-Гондлорье по случаю ожидаемаго пріѣзда въ Парижъ монсиньора де-Божэ и его супруги, которымъ былъ порученъ выборъ фрейлинъ для встрѣчи и сопровожденія невѣсты дофина, Маргариты, которую должны были принять изъ рукъ фламандцевъ въ Пикардіи. Всѣ дворяне на тридцать льё вокругъ Парижа добивались этой чести для своихъ дочерей, и многіе уже привезли или прислали ихъ въ Парижъ.

Родители препоручили ихъ покровительству почтенной госпожѣ Алоизы де-Гондлорье, вдовы бывшаго начальника королевскихъ стрѣлковъ, жившей съ своей единственной дочерью въ собственномъ домѣ на площади противъ собора Богоматери.

Балконъ, на которомъ находились молодыя дѣвушки, давалъ доступъ въ комнату, обтянутую роскошной фландрской кожей коричневаго цвѣта съ золотыми тиснеными разводами. Расположенныя параллельно балки потолка веселили взглядъ разнообразными разрисованными и золочеными рѣзными фигурами. Рѣзные баулы отливали драгоцѣнной эмалью, фаянсовая кабанья голова украшала великолѣпный поставецъ, двѣ ступеньки котораго указывали на то, что хозяйка была женой или вдовой дворянина, имѣвшаго право распускать свое знамя. Въ глубинѣ комнаты, возлѣ высокаго камина, украшеннаго сверху донизу гербами, въ богатомъ обитомъ краснымъ бархатомъ креслѣ сидѣла сама дама де-Гондлоріе, пятьдесятъ пять лѣтъ которой можно было угадать столько же по ея лицу, сколько и по одеждѣ.

Возлѣ нея стоялъ молодой человѣкъ довольно горделивой осанки, хотя нѣсколько фатоватый и самодовольный,— одинъ изъ тѣхъ красавчиковъ, которые возбуждаютъ единодушное восхищеніе женщинъ, а людей серьезныхъ и физіономистовъ заставляютъ пожимать плечами. На молодомъ человѣкѣ былъ блестящій мундиръ королевскихъ стрѣлковъ, настолько походившій на нарядъ Юпитера, уже описанный нами въ первой книгѣ нашего разсказа, что мы можемъ избавить нашего читателя отъ вторичнаго его описанія.

Дѣвицы сидѣли, кто въ комнатѣ, кто на балконѣ, кто на четырехугольныхъ плюшевыхъ табуретахъ съ золотыми кистями, кто на дубовыхъ скамеечкахъ, украшенныхъ рѣзными цвѣтами и фигурами. У каждой на колѣняхъ лежалъ край большого вышиванья, надъ которымъ онѣ всѣ работали сообща и добрая половина котораго лежала на полу. Онѣ разговаривали между собой, понизивъ голосъ и обмѣниваясь полуподавленными смѣшками, какъ то всегда бываетъ, когда въ общество молодыхъ дѣвушекъ замѣшается молодой человѣкъ. Молодой же человѣкъ, присутствія котораго было достаточно, чтобы пробудить самолюбіе всѣхъ этихъ женщинъ, повидимому, мало замѣчалъ ихъ, въ то время какъ красивицы-дѣвушки наперерывъ старались обратить на себя его вниманіе, онъ, казалось, всецѣло былъ поглощенъ чисткой пряжки своего пояса замшевой перчаткой.

По временамъ старая дама обращалась къ нему шопотомъ, и онъ отвѣчалъ ей, какъ могъ, съ натянутой, неловкой любезностью. По улыбкамъ, знакамъ и взглядамъ, которые госпожа Алоиза, говоря съ капитаномъ, бросала на свою дочь, Флёръ-де-Лисъ, не трудно было догадаться, что дѣло шло о состоявшемся сватовствѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, о близкой свадьбѣ между молодымъ человѣкомъ и Флёръ-де-Лисъ. По холодности же офицера легко было догадаться, что съ его стороны, по крайней мѣрѣ, не было и рѣчи о любви. Во всей его минѣ сказывались натянутость и равнодушіе, которое нашъ теперешній гарнизонный подпрапорщикъ выразилъ бы словами: „вотъ такъ скучища“!

Но госпожа Алоиза, влюбленная въ свою дочь, какъ подобаетъ нѣжной матери, не замѣчала равнодушія офицера и изо всѣхъ силъ старалась шопотомъ объяснить ему все то безконечное совершенство, съ которымъ Флёръ-де-Лисъ втыкала иголку или разматывала шерсть.

— Да взгляните же на нее, кузенъ,— говорила старушка, дергая молодого человѣка за рукавъ, чтобы онъ наклонился къ ней ухомъ.— Вотъ она нагибается.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,— подтверждалъ молодой человѣкъ и снова погружался въ свое ледяное разсѣянное молчаніе.

Черезъ минуту ему снова приходилось наклоняться и госпожа Алоиза говорила:

— Видали ли вы лицо оживленнѣе и привѣтливѣе, чѣмъ у вашей нареченной? Видали ли цвѣтъ лица нѣжнѣе и волосы свѣтлѣе? Не совершенство ли ея руки? А шейка? Не напоминаетъ ли она своей гибкостью шею лебедя? Какъ я минутами завидую вамъ! Какъ вы счастливы, противный вы, кутила! Развѣ не очаровательна моя Флёръ-де-Лисъ и развѣ вы не влюблены въ нее безъ памяти?

— Безъ сомнѣнія,— отвѣчалъ онъ, думая совсѣмъ о другомъ.

— Да поговорите же съ ней,— вдругъ сказала госпожа Алоиза, толкая его въ плечо.— Вы стали очень робки.

Мы можемъ увѣрить читателя, что робость не была ни добродѣтелью ни недостаткомъ молодого человѣка. Однако онъ попытался исполнить предъявленное требованіе.

— Прекрасная кузина,— сказалъ онъ, подходя къ Флёръ-де-Лисъ,— что изображаетъ собою то, что вы вышиваете?

— Прекрасный кузенъ, — отвѣчала Флёръ-де-Лисъ съ оттѣнкомъ досады,— я уже три раза говорила вамъ: это гротъ Нептуна.

Очевидно, Флёръ-де-Лисъ гораздо яснѣе матери видѣла холодность и разсѣянность молодого человѣка. Онъ почувствовалъ, что ему необходимо сказать хотя бы нѣсколько словъ.

— Для кого же предназначается вся эта миѳологія? - спросилъ онъ.

— Для аббатства Сентъ-Антуанъ-де-Шанъ,— отвѣчала Флёръ-де-Лисъ, не поднимая глазъ.

Капитанъ приподнялъ уголъ вышивки.

— Что же долженъ изображать этотъ толстый жандармъ, который, надувъ щеки, дуетъ въ трубу, прекрасная кузина?

— Это Тритонъ,— отвѣчала она.

Въ короткихъ отвѣтахъ Флёръ-де-Лисъ всегда звучалъ какъ бы оттѣнокъ неудовольствія. Молодой человѣкъ видѣлъ, что ему придется сказать ей что-нибудь на ухо — пошлость, любезность — все равно. Онъ нагнулся, но не могъ найти въ своемъ воображеніи ничего болѣе нѣжнаго или задушевнаго, какъ:

— Почему ваша матушка носитъ постоянно робу, украшенную гербами, какъ наши бабушки временъ Карла VII? Скажите ей, прелестная кузина, что теперь это уже не въ модѣ; петли и лавры ея герба, вышитые на платьѣ, придаютъ ей видъ ходячаго камина. Теперь уже не принято возсѣдать на своихъ знаменахъ, клянусь вамъ!

Флёръ-де-Лисъ подняла на него свои прекрасные глаза, въ которыхъ читался упрекъ.

— Больше вамъ не въ чемъ поклясться мнѣ? — проговорила она шопотомъ.

Между тѣмъ, простодушная мадамъ Алоиза, восхищенная тѣмъ, что они такъ близко наклонились другъ къ другу и шепчутся, говорила, играя застежками своего часослова:

— Трогательная картина любви!

Капитанъ, испытывая все большее стѣсненіе, опять вернулся къ вышиванію.

— Право, прелестная работа! — воскликнулъ онъ.

При этомъ замѣчаніи, Коломба де-Гайфонтэнъ, другая блондинка съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, въ платьѣ изъ голубого дама, плотно подходившемъ до горла, рѣшилась вставить свое слово, обращаясь къ Флёръ-де-Лисъ, но надѣясь, что ей отвѣтитъ красивый капитанъ.

— Милая Гондлорье, видѣли вы вышивки въ отелѣ Ла-Рошъ-Гюонъ?

— Это тотъ самый отель, въ оградѣ котораго находится садикъ луврской бѣлошвейки? — спросила смѣясь Діана де-Кристёль, у которой были чудные зубы, и которая, слѣдовательно, смѣялась при каждомъ удобномъ случаѣ.

— И гдѣ еще стоитъ эта большая старинная башня, оставшаяся отъ прежней парижской стѣны? — прибавила Амлотта де-Монмишель, хорошенькая, свѣженькая, кудрявая брюнетка, имѣвшая привычку вздыхать такъ же, какъ ея подруга смѣяться, сама не зная почему.

— Вы, вѣроятно, говорите объ отелѣ, принадлежавшемъ мосье де-Беквиллю при Карлѣ VI, милая Коломба? — спросила госпожа Алоиза.— Правда, тамъ есть прекрасные тканые обои.

— Карлъ VI, король Карлъ VI,— бормоталъ капитанъ, закручивая усъ.— Боже мой, какую старину помнитъ почтенная дама!

Мадамъ Гондлорье продолжала:

— Дѣйствительно, прекрасные. Такая чудная работа, что считается единственной въ своемъ родѣ!

Въ эту минуту, Беранжера де-Шаншевріе, стройная семилѣтняя дѣвочка, смотрѣвшая на площадь черезъ узорчатую рѣшетку балкона, позвала:

— Крестная, Флёръ-де-Лисъ! Смотри-ка, какая хорошенькая танцовщица пляшетъ тамъ, на улицѣ, и бьетъ въ бубенъ! А кругомъ на нее всѣ такъ и смотрятъ!

Дѣйствительно, съ улицы доносился громкій звонъ бубна.

— Какая-нибудь цыганка, — отвѣчала Флёръ-де-Лисъ, небрежно поворачивая голову въ сторону площади.

— Посмотримъ! Посмотримъ! — закричали ея живыя подруги; онѣ всѣ бросились къ рѣшеткѣ балкона, между тѣмъ, какъ Флёръ-де-Лисъ, озабоченная холодностью своего жениха, послѣдовала за ними медленно, а самъ женихъ, вырученный этимъ случаемъ, положившимъ конецъ натянутому разговору, возвратился въ глубину комнаты съ чувствомъ облегченія, какъ солдатъ, смѣнившійся съ дежурства. Нѣкогда ему нравилось ухаживать за прелестной Флёръ-де-Лисъ, но мало-по-малу это стало прискучивать ему, а теперь близость ихъ предстоящаго брака все болѣе заставляла охладѣвать его чувства. Впрочемъ, онъ отъ природы отличался непостоянствомъ, да вдобавокъ обладалъ еще и нѣсколько вульгарными вкусами. Несмотря на свое высокое происхожденіе, онъ пріобрѣлъ въ военной слѣжбѣ довольно грубыя замашки. Ему были по душѣ таверны и кутежи. Онъ чувствовалъ себя хорошо только тамъ, гдѣ раздавались грубыя остроты, гдѣ можно было отпускать казарменныя любезности, гдѣ красота была доступна и успѣхъ легокъ. А между тѣмъ, онъ получилъ въ семьѣ нѣкоторое воспитаніе и манеры;

но онъ слишкомъ рано попалъ въ казарму, слишкомъ скоро началъ жить, и съ каждымъ днемъ дворянскій лоскъ все болѣе стирался отъ грубаго тренія жандармской перевязи. Показываясь время отъ времени, по чувству уваженія, еще не вполнѣ угасшему въ немъ, у Флёръ-де-Лисъ онъ чувствовалъ себя вдвойнѣ стѣсненнымъ: во-первыхъ, потому, что, растерявъ свою любовь въ различныхъ похожденіяхъ, онъ сохранилъ очень малое ея количество для своей невѣсты, во-вторыхъ, потому, что среди всѣхъ этихъ затянутыхъ, чопорныхъ красавицъ онъ постоянно дрожалъ, чтобы съ его языка, привыкшаго къ ругательствамъ, не сорвалось бы какое-нибудь крѣпкое словцо. Можно себѣ представить, каковы были бы послѣдствія!

Впрочемъ, все это соединялось у него съ большой претензіей на изящество, съ щегольствомъ и красивой наружностью. Пусть читатель сообразитъ все это, какъ ему будетъ угодно. Я только историкъ.

Итакъ, онъ стоялъ нѣсколько минутъ молча, прислонясь къ рѣзному наличнику камина, думая и не думая, какъ вдругъ Флёръ-де-Лисъ, обернувшись, обратилась къ нему съ вопросомъ. Въ концѣ концовъ у молодой дѣвушки сердце было мягкое.

— Вы, кажется, говорили мнѣ, прекрасный кузенъ, о какой-то цыганочкѣ, которую спасли отъ воровъ два мѣсяца тому назадъ, объѣзжая патрулемъ городъ?

— Кажется, что говорилъ, прекрасная кузина, — отвѣчалъ капитанъ.

— Не она ли пляшетъ тамъ, на площади? Посмотрите, не узнаете ли вы ее, кузенъ Фебъ?

Въ этомъ краткомъ приглашеніи подойти и въ обращеніи по имени ясно сквозило желаніе примиренія. Капитанъ Фебъ де-Шатоперъ — читатель, вѣроятно, уже съ начала главы узналъ его — медленно направился къ балкону.

— Посмотрите на эту дѣвочку,— обратилась къ Фебу Флёръ-де-Лисъ, нѣжно кладя руку на его плечо, — не ваша ли эта цыганочка?

Фебъ взглянулъ и сказалъ:

— Да; я узнаю ее по ея козѣ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, какая прелестная козочка!— воскликнула Амлотта, всплеснувъ руками отъ восхищенія.

Мадамъ Алоиза, не вставая съ кресла, спросила:

— Не одна ли это изъ тѣхъ цыганокъ, что въ прошедшемъ году вошли черезъ Жибарскія ворота?

— Матушка, теперь эти ворота называются Адскими воротами, — тихо замѣтила Флёръ-де-Лисъ.

Мадемуазель Гондлорье знала, какъ коробятъ капитана нѣкоторыя устарѣлыя выраженія ея матери. Дѣйствительно, онъ усмѣхался, повторяя сквозь зубы:

— Жибарскія ворота! Жибарскія! Все воспоминанія о королѣ Карлѣ VI!

— Крестная,— позвала Беранжера, вѣчно бѣгавшіе глазки которой вдругъ поднялись на верхушку собора Богоматери,—что это тамъ, наверху, за человѣкъ въ черномъ?

Всѣ дѣвушки подняли глаза. Дѣйствительно, на выдававшуюся балюстраду южной башни, выходившей на Гревскую площадь, облокотился

человѣкъ. Это былъ священникъ. Ясно виднѣлся его нарядъ и лицо, подпертое обѣими руками. Онъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, устремивъ пристальный взглядъ на площадь.

Въ немъ было что-то напоминающее неподвижность коршуна, открывшаго воробьиное гнѣздо и смотрящаго на него.

— Это Жозаскій архидіаконъ, — сказала Флёръ-де-Лисъ.

— Хорошее у васъ зрѣніе, если вы узнали его отсюда, — замѣтила Гайфонтэнъ.

— Какъ онъ смотритъ на плясунью, — замѣтила Діана-де-Кристёль.

— Бѣда цыганочкѣ! — сказала Флёръ-де-Лисъ. — Онъ не любитъ ея родины — Египетъ.

— Жаль, что этотъ человѣкъ такъ смотритъ на нее, — прибавила Амлотта де-Монмишель, — она танцуетъ восхитительно...

— Прекрасный графъ Фебъ, — вдругъ обратилась къ молодому человѣку Флёръ-де-Лисъ, — такъ какъ вы знаете эту цыганочку, то сдѣлайте ей знакъ, чтобы она пришла сюда. Это было бы развлеченіемъ для насъ.

— Да, да! — хоромъ воскликнули прочія дѣвушки, хлопая въ ладоши.

— Это безуміе! — возразилъ Фебъ. — Она, безъ сомнѣнія, уже забыла меня, и я даже не знаю ея имени. Однако, если вы желаете этого, мадемуазель, я попытаюсь. И, перегнувшись черезъ балюстраду балкона, онъ закричалъ: Эй, — цыганка!

Плясунья въ эту минуту не била въ бубенъ. Она обернулась въ ту сторону, откуда послышался голосъ, устремила на Феба блестящіе глаза и замерла на мѣстѣ.

— Эй! — Онъ жестомъ позвалъ цыганку.

Молодая дѣвушка еще разъ взглянула на него, затѣмъ вся вспыхнула и, взявъ тамбуринъ подъ мышку, направилась мимо изумленныхъ зрителей къ двери дома, откуда ее звали. Она шла медленно, качаясь, съ помутившимся взглядомъ птички, очарованной взглядомъ змѣи.

Минуту спустя, шитая портьера приподнялась и на порогѣ появилась цыганка, раскраснѣвшаяся, смущенная, запыхавшаяся, опустивъ глаза, не смѣя ступить ни шагу дальше.

Беранжера захлопала въ ладоши.

Между тѣмъ, плясунья стояла неподвижно на порогѣ. Ея появленіе произвело странное впечатлѣніе на группу молодыхъ дѣвушекъ. Несомнѣнно, что всѣхъ ихъ одушевляло безсознательное желаніе нравиться красивому офицеру, что все ихъ кокетство имѣло въ виду носителя блестящаго мундира и что со времени его появленія между ними проснулось какъ бы тайное, глухое соревнованіе, въ которомъ онѣ сами едва ли отдавали себѣ отчетъ, но которое, тѣмъ не менѣе, проявлялось каждую минуту во всѣхъ ихъ жестахъ и словахъ. Но, такъ какъ онѣ всѣ обладали приблизительно одною степенью красоты, то онѣ боролись одинаковымъ оружіемъ, и каждая могла надѣяться на побѣду.

Появленіе цыганки вдругъ нарушило это равновѣсіе. Дѣвушка была такой рѣдкой красоты, что въ ту минуту, какъ она появилась на порогѣ, показалось, будто она распространила вокругъ себя какъ бы какой-то, исходившій изъ нея самой свѣтъ. Въ этой тѣсной комнатѣ, въ темной рамѣ драпировокъ и рѣзьбы, она была несравненно прекраснѣе и лучезар-

нѣе, чѣмъ на площади. Она походила на факелъ, который внесли со свѣта въ тѣнь. Благородныя дѣвицы были ослѣплены. Каждая почувствовала себя какъ бы оскорбленной въ своей красотѣ. И немедленно, не обмѣнявшись ни словомъ,—да извинитъ намъ читатель это выраженіе,— онѣ перемѣнили фронтъ. Онѣ прекрасно поняли другъ друга. Женщины инстинктивно и быстрѣе понимаютъ другъ друга, чѣмъ мужчины. Передъ ними явилась соперница — всѣ это почувствовали, и всѣ разомъ сомкнулись. Достаточно капли вина, чтобъ окрасить цѣлый стаканъ воды; чтобъ испортить расположеніе духа цѣлому собранію хорошенькихъ женщинъ, достаточно появленія женщины еще болѣе хорошенькой, — особенно, когда въ обществѣ есть мужчина.

Вслѣдствіе этого цыганка встрѣтила ледяной пріемъ. Дѣвицы окинули ее взглядомъ съ головы до ногъ, потомъ переглянулись, и все было сказано. Онѣ поняли другъ друга. Между тѣмъ, цыганка ждала, чтобъ съ ней заговорили. Она была до такой степени взволнована, что не смѣла поднять глазъ.

Капитанъ первый прервалъ молчаніе.

— Честное слово,—заговорилъ онъ съ крайне фатоватымъ видомъ,— прехорошенькая! Какъ ваше мнѣніе, прекрасная кузина?

Флеръ-де-Лисъ отвѣтила кузену съ притворно-приторной небрежностью:

— Не дурна!

Другіе шептались между собой.

Наконецъ, госпожа Алоиза, испытывавшая не меньшую ревность, потому что она испытывала ее за дочь, обратилась къ плясуньѣ:

— Подойди сюда, дѣвочка.

— Подойди сюда, дѣвочка! — съ комическою важностью повторила Беранжера, ростомъ не достигавшая и до таліи цыганки.

Дѣвушка подошла къ благородной дамѣ.

— Красавица, я не знаю, выпадетъ ли на мою долю счастье, что ты узнаешь меня... — высокопарно началъ Фебъ, подходя.

Она прервала его, поднимая на него безконечно кроткій взглядъ и говоря съ улыбкой:

— Конечно!

— У нея хорошая память, — замѣтила Флеръ-де-Лисъ.

— Какъ ты, однако, быстро убѣжала тогда, — продолжалъ Фебъ. — Развѣ я такой страшный?

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтила цыганка.

Въ этомъ *ахъ, нѣтъ* и въ этомъ *конечно* было что-то неизъяснимое, что оскорбило Флеръ-де-Лисъ.

— А вмѣсто себя, красавица, ты оставила мнѣ какого-то горбатаго кривого урода, кажется, епископскаго звонаря, — продолжалъ капитанъ, языкъ котораго развязался въ разговорѣ съ дѣвушкой изъ простонародья. — Мнѣ говорили, что онъ побочный сынъ архидіакона и по природѣ чортъ. У него смѣшное имя, что-то вродѣ Великой Пятницы, Вербнаго Воскресенья или Заговѣнья. Однимъ словомъ, названіе какого-то праздника, когда трезвонятъ въ колокола! И онъ позволилъ себѣ похитить тебя, будто ты создана для пономарей... Это слишкомъ! Чего нужно было отъ тебя этому дикому коту? А! Скажи-ка!

— Не знаю, — отвѣтила она.

— Представьте себѣ, какая дерзость! Звонарь вдругъ похищаетъ дѣвушку, какъ какой-нибудь виконтъ! Мужикъ охотится за дворянской дичью! Это неслыханно! Впрочемъ, онъ дорого поплатился за это. Метръ Пьерра Тортрерю — мастеръ своего дѣла, скажу тебѣ, досталось же отъ него шкурѣ твоего звонаря.

— Бѣдный! — сказала цыганка, въ памяти которой эти слова вызвали воспоминаніе о сценѣ у позорнаго столба.

Капитанъ разразился смѣхомъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Тутъ сожалѣніе такъ же у мѣста, какъ султанъ изъ перьевъ на хвостѣ у свиньи! Пусть меня разнесетъ, какъ самого папу, если...

Онъ оборвался.

— Извините, сударыня! Я, кажется, чуть было не сказалъ глупости.

— Фи, мосье Фебъ, — сказала Гайфонтэнъ.

— Онъ говоритъ съ этой цыганкой на понятномъ ей языкѣ! — прибавила вполголоса Флеръ-де-Лисъ, досада которой возрастала съ каждой минутой.

Это чувство, конечно, не уменьшилось, когда она увидала, какъ капитанъ, довольный цыганкой, а еще больше самимъ собой, повернулся на каблукахъ, повторяя съ своей грубой и простодушной солдатской любезностью:

— Красавица, чортъ побери!

— Костюмъ у нея довольно неприличный, — замѣтила Діана де-Кристель, улыбаясь, чтобы показать свои прекрасные зубки.

Это замѣчаніе было лучомъ свѣта для всѣхъ остальныхъ. Оно указало на уязвимую сторону цыганки. Не имѣя возможности придраться къ ея красотѣ, дѣвицы набросились на ея нарядъ.

— Да, правда, милая, — вмѣшалась Амлотта де-Монмишель, — какъ это ты рѣшаешься показываться на улицу безъ косынки и шемизетки?

— И юбка такъ коротка, что совѣстно смотрѣть, — сказала Гайфонтэнъ.

— Тебя, моя милая, за твой золотой поясъ заберетъ городская стража, — довольно язвительно вставила Флеръ-де-Лисъ.

— Если бы ты прикрывала руки рукавами, онѣ бы у тебя не такъ загорали, — продолжала съ неумолимымъ смѣхомъ Діана.

Эта группа молодыхъ красавицъ, скользившихъ и извивавшихся по змѣиному вокругъ уличной плясуньи, жалившихъ ее острыми и ядовитыми язычками, представляла зрѣлище, достойное болѣе умнаго наблюдателя, чѣмъ Фебъ. Красавицы были граціозны и злы. Онѣ злобно разбирали этотъ убогій фантастическій нарядъ изъ блестокъ и пестрыхъ тряпокъ. и смѣху, насмѣшкамъ, униженіямъ не было конца. Сарказмы, сопровождаемые высокомѣрнымъ состраданіемъ и злобными взглядами, сыпались дождемъ. Красавицы напоминали молодыхъ римскихъ патриціанокъ, забавлявшихся тѣмъ, что втыкали булавки въ грудь красивой невольницы. Ихъ можно было сравнить съ сворой гончихъ, кружащихся съ раздутыми ноздрями и разгорѣвшимися глазами вокругъ бѣдной лѣсной лани, растерзать которую имъ запрещаетъ взглядъ хозяина.

И что значила, въ концѣ концовъ, эта несчастная уличная плясунья передъ этими знатными дѣвицами! Онѣ, кажется, даже забыли объ ея присутствіи и говорили о ней громко, какъ о вещи довольно красивой, но неопрятной и презрѣнной.

Цыганка не была нечувствительна къ этимъ булавочнымъ уколамъ. По временамъ краска стыда заливала ей лицо и въ глазахъ ея сверкалъ гнѣвъ; презрительное слово, казалось, было готово сорваться съ ея губъ, и она дѣлала презрительную гримаску, уже знакомую читателю. Однако, она молчала и стояла неподвижно, устремивъ на Феба покорный, грустный и кроткій взглядъ. Можно было подумать, что она сдерживается, боясь, чтобы ее не прогнали.

Фебъ же смѣялся, принимая сторону цыганки съ смѣсью состраданія и нахальства.

— Ты ихъ не слушай, милая, — повторялъ онъ, позвякивая своими золотыми шпорами, — правда, твой нарядъ нѣсколько страненъ и не вполнѣ приличенъ, но это ничего не значитъ для такой красотки, какъ ты.

— Боже мой! — воскликнула блондинка Гайфонтэнъ, вытягивая съ горькой усмѣшкой свою лебединую шейку, — какъ легко королевскіе стрѣлки воспламеняются отъ прекрасныхъ цыганскихъ глазъ.

— Что же тутъ особеннаго? — спросилъ Фебъ.

При этомъ отвѣтѣ, небрежно брошенномъ капитаномъ, наподобіе камня, который бросаютъ, даже не заботясь взглянуть, куда онъ упадетъ, Коломба засмѣялась, такъ же, какъ засмѣялись Діана, Амелотта и Флеръ-де-Лисъ, у которой, впрочемъ, навернулись на глаза слезы.

Цыганка, опустившая взглядъ при замѣчаніи Коломбы де-Гайфонтэнъ, подняла глаза и вся сіяющая и гордая взглянула на Феба. Она была очень красива въ эту минуту.

Хозяйка, наблюдавшая за этой сценой, чувствовала себя, сама не зная почему, оскорбленной.

— Пресвятая Дѣва! — вдругъ закричала она, — что тамъ шевелится, у моихъ ногъ! Ахъ, ты, гадкая!

То была коза, прибѣжавшая отыскивать свою госпожу; пытаясь пробраться къ ней, она запуталась въ безчисленныхъ складкахъ, которыя образовывало платье благородной дамы, когда та сидѣла.

Случай этотъ произвелъ диверсію. Цыганка, не говоря ни слова, высвободила козу.

— Ахъ, это козочка съ золочеными копытцами! — воскликнула Беранжера.

Цыганка опустилась на камни и прижалась щекой къ головѣ ласкавшейся къ ней козочки, какъ будто прося у нея прощенія, что такъ покинула ее.

Діана, между тѣмъ, нагнулась къ уху Коломбы.

— Ахъ, Боже мой! какъ это я прежде ее не узнала: вѣдь, это цыганка съ козой! Говорятъ, она колдунья, и ея коза умѣетъ выдѣлывать удивительныя штуки.

— Ну, такъ пусть коза насъ позабавитъ и покажетъ намъ какое-нибудь чудо.

Діана и Коломба живо обернулись къ цыганкѣ.

— Милая, заставь свою козу показать намъ чудо.

— Я не понимаю васъ, — отвѣчала цыганка.

— Чудо, волшебство... ну вообще — колдовство.

— Не знаю... — И она начала ласкать хорошенькое животное, повторяя: — Джали! Джали!

Въ эту минуту Флеръ-де-Лисъ замѣтила кожаный мѣшечекъ, висѣвшій на шеѣ козы.

— Что это такое? — спросила она.

Цыганка подняла на нее свои большіе глаза и отвѣчала серіозно:

— Это моя тайна.

„Очень бы интересно узнать, что это за тайна", — подумала Флеръ-де-Лисъ.

Между тѣмъ, хозяйка встала съ недовольнымъ видомъ.

— Однако, моя милая, если ты съ своей козой не можешь намъ проплясать что-нибудь, то что вамъ дѣлать здѣсь?

Цыганка, не отвѣчая, медленно направилась къ двери. Но, чѣмъ ближе она подходила къ порогу, тѣмъ шагъ ея замедлялся, какъ будто ее удерживалъ невидимый магнитъ. Вдругъ она обратила полные слезъ глаза на Феба и остановилась.

— Клянусь Богомъ, — вскричалъ капитанъ, — развѣ можно такъ отпустить ее! Вернись и пропляши намъ что-нибудь. Кстати, красотка, какъ тебя зовутъ?

— Эсмеральда, — отвѣчала плясунья, не сводя глазъ съ офицера.

При этомъ странномъ имени дѣвицы покатились со смѣху.

— Вотъ такъ дѣвическое имя! — воскликнула Діана.

— Сами видите, что она колдунья,—пояснила Амлотта.

— Одно могу сказать, моя милая, не у святой купели твои родители дали тебѣ это имя, — торжественно заявила госпожа Алоиза.

Между тѣмъ, не замѣченная никѣмъ, Беранжера успѣла кусочкомъ марципана приманить козу въ уголокъ, и онѣ въ минуту подружились. Любопытная дѣвочка отвязала мѣшочекъ, висѣвшій на шеѣ козы, открыла его и высыпала содержимое на коверъ. Это оказалась азбука, каждая буква которой была написана на отдѣльной дощечкѣ. Лишь только Беранжера высыпала эту игру на полъ, какъ съ изумленіемъ увидала, что коза стала своей золоченой ножкой отбирать буквы и размѣщать ихъ, тихонько подталкивая, въ извѣстномъ порядкѣ. Вѣроятно, это было одно изъ *чудесъ*, извѣстныхъ животному. Чрезъ минуту составилось слово, повидимому, хорошо ей знакомое, и Беранжера, въ восторгѣ всплеснувъ руками, объявила:

— Крестная Флеръ-де-Лисъ, посмотрите, что сдѣлала коза.

Флеръ-де-Лисъ поспѣшно подошла и вздрогнула: буквы, размѣщенныя по полу, составляли слово:

„Ф Е Б Ъ".

— Это написала коза? — спросила молодая дѣвушка измѣнившимся голосомъ.

— Да, крестная, — отвѣчала Беранжера.

Сомнѣніе было невозможно: дѣвочка не умѣла писать.

„Вотъ ея тайна!" — подумала Флеръ-де-Лисъ.

Между тѣмъ, на крикъ дѣвочки всѣ подбѣжали къ ней, и мать, и дѣвицы, и цыганка, и офицеръ.

Цыганка увидала, какую глупость совершила ея коза. Она вспыхнула, затѣмъ поблѣднѣла и вся дрожала, какъ уличенная въ преступленіи, стоя передъ капитаномъ. Онъ же смотрѣлъ на нее съ улыбкой удивленія и самодовольства.

— *Фебъ*, — изумленно шептали дѣвицы, — это имя капитана.

— У тебя превосходная память! — замѣтила Флеръ-де-Лисъ цыганкѣ, замершей на мѣстѣ, и вслѣдъ за тѣмъ разразилась рыданіями.

— О! — повторяла она горестно, закрывая лицо прекрасными руками, — она колдунья!

А другой, еще болѣе горькій, голосъ шепталъ ей: Она соперница!

Флеръ-де-Лисъ упала въ обморокъ.

Флеръ-де-Лисъ упала въ обморокъ.

— Дочь моя! Дочь моя! — кричала испуганная мать. — Убирайся прочь, проклятая цыганка!

Эсмеральда въ мгновеніе ока собрала несчастныя буквы, сдѣлала знакъ Джали и вышла въ одну дверь, между тѣмъ, какъ Флеръ-де-Лисъ выносили въ другую.

Оставшись одинъ, капитанъ Фебъ съ минуту колебался, въ какую дверь ему направиться, и пошелъ за цыганкой.

II.

Священникъ и философъ не одно и то же.

Священникъ, котораго молодыя дѣвушки увидали на сѣверной башнѣ и который такъ внимательно слѣдилъ, перегнувшись черезъ перила, за пляской цыганки, былъ, дѣйствительно, архидіаконъ Клодъ Фролло.

Читатель не забылъ, вѣроятно, таинственной кельи, которую архидіаконъ оставилъ для себя въ этой башнѣ (не знаю, говоря мимоходомъ, не та ли это самая келья, внутренность которой и теперь можно видѣть черезъ четырехугольное окошечко, продѣланное на высотѣ человѣческаго роста съ восточной стороны платформы, служащей основаніемъ для башенъ собора. Теперь это не что иное, какъ пустая полуразрушенная нора, плохо выштукатуренныя стѣны которой мѣстами *украшены* плохими пожелтѣвшими изображеніями фасадовъ различныхъ соборовъ. Я думаю, что тутъ совмѣстно гнѣздятся летучія мыши и пауки и, слѣдовательно, ведется совмѣстная истребительная война противъ мухъ).

Каждый день, за часъ до солнечнаго заката, архидіаконъ поднимался по лѣстницѣ на башню и запирался въ этой кельѣ, гдѣ иногда проводилъ цѣлыя ночи. Въ этотъ день, вставляя въ замокъ низенькой двери комнаты замысловатый ключъ, который онъ всегда носилъ въ сумкѣ, висѣвшей у него на поясѣ, онъ услыхалъ звукъ бубна и кастаньетъ. Звукъ доносился съ площади передъ соборомъ. Келья, какъ мы уже сказали, имѣла только одно окошечко, выходившее на крышу собора. Клодъ Фролло быстро выдернулъ ключъ и чрезъ минуту стоялъ уже на вершинѣ башни въ угрюмой, сосредоточенной позѣ, въ которой его замѣтили молодыя дѣвицы.

Онъ стоялъ тамъ, серіозный, неподвижный, весь поглощенный однимъ зрѣлищемъ и одной мыслью. У его ногъ лежалъ Парижъ съ тысячами шпилей своихъ зданій и горизонтомъ, замыкаемымъ мягкими очертаніями холмовъ, съ своей рѣкой, извивающейся подъ мостами, съ улицами, кишащими народомъ, облаками дыма, съ массами своихъ нагроможденныхъ, какъ горы, одна на другую крышъ, какъ бы наступающихъ со всѣхъ сторонъ на соборъ. Но во всемъ этомъ городѣ вниманіе священника привлекалъ одинъ только уголокъ — площадь передъ соборомъ; среди всей этой толпы онъ видѣлъ одно только лицо — лицо цыганки.

Трудно было бы опредѣлить, что выражалъ этотъ взглядъ и какое чувство заставляло его горѣть такимъ огнемъ. Взглядъ былъ неподвиженъ, а между тѣмъ въ немъ, виднѣлось смятеніе и смущеніе. Судя по неподвижности всего тѣла, по которому только изрѣдка пробѣгалъ какъ бы механическій трепетъ, подобный содроганію дерева, колеблемаго вѣтромъ, по локтямъ, замершимъ въ одной позѣ и казавшимся изваянными изъ мрамора, какъ тѣ перила, на которыя они опирались, по улыбкѣ, застывшей на его лицѣ, исказивъ его, — можно было подумать, что въ Клодѣ Фролло оставались живыми одни только глаза.

Цыганка плясала. Она вертѣла свой бубенъ на кончикѣ пальца, а затѣмъ подбрасывала его въ воздухъ, танцуя сама провансальскую са-

рабанду. Проворная, легкая, радостная, она не чувствовала тяжести страшнаго взгляда, тяготѣвшаго отвѣсно надъ ея головой.

Толпа тѣснилась вокругъ нея; по временамъ человѣкъ въ желтомъ съ краснымъ казакинѣ отодвигалъ зрителей нѣсколько назадъ, а затѣмъ снова усаживался на стулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ танцовщицы и клалъ голову козы себѣ на колѣни.

Этотъ человѣкъ былъ, повидимому, спутникомъ цыганки. Клодъ Фролло съ высоты, на которой, онъ находился, не могъ различить чертъ его лица.

Съ той минуты, какъ архидіаконъ замѣтилъ этого человѣка, вниманіе его, казалось, раздвоилось между плясуньей и имъ, и лицо его становилось все мрачнѣе.

Вдругъ онъ выпрямился, и по всему его тѣлу пробѣжала дрожь.

— Что это за человѣкъ? — проговорилъ онъ сквозь зубы, — я всегда видалъ ее одну.

Онъ тотчасъ же скрылся подъ извилистымъ сводомъ винтовой лѣстницы и спустился внизъ.

Проходя мимо полуотворенной двери помѣщенія для колоколовъ, онъ увидалъ нѣчто, поразившее его — онъ увидалъ Квазимодо, который, высунувшись въ отверстіе подъ однимъ изъ сланцовыхъ навѣсовъ, похожихъ на жалузи, также смотрѣлъ на площадь. Онъ такъ ушелъ въ свое созерцаніе, что не замѣтилъ, какъ его пріемный отецъ прошелъ мимо. Въ его единственномъ глазу было странное выраженіе. Въ немъ свѣтились и восторгъ и умиленіе.

— Вотъ странно, — проговорилъ Клодъ, — неужели онъ такъ смотритъ на цыганку?

Клодъ продолжалъ задумчиво спускаться и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ черезъ дверь у подножія башни на площадь.

— Куда же дѣвалась цыганка? — спросилъ онъ, вмѣшиваясь въ группу зрителей, собравшихся на звукъ бубна.

— Не знаю, — отвѣтилъ одинъ изъ стоявшихъ рядомъ съ нимъ, — она куда-то исчезла, — кажется пошла плясать въ тотъ домъ, насупротивъ: ее оттуда звали.

Вмѣсто цыганки, на томъ же коврѣ, арабески котораго минуту тому назадъ исчезали подъ капризными узорами пляски, архидіаконъ увидалъ только человѣка въ красномъ съ желтымъ казакинѣ; онъ обходилъ зрителей, подперши бока руками, закинувъ голову, вытянувъ шею, весь покраснѣвъ и держа стулъ въ зубахъ, въ надеждѣ заработать такимъ образомъ нѣсколько су. Къ стулу была привязана кошка, взятая на время у живущей поблизости женщины и отчаянно мяукавшая со страху.

— Пресвятая Богородица, какъ попалъ сюда метръ Пьеръ Гренгуаръ! — воскликнулъ архидіаконъ, когда фигляръ, съ котораго градомъ катился потъ, прошелъ мимо него съ своей пирамидой изъ стула и кошки.

Строгій голосъ такъ поразилъ бѣднягу, что онъ потерялъ равновѣсіе со всѣмъ своимъ сооруженіемъ, и стулъ съ кошкой полетѣлъ на головы присутствовавшихъ при невыразимомъ ихъ крикѣ.

Очень вѣроятно, что Пьеру Гренгуару—то былъ, дѣйствительно, онъ— пришлось бы дорого поплатиться передъ хозяйкой кошки и передъ всѣми окружающими, лица которыхъ были ушиблены или исцарапаны,

если бы онъ не воспользовался смятеніемъ, чтобы скрыться въ церкви, куда Клодъ Фролло знакомъ пригласилъ его послѣдовать за собой.

Въ соборѣ было пусто и темно, и лампады въ придѣлахъ свѣтились какъ звѣздочки среди мрака, уже наполнившаго своды. Только большая лицевая розетка, въ разноцвѣтныя стекла которой падали косые лучи солнца, сверкала въ темнотѣ игрой самоцвѣтныхъ камней, отбрасывая свой ослѣпительный спектръ на противоположную стѣну.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, патеръ Клодъ прислонился къ колоннѣ и пристально взглянулъ на Гренгуара. Взглядъ его былъ не тотъ, котораго боялся Гренгуаръ, которому было совѣстно, что такое почтенное и ученое лицо встрѣтило его въ нарядѣ фигляра. Во взглядѣ священника не было ни насмѣшки ни ироніи: онъ былъ серьезенъ, спокоенъ и проницателенъ. Архидіаконъ первый нарушилъ молчаніе.

— Послушайте, метръ Пьеръ, вы должны объяснить мнѣ многое. Во-первыхъ, что это значитъ, что васъ не было видно цѣлыхъ два мѣсяца и только встрѣчаешь васъ на перекресткѣ и, нечего сказать, въ чудесномъ нарядѣ: одна сторона желтая, другая красная, словно кодебекское яблоко.

— Мессиръ, — жалобно заговорилъ Гренгуаръ, — правда, это очень странный нарядъ, и я смущаюсь имъ больше кошки, которой надѣли бы на голову тыкву. Я чувствую, что поступаю очень глупо, подвергая господъ сержантовъ городской стражи риску нанести, подъ этимъ казакиномъ, ударъ по плечевой кости философа-пиѳагорейца. Но что дѣлать, почтенный учитель! Виноватъ во всемъ мой старый кафтанъ, предательски покинувшій меня въ началѣ зимы подъ предлогомъ, что онъ разваливается и что ему пора отдохнуть въ корзинѣ тряпичника. Что дѣлать? Цивилизація еще не достигла той степени, при которой можно бы ходить нагишемъ, какъ того желалъ Діогенъ. Прибавьте къ тому, что дулъ очень холодный вѣтеръ и что въ январѣ мудрено пытаться ввести подобное усовершенствованіе въ жизнь человѣчества. Этотъ казакинъ подвернулся. Я его взялъ и бросилъ свой черный подрясникъ, бывшій далеко недостаточно герметическимъ для такого герметика, какъ я. И вотъ вы видите меня въ нарядѣ гистріона, какъ это было съ блаженнымъ Генезіемъ. Что дѣлать? Бываютъ такія темныя полосы въ жизни людской: вѣдь, пришлось же Аполлону пасти свиней у Адмета.

— Нечего сказать, славное вы избрали себѣ ремесло! — продолжалъ архидіаконъ.

— Совершенно согласенъ, что лучше философствовать или заниматься поэзіей, раздувать пламя въ алхимическомъ горнѣ или слѣдить за теченіемъ звѣздъ, чѣмъ носить кошекъ на подставкѣ. И вотъ, когда вы окликнули меня, я почувствовалъ себя въ такомъ же глупомъ положеніи, какъ оселъ передъ вертеломъ. Но какъ быть, почтенный учитель? Надо чѣмъ-нибудь перебиваться со дня на день, и самый превосходный александрійскій стихъ не замѣнитъ куска сыра бри. Какъ вамъ извѣстно, я сочинилъ для принцессы Маргариты Фландрской извѣстную вамъ свадебную пѣснь, и старуха не платитъ мнѣ подъ предлогомъ, что это не лучшее произведеніе въ своемъ родѣ — будто за четыре экю можно дать трагедію Софокла! Стало-быть, мнѣ грозила голодная смерть. Къ счастью, въ челюстяхъ у меня оказалась порядочная сила, и я сказалъ этой челюсти: „Показывай фокусы, въ которыхъ

проявилась бы твоя сила, и корми самъ себя — *Ale te ipsam.* Шайка оборванцевъ, съ которыми я свелъ дружбу, выучила меня разнымъ атлетическимъ штукамъ, и теперь я каждый вечеръ преподношу моимъ зубамъ тотъ хлѣбъ, который они заработали въ потѣ лица моего. Конечно, *concedo* — я согласенъ, что это весьма печальное примѣненіе моихъ умственныхъ способностей и что человѣкъ не для того созданъ, чтобы бить въ бубенъ и носить въ зубахъ стулья. Но, уважаемый учи-

Нечего сказать,— славное вы избрали себѣ ремесло.

тель, недостаточно жить, надо какъ-нибудь сумѣть сохранить свою жизнь.

Патеръ Клодъ слушалъ молча. Вдругъ взглядъ его впалыхъ глазъ принялъ такое проницательное, дальновидное выраженіе, что Гренгуаръ почувствовалъ, какъ будто этотъ взглядъ проникъ въ самые тайники его души.

— Все это прекрасно, метръ Пьеръ, но какъ это вы очутились въ обществѣ этой плясуньи-цыганки?

— Очень просто — она моя жена, а я ея мужъ, — отвѣчалъ Гренгуаръ.

Въ мрачныхъ глазахъ патера вспыхнулъ зловѣщій огонь.

— Ты осмѣлился сдѣлать это, негодяй? — закричалъ Клодъ, яростно схватывая Гренгуара за руку. — Неужели Богъ тебя совсѣмъ оставилъ, что ты осмѣлился коснуться этой твари?

— Если это васъ тревожитъ, монсиньёръ, то клянусь вамъ спасеніемъ моей души, что я ни разу не прикоснулся къ ней, дрожа всѣмъ тѣломъ, заявилъ Гренгуаръ.

— Что жъ ты болтаешь о мужѣ и женѣ? — сказалъ патеръ.

Гренгуаръ поспѣшилъ передать ему въ самомъ сжатомъ видѣ все, что уже извѣстно читателю, — все случившееся съ нимъ на „Дворѣ Чудесъ“ и свое вѣнчаніе посредствомъ разбитой кружки. Повидимому, это вѣнчаніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, и цыганка каждый вечеръ умѣла ускользнуть у него, какъ въ первую ночь.

— Это непріятно, — заключилъ свой разсказъ Гренгуаръ, — но бѣда въ томъ, что я, кажется, имѣлъ несчастье жениться на дѣвицѣ.

— Что вы хотите сказать этимъ? — спросилъ патеръ, мало-по-малу успокоившійся въ продолженіе разсказа.

— Это довольно трудно объяснить, — отвѣчалъ поэтъ. — Тутъ дѣло въ суевѣріи. Моя жена, какъ мнѣ сказалъ старый бродяга, котораго у насъ называютъ герцогомъ Египетскимъ, подкинута, или потеряна своими родными, — что сводится къ одному и тому же. Она носитъ на шеѣ ладонку, которая, какъ увѣряютъ, поможетъ ей со временемъ отыскать ея родныхъ, но которая утратитъ свою силу, если молодая дѣвушка утратитъ свою чистоту. Изъ этого слѣдуетъ, что мы оба живемъ какъ нельзя болѣе добродѣтельно.

— Стало-быть, вы думаете, метръ Пьеръ, что къ этой цыганкѣ еще не прикасался ни одинъ мужчина? — спросилъ Клодъ, лицо котораго прояснялось по мѣрѣ того, какъ говорилъ Гренгуаръ.

— Какъ человѣку сладить съ суевѣріемъ, — отвѣтилъ поэтъ. У дѣвушки эта мысль засѣла въ голову. Полагаю, что, навѣрное, большая рѣдкость встрѣтить такую монашескую цѣломудренность среди цыганокъ, которыя, вообще, такъ легко приручаются. Но ее охраняютъ три вещи: герцогъ Египетскій, взявшій ее подъ свое покровительство, предполагая, может-быть, со временемъ продать ее какому-нибудь аббату; все ея племя, относящееся къ ней съ какимъ-то особеннымъ обожаніемъ, какъ къ какой-то святой; и, наконецъ, маленькій кинжалъ, который, мошенница, всегда носитъ при себѣ, несмотря на запрещеніе прево, и который немедленно появляется въ рукѣ, какъ только ее вздумаешь обнять за талію — настоящая оса!

Архидіаконъ засыпалъ Гренгуара вопросами.

По мнѣнію Гренгуара, Эсмеральда безобидное прелестное существо; хорошенькая, когда не дѣлаетъ своей особенной гримаски, наивная, страстная, совершенно не знающая жизни и всѣмъ увлекающаяся; не сознающая еще различія между мужчиной и женщиной; совершенное дитя природы, до страсти любящее пляску, шумъ, жизнь подъ открытымъ небомъ, нѣчто въ родѣ женщины-пчелы, съ невидимыми крыльями на ногахъ, живущей въ постоянномъ вихрѣ. Она обязана этими свойствами той бродячей жизни, которую вѣчно вела. Гренгуару удалось узнать, что еще въ дѣтствѣ она исходила всю Испанію, Каталонію и

Сицилію; кажется, даже побывала съ цыганскимъ таборомъ, къ которому она принадлежитъ, въ царствѣ Алжирскомъ, находящемся въ Ахайи, которая, какъ извѣстно, граничитъ съ малой Албаніей и Греціей, а съ другой — съ Сицилійскимъ моремъ, по которому лежитъ путь въ Константинополь. Цыгане, по словамъ Гренгуара, оказывались подданными алжирскаго короля, какъ главы всѣхъ бѣлыхъ мавровъ. Достовѣрно только то, что Эсмеральда еще въ очень юномъ возрастѣ пришла во

Эсмеральда и Гренгуаръ.

Францію изъ Венгріи. Изъ всѣхъ этихъ странъ молодая дѣвушка вынесла отрывки странныхъ нарѣчій, пѣсенъ и понятій, вовсе на подходящихъ къ французскимъ, отчего ея рѣчь была такъ же пестра, какъ ея полу-африканскій, полупарижскій нарядъ. Жители кварталовъ, которые она посѣщаетъ, любятъ ее за ея веселость, грацію, живость, пляску и пѣсни. Она считаетъ, что во всемъ городѣ ее ненавидятъ только два лица, о которыхъ она часто говоритъ съ ужасомъ: затворница Роландовой башни, которая неизвѣстно за что ненавидитъ цыга-

нокъ и проклинаетъ Эсмеральду каждый разъ, какъ та проходитъ мимо окошечка ея кельи, а затѣмъ священникъ, который никогда не проходитъ мимо, не бросивъ ей взгляда или слова, которые пугаютъ ее.

Послѣднее обстоятельство весьма смутило архидіакона; но Гренгуаръ не обратилъ особеннаго вниманія на его смущеніе; двухъ мѣсяцевъ оказалось совершенно достаточно, чтобы заставить легкомысленнаго поэта забыть странныя подробности того вечера, когда онъ встрѣтился съ цыганкой, и той роли, которую при этомъ игралъ архидіаконъ. Вообще, маленькая танцовщица ничего не боится; она не гадаетъ, а слѣдовательно ей и ничего опасаться преслѣдованій за колдовство, которымъ часто подвергаются цыганки. Къ тому же, Гренгуаръ постоянно находится при ней, если не въ качествѣ мужа, то, по крайней мѣрѣ, брата. Вообще, философъ переноситъ очень терпѣливо свой платоническій бракъ. Все же онъ, такимъ образомъ, имѣетъ кровъ и кусокъ хлѣба. Каждое утро онъ выходитъ изъ квартала нищихъ, чаще всего вмѣстѣ съ цыганкой, и помогаетъ ей собирать на перекресткахъ нѣсколько мелкихъ монетъ; вечеромъ они вмѣстѣ возвращаются подъ общую кровлю; Эсмеральда запирается въ своей каморкѣ; а онъ засыпаетъ сномъ праведника. Гренгуаръ находилъ такое существованіе очень пріятнымъ и располагающимъ къ мечтательности. Къ тому же, положа руку на сердце, онъ не былъ страстно влюбленъ въ цыганку. Онъ, кажется, любилъ козу не меньше ея хозяйки. То было прелестное, кроткое, умное животное — ученая коза. Въ средніе вѣка подобныя ученыя животныя, возбуждавшія всеобщее удивленіе и часто доводившія своихъ хозяевъ до костра, не были рѣдкостью. Между тѣмъ, колдовство козочки съ золочеными копытцами было самаго невиннаго свойства. Гренгуаръ объяснилъ его архидіакону, котораго эти подробности, повидимому, чрезвычайно интересовали. Въ большинствѣ случаевъ достаточно было подать козѣ извѣстнымъ образомъ бубенъ, чтобы она произвела желаемое колдовство. Научила ее этому цыганка, обладавшая въ этомъ отношеніи такимъ талантомъ, что ей достаточно было двухъ мѣсяцевъ, чтобы выучить козу складывать изъ подвижныхъ буквъ слово „*Фебъ*“.

— „*Фебъ*“ — сказалъ патеръ. — Почему только „Фебъ?“

— Не знаю, — отвѣчалъ Гренгуаръ. — Можетъ-быть, цыганка приписываетъ этому слову какое-нибудь особенное таинственное свойство. Часто думая, что ее никто не слышитъ, она повторяетъ его про себя.

— Увѣрены ли вы, что это слово, а не имя? — спросилъ Клодъ, сопровождая свой вопросъ проницательнымъ взглядомъ.

— Чье имя? — сказалъ поэтъ.

— Почему я знаю! — отвѣтилъ патеръ.

— Знаете, что я думаю, мессиръ? — Цыгане въ нѣкоторомъ родѣ огнепоклонники и обожаютъ солнце. Вотъ откуда взялось „Фебъ“.

— Мнѣ это не кажется такъ же ясно, какъ вамъ, метръ Пьеръ?

— Въ сущности, это меня не касается. Пусть себѣ бормочетъ своего Феба на здоровье! Одно я знаю, что Джали любитъ меня уже почти не меньше, чѣмъ ее.

— Кто это Джали?

— Коза.

Архидіаконъ взялся рукой за подбородокъ и на минуту какъ-бы задумался. Вдругъ онъ порывисто обратился къ Гренгуару.

— И ты клянешься мнѣ, что ты не прикосался къ ней?

— Къ кому — спросилъ Гренгуаръ. — Къ козѣ?

— Нѣтъ; къ этой женщинѣ.

— Къ моей женѣ! Клянусь!

— А ты часто бываешь наединѣ съ нею?

— Каждый вечеръ съ добрый часъ.

Патеръ Клодъ нахмурился.

— Ого! *Solus cum sola non congitabuntur orare Pater noster.*

— Клянусь честью, я могъ бы прочесть при ней и *Pater* и *Ave Maria* и *Credo in Deum patrem omnipotentem*, и она не обратила бы на меня болѣе вниманія, чѣмъ курица на церковь.

— Поклянись мнѣ утробой своей матери, что ты не прикосался къ къ этой твари кончикомъ пальца! — горячо повторилъ архидіаконъ.

— Я могъ бы поклясться также и головой моего отца. Но, почтенный учитель, позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Говорите.

— Какое вамъ до всего этого дѣло?

Блѣдное лицо архидіакона вспыхнуло, какъ щеки дѣвушки. Онъ съ минуту ничего не отвѣчалъ, затѣмъ заговорилъ съ видимымъ смущеніемъ.

— Послушайте, метръ Пьеръ Гренгуаръ, вы еще, насколько мнѣ извѣстно, не погубили своей души. Я принимаю въ васъ участіе и желаю вамъ добра. Малѣйшее же общеніе съ этой проклятой цыганкой отдастъ васъ во власть сатаны. Вы знаете, что всегда тѣло губитъ душу. Горе вамъ, если вы сблизитесь съ этой женщиной.

— Я было попытался разъ... въ первый день, да укололся, — сознался Гренгуаръ, почесывая затылокъ.

— У васъ хватило безсовѣстности, метръ Пьеръ?

Лицо патера снова омрачилось.

— Другой разъ, — продолжалъ поэтъ, улыбаясь, — я передъ сномъ подсмотрѣлъ въ замочную скважину и увидалъ самую красивую женщину, подъ обнаженной ногой которой когда-либо скрипѣла складная постель.

— Убирайся къ дьяволу! — крикнулъ патеръ съ ужаснымъ взглядомъ, и, толкнувъ изумленнаго Гренгуара, большими шагами удалился подъ самые темные своды собора.

III.

Колокола.

Съ самаго дня выставки у позорнаго столба, жителямъ домовъ по сосѣдству съ соборомъ Богоматери стало казаться что усердіе Квазимодо къ звону колоколовъ значительно охладѣло. Прежде трезвонъ поднимался по всякому поводу; утренній звонъ продолжался отъ перваго часа до повечерья, передъ поздней обѣдней начинался цѣлый набатъ; богатая гамма, при участіи всѣхъ колоколовъ, раздавалась при бракосочетаніяхъ или крестинахъ, образуя въ воздухѣ какъ бы узоръ изъ разнородныхъ, прелестныхъ звуковъ. Старинный храмъ весь наполнялся звучными, радостными переливами. Чувствовалось постоянное присутствіе причудливаго шумнаго духа, пѣвшаго посредствомъ всѣхъ

этихъ мѣдныхъ устъ. Теперь этотъ духъ исчезъ. Соборъ казался мрачнымъ и охотно безмолствовалъ. Въ праздники и при похоронахъ раздавался обычный сухой звонъ безъ всякихъ прикрасъ — только то, что требовалось по уставу, и ничего больше. Изъ звуковъ, которыми наполняютъ церковь—органъ внутри, а колокола снаружи, остались только звуки органа. Можно было подумать, что на колокольняхъ уже не стало музыкантовъ. Между тѣмъ Квазимодо продолжалъ жить тамъ. Что же съ нимъ случилось? Или стыдъ и отчаяніе, перенесенные имъ у позорнаго столба, еще продолжали наполнять его сердце, удары кнута палача продолжали отдаваться въ его душѣ, и пережитое страданіе убило въ немъ все, даже его страсть къ колоколамъ? Или, можетъ-быть, колоколъ Марія нашелъ себѣ соперницу въ сердцѣ соборнаго звонаря, и онъ забывалъ большой колоколъ и его четырнадцать братьевъ изъ-за чего-нибудь болѣе прекраснаго?

Случилось, что въ лѣто отъ Р. Х. 1482 Благовѣщеніе пришлось во вторникъ. Въ этотъ день воздухъ былъ такъ чистъ и легокъ, что въ душѣ Квазимодо снова пробудилась нѣкоторая любовь къ его колоколамъ. Онъ поднялся на сѣверную башню, между тѣмъ, какъ внизу церковный сторожъ открывалъ настежь всѣ церковныя двери, состоявшія тогда изъ огромныхъ половинокъ крѣпкаго дерева, окованныхъ мѣдью, прибитой золочеными желѣзными гвоздями и обрамленныхъ „весьма искусно вычеканеннымъ“ орнаментомъ.

Войдя въ верхнее отдѣленіе колокольни, Квазимодо нѣсколько времени смотрѣлъ на свои шесть колоколовъ, грустно покачивая головой, какъ будто въ его сердцѣ что-то встало между нимъ и ими. Но, когда раскачавъ ихъ, онъ почувствовалъ движеніе этой связки колоколовъ, управляемой его рукой, когда увидалъ — слышать онъ не могъ — какъ трепещущая октава пробѣгала вверхъ и внизъ по этой звучащей лѣстницѣ, подобно птицѣ, прыгающей съ вѣтки на вѣтку, когда демонъ музыки, потрясающій всей массой нотъ, трелей и переливовъ, овладѣлъ бѣднымъ глухимъ, онъ снова сталъ счастливъ: онъ забылъ все и подъ вліяніемъ облегченія, которое испытало его сердце, лицо его повеселѣло.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, ударялъ въ ладоши, бѣгалъ отъ одной веревки къ другой, ободряя своихъ шестерыхъ пѣвцовъ голосомъ и жестами, какъ дирижеръ, подбадривающій чуткихъ виртуозовъ.

— Ну, Габріель, — говорилъ онъ, — наполни своими звуками всю площадь, сегодня праздникъ. — Тибо, не лѣнись. Ты что-то замедляешь темпъ. Ну, же; ну! Или ты заржавѣлъ, лѣнивецъ?.. Хорошо! Скорѣй, скорѣй! Чтобъ языка не было видно. Оглуши ихъ, чтобъ они стали, какъ я! Хорошо, Тибо... молодецъ!... Гильомъ! Гильомъ! И въ самый большой, а также въ самый маленькій; — между тѣмъ, у Пакье дѣло идетъ лучше всего. Можно поспорить, что тѣ которые слышатъ, слышали его лучше тебя. — Хорошо, хорошо, Габріель: сильнѣй, сильнѣй! — Эй, да что это вы тамъ дѣлаете, Воробьи? Васъ вовсе не слышно... Что это за мѣдные клювы, что какъ будто зѣваютъ, когда имъ надо пѣть? У меня работать! Сегодня Благовѣщеніе. Солнце свѣтитъ ярко. Надо отзвонить на славу... Бѣдный Гильомъ, ты совсѣмъ запыхался, толстякъ!

Онъ весь ушелъ въ подбадриванье своихъ колоколовъ, которые всѣ взапуски подпрыгивали, потрясая своими блестящими тѣлами, какъ

шумная запряжка испанскихъ муловъ, поощряемыхъ время отъ времени прикосновенiемъ бича.

Вдругъ, бросивъ взглядъ внизъ черезъ широкую шиферную чешую, покрывавшую на извѣстной высотѣ остроконечную стѣну колокольни, онъ увидалъ на площади молодую дѣвушку въ пестромъ нарядѣ, разстилавшую коверъ, на который прыгнула козочка. Кругомъ уже собирались зрители. Это зрѣлище вдругъ измѣнило направленiе мыслей звонаря и охладило его музыкальное рвенiе, какъ струя холоднаго воздуха охлаждаетъ растопленную смолу. Онъ остановился, отвернулся отъ колоколовъ и, присѣвъ за отверстiемъ, открывавшимся въ шиферныхъ плитахъ, устремилъ на плясунью тотъ задумчивый, нѣжный и кроткiй взглядъ, который уже такъ однажды изумилъ архидiакона. Между тѣмъ, забытые колокола замолкли всѣ сразу, къ великому прискорбiю любителей колокольнаго звона, внимательно слушавшихъ его съ моста и разошедшихся съ чувствомъ того недоумѣнiя, которое испытываетъ собака, которой показали кость, а дали камень.

IV.

'ΑΝΑΓΚΗ.

Случилось, что въ одно прекрасное утро того же марта мѣсяца — кажется въ субботу 29, въ день св. Евстафiя — нашъ юный другъ, школяръ Жеганъ Фролло, замѣтилъ, одѣваясь, что изъ его кармана въ которомъ находился его кошелекъ, не слышится ни малѣйшаго металлическаго звука.

— Бѣдный кошелекъ! — проговорилъ онъ, вынимая его, — не осталось въ тебѣ ни одного су! Жестоко опустошили тебя кости, кружка пива да Венера! Ты опустѣлъ, сморщился, приплюснулся! Точно грудь вѣдьмы. Скажите-ка мнѣ, господа Цицеронъ и Сенека, произведенiя которыхъ въ засохшихъ переплетахъ валяются на полу, какая мнѣ польза изъ того, что я лучше всякаго начальника монетнаго двора или жида съ моста мѣнялъ умѣю считать и знаю цѣну каждой монеты, если у меня нѣтъ даже несчастнаго лiара, чтобъ рискнуть въ double-six. О, консулъ Цицеронъ, изъ такой бѣды не выпутаешься красивыми оборотами да *quemad modum* или *verum enim verum*.

Онъ грустно одѣлся. Въ то время, какъ онъ завязывалъ башмаки, ему пришла мысль, но онъ ее отогналъ сначала; однако, она снова вернулась, и Жеганъ надѣлъ жилетъ наизнанку — видимый признакъ сильной внутренней борьбы. Наконецъ, онъ изо всей силы швырнулъ шапку о земь и воскликнулъ:

— Тѣмъ хуже! Будь, что будетъ! Пойду къ брату. Придется выслушать проповѣдь, по крайней мѣрѣ, достану денегъ.

Онъ поспѣшно надѣлъ казакинъ съ мѣховыми отворотами, поднялъ шапку и поспѣшно выбѣжалъ изъ дому.

Онъ пошелъ по улицѣ Харпъ къ Ситэ. Когда онъ проходилъ по улицѣ Юшеттъ запахъ постоянно вертѣвшихся тамъ вертеловъ защекоталъ его обонятельный аппаратъ, и онъ любовно взглянулъ на огромную съѣстную лавку, по поводу которой францинсканскiй монахъ Калатажиронъ воскликнулъ съ паѳосомъ: *Veramente, queste rotisserie sono cosa stupenda!* Но Жегану нечѣмъ было заплатить за завтракъ, и онъ

съ глубокимъ вздохомъ углубился подъ портикъ Пти-Шалэ — огромный шестиугольникъ изъ массивныхъ башенъ, охранявшій входъ въ городъ.

Онъ даже не остановился на мгновеніе, чтобы, по обычаю, проходя, бросить камень въ статую презрѣннаго Перинэ-Леклерка, предавшаго при Карлѣ VI Парижъ англичанамъ, за каковое преступленіе платилась въ продолженіе трехъ вѣковъ его статуя съ лицомъ, избитымъ камнями и выпачканнымъ грязью, стоявшая на перекресткѣ улицъ Харпъ и Бюси, какъ бы на вѣчной выставкѣ у позорнаго столба.

Пройдя Новый мостъ и улицу Нёвъ-Сенъ-Женевьевъ, Жеганъ-де-Молендино очутился передъ соборомъ Богоматери. Тутъ имъ снова овладѣла нерѣшительность, и онъ нѣсколько минутъ бродилъ вокругъ статуи Легри, повторяя съ тоской:

— Проповѣдь-то, навѣрное, будетъ, а насчетъ золотого экю — сомнительно!

Онъ окликнулъ церковнаго сторожа, выходившаго изъ церкви.

— Гдѣ архидіаконъ?

— Должно-быть, въ башенной кельѣ,— отвѣтилъ сторожъ,— и не совѣтую вамъ безпокоить его тамъ, развѣ если вы посланы кѣмъ-нибудь, вродѣ папы или короля.

Жеганъ захлопалъ въ ладоши.

— Ахъ, чортъ возьми! Вотъ прекрасный случай посмотрѣть знаменитый пріютъ всякаго колдовства.

Онъ рѣшительно двинулся въ темный входъ и сталъ подниматься по витой лѣстницѣ въ верхній этажъ башни.

„Посмотримъ,—думалъ онъ дорогой. — Клянусь Пресвятой Дѣвой! интересна, должно-быть, эта келья, которую мой преподобный братецъ такъ тщательно скрываетъ! Говорятъ, онъ тамъ зажигаетъ огонь въ горнѣ и вертитъ на сильномъ пламени философскій камень. Ну, мнѣ этотъ философскій камень такъ же нуженъ, какъ какой-нибудь простой булыжникъ, и я бы больше обрадовался, если бъ увидалъ на его очагѣ простую яичницу съ саломъ, чѣмъ самый огромный въ мірѣ кусокъ философскаго камня!

Достигнувъ до галлереи съ колоннами, онъ перевелъ духъ, призывая тысячу чертей на безконечную лѣстницу, а затѣмъ снова началъ подниматься черезъ узкую сѣверную дверцу, теперь закрытую для публики. Миновавъ помѣщеніе колоколовъ, онъ встрѣтилъ маленькую площадку, устроенную въ боковомъ углубленіи, и на ней, подъ сводомъ, низенькую стрѣльчатую дверь, разсмотрѣть огромный замокъ и тяжелую желѣзную обшивку которой ему позволилъ свѣтъ, падавшій изъ амбразуры, продѣланной въ круглой стѣнѣ, вдоль которой поднималась лѣстница. Кто поинтересовался бы теперь взглянуть на эту дверь, тотъ узналъ бы ее по надписи бѣлыми буквами на черной стѣнѣ: „Обожаю Корали. 1829. Подписано Юженъ“. *Подписано* значится въ текстѣ.

— Ухъ,— вздохнулъ студентъ,— должно-быть, здѣсь.

Ключъ торчалъ въ замкѣ; дверь была близко; Жеганъ толкнулъ ее тихонько и просунулъ голову въ открывшуюся щель.

Читателю, вѣроятно, случалось видать чудныя произведенія Рембрандта, этого Шекспира живописи. Между его гравюрами есть одинъ о-фортъ, представляющій, какъ предполагаютъ, доктора Фауста. На эту картину нельзя смотрѣть безъ восторга. Она представляетъ темную

келью; посерединѣ столъ съ странными предметами: мертвыми головами, шарами, ретортами, циркулями, пергаментами, исписанными іероглифами. Докторъ сидитъ за этимъ столомъ; онъ одѣтъ въ тяжелую епанчу, а на голову до бровей надвинута мѣховая шапка. Видна только верхняя половина его корпуса. Онъ привсталъ съ своего огромнаго кресла, опираясь сжатыми кулаками на столъ, и съ любопытствомъ и ужасомъ разсматриваетъ большой, свѣтлый кругъ, составленный изъ магическихъ буквъ и сверкающій на задней стѣнѣ, какъ солнечный спектръ въ темной комнатѣ. Кажется, будто это кабалистическое солнце дрожитъ и наполняетъ мрачную келью своимъ таинственнымъ сіяніемъ. Впечатлѣніе ужасное и чудное.

Нѣчто, похожее на келью Фауста, представилось глазамъ Жегана, когда онъ рѣшился просунуть голову въ полу-отворенную дверь. Это была тоже темная, едва освѣщенная келья. Въ ней стояло большое кресло и большой столъ съ циркулями, ретортами, скелетами животныхъ, подвѣшанными къ потолку, подвижнымъ глобусомъ на каменномъ полу, лошадиными черепами вперемѣшку съ бокалами, гдѣ дрожали золотые листочки, черепами, лежавшими на тонкихъ листахъ пергамента, покрытыхъ фигурами и буквами, огромными раскрытыми рукописями, наваленными другъ на друга, безъ вниманія къ легко-ломающемуся по сгибамъ пергаменту, однимъ словомъ—всѣмъ хламомъ науки. И весь этотъ хаосъ покрывала пыль и паутина. Недоставало только круга изъ свѣтящихся буквъ и доктора, созерцающаго въ экстазѣ сверкающее видѣніе, какъ орелъ созерцаетъ солнце.

Однако, келья была обитаема. Въ креслѣ, нагнувшись надъ столомъ, сидѣлъ кто-то. Жеганъ, къ которому сидящій былъ обращенъ спиной, могъ видѣть только плечи и заднюю часть черепа; но онъ безъ труда узналъ эту лысую голову, которую природа снабдила вѣчной тонзурой, какъ бы желая наружнымъ знакомъ указать на призваніе архидіакона къ духовному сану.

Итакъ, Жеганъ узналъ брата; но дверь отворилась такъ тихо, что Клодъ не слыхалъ ничего. Любопытный студентъ воспользовался этимъ, чтобы оглядѣть на свободѣ келью. Налѣво отъ кресла, подъ круглымъ окномъ, находился обширный очагъ, котораго Жеганъ сначала не замѣтилъ. Лучъ свѣта, проникавшій черезъ это окно, проходилъ черезъ круглую паутину, изящная розетка которой была вплетена въ стрѣлку окна и въ рединѣ которой архитекторъ-насѣкомое сидѣлъ неподвижно, какъ сердцевина этого кружевного колеса. На очагѣ стояли въ безпорядкѣ всевозможные сосуды, глиняные пузырьки, стеклянные рожки, угольные колбы съ длинными горлышками. Жеганъ со вздохомъ замѣтилъ, что сковородки не было видно.

„Нечего сказать, кухня!“ подумалъ онъ.

Впрочемъ, на очагѣ не было огня и, казалось даже, что его уже давно не зажигали. Стеклянная маска, замѣченная Жеганомъ среди алхимическихъ приборовъ и служившая, вѣроятно, для предохраненія лица архидіакона во время выработки какого-нибудь опаснаго вещества, лежала въ углу, покрытая пылью и видимо позабытая. Рядомъ лежали не менѣе запыленные мѣхи съ надписью изъ мѣдныхъ буквъ на верхней крышкѣ: *Spira, spera.*

На стѣнахъ, по обычаю алхимиковъ, также красовались многочисленныя изреченія; нѣкоторыя—написанныя чернилами, другія—вырѣ-

занныя металлической иглой. Готическія, еврейскія, греческія и римскія буквы перемѣшивались, надписи переплетались, болѣе свѣжія сглаживали болѣе старинныя — все перепутывалось, какъ вѣтвь кустовъ, какъ пики въ рукопашной схваткѣ. Это, дѣйствительно, было смѣшеніе всякихъ философій, всякихъ человѣческихъ знаній и мечтаній. Тамъ и сямъ что-нибудь выступало особенно ярко, какъ выступаетъ знамя среди лѣса острыхъ пикъ. По большей части то было краткое греческое или латинское изреченіе, которыми такъ хорошо умѣли выражаться въ средніе вѣка: *Unde? inde?* — *Homo hominimonstrum.* — *Astra, castra, nomen, numen.* Μεγα βίσλὶϛν, μέγα μαμον. *Sapere aude.* — Flat ubi vult и т. п. Иногда попадалось слово, не имѣющее видимаго смысла: 'Αναγχεφαγὶα — можетъ быть горькій намекъ на монастырскую жизнь; иногда — какое нибудь простое правило дисциплины духовной іерархіи, изложенное въ правильномъ гекзаметрѣ: *Coelestum dominum, terrestrem dicito domnum.* Попадались и еврейскія изреченія, въ которыхъ Жеганъ, и въ греческомъ-то не особенно сильный, не понималъ ровно ничего, и по всему были разбросаны звѣзды, людскія и человѣческія фигуры и пересѣкающіеся трехугольники, что весьма способствовало сходству испещренной стѣны кельи съ листомъ бумаги, по которому бы обезьяна водила перомъ, обмокнутымъ въ чернила.

Общій видъ кельи производилъ впечатлѣніе заброшенности и разоренія, и плохое состояніе всѣхъ приборовъ наводило на мысль, что хозяинъ ея уже давно отвлеченъ отъ своихъ занятій другими мыслями.

Между тѣмъ хозяинъ, нагнувшись надъ обширной рукописью, украшенной странными рисунками, казалось, мучился какою-то мыслью, которая постоянно врывалась въ его размышленія. По крайней мѣрѣ, такъ подумалъ Жеганъ, услыхавъ, какъ его братъ, между задумчивыми паузами мечтателя, грезящаго наяву, восклицалъ:

— Да Ману, говоритъ это, и Зороастръ училъ тому же — солнце рождается отъ огня, луна отъ солнца. Огонь — душа всего великаго. Его первичные атомы изливаются непрестанно на міръ и разливаются по нему безконечными потоками. Въ тѣхъ точкахъ, гдѣ эти теченія пересѣкаются въ небѣ, они порождаютъ свѣтъ; въ мѣстахъ пересѣченія на землѣ — золото. — Свѣтъ и золото одно и то же — огонь въ конкретной формѣ. — Разница между видимымъ и осязаемымъ, между жидкостью и твердымъ веществомъ, состоящими изъ той же субстанціи, та же, что между паромъ и льдомъ. Больше ничего... Это не бредни — таковъ общій законъ природы... Но какъ ввести въ науку этотъ общій законъ? Какъ! Этотъ свѣтъ, заливающій мою руку — золото! Это тѣ же атомы, размѣщенные по извѣстнымъ законамъ, и стоитъ только размѣстить ихъ соотвѣтственно иному закону! — Но какъ это сдѣлать?.. Нашлись люди, вздумавшіе зарыть въ землю солнечный лучъ. Аверроэсъ — да, Аверроэсъ, — закопалъ одинъ такой лучъ подъ первой колонной съ лѣвой стороны въ святилищѣ корана — большой Кордовской мечети; но открыть склепъ, чтобы посмотрѣть, удалась ли операція, можно только черезъ восемъ тысячъ лѣтъ.

— Долго пришлось бы, такимъ образомъ, ждать, пока получишь экю! — проговорилъ про себя Жеганъ.

— Другіе думали, что лучше брать лучъ Сиріуса, продолжалъ задумчиво разсуждать архидіаконъ. — Но весьма трудно получить этотъ

лучъ въ чистомъ видѣ, по причинѣ присутствія другихъ звѣздъ, лучи которыхъ примѣшиваются къ нему на пути. Фламель полагалъ, что проще дѣйствовать посредствомъ земного огня... Фламель! какое имя, какъ бы предопредѣленное самой судьбой: *Flamma*!.. Да, огонь. Вотъ все... Алмазъ въ углѣ, золото въ огнѣ... Но какъ его извлечь оттуда?.. Мажистри утверждаетъ, что есть нѣкоторыя женскія имена, имѣющія такую обаятельную и таинственную силу, что достаточно произносить ихъ во время добыванія!.. Посмотримъ, что говоритъ объ этомъ Ману: „Гдѣ женщина въ почтеніи, тамъ богамъ приходится радоваться; гдѣ „она въ презрѣніи — безполезно молиться Богу... Уста женщины всегда „чисты; это проточная вода; это солнечный лучъ... Имя женщины „должно быть пріятно, легко, говорить воображенію; оно должно „оканчиваться длинными гласными и походить на благословеніе..." Да, мудрецъ правъ: правда, Марія, Софія, Эсмер... Проклятіе, вѣчно эта мысль!

Архидіаконъ съ сердцемъ захлопнулъ книгу.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы отгоняя неотвязпую мысль, и затѣмъ взялъ со стола гвоздь и молоточекъ, на ручкѣ котораго были нарисованы замысловатыя кабалистическія буквы.

— Уже нѣсколько времени всѣ мои опыты оканчиваются неудачно. Одна неотвязная мысль засѣла у меня въ мозгу и жжетъ его, какъ раскаленное желѣзо. Я даже не могъ отыскать секрета Кассидора, лампа котораго горѣла безъ фитиля и безъ масла. Между тѣмъ, вещь не хитрая!

— Какъ же! — пробормоталъ про себя Жеганъ.

— Стало-быть, достаточно какой-то одной несчастной мысли, чтобы сдѣлать человѣка слабымъ и полоумнымъ! О, какъ бы стала смѣяться надо мной Клавдія Пернелль, которой ни на минуту не удалось отвлечь Николая Фламеля отъ работы надъ великимъ дѣломъ! Вотъ я держу въ рукахъ магическій молотокъ Зехіеля: при каждомъ ударѣ этимъ молоткомъ страшнаго равви въ своей кельѣ по головкѣ гвоздя, тотъ изъ его враговъ, котораго онъ осудилъ на смерть — будь онъ за тысячу лье — уходилъ на локоть въ землю, пожиравшую его. Самъ французскій король, за то, что онъ однажды необдуманно постучалъ въ дверь чудодѣя, погрузился до колѣнъ въ мостовую своего Парижа... Это случилось три вѣка тому назадъ. Вотъ теперь молотокъ и гвоздь у меня въ рукахъ, и эти орудія оказываются не опаснѣе молота въ рукахъ кузнеца... А между тѣмъ, стоитъ только найти магическое слово, которое произносилъ Захіеля, когда онъ ударялъ по гвоздю.

„Пустяки!" подумалъ Жеганъ.

— Дай-ка, попробую, — продолжалъ архидіаконъ. — Въ случаѣ удачи, я увижу, какъ изъ головки гвоздя выскочитъ голубая искра... Эменъ-хэтанъ! Эменъ-хэтанъ!.. Не то... Сижеани! Сижеани!.. Пусть этотъ гвоздь разверзнетъ могилу для человѣка, носящаго имя „Фебъ!" — Проклятіе! Постоянно, постоянно одна и та же мысль!

Онъ гнѣвно отбросилъ молотокъ и затѣмъ такъ глубоко погрузился въ кресло, что Жеганъ совершенно потерялъ его изъ виду за огромной его спинкой. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ студентъ видѣлъ только сжатый кулакъ брата на книгѣ.

Вдругъ Клодъ всталъ, взялъ циркуль и молча вырѣзалъ на стѣнѣ прописными буквами греческое слово:

ʼΑΝΑΓΚΗ.

„Братъ сошелъ съ ума,— подумалъ Жеганъ,—проще было бы написать *Fatum* — рокъ“. Не всѣ обязаны знать греческій языкъ.

Архидіаконъ снова сѣлъ въ кресло и положилъ голову на обѣ руки, какъ дѣлаетъ больной, когда голова у него тяжела и горитъ.

Студентъ съ изумленіемъ наблюдалъ за братомъ. Онъ, у котораго душа всегда была нараспашку, который признавалъ въ жизни одинъ только законъ — законъ природы, который изливалъ свои страсти въ своихъ склонностяхъ, который исчерпывалъ всѣ сильныя впечатлѣнія и наслажденія до дна, онъ не вѣдалъ, съ какой яростью море человѣческой страсти волнуется и кипитъ, когда ему некуда излиться, какъ оно переполняется, вздымается, выливается изъ береговъ, какъ оно подмываетъ человѣческое сердце, какъ раздражается внутренними стонами и глухими содроганіями до тѣхъ поръ, пока не прорветъ плотины и не вырвется изъ своихъ береговъ. Ледяная, суровая наружность Клода Фролло, эта холодная внѣшность трудно или почти недосягаемой добродѣтели, всегда вводила въ заблужденіе Жегана. Веселый школяръ никогда не размышлялъ о томъ, какая масса клокочущей, яростной лавы наполняетъ нѣдра покрытой снѣгомъ Этны.

Не знаемъ, отдалъ ли онъ себѣ внезапно отчетъ въ этихъ мысляхъ, но при всемъ своемъ легкомысліи онъ понялъ, что видѣлъ то, чего ему не слѣдовало видѣть, что онъ увидалъ душу брата въ одномъ изъ самыхъ сокровенныхъ настроеній, и что Клодъ не долженъ этого знать. Видя, что архидіаконъ снова погрузился въ полную неподвижность, онъ тихонько прибралъ голову и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за дверью, какъ будто только что пришелъ и желаетъ дать знать о своемъ приходѣ.

— Войдите! — крикнулъ архидіаконъ изъ кельи,— я васъ ждалъ и нарочно оставилъ ключъ въ двери. Войдите, метръ Жакъ!

Студентъ смѣло переступилъ черезъ порогъ. Ахидіаконъ, котораго подобное посѣщеніе въ этомъ мѣстѣ весьма стѣсняло, вздрогнулъ.

— Какъ, Жеганъ, это ты?

— Все же Ж,— отвѣчалъ студентъ съ румянымъ, нахальнымъ и веселымъ лицомъ.

Лицо патера Клода снова приняло свое обычное, строгое выраженіе.

— Что тебѣ надо?

— Я пришелъ къ вамъ, братецъ... — началъ студентъ, стараясь состроить приличную, скромную и жалобную мину и вертя съ самымъ невиннымъ видомъ свою шапку въ рукахъ...— Я хочу просить...

— Что?

— Дать мнѣ наставленіе, въ которомъ я очень нуждаюсь.

Онъ не осмѣлился прибавить вслухъ: — и немного денегъ, въ которыхъ нуждаюсь еще больше. — Послѣдняя часть фразы застряла у бѣднаго въ горлѣ.

— Я очень недоволенъ тобой,— сказалъ архидіаконъ холоднымъ тономъ.

— Къ несчастью! — вздохнулъ юноша.

Патеръ Клодъ на четверть круга повернулъ свое кресло и пристально взглянулъ на брата

— Я радъ тебя видѣть.

Вступленіе было подозрительное. Жеганъ приготовился выдержать ударъ.

— Ко мнѣ каждый день обращаются съ жалобами на тебя. Что это за драки, гдѣ вы исколотили молодого виконта Альберта де-Рамошанъ?..

— Пустяки! — отвѣчалъ Жеганъ.— Скверный мальчишка, забавлявшійся тѣмъ, что забрызгивалъ студентовъ, скача на лошади по грязи.

— А кто это Маіэ Фаржель, которому ты изодралъ платье? *Tunicam dechiraverunt*, — говорится въ жалобѣ.

— Э, какая бѣда! просто сбросилъ шапку съ какого-то Монтегю...

— Въ жалобѣ сказано *tunicam*, а не *cappettam*. Ты понимаешь по-латыни?

Жеганъ не отвѣчалъ.

— Да, вотъ какъ теперь учатся! — продолжалъ патеръ, покачивая головой.— Латынь еле-еле понимаютъ, о существованіи сирійскаго не подозрѣваютъ, изученіе греческаго въ такомъ положеніи, что даже самымъ ученымъ людямъ не ставится въ незнаніе, если они пропускаютъ греческое слово, не читая его, да еще говорятъ: *Graecum est, non legitur*.

Студентъ поднялъ съ рѣшительнымъ видомъ глаза.

— Желаете вы, братецъ, чтобъ я объяснилъ вамъ на ясномъ французскомъ языкѣ, что значитъ это греческое слово, написанное на стѣнѣ?

— Какое слово?

— 'ΑΝΑΓΚΗ.

Легкая краска вспыхнула на впалыхъ щекахъ архидіакона, подобно клубу дыма, возвѣщающему снаружи о переворотахъ, совершающихся въ тайникахъ вулкана.

Студентъ почти не обратилъ на это вниманія.

— Хорошо, — съ усиліемъ проговорилъ архидіаконъ, — что же значитъ это слово?

— *Судьба; рокъ!*

Патеръ Клодъ снова поблѣднѣлъ, а студентъ продолжалъ, ничего не подозрѣвая:

— А слово, начерченное внизу той же рукой: Ἀναγνεια — значитъ *нечестіе*. Видите, и мы кое-что понимаемъ по-гречески.

Архидіаконъ молчалъ. Этотъ урокъ греческаго языка заставилъ его задуматься. Жеганъ, обладавшій проницательностью балованнаго ребенка, счелъ минуту благопріятной для того, чтобы выступить съ своей просьбой. Онъ началъ самымъ нѣжнымъ тономъ:

— Братецъ, неужели вы возненавидѣли меня до такой степени, что сердитесь за встряску, которую я въ честной схваткѣ далъ какому-то мальчишкѣ, *quisbusdam marmosetis?* — Видите, братецъ Клодъ, и съ латынью мы знакомы.

— Къ чему ты ведешь все это? — спросилъ архидіаконъ.

— Хорошо, скажу прямо: мнѣ нужны деньги, — смѣло отвѣчалъ Жеганъ.

При этомъ беззастѣнчивомъ заявленіи, лицо архидіакона приняло выраженіе педагога и отца.

— Тебѣ извѣстно, господинъ Жеганъ, что наше помѣстье Тиршаппъ, со включеніемъ поземельной подати и аренды за двадцать одинъ домъ, приноситъ всего тридцать девять ливровъ, одиннадцать су, шесть парижскихъ денье. Это на половину больше, чѣмъ во времена братьевъ Паслэ, однако, очень немного.

— Мнѣ нужны деньги, — стоически повторилъ Жеганъ.

— Тебѣ извѣстно рѣшеніе консисторскаго суда, по которому наши двадцать одинъ домъ переходятъ въ полный ленъ епископства, и мы можемъ выкупить этотъ даръ не иначе, какъ внеся его преподобію епископу двѣ серебряныхъ золоченыхъ марки цѣнностью по шести парижскихъ ливровъ. Эти двѣ марки мнѣ еще не удалось скопить. Ты это знаешь?

— Я знаю только, что мнѣ нужны деньги, — въ третій разъ повторилъ Жанъ.

— На что?

Отъ этого вопроса въ глазахъ молодого человѣка загорѣлась надежда. Онъ снова принялъ вкрадчивый, ласковый тонъ.

— Повѣрьте, братецъ Клодъ, я бы не сталъ просить у васъ денегъ съ дурными намѣреніями. Не сталъ бы я сорить вашими унціями по тавернамъ или гулять по парижскимъ улицамъ въ попонѣ изъ золотой парчи въ сопровожденіи собственнаго лакея, *cum meo laquasio.* Нѣтъ, братецъ, мнѣ деньги нужны на доброе дѣло.

— На какое доброе дѣло? — спросилъ Клодъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Двое изъ моихъ друзей желали ли бы купить приданое ребенку одной бѣдной вдовы. Это доброе дѣло. Всего требуется три флорина, и мнѣ бы хотѣлось внести свою долю.

— Какъ фамилія твоихъ двухъ друзей?

— Пьеръ Лассомэръ и Батистъ Крокъ-Уазонъ.

— Хм! — пробормоталъ архидіаконъ, — удивительно подходящія имена для благотворителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Жеганъ очень плохо подобралъ имена своихъ друзей. Онъ спохватился слишкомъ поздно.

— И, кромѣ того, что это за приданое, которое стоитъ три флорина? Да еще для вдовы рабочаго. Давно ли вдовы рабочихъ готовятъ приданое своимъ ребятамъ?

Жанъ еще разъ попытался проломить ледъ.

— Ну, скажу еще: мнѣ надо денегъ, чтобы пойти сегодня взглянуть на Изабо ла-Тьерри въ Валь д'Амуръ.

— Презрѣнный нечестивецъ! — воскликнулъ священникъ.

— Ανχηνεια, — перевелъ Жеганъ.

Это слово, можетъ-быть, заимствованное студентомъ не безъ намѣренія у стѣны кельи, произвело на архидіакона странное впечатлѣніе. Онъ закусилъ губу, и гнѣвъ его выразился только краской на лицѣ.

— Убирайся, — сказалъ онъ Жегану. — Я жду одного человѣка.

Студентъ попытался еще разъ повторить:

— Братецъ Клодъ, дайте мнѣ хоть одинъ парижскій су; мнѣ нечего ѣсть.

— Въ какомъ положеніи твои Граціановскія декреталіи? — спросилъ патеръ Клодъ.

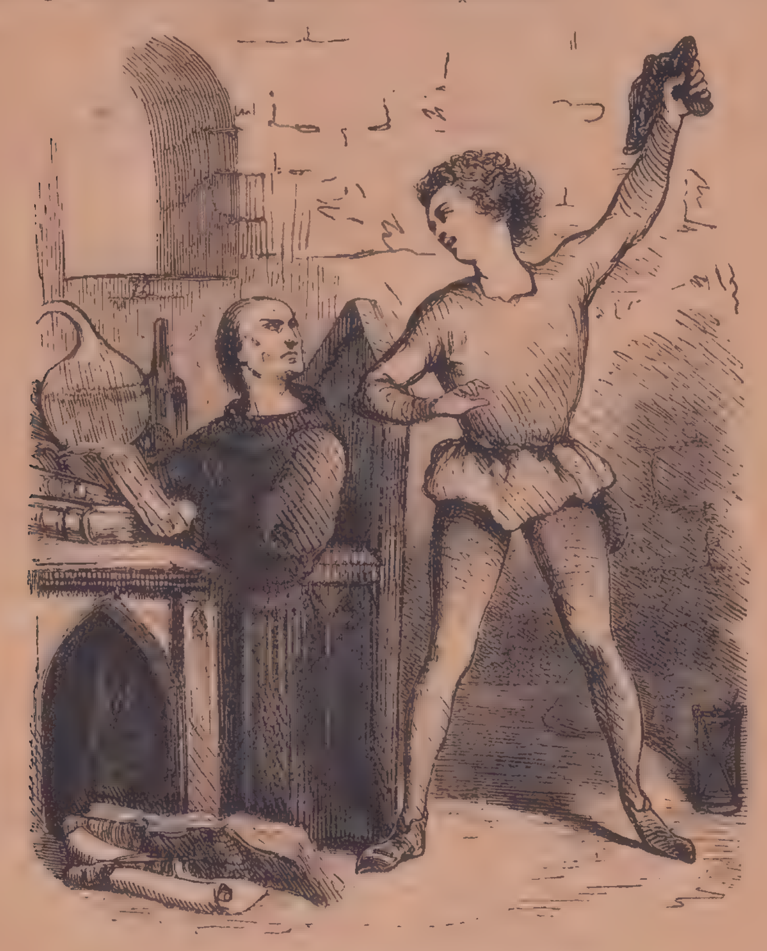
— Я потерялъ тетради.

— Кого изъ латинскихъ классиковъ изучаешь?

— У меня украли мой экземпляръ Горація.

— А Аристотель что подѣлываетъ?

— Братецъ, вы не помните, какой это изъ отцовъ церкви сказалъ, что заблужденія еретиковъ испоконъ вѣка ищутъ убѣжища въ дебряхъ аристотелевой метафизики. Ну его, Аристотеля! не хочу я нарушать своихъ религіозныхъ воззрѣній его метафизикой.



Да здравствуетъ веселье! — крикнулъ онъ.

— При послѣднемъ выѣздѣ короля у одного изъ дворянъ, Филиппа де-Коминъ, на чепракѣ лошади былъ вышитъ девизъ, о смыслѣ котораго совѣтую тебѣ поразмыслить: *Qui non laborat, non manducet.*

Студентъ съ минуту помолчалъ, положивъ палецъ за ухо, и стоялъ, опустивъ глаза, съ раздосадованной миной. Вдругъ онъ обратился къ Клоду съ быстротой самой проворной птицы:

— Стало-быть, вы мнѣ отказываете въ одномъ су, на которое я могъ бы купить себѣ кусокъ хлѣба у булочника?

— *Qui non laborat, non manducet.*

При этомъ отвѣтѣ неумолимаго архидіакона Жеганъ закрылъ лицо руками, какъ рыдающая женщина, и воскликнулъ съ выраженіемъ отчаянія: Ото-то-то-то-тоі!

— Это что значитъ?—спросилъ Клодъ, изумленный этимъ дурачествомъ.

— Греческое изреченіе — анапестъ изъ Эсхила, выражающій глубокое горе, — отвѣтилъ студентъ, поднимая на Клода свои смѣлые глаза, которые онъ натеръ кулаками, чтобы они покраснѣли, какъ бы отъ слезъ.

Но тутъ онъ разразился такимъ неудержимымъ, заразительнымъ хохотомъ, что даже архидіаконъ улыбнулся. Клодъ сознавалъ, что онъ самъ во всемъ виноватъ — зачѣмъ онъ такъ набаловалъ этого мальчика?

— Ахъ, добрый братецъ, — продолжалъ Жеганъ, ободренный этой улыбкой, — посмотрите на мои разорванные башмаки. Можно ли вообразить себѣ что-нибудь болѣе трагическое, чѣмъ башмаки, изъ которыхъ выглядываютъ пальцы?

Къ архидіакону быстро вернулась его прежняя суровость.

— Я пришлю тебѣ новые башмаки, но денегъ не дамъ.

— Только одинъ экю, братецъ, — продолжалъ умолять Жеганъ. — Я выучу Граціана наизусть, стану набожнымъ, сдѣлаюсь настоящимъ Пиѳагоромъ, и по учености и по добродѣтели! Но, ради Бога, дайте хоть одинъ экю! Неужели вы хотите, чтобъ я попалъ въ пасть голоду, которая уже разверста, которая чернѣе, зловоннѣе, глубже тартара или монашескаго носа.

Патеръ Клодъ покачалъ головой:

— *Qui non laborat...*

Жеганъ не далъ ему кончить.

— Хорошо же,— крикнулъ онъ, — чортъ съ тобой! Да здравствуетъ веселье! Стану шляться по тавернамъ, драться, бить посуду, гулять съ публичными женщинами! — Онъ швырнулъ шапочкой въ стѣну и щелкнулъ пальцами, какъ кастаньетами.

Архидіаконъ взглянулъ на него мрачно.

— Жеганъ, у тебя нѣтъ души...

— Въ такомъ случаѣ у меня, по опредѣленію Эпикура, нѣтъ чего-то, состоящаго изъ чего-то, чему нѣтъ имени.

— Жеганъ, надо серіозно подумать объ исправленіи.

— Ну, я вижу здѣсь все пустое, и разсужденія и бутылки! — воскликнулъ студентъ, переводя взглядъ то на брата, то на реторты на очагѣ.

— Жеганъ, ты на очень скользкой покатости. Знаешь ли ты, куда ты идешь?

— Въ кабакъ,—отвѣтилъ Жеганъ.

— Путь изъ кабака къ позорному столбу.

— Это такой же фонарный столбъ, какъ и всякій другой; можетъ-быть, Діогенъ именно съ помощью его нашелъ бы человѣка, котораго искалъ.

— Отъ позорнаго столба недалеко до висѣлицы.

— Висѣлица — вѣсы, у которыхъ по одну сторону человѣкъ, а вся земля по другую. Хорошо быть человѣкомъ.

— Съ висѣлицы прямо попадешь въ адъ.

— Тамъ яркій огонь.

— Жеганъ, Жеганъ, тебя ждетъ плохой конецъ.

— По крайней мѣрѣ, начало хорошо.

Въ эту минуту на лѣстницѣ раздались шаги.

— Молчи! — сказалъ архидіаконъ, поднося палецъ къ губамъ. — Это метръ Жакъ. Слушай, Жеганъ! Боже тебя сохрани проболтаться когда-нибудь о томъ, что ты видѣлъ и слышалъ здѣсь. Спрячься сюда, подъ очагъ и ни гу-гу.

Студентъ съежился подъ очагомъ. Здѣсь ему пришла богатая мысль.

— Кстати, братецъ Клодъ, флоринъ за молчаніе.

— Молчи! Обѣщаю.

— Дайте!

— Бери!— съ сердцемъ проговорилъ архидіаконъ, бросая брату свой кошелекъ.

Жанъ спрятался подъ очагъ, и дверь отворилась.

V.

Два человѣка въ черномъ.

Вошедшій былъ въ черной одеждѣ и имѣлъ мрачный видъ. Что особенно бросилось въ глаза нашему другу Жегану, устроившемуся, конечно, въ своемъ уголкѣ такъ, чтобы все видѣть и слышать, — это былъ отпечатокъ печали, лежавшій какъ на одеждѣ, такъ и на лицѣ пришедшаго. Однако, на лицѣ можно было прочесть кротость, но, кротость кошки или судьи, кротость притворную. Это былъ плотный мужчина лѣтъ шестидесяти съ сильной просѣдью въ волосахъ, морщинистымъ лицомъ, мигающими глазами, свѣтлыми бровями, отвисшей нижней губой и большими руками. Разсмотрѣвъ его, Жеганъ рѣшилъ, что это не болѣе, какъ какой-нибудь докторъ или кто-нибудь изъ судейскихъ, у котораго носъ слишкомъ далекъ ото рта, — что считается признакомъ глупости — и отодвинулся въ самую глубину своего уголка, досадуя, что ему придется провести неопредѣленное время въ такомъ неудобномъ положеніи и такомъ скучномъ обществѣ.

Архидіаконъ, между тѣмъ, даже не приподнялся навстрѣчу прибывшему. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы тотъ сѣлъ на скамейку возлѣ двери и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ онъ какъ бы заканчивалъ ранѣе начатое размышленіе, обратился къ нему съ покровительственнымъ оттѣнкомъ:

— Здравствуйте, метръ Жакъ.

— Мое почтеніе, метръ! — отвѣчалъ человѣкъ въ черномъ.

Въ тонѣ, которомъ было произнесено *метръ Жакъ* съ одной стороны и просто *метръ* съ другой, была такая же разница, какъ между обращеніемъ *монсиньеръ* и *мосье,* или между *domine* и *domne.* Повидимому, ученикъ встрѣтился съ учителемъ.

— Ну, что же, — спросилъ архидіаконъ послѣ новаго молчанія, котораго метръ Жакъ, конечно, не нарушилъ, — надѣетесь на успѣхъ?

— Къ несчастью, я все еще продолжаю раздувать: пеплу, сколько угодно, но искры — ни единой, — отвѣчалъ Жакъ съ грустной улыбкой.

Патеръ Клодъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Я не объ этомъ говорю вамъ, метръ Жакъ Шармолю, но о процессѣ вашего колдуна. Вѣдь вы называли его Маркомъ Сененомъ, казначеемъ Счетной палаты? Признается онъ въ своемъ колдовствѣ? Удался допросъ?

— Къ несчастью, нѣтъ, — отвѣчалъ метръ Жакъ все съ тою же грустной улыбкой. — Мы не имѣемъ этого утѣшенія. Этотъ человѣкъ настоящій кремень. Его нужно сварить на свиномъ рынкѣ, прежде чѣмъ онъ что-нибудь скажетъ. Однако, мы не щадимъ ничего, чтобы добиться истины. У него ужъ всѣ члены вывернуты. Мы пускаемъ въ ходъ всѣ средства, какъ говоритъ старый комикъ Плавтъ:

Advorsum stimulos, laminas, crucesque, compedespue.

Nervos, catenas, carceres, numellas, pedicas, boias.

Ничто не дѣйствуетъ. Это—ужасный человѣкъ. Я теряюсь.

— Вы не нашли ничего новаго въ его домѣ?

— Какъ же! — заявилъ метръ Жакъ, шаря въ своемъ мѣшкѣ. — Этотъ пергаментъ. Тутъ есть слова, которыхъ мы не понимаемъ. Между тѣмъ, королевскій прокуроръ Филиппъ Лёлье знаетъ немного еврейскій—онъ научился ему въ дѣлѣ о евреяхъ улицы Кантерстенъ въ Брюсселѣ.

Говоря это, метръ Жакъ развернулъ пергаментъ.

— Дайте сюда! — приказалъ архидіаконъ, и, бросивъ взглядъ на бумагу, вскрикнулъ: — Несомнѣнное колдовство! *Эменъ-хэтанъ!* — это крикъ вѣдьмъ, когда онѣ прилетаютъ на шабашъ. *Per ipsem et cum ipso, et in ipso!* это—заклинаніе, которымъ діаволъ снова заключается въ аду. *Hax, pax, max* — это медицинскіе термины. Формула противъ укуса бѣшеной собаки. Метръ Жакъ, вы королевскій прокуроръ церковнаго суда; этотъ пергаментъ — гнусность.

— Снова подвергнемъ этого человѣка допросу. Вотъ еще что мы нашли у Марка Сенена, — прибавилъ метръ Жакъ, снова порывшись въ своемъ мѣшкѣ.

Это былъ сосудъ, похожій на тѣ, которые стояли на очагѣ патера Клода.

— А,—сказалъ архидіаконъ,—алхимическій тигель.

— Признаюсь вамъ, — продолжалъ метръ Жакъ съ своей робкой, неестественной улыбкой, — что я было попробовалъ его на очагѣ, но не получилъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ съ моимъ собственнымъ.

Архидіаконъ принялся разсматривать сосудъ.

— Что такое нацарапано на тиглѣ? *Och! Och!* Слово, отгоняющее блохъ. Невѣжда этотъ Маркъ Сененъ! Вполнѣ увѣренъ, что въ такомъ тиглѣ вамъ не добыть золота! Онъ годится развѣ только, чтобъ ставить его подлѣ кровати лѣтомъ.

— Разъ мы коснулись ошибокъ,—сказалъ королевскій прокуроръ,— то передъ тѣмъ, какъ подняться къ вамъ, я внимательно присматривался къ порталу внизу. Вполнѣ ли вы увѣрены, ваше преподобіе, въ томъ, что открытіе физическихъ работъ изображено на сторонѣ, обращенной къ больницѣ, и что изъ семи обнаженныхъ фигуръ, стоящихъ у подножія Богоматери, фигура съ крыльями на пяткахъ представляетъ Меркурія?

— Да, — отвѣчалъ патеръ. — Такъ пишетъ Августинъ Нифо — итальянскій ученый, которому служилъ бородатый демонъ, откры-

вавшій ему все. Впрочемъ, пойдемте внизъ, и я вамъ объясню все это по надписи.

— Благодарю васъ, учитель, — отвѣтилъ Шармолю, кланяясь до земли. — Кстати, я забылъ! Когда прикажете допросить маленькую колдунью?

— Какую колдунью?

Жакъ Шармолю.

— Извѣстную вамъ цыганку, что каждый день выходитъ плясать на площадь передъ соборомъ, несмотря на запрещеніе властей! У нея есть рогатая коза, одержимая дьяволомъ, которая читаетъ, пишетъ, знаетъ математику какъ Пикатриксъ; изъ-за нея одной можно бы перевѣшать всѣхъ цыганъ. Вина налицо. Обвинительный актъ недолго составить! А хорошенькое созданье, клянусь честью, эта плясунья!

Какіе чудные черные глаза! Какъ два египетскихъ карбункула! Когда мы начнемъ?

Архидіаконъ былъ страшно блѣденъ.

— Я скажу вамъ, — отвѣтилъ онъ чуть слышно и затѣмъ проговорилъ съ усиліемъ:—Занимайтесь Маркомъ Сененомъ.

— Не безпокойтесь, — сказалъ Шармолю, улыбаясь. — Вернувшись, я опять прикажу притянуть его къ кожаной постели. Только это какой-то чортъ! Онъ утомляетъ самого Пьерра Тортрю, у котораго руки посильнѣе моихъ. Какъ говоритъ добрякъ Плавтъ:

Nudus vinctus, centum pondo, esquando pendes per pedes.

Допросъ на дыбахъ! Это лучшее, что у насъ есть! Попробуемъ этого.

Патеръ Клодъ, казалось, былъ отвлеченъ мрачными мыслями. Онъ обернулся къ Шармолю:

— Метръ Пьерра... то, бишь, метръ Жакъ, позаймитесь Маркомъ Сененомъ!

— Да, да, патеръ Клодъ. Бѣдняга! ему придется переиспытать всѣ муки ада. Да и что за фантазія отправиться на шабашъ? ему — казначею монетнаго двора которому, кажется, слѣдовало бы знать изреченіе Карла Великаго: *Stryga vel masca!..* А что касается этой дѣвочки — Смеральды, какъ ее зовутъ, — я буду ждать вашихъ приказаній... Да! проходя подъ порталомъ, вы объясните мнѣ, что значитъ живописное изображеніе садовника, которое мы видимъ при входѣ въ церковь. Это должно быть Сѣятель?.. Метръ, о чемъ это вы такъ задумались?

Уйдя въ самого себя, патеръ Клодъ не слушалъ. Слѣдя за его взглядомъ, Шармолю замѣтилъ, что онъ остановился на большой паутинѣ, затягивавшей круглое окно. Въ эту минуту легкомысленная муха, стремясь къ мартовскому солнцу, бросилась было черезъ тенета и прилипла къ нимъ. При сотрясеніи сѣти, огромный паукъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе въ своей центральной клѣткѣ и однимъ прыжкомъ бросился на муху, которую согнулъ вдвое своими передними крючками, между тѣмъ, какъ его отвратительный хоботокъ нащупывалъ ея головку.

— Бѣдная мушка! — сказалъ прокуроръ церковнаго суда и поднялъ руку, чтобы освободить насѣкомое.

Архидіаконъ, какъ бы проснувшись, въ испугѣ удержалъ его судорожнымъ движеніемъ.

— Метръ Жакъ! — крикнулъ онъ, — оставьте паука.

Прокуроръ обернулся въ испугѣ. Ему казалось, что его руку сжали желѣзные тиски. Священникъ устремилъ суровый, сверкающій, неподвижный взглядъ на ужасную маленькую группу изъ паука и мухи и не отрывалъ его.

— Да, — продолжалъ патеръ голосомъ, звучавшимъ какъ бы откуда-то изъ глубины его, — вотъ символъ всего. Она только что родилась на свѣтъ Божій, она летаетъ, радуется; она ищетъ весны, воздуха, свободы; но вотъ она наткнулась на роковую розетку, изъ нея выскакиваетъ отвратительный паукъ! Бѣдная плясунья! Бѣдная мушка, которой предопредѣлена погибель! Оставьте, метръ Жакъ, это—рокъ!.. Увы! Клодъ, ты паукъ! но ты также и муха!.. Ты летѣлъ къ наукѣ, къ свѣту, къ солнцу, ты только и заботился, какъ бы вырваться на воздухъ, на свѣтъ вѣчной истины, но бросился къ отдушинѣ, которая ведетъ въ другой міръ, въ міръ свѣта, ума и науки.

Слѣпая муха — безумный ученый, ты не замѣтилъ этой тонкой паутины, протянутой рокомъ между свѣтомъ и тобой, ты бросился въ нее очертя голову, несчастный безумецъ, и теперь ты стараешься вырваться изъ желѣзныхъ когтей судьбы; но голова у тебя разбита и крылья сломлены! - Метръ Жакъ, не мѣшайте пауку!

— Увѣряю васъ, что я не трону его, — сказалъ Шармолю, смотрѣвшій на Клода, ничего не понимая. — Но пустите же мою руку! У васъ не рука, — клещи.

Архидіаконъ не слушалъ его.

— О, безумецъ, — продолжалъ онъ, не отрывая глазъ отъ окна. — И если бъ тебѣ даже удалось своими слабыми крыльями прорвать эту страшную паутину, ты думаешь, ты бы достигъ свѣта? Нѣтъ! Какъ бы ты пробрался черезъ это окно, это прозрачное препятствіе, черезъ эту хрустальную стѣну, которая тверже металла, отдѣляющаго всѣхъ философовъ отъ истины? О, тщета науки! Сколько мудрецовъ, несясь издали, ударяются о нея и разбиваютъ себѣ голову! Сколько ученій, перепутываясь и жужжа, натыкаются на это вѣчное стекло!

Онъ умолкъ. Послѣднія разсужденія, незамѣтно отвлекшія его вниманіе отъ его собственной личности къ наукѣ, какъ будто успокоили его. Жакъ Шармолю окончательно вернулъ его къ дѣйствительности, обратившись къ нему съ вопросомъ:

— Когда же вы зайдете ко мнѣ, учитель, чтобы помочь мнѣ, добыть золото? Мнѣ хочется поскорѣй достигнуть удачнаго результата.

Архидіаконъ съ горькой усмѣшкой покачалъ головой.

— Прочтите *Dialogus de energia et operatione doemonum,* метръ Жакъ. То, что мы дѣлаемъ, не вполнѣ невинная забава!

— Тише, учитель! Я того же мнѣнія, — сказалъ Шармолю, — но приходится заняться немного алхиміей, когда занимаешь мѣсто королевскаго прокурора въ церковномъ судѣ, получая всего тридцать турскихъ экю въ годъ. Будемъ говорить тихо.

Въ эту минуту щелканье челюстей, какъ бы пережевывавшихъ что-то, донеслось изъ-подъ очага до слуха насторожившагося Шармолю.

— Что это? — спросилъ онъ.

Шумъ производилъ школьникъ, соскучившійся сидѣть въ своемъ углу и нашедшій въ немъ какими-то судьбами кусокъ черстваго хлѣба и заплеснѣвѣвшую корку сыра, которыми онъ принялся закусывать безъ всякой церемоніи. Такъ какъ онъ былъ голоденъ, то ѣлъ съ большимъ шумомъ, что и обратило на него вниманіе прокурора.

— Должно-быть, мой котъ лакомится тамъ мышью, — поспѣшно успокоилъ Жака архидіаконъ.

Шармолю удовлетворился этимъ объясненіемъ.

— Правда, вѣдь у всѣхъ философовъ были любимцы изъ животныхъ, — сказалъ онъ съ почтительной улыбкой. — Помните, что говоритъ Сервій: *Nullus enim locus sine genio est.*

Патеръ Клодъ, боясь какой-нибудь новой выходки Жегана, напомнилъ своему достойному ученику, что имъ еще надо разсмотрѣть вмѣстѣ нѣсколько фигуръ на порталѣ, и оба вышли изъ кельи, къ великому облегченію школьника, начинавшаго серьезно опасаться, чтобъ его колѣно не сохранило бы навѣки отпечатка его подбородка.

VI.

О томъ, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести нѣсколько ругательствъ, громко произнесенныхъ на улицѣ.

— *Te Deum laudatus!*—воскликнулъ Жегнъ, или вѣрнѣе, Жеганъ, вылѣзая изъ своего убѣжища.— На силу-то убрались оба филина. Och! Och! Пах! рах! тах! блохи! Бѣшеныя собаки! дьяволы! Хорошихъ я наслушался разговоровъ, нечего сказать! У меня отъ нихъ до сихъ поръ въ ушахъ трезвонъ стоитъ. А тутъ еще этотъ испорченный сыръ! Ну, теперь скорѣе вонъ! да захватимъ съ собой братцеву сумочку и поспѣшимъ промѣнять денежки на бутылки вина!

Жеганъ съ любовью и восхищеніемъ заглянулъ еще разъ въ драгоцѣнную сумочку, привелъ въ порядокъ свою одежду, смахнулъ пыль съ башмаковъ, почистилъ посѣрѣвшіе отъ золы рукава, засвисталъ какую-то пѣсенку, перевернулся на одной ногѣ, осмотрѣлся, нельзя ли еще чего стащить, захватилъ съ собой нѣсколько лежавшихъ на очагѣ стеклянныхъ амулетокъ, разсчитавъ, что ихъ можно подарить Изабо-ла-Тьери, наконецъ, отворилъ дверь, которую братъ его не заперъ изъ сострađанія къ нему, а онъ, въ свою очередь, тоже оставилъ отпертой, желая сыграть злую шутку надъ братомъ, и побѣжалъ вприпрыжку внизъ по винтовой лѣстницѣ.

Въ потемкахъ на лѣстницѣ Жеганъ толкнулъ кого-то, посторонившагося съ сердитымъ рычаніемъ; онъ подумалъ, что это Квазимодо, и эта мысль его такъ разсмѣшила, что остатокъ лѣстницы онъ добѣжалъ, умирая со смѣха и даже, выскочивъ уже на площадь, все еще продолжалъ хохотать.

Очутившись, наконецъ, на улицѣ, онъ воскликнулъ:

— О почтенная парижская мостовая! И проклятая лѣстница,—на ней запыхались бы сами ангелы, восходившіе по лѣстницѣ Іакова! И чего ради я полѣзъ въ этотъ каменный буравъ, ушедшій въ самое небо? Чтобы поѣсть протухшаго сыру да полюбоваться изъ слухового окна на парижскія колокольни! Нечего сказать, стоило того!

Пройдя нѣсколько шаговъ, Жанъ замѣтилъ обоихъ филиновъ, т.-е. патера Клода и Жака Шармолю, погруженныхъ въ созерцаніе изваяній у входа собора. Подкравшись къ нимъ на цыпочкахъ, онъ услыхалъ, какъ архидіаконъ объяснялъ въ полголоса Жаку Шармолю: — Это Гильомъ Парижскій приказалъ вырѣзать изображеніе Іова на этомъ камнѣ, цвѣта ляписъ-лазури, и позолоченномъ по краямъ. Іовъ знаменуетъ собою философскій камень, который тоже долженъ перенести много испытаній и терзаній, чтобы стать совершеннымъ, какъ говоритъ Раймондъ Люлль: Sub conservatione formae specificae salva anima.

„Ну, меня это не касается, — подумалъ Жеганъ, — благо денежки у меня въ рукахъ“.

Въ эту минуту позади него раздался громкій и звучный голосъ, ругавшійся самымъ отчаяннымъ образомъ:

— Провалиться тебѣ! Къ чорту тебя! Нечестивое чрево Вельзевула! Клянусь папой! Громъ и молнія!

— Клянусь честью, — воскликнулъ Жанъ, — да, вѣдь, это мой другъ капитанъ Фебъ!

Имя „Фебъ“ поразило слухъ архидіакона въ ту минуту, какъ онъ объяснялъ королевскому прокурору значеніе дракона, спрятавшаго свой хвостъ въ фонтанѣ, откуда выходятъ клубы дыма, окутывающіе голову короля. Патеръ Клодъ вздрогнулъ, оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ къ великому удивленію Шармолю, обернулся и увидалъ своего брата Жегана, подходившаго къ высокому офицеру, стоявшему передъ отелемъ Гондлорье.

Дѣйствительно, это былъ капитанъ Фебъ де-Шатоперъ; онъ стоялъ, прислонившись къ косяку дома своей невѣсты, и ругался самымъ неистовымъ образомъ.

— Однако, капитанъ Фебъ, и молодецъ же вы ругаться, — проговорилъ Жеганъ, дотрогиваясь до его руки.

— Убирайся къ чорту! — отвѣчалъ капитанъ.

— Убирайтесь сами къ чорту! — возразилъ школяръ. — Но разскажите мнѣ, милѣйшій капитанъ, что вызвало такой фонтанъ краснорѣчія?

— Простите, дружище! — воскликнулъ Фебъ, пожимая ему руку, — но, знаете, лошадь на всемъ скаку нельзя остановить сразу, а я ругался во весь духъ! Видите ль, я только что вышелъ отъ этихъ святошъ, а каждый разъ, какъ я тамъ побываю, я даю себѣ потомъ волю поругаться всласть, а то боюсь задохнуться, — громъ и молнія!

— Не хотите ли выпить? — спросилъ школьникъ.

Такое предложеніе немного успокоило капитана.

— Я бъ съ удовольствіемъ, да денегъ нѣтъ.

— Зато у меня есть!

— Неужели?

Жеганъ указалъ на свою сумочку жестомъ, исполненнымъ величественной простоты. Между тѣмъ, архидіаконъ, бросивъ у собора изумленнаго Шармолю, тихо подошелъ къ нимъ и, никѣмъ незамѣченный, сталъ наблюдать за молодыми людьми, всецѣло поглощенными разсматриваніемъ сумочки.

Фебъ воскликнулъ:

— Кошелекъ у васъ въ карманѣ, Жеганъ? Да это похоже на отраженіе луны въ водѣ, и видишь ее, и нѣтъ ея тамъ! Чортъ возьми, да я готовъ пари держать, что вы насовали туда однихъ камешковъ!

— Такъ не хотите ль взглянуть, какими камешками набитъ мой кошелекъ? — хладнокровно возразилъ на это Жеганъ и безъ дальнихъ разговоровъ высыпалъ содержимое сумки на ближайшую тумбу съ видомъ римлянина, спасающаго отечество.

— Фу, ты, чортъ! — пробурчалъ Фебъ, — большіе бѣляки, мелкіе бѣляки, турскія монеты, парижскія монеты, и даже настоящіе ліарды! Да это одинъ восторгъ!

Жеганъ сохранялъ свой невозмутимый видъ.

Нѣсколько ліардовъ скатились въ грязь, восхищенный капитанъ бросился было ихъ поднимать, но Жеганъ остановилъ его.

— Стыдитесь, капитанъ Фебъ-де-Шатоперъ!

Фебъ сосчиталъ деньги и торжественно обратился къ Жегану: — Знаете ль вы, Жеганъ, что тутъ двадцать три парижскихъ су! Сознайтесь, что вы кого-нибудь ограбили сегодня ночью?

Жеганъ тряхнулъ своей бѣлокурой кудрявой головой и произнесъ, презрительно прищуривъ глаза:

— На то у насъ имѣется полоумный братецъ, архидіаконъ.

— Ахъ, чортъ побери! — воскликнулъ Фебъ, — вотъ достойный-то человѣкъ!

— Пойдемъ, выпьемъ, — предложилъ Жеганъ.

— Куда же пойдемъ, — спросилъ Фебъ, — развѣ въ кабакъ „Яблоко Евы?"

— Не стоитъ, капитанъ, пойдемъ лучше въ „Старую Науку", мнѣ тамъ больше нравится.

— Ну ее къ чорту, „Старую Науку". Вино лучше въ „Евиномъ Яблокѣ". И тамъ у самой двери вьется на солнышкѣ виноградная лоза, — я люблю на нее смотрѣть, когда пью.

— Ну, ладно, отправимся къ Евѣ, — согласился студентъ, беря капитана подъ руку.

И оба друга направились къ „Яблоку Евы", собравъ, конечно, предварительно разсыпанныя деньги.

Архидіаконъ пошелъ за ними мрачный и разстроенный... Тотъ ли это Фебъ, проклятое имя котораго не давало ему покоя со времени его разговора съ Гренгуаромъ? Онъ не былъ въ этомъ увѣренъ, но это былъ „Фебъ" и достаточно было этого магическаго имени, чтобы заставить архидіакона, крадучись, послѣдовать за безпечными друзьями, прислушиваясь къ ихъ разговору и тревожно наблюдая за малѣйшими ихъ движеніями. Впрочемъ, весьма не трудно было слышать все, что они говорили, потому что пріятели нисколько не заботились о томъ, что другіе прохожіе могутъ услыхать ихъ, и разговаривали очень громко, болтая о дуэляхъ, женщинахъ, попойкахъ и всякихъ сумасбродствахъ.

На углу одной улицы къ нимъ донесся съ ближайшаго перекрестка звукъ бубна. И патеръ Клодъ услыхалъ слова офицера:

— Чортъ возьми! Пойдемъ скорѣе!

— Почему?

— Боюсь, чтобы цыганка не увидала.

— Какая цыганка?

— Да та, что ходитъ съ козой.

— Эсмеральда?

— Она самая, — все забываю ея дурацкое имя. Пойдемъ скорѣе, а то она меня узнаетъ, а мнѣ вовсе не хочется, чтобы она заговорила со мной на улицѣ.

— Да развѣ вы ее знаете?

Тутъ архидіаконъ услыхалъ самодовольный смѣхъ капитана, прошептавшаго что-то на ухо Жегану. Потомъ Фебъ снова захохоталъ и съ побѣдоноснымъ видомъ тряхнулъ головой.

— Правда? — спросилъ Жанъ.

— Ей Богу! — отвѣчалъ Фебъ.

— Сегодня вечеромъ?

— Сегодня вечеромъ.

— И вы думаете, что она придетъ?

— Да что вы, Жеганъ, развѣ въ этомъ можно сомнѣваться?

— Ну и счастливчикъ же вы, капитанъ Фебъ!

Ни одно слово изъ этого разговора не ускользнуло отъ архидіакона. Зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ весь дрожалъ. На секунду

онъ остановился, присѣвъ на тумбу, какъ пьяный, а затѣмъ снова пустился вслѣдъ за молодыми шалопаями.

Въ ту минуту, какъ онъ ихъ догналъ, они разговаривали уже о другомъ, и до его слуха донесся припѣвъ старинной пѣсни, которую они распѣвали во всѣ горло:

Les enfants des Petits-Carreaux,
Se font pendre comme des veaux.

VII.

«Черный монахъ».

Знаменитый кабакъ „Яблоко Евы" находился въ университетскомъ кварталѣ, на углу улицъ Гондель и Батонье. Онъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ и представлялъ изъ себя довольно большую комнату съ очень низкимъ сводчатымъ потолкомъ, подпертымъ посрединѣ толстымъ деревяннымъ столбомъ, выкрашеннымъ въ желтую краску. Все помѣщеніе было заставлено столами, а по стѣнамъ висѣли блестящія жестяныя кружки. Тутъ всегда была масса народу, желавшаго выпить и много уличныхъ женщинъ; одно окно выходило на улицу, у двери вилась виноградная лоза, а надъ дверью былъ прибитъ скрипучій желѣзный листъ, украшенный изображеніями женщины и яблока, заржавѣвшій отъ дождя и вертящійся какъ флюгеръ отъ вѣтра вокругъ желѣзнаго гвоздя, которымъ онъ былъ прибитъ къ стѣнѣ. Это была вывѣска кабака. Наступала ночь, на перекресткѣ было темно, хоть глазъ коли. Только кабакъ, освѣщенный многочисленными свѣчами, пылалъ во мракѣ, какъ кузнечный горнъ. Оттуда, сквозь разбитыя стекла, слышались звонъ стакановъ, пьяные крики, крѣпкія словца и перебранка. Сквозь запотѣвшее окно смутно виднѣлись многочисленные посѣтители, а по временамъ оттуда раздавались взрывы хохота. Прохожіе, спѣшившіе по своимъ дѣламъ, проходили не останавливаясь мимо шумнаго окна; лишь изрѣдка какой-нибудь мальчишка въ лохмотьяхъ, ставъ на цыпочки, старался заглянуть въ окно и крикнуть старинную прибаутку, которой дразнили тогда пьяницъ: Aux Houls, saouls, saouls, saouls!

Но теперь взадъ и впередъ около шумной таверны терпѣливо прогуливался какой-то человѣкъ, не спуская съ нея глазъ и не отходя дальше, чѣмъ часовой отъ своей будки. На немъ былъ плащъ, которымъ онъ старательно закрывалъ себѣ лицо; плащъ этотъ былъ только что купленъ у старьевщика, торговавшаго въ лавочкѣ рядомъ съ „Яблокомъ Евы": вѣроятно, прохожій или прозябъ въ холодный мартовскій вечеръ, или хотѣлъ скрыть свой костюмъ. По временамъ онъ останавливался передъ мутнымъ окномъ съ желѣзной рѣшеткой, вслушивался, вглядывался и топалъ ногой.

Наконецъ, дверь кабака отворилась. Этого, повидимому, только и дожидался прохожій. Два человѣка вышли на улицу, лучъ свѣта, вырвавшійся черезъ отворенную дверь, на минуту озарилъ ихъ веселыя лица. Незнакомецъ въ плащѣ продолжалъ свои наблюденія, спрятавшись подъ навѣсомъ крыльца по другую сторону улицы.

— Громъ и молнія!—воскликнулъ одинъ изъ посѣтителей кабака.— Сейчасъ пробьетъ семь часовъ, а, вѣдь, это часъ моего свиданья.

— Я вамъ говорю, — бормоталъ его товарищъ заплетающимся языкомъ, — я вамъ говорю, что живу совсѣмъ въ другой улицѣ... А коль

вы мнѣ не вѣрите, такъ вы хуже всякой скотины. Каждый знаетъ, что кто разъ сѣлъ верхомъ на медвѣдя, тотъ ничего не боится, а только вы полакомиться любите не хуже Сенъ-Жака де-Лопиталь.

— Жеганъ, другъ мой, вы пьяны, — пробовалъ остановить говорившаго его товарищъ, но тотъ продолжалъ, пошатываясь:

— Что вы тамъ ни говорите, капитанъ Фебъ, но давно доказано, что у Платона былъ профиль легавой собаки.

Читатель, безъ сомнѣнія, уже узналъ нашихъ двухъ друзей, капитана и студента Жегана. Да и незнакомецъ, скрывавшійся въ тѣни, тоже, повидимому, узналъ ихъ, потому что онъ медленно послѣдовалъ за ними, описывая на ходу такіе же зигзаги, какъ пьяный Жеганъ, увлекавшій за собой и капитана, хотя тотъ, какъ болѣе привычный къ вину, держался на ногахъ вполнѣ твердо.

Внимательно прислушиваясь, незнакомецъ въ плащѣ не пропустилъ ни одного слова изъ слѣдующаго интереснаго разговора:

— Чортъ возьми! старайтесь же итти прямо, господинъ баккалавръ. Сейчасъ я уйду отъ васъ, вѣдь, уже семь часовъ, а у меня назначено свиданье съ красоткой.

— Отстаньте отъ меня, пожалуйста. Вонъ, я вижу звѣзды, вижу огненныя копья. А вы, страсть, какъ похожи на Дампртенскій зàмокъ, который лопается отъ смѣху.

— Клянусь бородавками своей бабушки, Жеганъ, перестаньте же городить такую чушь! Скажите-ка мнѣ лучше, остались ли у васъ деньги?

— Господинъ ректоръ, тутъ нѣтъ никакой ошибки: parva boucheria значитъ маленькая бойня.

— Жеганъ, другъ мой Жеганъ! Вѣдь я вамъ говорилъ, что у меня назначено свиданье съ этой дѣвочкой за мостомъ св. Михаила. Тамъ негдѣ устроиться, иначе какъ у старухи Фалурдель, а ей за комнату надо заплатить. Старая карга съ сѣдой бородой мнѣ не повѣритъ въ долгъ. Жеганъ, пожалуйста, посмотрите, неужели мы пропили всѣ деньги, неужели у васъ не осталось ни одного су?

— Сознаніе хорошо проведеннаго дня — лучшая приправа къ кушаньямъ...

— Чортъ тебя возьми, наконецъ! Отвѣчай, есть у тебя еще деньги? Коли есть, такъ давай, а не то я самъ обыщу тебя, хоть бы ты былъ покрытъ проказой, какъ Іовъ, или паршой, какъ Цезарь!

— Милостивый государь! Улица Гальяшъ однимъ концомъ упирается въ улицу Ла-Веррули, а другимъ — въ улицу Тиксерандри.

— Ну да, ну да, голубчикъ, улица Гальяшъ прекрасная улица, но постарайся немного прійти въ себя. Вѣдь мнѣ нуженъ всего одинъ су и, главное, не позднѣе семи часовъ.

— Тсъ, слушайте хорошенько куплетъ:

Quand les rats mangerons les chats
Le roi sera seigneur d'Arras
Quand la mer, qui est grande et lée
Sera à Saint-Jean jelée
On verra par-dessus la glace,
Sortir ceux d'Arras de leur place [1].

[1]) Когда крысы поѣдятъ котовъ, тогда король будетъ владыкой Арраса; когда море-океанъ замерзнетъ въ Ивановъ день, тогда жители Арраса выйдутъ по льду изъ своего города.

— Ну, ладно, чортовъ школяръ, чтобъ тебѣ удавиться! — воскликнулъ Фебъ и грубо толкнулъ пьянаго; тотъ скользнулъ вдоль по стѣнѣ и упалъ, какъ мѣшокъ, на мостовую. Движимый чувствомъ братскаго состраданія, никогда не покидающаго окончательно сердца пьяницъ, Фебъ подпихнулъ ногой Жегана къ даровой подушкѣ, всегда готовой къ услугамъ бѣдняковъ у каждой тротуарной тумбы и презрительно называемой богачами кучей мусора. Капитанъ удобно уложилъ голову Жегана на изголовье изъ капустныхъ кочерыжекъ, и въ ту же минуту Жеганъ захрапѣлъ самымъ великолѣпнымъ басомъ. Но досада еще не совсѣмъ угасла въ сердцѣ капитана. — Тебѣ же худо, коль мусорщикъ подберетъ тебя по дорогѣ въ свою телѣжку! — проворчалъ онъ, обращаясь къ уснувшему пріятелю, и зашагалъ дальше.

Незнакомецъ въ плащѣ, не отстававшій отъ него ни на шагъ, остановился на минуту предъ спящимъ, какъ будто въ нерѣшительности; потомъ, глубоко вздохнувъ, направился опять въ догонку за капитаномъ.

И мы, читатель, по ихъ примѣру, оставимъ Жегана спать подъ благосклоннымъ взоромъ звѣздъ и послѣдуемъ за капитаномъ и незнакомцемъ въ плащѣ.

Выйдя на улицу Сентъ-Андре-Дезаркъ, капитанъ замѣтилъ, что за нимъ кто-то слѣдитъ. Случайно обернувшись, онъ обратилъ вниманіе на какую-то тѣнь, кравшуюся вслѣдъ за нимъ вдоль стѣнъ. Капитанъ остановился и тѣнь остановилась, онъ пошелъ, зашевелилась и тѣнь. Это обстоятельство, впрочемъ, его нисколько не встревожило. „На здоровье, — подумалъ онъ — все равно у меня нѣтъ ни гроша.“

Передъ Остенской коллегіей Фебъ остановился. Здѣсь онъ получилъ начатки того, что называлъ своимъ образованіемъ, и по укоренившейся школьной привычкѣ, никакъ не могъ пройти мимо не нанеся статуѣ кардинала Пьера Бертрана, стоявшей у входа, того оскорбленія, на которое такъ горько жалуется Пріамъ въ сатирѣ Горація. Olim truncus eram ficulnus. И благодаря стараніямъ капитана, надпись „Eduensis episcopus“ почти уже стерлась. Итакъ, по обыкновенію, онъ остановился предъ статуей. Улица была совершенно безлюдна. Вдругъ, въ ту минуту, какъ онъ приводилъ въ порядокъ свой туалетъ, посматривая по сторонамъ, онъ замѣтилъ тѣнь, медленно приближавшуюся къ нему, такъ медленно, что онъ успѣлъ разсмотрѣть плащъ и шляпу на ея головѣ. Подойдя къ нему, тѣнь остановилась и замерла неподвижно, какъ статуя кардинала Бертрана.

Но взглядъ ея былъ устремленъ прямо на капитана Феба, и глаза искрились тѣмъ особымъ свѣтомъ, какимъ горятъ глаза у кошки въ темнотѣ.

Но капитанъ былъ не трусъ и нисколько бы не испугался встрѣчи съ бродягой, вооруженнымъ кистенемъ. Но эта ходячая статуя, этотъ окаменѣвшій человѣкъ сковалъ его сердце ужасомъ. Ему смутно вспомнились ходившія въ то время по городу легенды о какомъ-то „черномъ монахѣ“, бродившемъ по ночамъ по улицамъ Парижа. Нѣсколько секундъ онъ простоялъ въ оцѣпенѣніи и, наконецъ, заговорилъ съ дѣланнымъ смѣхомъ:

— Любезный, если ты воръ, какъ мнѣ кажется, и думаешь чѣмъ-нибудь отъ меня поживиться, такъ ты очень ошибся: я, голубчикъ, сынъ разорившихся родителей. Поищи-ка лучше въ другомъ мѣстѣ, ну, хотя бы въ этой часовнѣ, здѣсь много серебряной утвари.

Изъ-подъ плаща призрака показалась рука и сжала руку Феба съ силою орлиныхъ когтей. И призракъ заговорилъ:

— Капитанъ Фебъ де-Шатоперъ!

— Ахъ, чортъ! — воскликнулъ Фебъ, — откуда ты знаешь, какъ меня зовутъ?

— Я не только знаю, какъ васъ зовутъ, — продолжалъ незнакомецъ въ плащѣ своимъ замогильнымъ голосомъ,—я знаю, что у васъ на сегодняшній вечеръ назначено свиданіе.

— Вѣрно, — отвѣчалъ озадаченный Фебъ.

— Въ семь часовъ.

— Да, черезъ четверть часа

— У старухи Фалурдель.

— Совершенно вѣрно.

— За мостомъ св. Михаила.

— Святаго Михаила Архангела, хакъ говорится въ молитвахъ.

— Нечестивецъ!—пробормоталъ призракъ. — Съ женщиной.

— Confiteor.

— И ее зовутъ...

— Эсмеральдой, — подсказалъ Фебъ, къ которому мало-по-малу вернулась его всегдшняя безпечность.

При этомъ имени призракъ яростно стиснулъ руку Феба.

— Капитанъ Фебъ де-Шатоперъ, ты лжешь!

Если бы кто-нибудь увидалъ какимъ гнѣвомъ вспыхнуло при этихъ словахъ лицо капитана Феба, какъ стремительно онъ отступилъ назадъ, вырвавъ свою руку изъ сжимавшихъ ее тисковъ и какимъ гордымъ движеніемъ схватился за рукоятку своей шпаги, если бы кто видѣлъ, съ какой мрачной невозмутимостью встрѣтилъ незнакомецъ въ плащѣ этотъ порывъ гнѣва, тотъ содрогнулся бы отъ ужаса. Сцена эта напоминала борьбу Донъ-Жуана со статуей командора.

— Клянусь сатаной! — воскликнулъ капитанъ. — Такія слова не часто приходилось слышать Шатоперамъ, и ты не посмѣешь ихъ повторить.

— Ты лжешь! — хладнокровно отвѣчалъ призракъ.

Капитанъ заскрежеталъ зубами. Онъ забылъ въ эту минуту, что, можетъ-быть имѣетъ дѣло съ „чернымъ монахомъ", призракомъ, привидѣніемъ и помнилъ только полученныя оскорбленія.

— А ну, ладно же! — проговорилъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва, и обнажилъ шпагу, заикаясь и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, отъ негодованія. — Ну! становись въ позицію! Живѣй! Обнажай шпагу и будемъ драться на смерть!

Но призракъ не двигался. Увидавъ, что противникъ его готовится къ нападенію, онъ произнесъ;

— Капитанъ Фебъ, — и въ голосѣ его звучали горькія ноты, — вы позабыли о своемъ свиданьѣ.

Гнѣвъ людей, подобныхъ Фебу, похожъ на кипящій молочный супъ, съ высоко вздувшимися пузырями, моментально лопающимися, если на нихъ брызнуть хоть каплей холодной воды. Простое замѣчаніе незнакомца заставило капитана опустить уже обнаженную шпагу.

— Капитанъ, — продолжалъ незнакомецъ, — завтра, послѣ завтра, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ десять лѣтъ я всегда готовъ драться съ вами, но сегодня отправляйтесь сначала на свиданье.

— Въ самомъ дѣлѣ! — согласился Фебъ, какъ будто обрадованный представившемся исходомъ, — и дуэль и любовное свиданіе одинаково прекрасныя вещи, только зачѣмъ же упускать одно или другое.

И онъ вложилъ шпагу въ ножны.

Отправляйтесь же на свое свиданье,— снова проговорилъ незнакокомецъ.

Глазамъ посѣтителей представились старая женщина и старая лампа, обѣ одинаково дрожащія.

— Очень вамъ благодаренъ за любезный совѣтъ, — отвѣчалъ съ маленькой запинкой Фебъ. Дѣйствительно, мы и завтра поспѣемъ надѣлать дырокъ въ костюмѣ своего прародителя Адама, а сегодня воспользуемся случаемъ весело провести время. Правда, я разсчитывалъ сейчасъ приколоть васъ и все-таки поспѣть во время къ своей красоткѣ, тѣмъ болѣе, что заставить немножко подождать себя даже служитъ при-

знакомъ хорошаго тона въ такихъ случаяхъ. Но вы, повидимому, здоровый малый, и вѣрнѣе будетъ отложить наши счеты до завтра. А теперь спѣшу на свиданье, вѣдь оно назначено въ семь часовъ, какъ вамъ извѣстно. — Тутъ капитанъ Фебъ почесалъ у себя за ухомъ. — Ахъ, чортъ, я и забылъ, что у меня нѣтъ ни гроша, чтобы заплатить за каморку, а старая вѣдьма потребуетъ плату впередъ, ни за что не повѣритъ въ долгъ.

— Вотъ вамъ, чѣмъ заплатить.

И Фебъ почувствовалъ, какъ холодная рука незнакомца сунула ему какую-то крупную монету. Онъ не могъ удержаться, чтобы не схватить деньги и крѣпко пожалъ руку, протянувшую ихъ.

— Ей Богу! — воскликнулъ онъ, — вы славный малый!

— Съ однимъ условіемъ, — продолжалъ незнакомецъ. — Докажите мнѣ, что я ошибся, а вы говорили правду. Спрячьте меня гдѣ-нибудь такъ, чтобы я могъ самъ убѣдиться, что эта женщина именно та, чье имя вы называли.

— Пожалуйста, — отвѣчалъ Фебъ, — для меня это безразлично. Тамъ рядомъ съ калиткой есть собачья конура, откуда все прекрасно видно.

— Ну такъ пойдемъ, — предложилъ незнакомецъ.

— Къ вашимъ услугамъ, — отозвался капитанъ. — Не знаю, можетъ, вы и самъ дьяволъ, но на сегодняшній вечеръ мы друзья. А завтра мы съ вами разсчитаемся и денежнымъ долгомъ и долгомъ чести.

Они быстро зашагали впередъ. Чрезъ нѣсколько минутъ по плеску воды капитанъ услыхалъ, что они подходятъ къ мосту св. Михаила, въ то время застроенному домами.

— Сначала я васъ спрячу, — обратился Фебъ къ своему спутнику, — а потомъ пойду за красоткой, она меня поджидаетъ у Малаго-Шатлэ.

Незнакомецъ ничего не отвѣтилъ. За всю дорогу онъ тоже не проронилъ ни слова. Фебъ остановился передъ низенькой дверью, и началъ стучать въ нее изо всѣхъ силъ. Въ щеляхъ двери показался свѣтъ.

— Кто тамъ? — спросилъ старческій голосъ.

— Чортъ! дьяволъ! сатана! — отвѣчалъ капитанъ.

Дверь сейчасъ же отворилась, и глазамъ посѣтителей представились старая женщина и старая лампа, обѣ одинаково дрожащія. Старуха была сгорбленная, одѣтая въ лохмотья, съ трясущейся головой и узенькими щелками вмѣсто глазъ, повязанная какой-то тряпкой и вся покрытая морщинами, и на лицѣ, и на рукахъ, и на шеѣ. Губы у нея ввалились между беззубыхъ десенъ, а вокругъ рта торчали пучки сѣдыхъ волосъ, придававшіе ей сходство съ кошкой. И внутренность комнаты была такъ же непривлекательна и ветха, какъ ея хозяйка. Стѣны, вымазанныя известкой, потолокъ, подпертый почернѣвшими балками, убогій очагъ, повсюду паутина. Посреди комнаты было нагромождено нѣсколько хромоногихъ столовъ и расшатанныхъ скамеекъ; какой-то грязный ребенокъ копался въ золѣ, а въ глубинѣ виднѣлась крутая деревянная лѣстница, упиравшаяся въ люкъ, продѣланный въ потолкѣ.

Переступивъ порогъ притона, таинственный спутникъ Феба старательно закрылъ лицо плащемъ до самихъ глазъ. Между тѣмъ, капитанъ, продолжая отчаянно ругаться, „сверкнулъ золотомъ на солнышкѣ“, по выраженію нашего неподражаемаго Ренье.

— Отведи намъ верхнюю комнату, — распорядился капитанъ, отдавая старухѣ монету, взятую у незнакомца.

Старуха, спрятавъ полученныя деньги въ ящикъ стола, сдѣлалась очень почтительной. Не успѣла она повернуться спиной, какъ лохматый, оборванный мальчишка, копавшійся въ золѣ, ловко подкрался къ столу, вытащилъ изъ ящика монету, а на ея мѣсто положилъ сухой листъ, оторванный имъ отъ вѣника.

Старуха, пригласивъ обоихъ посѣтителей слѣдовать за собою, полѣзла впередъ по лѣстницѣ. Поднявшись наверхъ, она поставила лампу на сундукъ, а Фебъ, очевидно, хорошо знакомый съ расположеніемъ дома, толкнулъ дверь въ темную каморку.

— Войдите сюда, любезнѣйшій, — пригласилъ онъ своего спутника.

Тотъ, не говоря ни слова, повиновался. Дверь захлопнулась за нимъ, Фебъ заперъ ее на замо́къ и потомъ спустился внизъ за старухой. Таинственный незнакомецъ очутился въ совершенной темнотѣ.

VIII.

Удобство оконъ, выходящихъ на рѣку.

Клодъ Фролло (читатель, болѣе проницательный чѣмъ Фебъ, конечно, съ самаго начала узналъ въ черномъ монахѣ архидіакона), принялся ощупью знакомиться съ темной коморкой, куда его заперъ Фебъ. Она представляла изъ себя чуланчикъ, какіе иногда устраиваются архитекторами между крышей и поддерживающей ее стѣной. Изъ вертикальнаго разрѣза этой собачьей конуры, какъ ее удачно назвалъ Фебъ, получился треугольникъ. Вдобавокъ тамъ не было даже намека на окошко, а скатъ крыши не позволялъ выпрямиться во весь ростъ. Клодъ присѣлъ на корточки среди пыли и обломковъ штукатурки, разсыпавшихся подъ тяжестью его тѣла. Голова у него горѣла. Пошаривъ кругомъ руками, онъ нашелъ на полу кусочекъ разбитаго стекла, приложилъ его ко лбу и отъ холода стекла какъ будто почувствовалъ маленькое облегченіе.

Что происходило въ эту минуту въ глубинѣ души архидіакона? Про то вѣдалъ лишь Богъ, да онъ самъ.

Въ какомъ роковомъ порядкѣ рисовались его воображенію Эсмеральда, Фебъ, Жакъ Шармолю, его младшій братъ, такъ нѣжно любимый имъ и брошенный на улицѣ, въ грязи, наконецъ, его собственная священическая ряса и даже доброе имя, которыми онъ рисковалъ въ притонѣ какой-то Фалурдель, — словомъ, всѣ образы и событія сегодняшняго дня? Этого я не знаю, могу лишь сказать, что всѣ эти представленія соединялись въ его мысляхъ въ нѣчто ужасное.

Такъ прождалъ онъ съ четверть часа, но ему казалось, что за это время онъ состарился на цѣлыя сто лѣтъ. Вдругъ, онъ услыхалъ скрипъ ступенекъ деревянной лѣстницы подъ чьими-то ногами. Люкъ открылся, и показался свѣтъ. Въ полусгнившей двери чулана, гдѣ притаился Клодъ Фролло, была довольно большая щель, и онъ жадно приникъ къ ней лицомъ, такъ что могъ наблюдать за всѣмъ, что происходило въ сосѣдней комнатѣ. Сначала, съ лампой въ рукѣ, показалась старуха съ кошачьимъ лицомъ, за ней Фебъ, покручивавшій усы, и, наконецъ, прелестная, граціозная фигурка Эсмеральды. Она

явилась предъ священникомъ, какъ чудное, ослѣпительное видѣнье. Клодъ задрожалъ, въ глазахъ его помутилось, кровь бросилась ему въ голову, въ ушахъ поднялся звонъ, все кругомъ закружилось, и онъ перестаъ видѣть и слышать.

Когда онъ пришелъ въ себя, Фебъ и Эсмеральда были уже одни и сидѣли на сундукѣ, рядомъ съ лампой, ярко освѣщавшей ихъ молодыя лица и жалкое ложе въ глубинѣ каморки.

Около этого ложа находилось окно, разбитыя стекла котораго напоминали паутину, поврежденную дождемъ; оттуда виднѣлся клочекъ неба и луна, мягко покоившаяся на пушистыхъ облакахъ.

Молодая дѣвушка сидѣла смущенная, трепещущая, съ пылающимъ лицомъ; опущенныя рѣсницы бросали длинную тѣнь на зардѣвшіяся щеки. Зато Фебъ, на котораго она не рѣшалась взглянуть, такъ и сіялъ. Машинально, съ очаровательной неловкостью, чертила она пальчикомъ по сундуку какія-то безсвязныя линіи и слѣдила за движеніемъ своего пальца. Ножекъ ея не было видно, на нихъ лежала, свернувшись, маленькая козочка.

Капитанъ былъ одѣтъ весьма изысканно, воротникъ и рукава его мундира были расшиты золотомъ, что въ тѣ времена считалось верхомъ роскоши.

Патеръ Клодъ съ трудомъ могъ разслышать о чемъ они говорили, такъ у него стучало въ вискахъ.

Разговоры влюбленныхъ не отличаются большимъ разнообразіемъ. Это вѣчное повтореніе словъ „я васъ люблю", музыкальной фразы весьма пустой и безсодержательной для посторонняго слушателя, если она не украшена какими-нибудь фіоратурами. Но Клодъ не былъ равнодушнымъ слушателемъ.

— Ахъ,—проговорила молодая дѣвушка, не поднимая глазъ,—не презирайте меня, господинъ Фебъ. Я сама знаю, что поступила очень дурно.

— Презирать васъ, моя красотка! — воскликнулъ капитанъ тономъ, полнымъ утонченной галантности. — Презирать васъ! Боже мой, да за что же?

— За то, что я пришла сюда.

— Ну, моя прелесть, въ этомъ мы не сойдемся. Мнѣ бы васъ не презирать надо, а ненавидѣть.

Молодая дѣвушка испуганно взглянула не него.

— Меня ненавидѣть! Да что же я сдѣлала?

— Заставили себя слишкомъ долго упрашивать.

— Ахъ,—возразила она,—вѣдь я нарушила свой обѣтъ. Не найти мнѣ больше своихъ родителей, талисманъ потеряетъ силу. Но, что мнѣ за дѣло! На что мнѣ теперь мать и отецъ?

И при этихъ словахъ она съ невыразимой нѣжностью взглянула на капитана своими большими черными глазами, въ которыхъ виднѣлись слезы радости и умиленія.

— Ей Богу, ничего не понимаю! — воскликнулъ Фебъ.

Эсмеральда на минуту притихла, слеза скатилась по ея щекѣ, глубокій вздохъ вырвался изъ устъ, и она проговорила:

— О, мой господинъ, какъ я васъ люблю!

Вокругъ молодой дѣвушки царила атмосфера такого цѣломудрія, такой нравственной чистоты, что Фебъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Однако, послѣднія слова придали ему смѣлости.

— Ты любишь меня! — съ восторгомъ воскликнулъ онъ, обнимая цыганку. Давно ужъ онъ поджидалъ для этого удобной минуты.

Священникъ, увидѣвъ это, ощупалъ пальцемъ лезвіе кинжала, спрятаннаго у него на груди.

— Фебъ, — продолжала цыганка, тихонько освобождаясь отъ крѣпкихъ объятій капитана, — вы добрый, хорошій, красивый. Вы спасли меня, бѣдную, ничтожную цыганку. Давно уже я мечтала объ офицерѣ, который спасетъ мнѣ жизнь. Это о васъ я мечтала, еще не зная васъ, мой дорогой Фебъ. Герой моей мечты былъ одѣтъ въ такой же красивый мундиръ, какъ вы, со шпагой на боку, и имѣлъ такой же гордый видъ. Васъ зовутъ Фебомъ, какое чудное имя! Я люблю ваше имя, люблю вашу шпагу. Дайте мнѣ вашу шпагу, Фебъ, покажите мнѣ ее.

— Дитя! — улыбнулся капитанъ, вынимая шпагу изъ поженъ.

Цыганка осмотрѣла рукоятку лезвея, полюбовалась на вырѣзанный на эфесѣ вензель и поцѣловала шпагу со словами: — Ты шпага храбраго офицера, и я люблю твоего хозяина.

Фебъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поцѣловать ея наклоненную прелестную шейку, отчего дѣвушка быстро подняла голову и зардѣлась, какъ маковъ цѣтъ. Архидіаконъ заскрежеталъ зубами у себя въ потемкахъ.

— Фебъ, — продолжала цыганка, дай мнѣ наговориться съ тобой! Пройдись немного по комнатѣ, я полюбуюсь на тебя, какой ты высокій, какъ звенятъ твои шпоры. Какой ты красавецъ!

Фебъ исполнилъ ея желаніе, замѣтивъ съ самодовольной улыбкой:

— Какое ты еще дитя! А кстати, моя прелесть, видѣла ты меня въ парадной формѣ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, — вздохнула та.

— Вотъ когда я на самомъ дѣлѣ бываю красивъ!

Фебъ снова усѣлся рядомъ съ молодой дѣвушкой, но гораздо ближе, чѣмъ прежде.

— Послушай, моя радость...

Цыганка нѣсколько разъ слегка хлопнула его по губамъ своей прелестной ручкой, ребяческимъ жестомъ, полнымъ очаровательной граціи. — Нѣтъ нѣтъ, не хочу слушать? Любишь меня? Скажи, если любишь.

— Люблю ли я тебя, ангелъ души моей! — воскликнулъ капитанъ, становясь на одно колѣно. — Я весь твой, я готовъ пожертвовать для тебя и душой и тѣломъ, отдать за тебя всю жизнь. Я люблю тебя и никого не любилъ кромѣ тебя.

Капитанъ столько разъ повторялъ эти слова въ подобныхъ случаяхъ, что и теперь выговорилъ ихъ однимъ духомъ, ни разу не запнувшись. При такомъ страстномъ объясненіи цыганка подняла къ грязному потолку, замѣнявшему собой небо, взоръ, полный неземнаго блаженства.

— Ахъ, — прошептала она, — какъ бы я желала сейчасъ умереть!

Фебъ же нашелъ, что сейчасъ самый удобный случай еще разъ поцѣловать молодую дѣвушку, чѣмъ опять доставилъ безконечныя муки злополучному архидіакону.

— Умереть! — воскликнулъ влюбленный капитанъ. Да что ты говоришь, мой ангелъ! Какъ можно думать о смерти теперь, когда насъ ждетъ столько наслажденій. Клянусь сатаной, я на это не согласенъ! —

Послушай дорогая моя Семелар... Эсменард... Извини пожалуйста! У тебя такое нехристіанское имя, что я никакъ не могу его запомнить, каждый разъ языкъ заплетается.

— Ахъ, Боже мой! — проговорила бѣдная дѣвушка, а мнѣ казалось, что то и хорошо, что оно такое необыкновенное! Но если вамъ, не нравится, зовите меня, какъ хотите.

— Ну полно, милочка, не стоитъ огорчаться изъ-за такихъ пустяковъ. Къ твоему имени надо привыкнуть, вотъ и все; я выучу его наизусть и тогда ужъ не буду сбиваться.— Послушай же, моя прелестная Симиляръ, я тебя обожаю! Я люблю тебя такъ страстно, что даже самъ удивляюсь. И я знаю одну особу, которая готова лопнуть отъ зависти.

— Кто это? — перебила его ревниво молодая дѣвушка.

— Что намъ за дѣло! — возразилъ Фебъ. Любишь ты меня?

— Ахъ!.. прошептала она.

— Ну, и больше намъ ничего и ненужно. Я тебя тоже очень люблю, ты увидишь. И пусть Нептунъ проколетъ меня своимъ трезубцемъ, если я не сдѣлаю тебя счастливѣйшей женщиной въ мірѣ. Мы наймемъ гдѣ нибудь маленькую, уютную комнатку, я буду водить своихъ стрѣлковъ у тебя подъ окнами. Всѣ они конные, и стрѣлки капитана Миньона противъ нихъ никуда не годятся. Я поведу тебя на парадъ въ Рюлли. Это, я тебѣ скажу, великолѣпное зрѣлище. Восемьдесять тысячъ человѣкъ вооруженныхъ, тридцать тысячъ бѣлыхъ попонъ и камзоловъ. Тутъ же значки всѣхъ шестидесяти семи цеховъ, знамены парламента, счетной палаты, казначейства, монетнаго двора, однимъ словомъ—вся чортова свита! Я покажу тебѣ королевскихъ львовъ,— это дикіе звѣри. Всѣ женщины очень любятъ такія вещи.

Тѣмъ временемъ, молодая дѣвушка, погруженная въ свои радужныя мысли, мечтала подъ звуки его голоса, не вслушиваясь въ то, что онъ говорилъ.

— Ахъ какъ ты будешь счастлива! — продолжалъ капитанъ, осторожно разстегивая въ то же время поясъ цыганки.

— Что вы дѣлаете? — испуганно воскликнула она, очнувшись отъ своей задумчивости при такомъ переходѣ капитана отъ слова къ дѣлу.

— Ничего,— отвѣчалъ Фебъ. — Я только хотѣлъ сказать, что тебѣ придется разстаться съ этимъ уличнымъ нарядомъ, когда ты будешь со мной.

— Когда я буду съ тобой, мой Фебъ,— повторила нѣжно молодая дѣвушка.

И снова замолкла, погрузившись въ задумчивость.

Капитанъ, ободренный такой покорностью, обнялъ ее за талію и не встрѣтилъ сопротивленія. Тогда онъ принялся осторожно расшнуровывать ея корсажъ и при этомъ настолько спустилъ ея шемизетку, что архидіаконъ, задыхаясь, увидалъ обнажившееся подъ легкой кисеей прелестное смуглое плечико цыганки, напоминавшее собой луну, показавшуюся въ туманѣ горизонта.

Молодая дѣвушка не останавливала Феба и, кажется, даже не замѣчала, что онъ дѣлаетъ. Глаза предпріимчиваго капитана разгорались.

— Фебъ,— вдругъ обратилась къ нему молодая дѣвушка съ выраженіемъ безконечной любви,— научи меня своей вѣрѣ.

— Своей вѣрѣ? — воскликнулъ капитанъ расхохотавшись. Научить тебя своей вѣрѣ? Чортъ возьми! да на что тебѣ моя вѣра?

— Что бы намъ можно было повѣнчаться — отвѣчала она.

На лицѣ капитана изобразилась смѣсь удивленія, насмѣшки, безпечности и сладострастія.

— Ну, вотъ еще! — воскликнулъ онъ, — какая тутъ женитьба!

Цыганка поблѣднѣла и печально опустила голову.

— Прелесть моя, — нѣжно продолжалъ капитанъ, выкинь ты изъ головы эти глупости. Велика важность — женитьба! Точно мы будемъ меньше любить другъ друга, если патеръ не побормочетъ надъ нами по-латыни.

И говоря такъ, онъ постарался вложить въ голосъ всю нѣжность, на какую былъ способенъ, а самъ наклонялся все ближе къ цыганкѣ и, съ разгорѣвшимися глазами, крѣпко обнялъ ея стройную, гибкую талію.

По всему видно было, что для капитана Феба наступаетъ одна изъ тѣхъ минутъ, когда самъ Юпитеръ дѣлалъ такія глупости, что Гомеру приходилось призывать себѣ на помощь облако.

Патеръ Клодъ видѣлъ все. Въ двери чулана, сколоченнаго изъ гнилыхъ досокъ, образовались такія широкія щели, что сквозь нихъ свободно проникалъ взглядъ архидіакона, напоминавшій собою взглядъ хищной птицы. Смуглый и широкоплечій священникъ, обреченный до сихъ поръ на строгое монастырское цѣломудріе, теперь дрожалъ и не помнилъ себя отъ этой сцены, полной любви и нѣги. При видѣ полуобнаженной молодой, красивой дѣвушки въ страстныхъ объятіяхъ капитана, у него кипѣла кровь въ жилахъ и съ нимъ творилось что-то ужасное. Съ чувствомъ безконечной ревности слѣдилъ онъ за каждой отколотой булавкой. Если бы кто видѣлъ въ эту минуту лицо несчастнаго, приникнувшаго къ гнилымъ доскамъ, тому бы показалось, что онъ видитъ передъ собой тигра, смотрящаго изъ клѣтки на то, какъ шакалъ терзаетъ газель. Зрачки его, въ дверной щели, сверкали, какъ угли.

Вдругъ Фебъ быстро сдернулъ шемизетку молодой дѣвушки. Бѣдная цыганка, сидѣвшая до сихъ поръ блѣдная и неподвижная, сразу очнулась. Она быстро отскочила отъ предпріимчиваго капитана, и взглянувъ на свои обнаженныя плечи, замерла, сконфуженная и растерянная отъ стыда, скрестивъ руки на груди и стараясь прикрыть ими свою наготу. Если бы не зардѣвшіяся щеки, ея неподвижную и нѣжную фигуру легко было бы принять за статую цѣломудрія. Глаза ея оставались опущенными. Таинственный талисманъ висѣлъ у нея на шеѣ.

— Что это такое? — спросилъ капитанъ пользуясь предлогомъ снова приблизиться къ напуганной красавицѣ.

— Не троньте! — воскликнула она — это мой хранитель, онъ мнѣ поможетъ отыскать моихъ родителей, если я окажусь достойной ихъ. Оставьте меня, господинъ капитанъ! Матушка! милая матушка! гдѣ ты? помоги мнѣ! Сжальтесь надо мной, господинъ Фебъ, отдайте мою шемизетку.

Фебъ отступилъ назадъ и холодно проговорилъ:

— О, сударыня, теперь я отлично вижу, что вы меня не любите!

— Я его не люблю! — воскликнула бѣдная цыганка, бросаясь на шею капитана и усаживая его рядомъ съ собой. — Я тебя не люблю,

мой Фебъ! злой, вѣдь ты это говоришь нарочно, чтобы меня помучить. Такъ на же, возьми меня, возьми всю! Дѣлай со мной все, что хочешь, я вся твоя! На что мнѣ талисманъ, на что мнѣ мать! Ты для меня мать, потому что я люблю тебя! Фебъ, мой любимый Фебъ, взгляни на меня! Смотри это я, та самая маленькая цыганка, которую ты по своей добротѣ не оттолкнулъ отъ себя, которая сама пришла къ тебѣ и сама отдается тебѣ. Моя душа, моя жизнь, мое тѣло, все, все во мнѣ принадлежитъ тебѣ, мой дорогой. Ну что жъ, если ты не хочешь жениться, такъ и не надо. Да и что я такое? несчастная уличная дѣвочка, а вѣдь ты дворянинъ, мой Фебъ. Правда, это было бы даже смѣшно,— уличная плясунья и вдругъ замужемъ за офицеромъ! Да я съ ума сошла. Нѣтъ, Фебъ, нѣтъ, я буду твоей любовницей, твоей забавой, твоимъ наслажденіемъ, всѣмъ, чѣмъ ты захочешь, вѣдь я для того только и создана. Пусть я буду опозорена, запятнена, всѣми презираема, но зато любима. И я буду самой счастливѣйшей изъ женщинъ. А когда я состарѣюсь или подурнѣю, мой Фебъ, когда не смогу больше служить для васъ забавой, вы позволите мнѣ прислуживать вамъ. Другія будутъ вамъ вышивать шарфы, а я, ваша служанка, буду хранить ихъ. Я буду чистить ваши шпоры, чистить вашъ мундиръ, обтирать пыль съ вашихъ сапогъ. Неправда ли, мой Фебъ, вы изъ состраданія позволите мнѣ это? А теперь бери меня, Фебъ, я вся твоя, только люби меня! Намъ, цыганкамъ, лишь этого и нужно — воздухъ, да любовь!

И съ этими словами она обвила руками шею капитана, умоляюще глядя на него снизу вверхъ глазами полными слезъ и улыбаясь чудной улыбкой. Ея нѣжная грудь терлась о сукно и грубыя вышивки его мундира, ея полуобнаженное тѣло почти лежало у него на колѣняхъ. Опьяненный капитанъ прильнулъ жадными губами къ ея смуглымъ плечикамъ. Молодая дѣвушка, опрокинувшись назадъ и поднявъ глаза, трепетала и замирала подъ этимъ поцѣлуемъ.

Вдругъ, надъ головой Феба она увидала другую голову съ мертвенно-блѣднымъ, искаженнымъ судоргой лицомъ. И около этого лица промелькнула рука съ кинжаломъ. То былъ архидіаконъ, выломавшій дверь и выбѣжавшій изъ чулана. Фебъ не могъ его замѣтить. Пораженная страшнымъ видѣніемъ, молодая дѣвушка замерла, неподвижная, похолодѣвшая, нѣмая, какъ голубка, при видѣ ястреба, устремившаго свои круглые глаза на ея гнѣздо.

Она даже не успѣла вскрикнуть, увидавъ, какъ кинжалъ вонзился въ Феба и снова поднялся весь окровавленный.

Цыганка лишилась чувствъ.

Когда она очнулась, то увидала себя окруженной солдатами ночной стражи. Окровавленнаго капитана куда-то уносили; архидіаконъ исчезъ; окошко, въ глубинѣ комнаты, выходившее на рѣку, было широко растворено, около него подняли какой-то плащъ, думая, что онъ принадлежитъ капитану, а вокругъ нея говорили:

— Эта колдунья заколола капитана.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

I.

Золотая монета, превращенная въ сухой листъ.

Гренгуаръ и весь Дворъ Чудесъ были въ смертельномъ безпокойствѣ. Уже цѣлый мѣсяцъ никому не было извѣстно, что сталось съ Эсмеральдой, и это весьма печалило какъ герцога Египетскаго, такъ и бродягъ, а исчезновеніе козы еще болѣе усугубляло грусть Гренгуара. Однажды вечеромъ цыганка исчезла, и съ тѣхъ поръ о ней не было ни слуху ни духу. Всѣ поиски не привели ни къ чему. Кто-то сказалъ Гренгуару, съ очевиднымъ намѣреніемъ поддразнить его, что встрѣтилъ Эсмеральду въ тотъ вечеръ около моста Святого Михаила въ обществѣ офицера; но этотъ мужъ, обвѣнчанный по бродяжническому обряду, оказался философомъ-скептикомъ, къ тому же ему, лучше чѣмъ кому нибудь, была извѣстна чистота его жены. Онъ по опыту зналъ, какую непреодолимую силу представляли собою вмѣстѣ амулетъ и добродѣтель самой цыганки, и съ математической точностью разсчиталъ сопротивленіе, которое они могутъ оказать нападенію. Вслѣдствіе чего, съ этой стороны, онъ былъ совершенно спокоенъ.

Тѣмъ необъяснимѣе было для Гренгуара исчезновеніе Эсмеральды. Оно его глубоко опечалило. Онъ бы даже похудѣлъ, еслибъ для него существовала возможность похудѣть. Онъ все оставилъ, даже свои литературныя занятія, даже свою большую работу *De figure regularibus et irregularibus*, намѣреваясь напечатать ее на первыя деньги, которыя у него будутъ. — Онъ помѣшался на книгопечатаніи съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ книгу Гюга де-Сенъ-Виктора, *Didascalon*, напечатанную знаменитымъ шрифтомъ Винделина Спирскаго.

Однажды, грустно проходя мимо зданія Ла-Турнель, онъ увидалъ группу людей, толпившихся у дверей суда.

— Что тамъ такое? — спросилъ онъ у одного изъ выходившихъ оттуда молодыхъ людей.

— Не знаю, — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Говорятъ, судятъ какую-то женщину, убившую жандарма. Тутъ, кажется, замѣшано колдовство; епископъ и консисторскій судья вступились въ это дѣло, мой братъ, архидіаконъ умираетъ надъ нимъ. Мнѣ надо было поговорить съ нимъ, да я такъ и не добрался до него, такая тамъ толпа; это мнѣ ужасно досадно, потому что мнѣ нужны деньги.

— Желалъ бы имѣть возможность ссудить васъ ими, молодой человѣкъ, только у меня карманы продырявились не отъ денегъ, — сказалъ Гренгуаръ.

Онъ не посмѣлъ сказать студенту, что знаетъ его брата архидіакона, къ которому онъ не заходилъ со времени встрѣчи въ церкви. Эта небрежность нѣсколько смущала его.

Студентъ пошелъ своей дорогой, а Гренгуаръ сталъ подниматься по лѣстницѣ вслѣдъ за толпой, направлявшейся въ первую камеру палаты. Принято утверждать, что ничто такъ не способствуетъ разсѣянію меланхоліи, какъ зрѣлище уголовнаго процесса,— настолько забавна глупость судей. Толпа, въ которую вмѣшался Гренгуаръ, двигалась и толкалась молча. Послѣ медленнаго скучнаго топтанія по темному коридору, извивавшемуся въ зданіи суда, Гренгуаръ достигъ низкой двери, ведшей въ залу, которую онъ, благодаря своему высокому росту могъ разсмотрѣть, черезъ головы колыхавшейся толпы.

Зала была обширная и темная, отчего казалась еще больше. Смеркалось; въ длинныя стрѣльчатыя окна проникали только блѣдные лучи, которые гасли, не достигнувъ свода, представлявшаго огромную рѣшетку изъ балокъ, покрытыхъ рѣзьбой, тысячи фигуръ которой, казалось, двигались въ полумракѣ. На столахъ мѣстами уже виднѣлись зажженныя свѣчи; свѣтъ отъ нихъ падалъ на головы согнувшихся надъ кипами бумагъ писцовъ. Передняя часть залы была занята толпой; направо и налѣво сидѣли различные судейскіе и стояли столы; въ глубинѣ, на эстрадѣ, помѣщалось множество судей, послѣдніе ряды которыхъ тонули въ темнотѣ — все неподвижныя, мрачныя лица. Столы были усѣяны изображеніями лилій безъ конца. Надъ судьями неясно виднѣлось большое распятіе, и повсюду пики и алебарды, на остреяхъ которыхъ свѣтъ отражался огненными точками.

— Что это за господа, сидящіе тамъ, какъ прелаты на соборѣ?

— Направо совѣтники первой камеры палаты, налѣво судебные слѣдователи; низшіе чины—въ черномъ, а высшіе—въ красномъ.

— А тамъ выше, кто этотъ толстякъ, что такъ потѣетъ?

— Господинъ предсѣдатель.

— А эти, эти бараны позади него? — продолжалъ разспрашивать Гренгуаръ, не любившій, какъ мы уже сказали, магистратуру, что происходило, можетъ-быть, отъ злобы, которую онъ питалъ противъ суда со времени своихъ драматическихъ злоключеній.

— Это все господа слѣдователи королевской палаты.

— А передъ ними, этотъ кабанъ?

— Это королевскій секретарь парламента.

— А направо, тотъ крокодилъ?

— Метръ Филиппъ Лёлье, чрезвычайный королевскій прокуроръ.

— А налѣво, этотъ толстый черный котъ?

Метръ Жакъ Шармолю, королевскій прокуроръ духовнаго суда и господа члены консисторіи.

— Что же дѣлаютъ здѣсь всѣ эти господа?—спросилъ Гренгуаръ.

— Судятъ.

— Кого? я не вижу подсудимаго.

— Это женщина. Вы не можете ее видѣть: она обращена къ намъ спиной, и толпа закрываетъ ее. Она тамъ, гдѣ вы видите группу стражей съ бердышами.

— Что эта за женщина? — спросилъ Гренгуаръ.— Вы знаетѣ ея имя?

— Нѣтъ; я только что пришелъ. Думаю только, что дѣло идетъ о колдовствѣ, потому что консисторія присутствуетъ на судѣ.

— А! такъ мы увидимъ, какъ всѣ эти господа судейскіе станутъ поѣдать человѣческое мясо. Что же? Зрѣлище, какъ всякое другое, — замѣтилъ нашъ философъ.

— Не находите ли вы, сударь, что у метра Жака Шармолю очень кроткая наружность? — спросилъ сосѣдъ.

Однажды, проходя мимо зданія Ла-Турнель, онъ увидалъ группу людей, толпившихся у дверей суда.

— Гм! — отвѣчалъ Гренгуаръ. — Не довѣряю я кроткой физіономіи съ сжатыми ноздрями и тонкими губами.

Здѣсь сосѣди попросили разговаривавшихъ замолчать. Слушалось важное свидѣтельское показаніе.

— Господа, — говорила, стоя посреди зала, старуха, лицо которой совершенно исчезало въ ея одеждѣ, такъ что она представляла изъ

себя какъ бы движущуюся кучу лохмотьевъ, — я говорю такую же правду, какъ то, что я, ла-Фалурдель съ моста Св. Михаила гдѣ я живу ужъ сорокъ лѣтъ, но аккуратно платя пошлины, оброки и подати; дверь моя противъ Тассена Кайяра, красильщика, который живетъ вверхъ по рѣкѣ. — Теперь я — бѣдная старуха, а когда то была красивая дѣвушка! — Надняхъ мнѣ сказали: „Ла-Фалурдель, не верти свою прялку черезчуръ быстро вечеромъ, дьяволъ любитъ расчесывать своими рогами пряжу старухъ. Достовѣрно, что „черный монахъ", что бродилъ въ прошломъ году около Темпля, теперь показался въ Ла-Ситэ. Смотри, Фалурдель, какъ бы онъ не постучался къ тебѣ въ дверь". — Однажды вечеромъ я пряла около двери. Спрашиваю,—кто тамъ? Кто-то ругается. Отворяю. Входятъ двое мужчинъ — одинъ весь въ черномъ, другой красивый офицеръ. У чернаго были видны только глаза — какъ два горящіе угля. Все остальное было закрыто плащемъ и шляпой. Вотъ, что они мнѣ сказали: „Дай намъ комнату". — Моя комната наверху —самая чистая изъ всѣхъ. Они мнѣ даютъ экю. Я прячу экю въ ящикъ и говорю: „Завтра куплю себѣ требухи на живодернѣ въ Глоріеттѣ". Мы идемъ наверхъ. Когда мы пришли въ комнату, и я обернулась, человѣкъ въ черномъ исчезъ. Это меня нѣсколько удивило. Офицеръ, красивый, какъ настоящій аристократъ, спустился со мной внизъ. Онъ ушелъ. Не успѣла я спрясть и четверть пасьмы, какъ онъ вернулся съ молодой дѣвушкой-куколкой, которая засіяла бы какъ звѣздочка, если бъ на головѣ у нея былъ обычный головной уборъ. Съ ней былъ козелъ, большой козелъ, бѣлый или черный, теперь не помню. Это заставило меня призадуматься. До дѣвушки какое мнѣ дѣло, ну а козелъ! Не люблю я этихъ животныхъ—у нихъ борода и рога. Какъ будто мужчины. Да и пахнетъ шабашемъ. Однако, я ничего не говорю. Я получила экю. Вѣдь я правильно разсудила, г. судья? Я провожу дѣвушку и капитана наверхъ и оставляю ихъ однихъ, т.-е. съ козломъ. Сама же возвращаюсь внизъ и снова принимаюсь за пряжу. Надо вамъ сказать, что домъ мой двухэтажный и задняя сторона его обращена къ рѣкѣ, какъ у прочихъ домовъ на мосту, и окна изъ перваго и второго этажа выходятъ прямо надъ водой. Ну вотъ, я принялась было за пряжу, и, не знаю почему, у меня въ головѣ все вертѣлся этотъ черный монахъ, о которомъ мнѣ напомнилъ козелъ; а дѣвушка показалась мнѣ нѣсколько странно одѣтой. Вдругъ я слышу наверху крикъ, что-то падаетъ на полъ, и затѣмъ открывается окно. Я бѣгу къ своему окну, которое какъ разъ подъ верхнимъ, и вижу, какъ мимо меня мелькаетъ какая-то черная масса и падаетъ въ воду. Это было чучело, одѣтое священникомъ. Свѣтила луна, и я очень хорошо могла все разсмотрѣть. Черная масса поплыла внизъ по рѣкѣ. Тогда, вся дрожа, я зову ночную стражу. Солдаты вошли, и такъ какъ они были навеселѣ, то, не зная въ чемъ дѣло, въ первую минуту побили, было, меня. Я имъ все объяснила. Мы идемъ наверхъ—и что же находимъ? Комната вся залита кровью, офицеръ лежитъ на полу съ кинжаломъ въ шеѣ, дѣвушка притворяется мертвой, а коза мечется въ испугѣ. „Хорошо, — говорю я — теперь цѣлыхъ двѣ недѣли не отмоешь полъ. Придется скоблить — ужасно!" Бѣднаго молодого человѣка, офицера, а также и дѣвушку унесли. Подождите. Самое худшее то, что когда я на другой день хотѣла взять экю, чтобъ сходить за требухой, я на его мѣстѣ нашла сухой листъ.

Старуха смолкла. Ропотъ ужаса пробѣжалъ среди слушателей.

— Привидѣніе, козелъ — все это пахнетъ колдовствомъ, — замѣтилъ одинъ изъ сосѣдей Гренгуара.—А этотъ сухой листъ!—добавилъ другой.— Нѣтъ никакого сомнѣнія, — заключилъ третій, — это колдунья, у которой стачка съ „чернымъ монахомъ", чтобы убивать офицеровъ.

Самъ Гренгуаръ былъ не далекъ отъ того, чтобы найти все сообщенное ужаснымъ и правдоподобнымъ.

— Женщина Фалурдель, вы не имѣете ничего больше сообщить правосудію? — величественно спросилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, развѣ только то, что въ протоколѣ мой домъ назвали покосившейся, вонючей лачугой, а это обидно, — заявила старуха. — Всѣ дома на мосту не Богъ вѣсть какіе, потому что биткомъ набиты а все же мясники не перестаютъ селиться тамъ, а это люди богатые и жены у нихъ—красивыя, порядочныя женщины.

Всталъ прокуроръ, въ которомъ Гренгуаръ нашелъ сходство съ крокодиломъ.

— Замолчите, — сказалъ онъ. — Прошу гг. судей не терять изъ виду, что на обвиняемой нашли кинжалъ. Женщина Фалурдель, принесли ли вы съ собой сухой листъ, въ который превратился экю, данный вамъ демономъ?

— Да, милостивый государь; я его нашла. Вотъ онъ.

Судебный приставъ передалъ засохшій листъ крокодилу, который зловѣще кивнулъ головой и передалъ листъ предсѣдателю, который препроводилъ его прокурору церковнаго суда, такъ что онъ обошелъ всю залу.

— Это березовый листъ, — сказалъ метръ Жакъ Шармолю.

— Новое доказательство колдовства, — заговорилъ одинъ изъ совѣтниковъ. — Свидѣтельница, — къ вамъ вошли два человѣка — человѣкъ въ черномъ, который потомъ исчезъ, затѣмъ появился на Сенѣ въ одеждѣ монаха, и офицеръ. Который изъ двухъ вамъ далъ экю?

Старуха на минуту подумала и сказала:

— Офицеръ.

Въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ.

— А,—подумалъ Гренгуаръ,—это показаніе поколебало мое убѣжденіе.

Между тѣмъ, снова вмѣшался метръ Филиппъ Лёлье, королевскій прокуроръ.

— Напомню господамъ, что въ своемъ показаніи, записанномъ у его изголовья, убитый офицеръ заявилъ, что въ ту минуту, когда къ нему подошелъ человѣкъ въ черномъ, у него мелькнула мысль, не черный ли это монахъ; этотъ человѣкъ уговаривалъ его связаться съ обвиняемой и на замѣчаніе, что у него, капитана, нѣтъ денегъ, далъ ему экю, которымъ офицеръ заплатилъ Фалурдель. Стало-быть этотъ экю — бѣсовская монета.

Это заключительное слово, повидимому, разсѣяло всѣ сомнѣнія Гренгуара и другихъ скептиковъ изъ числа слушателей.

— У васъ, господа, въ рукахъ обвинительный актъ, — прибавилъ королевскій прокуроръ, садясь, — вы можете найти въ немъ подтвержденіе показанія Феба Шатоперъ.

При этомъ имени подсудимая поднялась. Гренгуаръ, къ своему ужасу, узналъ Эсмеральду.

Она была блѣдна; волосы, прежде такъ изящно заплетенные и украшенные монетами, падали въ безпорядкѣ; губы посинѣли; ввалившіеся глаза смотрѣли страшно.

— Фебъ? — повторила она, какъ бы въ забытьи. — Гдѣ онъ?

— Замолчи, женщина,—сказалъ предсѣдатель.—Это не наше дѣло.

— Ради Бога, скажите, живъ ли онъ! — все умоляла она, сложивъ свои прелестныя, исхудалыя руки, и при этомъ послышался звонъ цѣпей.

— Онъ умираетъ, — сухо сказалъ королевскій прокуроръ. — Будетъ съ тебя?

Бѣдняжка упала на скамейку, безъ голоса, безъ слезъ, блѣдная, какъ вылитая изъ воска.

Предсѣдатель нагнулся къ человѣку въ расшитой золотомъ шапкѣ и черномъ платьѣ, съ цѣпью на шеѣ и жезломъ въ рукѣ, сидѣвшему у его ногъ.

— Приставъ, введите вторую подсудимую.

Всѣ взоры обратились на отворившуюся дверцу, и въ нее вошла хорошенькая козочка съ золочеными рожками и копытцами. Гренгуаръ задрожалъ. Козочка на минуту остановилась на порогѣ, протягивая шею впередъ, какъ будто, стоя на скалѣ, она увидала передъ собой необъятый горизонтъ. Вдругъ, она замѣтила цыганку и въ два прыжка очутилась возлѣ нея. Тутъ она граціозно стала валяться у ногъ своей госпожи, выпрашивая слово или ласку; но подсудимая сидѣла неподвижно, и на долю бѣдной Джали не выпало даже ни одного взгляда.

— А, да вѣдь эта та самая противная коза! — воскликнула Фалурдель. — Теперь я узнаю ихъ обѣихъ.

Жакъ Шармолю заговорилъ:

— Если угодно, господа, мы приступимъ къ допросу козы.

Дѣйствительно, коза оказалась второй подсудимой. Въ тѣ времена обвиненіе животнаго въ колдовствѣ было дѣломъ обыкновеннымъ. Между прочимъ, въ отчетахъ судопроизводства за 1466 г. интересны подробности о стоимости процесса Жилье-Сулара и его свиньи, *казненненныхъ за ихъ проступки* въ *Корбейлѣ*. Здѣсь все — и стоимость ямы для закапыванія свиньи, и пятьсотъ вязанокъ хворосту изъ Морсанскаго порта, и три пинты вина и хлѣба — послѣдній обѣдъ обвиненнаго, который онъ по-братски раздѣлилъ съ своимъ палачемъ, и, наконецъ, издержки на охраненіе и кормъ свиньи въ продолженіе одиннадцати дней, по восьми парижскихъ денье въ день. Иногда заходили еще дальше животныхъ. Такъ, по капитуляріямъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго налагаются ужасныя кары на огненные призраки, осмѣливающіеся появляться въ воздухѣ.

Между тѣмъ, прокуроръ духовнаго суда воскликнулъ:

— Если злой духъ, который вселился въ эту козу и который не поддается никакимъ увѣщеваніямъ, будетъ продолжать упорствовать въ своихъ козняхъ, если онъ ужаснетъ ими судъ, мы предупреждаемъ его, что мы будемъ вынуждены прибѣгнуть противъ него къ висѣлицѣ или къ костру.

У Гренгуара выступилъ холодный потъ. Шермолю взялъ со стола бубенъ цыганки и подалъ его особеннымъ образомъ козѣ, спрашивая ее:

— Который часъ?

Коза посмотрѣла на него своимъ умнымъ взглядомъ, подняла золоченое копытце и ударила семь разъ. Дѣйствительно, было семь часовъ. Движеніе ужаса пробѣжало въ толпѣ.

Гренгуаръ не выдержалъ.

— Она губитъ себя! — крикнулъ онъ. — Вы сами видите, что она не понимаетъ, что дѣлаетъ.

— Тише, вы, мужичье, тамъ въ залѣ! — рѣзко приказалъ приставъ.

При помощи такого же маневра съ бубномъ, Жакъ Шармолю заставилъ козу продѣлать еще нѣсколько подобныхъ фокусовъ, касавшихся дня недѣли, числа мѣсяца, мѣсяца года и т. д., словомъ, заставилъ козу продѣлать все, чему читатель уже былъ свидѣтелемъ. И вслѣдствіе оптическаго обмана, обычнаго при судебныхъ разбирательствахъ, тѣ же зрители, которые, можетъ-быть, не разъ аплодировали на перекресткахъ невиннымъ шуткамъ Джали, испугались ихъ подъ сводами суда. Коза, безъ всякаго сомнѣнія, была самъ дьяволъ.

Впечатлѣніе получилось еще болѣе сильное, когда королевскій прокуроръ, высыпавъ на полъ изъ мѣшечка, висѣвшаго у Джали на шеѣ, содержавшіяся въ немъ подвижныя буквы, заставилъ козу сложить изъ разсыпанной азбуки роковое имя: *Фебъ*. Колдовство, жертвой котораго палъ капитанъ, казалось неопровержимо доказаннымъ, и въ глазахъ всѣхъ, эта прелестная плясунья, столько разъ очаровавшая прохожихъ своей граціей, превратилась въ ужасную вѣдьму.

Впрочемъ, она не подавала никакого признака жизни. Ни граціозныя движенія Джали, ни угрозы судей, ни глухія проклятія, раздававшіяся изъ толпы, ничто не доходило до ея сознанія.

Чтобы пробудить ее, сержанту пришлось безжалостно трясти ее, а предсѣдателю торжественно возвысить голосомъ.

— Дѣвушка, ты изъ цыганскаго племени, предающагося колдовству. Ты, состоя въ сообщничествѣ съ заколдованной козой, привлеченной къ процессу, въ ночь на 29 марта, убила, заколовъ кинжаломъ, при помощи темныхъ силъ, чаръ и колдовства, капитана королевскихъ стрѣлковъ, Феба-де-Шатоперъ. Ты продолжаешь отрицать это?

— Какой ужасъ! — вскричала дѣвушка, закрывая лицо руками. — Мой Фебъ!.. Это адъ!

— Ты продолжаешь отрицать? — холодно спросилъ предсѣдатель.

— Да, отрицаю! — отвѣчала она громко и встала съ сверкающими глазами.

Предсѣдатель прямо поставилъ вопросъ:

— Въ такомъ случаѣ, какъ ты объяснишь обстоятельства, послужившія къ твоему обвиненію?

Она отвѣчала прерывающимся голосомъ:

— Я уже сказала. Я ничего не знаю. Это сдѣлалъ священникъ — священникъ, котораго я не знаю. Этотъ дьяволъ - священникъ преслѣдуетъ меня.

— Совершенно такъ, — сказалъ судья. — Это „черный монахъ“.

— Сжальтесь надо мной, господа судьи! Я бѣдная дѣвушка...

— Цыганка, — дополнилъ судья.

Метръ Жакъ заговорилъ мягко:

— Въ виду прискорбнаго запирательства подсудимой, я предлагаю примѣнить пытку.

— Согласенъ, — отвѣтилъ предсѣдатель.

Несчастная содрогнулась всѣмъ тѣломъ, однако, поднялась, по приказанію стражей, и медленною, довольно твердою поступью, предшествуемая Шармолю и консисторскими священниками, между двумя рядами алебардщиковъ, направилась къ потайной двери, которая внезапно отворилась и также быстро захлопнулась, произведя на Гренгуара впечатлѣніе ужасной пасти, поглотившей несчастную.

Когда она исчезла, послышалось жалобное блеяніе — то плакала бѣдная коза.

Засѣданіе было прервано. Одинъ изъ совѣтниковъ замѣтилъ, что господа судьи устали, и что слишкомъ долго ждать окончанія пытки; на это предсѣдатель отвѣтилъ, что должностное лицо должно умѣть приносить себя въ жертву своему долгу.

— Скучная, противная дѣвчонка, съ которой приходится возиться, на голодный желудокъ! — заключилъ одинъ изъ стариковъ-судей.

II.

Продолженіе разсказа объ экю, превратившемся въ сухой листъ.

Поднявшись и спустившись по нѣсколькимъ ступенямъ въ коридорахъ, настолько темныхъ, что и днемъ они освѣщались лампами, Эсмеральда, въ сопровожденіи своей мрачной эскорты, была введена судейской стражей въ комнату зловѣщаго вида. Эта круглая комната помѣщалась въ нижнемъ этажѣ одной изъ толстыхъ башенъ, поднимающихся еще и въ наше время надъ нынѣшними зданіями, заступившими въ современномъ Парижѣ мѣсто старинныхъ построекъ. Въ этомъ подземельѣ не было оконъ, не было никакихъ отверстій, кромѣ низкой, окованной желѣзомъ двери. Въ толстой стѣнѣ была выложена печь, въ которой пылалъ яркій огонь, наполнявшій подземелье своимъ багровымъ отблескомъ и лишавшій уже всякого значенія несчастную сальную свѣчу, горѣвшую въ углу. Отъ желѣзной рѣшетки, для запиранія печки, поднятой въ это время надъ пылающимъ отверстіемъ, на темной стѣнѣ выступалъ только рядъ темныхъ острыхъ, рѣдкихъ зубьевъ, что придавало печи видъ одного изъ тѣхъ сказочныхъ драконовъ, которые изрыгали пламя. При исходящемъ изъ печи свѣтѣ, узница увидала въ комнатѣ различныя ужасныя орудія, назначеніе которыхъ ей было непонятно. Посрединѣ, почти на полу, находился кожаный матрацъ, надъ которымъ висѣлъ ремень съ пряжками, прикрѣпленный къ мѣдному кольцу, соединенному съ такимъ же кольцомъ огромныхъ размѣровъ, вдѣланнымъ въ сводъ потолка. Тиски, клещи, огромныя полосы желѣза наполняли внутренность печи и накаливались, брошенные въ безпорядкѣ на горящіе угли. Кровавый свѣтъ изъ горна освѣщалъ въ подземельи массу ужасныхъ вещей.

Этотъ тартаръ назывался *камерой допроса*.

На кровати сидѣлъ въ непринужденной позѣ Пьерра Тортрю, присяжный палачъ. Его прислужники, два гнома съ четырехугольными лицами, въ кожаныхъ фартукахъ и холщевыхъ рубахахъ, повертывали желѣзныя орудія на угляхъ.

Напрасно несчастная дѣвушка призывала на помощь все свое мужество. Войдя въ эту комнату, она ужаснулась.

Стража встала по одну сторону; священники и представители консисторіи — по другую. Въ углу, за столомъ, на которомъ стояла чернильница, сидѣлъ писецъ.

Метръ Жакъ Шармолю подошелъ къ цыганкѣ съ самой ласковой улыбкой.

— Ты все еще продолжаешь отрицать, дитя мое?

— Да, — отвѣчала она уже упавшимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, намъ очень тяжело будетъ допрашивать тебя болѣе настоятельно, чѣмъ мы бы того желали. Потрудись сѣсть на кровать. Мэтръ Пьерра, пустите дѣвицу и затворите дверь.

Пьерро всталъ, ворча.

— Если запру дверь, огонь погаснетъ,— проворчалъ онъ.

— Ну, такъ не запирайте ея.

Между тѣмъ Эсмеральда продолжала стоять. Это кожаная постель, на которой корчилось столько несчастныхъ, приводила ее въ ужасъ. Страхъ леденилъ въ ней кровь. Она стояла растерянная, ничего не понимая. По знаку Шармолю, два прислужника схватили ее и посадили на постель. Они не причинили ей боли, но когда эти мужчины прикоснулись къ ней, когда кожа матраца коснулась ея тѣла, она почувствовала, какъ вся кровь прилила ей къ сердцу. Она окинула взглядомъ комнату. Ей казалось, что всѣ эти безобразныя орудія пытки, составлявшія между всѣми видѣнными ею когда-либо инструментами то же, что летучія мыши, сороконожки и пауки между насѣкомыми и птицами, двинулись къ ней со всѣхъ сторонъ, чтобы поползти по ея тѣлу, чтобы кусать и щипать ее.

— Гдѣ врачъ? — спросилъ Шармолю.

— Здѣсь,— отвѣчалъ человѣкъ въ черномъ, котораго Эсмеральда не замѣтила раньше.

Она вздрогнула.

— Въ третій разъ спрашиваю васъ, дѣвица, продолжаете вы упорствовать въ отрицаніи обстоятельствъ, въ которыхъ васъ обвиняютъ?

На этотъ разъ она могла только кивнуть головой. У нея не было голоса.

— Вы упорствуете? — спросилъ Жакъ Шармолю. — Въ такомъ случаѣ, я къ своему отчаянію, долженъ исполнить свою обязанность.

— Съ чего мы начнемъ, г. королевскій прокуроръ? — рѣзко вмѣшался Пьерра.

Шармолю съ минуту поколебался съ двусмысленной улыбкой поэта, подыскивающаго риѳму.

— Съ испанскаго сапога,— сказалъ онъ, наконецъ.

Несчастная почувствовала себя до такой степени покинутой Богомъ и людьми, что голова ея опустилась на грудь, какъ неодушевленная вещь, не имѣющая силы сама по себѣ.

Палачъ и врачъ одновременно подошли къ ней. Въ то же время прислужники начали рыться въ своемъ ужасномъ арсеналѣ.

При звонѣ этихъ страшныхъ желѣзныхъ вещей, несчастная дѣвочка задрожала, какъ мертвая лягушка, по которой бы пустили электрическій токъ.

— О, мой Фебъ! — проговорила Эсмеральда такъ тихо, что никто ея не слыхалъ.

Затѣмъ она снова погрузилась въ свою прежнюю неподвижность и каменное безмолвіе. Это зрѣлище истерзало бы всякое другое сердце, кромѣ судейскаго. Казалось, будто самъ сатана допрашиваетъ бѣдную грѣшную душу при багровомъ свѣтѣ ада. Несчастное тѣло, за которое готовы были ухватиться эти безчисленныя пилы, колеса и дыбы, существо, которое должно было сейчасъ очутиться въ этихъ цѣпкихъ рукахъ палачей, въ этихъ тискахъ, было это кроткое, хрупкое, бѣленькое созданьице. Бѣдная просинка, которую людское правосудіе отдавало подъ ужасные жернова пытки.

Между тѣмъ мозолистыя руки слугъ Пьерра Тортрю грубо обнажили эту прелестную маленькую ножку, не разъ поражавшую своимъ изяществомъ и красотой зрителей на парижскихъ перекресткахъ.

— Экая жалость! — проворчалъ палачъ, смотря на нѣжную, граціозную ножку.

Если бъ архидіаконъ былъ тутъ, онъ, безъ сомнѣнія, вспомнилъ бы паука и муху. Скоро несчастная увидала, сквозь дымку, застлавшую ей глаза, какъ поднесли *сапогъ*, скоро почувствовала, какъ ея ножка, охваченная окованными желѣзомъ лубками, исчезла въ ужасномъ аппаратѣ. Тогда ужасъ вернулъ ей силы.

— Снимите съ меня это! — крикнула она, не помня себя и поднявшись вся растрепанная, прибавила:

— Сжальтесь!

Она пыталась вскочить и броситься къ ногамъ прокурора, но ногу ея сдавливалъ тяжелый обрубокъ изъ дубоваго дерева окованный желѣзомъ, и она принуждена была опуститься, болѣе обезсиленная, чѣмъ пчела, къ крылу которой подвѣсили бы кусокъ свинца.

По знаку Шармолю, ее снова положили на постель и двѣ грубыя руки привязали къ ея тонкому поясу ремень, висѣвшій съ потолка.

— Въ послѣдній разъ: признаете вы обстоятельства, при которыхъ совершилось злодѣяніе? — спросилъ Шермолю съ своей невозмутимой медоточивостью.

— Я не виновна.

— Въ такомъ случаѣ, какъ вы объясните все, въ чемъ васъ обвиняютъ?.

— Не знаю, монсеньоръ.

— Вы отрицаете свою виновность?

— Отрицаю все!

— Начинайте! — приказалъ Шармолю палачу.

Пьерра завернулъ винтъ, сапогъ сошелся, и несчастная испустила одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ криковъ, передать которые невозможно ни на одномъ человѣческомъ языкѣ,

— Остановитесь, — приказалъ Шармолю Пьерра. — Сознаетесь? — спросилъ онъ цыганку.

— Во всемъ! — закричала несчастная дѣвушка. — Сознаюсь! Пощадите!

Идя на пытку, она не соразмѣрила своихъ силъ. Первая боль побѣдила бѣдняжку, жизнь которой до тѣхъ поръ была такъ весела, легка и пріятна.

— Человѣколюбіе обязываетъ меня предупредить васъ, что, повинившись, вы должны ждать смерти, — сказалъ прокуроръ.

— Конечно! — отвѣтила она и упала на кожаную постель — умирающая, перегнувшись вдвое, повиснувъ на кожаномъ ремнѣ, застегнутомъ пряжкой у нея на груди.

— Ну, красавица, пріободрись,— сказалъ метръ Пьерра, приподнимая ее.— Ты словно золотой агнецъ, котораго носитъ на шеѣ герцогъ Бургундскій.

Жакъ Шармолю возвысилъ голосъ.

— Писецъ, пишите. Цыганка, ты признаешься, что принимала участіе въ сходбищахъ, шабашахъ и адскихъ колдовствахъ вмѣстѣ съ злыми духами, вѣдьмами и вампирами? Отвѣчай.

— Да,— отвѣчала она такъ тихо, что ея слова смѣшивались съ ея дыханіемъ.

— Ты видѣла барана, котораго показываетъ вельзевулъ, чтобы собрать шабашъ, и котораго могутъ видѣть одни только колдуны?

— Да.

— Ты признаешься въ томъ, что поклонялась головамъ Бофомета, этимъ отвратительнымъ идоламъ храмовниковъ.

— Да.

— Что имѣла сношенія съ дьяволомъ подъ видомъ ручной козы, привлеченной къ дѣлу?

— Да.

— Наконецъ, ты признаешься и каешься въ томъ, что съ помощью демона и оборотня, обыкновенно называемаго „чернымъ монахомъ“, ты въ ночь на двадцать девятое марта, убила нѣкоего капитана Феба де-Шатоперъ.

Она подняла на прокурора свои большіе неподвижные глаза и отвѣчала какъ бы машинально, не дрожа:

— Да.

Очевидно въ ней все было сломлено.

— Пишите, писецъ, — приказалъ Шармолю. — А вы, — продолжалъ онъ обращаясь къ палачамъ,— отвяжите узницу и отведите ее обратно въ залу суда.

Когда съ узницы сняли *сапогъ*, церковный прокуроръ разсмотрѣлъ ея ногу, еще недвижимую отъ боли.

— Ну, бѣда еще не велика. Ты крикнула во-время. Еще будешь въ состояніи плясать, красавица!

Затѣмъ онъ обратился къ представителямъ правосудія:

— Вотъ, наконецъ, правосудіе освѣдомлено. Это утѣшительно, господа! Дѣвица должна отдать намъ справедливость, что мы дѣйствовали со всевозможной мягкостью.

III.

Конецъ „Экю, превратившагося въ сухой листъ“

Когда блѣдная, хромающая Эсмеральда вернулась въ залу, ее встрѣтилъ общій ропотъ удовольствія. Со стороны публики это было чувство удовлетвореннаго нетерпѣнія, которое зрители испытываютъ при окончаніи послѣдняго антракта пьесы, когда подымается занавѣсъ и начи-

нается начало конца. Со стороны судей — то была надежда на скорый ужинъ. И козочка заблеяла отъ радости. Она хотѣла побѣжать навстрѣчу хозяйкѣ, но ее привязали къ скамейкѣ.

Совсѣмъ стемнѣло. Свѣчи, число которыхъ не увеличили, бросали такъ мало свѣта, что даже не видать было стѣнъ залы. Мракъ окутывалъ всѣхъ какъ бы туманомъ. Только едва выдѣлялось нѣсколько апатичныхъ лицъ судей. На противоположномъ концѣ длинной залы зрители могли видѣть неясную бѣлую точку, выдѣлявшуюся на темномъ фонѣ. То была подсудимая.

Она дотащилась до своего мѣста. Шармолю, торжественно дойдя до своего сѣдалища, сѣлъ, затѣмъ снова всталъ и, не выказывая слишкомъ сильнаго тщеславія своимъ успѣхомъ, сказалъ:

— Подсудимая во всемъ созналась.

— Цыганка, — заговорилъ предсѣдатель, — ты призналась въ колдовствѣ, распутной жизни, убійствѣ Феба де-Шатоперъ.

Ея сердце сжалось. Изъ темноты послышались рыданія.

— Во всемъ, въ чемъ хотите,— отвѣчала она слабымъ голосомъ.— Только убейте меня поскорѣй!

— Г. прокуроръ церковнаго суда, судъ готовъ выслушать ваше заявленіе.

Метръ Шармолю извлекъ тетрадь ужасающихъ размѣровъ и началъ читать, жестикулируя, повышеннымъ тономъ стряпчаго, латинскую рѣчь, гдѣ всѣ доказательства обвиненія были нагромождены на чисто цицероновскихъ перифразахъ и сопровождались цитатами изъ Плавта, его любимаго комика. Очень сожалѣемъ, что не можемъ предложить читателю этого замѣчательнаго документа. Ораторъ читалъ его весьма оживленно, и еще не успѣлъ окончить вступленія, какъ уже потъ капалъ у него съ лица, головы и глазъ.

Вдругъ, на самой серединѣ періода, онъ остановился, и его взглядъ, обыкновенно довольно добродушный и даже глуповатый, сдѣлался молніеноснымъ.

— Господа!— вскричалъ онъ уже по-французски, такъ какъ этого не было въ тетради.— Сатана настолько замѣшанъ во всемъ этомъ дѣлѣ, что вотъ онъ самъ присутствуетъ при нашихъ преніяхъ и передразниваетъ насъ. Взгляните.

Говоря это, онъ указалъ на козочку, которая, видя жесты Шармолю, дѣйствительно подумала, что ей слѣдовало подражать ему, присѣла на заднія ноги, а передними и бородатой головкой старалась, насколько возможно, повторять патетическія движенія прокурора церковнаго суда. Если читатель помнитъ, это былъ одинъ изъ ея талантовъ. Этотъ инцидентъ, это послѣднее *доказательство*, произвело огромный эффектъ. Козѣ связали ноги, и королевскій прокуроръ продолжалъ прерванную нить своего краснорѣчія.

Говорилъ онъ долго, но рѣчь была великолѣпна, особенно, если прибавить къ этому хриплый голосъ и торопливую жестикуляцію метра Шармолю.

Онъ надѣлъ шапочку и сѣлъ.

— Э! — вздохнулъ Гренгуаръ,— плохая у него латынь!

Другой человѣкъ въ черной мантіи всталъ возлѣ обвиняемой. Это былъ ея адвокатъ. Проголодавшіеся судьи начали роптать.

— Говорите кратко,— обратился къ адвокату предсѣдатель.

— Г. предсѣдатель, — началъ адвокатъ, — такъ какъ моя кліентка созналась въ своемъ преступленіи, то мнѣ остается сказать только одно слово. Вотъ текстъ салическаго закона: „Если вѣдьма съѣла человѣка и уличена въ томъ, она заплатитъ штрафъ въ восемь тысячъ экю, т.-е. штрафъ въ двѣсти золотыхъ су“. Угодно будетъ суду приговорить мою кліентку къ уплатѣ штрафа?

— Текстъ, уже вышедшій изъ употребленія,— замѣтилъ королевскій прокуроръ.

— *Nego*,— отвѣтилъ защитникъ.

— На голоса! — посовѣтовалъ совѣтникъ, — преступленіе доказано, и уже поздно.

Собрали голоса, не выходя изъ зала. Судьи подавали голосъ, снятіемъ шапки, всѣ спѣшили. При зловѣщемъ вопросѣ, съ которымъ къ нимъ шопотомъ обращался предсѣдатель, видно было въ полумракѣ какъ они одинъ за другимъ снимали шапочки съ головы. Несчастная подсудимая будто смотрѣла на нихъ, но ея помутившіеся глаза уже не видали ничего.

Затѣмъ писецъ началъ писать и черезъ нѣсколько времени передалъ предсѣдателю длинный пергаментъ.

Тогда несчастная услыхала, какъ толпа задвигалась, пики зазвенѣли, ударяясь одна о другую, а ледяной голосъ сталъ говорить:

— Дѣвушка-цыганка, въ день, который благоугодно будетъ назначить королю, нашему государю, тебя въ рубашкѣ, босикомъ, съ веревкой на шеѣ, вывезутъ въ телѣгѣ передъ главный фасадъ собора Богоматери; здѣсь, держа двухфунтовую восковую свѣчу въ рукахъ, ты всенародно покаешься, и оттуда тебя перевезутъ на Гревскую площадь, гдѣ тебя повѣсятъ и удушатъ на висѣлицѣ, такъ же какъ и твою козу. Ты заплатишь исполнителю приговора три ліондора, въ возмездіе за совершенныя тобой преступленія, въ которыхъ ты повинилась, — колдовство, волшебство, распутство и убійство дворянина Феба де-Шатоперъ. Прими Господь твою душу!

— Это сонъ! — проговорила Эсмеральда и почувствовала, что ее уносятъ сильныя руки.

IV.

LASCIATE OGNI SPERANZA.

Въ средніе вѣка въ совершенно оконченномъ зданіи почти такая же часть, какая находилась надъ землей, скрывалась также и подъ землей. Каждый дворецъ, каждая крѣпость, каждый храмъ, если только они не были построены на сваяхъ, имѣли подземные этажи. Въ соборахъ бывали какъ бы еще другіе подземные соборы,— низкіе, темные, таинственные, слѣпые и нѣмые, помѣщавшіеся подъ первыми, верхними, залитыми свѣтомъ, оглашаемыми день и ночь звуками органа и колоколовъ; иногда то бывали склепы. Во дворцахъ и крѣпостяхъ подъ землей помѣщались темницы, склепы, а иногда и то и другое вмѣстѣ. Эти огромныя зданія, способъ постройки которыхъ мы уже объяснили, не только имѣли фундаменты, но, такъ сказать корни, которые развѣтвлялись подъ землей въ видѣ комнатъ, галлерей, лѣстницъ, такихъ же, какъ въ надземномъ помѣщеніи. Такимъ образомъ, половина корпуса церквей, дворцовъ и укрѣпленій находилась въ землѣ. Подвалы зданія

были другимъ зданіемъ, въ которое спускались, вмѣсто того, чтобы подниматься, и которое соприкасалось своими подземными этажами съ громадой надземныхъ этажей, какъ тѣ лѣса и горы, которые соприкасаются въ зеркальной поверхности озера съ подножіемъ горъ и лѣсовъ, находящихся на его берегу.

Въ Сентъ-Антуанской бастиліи, въ Парижскомъ Дворцѣ Правосудія, эти подземелья были тюрьмами. По мѣрѣ того, какъ этажи этихъ тюремъ углублялись ниже и ниже, онѣ становились все тѣснѣе и темнѣе. Каждый этажъ представлялъ какъ бы поясъ извѣстной степени ужаса. Данте не могъ найти ничего лучшаго для своего ада. Эти тюрьмы-воронки обыкновенно оканчивались колодцемъ-ямой съ дномъ бочки, куда Данте помѣстилъ своего Сатану и куда общество заключало приговоренныхъ имъ къ смерти. Разъ несчастный попадалъ въ такой колодецъ — прощай свѣтъ, воздухъ жизнь, прощай всякая надежда. Онъ выходилъ оттуда только на висѣлицу или костеръ. Иногда онъ тутъ и сгнивалъ. Человѣческое правосудіе называло это *забвеніемъ*. Осужденный чувствовалъ, что между нимъ и людьми надъ его головой тяготѣетъ каменная громада, а тюремщики, вся тюрьма, вся крѣпость представлялись ему огромнымъ сложнымъ замкòмъ, за которымъ онъ сидитъ, исключенный изъ міра живыхъ.

Въ такое-то подземелье, въ колодецъ, вырытый св. Людовикомъ въ тюрьмахъ для вѣчнаго заключенія въ Турнелѣ, помѣстили, вѣроятно, опасаясь бѣгства, Эсмеральду, приговоренную къ повѣшенію. Надъ ея головой поднималась громада зданія суда. Бѣдная мушка, которая не могла двигать ни однимъ изъ своихъ маленькихъ члеников̆ъ!

Безъ сомнѣнія, судьба и общество были одинаково несправедливы: не было надобности въ такой роскоши бѣдствія и муки, чтобы разбить такое хрупкое созданіе. Она очутилась въ темнотѣ, погребенная, закопанная, замуравленная. Всякій, кому пришлось бы увидать ее въ такомъ положеніи послѣ того, какъ онъ ее видѣлъ пляшущей и смѣющейся на солнцѣ, содрогнулся бы. Кругомъ смертельный ночной холодъ, ни одинъ вѣтерокъ не шелохнетъ ея волосъ, никакой человѣческій звукъ не коснется слуха, ни одинъ лучъ не блеснетъ передъ ея глазами. Разбитая, раздавленная цѣпями, сидя возлѣ кружки съ водой и кускомъ хлѣба, на охапкѣ соломы въ лужѣ воды, образовавшейся изъ капель, стекавшихъ со стѣнъ тюрьмы, безъ движенія, почти безъ дыханія,—она уже не имѣла силъ даже для страданій. Фебъ, солнце, полдень, свобода, улицы Парижа, пляски при рукоплесканіяхъ, сладостный любовный лепетъ съ офицеромъ, затѣмъ монахъ, кинжалъ, кровь, пытка, висѣлица — все это еще мелькало въ ея головѣ, то какъ радостное, золотое видѣніе, то какъ страшный кошмаръ; но это были уже не болѣе, какъ смутные и ужасные образы, терявшіеся во мракѣ, тихіе отдаленные звуки, раздававшіеся тамъ наверху, на землѣ, и не достигавшіе уже той глубины, въ которой была заточена несчастная.

Съ тѣхъ поръ, какъ ее помѣстили здѣсь, она не бодрствовала, но и не спала. Среди своего бѣдствія, въ этомъ склепѣ, она уже не была въ состояніи отличить бодрствованія отъ сна, сновидѣнія отъ дѣйствительности, дня отъ ночи. Все смѣшивалось, дробилось, расплывалось, носилось въ мысляхъ въ какомъ-то туманѣ. Она уже не чувствовала, не сознавала, не думала, развѣ только грезила. Никогда живое существо не стояло такъ близко къ небытію.

Въ такомъ оцѣпенѣніи, вся застывшая, закаменѣлая, она едва слышала два или три раза стукъ открывавшагося гдѣ-то надъ ея головой люка, чрезъ который не проникало даже ни единаго луча свѣта, но чрезъ который только чья-то рука бросала ей корку чернаго хлѣба. Это періодическое появленіе тюремщика было единственнымъ сообщеніемъ съ людьми, оставшимся у Эсмеральды.

Одинъ только звукъ машинально занималъ ея слухъ. Надъ ея головой сырость просачивалась черезъ заплѣсневѣвшій камень свода, и черезъ ровныя промежутки времени съ него падала капля за каплей. Эсмеральда безсознательно слушала шумъ, производимый этой каплей при ея паденіи въ лужу возлѣ подстилки.

Эта падающая капля была единственнымъ движеніемъ вокругъ, единственными часами, указывавшими на теченіе времени, единственнымъ звукомъ изъ всѣхъ звуковъ, раздававшихся на поверхности земли.

Въ довершеніе всего, Эсмеральда часто чувствовала, какъ что-то холодное пробѣгало у нея по рукѣ или ногѣ среди этой зловонной темноты, и съ нею дѣлалась дрожь.

Сколько времени она пробыла въ этомъ подземельѣ, она не знала. Она смутно помнила, что гдѣ-то, надъ кѣмъ-то былъ произнесенъ смертный приговоръ, затѣмъ, что ее унесли куда-то, и что она, вся закоченѣвъ, пришла въ себя среди темноты и полнаго безмолвія. Она поползла на рукахъ; зазвенѣли цѣпи и врѣзались ей въ ноги. Она убѣдилась, что ее окружаетъ одна сплошная стѣна, и что она лежитъ на снопѣ соломы, брошенномъ на мокрый полъ. Нигдѣ ни свѣтильника, ни отдушины. Тогда она сѣла на этой соломѣ, а иногда, чтобы перемѣнить положеніе, переходила на послѣднюю ступень каменной лѣстницы, находившейся въ ея тюрьмѣ.

Эсмеральда попробовала, было, считать минуты, по падавшимъ каплямъ; но скоро это слабое усиліе больного мозга само собой прервалось, и она погрузилась въ полную апатію.

Наконецъ, днемъ то было или ночью — въ этомъ склепѣ полночь и полдень были одинаковы — Эсмеральда услыхала надъ своей головой шумъ болѣе сильный, чѣмъ производила обыкновенно подъемная дверь, черезъ которую ей спускали хлѣбъ и кружку съ водой. Она подняла голову и увидала красноватый лучъ, падавшій черезъ люкъ, устроенный въ сводѣ камеры.

Въ то же время тяжелый засовъ загремѣлъ, люкъ со скрипомъ поднялся на заржавленныхъ петляхъ, и Эсмеральда увидала руку, фонарь и нижнюю часть туловища двухъ человѣкъ, — дверь была слишкомъ низка, чтобъ можно было разсмотрѣть ихъ головы. Отъ свѣта ея глазамъ стало такъ больно, что она ихъ закрыла. Когда она снова открыла глаза, дверь была затворена, фонарь былъ поставленъ на ступенькѣ, а передъ ней стоялъ человѣкъ — одинъ. Черный плащъ окутывалъ его съ головы до ногъ, капюшонъ такого же цвѣта закрывалъ лицо. Не было видно ни фигуры, ни лица, ни рукъ. Какъ будто передъ Эсмеральдой стоялъ черный саванъ, подъ которымъ что-то двигалось. Она нѣсколько секундъ смотрѣла, не сводя глазъ, на это привидѣніе; однако, она не заговорила. Какъ будто встрѣтились двѣ статуи. Только двѣ вещи, казалось, жили въ этомъ подземельѣ: фитиль фонаря, трещавшій отъ сырости воздуха, да водяная капля, прерывавшая этотъ неправильный трескъ своимъ монотоннымъ паденіемъ, и каждый разъ

при своемъ паденіи заставлявшая дрожащій отблескъ фонаря разбѣгаться кругами по маслянистой поверхности лужи.

Наконецъ, узница прервала молчаніе:

— Кто вы?

— Священникъ.

Слово, интонація, звукъ голоса — заставили ее вздрогнуть.

— Вы приготовились?

— Къ чему?

— Къ смерти.

— О! — сказала она, — скоро ли?

— Завтра.

Голова ея, которую она было радостно подняла, снова упала на грудь.

— Какъ долго! — проговорила она, — отчего не сегодня?

— Вы, стало-быть, очень несчастны? — спросилъ священникъ, помолчавъ.

— Мнѣ очень холодно, — отвѣтила она.

Она взялась руками за ноги движеніемъ, обыкновеннымъ у людей, которымъ холодно, и свойственнымъ, какъ мы уже это видѣли, узницѣ Роландовой башни; зубы ея застучали.

Священникъ, повидимому, осмотрѣлъ изъ-подъ капюшона камеру

— Безъ свѣта! безъ огня! въ водѣ! — это ужасно.

— Да, — отвѣчала она съ тѣмъ изумленнымъ видомъ который ей придало ея несчастье. — Свѣтъ вѣдь для всѣхъ. Отчего мнѣ даютъ только мракъ?

— Знаете вы, за что вы здѣсь? — спросилъ священникъ.

— Какъ будто знала, — сказала она, проводя худыми пальчиками по лбу, какъ бы стараясь помочь своей памяти, — только теперь забыла.

Вдругъ она расплакалась, какъ ребенокъ.

— Мнѣ хотѣлось бы уйти отсюда. Мнѣ холодно, страшно, по моему тѣлу бѣгаютъ какіе-то звѣри.

— Въ такомъ случаѣ, идите за мной.

Говоря это, священникъ взялъ ее за руку.

Бѣдняжка вся окоченѣла, и тѣмъ не менѣе она почувствовала холодъ отъ прикосновенія этой руки.

— О! это ледяная рука смерти, — проговорила она. — Кто же вы?

Священникъ поднялъ капюшонъ. Она увидѣла то зловѣщее лицо, которое такъ давно преслѣдовало ее, ту дьявольскую голову, которую она увидала у Фалурдель надъ головой обожаемаго Феба, этотъ взоръ, который сверкнулъ передъ ней рядомъ съ кинжаломъ.

Появленіе этого человѣка, всегда роковое для нея, толкавшее ее отъ одного несчастья къ другому, вплоть до осужденія на казнь, вывело ее изъ оцѣпенѣнія. Ей показалось, что покровъ, окутывавшій ея память порвался.

Всѣ подробности кроваваго происшествія, съ ночной сцены въ домѣ Фалурдель до приговора на судѣ, сразу воскресли въ ея памяти, не въ неясныхъ, расплывчатыхъ воспоминаніяхъ, какъ до сихъ поръ, но въ отчетливыхъ, рѣзкихъ, трепещущихъ, ужасныхъ образахъ. Темная фигура, стоявшая передъ ней, снова оживила эти воспоминанія, почти изгладившіяся подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ страданій, подобно тому, какъ приближеніе огня заставляетъ рѣзко выступать на бѣлой бумагѣ

невидимыя буквы, написанныя симпатическими чернилами. Ей показалось, что всѣ раны ея сердца раскрылись снова и сочатся кровью.

— А! — крикнула она, съ судорожной дрожью закрывая глаза рукой. — Это священникъ!

Затѣмъ руки ея безпомощно опустились, и она сидѣла, понуривъ голову, устремивъ глаза въ землю, безмолвно, — трепетная.

Черный плащъ окутывалъ его съ головы до ногъ, капюшонъ такого же цвѣта закрывалъ лицо.

Священникъ смотрѣлъ на нее глазами коршуна, который долго задавалъ круги въ воздухѣ надъ головой бѣднаго жаворонка, притаившагося въ нивѣ, долго молча суживалъ спираль своего полета, и вдругъ, какъ молнія, бросился на добычу и теперь держитъ трепещущую птичку въ когтяхъ.

Эсмеральда тихо проговорила:

— Кончайте! Нанесите послѣдній ударъ! — Она въ ужасѣ втянула голову въ плечи, какъ овечка, ожидающая удара отъ дубины мясника.

— Я внушаю вамъ ужасъ? — спросилъ онъ.

Ея губы искривились будто улыбкой.

— Да, палачъ еще смѣется надъ осужденной. Вотъ уже цѣлые мѣсяцы, что онъ преслѣдуетъ меня, грозитъ мнѣ, пугаетъ меня! Боже, какъ я была счастлива безъ него! Онъ толкнулъ меня въ эту пропасть! Небо! это онъ убилъ... онъ убилъ его... моего Феба!

Рыдая, она подняла глаза на священника.

— О, презрѣнный! кто вы? что я вамъ сдѣлала? Вы, стало-быть, сильно ненавидите меня? Что вы имѣете противъ меня?

— Я люблю тебя! — крикнулъ священникъ.

Слезы Эсмеральды сразу высохли. Она смотрѣла на священника тупымъ взглядомъ. Онъ же упалъ передъ ней на колѣни и пожиралъ ее пламеннымъ взглядомъ.

— Слышишь ты? Я люблю тебя! — еще разъ закричалъ онъ.

— Какая любовь! — прошептала несчастная, содрагаясь.

Онъ продолжалъ:

— Любовь осужденнаго грѣшника.

Оба нѣсколько секундъ молчали, подавленные тяжестью испытываемыхъ ощущеній; онъ — обезумѣвшій, она — совершенно отупѣвшая.

— Слушай, — заговорилъ, наконецъ, священникъ, къ которому вернулось странное спокойствіе. — Ты все узнаешь. Я тебѣ признаюсь въ томъ, въ чемъ до сихъ поръ едва рѣшался признаться самому себѣ, когда вопрошалъ свою совѣсть въ тѣ поздніе ночные часы, когда мракъ такъ глубокъ, что самъ Богъ, кажется, ничего не видитъ. Слушай. До встрѣчи съ тобой, я былъ счастливъ...

— И я также! — со слабымъ вздохомъ прошептала она.

— Не прерывай меня... Да, я былъ счастливъ, по крайней мѣрѣ, считалъ себя таковымъ. Я былъ чистъ; на душѣ у меня было ясно и свѣтло. Никто не держалъ голову такъ высоко, какъ я. Священники учились у меня цѣломудрію, доктора — наукѣ. Да, наука была для меня всѣмъ. Она была мнѣ сестрой, и я этимъ довольствовался. Между тѣмъ, съ лѣтами мнѣ приходили другія мысли. Не разъ моя плоть волновалась, когда мнѣ случалось видѣть проходившую мимо женщину. Не разъ волненіе крови, которое я, безумный юноша, думалъ, что подавилъ навѣки, судорожно потрясало желѣзные обѣты, приковывавшіе меня, презрѣннаго, къ холоднымъ церковнымъ плитамъ. Но постъ, молитва, занятія, умерщвленіе плоти снова вернули душѣ господство надъ тѣломъ. Я избѣгалъ женщинъ. Къ тому же, стоило мнѣ открыть книгу, чтобъ всѣ нечистыя помыслы разсѣялись передъ лучезарнымъ сіяніемъ науки. Черезъ нѣсколько минутъ я чувствовалъ, какъ всѣ тяжелыя мірскія дѣла отступали все дальше и дальше, я снова становился спокойнымъ, созерцая въ душевной ясности ослѣпительное, но спокойное сіяніе вѣчной истины. Пока діаволъ насылалъ для моего прельщенія лишь неясные женскіе образы, проходившіе мимо меня по одиночкѣ то въ храмѣ, то на улицѣ, то на поляхъ, и развѣ слегка только тревожившіе меня во снѣ, я легко побѣждалъ діавола. Увы! если побѣда осталась не за мной, я не виновенъ, не одинаковыя силы даны діаволу и человѣку... Слушай же! Однажды...

Здѣсь священникъ остановился, и узница слышала, какъ изъ груди его вырывались вздохи, похожіе на хрипъ и стонъ.

Онъ продолжалъ:

— Однажды я стоялъ, облокотясь, у окна моей кельи. Что я тогда читалъ?.. Теперь все перепуталось у меня въ головѣ... Итакъ, я читалъ. Окно выходило на площадь. Я услыхалъ звукъ бубна и музыку. Досадуя, что мнѣ мѣшаютъ, я взглянулъ въ окно. То, что я увидалъ, видѣли и другіе, а между тѣмъ, то было зрѣлище, созданное не для человѣческихъ глазъ. Тамъ, посрединѣ площади,—былъ яркій полдень—плясало очаровательное созданіе. У нея были чудные черные глаза, въ черныхъ волосахъ, подъ солнечными лучами, загорались золотыя нити. Ножки исчезали въ движеніи, какъ спицы быстро вертящагося колеса. Вокругъ головы и въ ея черныя косы были вплетены золотыя пластинки, сверкавшія на солнцѣ и образовавшія на ея лбу какъ бы корону изъ звѣздъ. Ея платье, усѣянное блестками, отливало голубымъ цвѣтомъ и все искрилось, какъ лѣтняя ночь. Ея гибкія, смуглыя руки сплетались вокругъ таліи и расплетались, какъ два шарфа. Формы ея тѣла были удивительно красивы. Какое это было ослѣпительное созданіе, оно выдѣлялось какъ нѣчто лучезарное даже при яркомъ свѣтѣ солнца!.. Увы, эта дѣвушка была ты!.. Изумленный, опьяненный, очарованный я поддался искушенію смотрѣть на тебя. Я смотрѣлъ на тебя, пока не вздрогнулъ отъ ужаса, чувствуя, что уже не въ силахъ противиться року.

Подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній, священникъ снова остановился.

Затѣмъ продолжалъ:

— Уже вполовину побѣжденный, я пытался ухватиться за что-нибудь, чтобы удержаться въ своемъ паденіи. Я припомнилъ тѣ сѣти, которыя сатана уже разставлялъ мнѣ. Созданіе, которое я видѣлъ передъ собой, было одарено такой сверхъестественной красотой, что она могла быть только даромъ неба или ада. То не была дѣвушка, созданная, какъ мы всѣ, изъ земли и блѣдно освѣщенная изнутри мерцающимъ лучомъ женской души. То былъ ангелъ; но не лучезарный ангелъ свѣта, а ангелъ мрака и пламени. Въ ту минуту, какъ я подумалъ объ этомъ, я увидалъ возлѣ тебя козу—животное всѣхъ шабашей: она смотрѣла на меня, смѣясь. Рога ея при полуденномъ солнцѣ горѣли, какъ огненные. Тутъ я началъ подозрѣвать западню со стороны діавола и уже не сомнѣвался, что ты порожденіе ада, посланное мнѣ на погибель. Я былъ убѣжденъ въ этомъ.

Тутъ священникъ взглянулъ прямо въ лицо узницѣ и прибавилъ холодно:

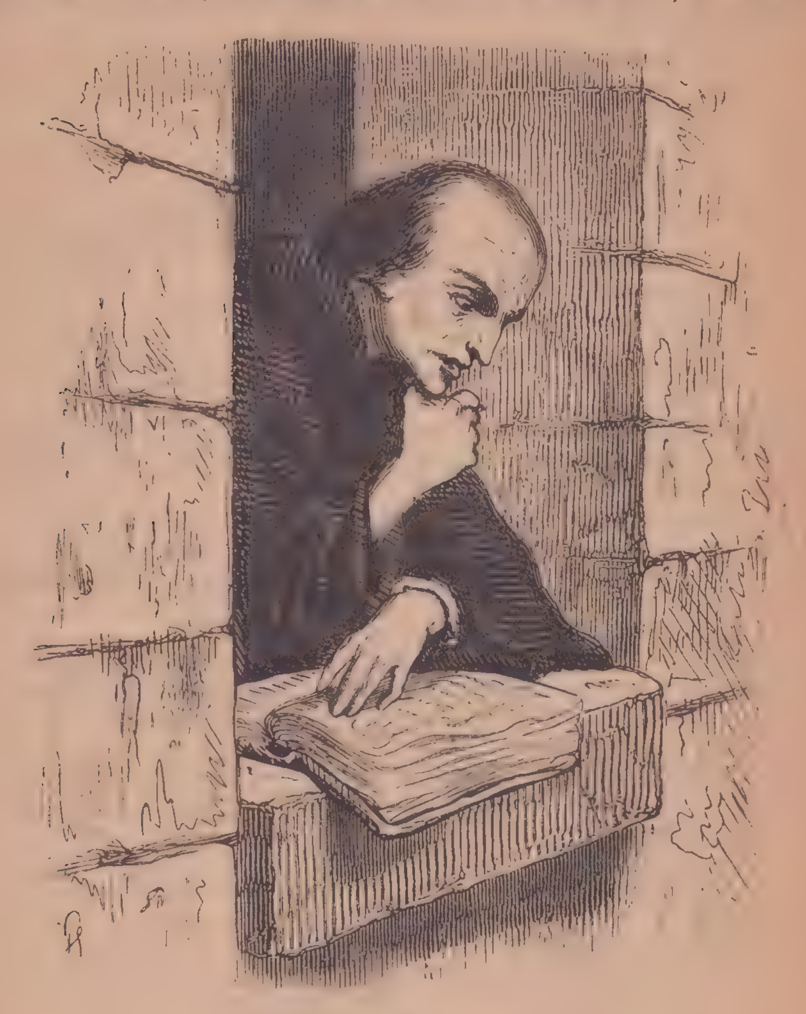
— Я и теперь убѣжденъ въ этомъ... Между тѣмъ, очарованіе дѣйствовало мало-по-малу; твоя пляска кружила мнѣ голову; я чувствовалъ, какъ колдовство овладѣвало мной; все, что должно было бодрствовать въ моей душѣ, засыпало, и, подобно людямъ, умирающимъ въ снѣгу, я съ удовольствіемъ поддавался этому сну. Вдругъ ты начала пѣть. Что мнѣ, несчастному, оставалось дѣлать? Твое пѣніе было еще очаровательнѣе пляски. Я хотѣлъ бѣжать. Невозможно. Я былъ, какъ пригвожденный. Мнѣ казалось, что мраморныя плиты пола доходятъ мнѣ до колѣнъ. Пришлось остаться до конца. Ноги у меня были какъ ледъ, а кровь кипѣла. Наконецъ, ты, можетъ-быть, сжалилась надо

мной,—ты перестала пѣть и исчезла. Мало-по-малу, ослѣпительное видѣніе въ моихъ глазахъ и звукъ чарующей музыки въ моихъ ушахъ стали исчезать. Я упалъ на подоконникъ, обезсиленный и неподвижный, какъ разбитая статуя. Звонъ къ вечерни пробудилъ меня. Я всталъ и убѣжалъ; но увы! во мнѣ что-то рушилось, что уже не могло подняться: явилось что-то новое, пришедшее извнѣ, отъ чего я не могъ убѣжать.

Онъ снова помолчалъ и продолжалъ:

— Да, съ этого дня во мнѣ поселился другой человѣкъ, котораго я не зналъ. Я пустилъ въ ходъ всѣ средства противодѣйствія—покаяніе, молитву, работу, книги. Безумство! О, какимъ пустымъ звукомъ кажется наука, когда въ отчаяніи прибѣгаешь къ ней съ головой, полной страстей! Знаешь ли ты, что̀ я съ этой минуты постоянно видѣлъ между собою и книгой? Тебя, твою тѣнь, лучезарное видѣніе, промелькнувшее однажды передо мной. Но этотъ образъ уже имѣлъ иную окраску: онъ былъ мрачный, зловѣщій, темный, какъ черный кругъ, долго преслѣдующій зрѣніе неосторожнаго, который прямо взглянулъ на солнце. Не будучи въ силахъ избавиться отъ твоего образа, вѣчно слыша твою пѣсню, вѣчно видя передъ собой твои пляшущія ножки, вѣчно ощущая ночью твое прикосновеніе къ себѣ, я жаждалъ снова увидать тебя, прикоснуться къ тебѣ, узнать, кто ты, убѣдиться, дѣйствительно ли ты походишь на тотъ идеалъ, который ты оставила въ моей памяти,—быть-можетъ, разбить мою мечту о дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, я надѣялся, что новое впечатлѣніе изгладитъ прежнее, а прежнее мнѣ стало невыносимо. Я началъ разыскивать тебя и снова увидалъ. На свое несчастье, когда я увидалъ тебя два раза, я пожелалъ видѣть тебя тысячу разъ, видѣть тебя вѣчно! Послѣ этого — какъ могъ я остановиться на этой адской покатости—я уже не принадлежалъ себѣ. Врагъ человѣка привязалъ къ твоимъ ногамъ конецъ нити, которымъ связалъ мои крылья. Я сталъ такимъ же бездомнымъ бродягой, какъ ты. Я поджидалъ тебя на церковныхъ папертяхъ, за угломъ улицъ, караулилъ тебя на вершинѣ своей башни. И съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе очаровывался тобою, приходилъ все въ большее и большее отчаяніе, все больше и больше поддавался колдовству. Я окончательно погибалъ! Я узналъ, что ты—цыганка, египтянка, гитана, цынгара; какъ могъ я сомнѣваться, что ты колдунья! Слушай. Я надѣялся, что процессъ избавитъ меня отъ твоихъ чаръ. Колдунья околдовала Бруно д'Аста. Онъ добился ея сожженія и исцѣлился. Сначала я пытался запретить тебѣ доступъ на площадь передъ соборомъ, надѣясь позабыть тебя, если ты не вернешься. Ты не обратила вниманія на это запрещеніе. Тогда мнѣ пришла мысль похитить тебя. Однажды ночью, я сдѣлалъ попытку. Насъ было двое. Мы уже́ поймали тебя, когда явился этотъ злосчастный офицеръ и отбилъ тебя. Этимъ онъ положилъ начало своему несчастью, твоему и моему. Наконецъ, не зная, что дѣлать, куда броситься, я донесъ на тебя консисторіи. Я думалъ, что исцѣлюсь, какъ Бруно д'Астъ. У меня также смутно мелькала мысль, что процессъ предастъ тебя въ мои руки, и что разъ ты попадешь въ тюрьму, ты уже не уйдешь отъ меня, что ты уже довольно долго владѣешь мной, чтобъ я въ свою очередь могъ овладѣть тобой. Когда дѣлаешь зло, надо дѣлать его вполнѣ. Безуміе остановиться на полдорогѣ, когда идешь на чудовищное дѣло! Завершенное преступленіе доводитъ до

радостнаго изступленія. Итакъ, я донесъ на тебя. Съ этихъ поръ я сталъ пугать тебя при встрѣчахъ. Замыселъ, который я питалъ противъ тебя, гроза, которую надвигалъ на твою голову, прорывались въ угрозахъ и вспышкахъ съ моей стороны. Однако, я еще колебался. Мой планъ имѣлъ ужасающія стороны, заставлявшія меня отступать передъ нимъ. Можетъ-быть, я и совсѣмъ отказался бы отъ него, можетъ-быть,



Я смотрѣла на тебя.

моя чудовищная мысль засохла бы у меня въ мозгу, не принеся плода; но всякая злая мысль непреклонна и требуетъ перехода къ дѣлу; однако, тамъ, гдѣ я считалъ себя всемогущимъ, судьба оказалась сильнѣе меня. Увы! увы! это она взяла тебя и бросила тебя подъ колеса машины, которую я коварно соорудилъ!.. Слушай. Я подхожу къ концу. Однажды — опять былъ такой же солнечный день — я встрѣтился съ человѣкомъ, произнесшимъ твое имя со смѣхомъ и съ сладострастіемъ

во взглядѣ. Проклятіе! Я послѣдовалъ за нимъ. Остальное тебѣ извѣстно...

Онъ умолкъ.

У молодой дѣвушки нашлось только одно слово:

— О, мой Фебъ!

— Не называй этого имени!—вскрикнулъ священникъ, схватывая ее за руку. — Не произноси его! Это имя погубило насъ всѣхъ! Или скорѣе мы всѣ губили другъ друга по волѣ неумолимаго рока!.. Ты страдаешь, зябнешь, слѣпнешь отъ постояннаго мрака, тюрьма давитъ тебя; но, быть-можетъ, въ душѣ твоей еще сохранился какой-нибудь свѣтъ, хотя бы твоя дѣтская любовь къ этому пустому офицеру, игравшему твоимъ сердцемъ! Я же ношу мракъ въ душѣ, во мнѣ зима, ледъ, отчаяніе, ночь... Знаешь ли ты, какъ я страдалъ? Я присутствовалъ при твоемъ процессѣ. Я сидѣлъ въ числѣ представителей консисторіи. Да, подъ однимъ изъ священническихъ капюшоновъ бился въ судорогахъ грѣшникъ, находящійся подъ проклятіемъ. Я былъ тамъ, когда тебя привели, присутствовалъ при твоемъ допросѣ... Волчья берлога!.. Я видѣлъ, какъ медленно воздвигалась для тебя висѣлица, созданная мною, моимъ преступленіемъ... Я присутствовалъ при допросѣ свидѣтелей, при предъявленіи документовъ, при чтеніи всего обвиненія; я могъ считать каждый твой шагъ на скорбномъ пути; я слышалъ, какъ этотъ хищный звѣрь... королевскій прокуроръ... О! я не предвидѣлъ пытки! Слушай! Я послѣдовалъ за тобой въ застѣнокъ. Я видѣлъ, какъ тебя раздѣлъ и какъ схватилъ тебя своими гнусными руками палачъ. Я видѣлъ, какъ твою ножку—ту ножку, за прикосновеніе къ которой губами я отдалъ бы все въ мірѣ, подъ которую бы я съ радостью положилъ свою голову, чтобъ она раздавила эту голову, — я видѣлъ, какъ эту ножку сжалъ ужасный „сапогъ“, превращающій члены живого существа въ кровавую массу. О, презрѣнный! Смотря на все это, я избороздилъ себѣ всю грудь кинжаломъ, который держалъ подъ плащомъ. При крикѣ, вырвавшемся у тебя, я вонзилъ кинжалъ въ себя, и если бъ я услыхалъ еще крикъ, острее пронзило бы мнѣ сердце! Взгляни: рана еще не зажила.

Онъ распахнулъ рясу. Дѣйствительно, на груди виднѣлась какъ бы царапина отъ когтей тигра, а на боку—довольно большая и плохо затянувшаяся рана.

Узница въ ужасѣ отшатнулась.

— Сжалься надо мной, дѣвушка,—молилъ священникъ.—Увы! Увы! Ты не знаешь, что такое несчастье. О! любить женщину и быть монахомъ! Возбуждать ненависть! Любить дѣвушку страстно, за одну ея улыбку быть готовымъ отдать всю свою кровь, всего себя, свою репутацію, свое спасеніе, безсмертіе, вѣчность, всю настоящую жизнь и будущую; сожалѣть, что ты не король, не геній, не императоръ, чтобы имѣть возможность повергнуть къ ея ногамъ еще большую жертву; и въ сновидѣніяхъ и мысленно прижимать ее къ своей груди и видѣть, что она влюблена въ военный мундиръ; имѣть возможность явиться къ ней только въ монашеской рясѣ, возбуждающей въ ней, быть-можетъ, отвращеніе и страхъ! Видѣть, тая въ душѣ ревность и бѣшенство, какъ она расточаетъ сокровища любви и красоты жалкому хвастуну! Видѣть, какъ это существо , одинъ взглядъ на которое зажигаетъ всю кровь, какъ эта нѣжная грудь, краснѣетъ и трепещетъ подъ поцѣлуями другого! О, небо!

Любить эту ножку, руку, плечо, грезить о голубыхъ жилкахъ на смуглой кожѣ до того, что ночью валяться въ корчахъ на полу своей кельи, и видѣть, что вмѣсто ласкъ, которыми ты мечталъ осыпать ее, ты довелъ ее до пытки! Успѣть только уложить ее на кожаный тюфякъ! Да! это настоящіе клещи, раскаленныя на адскомъ пламени! О, счастливы тѣ, кого распиливаютъ надвое или разрываютъ лошадьми на четыре части! Имѣешь ли ты понятіе о мукахъ, которыя испытываешь въ долгую ночь, когда кровь кипитъ въ твоихъ жилахъ, когда сердце разрывается на части, голова готова лопнуть, зубы впиваются въ руки; когда мысль твоя постоянно возвращается къ твоей любви, ревности и отчаянію, и кажется, что остервенѣлые палачи непрестанно поворачиваютъ тебя на раскаленной рѣшеткѣ! Молю тебя, сжалься! дай минуту вздохнуть; посыпь немного пепла на эти пылающіе угли! Отри, умоляю тебя, потъ, струящійся по моему лицу! Дитя, мучь меня одной рукой, ласкай другой! Сжалься надо мной, сжалься!

Священникъ лежалъ на каменномъ мокромъ полу и бился головой объ углы каменныхъ ступеней. Дѣвушка слушала его и смотрѣла на него.

Когда же онъ, изнемогая и задыхаясь, умолкъ, она проговорила:

— О, мой Фебъ!

Клодъ подползъ къ ней на колѣняхъ.

— Умоляю тебя! — вскричалъ онъ, — если въ тебѣ есть сердце, не отталкивай меня! О, я люблю тебя! Я—презрѣнный, несчастный! Когда ты произносишь это имя, ты какъ будто терзаешь своими зубами всѣ фибры моего сердца. Сжалься! Если ты исчадіе ада, я послѣдую за тобою въ адъ. Я все сдѣлалъ, чтобы попасть туда. Адъ, гдѣ ты будешь, будетъ для меня раемъ; видъ твой для меня высшее блаженство! О, скажи! ты отворачиваешься отъ меня? Мнѣ казалось, что въ тотъ день, когда женщина отвергаетъ такую любовь, горы должны сдвинуться съ мѣста. О! если бъ ты пожелала, какъ мы могли бы быть счастливы! Мы бы бѣжали, — я устроилъ бы твой побѣгъ, — ушли бы куда-нибудь, отыскали бы мѣстечко на землѣ, гдѣ больше всего солнца, гдѣ кругомъ деревья и вѣчно голубое небо. Мы бы любили другъ друга, сливались бы душами, вѣчно жаждали бы одинъ другого и утоляли бы эту жажду изъ кубка неизсякаемой любви.

Эсмеральда разразилась ужаснымъ неудержимымъ хохотомъ.

— Взгляните, мой отецъ, у васъ руки въ крови!

Священникъ нѣсколько минутъ, не спуская глазъ, пристально смотрѣлъ на свои руки.

— Ну, да, — сказалъ онъ, наконецъ, съ странной кротостью, — оскорбляй меня, насмѣхайся надо мной, добивай! Но иди со мной. Поспѣшимъ. Я сказалъ тебѣ, что завтра... ты знаешь, висѣлица на Гревской площади всегда готова. Ужасно будетъ видѣть, какъ тебя повезутъ на телѣгѣ! О! Пощади!.. Никогда еще я не чувствовалъ такъ, какъ теперь, до чего я люблю тебя!.. О, пойдемъ со мной! Со временемъ ты, можетъ-быть, полюбишь меня, послѣ того, какъ я спасу тебя... Можешь ненавидѣть меня такъ долго, сколько тебѣ будетъ угодно. Только пойдемъ... Завтра, завтра! висѣлица! твоя казнь! О, спасись! пожалѣй меня!

Онъ взялъ ее за плечо, самъ не помня себя, и хотѣлъ увлечь ее.

Она устремила на него неподвижный взглядъ.

— Что сталось съ моимъ Фебомъ?

— А! — проговорилъ священникъ, выпуская ея руку. — Вы неумолимы!

— Что сталось съ Фебомъ? — холодно повторила она.

— Онъ умеръ! — закричалъ священникъ.

— Умеръ, — повторила она тѣмъ же ледянымъ голосомъ, не двигаясь, — зачѣмъ же вы говорите мнѣ о жизни?

Онъ не слушалъ ея.

— Да, да, — говорилъ онъ будто самъ съ собой, — онъ, вѣроятно, умеръ. Кинжалъ вошелъ глубоко. Мнѣ кажется, я остреемъ коснулся сердца. О, я жилъ тогда на остреѣ этого кинжала!

Дѣвушка бросилась на него, какъ разъяренная тигрица, и съ сверхъестественной силой толкнула его къ ступенямъ лѣстницы.

— Уходи, чудовище! Уходи, убійца! Дай мнѣ умереть! Пусть наша кровь — моя и его — наложатъ несмываемое пятно позора на твое чело! Быть твоей, священникъ! Никогда! Никогда! Ничто не соединитъ насъ; не соединитъ даже адъ! Уходи, проклятый! Никогда!

Священникъ споткнулся у лѣстницы. Онъ молча высвободилъ ноги изъ складокъ своей рясы, взялъ фонарь и началъ медленно подниматься по ступенямъ, которыя вели къ двери. Онъ отворилъ эту дверь и вышелъ.

Вдругъ узница увидала, что голова его снова появилась; выраженіе его лица было ужасно, — и онъ крикнулъ ей хриплымъ отъ бѣшенства и отчаянія голосомъ:

— Говорю тебѣ, — онъ умеръ!

Эсмеральда упала ничкомъ на землю, и въ тюрьмѣ не стало слышно другого звука, какъ монотоннаго звука падавшей капли, колебавшей въ темнотѣ поверхность лужи.

V.

Мать.

Я думаю, что нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе радостнаго тѣхъ мыслей, которыя пробуждаются въ сердцѣ матери при видѣ башмачка ея ребенка. Въ особенности башмачка праздничнаго, расшитаго, въ которомъ ребенокъ еще не ходилъ. Глядя на этотъ крошечный башмачокъ, матери кажется, что она видитъ своего ребенка. Она улыбается ему, цѣлуетъ его, говоритъ съ нимъ. Можетъ ли быть такая маленькая ножка, думаетъ она; достаточно ей посмотрѣть на такой башмачокъ, чтобъ представить себѣ отсутствующаго ребенка. Мать его видитъ живого, веселаго, видитъ его—съ его нѣжными ручками, круглой головкой, чистыми губками, ясными глазками съ голубымъ оттѣнкомъ бѣлка. Зимой, онъ ползаетъ на коврѣ, привстаетъ около табуретки, и мать боится, чтобъ онъ не подошелъ къ огню. Лѣтомъ, онъ на дворѣ, въ саду, выдергиваетъ травку, выросшую между камней, безъ страха разглядываетъ большихъ собакъ, лошадей, играетъ раковинами, цвѣтами и заставляетъ браниться садовника, когда находитъ песокъ на клумбахъ и землю на дорожкахъ. Все блеститъ и смѣется вокругъ него: дуновеніе вѣтерка и лучъ солнца, играющій въ его растрепанныхъ волосикахъ. Все это напоминаетъ башмачокъ, и сердце матери таетъ, какъ воскъ на огнѣ.

Но когда ребенокъ пропалъ, эти радостныя, нѣжныя воспоминанія превращаются въ муки. Хорошенькій башмачокъ дѣлается орудіемъ пытки для сердца матери. Ко всѣмъ нѣжнымъ и глубокимъ чувствамъ прикасается не ангелъ, а демонъ.

Въ одно утро, когда майское солнце вставало на томъ синемъ небѣ, на фонѣ котораго Гарофоло любилъ помѣщать свои картины, изображающія снятіе со креста, затворница Роландовой башни услышала шумъ колесъ и топотъ лошадей на Гревской площади.

Она не обратила на это вниманія, сдвинула волосы на уши, чтобы меньше слышать и продолжала стоять на колѣняхъ предъ неодушевленнымъ предметомъ, который обожала въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Этотъ башмачокъ, какъ мы уже говорили, былъ весь ея міръ. Ея мысль была навсегда прикована къ нему. Сколько горькихъ упрековъ, сколько моленій, сколько рыданій возсылала она къ небу, по поводу этой бездѣлушки изъ розоваго атласа, могъ бы сказать только одинъ мрачный погребъ Роландовой башни. Сколько горькаго отчаянья разливалось надъ этимъ маленькимъ, граціознымъ предметомъ! Въ это утро горе ея казалось еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо, ея громкое и однообразное причитаніе раздирало душу.

— Дочь моя, — говорила она, — дочь моя! Бѣдное мое маленькое дитятко, неужели я никогда не увижу тебя? Неужели все кончено? Мнѣ кажется, что это было вчера! Господи, если Ты хотѣлъ такъ скоро отнять ее, лучше бы не давалъ мнѣ ея. Развѣ Ты не знаешь, какъ близко намъ наше дитя, развѣ не знаешь, что, потерявъ ребенка, мать теряетъ все!

— Зачѣмъ я, несчастная, вышла въ тотъ день! — Господи, Господи! Вѣдь Ты видѣлъ меня съ нею, когда я грѣла ее у огня, когда она улыбалась у моей груди, когда я цѣловала ея ножки, какъ же Ты могъ отнять ее? Если бъ Ты тогда взглянулъ на насъ, Ты не могъ бы отнять у меня мою радость, мою послѣднюю любовь! Неужели я такая преступная, что Ты не могъ взглянуть на меня, прежде чѣмъ такъ ужасно казнить? — Увы, увы! вотъ башмачокъ, а гдѣ теперь ножка? Гдѣ дитя мое? Дочь моя, дочь моя, что они съ тобой сдѣлали? Господи! возврати мнѣ ее. Пятнадцать лѣтъ, на колѣняхъ молю, развѣ это не достаточно? Отдай мнѣ ее на день, на часъ, на минуту, на одну минуту, и повергни меня въ адъ на вѣчность! Если бъ я могла захватить край Твоей ризы, я бы не выпустила ее, пока Ты не отдалъ бы мнѣ моего ребенка. Господи, неужели не трогаетъ Тебя этотъ башмачокъ? Неужели можно приговаривать мать къ такой каторгѣ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ! Матерь Божія, Царица небесная! Моего младенца отняли, украли, съѣли, пили его кровь, дробили его кости... Пресвятая Дѣва, пожалѣй меня! Я хочу, хочу мою дочь! Что мнѣ въ томъ, что она въ раю? Мнѣ не ангела надо, а мою дочь! Я львица и хочу своего львенка. Я разобью голову мою о камни, я погублю душу, если не возвратятъ мнѣ моего ребенка! Видишь, я искусала всѣ свои руки, неужели у Тебя нѣтъ милосердія? Не давайте мнѣ ничего, кромѣ чернаго хлѣба, но дайте мнѣ мою дочку: она, какъ солнце, согрѣетъ мое сердце. Увы, Господи Боже мой, я страшная грѣшница, но дочь моя дѣлала меня лучше; изъ любви къ ней, я была набожна; я видѣла Тебя сквозь ея улыбку. О, дай еще разъ, одинъ разъ надѣть этотъ башмачокъ на ея розовую ножку, и я умру, благословляя тебя, Мать Святая! Пятнадцать лѣтъ, — она бы ужъ

теперь была взрослая! Бѣдное дитя! Значитъ, это правда: я не увижу ея никогда, ни даже на небесахъ! Я вѣдь не попаду туда. О, ужасъ! имѣть только ея башмачокъ!

Несчастная бросилась къ этому башмачку, предмету ея утѣшенія и отчаянья, и раздирательно зарыдала, какъ въ первый день. Для матери, потерявшей своего ребенка, время не приноситъ забвенія. Такое горе не старится, траурныя платья изнашиваются, мракъ же остается въ сердцѣ.

Въ эту минуту она услыхала за своимъ окномъ веселые дѣтскіе голоса. Всякій разъ, когда она видѣла или слышала дѣтей, она пряталась въ самый темный уголъ своего каменнаго гроба и, казалось, хотѣла проникнуть головой въ стѣну, чтобы не слыхать ихъ. Этотъ разъ она, напротивъ, стала жадно прислушиваться. Маленькій мальчикъ только что сказалъ:

— Сегодня будутъ вѣшать цыганку.

Какъ паукъ бросается на пойманную муху, такъ она бросилась къ своему оконцу, которое выходило, какъ извѣстно на Гревскую площадь. Передъ постоянной висѣлицей, дѣйствительно, была поставлена лѣстница и помощникъ палача поправлялъ тамъ какія-то цѣпи. Кругомъ было нѣсколько человѣкъ.

Смѣющіяся дѣти были уже далеко. Узница искала глазами кого бы разспросить. Она замѣтила священника, который дѣлалъ видъ, что смотритъ въ молитвенникъ, но былъ гораздо болѣе занятъ висѣлицей. Она узнала архидіакона, святого человѣка.

— Отецъ мой, — спросила она, — кого будутъ вѣшать?

Священникъ посмотрѣлъ на нее, не отвѣчая. Она повторила свой вопросъ, тогда онъ сказалъ:

— Не знаю.

— Тутъ проходили дѣти, которые говорили, что цыганку, — продолжала затворница.

— Кажется, да, — отвѣтилъ священникъ.

Пакетта Ла-Шанфлёри разразилась хохотомъ гіены.

— Сестра моя, — сказалъ архидіаконъ, — вы, должно-быть, сильно ненавидите цыганокъ?

— Еще бы не ненавидѣть! — закричала она: — онѣ вѣдьмы, воровки дѣтей! Онѣ растерзали мою дѣвочку, мое единственное дитя! Онѣ растерзали и мое сердце!

Она была страшна. Священникъ холодно смотрѣлъ на нее.

— Одну я особенно ненавижу, я прокляла ее, — продолжала затворница, — это молодая, ей столько лѣтъ, сколько было бы моей дочери, если бъ ея мать не съѣла мое дитя. Каждый разъ, когда этотъ змѣенышъ проходитъ мимо меня, у меня кипитъ кровь!

— Ну, такъ радуйтесь, сестра моя, — сказалъ священникъ, холодный, какъ статуя на гробницѣ, — вы увидите именно ея смерть.

Онъ опустилъ голову на грудь и медленно удалился.

Затворница всплеснула руками отъ радости.

— Я ей предсказывала это! Спасибо, священникъ! — закричала она.

И она стала ходить передъ рѣшеткой своего окна; волосы ея были растрепаны, глаза горѣли; она стукалась плечомъ о стѣны, какъ запертая въ клѣтку волчица, которая голодна и чувствуетъ приближеніе часа кормленія.

VI.

Три различныя мужскія сердца.

Фебъ, однако, не умеръ. Такіе люди живучи. Метръ Филиппъ Лёлье сказалъ Эсмеральдѣ, что онъ умираетъ, по ошибкѣ или для шутки. Архидіаконъ сказалъ ей, что онъ умеръ, потому что, хотя ничего не зналъ, но надѣялся, что это такъ, желалъ этого, увѣрялъ въ томъ самого себя. Да и не могъ онъ сообщить женщинѣ, которую любилъ, хорошія вѣсти о своемъ соперникѣ. Всякій мужчина на его мѣстѣ не поступилъ бы иначе.

Рана Феба была, хотя и опасна, но менѣе опасна, чѣмъ надѣялся архидіаконъ. Аптекарь, къ которому солдаты принесли раненаго, съ недѣлю опасался за его жизнь и объяснялъ ему это по-латыни. Но молодость взяла свое, и природа, спасла больного, несмотря на предсказаніе лѣкаря. Когда онъ еще лежалъ у аптекаря, онъ долженъ былъ отвѣчать на допросъ Филиппа Лёлье и слѣдователей, что ему совсѣмъ не нравилось. Поэтому, какъ только онъ почувствовалъ себя лучше, онъ ушелъ, оставивъ свои золотыя шпоры въ вознагражденіе аптекарю. Это, впрочемъ, не помѣшало слѣдствію. Въ то время не занимались правильностью процесса: лишь бы обвиняемый былъ повѣшенъ, это—все, что было нужно. Судьи имѣли достаточно уликъ противъ Эсмеральды. Они считали Феба убитымъ, и все было кончено.

Фебъ, съ своей стороны, не думалъ куда-нибудь прятаться, а просто отправился въ свой полкъ, который стоялъ въ Кё-ен-Бри, недалеко отъ Парижа.

Ему не улыбалось лично участвовать въ этомъ процессѣ. Онъ чувствовалъ, что онъ будетъ смѣшонъ. Онъ самъ не зналъ хорошенько, что думать объ этой исторіи. Невѣрующій, но полный предразсудковъ, какъ всякій солдатъ, который прежде всего солдатъ и только, онъ не особенно былъ спокоенъ по поводу козы, способа, какъ онъ встрѣтилъ Эсмеральду, ея признанія въ любви, ея принадлежности къ цыганамъ и, наконецъ, по поводу чернаго монаха. Онъ во всемъ этомъ видѣлъ больше колдовства, чѣмъ любви, она была колдуньей, можетъ-быть, самимъ чортомъ; а можетъ-быть, эта исторія была комедіей, или, какъ говорили тогда мистеріей, гдѣ онъ игралъ невыгодную роль побитаго и осмѣяннаго. Капитанъ чувствовалъ стыдъ, такъ превосходно выраженный Лафонтеномъ: стыдился какъ лисица, пойманная курицей.

Онъ, впрочемъ, надѣялся, что все это не распространится, что имя его не будетъ произнесено и что молва не пойдетъ дальше залы Турнель. Онъ не ошибался; тогда не было судебныхъ газетъ и, такъ какъ въ то время не проходило дня, чтобы не сварили фальшиваго монетчика, не повѣсили вѣдьмы, не сожгли еретика, то всѣ такъ привыкли видѣть расправу средневѣковой Ѳемиды, съ ея засученными рукавами и голыми руками, что никто на это не обращалъ вниманія. Люди изъ хорошаго общества и не знали именъ этихъ несчастныхъ и только черный народъ иногда наслаждался этимъ грубымъ зрѣлищемъ. Казнь была обычнымъ явленіемъ уличной жизни, какъ таганчикъ блинопёка или бойня мясника. Палачъ былъ тотъ же мясникъ, только поважнѣе.

Фебъ скоро успокоился насчетъ колдуньи Эсмеральды или Симиларъ, какъ онъ говорилъ, удара ножомъ цыганки или монаха (не все ли ему равно) и исхода процесса. Но какъ только его сердце опустѣло, въ него вернулся образъ Флёръ-де-Лисъ. Сердце капитана Феба не выносило пустоты.

Къ тому же Кё-ен-Бри было очень скучное мѣсто; это была маленькая деревня, наполненная кузнецами, бабами съ грубыми руками, тянущимися вдоль улицы полуразрушенными хижинами.

Флёръ-де-Лисъ была его предпослѣдняя страсть: она была хорошенькая дѣвушка съ хорошенькимъ приданымъ, такъ что, выздоровѣвъ и надѣясь, что исторія съ цыганкой послѣ двухъ мѣсяцевъ уже забыта, влюбленный кавалеръ въ одно прекрасное утро подъѣхалъ къ дому Гондлорье.

Онъ почти не замѣтилъ довольно большой толпы, которая собиралась передъ папертью собора Богоматери; онъ предположилъ, что это какая-нибудь праздничная майская процессія, привязалъ лошадь и весело вошелъ къ своей прекрасной невѣстѣ.

Она была одна съ матерью.

Флёръ-де-Лисъ все еще заботила сцена съ цыганкой, ея коза съ проклятой азбукой и долгое отсутствіе Феба. Но, когда она увидала своего капитана, красиваго, расфранченнаго, страстнаго, она вспыхнула отъ радости. Благородная дѣвица сама была прелестнѣе, чѣмъ когда-либо. Ея чудные бѣлокурые волосы были заплетены въ косы, платье ея было того небеснаго цвѣта, который такъ идетъ бѣлокурымъ, глаза ея были подернуты томленіемъ любви, которое еще больше идетъ имъ.

Фебъ, долго не видавшій въ Кё-ен-Бри никакой красоты, былъ въ упоеніи и такъ милъ и галантенъ, что миръ сразу былъ заключенъ. Даже г-жа Гондлорье не могла упрекать его. Упреки же Флеръ-де-Лисъ выразились въ нѣжномъ воркованьи.

Молодая дѣвушка сидѣла у окна, вышивая свой вѣчный гротъ Нептуна. Капитанъ стоялъ за ея стуломъ и слушалъ ея нѣжные выговоры.

— Гдѣ вы пропадали два мѣсяца, злой?

— Клянусь, — отвѣтилъ нѣсколько сконфуженный Фебъ, — что вы такъ прекрасны, что заставили бы мечтать самого архіепископа.

Она не могла не улыбнуться.

— Хорошо, хорошо. Оставьте мою красоту и отвѣчайте на вопросъ.

— Я, дорогая кузина, былъ призванъ на службу.

— Куда это? Отчего не пришли проститься?

— Въ Кё-ен-Бри.

Фебъ былъ радъ, что, отвѣчая на первый вопросъ, могъ обойти второй.

— Но, вѣдь, это совсѣмъ близко. Отчего же вы не разу не посѣтили меня?

Фебъ окончательно смутился.

— Да, знаете... служба... Потомъ, прелестная кузина, я былъ боленъ.

— Боленъ! — воскликнула она съ испугомъ.

— Да... раненъ.

— Раненъ?

Бѣдная дѣвочка совсѣмъ взволновалась.

— Не пугайтесь, — успокоительно сказалъ Фебъ, — пустяки, ссора, ударъ шпагой; что вамъ до этого?

— Что мнѣ? — воскликнула Флёръ-де-Лисъ, поднимая къ нему свои полные слезъ глаза. Вы не думаете то, что говорите. Какъ это случилось? Я хочу знать все.

— Ну, дорогая, у меня была непріятность съ Маге Фэди, вы знаете его? Лейтенантъ изъ Сен-Жерменъ-ен-Лэ, мы немного прокололи другъ другу кожу. Вотъ и все.

Лживый капитанъ зналъ, что дѣло чести всегда возвышаетъ человѣка въ глазахъ женщины. Дѣйствительно, Флёръ-де-Лисъ смотрѣла на него съ выраженіемъ страха и восторга. Она все еще не вполнѣ была успокоена.

— Совершенно ли вы выздоровѣли, мой Фебъ? Я не знаю вашего Маге Фэди, но онъ дурной человѣкъ. Изъ-за чего же вы поссорились?

Тутъ уже Фебъ, воображеніе котораго не отличалось творчествомъ, не зналъ какъ выпутаться.

— Развѣ я знаю?.. такъ, лошадь, слово! Прелестная кузина! — воскликнулъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ, — что это за шумъ на площади?

Онъ подошелъ къ окну.

— Посмотрите, прелестная кузина, сколько народу!

— Не знаю, — сказала Флеръ-де-Лисъ, — кажется, какая-то вѣдьма должна принести покаяніе, прежде чѣмъ ее повѣсятъ.

Капитанъ былъ такъ увѣренъ, что дѣло Эсмеральды было давно покончено, что не смутился словами Флеръ-де-Лисъ, но все-таки спросилъ:

— Какъ зовутъ эту колдунью?

— Не знаю, — отвѣчала она.

— А что она сдѣлала?

Она пожала бѣлыми плечиками:

— Не знаю.

— Боже мой, — сказала г-жа де-Гондлорье, — теперь столько колдуновъ, что ихъ жгутъ, не узнавъ даже ихъ имени. Гдѣ же ихъ всѣхъ узнать. Но можете быть покойны, Господь ведетъ имъ счетъ.

Почтенная дама тоже подошла къ окну.

— Вы правы, Фебъ, — сказала она, — какая масса народа! Даже на крышахъ люди. Знаете, Фебъ, это напоминаетъ мнѣ мою молодость. Когда въѣзжалъ король Карлъ VI, было такъ же много народу, въ какомъ году это было, я ужъ не припомню. Вамъ представляется то, что я говорю, очень старымъ, а меня переноситъ къ молодости. Тогда народъ былъ лучше, красивѣе. Королева сидѣла за королемъ на его лошади, всѣ принцы и вельможи также везли своихъ женъ. Я помню, всѣ смѣялись, потому что ѣхали рядомъ Аманьонъ де-Гарландъ, крошечнаго роста и рыцарь Матефелонъ, гигантскаго роста, — тотъ, что столькихъ англичанъ побилъ. Очень было хорошо. Предъ всѣми рыцарями несли ихъ знамена, которые такъ и блестѣли. Тутъ были и знамена и хоругви. Гдѣ все запомнить! Сиръ-де-Каланъ — съ рыцарскимъ знаменемъ; Жанъ де-Шатоморанъ — съ хоругвью; Сиръ де-Куси — съ хоругвью, да съ такой богатой, какой не было ни у кого, кромѣ герцога Бурбонскаго... Какъ тяжело думать, что все это было и прошло!

Влюбленные не слушали почтенную особу. Фебъ возвратился къ стулу своей невѣсты и облокотился объ его спинку, при чемъ взглядъ повѣсы проникалъ во всѣ отверстія воротника Флеръ-де-Лисъ. Этотъ

воротникъ такъ кстати раскрывался, показывалъ такія соблазнительныя вещи и давалъ возможность догадываться о другихъ еще болѣе соблазнительныхъ, что восхищенный Фебъ думалъ: „Можно ли любить кого-нибудь, кромѣ блондинки?“

Оба молчали. Молодая дѣвушка иногда подымала на него счастливые и ласковые глаза. Волосы ихъ смѣшивались въ весеннемъ лучѣ солнца.

— Фебъ, — вдругъ сказала шопотомъ Флеръ-де-Лисъ, — мы чрезъ три мѣсяца будемъ мужемъ и женой, поклянитесь мнѣ, что вы никогда не любили другой женщины.

— Клянусь вамъ, мой ангелъ!.. — отвѣтилъ Фебъ, и страстный взглядъ подтвердилъ искренность его словъ. Онъ въ эту минуту, можетъ-быть, самъ вѣрилъ тому, что говорилъ.

Добрая мать, видя согласіе между молодыми людьми, вышла изъ комнаты за какимъ-то дѣломъ. Фебъ это замѣтилъ и странныя мысли вспыхнули въ мозгу предпріимчиваго капитана. Флеръ-де-Лисъ его любила, онъ былъ ея женихъ, былъ одинъ съ нею, его прежняя любовь къ ней вернулась, если не съ прежней свѣжестью, то съ еще большею силой, — да развѣ это грѣхъ взять свое, хотя и до времени?..

Флеръ-де-Лисъ была испугана выраженіемъ его взгляда. Она обернулась и увидѣла, что матери нѣтъ въ комнатѣ.

— Боже мой, — сказала она, — какъ мнѣ жарко!

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ Фебъ, — скоро полдень. Солнце грѣетъ. Надо закрыть занавѣсъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — воскликнула бѣдная дѣвушка, — напротивъ, мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ!

Какъ лань, чувствующая приближеніе охотника, она бросилась къ двери, открыла ее и выскочила на балконъ.

Фебъ, недовольный, послѣдовалъ за нею.

Площадь предъ соборомъ Богоматери, на которую, какъ извѣстно, выходилъ балконъ, представляла зрѣлище, снова испугавшее боязливую Флеръ-де-Лисъ.

И площадь и выходившія на нее улицы были запружены народомъ. Низенькая стѣнка, окружавшая площадь, не задержала бы толпы, если бъ около нея не стоялъ рядъ солдатъ съ ружьями. За этой живой стѣной, площадка около паперти была пуста. Широкія врата храма были закрыты въ противоположность окнамъ выходящихъ на площадь домовъ, открытымъ настежь и наполненнымъ головами зрителей.

Вся толпа народа казалась грязной и сѣрой. Зрѣлище, котораго она ожидала, было изъ тѣхъ, которыя вызываютъ вниманіе самаго низкаго слоя народа. Отвратительные звуки издавало это сборище желтыхъ платковъ и растрепанныхъ волосъ. Больше было смѣха, чѣмъ разговоровъ, больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ.

Иногда рѣзкій возгласъ выдавался изъ общаго шума.

— Эй, Майэ Балифъ! Ее тутъ и повѣсятъ?

— Дура! Здѣсь она будетъ каяться въ одной рубашкѣ! Это всегда здѣсь бываетъ. Хочешь видѣть висѣлицу — ступай на Гревскую площадь.

— И пойду послѣ.

— Скажите, Буканбри? Правда, она отказалась отъ священника?

— Кажется, да, Бешень.

— Ишь ты, язычница!

— Это, сударь, всегда такъ. Судья долженъ передать осужденнаго парижскому прево, если же преступникъ изъ духовныхъ, то — представителю епископа.

— Благодарю васъ.

— Боже мой! — говорила Флеръ-де-Лисъ, — бѣдное созданье!

Взглядъ ея сдѣлался грустнымъ. Капитанъ, занятый больше всего ею, мялъ сзади ея поясъ. Она обернулась съ мольбой и улыбкой.

— Ради Бога, оставьте меня, Фебъ! Если мама вернется, она увидитъ вашу руку!

Въ эту минуту на часахъ собора Богоматери пробило двѣнадцать. Одобрительный шопотъ прошелъ по толпѣ. Едва прозвучалъ послѣдній ударъ, какъ всѣ головы двинулись, какъ волна отъ вѣтра, и раздался крикъ: „Вотъ она!"

Флеръ-де-Лисъ закрыла глаза руками.

— Милая, — сказалъ Фебъ, — уйдемте отсюда.

— Нѣтъ, — отвѣтила Флеръ-де-Лисъ и, закрывши глаза отъ страха, она вновь открыла ихъ изъ любопытства.

Изъ улицы Сен-Пьеръ-о-Бефъ выѣхала на площадь повозка, запряженная норманской лошадью и окруженная всадниками въ лиловыхъ мундирахъ съ бѣлыми крестами. Пристава расчищали дорогу. Около повозки ѣхали нѣкоторые члены суда, которыхъ можно было узнать по ихъ черному одѣянію и неловкости посадки на лошадяхъ.

Метръ Жакъ Шармолю былъ во главѣ.

Въ позорной повозкѣ сидѣла дѣвушка со связанными на спинѣ руками, рядомъ съ священникомъ. Она была въ одной рубашкѣ, ея длинные черные волосы (тогда было принято срѣзать ихъ передъ висѣлицей) падали на ея полуобнаженныя грудь и плечи.

Сквозь эти волосы, блестящіе какъ вороново крыло, виднѣлись узлы грубой сѣрой веревки, которая сдирала нѣжную кожу шеи и вилась вокругъ нее, какъ дождевой червякъ вокругъ цвѣтка. Подъ веревкой блестѣла ладонка съ зелеными бусами, которую, вѣроятно, оставили ей, потому что исполняютъ послѣднія желанія умирающихъ. Зрители могли видѣть ея голыя ноги, которыя она стыдливо старалась спрятать. У ея ногъ была связанная козочка. Приговоренная зубами поддерживала спускавшуюся рубашку. Казалось, въ своемъ отчаяніи, бѣдная еще могла страдать отъ мысли, что толпа видитъ ее полунагую.

— Боже! — воскликнула Флеръ де-Лисъ, — посмотрите, кузенъ, это та самая цыганка съ козой!

Она обернулась къ Фебу. Онъ смотрѣлъ на тележку и былъ очень блѣденъ.

— Какая цыганка съ козой? — пробормоталъ онъ.

— Какъ! — продолжала Флеръ де-Лисъ, — развѣ вы не помните?

Фебъ перебилъ ее:

— Я не знаю, о чемъ вы говорите.

Онъ хотѣлъ вернуться въ комнату. Но Флеръ де-Лисъ, у которой зашевелилось прежнее чувство ревности къ цыганкѣ, бросила ему взглядъ, полный недовѣрія. Она въ эту минуту вспомнила доходившіе до нея слухи, что капитанъ какъ-то замѣшанъ въ дѣлѣ колдуньи.

— Что съ вами? — сказала она Фебу. — Видъ этой женщины какъ будто смутилъ васъ?

Фебъ постарался засмѣяться.

— Меня! Нисколько. Съ какой стати!

— Тогда останьтесь здѣсь, — повелительно произнесла она, — посмотримъ до конца.

Несчастному капитану пришлось остаться. Его немного успокоивало, что приговоренная не поднимала глазъ. Это дѣйствительно была Эсмеральда. Въ послѣдней степени презрѣнья и несчастья, она все еще была хороша; ея большіе черные глаза казались еще больше отъ худобы ея щекъ, ея блѣдный профиль былъ чистъ и прекрасенъ. Она походила на то, что она была прежде, какъ мадонна Мазачіо походитъ на мадонну Рафаэля: болѣе слабая, нѣжная, хрупкая.

Впрочемъ, все въ ней, кромѣ стыдливости, казалось, притупилось подъ гнетомъ отчаянія. Тѣло ея поддавалось толчкамъ телѣжки, какъ мертвое. Ея взглядъ казался безумнымъ. На ея рѣсницахъ остановилась слеза, но казалась замерзшею.

Мрачная повозка проѣзжала посреди радостныхъ криковъ толпы. Мы должны, однако, съ справедливостью историка, сказать, что, при видѣ красоты осужденной, во многія грубыя сердца закралась жалость.

Повозка въѣхала на площадку передъ соборомъ.

Передъ средними вратами она остановилась. Сопровождавшіе ее выстроились въ два ряда по бокамъ. Толпа смолкла. Среди этого торжественнаго молчанія, врата отворились какъ бы сами собой, и петли ихъ заскрипѣли. Тогда открылась мрачная внутренность храма, обтянутая чернымъ, освѣщенная нѣсколькими свѣчами на алтарѣ, открылась какъ мрачная пещера, среди блеска освѣщенной дневнымъ свѣтомъ площади. Въ самой глубинѣ можно было разобрать громадный серебряный крестъ на черной, ниспадающей завѣсѣ. Церковь была пуста. Кое-гдѣ только виднѣлись головы священниковъ на хорахъ, и въ то время, какъ двери открылись, изъ церкви донеслось громкое, мрачное, однообразное пѣніе, которое какъ бы бросало въ лицо осужденной отрывки псалмовъ.

„... Non timebo millia populi circumdantis me. Exsurge, Domine; salvum me fac, Deus!

„... Salvum me fac, Deus, quoniam intraverunt aquae usque ad animam meam.

„... Jnfixus sum in limo profundi; et non est substantia.

Въ то же время, другой голосъ, отдѣльно отъ хора, пѣлъ на ступеняхъ алтаря:

„Qui verbum meum audit, et credit ei qui misit me, habet vitam aeternam et in judicium non venit; sed transit a morte in vitam“.

Это пѣніе, исполнявшееся невидимыми среди мрака храма старцами, было панихидой надъ прекраснымъ созданіемъ, полнымъ молодости и жизни, ласкаемымъ теплымъ весеннимъ воздухомъ и яркимъ солнцемъ.

Народъ внималъ съ благоговѣніемъ.

Мысль и взглядъ несчастной устремились въ мрачную внутренность храма. Ея губы зашевелились, какъ бы въ молитвѣ и, когда палачъ приблизился къ ней, чтобы помочь ей сойти, онъ услыхалъ тихо произнесенное ею слово: „Фебъ“.

Ей развязали руки, сняли съ телѣжки, освободили и козочку, которая запрыгала отъ радости; потомъ осужденную заставили пройти босикомъ по мостовой до ступеней паперти. Веревка, надѣтая ей на шею, вилась за нею, какъ змѣя.

Пѣніе въ церкви умолкло. Большой крестъ и рядъ свѣчей зашевелились въ тѣни. Послышались удары алебардъ о землю, и длинная процессія священниковъ и діаконовъ въ ризахъ, съ пѣніемъ псалмовъ, двинулась къ осужденной. Ея взглядъ остановился на томъ, кто шелъ первымъ послѣ несшаго крестъ.

— О, — прошептала она, вздрагивая, — опять онъ, священникъ!

Это былъ, дѣйствительно, архидіаконъ. Съ одной стороны возлѣ него былъ регентъ, съ другой его помощникъ. Голова его была откинута, глаза открыты и неподвижны, онъ сильнымъ голосомъ пѣлъ;

„De ventre inferi clamavi, et exaudisti vocem meam,
Et projecisti me in profundum in corde maris, flumen circumdedit me".

Въ ту минуту, когда онъ вышелъ на свѣтъ подъ стрѣльчатый порталъ, облаченный въ серебряную ризу съ чернымъ крестомъ, онъ былъ такъ блѣденъ, что его можно было бы принять за одного изъ мраморныхъ епископовъ, который бы сошелъ съ могильнаго памятника, чтобы встрѣтить ту, которая шла умирать.

Она, — такая же блѣдная статуя, — не замѣтила, какъ ей сунули въ руку зажженную свѣчу изъ желтаго воска; она не слыхала прочтенный секретаремъ суда обвинительный актъ; когда ей велѣли сказать „аминь", она сказала „аминь". Она нѣсколько оживилась, когда священникъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и подошелъ къ ней одинъ.

Тогда кровь бросилась ей въ голову, и въ застывшей душѣ проснулось негодованіе.

Архидіаконъ медленно приблизился къ ней. Даже въ такую минуту его глаза скользнули по ея обнаженному тѣлу съ выраженіемъ ревности и страсти. Онъ сказалъ громко:

— Дѣвица, просила ли ты прощенія у Бога за свои грѣхи? — Онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ (зрители думали, что онъ выслушиваетъ ея исповѣдь): — Если ты будешь моею, я еще могу спасти тебя.

Она пристально посмотрѣла на него:

— Отойди отъ меня, демонъ, или я выдамъ тебя.

Онъ улыбнулся страшной улыбкой:

— Тебѣ не повѣрятъ. Это будетъ лишній скандалъ. Отвѣчай, согласна ли ты?

— Что ты сдѣлалъ съ моимъ Фебомъ?

— Онъ умеръ, — сказалъ священникъ.

Въ эту минуту архидіаконъ машинально поднялъ голову и увидалъ въ концѣ площади, на балконѣ дома Гондлорье, капитана рядомъ съ Флеръ-де-Лисъ. Онъ пошатнулся, провелъ рукой по глазамъ, пробормоталъ проклятіе, всѣ черты его исказились.

— Ну, такъ умри же ты! — пробормоталъ онъ сквозь зубы. — Пусть никто не обладаетъ тобой!

Поднявъ руку надъ цыганкой, онъ произнесъ зычнымъ голосомъ:

— I nunc, anima anceps, et sit tibi Deus misericors!

Это была страшная формула, которой заключались подобныя мрачныя церемоніи. Это былъ знакъ священника палачу.

Народъ опустился на колѣни.

— Kyrie, eleison, — запѣли священники на папертн.

— Kyrie, eleison, — повторила толпа и звукъ этотъ пробѣжалъ по ней, какъ морская волна.

— Amen,—произнесъ архидіаконъ.

Онъ отвернулся отъ осужденной, голова его склонилась на грудь, руки скрестились, онъ присоединился къ процессіи, и священники, крестъ и свѣчи, все исчезло въ темныхъ вратахъ собора; голосъ хора постепенно умолкалъ со словами пѣсни отчаянія:

„Omnes gurgites tui et fluctus tui super me transierunt!"

Удаляющіеся удары алебардъ стражниковъ по полу звучали, какъ удары часоваго молотка, ударяющаго послѣдній часъ для осужденной.

Двери собора остались открытыми, и была видна внутренность храма, пустая, мрачная, безмолвная.

Осужденная не трогалась съ мѣста. Приставъ обратилъ на нее вниманіе метра Шармолю, который усердно разсматривалъ барельефъ на вратахъ, представляющій, по мнѣнію однихъ, жертвоприношеніе Авраама, а по мнѣнію другихъ — философскій символъ, гдѣ ангелъ изображалъ солнце, костеръ — огонь, а Авраамъ — работника.

Трудно было оторвать его отъ этого созерцанія, но, наконецъ, онъ махнулъ помощникамъ палача, которые приблизились къ осужденной, чтобы снова связать ей руки.

Можетъ быть, у несчастной въ послѣднюю минуту пробудилась жажда жизни. Она подняла свои воспаленные глаза къ небу, къ солнцу, къ серебристымъ облакамъ, потомъ опустила ихъ на землю,на толпу, на дома.

Вдругъ, пока ей вязали руки, она громко и радостно вскрикнула. Тамъ, на углу площади, на балконѣ, она увидала его, своего друга, своего господина, своего Феба.

Судья обманулъ! священникъ обманулъ! Это былъ Фебъ, прекрасный, живой, нарядный, съ перомъ на шляпѣ, со шпагой при бедрѣ!

— Фебъ, — закричала она, — мой Фебъ!

И она хотѣла въ восторгѣ и любви протянуть къ нему руки, но онѣ уже были связаны.

Она увидала, что капитанъ нахмурилъ брови, что прекрасная молодая дѣвушка, стоявшая съ нимъ, обратила на него презрительный и и сердитый взглядъ. Фебъ что-то сказалъ ей, и оба исчезли за дверью балкона, которая затворилась за ними.

— Фебъ! — закричала она въ ужасѣ, — неужели ты повѣрилъ этому?

Страшная мысль овладѣла ею. Она вспомнила, что была приговорена за убійство Феба де-Шатоперъ.

Она все переносила до сихъ поръ, но этотъ послѣдній ударъ былъ слишкомъ тяжелъ. Она упала безъ чувствъ.

— Снесите ее въ телѣгу, — сказалъ Шармолю, — пора кончить!

Никто не замѣтилъ между статуями королей, находившихся надъ порталомъ, страннаго зрителя, смотрѣвшаго на происходящее съ такой неподвижностью и такого безобразнаго, что, если бъ не его полосатая ливрея, его можно было бы принять за одно изъ чудищъ, изваянныхъ надъ водосточными трубами собора. Во время происходившаго на площадкѣ, онъ незамѣтно привязалъ къ колоннѣ галлереи толстую веревку съ узлами, конецъ которой спускался до паперти. Сдѣлавъ это онъ сталъ спокойно наблюдать.

Вдругъ, когда помощники палача собирались исполнить приказаніе Шармолю, онъ скользнулъ по веревкѣ, какъ капля скользитъ по стеклу, съ проворностью кошки подбѣжалъ къ слугамъ, ударилъ каждаго кулакомъ, схватилъ одной рукой цыганку, какъ ребенокъ хватаетъ куклу и бросился въ храмъ, восклицая громкимъ голосомъ: „Убѣжище!“

Все это произошло съ быстротой молніи.

Онъ бросился въ храмъ.

— Убѣжище! убѣжище! - - заревѣла толпа, и рукоплесканье десяти тысячъ рукъ заставило заблистать гордостью единственный глазъ Квазимодо.

Осужденная пришла въ себя, открыла глаза, но, взглянувъ на Квазимодо, закрыла ихъ опять отъ ужаса предъ своимъ спасителемъ.

Шармолю остановился пораженный, такъ же, какъ палачи и стража. Дѣйствительно, въ стѣнахъ собора осужденная была неприкосновенна.

Соборъ пользовался правомъ убѣжища. Законъ человѣческій терялъ всякую силу за порогомъ церковныхъ дверей.

Квазимодо остановился въ дверяхъ. Его большія ноги, казалось, вросли въ полъ, какъ тяжелыя римскія колонны. Его мохнатая голова уходила въ плечи, какъ голова льва. Онъ держалъ дѣвушку, какъ кусокъ бѣлой ткани, но его грубыя руки держали ее нѣжно, какъ цвѣтокъ, который онъ боялся смять. Квазимодо чувствовалъ, что это нѣжное созданье было предназначено не его рукамъ. Минутами онъ боялся дохнуть на нее, потомъ прижималъ ее къ своей груди, какъ сокровище, какъ мать — ребенка; его взоръ опускался на нее съ выраженіемъ нѣжности, горя и жалости и подымался, метая молніи. Женщины плакали, толпа дрожала энтузіазмомъ, и въ эту минуту Квазимодо сіялъ своеобразной красотой. Онъ, этотъ найденышъ, этотъ отбросокъ общества, чувствовалъ себя мощнымъ и сильнымъ, онъ гордо смотрѣлъ на это изгнавшее его общество, надъ которымъ онъ теперь властвовалъ, на правосудіе людское, у котораго онъ вырвалъ жертву, на всѣхъ этихъ пораженныхъ жандармовъ, судей, палачей, на всю эту вражескую силу, которую онъ, ничтожный, сломилъ съ помощью Божіей.

Трогательно было это покровительство урода приговоренной къ смерти. Отверженникъ природы и отверженница общества соприкасались и помогали другъ другу.

Послѣ минуты торжества, Квазимодо исчезъ во внутренности храма. Народъ, всегда любящій отвагу, жалѣлъ, что онъ такъ скоро скрылся. Вдругъ, увидали его бѣгущимъ по галлереѣ королей, онъ подымалъ на рукахъ свою добычу и кричалъ: „Убѣжище!“ Раздались рукоплесканія толпы. Пробѣжавъ галлерею, онъ вновь пропалъ и снова показался на болѣе высокой галлереѣ и снова кричалъ, привѣтствуемый рукоплесканіями: „Убѣжище!“ Наконецъ, онъ показался въ третій разъ на колокольнѣ, съ торжествомъ показалъ толпѣ спасенную имъ и громовымъ голосомъ, голосомъ, который такъ рѣдко слышали другіе и, который самъ онъ никогда не слыхалъ, троекратно провозгласилъ: „Убѣжище! убѣжище! убѣжище!“

— Noël! Noël! — кричалъ, съ своей стороны, народъ, и эти громкіе возгласы пронеслись надъ Сеной и поразили слухъ толпы, собравшейся на Гревской площади, и узницы, не отводившей глазъ отъ висѣлицы.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

I.

Горячка.

Клода Фролло не было въ соборѣ Богоматери, когда его пріемный сынъ внезапно разрубилъ узелъ, который несчастный архидіаконъ затянулъ надъ цыганкой и надъ собою. Онъ сбросилъ свое облаченіе на руки удивленнаго пономаря, выбѣжалъ боковою дверью и, переправившись на лодкѣ черезъ рѣку, углубился въ улицы Университета, самъ не зная куда онъ идетъ, сталкиваясь съ людьми, торопившимися не пропустить зрѣлища, какъ будутъ вѣшать колдунью. Онъ былъ слѣпъ и дикъ, какъ ночная птица, преслѣдуемая днемъ дѣтьми; онъ не зналъ гдѣ онъ и ничего не думалъ. Онъ шелъ, бѣжалъ, не зная куда, только бы уйти съ ужасной площади, которая какъ бы преслѣдовала его.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ города въ Сенъ-Викторскія ворота.

Когда ненавистный Парижъ скрылся отъ его глазъ, когда ему показалось, что онъ въ поляхъ, въ пустынѣ, онъ остановился и перевелъ духъ.

Тогда страшныя мысли проснулись въ его умѣ. Онъ ясно увидалъ свою душу и содрогнулся. Онъ подумалъ о несчастной дѣвушкѣ, которая его сгубила и которую онъ сгубилъ. Онъ бросилъ взоръ на кривой путь ихъ судьбы и на ту минуту, когда эта судьба сломила ихъ. Онъ думалъ о тщетѣ вѣчныхъ клятвъ, о тщетѣ дѣвственности, науки, религіи, добродѣтели. Архидіаконъ погрузился въ отрицаніе и слышалъ въ себѣ сатанинскій хохотъ.

И когда онъ почувствовалъ, сколько страстности природа вложила въ его душу, онъ усмѣхнулся. Взглядомъ доктора, изслѣдующаго больного, онъ всмотрѣлся въ свою душу и увидалъ, что вся ненависть, вся злоба, кипѣвшія въ ней, были только извращенной любовью, что любовь, источникъ всего добраго для человѣка, дѣлалась въ немъ, въ священникѣ, чѣмъ-то чудовищнымъ, что человѣкъ, здоровый, какъ онъ, давая обѣтъ безбрачія, превращаетъ себя въ діавола. Онъ горько разсмѣялся, но потомъ поблѣднѣлъ, вспомнивъ мрачную сторону своей извращенной, злобной, безпощадной, ядовитой любви, приведшей цыганку къ висѣлицѣ, его — къ аду; она, — осуждена на смерть, онъ — на вѣчныя муки. Онъ снова засмѣялся, когда вспомнилъ, что Фебъ живъ, здоровъ, красивъ и веселъ, что онъ поведетъ свою новую возлюбленную смотрѣть, какъ будутъ вѣшать старую. Онъ засмѣялся, когда подумалъ о томъ, что изъ всѣхъ людей, которыхъ онъ желалъ уничтожить, ему удалось уничтожить только одно существо, бывшее единственнымъ, которое онъ не ненавидѣлъ и не презиралъ.

Отъ капитана мысль его перенеслась къ толпѣ, и въ немъ загорѣлась ревность къ народу, который видѣлъ почти обнаженною любимую имъ

женщину. Онъ заломилъ руки отъ злобы при мысли, что формы, которыя онъ желалъ обожать во мракѣ, были среди дня предоставлены жаднымъ взорамъ толпы. Онъ рыдалъ надъ своей поруганной, оплеванной любовью; эта чудная дѣвушка, эта чистая лилія, эта чаша чистоты и прелести, къ которой онъ дрожа еле осмѣливался приблизить свои уста, превратилась въ чашу, изъ которой пили теперь всѣ воры, нищіе, лакеи, пило все развратное, безстыдное населеніе Парижа!

Когда онъ воображалъ, какимъ бы счастьемъ могъ онъ наслаждаться, если бъ она не была цыганкой, а онъ не былъ бы священникомъ, если бъ не существовало Феба и она любила бы его; когда онъ думалъ, что и для него возможно было бы спокойное счастье, что есть на свѣтѣ блаженныя парочки, воркующія подъ сѣнью апельсинныхъ деревъ, у журчащихъ ручьевъ, при сіяніи заходящаго солнца или звѣздной ночи, что и онъ могъ бы составить съ нею одну изъ этихъ блаженныхъ парочекъ, — сердце его разрывалось отъ нѣжности и отчаянія.

— О, эта мысль! Эта страшная, неотступная мысль все возвращалась и грызла и терзала его. Онъ не раскаивался, онъ снова поступилъ бы такъ, какъ поступилъ; онъ предпочиталъ лучше видѣть ее въ рукахъ палача, чѣмъ въ объятіяхъ капитана, но онъ страдалъ, такъ страдалъ, что временами вырывалъ себѣ клочки волосъ, чтобы посмотрѣть, не посѣдѣли ли они.

Одну минуту ему пришло на умъ, что, можетъ-быть, въ это самое мгновеніе тяжелая цѣпь стянула нѣжную шейку, и у него выступилъ холодный потъ.

И вдругъ, діавольски смѣясь надъ собою, онъ вообразилъ себѣ Эсмеральду, какою онъ увидалъ ее въ первый разъ: веселой, беззаботной, нарядной, пляшущей, какъ бы окрыленной, гармоничной, и затѣмъ Эсмеральду теперешнюю: въ рубашкѣ, съ веревкой на шеѣ, восходящую на грубую лѣстницу висѣлицы; онъ такъ ясно увидалъ эту двойную картину, что у него вырвался ужасный крикъ.

Въ то время, какъ въ душѣ у него бушевалъ этотъ ураганъ отчаянія, который все рвалъ, ломалъ и терзалъ въ ней, Клодъ взглянулъ на окружающую его природу. У ногъ его куры клевали въ травѣ, золотые жучки сверкали на солнцѣ, надъ головою сѣрыя облачка плыли по ясной лазури, на горизонтѣ поднимался шпиль Сенъ-Викторскаго аббатства. Мельникъ въ Копо, посвистывая, смотрѣлъ на крылья своей мельницы. Вся эта дѣятельная, спокойная, устроенная жизнь причинила ему боль и онъ снова бросился бѣжать.

Онъ бродилъ по полямъ до вечера. Цѣлый день онъ бѣгалъ отъ жизни, отъ природы, отъ себя, отъ Бога; иногда онъ бросался на землю и вырывалъ ногтями молодую траву, иногда останавливался на улицѣ деревни и хваталъ руками свою голову, будто желая оторвать ее и разбить о мостовую.

Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Его отчаяніе, съ той минуты, какъ онъ отказался отъ надежды спасти цыганку, уничтожило въ немъ всякую здравую мысль, всякій разсудокъ. Два образа существовали въ его умѣ: Эсмеральда и висѣлица. Все остальное было — мракъ. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ эти ужасные образы, тѣмъ болѣе одинъ дѣлался прелестнѣе, граціознѣе, прекраснѣе, а другой — мрачнѣе; наконецъ, Эсмеральда представилась ему звѣздой, а висѣлица — костлявой рукой.

Странно, что во время такихъ мученій мысль о смерти ни разу не пришла ему въ голову. Несчастный былъ такъ созданъ, что любилъ жизнь, а можетъ-быть, онъ все-таки боялся ада.

Ночь приближалась, и онъ смутно подумалъ о возвращеніи. Ему казалось, что онъ далеко отъ Парижа, но онъ кружился по

Тогда страшныя мысли проснулись въ его умѣ.

однимъ и тѣмъ же мѣстамъ. Иглы Сен-Сюльписа и Сен-Жерменъ-де-Прэ виднѣлись справа отъ него и онъ отправился по направленію къ нимъ, но, подойдя къ зубчатымъ стѣнамъ Сен-Жермена и услыхавъ окликъ часового, онъ обошелъ стѣны боковой тропинкой и очутился на окраинѣ Прэ-о-Клеркъ. Это былъ лугъ, извѣстный буйствами, которыя совершались тамъ днемъ и ночью; онъ былъ гидрой бѣдныхъ монаховъ Сен-Жермена: quod monachis sancti Germani pratensis hydra

fuit, clericis nova semper dissidiorum capita suscitantibus. Архидіаконъ боялся встрѣтить тамъ кого-нибудь, боялся всякаго человѣческаго лица, онъ хотѣлъ попасть на улицы какъ можно позднѣе. Разными окольными путями онъ дошелъ до рѣки. Тамъ Клодъ нашелъ перевозчика, который провезъ его до конца Ситэ и высадилъ на косу, которая тянулась за садами короля, параллельно съ островомъ Коровьяго Брода.

Покачиваніе лодки и плескъ воды какъ бы убаюкали Клода. Когда лодочникъ удалился, онъ тупо стоялъ, видя передъ собой только какіе-то неясные фантастическіе образы. Нерѣдко утомленіе страданіемъ производитъ такое притупленіе ума.

Солнце зашло за высокой Нельской башней. Наступили сумерки. Небо было почти бѣлое, также и рѣка. Посреди этой бѣлизны, черная масса береговъ, удаляясь въ перспективѣ, казалась черной стрѣлой, теряющейся въ полусвѣтѣ. Дома темными силуэтами рисовались на небѣ и отражались въ рѣкѣ. Кое-гдѣ окна начинали свѣтиться огнями, какъ искры въ кострѣ. Этотъ громадный черный обелискъ между двумя бѣлыми простынями неба и рѣки, широкой въ этомъ мѣстѣ, представлялся Клоду похожимъ на Страсбургскую колокольню, на которую человѣкъ смотрѣлъ бы снизу вверхъ, лежа на землѣ. Только тутъ Клодъ стоялъ, а обелискъ лежалъ, но впечатлѣніе было то же, развѣ съ той разницей, что эта колокольня была гигантскихъ размѣровъ и казалась Вавилонской башней. Трубы, зубцы стѣнъ, острыя вершины крышъ, стрѣлка Августинцевъ, Нельская башня, выдвигаясь на профилѣ колоссальнаго обелиска, казались глазу скульптурными украшеніями и увеличивали иллюзію.

Клодъ, въ состояніи, близкомъ къ галлюцинаціи, вообразилъ, что онъ видитъ воочію башню ада; огоньки казались ему дверцами громадной внутренней печи; шумъ улицы — криками и скрежетомъ зубовнымъ. Ему стало страшно: онъ заткнулъ уши, отвернулся и сталъ быстро удаляться отъ отвратительнаго видѣнія.

Но видѣніе было въ немъ самомъ.

Когда онъ опять попалъ на улицы, люди казались ему призраками. Странный шумъ гудѣлъ въ ушахъ. Вмѣсто домовъ, экипажей, людей, онъ видѣлъ хаосъ неопредѣленныхъ предметовъ, которые сливались между собою. На углу улицы Барилльери была овощная лавка, передъ входомъ въ которую, вмѣсто вывѣски, висѣлъ желѣзный обручъ со связкой изъ дерева сдѣланныхъ свѣчей, которыя отъ вѣтра стучали другъ объ друга. Ему показалось, что это стучатъ кости скелетовъ.

— О, — прошепталъ онъ,—вѣтеръ гонитъ ихъ и стучитъ цѣпями по ихъ костямъ! Можетъ-быть и она уже между ними! Не сознавая, куда онъ идетъ, онъ очутился на мосту Св. Михаила. Окно въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ было освѣщено. Онъ приблизился. Сквозь тусклое окно была видна комната, что-то смутно напоминавшая ему. Въ этой плохо освѣщенной комнатѣ веселый, свѣжій бѣлокурый молодой человѣкъ со смѣхомъ цѣловалъ дѣвушку, не особенно скромно одѣтую. Около лампы старуха пряла и пѣла надтреснутымъ голосомъ. Пѣснь отрывками долетала до слуха священника. Это было что-то непонятное и ужасное.

Вой собакой, площадь Гревъ,
Ты вертись, веретено,
Вей веревку палачу.

Вой собакой, площадь Гревъ.
Изо льна веревка наша
Сѣйте ленъ намѣсто хлѣба,
Не минуетъ воръ веревки,
Изо льна веревка наша.
Вой собакой, площадь Гревъ,
На дѣвицу погляди,
Какъ ее повѣсятъ тамъ,
Вой собакой, площадь Гревъ!

Молодой человѣкъ хохоталъ и ласкалъ дѣвушку. Старуха была Фалурдель; дѣвушка была гуляка; молодой человѣкъ былъ его братъ, Жеганъ.

Онъ продолжалъ смотрѣть. Не все ли равно на что?

Онъ видѣлъ, какъ Жеганъ открылъ противоположное окно, выходившее на набережную, и услышалъ его слова:

— Вотъ уже и ночь. Мѣщане зажигаютъ огни, а Богъ — звѣзды.

Потомъ Жанъ подошелъ къ столу, разбилъ пустую бутылку и воскликнулъ: „Изабо, другъ мой, я не буду доволенъ Юпитеромъ, пока онъ не превратитъ твои бѣлыя груди въ бутылки вина, изъ которыхъ я буду день и ночь сосать бонское вино!“

Дѣвушка разсмѣялась этой шуткѣ, и Жеганъ вышелъ.

Клодъ бросился на землю, чтобъ не быть узнаннымъ братомъ. Улица была темна, а студентъ пьянъ, но все-таки онъ замѣтилъ архидіакона, лежавшаго въ грязи.

— Ого! — сказалъ онъ, — вотъ этотъ весело провелъ время.

Тронувъ Клода ногой, онъ промолвилъ:

— Мертвецки пьянъ. Напился, какъ піявка. Лысый, — продолжалъ онъ нагнувшись, — старикъ, Fortunate senex!

Потомъ онъ удалился говоря: „а, все-таки, разумъ великая вещь, и мой братъ архидіаконъ счастливъ, что онъ добродѣтеленъ и имѣетъ много денегъ“.

Тогда архидіаконъ всталъ и, не останавливаясь, добѣжалъ до собора Богоматери, башни котораго возвышались надъ домами. Когда онъ, запыхавшись, дошелъ до площадки, то не смѣлъ поднять глазъ на роковое зданіе.

— О, — прошепталъ онъ, — развѣ можетъ быть, чтобъ такая вещь произошла здѣсь, и сегодня утромъ?

Клодъ рѣшился поднять глаза на церковь. Фасадъ былъ теменъ. Небо за нимъ сіяло звѣздами. Серпъ луны, какъ бы остановившейся въ эту минуту надъ правой башней, казался блестящей птицей, сѣвшей на балюстраду съ вырѣзанными черными украшеніями.

Вороты монастыря были заперты. Но у архидіакона былъ ключъ отъ той башни, гдѣ находилась его лабораторія, такъ что онъ могъ проникнуть въ храмъ.

Тамъ было тихо и мрачно, какъ въ подземельи. По длиннымъ тѣнямъ вокругъ онъ понялъ, что занавѣси для утренней церемоніи еще не были сняты. Большой крестъ мѣстами бѣлѣлъ, какъ млечный путь. Верхи длинныхъ оконъ поверхъ черныхъ занавѣсей, освѣщенные луной, блестѣли блѣдными тонами, лиловатыми, бѣлыми, голубоватыми, какіе бываютъ на лицахъ умершихъ. Архидіакону казалось, что эти стѣнки оконъ—митры проклятыхъ епископовъ. Онъ закрылъ глаза и, когда снова открылъ ихъ, ему онѣ показались рядомъ блѣдныхъ лицъ, которыя смотрѣли на него. Онъ хотѣлъ пробѣжать по

храму, но ему показалось, что храмъ зашевелился, ожилъ, что каждая колонна дѣлалась громадной лапой, опиравшейся на полъ, и что весь громадный соборъ обратился въ какого-то слона, который пыхтѣлъ и топтался толстыми столбами вмѣсто ногъ, съ башнями вмѣсто хоботовъ и темными драпировками вмѣсто чапрака.

Горячка и безуміе Клода дошли до того, что внѣшній міръ превратился для него въ какой-то видимый, ощутимый, страшный апокалипсисъ.

Ему сдѣлалось немного легче, когда за боковыми колоннами мелькнулъ огонекъ. Онъ направился къ нему, какъ къ путеводной звѣздѣ. Это была бѣдная лампадка, горѣвшая день и ночь надъ общественнымъ молитвенникомъ, покрытымъ желѣзной сѣткой. Онъ бросился къ святой книгѣ, въ надеждѣ найти тамъ утѣшеніе. Книга была открыта на страницѣ изъ Іова, которую онъ пробѣжалъ взглядомъ:

„Духъ пронесся передъ лицемъ моимъ, я почувствовалъ дуновеніе, и волосы мои встали дыбомъ“.

При этомъ чтеніи онъ почувствовалъ то, что почувствовалъ бы слѣпецъ, уколовшійся о ту палку, которую онъ поднялъ. Ноги священника задрожали, подкосились, и онъ опустился на землю, думая о той, которая умерла сегодня. Такой туманъ и дымъ наполняли его голову, что она казалась ему адской трубой.

Клодъ долго оставался въ этомъ положеніи, пассивно предаваясь терзавшему его демону. Наконецъ, онъ немного оправился и рѣшился спастись въ свою башню, къ вѣрному Квазимодо. Онъ всталъ и, такъ какъ очень боялся, взялъ лампадку, чтобы посвѣтить себѣ. Это было святотатство, но онъ уже не обращалъ вниманія на такія мелочи.

Клодъ медленно поднимался по лѣстницѣ башни, полный ужаса, который, должно-быть, раздѣляли и рѣдкіе прохожіе по площади, слѣдившіе за таинственнымъ огонькомъ, блестѣвшимъ сквозь бойницы и поднимавшимся на колокольню.

Вдругъ онъ почувствовалъ на лицѣ своемъ свѣжесть и узналъ, что онъ находится передъ дверью верхней галлереи. Воздухъ былъ холоденъ; бѣлыя облака двигались, какъ вскрывшаяся послѣ зимы рѣка, серпъ луны казался кораблемъ, затертымъ этими воздушными льдами.

Клодъ взглянулъ между колоннами вдаль, на крыши домовъ Парижа, которыя ютились другъ къ другу, какъ волны тихаго моря въ лѣтнюю ночь.

Луна бросала слабые лучи, окрашивавшіе и небо и землю въ пепельный цвѣтъ.

Въ эту минуту хриплые часы пробили двѣнадцать. Священникъ вспомнилъ о полднѣ, когда также било двѣнадцать.

„О, — подумалъ онъ, — теперь она уже окоченѣла!“

Вдругъ порывъ вѣтра погасилъ лампаду, и въ ту же минуту Клодъ увидѣлъ въ противоположномъ углу башни тѣнь, что-то бѣлое, какой-то обликъ, женщину. Онъ вздрогнулъ. Около женщины была коза, присоединившая легкое блеянье къ шипѣнью часовъ.

Онъ имѣлъ силу посмотрѣть. Это была *она*.

Она была блѣдная и суровая. Ея волосы падали на плечи, какъ утромъ. Но веревки на шеѣ не было, и руки не были связаны. Она была свободна, она была мертвая.

Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума.

Она была одѣта въ бѣлое, и бѣлый вуаль покрывалъ ей голову. Она тихо приближалась къ нему, смотря на небо. Сверхъестественная коза слѣдовала за ней. Клодъ окаменѣлъ и не могъ бѣжать. Онъ только пятился по мѣрѣ того, какъ фигура двигалась впередъ. Онъ допятился такимъ образомъ до темнаго свода лѣстницы. Его леденила мысль, что она вступитъ туда же, и, если бъ она это сдѣлала, онъ умеръ бы отъ ужаса.

Она подошла къ лѣстницѣ, остановилась на минуту, посмотрѣла въ тѣнь, не замѣтила священника, и прошла. Она показалась ему выше ростомъ, чѣмъ при жизни; онъ видѣлъ какъ луна просвѣчивала сквозь ея бѣлое одѣяніе; онъ слышалъ ея дыханіе.

Когда она прошла, онъ сталъ спускаться съ лѣстницы съ медленностью привидѣнія; онъ самъ себѣ казался привидѣніемъ, его рѣдкіе волосы стояли дыбомъ, онъ держалъ въ рукахъ потухшую лампаду; спускаясь по спиральной лѣстницѣ, Клодъ ясно слышалъ надъ своимъ ухомъ голосъ, смѣющійся и повторяющій:

„Духъ пронесся передъ лицомъ моимъ, я ощутилъ дуновеніе, и волосы мои поднялись дыбомъ“.

II.

Горбатый, одноглазый, хромой.

Всѣ города во Франціи до царствованія Людовика XII имѣли мѣста убѣжища. Въ потопѣ варварскихъ законовъ эти убѣжища возвышались, какъ оазисы, надъ человѣческимъ правосудіемъ. Всякій преступникъ, вошедшій въ нихъ, былъ спасенъ. Это было злоупотребленіе безнаказанностью рядомъ съ злоупотребленіемъ казнью, два зла, которыя стремились уравновѣсить другъ друга. Дворцы, дома принцевъ, церкви обладали правомъ убѣжища. Иногда, когда хотѣли населить городъ, его цѣликомъ дѣлали мѣстомъ убѣжища. Людовикъ XI въ 1467 году сдѣлалъ Парижъ убѣжищемъ.

Ступивъ въ убѣжище, преступникъ былъ святъ; но онъ долженъ былъ не выходить изъ убѣжища. Одинъ шагъ—и онъ снова падалъ въ пучину. Колеса, висѣлицы ждали свою жертву и кружились вокругъ нея, какъ акулы вокругъ корабля. Многіе осужденные доживали такимъ образомъ до сѣдыхъ волосъ въ монастырѣ, подъ лѣстницей дворца, подъ портикомъ церкви, такъ что убѣжище становилось въ то же время и тюрьмой.

Случалось, что, по торжественному постановленію парламента, извлекали преступника изъ убѣжища и передавали палачу, но это бывало очень рѣдко. Члены парламента боялись епископовъ, и когда они сталкивались, то торжествовали всегда послѣдніе. Иногда, какъ было въ дѣлѣ убійцъ Пети-Жана, парижскаго палача, и въ дѣлѣ Эмери Руссо, убійцы Жана Валерэ, правосудіе дѣйствовало вопреки церкви и приводило въ исполненіе всѣ приговоры; но, кромѣ какъ по постановленію парламента, никто не смѣлъ нарушить права убѣжища вооруженной рукой. Всѣ знаютъ, какою смертью погибли Роберъ Клермонтскій, маршалъ Франціи, и Жанъ-де-Шалонъ, маршалъ Шампаньи, изъ-за дѣла какого-то мѣнялы-убійцы, когда маршалы раз-

били двери церкви Сен-Мери. Только въ этомъ и заключался ихъ проступокъ.

Убѣжища уважались до такой степени что преданіе говоритъ, что даже звѣри подчинялись этому чувству. Эмуанъ разсказываетъ, что олень, преслѣдуемый Дагоберомъ, укрылся около гробницы св. Дениса, и свора собакъ сразу остановилась и перестала его преслѣдовать.

Въ церквахъ обыкновенно находилась келья, принимавшая спасающихся. Въ соборѣ Богоматери она была на крышѣ, подъ сводами, противъ монастыря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь привратница устроила себѣ садикъ, похожій на висячіе Вавилонскіе сады, какъ кочанъ салата на пальму и сама привратница на Семирамиду.

Туда, послѣ своего торжественнаго бѣгства по башнямъ и галлереямъ, Квазимодо помѣстилъ Эсмеральду. Въ продолженіе этого восхожденія молодая дѣвушка, не вполнѣ пришедшая въ себя, чувствовала только, что она несется по воздуху, летитъ куда-то, что кто-то приподнялъ ее отъ земли. Время отъ времени она слышала смѣхъ и громкій голосъ Квазимодо и открывала глаза; смутно представлялся ей Парижъ съ его черепичными крышами, но когда взглядъ ея случайно попадалъ на страшное и радостное лицо Квазимодо, она закрывала глаза и думала, что ее убили во время ея обморока и что безобразный духъ завладѣлъ ею и уноситъ ее. Она боялась смотрѣть на него и покорялась.

Но, когда звонарь опустилъ ее въ кельѣ, когда его огромныя руки стали осторожно развязывать веревку, которая до боли терла ей руки, она вдругъ пробудилась, и мысли ея понемногу вернулись къ ней. Дѣвушка поняла, что она въ соборѣ Богоматери и вспомнила, что ее спасли изъ рукъ палача, что Фебъ живъ, что Фебъ ее болѣе не любитъ; когда эти двѣ мысли, изъ которыхъ одна проливала желчь на другую, ясно представились осужденной, она обратилась къ Квазимодо, который страшилъ ее, и сказала:

— Зачѣмъ вы спасли меня?

Онъ смотрѣлъ на нее, стараясь понять, что она говоритъ. Она повторила вопросъ. Тогда онъ бросилъ на нее глубокій, грустный взглядъ и быстро удалился.

Она была удивлена.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и положилъ къ ея ногамъ узелъ. Это была одежда, положенная для нея на паперть добрыми женщинами. Тогда она оглянулась на себя, увидѣла себя почти обнаженной и покраснѣла. Жизнь возвращалась.

Квазимодо, казалось, почувствовалъ этотъ стыдъ, онъ закрылъ глаза рукою и тихо вышелъ.

Она поторопилась одѣться. Въ узлѣ оказались бѣлое платье и покрывало послушницы.

Едва она окончила свой туалетъ, какъ вернулся Квазимодо. Онъ несъ корзину и тюфякъ. Въ корзинѣ былъ хлѣбъ, бутылка вина и кой-какая провизія. Онъ поставилъ корзину и сказалъ:

— Кушайте.—Затѣмъ, пос-лавъ на полъ тюфякъ, прибавилъ:—Спите!

Звонарь принесъ ей собственный обѣдъ и собственную постель. Цыганка подняла глаза, чтобы поблагодарить его, но не могла выговорить ни слова. Онъ былъ такъ ужасенъ, что она, вздрогнувъ, опустила голову.

Тогда Квазимодо проговорилъ:

— Я васъ пугаю. Я безобразенъ, не правда ли? Такъ не смотрите на меня. Слушайте меня только. Днемъ вы будете оставаться тутъ, ночью вы можете гулять по всей церкви. Но изъ церкви вы не должны выходить ни днемъ ни ночью, иначе васъ убьютъ, и я умру.

Тропутая, она подняла глаза, но его уже не было. Она задумалась надъ странными словами этого чудовища, надъ звукомъ его голоса, въ одно и то же время и грубаго и нѣжнаго.

Потомъ дѣвушка осмотрѣла свою келью. Это была комната въ нѣсколько квадратныхъ футовъ съ маленькимъ окномъ и съ дверью, выходившею на слегка покатую крышу изъ плоскихъ кирпичей. Нѣсколько звѣриныхъ мордъ водосточныхъ трубъ какъ бы заглядывали въ ея окошечко. Подъ крышей ея видѣлись верхушки тысячей трубъ, которыя несли ей дымъ чуть не всѣхъ печей Парижа. Грустный видъ для бѣдной цыганки, приговоренной къ смерти, для одинокаго созданія безъ родины, безъ семьи, безъ очага.

Въ ту минуту, какъ она сильно почувствовала свое одиночество, что-то мохнатое скользнуло по ея рукамъ и колѣнамъ. Она вздрогнула: все пугало ее теперь. Это была ея бѣдная козочка, ея Джали, которая послѣдовала за нею, когда Квазимодо отбилъ ее отъ стражи Шармолю, и которая теперь расточала всѣ свои ласки, чтобы обратить на себя вниманіе своей хозяйки. Цыганка покрыла ее поцѣлуями. — О, Джали, — говорила она, — я забыла о тебѣ! Но ты все время помнила обо мнѣ! О, я неблагодарная!

И она заплакала, какъ будто невидимая рука сняла тяжесть, такъ долго угнетавшую ея сердце; вмѣстѣ со слезами отливало отъ него все самое жгучее, все самое горькое.

Когда наступила ночь, она показалась ей такой прекрасной, луна — такой нѣжной, что она обошла верхнюю галлерею церкви. Земля показалась ей съ этой высоты такой мирной, что она почувствовала облегченіе.

III.

Глухой.

На другое утро она замѣтила, что хорошо спала. Это удивило ее. Она отвыкла отъ сна. Лучъ солнца проходилъ въ окошечко и падалъ ей на лицо. Вмѣстѣ съ солнцемъ она увидала въ окошкѣ и нѣчто страшное: лицо Квазимодо. Она закрыла глаза, но и сквозь закрытыя вѣки ей казалось, что она видитъ эту одноглазую, зубастую маску. Тогда она услышала грубый голосъ, кротко говорившій:

— Не бойтесь. Я вашъ другъ. Я смотрѣлъ, какъ вы спите. Вѣдь, вамъ отъ этого не больно, когда я смотрю на васъ. Мое присутствіе не можетъ доставить вамъ непріятности, когда у васъ глаза закрыты. А теперь я уйду. Я стану за стѣной: вы можете открыть глаза.

Выраженіе, съ которымъ это говорилось, было еще грустнѣе самыхъ словъ. Тронутая цыганка открыла глаза. Его не было въ окошкѣ. Дѣвушка подошла къ окну и увидала бѣднаго хромого, покорно спрятавшагося за стѣной. Она сдѣлала надъ собой усиліе и тихо сказала: — Подите сюда!

По движенію губъ Квазимодо подумалъ, что она гонитъ его; онъ опустилъ голову и сталъ удаляться, боясь взглянуть на молодую дѣвушку.

— Подите сюда!— крикнула она,— но онъ продолжалъ удаляться.

Тогда она выскочила изъ кельи, подбѣжала къ нему и взяла его за руку. Почувствовавъ ея прикосновеніе, Квазимодо задрожалъ. Когда онъ увидалъ, что она удерживаетъ его, все лице его освѣтилось радостью и нѣжностью. Она хотѣла, чтобъ онъ вошелъ въ ея комнату, но онъ остановился на порогѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ онъ, — сова не должна входить въ гнѣздо жаворонка.

Она граціозно усѣлась на свое ложе. Козочка стояла у ея ногъ. Нѣсколько минутъ Эсмеральда и Квазимодо молчали и разсматривали онъ — такую красоту, она — такое безобразія. Каждую минуту она находила въ немъ новыя уродства: кривыя колѣни, горбъ, единственный глазъ, и не могла понять какъ существуютъ такія уродливыя созданья. Впрочемъ, въ немъ было столько грусти и нѣжности, что она начинала привыкать къ нему.

Квазимодо первый заговорилъ:

— Вы сказали мнѣ, чтобъ я вернулся?

Она кивнула головой, произнеся:

— Да.

Онъ понялъ знакъ головою.

— Увы,—нерѣшительно сказалъ онъ—вѣдь я... глухъ.

— Бѣдный!—проговорила съ видомъ сожалѣнія цыганка.

Онъ печально улыбнулся.

— Вы находите, что только этого мнѣ недоставало, неправда ли? Да, я глухъ. Это ужасно, что я такой, не правда ли? А вы, вы такъ прекрасны!

Въ голосѣ несчастнаго было такое глубокое сознаніе своего горя, что она не имѣла силы отвѣтить ему. — Да онъ и не услышалъ бы ее. Квазимодо продолжалъ:

— Я никогда не сознавалъ такъ свое безобразіе, какъ теперь. Когда я сравниваю себя съ вами, мнѣ жалко самого себя, бѣднаго урода! Я вамъ кажусь звѣремъ, не такъ ли? А вы, вы лучъ солнца, капля росы, пѣнье птицы! Я ужасенъ, ни звѣрь, ни человѣкъ, нѣчто худшее, чѣмъ попираемый ногами булыжникъ.

Онъ засмѣялся какимъ-то надрывающимъ душу смѣхомъ и продолжалъ:

— Да, я глухъ. Но вы можете говорить со мной знаками. У меня учитель, который такъ говоритъ со мной. Я скоро привыкну узнавать ваши желанья по движенью губъ, по глазамъ.

— Ну такъ скажите мнѣ,— проговорила она улыбаясь,—зачѣмъ вы спасли меня?

Онъ внимательно присматривался къ ней.

— Я понялъ,—сказалъ онъ.—Вы спрашиваете, зачѣмъ я васъ спасъ, Вы забыли несчастнаго, который, какъ-то ночью, хотѣлъ украсть васъ и которому вы же потомъ подали помощь. За эту каплю воды и за вашу жалость я могу заплатить только своею жизнью. Вы забыли этого несчастнаго, но онъ не забылъ васъ.

Она слушала его, глубоко тронутая. Слеза была въ глазу звонаря, но не скатилась внизъ, онъ удержалъ ее.

— Послушайте,— продолжалъ онъ, когда поборолъ эту слезу,— у насъ тутъ высокія башни, упасть съ одной изъ нихъ — вѣрная смерть; когда вы пожелаете, чтобъ я бросился съ нея, вамъ не нужно будетъ отдать приказаніе словами, одного взгляда будетъ достаточно.

Онъ всталъ. Это странное существо возбуждало сожалѣніе бѣдной цыганки. Она сдѣлала ему знакъ остаться.

— Нѣтъ, нѣтъ,— сказалъ онъ,— я не долженъ оставаться слишкомъ долго. Я не спокоенъ, когда вы смотрите на меня. Вы изъ жалости не отворачиваете отъ меня глазъ. Я пойду куда-нибудь, откуда буду видѣть васъ безъ того, чтобъ вамъ нужно было смотрѣть на меня. Это будетъ лучше.

Онъ вынулъ изъ кармана металлическій свистокъ.

— Возьмите,— сказалъ онъ,— когда вамъ будетъ нужно меня, когда захотите, чтобъ я пришелъ, когда вамъ не такъ будетъ противно видѣть меня, засвистите. Этотъ звукъ я слышу.

Онъ положилъ свистокъ на полъ и скрылся.

IV.

Песчаникъ и кристаллъ.

Дни проходили. Спокойствіе постепенно возвращалось въ душу Эсмеральды. Сильное отчаяніе, какъ и сильная радость, не могутъ долго продолжаться. Сердце человѣческое не выноситъ крайняго напряженія. Цыганка такъ изстрадалась, что теперь въ ней осталось только удивленіе.

Съ безопасностью вернулась къ ней надежда. Она была внѣ общества, внѣ жизни, но она смутно чувствовала возможность возвращенія къ нимъ. Она была какъ бы мертвецъ, у котораго есть ключъ отъ его гробницы.

Постепенно исчезали страшные образы, такъ долго мучившіе ее. Всѣ страшилища: Пьерра Тортрю, Жакъ Шармолю исчезали изъ ея головы, исчезъ даже священникъ.

Притомъ — Фебъ былъ живъ, она была въ этомъ увѣрена, она видѣла его.

Жизнь Феба — это было все. Послѣ всѣхъ тѣхъ несчастій, которыя потрясли ее, одно только чувство осталось нетронутымъ въ ея душѣ: любовь къ капитану. Любовь растетъ, какъ дерево, глубоко запускаетъ корни въ нашу душу и часто зеленѣетъ еще надъ разбитымъ сердцемъ.

Непостижимо то, что страсть, чѣмъ болѣе слѣпа, тѣмъ упорнѣе. Она тѣмъ тверже, чѣмъ менѣе имѣетъ основанія.

Конечно, Эсмеральда думала о капитанѣ съ нѣкоторой горечью. Это было ужасно, что онъ былъ обманутъ, что онъ повѣрилъ такой невозможной вещи, какъ ударъ кинжала отъ той, которая, тысячи жизней отдала бы за него. Но не такъ онъ виноватъ: развѣ она не созналась въ своемъ *преступленіи*? Развѣ она, слабая женщина, могла выдержать пытку? Она сама виновата. Она должна была дать истерзать себя прежде, чѣмъ произнести такое слово. Если бъ она хоть разъ увидала Феба, довольно было бы одного ея слова, одного взгляда, чтобъ разубѣдить его. Она въ этомъ не сомнѣвалась. Она старалась сама себя обманы-

вать, увѣряя себя, что молодая дѣвушка, которую она видѣла съ нимъ, сестра его. Она довольствовалась этой обманчивой мечтой, потому что у нея была потребность вѣрить, что Фебъ любитъ ее, ее одну. Онъ клялся ей въ этомъ, а что ей, довѣрчивой и простодушной, нужно было больше? Въ этомъ дѣлѣ всѣ внѣшнія доказательства были скорѣй противъ нея, чѣмъ противъ него. Она ждала, она надѣялась.

Обширный храмъ, который окружалъ и защищалъ ее, имѣлъ успокоительное вліяніе на нее. Торжественныя линіи архитектуры, святость предметовъ, окружавшихъ дѣвушку, религіозныя и свѣтлыя мысли, которыя навѣвали даже эти камни, помимо ея воли, дѣйствовали на нее. Звуки священные и торжественные смягчали ея больную душу. Монотонное пѣніе священнослужителей, отвѣты народа, дрожаніе стеколъ, органъ, звучащій какъ сотни трубъ, колокола, жужжащіе какъ рой пчёлъ,—весь этотъ оркестръ, гамма котораго перелетала отъ толпы къ колокольнѣ, какъ бы усыплялъ ея память, ея воображеніе, ея горе. Особенно колокола убаюкивали ее. Они точно магнитизировывали ее.

Каждый восходъ солнца находилъ ее болѣе успокоенной, менѣе блѣдной. По мѣрѣ того, какъ закрывались ея душевныя раны, красота ея расцвѣтала, но была болѣе спокойной и серіозной. Между тѣмъ, возвращался ея прежній характеръ, она дѣлалась иногда даже веселой, мило надувала губки, возвращалась любовь къ козочкѣ, стыдливость, желанье пѣть. Она одѣвалась утромъ въ дальнемъ углѣ комнаты, чтобъ кто-нибудь не увидалъ ее въ окно.

Когда мысль о Фебѣ не поглощала ее всю, она думала о Квазимодо. Онъ былъ единственнымъ звеномъ между ею и живыми людьми. Несчастная, она была болѣе, чѣмъ Квазимодо, отдалена отъ міра! Она не понимала друга, посланнаго ей судьбой. Она часто упрекала себя въ неблагодарности, но не могла привыкнуть къ бѣдному звонарю. Онъ былъ слишкомъ безобразенъ. Эсмеральда оставила на полу свистокъ, который онъ далъ ей. Это не помѣшало Квазимодо являться къ ней въ первые дни. Она старалась скрыть свое отвращеніе, когда онъ приносилъ ей ѣду и питье, но онъ замѣчалъ всякое ея движенье и грустно уходилъ.

Разъ онъ вошелъ, когда она ласкала Джали. Онъ постоялъ въ задумчивости надъ этой граціозной группой и, потрясая своей тяжелой головой, сказалъ:

— Мое несчастье, что я еще слишкомъ похожъ на человѣка. Я бы хотѣлъ быть совсѣмъ животнымъ, какъ эта коза.

Она удивленно посмотрѣла на него.

Онъ отвѣтилъ на этотъ взглядъ: „Я знаю почему", и ушелъ.

Другой разъ онъ показался въ дверяхъ кельи (онъ никогда не входилъ совсѣмъ), когда Эсмеральда пѣла старую испанскую балладу, слова которой она не понимала, но которая осталась у нея въ памяти съ тѣхъ поръ, какъ цыгане убаюкивали ее этой пѣсnью. При видѣ страшнаго лица въ дверяхъ, молодая дѣвушка невольно умолкла и сдѣлала движеніе испуга. Несчастный звонарь упалъ на колѣни и, сложивъ свои огромныя руки, горько проговорилъ:

— Умоляю васъ, продолжайте и не гоните меня.

— Она не хотѣла огорчить его и, еще дрожащая, продолжала свой романсъ. По мѣрѣ того, какъ она пѣла, страхъ ея прошелъ, и она поддалась вся впечатлѣнію пѣсни. Онъ остался на колѣняхъ со сложен-

ными, какъ для молитвы, руками и смотрѣлъ въ ея блестящіе глаза, какъ будто въ нихъ слушая пѣсню.

Другой разъ онъ какъ-то смущенно подошелъ къ ней.

— Послушайте, — сказалъ онъ съ усиліемъ, — мнѣ нужно сказать вамъ что-то.

Она сдѣлала знакъ, что слушаетъ его, но онъ началъ вздыхать, открылъ было губы, чтобъ заговорить, но взглянулъ на нее, сдѣлалъ отрицательное движеніе головой и ушелъ, оставивъ цыганку въ изумленіи.

Между уродливыми фигурами, высѣченными въ стѣнѣ, была одна, которую онъ особенно любилъ. Цыганка разъ услышала, какъ онъ говорилъ изображенію: „Зачѣмъ я не каменный, какъ ты!"

Однажды Эсмеральда приблизилась къ краю крыши и смотрѣла на площадь за стрѣлкой Сенъ-Жанъ-ле-Ронъ. Квазимодо находился за нею. Вдругъ цыганка вздрогнула, слезы и радость вмѣстѣ блеснули въ ея глазахъ, она опустилась на колѣни, протянула руки къ площади и воскликнула: „Фебъ! приди, приди! Дай сказать тебѣ одно слово, одно только слово! Фебъ, Фебъ!" Ея голосъ, ея движенье, все въ ней выражало ужасъ и мольбу тонущаго, видящаго веселый корабль, проходящій на горизонтѣ.

Квазимодо нагнулся и увидалъ, что предметомъ мольбы былъ молодой человѣкъ, блестящій нарядный капитанъ, который, заставляя красоваться своего коня, кланялся прекрасной дамѣ, улыбавшейся ему съ своего балкона. Офицеръ былъ слишкомъ далеко, чтобы услыхать возгласъ несчастной.

Зато бѣдный глухой услыхалъ, и тяжкій вздохъ вырвался изъ его груди. Его сердце было полно слёзъ, которыя онъ глоталъ; онъ судорожно сжалъ руками голову, а когда снова отнялъ ихъ, то въ каждомъ кулакѣ оказалось по клоку его рыжихъ волосъ.

Цыганка не обращала на него вниманія. Онъ произнесъ со скрежетомъ зубовъ: „Вотъ какимъ надо быть! красивымъ снаружи!"

— Онъ слѣзаетъ съ лошади! входитъ въ домъ! Фебъ! Фебъ! неужели ты не слышишь меня! — Эта злая женщина говоритъ съ нимъ, чтобъ онъ не услыхалъ меня! Фебъ! Фебъ!

Глухой смотрѣлъ на нее. Онъ понималъ ее. Онъ не давалъ течь своимъ слезамъ. Вдругъ онъ потянулъ ее за рукавъ. Она обернулась. Онъ спокойно сказалъ ей:

— Хотите, я пойду за нимъ?

Она радостно вскрикнула.

— Подите! поди, бѣги скорѣй! приведи мнѣ этого капитана! Я буду любить тебя!

Она обняла его колѣни. Онъ печально покачалъ головой.

— Я вамъ приведу его, — сказалъ онъ слабымъ голосомъ и, подавляя рыданья, бросился опрометью съ лѣстницы.

Когда онъ дошелъ до конца площади, то онъ увидалъ только лошадь, привязанную у подъѣзда дома Гондлорье, а капитанъ уже вошелъ въ домъ. Онъ поднялъ глаза на крышу храма. Эсмеральда стояла на томъ же мѣстѣ. Онъ кивнулъ ей головой и прислонился къ крыльцу дома, рѣшивъ дождаться выхода капитана.

Въ домѣ Гондлорье происходило одно изъ тѣхъ праздничныхъ собраній, которыя предшествуютъ браку. Квазимодо видѣлъ много людей,

входившихъ туда, но никто не возвращался. Время отъ времени онъ бросалъ взглядъ на крышу,—цыганка не двигалась со своего мѣста. Конюхъ отвязалъ лошадь и увелъ ее во дворъ.

Весь день прошелъ такъ: Квазимодо — у подъѣзда, Эсмиральда—на крышѣ, Фебъ—у ногъ Флёръ-де-Лисъ.

Разъ онъ вошелъ, когда она ласкала Джали.

Наконецъ, наступила ночь, ночь безлунная, темная. Квазимодо видѣлъ на крышѣ только что-то бѣлое, но и это исчезло во мракѣ.

Квазимодо видѣлъ, какъ зажглись огни въ домахъ и какъ они погасли; онъ продолжалъ караулить. Офицеръ не выходилъ.

Когда всѣ прохожіе возвратились къ себѣ домой, когда всѣ огни погасли, Квазимодо остался одинъ въ полномъ мракѣ.

Только окна въ квартирѣ Гондлорье были еще освѣщены, хотя время зашло за полночь. За цвѣтными стеклами Квазимодо видѣлъ

пляшущія тѣни. Если бъ онъ не былъ глухъ, онъ слышалъ бы звуки говора, смѣха и музыки.

Около часу ночи гости стали расходиться. Квазимодо оглядывалъ ихъ всѣхъ, но капитана между ними не было.

Грустныя думы овладѣвали звонаремъ; по временамъ онъ взглядывалъ кверху. Большія, тяжелыя разорванныя облака висѣли, какъ гамаки, подъ звѣзднымъ небомъ. Точно сѣти паутины.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что дверь балкона таинственно отворилась, и мужчина съ женщиной вышли на балконъ, тихо притворивъ дверь за собой. Съ трудомъ узналъ Квазимодо капитана и молодую женщину, которая утромъ привѣтствовала капитана. На площади было темно, а спущенная тяжелая драпировка передъ дверью не давала проникать свѣту изъ комнаты.

Молодые люди, насколько могъ судить нашъ глухой, не слышавшій ихъ словъ, были очень нѣжны: молодая дѣвушка позволила Фебу обнять себя и не очень сопротивлялась его поцѣлую.

Квазимодо присутствовалъ внизу при этой сценѣ и съ горечью наблюдалъ такое счастье. Природа не молчала въ несчастномъ; уродливое тѣло его могло трепетать, какъ и всякое другое. Онъ думалъ о томъ, какъ ужасна его судьба, о томъ, что женщина, любовь, страсть— всегда будутъ проходить мимо его и что онъ можетъ быть только зрителемъ чужого счастья. Но, что болѣе всего мучило его и заставляло негодовать, это была мысль о томъ страданіи, которое испытывала бы цыганка, если бъ могла видѣть то, что онъ видѣлъ. Но ночь была темна и даже, если Эсмеральда и не покинула крыши (въ чемъ онъ не сомнѣвался), она не могла различить, что происходило на балконѣ. Это утѣшало его.

Разговоръ становился оживленнѣе. Молодая дама, казалось, умоляла офицера не требовать отъ нея большаго. Квазимодо могъ разобрать поднятыя съ мольбой руки, полныя слёзъ глаза дѣвушки и страстный взглядъ мужчины.

По счастью дверь балкона внезапно открылась, явилась пожилая дама; красавица казалась сконфуженной, офицеръ — разсерженнымъ, и всѣ трое возвратились въ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ лошадь фыркала у подъѣзда и блестящій молодой человѣкъ проѣхалъ мимо Квазимодо.

Звонарь побѣжалъ за нимъ съ быстротою обезьяны и закричалъ:

— Эй! Капитанъ!

Капитанъ остановился,

— Что тебѣ надо, бродяга? — спросилъ онъ, замѣтивъ странную фигуру, бѣжавшую къ нему.

Квазимодо смѣло схватилъ лошадь за узду и сказалъ:

— Слѣдуйте за мной, капитанъ, съ вами желаютъ поговорить.

— Чортъ побери, — проворчалъ Фебъ, — я гдѣ-то видѣлъ эту зловѣщую птицу. Брось поводъ моей лошади, слышишь!

— Капитанъ,— отвѣтилъ глухой,—вы не спрашиваете кто, желаетъ видѣть васъ?

— Я говорю: отпусти мою лошадь,— съ нетерпѣніемъ сказалъ Фебъ, — чего повисъ на моей лошади? За висѣлицу ее принимаешь, что ли?

Квазимодо, не оставляя повода, поспѣшно сказалъ:

— Пойдемте, васъ ждетъ женщина. Женщина, которая любитъ васъ.

— Дуракъ,— сказалъ капитанъ,— точно я долженъ итти къ каждой женщинѣ, которая меня любитъ или увѣряетъ въ этомъ! Можетъ-быть она на тебя похожа, филинъ? Скажи ей, что я женюсь и чтобъ она убиралась къ чорту!

Однажды утромъ она увидала у себя на окнѣ двѣ вазы цвѣтовъ.

— Послушайте, господинъ! — воскликнулъ Квазимодо, думая однимъ словомъ убѣдить его: — пойдемте, это цыганка, которую вы знаете!

Это слово, дѣйствительно, произвело впечатлѣніе на Феба, но не то, которое ожидалъ глухой. Читатель помнитъ, что Фебъ ушелъ съ балкона прежде, чѣмъ Квазимодо спасъ осужденную изъ рукъ Шармолю. Съ тѣхъ поръ онъ не говорилъ о женщинѣ, воспоминаніе о которой было ему тяжело. да и Флёръ-де-Лисъ не нашла нужнымъ сообщить

ему, что цыганка жива. Фебъ думалъ, что бѣдная „Симиларъ" умерла мѣсяца два тому назадъ. Прибавимъ, что ночь была темная, что видъ посланника былъ страшный, голосъ замогильный, что была полночь, что улица была также безлюдна, какъ тогда, когда монахъ напалъ на него, и лошадь его захрапѣла.

— Цыганка!— воскликнулъ онъ въ испугѣ,—что же ты—пришлецъ съ того свѣта?—Онъ положилъ руку на эфесъ шпаги.

— Скорѣй, скорѣй, — говорилъ глухой, потягивая узду, — вотъ сюда!

Фебъ ударилъ его ногой въ грудь.

Глазъ Квазимодо засверкалъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ броситься на капитана, но удержался и сказалъ:

— Какъ вы счастливы, что кто-то васъ такъ любитъ!

Онъ сдѣлалъ удареніе на слово *кто-то* и, бросивъ поводъ, сказалъ:

— Уѣзжайте!

Фебъ ускакалъ. Глядя ему вслѣдъ, бѣдный глухой промолвилъ: Боже мой! отказаться отъ этого!

Онъ вернулся въ соборъ, зажегъ свѣтильникъ и пошелъ въ башню Какъ онъ и ожидалъ, цыганка была на томъ же самомъ мѣстѣ.

Какъ только она замѣтила Квазимодо, она полетѣла къ нему на встрѣчу.

— Одинъ!— горестно промолвила она.

— Я не могъ выслѣдить его,— холодно отвѣтилъ Квазимодо.

— Надо было ждать всю ночь! — горячо воскликнула она.

Онъ видѣлъ ея гнѣвное движеніе и понялъ упрекъ.

— Я постараюсь другой разъ,— сказалъ онъ, опуская голову.

— Поди прочь! — сказала она.

Квазимодо оставилъ ее. Она была недовольна имъ. Онъ уже предпочелъ вынести ея гнѣвъ, чѣмъ огорчить ее.

Съ этого дня цыганка не видала его: онъ пересталъ подходить къ ея кельѣ. Иногда она видѣла на какой-нибудь башнѣ наблюдающее за нею его лицо. Но, какъ только она замѣчала его, онъ исчезалъ.

Мы должны признаться, что она не огорчалась его отсутствіемъ, даже въ душѣ была рада. Квазимодо не дѣлалъ себѣ иллюзій по этому поводу.

Она не видѣла его, но чувствовала около себя присутствіе добраго генія. Ѣда приносилась ей во время ея сна. Одно утро она нашла на своемъ окнѣ клѣтку съ птицами. Надъ кельей была скульптурная голова, которая пугала ее. Она выказывала это передъ Квазимодо. Одно утро ея не оказалось, кто-то ночью разбилъ ее. Тотъ, кто влѣзъ туда, гдѣ было изваяніе, рисковалъ жизнью.

Иногда вечеромъ она слышала изъ-подъ колокольни какъ бы убаюкивающую ее грустную и странную пѣсню. Это были стихи безъ риѳмъ, которые можетъ сочинить и глухой.

Не смотри ты на лицо,
А смотри, дитя, на сердце.
Сердце юноши уродливо бываетъ,
И любовь не долго въ немъ живетъ.
Хоть сосна не такъ красива,
Не стройна, какъ тополь гибкій,

Но не вянетъ и зимою.
Но слова напрасны эти,
Не должно бы жить уродство;
Красота красу лишь любитъ.
Не сойтись веснѣ съ зимою.
Красотѣ возможно все,
Красота царитъ во всемъ,
Красоту не судятъ.
Воронъ только днемъ летаетъ,
А сова летаетъ ночью,
Лебедь день и ночь летаетъ.

Однажды утромъ она увидала у себя на окнѣ двѣ вазы цвѣтовъ, одна была хрустальная, но треснутая: вода вытекла изъ нея и цвѣты завяли, другая была изъ грубаго песчаника, но она сохранила воду и цвѣты въ ней оставались свѣжими.

Не знаю, было ли то случайно, но Эсмеральда взяла завянувшіе цвѣты и носила ихъ цѣлый день на груди.

Въ этотъ день она не слыхала пѣнія на колокольнѣ.

Она не обратила на это вниманія. Эсмеральда проводила дни, лаская Джали, наблюдая за подъѣздомъ дома Гондлорье, бесѣдуя вполголоса съ Фебомъ, кормя ласточекъ.

Бѣдный звонарь, казалось, совсѣмъ исчезъ изъ собора. Но одну ночь, когда думы о Фебѣ мѣшали ей спать, она услыхала вздохъ. Испугавшись, она встала и, при свѣтѣ луны, увидѣла темную массу, лежавшую поперекъ у ея двери. Квазимодо спалъ тамъ на голомъ камнѣ.

V.

Ключъ отъ красной двери.

Однако, общественная молва о чудесномъ спасеніи Эсмеральды дошла до слуха архидіакона. Онъ свыкся съ мыслью о смерти цыганки. Онъ былъ спокоенъ, онъ уже отстрадалъ. Человѣческое сердце можетъ вынести только извѣстную долю страданья. Когда губка насыщена водой, цѣлое море можетъ прокатиться по ней, не прибавивъ ей ни одной капли воды.

Со смертью Эсмеральды все было кончено на свѣтѣ для Клода. Но узнать, что и она и Фебъ живы, это было возобновленіе борьбы, страданій, жизни. А Клодъ усталъ отъ всего этого.

Когда священникъ узналъ эту новость, онъ заперся въ своей кельѣ. Онъ не являлся на службы. Дверь его была заперта даже для епископа. Такъ провелъ онъ нѣсколько недѣль. Думали, что онъ боленъ. И это была правда.

Съ какими мыслями бился онъ тамъ, въ одиночествѣ? Какъ боролся со своей роковой страстью? Обдумывалъ ли какой-нибудь новый способъ погубить ее и себя?

Его милый братъ Жеганъ, его баловливый ребенокъ, стучался въ его дверь, умолялъ, но не былъ допущенъ.

А Клодъ проводилъ дни, прислонивъ лицо къ стеклу окна. Изъ этого окна онъ видѣлъ келью Эсмеральды, онъ часто видѣлъ ее съ козочкой, иногда съ Квазимодо. Клодъ видѣлъ ухаживаніе за нею

глухого, его вниманіе, его послушаніе цыганкѣ. У него была хорошая память, главная мука ревнивцевъ, и онъ вспоминалъ странный взглядъ, брошенный звонаремъ на танцовщицу. Клодъ спрашивалъ себя о причинѣ, заставившей Квазимодо спасти ее. Онъ видѣлъ жесты цыганки и издали они ему казались нѣжными. Онъ не довѣрялъ женщинамъ. И въ немъ пробудилась ревность, которую онъ не ожидалъ и которая заставляла его краснѣть отъ стыда.— „Пусть еще капитанъ—съ возмущеньемъ думалъ онъ,— но этотъ!“

Ночи его были особенно мучительны. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что цыганка жива, его страхи передъ призраками исчезли, но возвратилась его физическая страсть. Онъ корчился на своей постели при одной мысли, что молодая смуглянка была такъ близко отъ него.

Каждую ночь онъ представлялъ себѣ Эсмеральду, то склонившуюся надъ заколотымъ кинжаломъ капитаномъ, съ бѣлою грудью, окрашенной его кровью, въ ту минуту, когда архидіаконъ прикоснулся блѣдными губами къ полуживымъ устамъ молодой дѣвушки, то полураздѣтой въ рукахъ мучителей, когда прелестную ножку ея мяли винты испанскаго сапога; онъ видѣлъ ея бѣлое колѣно, выглядывавшее изъ орудія пытки Тортрю; или воображалъ молодую дѣвушку въ рубашкѣ, босую, съ веревкой на шеѣ, какъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. При этихъ образахъ, онъ сжималъ кулаки, и дрожь пробѣгала у него по спинѣ.

Одну ночь эти образы такъ воспалили его, что онъ кусалъ свою подушку; наконецъ онъ всталъ, накинулъ плащъ прямо на бѣлье и, съ лампой въ рукахъ, какъ безумный, съ воспаленными глазами, вышелъ изъ своей кельи.

Клодъ зналъ гдѣ найти ключъ отъ Красной двери, соединявшей монастырь съ храмомъ, а ключъ отъ башенъ всегда былъ съ нимъ.

VI.

Продолженіе разсказа о ключѣ отъ Красной двери.

Въ эту ночь Эсмеральда заснула, полная забвенія, надеждъ и сладкихъ грезъ. Она спала уже нѣсколько времени, видя во снѣ, какъ всегда, Феба, какъ вдругъ услыхала шумъ около себя. У нея былъ очень чуткій сонъ. Она открыла глаза. Было темно. Тѣмъ не менѣе она увидала въ своемъ окнѣ, слабо освѣщенную фонаремъ, смотрящую на нее фигуру. Тотчасъ же свѣтъ потухъ, но Эсмеральда успѣла разглядѣть ее. Вѣки дѣвушки опустились отъ ужаса.

— О,— сказала она упавшимъ голосомъ,— священникъ!

Все ея горе, какъ молнія, охватило ее, и она упала на постель, почти безъ памяти.

Чрезъ мгновеніе она почувствовала прикосновеніе къ своему тѣлу, прикосновеніе, отъ котораго она встрепенулась и хотѣла въ ярости вскочить.

Священникъ былъ около нея и крѣпко охватилъ ее руками. Она хотѣла закричать, но не могла.

— Уйди, извергъ! Уйди, убійца! — шептала она дрожащимъ отъ негодованія и ужаса голосомъ.

— Будь милосердна,— говорилъ священникъ, цѣлуя ея плечи.

Она схватила его плѣшивую голову за остатки волосъ и старалась отдалить отъ себя его поцѣлуи, какъ ядовитые укусы.

— Милосердіе! — повторялъ несчастный. Если бъ ты знала мою любовь къ тебѣ! Это огонь, растопленное олово, тысячу ножей въ сердцѣ!

Онъ съ неестественной силой схватилъ ея руки.

— Пусти меня,— растерянно промолвила она,— пусти, или я плюну тебѣ въ лицо.

Священникъ отпустилъ ее.

— Унижай меня, бей меня, дѣлай со мной, что хочешь, но будь милосердна! Люби меня!

Тогда она начала бить его съ яростью ребенка. Своими прекрасными ручками она била его по лицу.

— Уходи, дьяволъ!

— Люби меня, любя меня! Пожалѣй меня! — кричалъ священникъ, прижимаясь къ ней, отвѣчая ласками на удары.

Вдругъ она почувствовала, что онъ сильнѣе ея.

— Пора кончить! — прошипѣлъ онъ сквозь зубы.

Она была побѣждена. разбита, вся дрожащая, она была въ его рукахъ, въ эго власти. Но сдѣлавъ послѣднее усиліе, она закричала:

— Спасите! Вампиръ! Вампиръ!

Никто не являлся на помощь, одна Джали проснулась и жалобно заблеяла.

— Молчи! — повторялъ задыхаясь священникъ.

Вдругъ, борясь съ нимъ, ползая по землѣ, цыганка ощутила подъ рукой своей что-то холодное, металлическое. Это былъ свистокъ Квазимодо. Она схватила его, съ порывомъ надежды поднесла къ губамъ и дунула въ него изъ послѣднихъ силъ. Свистокъ издалъ пронзительный, рѣзкій, чистый звукъ.

— Это что? — проговорилъ священникъ.

Въ ту же минуту онъ былъ приподнятъ сильными руками. Онъ не видѣлъ кто держалъ его, но слышалъ бѣшеный скрежетъ зубовъ и разглядѣлъ поднятое надъ нимъ лезвіе ножа.

Священнику показалось, что это Квазимодо, это не могъ быть никто другой. Онъ вспомнилъ, что чуть не оступился на какую-то массу, лежавшую у двери. Но онъ ничего не зналъ навѣрно. Клодъ схватилъ руку, державшую ножъ и закричалъ:

— Квазимидо!—забывъ, что тотъ глухъ.

Въ одно мгновеніе священникъ былъ брошенъ на полъ и ощутилъ желѣзное колѣно у себя на груди. По этому колѣну онъ узналъ Квазимодо. Но какъ поступить, чтобы Квазимодо могъ узнать его? Звонарь былъ глухъ, а ночь темна.

Священникъ растерялся. Молодая дѣвушка, какъ раздраженная тигрица, не думала спасать его. Остріе кинжала приближалось къ его головѣ. Была критическая минута. Вдругъ его врагъ поколебался:

— Кровь не должна коснуться ея,— сказалъ онъ глухо.

Это дѣйствительно былъ голосъ Квазимодо.

Тогда сильная рука вывокла священника за ноги изъ комнаты. Тамъ онъ долженъ былъ умереть. На его счастье луна въ это время выглянула изъ-за тучъ и упала на блѣдное лице священника. Квазимодо взглянулъ на него, задрожалъ, бросилъ его и попятился.

Цыганка увидала съ удивленіемъ, что роли перемѣнились. Теперь священникъ грозилъ, Квазимодо умолялъ.

Священникъ, осыпавшій его упреками, гнѣвно приказалъ ему знакомъ удалиться.

Глухой опустилъ голову, потомъ сталъ на колѣни передъ дверью цыганки.

— Ваше преподобіе,— сказалъ онъ покорнымъ, но торжественнымъ голосомъ,— вы сдѣлаете все, что вамъ будетъ угодно, но не прежде, какъ убьете меня.

Говоря это, онъ подалъ священнику свой ножъ. Священникъ хотѣлъ схватить ножъ, но молодая дѣвушка предупредила его, схватила оружіе изъ рукъ Квазимодо и громко разсмѣялась.

— Подойдите теперь,— сказала она священнику.

Она подняла ножъ. Священникъ остановился. Безъ всякаго сомнѣнія, она ударила бы его.

— Ты не смѣешь подойти трусъ!— закричала она. Потомъ прибавила безжалостно, такъ какъ знала, что это какъ каленымъ желѣзомъ пронзитъ ему сердце: — Я знаю, что Фебъ живъ!

Священникъ толкнулъ Квазимодо ногой и, дрожа обѣ бѣшенства, скрылся на лѣстницѣ.

Когда онъ ушелъ, Квазимодо поднялъ свистокъ, который спасъ цыганку, и подалъ его ей, говоря:

— А то онъ, было, совсѣмъ заржавѣлъ.

Потомъ онъ оставилъ ее одну. Молодая дѣвушка, измученная этой бурной сценой, упала въ изнеможеніи на свою постель и разразилась рыданьями. Ея горизонтъ снова затягивался тучами.

Священникъ ощупью вернулся въ свою келью. Клодъ рѣшительно ревновалъ цыганку къ Квазимодо. Онъ задумчиво повторилъ свое роковое слово:

— Никто не будетъ обладать ею.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

I.

У Гренгуара сразу появляется нѣсколько блестящихъ мыслей въ улицѣ Бернардинцевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гренгуаръ увидалъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, и что, оно, навѣрное, кончится веревкой, висѣлицей и другими непріятностями для главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, онъ уже старался не вмѣшиваться въ нее. Бродяги, съ которыми онъ продолжалъ жить, разсуждая, что въ концѣ-концовъ это все же лучшіе люди въ Парижѣ, не переставали интересоваться цыганкой. Онъ находилъ это очень естественнымъ со стороны людей, у которыхъ, какъ у нея, не было впереди ничего, кромѣ гг. Шармолю и Тортрю, и которые не летали, подобно ему въ фантастическихъ сферахъ на крылатомъ конѣ Пегасѣ. Изъ ихъ разговоровъ Гренгуаръ узналъ, что его супруга, вѣнчанная съ нимъ посредствомъ разбитой кружки, нашла себѣ пріютъ въ соборѣ Богоматери, и былъ этому очень радъ, но у него даже не явилось искушенія разыскать ее. Изрѣдка онъ вспоминалъ о козочкѣ— вотъ и все. Днемъ онъ давалъ атлетическія представленія, которыми кормился, а ночью корпѣлъ надъ обличительной статьей противъ епископа парижскаго, такъ какъ не могъ забыть, что однажды былъ забрызганъ водой его мельницы и не могъ ему этого простить. Кромѣ того, онъ былъ занятъ составленіемъ комментаріи къ прекрасному сочиненію Бодри-ле-Ружъ, епископа нойонскаго и турнейскаго, *„De cupa petrarum“*, вслѣдствіе чего онъ сильно заинтересовался архитектурой, и это искусство вытѣснило изъ его сердца страсть къ герметикѣ; впрочемъ, одно увлеченіе проистекало изъ другого, такъ какъ между герметикой и зодчествомъ существуетъ тѣсная связь. Гренгуаръ перешелъ отъ своего увлеченія идеей къ увлеченію формой.

Однажды онъ остановился близъ церкви св. Германа Оксерскаго, на углу зданія, называемаго Форъ-л'Эвекъ и находящагося напротивъ другого, по имени Форъ-ле-Руа. Около этого Форъ-л'Эвекъ была прелестная часовня въ стилѣ XIV столѣтія, фасадъ которой выходилъ на улицу. Гренгуаръ благоговѣйно разсматривалъ внѣшнія украшенія часовни. На него нашла одна изъ тѣхъ минутъ эгоистическаго, всепоглощающаго высшаго наслажденія, когда художникъ видитъ во всемъ мірѣ одно только искусство, и весь міръ только въ одномъ искусствѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Онъ обернулся. Позади него стоялъ его старинный другъ и бывшій наставникъ — архидіаконъ.

Гренгуаръ былъ пораженъ. Онъ уже давно не встрѣчался съ архидіакономъ, а патеръ Клодъ принадлежалъ къ числу тѣхъ величавыхъ и страстныхъ личностей, встрѣча съ которыми всегда нарушаетъ равновѣсіе въ душѣ философа-скептика.

Архидіаконъ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе, и Гренгуаръ тѣмъ временемъ разсмотрѣлъ его. Онъ нашелъ въ патерѣ Клодѣ большую перемѣну; онъ былъ блѣденъ, какъ зимнее утро; глаза у него впали и волосы почти посѣдѣли. Священникъ первый прервалъ молчаніе, говоря спокойнымъ, но ледянымъ тономъ:

— Какъ поживаете, метръ Пьеръ!

— Какъ поживаю? — переспросилъ Гренгуаръ. — Да, такъ себѣ. Но, вообще, еще ничего. Я очень умѣренъ. Вамъ вѣдь извѣстенъ секретъ вѣчнаго здоровья Гиппократа: *id est: cibi, potus, somni, venus, omnia moderata sint.*

— Стало-быть, у васъ нѣтъ никакой заботы, метръ Пьеръ? — спросилъ архидіаконъ, пристально смотря на Гренгуара.

— И то правда — нѣтъ.

— А что вы теперь дѣлаете?

— Видите, учитель, разсматриваю, какъ обтесаны эти камни и изваяны эти барельефы.

Священникъ улыбнулся той горькой улыбкой, которая только приподнимаетъ одинъ изъ угловъ рта.

— И это васъ занимаетъ?

— Это рай для меня, — отвѣчалъ Гренгуаръ, и нагнувшись надъ изваяніями съ восхищеннымъ видомъ объяснителя живыхъ феноменовъ, продолжалъ: — Развѣ вы не находите, что изгибы этого барельефа исполнены съ чрезвычайнымъ искусствомъ, тщательностью и терпѣніемъ? Взгляните на эту колонну. Гдѣ вы видали капитель, обвитую листьями болѣе нѣжными и тоньше изваянными? Вотъ три фреска Жана Мальевена. Это еще не самое совершенное произведеніе великаго генія. Тѣмъ не менѣе, наивность, мягкость выраженія лицъ, красота позъ и складокъ одежды, и какая-то неизъяснимая прелесть, примѣшивающаяся даже къ самымъ недостаткамъ, придаютъ фигурамъ необыкновенно пріятный и изящный, можетъ-быть, даже слишкомъ изящный характеръ. Вы не находите подобное занятіе очень интереснымъ?

— Нѣтъ, отчего же? — замѣтилъ священникъ.

— А если бы вы видѣли внутренность часовни! — продолжалъ поэтъ въ порывѣ болтливости. — Всюду изваянія. Ими покрыто все такъ густо, какъ кочанъ капусты листьями! Особенно хоры выдержаны въ такомъ строго-религіозномъ и оригинальномъ стилѣ, какъ мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть!

Патеръ Клодъ прервалъ его:

— Стало-быть, вы счастливы?

Гренгуаръ отвѣчалъ съ увлеченіемъ:

— Честное слово, да! Сначала я любилъ женщинъ, потомъ животныхъ. Теперь я люблю камни. Они не менѣе интересны, чѣмъ женщины и дѣти, но далеко не такъ коварны.

Священникъ поднесъ руку ко лбу своимъ обычнымъ жестомъ.

— Правда?

— Убѣдитесь сами, какое можно получить удовольствіе!

Онъ взялъ священника за руку, и повелъ его подъ сводъ башенки, откуда начиналась лѣстница Форъ-л'Эвека.

— Вотъ лѣстница! Каждый разъ, какъ я вижу ее, я счастливъ. Это одно изъ самыхъ простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкихъ сооруженій этого рода въ Парижѣ. Всѣ ступеньки скошены снизу. Ея красота и простота заключаются въ красотѣ именно этихъ ступеней, имѣющихъ въ ширину около фута; онѣ сплетаются, набѣгаютъ одна на другую, вдѣланы одна въ другую, какъ бы впиваются другъ въ друга твердо и вмѣстѣ съ тѣмъ изящно.

— И вы ничего не желаете?

— Ничего.

— И ни о чемъ не жалѣете?

— У меня нѣтъ ни желаній, ни сожалѣній. Я устроилъ свою жизнь.

— Что люди устраиваютъ, то обстоятельства разстраиваютъ.

— Я философъ школы Пиррона и стараюсь во всемъ сохранять равновѣсіе,— отвѣчалъ Гренгуаръ.

— А чѣмъ же вы живете?

— Пописываю кое-какія эпопеи и трагедіи; но больше всего мнѣ приноситъ мое ремесло, которое вамъ извѣстно — ношеніе пирамидъ изъ стульевъ въ зубахъ.

— Грубое ремесло для философа.

— Тоже требующее сохраненія равновѣсія,— сказалъ Гренгуаръ.— Когда человѣка занимаетъ мысль, онъ находитъ ей примѣненіе повсюду.

— Знаю,— отвѣчалъ архидіаконъ. Помолчавъ, священникъ продолжалъ: — Однако, у васъ довольно жалкій видъ.

— Жалкій, да; но не несчастный,

Въ эту минуту послышался стукъ лошадиныхъ копытъ, и собесѣдники увидали, что въ улицу въѣзжала рота стрѣлковъ королевскаго конвоя съ поднятыми вверхъ пиками, съ офицеромъ во главѣ. Кавалькада имѣла блестящій видъ, и звонъ копытъ гулко отдавался по мостовой.

— Какъ вы смотрите на этого офицера? — сказалъ Гренгуаръ архидіакону.

— Мнѣ кажется, я узнаю его.

— Какъ его фамилія?

— Мнѣ думается, это Фебъ де-Шатоперъ,— отвѣчалъ Клодъ.

— Рѣдкостное имя „Фебъ!“ Есть еще одинъ Фебъ — графъ де-Фуа. Я зналъ одну дѣвушку, у которой имя Фебъ не сходило съ языка.

— Пойдемте со мной, — сказалъ священникъ. — Мнѣ надо кое-что сказать вамъ.

Со времени появленія отряда подъ холодной наружностью архидіакона проглядывало какое-то волненіе. Онъ пошелъ. Гренгуаръ послѣдовалъ за нимъ по привычкѣ повиноваться ему, какъ всѣ, кому случалось приближаться къ этому человѣку, обладавшему удивительной властью всѣхъ подчинять себѣ. Они молча дошли до улицы Бернардинцевъ, довольно пустынной въ это время. Патеръ Клодъ остановился.

— Наставникъ, что вы имѣете сказать мнѣ? — спросилъ Гренгуаръ.

— Не находите ли вы, что мундиръ этихъ всадниковъ, которыхъ мы только-что видѣли, куда красивѣе моей рясы или вашего платья?— сказалъ архидіаконъ съ видомъ глубокаго размышленія.

Гренгуаръ покачалъ отрицательно головой.

— Мнѣ куда больше нравится мой красно-желтый казакинъ, чѣмъ ихъ желѣзная и стальная броня. Удивительное удовольствіе производить, идучи, такой шумъ, словно чугунная набережная при землетрясеніи?

— И вы никогда не завидывали этимъ красавцамъ въ военныхъ доспѣхахъ?

— Чему же завидовать? Ихъ силѣ, вооруженію, ихъ дисциплинѣ? Лучше быть независимымъ философомъ, хотя бы и ходить въ лохмотьяхъ. Я предпочитаю быть головкой мухи, чѣмъ хвостомъ льва.

— Удивительно! — задумчиво проговорилъ священникъ. — А все же мундиръ очень красивая вещь.

Гренгуаръ, видя, что онъ задумался, отошелъ, чтобы полюбоваться фасадомъ сосѣдняго дома. Онъ вернулся, хлопая въ ладоши.

— Если бъ вы не были такъ заняты красивыми мундирами военныхъ, г. архидіаконъ, я бы попросилъ васъ взглянуть на эту дверь. Я всегда говорилъ, что дверь дома сеньора Обри самая красивая въ мірѣ.

— Пьеръ Гренгуаръ, — спросилъ архидіаконъ, — куда дѣвалась та маленькая плясунья-цыганка?

— Эсмеральда? Какой рѣзкій переходъ въ разговорѣ!

— Она, кажется, была вашей женой?

— Да, насъ повѣнчали разбитой кружкой. На четыре года... Кстати,— прибавилъ Гренгуаръ, смотря на архидіакона нѣсколько плутовски,— вы ее еще не забыли?

— А вы, забыли?

— Почти... У меня столько дѣла... Боже, что за прелесть была ея козочка!

— Вѣдь цыганка, кажется, спасла вамъ жизнь?

— Чортъ возьми, это правда!

— Ну, такъ, что сталось съ нею? Что вы съ ней сдѣлали?

— Не могу вамъ сказать. Ее, кажется, повѣсили.

— Вы думаете?

— Однако, не вполнѣ увѣренъ въ этомъ. Когда я увидалъ, что дѣло пахнетъ висѣлицей, я поспѣшилъ убраться.

— Это все, что вы знаете?

— Постойте! Мнѣ говорили, что она нашла убѣжище въ соборѣ Богоматери и что тамъ она въ безопасности. Я очень радъ этому, не знаю только спаслась ли козочка вмѣстѣ съ ней, и вотъ все, что я знаю.

— Я скажу вамъ нѣсколько больше,— предложилъ патеръ Клодъ, и голосъ его, до тѣхъ поръ тихій, медленный и почти глухой, загремѣлъ какъ громъ.— Она, дѣйствительно, нашла убѣжище въ соборѣ: но черезъ три дня правосудіе снова овладѣетъ ею, и ее повѣсятъ на Гревской площади. Это уже постановлено парламентомъ.

— Это досадно, — замѣтилъ Гренгуаръ.

Къ священнику въ одно мгновеніе вернулось его ледяное спокойствіе.

— Какому дьяволу понадобилось добиваться вторичнаго ареста? — спросилъ поэтъ. Нельзя было оставить парламента въ покоѣ? Кому убытокъ отъ того, что бѣдная дѣвушка скрывается подъ стрѣльчатыми сводами собора, тамъ, гдѣ ласточки вьютъ свои гнѣзда?

— Есть на свѣтѣ такіе демоны,— отвѣчалъ архидіаконъ.

— Однако, дѣло принимаетъ дьявольски скверный оборотъ,— замѣтилъ Гренгуаръ.

Архидіаконъ помолчалъ и затѣмъ снова спросилъ:

— Итакъ, она спасла вамъ жизнь?

— Да, когда меня чуть было не повѣсили мои друзья, бродяги... Пожалѣли бы теперь.

— Вы не желаете сдѣлать что-нибудь для нея?

— Очень бы желалъ, патеръ Клодъ, только боюсь не нажить бы себѣ хлопотъ.

— Ну вотъ, важность!

— Для васъ-то, конечно, не важность; ну, а у меня начаты двѣ большія работы.

Священникъ ударилъ себя по лбу. Несмотря на все его стараніе казаться спокойнымъ, по временамъ рѣзкій жестъ выдавалъ его душевныя муки.

— Какъ ее спасти?

Гренгуаръ сказалъ ему:

— Я вамъ отвѣчу, наставникъ: *Il padelt*, что значитъ по-турецки: Богъ наша надежда.

— Какъ спасти ее? — задумчиво повторилъ Клодъ.

Гренгуаръ, въ свою очередь, ударилъ себя по лбу.

— Послушайте; у меня бываютъ минуты вдохновенія. Я найду способъ. — Не попросить ли помилованія у короля?

— Помилованія, у Людовика XI?

— Отчего же нѣтъ?

— Отнимите кость у тигра!

Гренгуаръ началъ придумывать другой исходъ.

— Ну, вотъ, слушайте! — Хотите, я обращусь къ повивальнымъ бабкамъ съ заявленіемъ, что эта дѣвушка беременна?

Впавшіе глаза патера сверкнули.

— Беременна! Дуракъ! Развѣ ты имѣешь основаніе утверждать это?

Видъ его испугалъ Гренгуара. Онъ поспѣшилъ сказать:

— Я не имѣю никакого основанія. Нашъ бракъ былъ настоящимъ *foris maritagium*. Я тутъ не при чемъ. Но, такимъ образомъ, можно добиться отсрочки.

— Безумство! Позоръ! Замолчи!

— Напрасно вы сердитесь, — пробормоталъ Гренгуаръ. — Отсрочка никому бы не принесла вреда, а повивальныя бабки—тоже не богатыя женщины — заработали бы сорокъ парижскихъ денье.

Священникъ не слушалъ его.

— Ее надо какъ-нибудь вывести оттуда! — говорилъ онъ. — Приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе черезъ три дня. Но, если бъ даже не было приговора, этотъ Квазимодо... У женщинъ такой извращенный вкусъ!..— Онъ возвысилъ голосъ: — Метръ Пьеръ, я разсудилъ, что есть только одно средство къ спасенію.

— Именно?.. Я его не вижу.

— Послушайте, метръ Пьеръ, вспомните, что вы обязаны ей спасеніемъ жизни. Я вамъ выскажу свой планъ. За церковью наблюдаютъ день и ночь. Изъ нея выпускаютъ только тѣхъ, кого видѣли входящими. Вы, стало-быть, можете войти. Я проведу васъ къ ней. Вы по

мѣняетесь съ ней платьемъ. Она надѣнетъ вашъ казакинъ, вы — ея юбку.

— До сихъ поръ все идетъ отлично, — замѣтилъ философъ. — А дальше?

— Дальше? Она уйдетъ въ вашемъ платьѣ; вы останетесь въ ея. Васъ, можетъ-быть, повѣсятъ; но она будетъ спасена.

Гренгуаръ почесалъ у себя за ухомъ съ очень серіознымъ видомъ.

— Да, вотъ мысль, которая ни за что не пришла бы мнѣ въ голову сама по себѣ.

При неожиданномъ предложеніи патера Клода, открытое, добродушное лицо поэта омрачилось, какъ веселый итальянскій пейзажъ когда нагнанное порывомъ вѣтра облако закрываетъ собою солнце.

— Ну, что же вы скажете на мой планъ, Гренгуаръ?

— Я скажу, что меня повѣсятъ не „можетъ-быть“, а навѣрное.

— Это ужъ насъ не касается.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Гренгуаръ.

— Она спасла васъ. Вы только уплатите ей свой долгъ.

— Есть за мной и другіе долги, которыхъ я не плачу.

— Метръ Пьеръ, это необходимо.

Архидіаконъ говорилъ повелительнымъ тономъ.

— Послушайте, патеръ Клодъ, — отвѣчалъ совершенно сбитый съ толку Гренгуаръ. — Вы настаиваете на выполненіи вашего плана, и совершенно напрасно. Я не вижу причины, почему мнѣ итти на висѣлицу за кого-нибудь другого.

— Что же васъ такъ привязываетъ къ жизни?

— Тысяча причинъ.

— Напримѣръ?

— Ну, хоть бы солнце, утро, вечеръ, лунный свѣтъ, мои друзья-бродяги, покойники, чудныя произведенія парижскаго зодчества, которыя я изучаю, три толстыхъ книги, которыя намѣреваюсь написать, между прочимъ, одну противъ епископа и его мельницъ. Да мало ли еще что... Анаксагоръ говорилъ, что онъ живетъ, чтобы любоваться солнцемъ. Кромѣ того, я имѣю счастье проводить всѣ дни съ утра до вечера съ геніемъ, т.-е. съ самимъ собой, что весьма пріятно.

— Пустозвонъ!—пробормоталъ архидіаконъ.—Ну, а кто сохранилъ тебѣ жизнь, которую ты находишь столь пріятной? Кому ты обязанъ тѣмъ, что дышишь этимъ воздухомъ, что видишь небо и что твой птичій умъ еще тѣшится пустяками и глупостями? Безъ этой дѣвушки, гдѣ бы ты былъ? И ты, обязанный ей своей жизнью, хочешь допустить, чтобъ она умерла? Ты хочешь смерти этого прелестнаго, кроткаго, очаровательнаго созданія, безъ котораго, кажется, свѣтъ померкнетъ. А ты, полусумасшедшій, пустой набросокъ чего-то, какое-то растеніе, воображающее себѣ, что оно думаетъ и движется, ты будешь пользоваться жизнью, которую укралъ, которая такъ же безполезна, какъ свѣча въ яркій полдень? Пожалѣй ее, Гренгуаръ! Будь великодушенъ! Она показала тебѣ примѣръ.

Священникъ говорилъ страстно. Гренгуаръ слушалъ его сначала равнодушно, затѣмъ растрогался, и, наконецъ, на лицѣ его появилась трагическая гримаса, сдѣлавшая его похожимъ на новорожденнаго, у котораго рѣзь въ желудкѣ.

— Какъ вы увлекательно говорите! — сказалъ онъ, отирая слезу.— Ну, хорошо; я подумаю... Оригинальная вамъ пришла мысль... Въ концѣ концовъ, — продолжалъ онъ помолчавъ, — кто знаетъ? Можетъ случиться, что меня и не повѣсятъ. Вѣдь не всегда женится тотъ, кто присватался. Найдя меня въ кельѣ, въ такомъ смѣшномъ нарядѣ— юбкѣ и чепцѣ, они, можетъ-быть, только разсмѣются. — Ну, а смерть отъ веревки развѣ не такая же смерть, какъ всякая другая или, лучше сказать, не похожа на всякую другую? Смерть на висѣлицѣ — смерть, достойная мудреца, который колебался всю свою жизнь; эта смерть—ни рыба ни мясо, какъ умъ истиннаго скептика, смерть, носящая отпечатокъ пирронизма и нерѣшительности, парящая въ пространствѣ между небомъ и землей, гдѣ вы висите въ воздухѣ. Это смерть, приличная философу, и мнѣ, она можетъ быть предопредѣлена. Великолѣпно умереть такъ, какъ жилъ.

Патеръ прервалъ его:

— Такъ рѣшено?

— Что такое смерть, въ концѣ концовъ? — продолжалъ Гренгуаръ съ увлеченіемъ.—Одно непріятное мгновеніе, необходимая дань, переходъ отъ ничтожества къ небытію. Когда кто-то спросилъ философа Церерцидаса, охотно ли бы онъ умеръ, тотъ отвѣтилъ: — Отчего и не умереть, разъ я въ загробной жизни увижу великихъ людей — Пиѳагора изъ философовъ, Геката изъ историковъ, Гомера изъ поэтовъ, Олимпа изъ музыкантовъ.

Архидіаконъ протянулъ ему руку.

— Итакъ, рѣшено? Вы вернетесь сюда завтра.

Этотъ жестъ возвратилъ Гренгуара къ дѣйствительности.

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ тономъ человѣка, только что проснувшагося отъ сна. — Быть повѣшену! Это слишкомъ несообразно! Я не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте! — И архидіаконъ прибавилъ сквозь зубы: — Я съумѣю расправиться съ тобою!

— „Не хочу я, чтобъ этотъ человѣкъ сердился на меня,“ — подумалъ Гренгуаръ и поспѣшилъ за патеромъ Клодомъ. — Зачѣмъ ссориться старымъ друзьямъ, г. архидіаконъ! Вы принимаете участіе въ этой дѣвушкѣ, тоесть, въ моей женѣ — хорошо. Вы придумали планъ, чтобы вывести ее невредимой изъ собора, но предлагаемое вами средство весьма непріятно для меня, Гренгуара. — А что, если я вамъ предложу свой планъ?.. Предупреждаю васъ, что у меня сію минуту мелькнула блестящая мысль. Что вы скажете, если я придумалъ средство вывести ее изъ затруднительнаго положенія, не подвергая своей шеи опасности свести знакомство съ петлей? Вѣдь вы этимъ удовлетворитесь? Развѣ для вашего удовольствія необходимо, чтобъ меня повѣсили?

Священникъ въ нетерпѣніи рвалъ пуговицы своей рясы.

— Мельница!.. Говори, что придумала!

— Да, — продолжалъ Гренгуаръ, разговаривая самъ съ собой и поднося указательный палецъ къ носу въ знакъ размышленія, — такъ! Бродяги — славные ребята... Цыгане любятъ ее... Нѣтъ ничего легче... Однимъ разомъ!.. Въ сумятицѣ ее легко будетъ похитить... Хоть завтра вечеромъ... Они будутъ очень рады.

— Говори же, что ты придумалъ? — настаивалъ священникъ, тряся его.

Гренгуаръ величественно повернулся къ нему.

— Оставьте! Видите, я сочиняю. — Онъ подумалъ еще нѣсколько секундъ, затѣмъ захлопалъ въ ладоши крича:

— Великолѣпно! Успѣхъ вѣрный!

— Говори же, что ты придумалъ?

Гренгуаръ сіялъ.

— Я скажу вамъ шопотомъ. Презабавная выдумка, которая всѣхъ насъ выведетъ изъ затрудненія. Чортъ возьми! Надо согласиться, что я не дуракъ.

Онъ самъ прервалъ себя:

— А козочка съ Эсмеральдой?

— Да! Чортъ тебя побери!

— Вѣдь, и ее они бы повѣсили?

— А мнѣ какое дѣло?

— Да, навѣрное, повѣсили бы. Вотъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ повѣсили же свинью. Палачу это выгодно. Онъ съѣдаетъ потомъ мясо повѣшеннаго животнаго. Повѣсить мою прелестную Джали! Мою бѣдную козочку!

— Проклятіе! — вскричалъ Клодъ. — Ты самъ палачъ! Ну, что же ты придумалъ, чудакъ? Надо, что ли, вытаскивать изъ тебя мысль щипцами, чтобъ ты разрѣшился ею?

— Тише, учитель; слушайте!

Гренгуаръ наклонился къ уху архидіакона и сталъ ему что-то сообщать шопотомъ, тревожно оглядывая улицу, гдѣ, впрочемъ, въ это время не видно было ни души. Когда онъ кончилъ, патеръ Клодъ пожалъ ему руку, сказавъ холодно:

— Хорошо... До завтра.

— До завтра, — повторилъ Гренгуаръ.

Они разстались — архидіаконъ направился въ одну сторону, Гренгуаръ — въ другую, бормоча въ полголоса:

— Важно ты это придумалъ, метръ Гренгуаръ. Что же такое! Изъ того, что ты маленькій человѣчекъ, еще не слѣдуетъ, что ты станешь бояться большого дѣла. Битонъ носилъ большого быка на плечахъ; вѣдь, перелетаютъ же океанъ плистовки, малиновки и каменки.

II.

Дѣлайся бродягой.

Вернувшись въ монастырь, архидіаконъ встрѣтился у дверей съ братомъ, Жеганомъ дю-Муленомъ, который, поджидая его, сокращалъ себѣ скучное ожиданіе, рисуя на стинѣ профиль старшаго брата, украшая его огромнымъ носомъ.

Патеръ Клодъ едва взглянулъ на брата. Онъ былъ занятъ иными мыслями. Веселое лицо повѣсы, не разъ заставлявшее своимъ радостнымъ видомъ проясняться мрачную физіономію священника, оказалось на этотъ разъ безсильнымъ разогнать туманъ, все болѣе и болѣе сгущавшійся надъ этимъ духомъ, въ которомъ все было испорчено, который былъ наполненъ удушающей атмосферой стоячаго болота.

— Братецъ, — робко началъ Жеганъ, — я пришелъ къ вамъ...

Архидіаконъ даже не поднялъ глазъ.

— Ну, что жъ?

— Братецъ, — продолжалъ лицемѣръ, — вы такъ добры ко мнѣ и даете мнѣ всегда такіе хорошіе совѣты, что я постоянно возвращаюсь къ вамъ...

— Дальше что?

— Увы, я убѣдился, что вы были правы, говоря мнѣ: Жеганъ! Жеганъ! *Cessat doctorum doctrina, discipulorum disciplina;* будь благоразуменъ, Жеганъ, учись, не отлучайся изъ коллегіи безъ законной причины и безъ позволенія наставника! Не бей пикардійцевъ, *noli, Joannes, verberare Picardos*. Не покрывайся плѣсныю, лежа на школьной соломѣ, какъ безграмотный оселъ, *quasi asinus illiterattus*. Жеганъ, подчиняйся наказанію, налагаемому наставникомъ; ходи каждый вечеръ въ часовню и пой тамъ каноны, стихиры и величанія Пресвятой Дѣвѣ Маріи... Ахъ, какіе то были превосходные совѣты.

— Ну, а дальше что?

— Братецъ, вы видите передъ собой виновнаго, преступника, развратника, чудовище! Дорогой братецъ, Жеганъ потопталъ ногами, какъ солому и навозъ, ваши совѣты. Я жестоко за это наказанъ, и Господь необычайно справедливъ. Пока у меня были деньги, я гулялъ, кутилъ, дѣлалъ глупости... О, какъ отвратительна обратная сторона разгула! Теперь у меня ужъ нѣтъ ни гроша, я спустилъ скатерть, послѣднюю рубашку и полотенце! Теперь конецъ веселью! Яркая свѣча догорѣла, и остался одинъ сальный огарокъ, отъ вони котораго приходится затыкать носъ. Дѣвчонки смѣются надо мной. Приходится пить только воду. Раскаяніе и кредиторы преслѣдуютъ меня.

— Ну, и выводъ изъ всего этого? — спросилъ архидіаконъ.

— Увы, братецъ! мнѣ бы очень хотѣлось начать вести порядочную жизнь. Я прихожу къ вамъ, полный раскаянія. Я приношу покаяніе во всемъ и бью себя въ грудь кулаками. Вы были совершенно правы, высказавъ желаніе, чтобы я получилъ ученую степень и сдѣлался помощникомъ наставника въ коллегіи Торши. Именно теперь я почувствовалъ глубокое къ этому призваніе. Но у меня нѣтъ даже чернилъ; надо купить новый запасъ; нѣтъ перьевъ — и ихъ надо купить; нѣтъ ни бумаги, ни книгъ — все надо купить. Для этого мнѣ необходимо немного финансовъ. Вотъ я и пришелъ къ вамъ, братецъ, съ полнымъ раскаяніемъ.

— Это все?

— Да... немного денегъ.

— У меня ихъ нѣтъ.

Тогда Жеганъ заявилъ серіозно и рѣшительно:

— Въ такомъ случаѣ, братецъ, мнѣ очень прискорбно, но я долженъ вамъ заявить, что мнѣ дѣлаютъ весьма выгодныя предложенія совершенно съ другой стороны. Вы не хотите дать мнѣ денегъ?.. Нѣтъ?.. Мнѣ только остается сдѣлаться бродягой.

Произнеся это ужасное слово, Жеганъ принялъ позу Аякса, ожидающаго, что его поразитъ молнія.

Архидіаконъ отвѣчалъ холодно:

— Дѣлайся бродягой.

Жеганъ низко поклонился и, посвистывая, спустился съ монастырской лѣстницы.

Въ ту минуту, какъ онъ проходилъ монастырскимъ дворомъ подъ окномъ кельи брата, онъ услыхалъ, что окно отворилось; поднявъ голову, онъ увидалъ, что въ окно высунулось строгое лицо архидіакона.

— Убирайся къ чорту! — крикнулъ патеръ Клодъ. — Вотъ послѣднія деньги, которыя ты видишь отъ меня.

Говоря это, священникъ бросилъ внизъ кошелекъ, который посадилъ студенту на лобъ шишку. Жеганъ ушелъ и огорченный и вмѣстѣ съ тѣмъ довольный, какъ собака, которую бы забросали мозговыми костями.

III.

Да здравствуетъ веселье!

Читатель, можетъ-быть, еще не забылъ, что оградой части Двора Чудесъ служила старинная городская стѣна, многія башни которой уже начинали разваливаться. Одну изъ этихъ башенъ бродяги приспособили для своихъ увеселеній. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался кабакъ, а все прочее — въ верхнихъ этажахъ. Эта башня была самое оживленное, а слѣдовательно, и самое отвратительное мѣсто въ резиденціи бродягъ. Тутъ былъ какъ бы огромный улей, жужжавшій день и ночь. Ночью, когда бродяги спали, когда уже не свѣтилось огня ни въ одномъ окошкѣ домишекъ, окружавшихъ площадь, когда все затихало въ этихъ безчисленныхъ лачугахъ, кишѣвшихъ ворами, разгульными женщинами, незаконными и крадеными дѣтьми, веселую башню можно было узнать по ея шуму, по красному свѣту, лившемуся изъ ея оконъ, отдушинъ, трещинъ разсѣвшихся стѣнъ, такъ сказать, вырывавшемуся изъ всѣхъ ея поръ.

Итакъ, въ подвальномъ этажѣ помѣщался кабакъ. Въ него спускались черезъ низенькую дверь по лѣстницѣ, крутой, какъ классическій александрійскій стихъ. На двери вывѣску замѣняла мазня, изображавшая новыя монеты и зарѣзанныхъ цыплятъ, съ каламбуромъ внизу: *„Кабачекъ звонарей по усопшимъ“*.

Однажды вечеромъ, когда на парижскихъ колокольняхъ давали сигналъ къ тушенію огней, ночные стражи — если бъ имъ только удалось проникнуть въ страшный „Дворъ Чудесъ“ — могли бы замѣтить, что въ притонѣ бродягъ было еще шумнѣе, чѣмъ обыкновенно, что тамъ пили и ругались еще больше обычнаго. Передъ дверью собирались многочисленныя группы, разговаривавшія, понизивъ голосъ, какъ бы обсуждая какой-то важный проектъ, а мѣстами виднѣлись оборванцы, оттачивавшіе старые желѣзные ножи о камень.

Между тѣмъ, въ самой тавернѣ вино и игра такъ отвлекали бродягъ отъ мыслей, занимавшихъ въ этотъ вечеръ всѣ умы, что трудно было бы догадаться изъ отрывковъ рѣчей пирующихъ о чемъ, собственно, шла рѣчь. Замѣтно было только, что они были веселѣе обыкновеннаго и что у всѣхъ блестѣло какое-нибудь оружіе — кривой ножъ, топоръ, тяжеловѣсный палашъ, или прикладъ старой пищали.

Зала, круглая по своей формѣ, была очень обширна, но столы стояли такъ тѣсно и пьющихъ было такъ много, что все, находившееся въ тавернѣ — мужчины, женщины, скамьи, пивныя кружки, все, что тутъ пило, спало, играло, здоровые, калѣки — все перемѣшалось въ безпорядкѣ, какъ устричныя раковины въ кучѣ. Кое-гдѣ на столахъ

горѣли сальныя свѣчи; но главное освѣщеніе, замѣнявшее въ тавернѣ люстру оперной залы, было пламя огня въ каминѣ. Подвалъ былъ настолько сыръ, что даже лѣтомъ въ немъ постоянно въ огромномъ каминѣ съ рѣзнымъ навѣсомъ, заваленнымъ тяжелыми желѣзными щипцами и кухонными принадлежностями, ярко пылали дрова и торфъ и такимъ огнемъ, какой, горя въ кузницѣ, даетъ ночью отраженіе ея оконъ въ огромныхъ размѣрахъ на стѣнахъ противуположныхъ домовъ деревенской улицы. Большая собака, важно возсѣдавшая у камина вертѣла передъ горящими угольями вертелъ съ мясомъ.

Однако, несмотря на весь хаосъ, оглядѣвшись, можно было отличить въ этой толпѣ три группы, толпившіяся вокругъ трехъ личностей, уже знакомыхъ читателю. Одна изъ этихъ личностей въ странномъ нарядѣ изъ какихъ-то пестрыхъ восточныхъ лохмотьевъ, былъ Матіасъ Хунгади-Спикали, герцогъ египетскій и цыганскій. Бродяга возсѣдалъ на столѣ, по-турецки, поднявъ указательный палецъ кверху и посвящая громкимъ голосомъ въ тайны бѣлой и черной магіи слушателей, разинувшихъ рты отъ удивленія.

Другая кучка толпилась вокругъ нашего стариннаго пріятеля, храбраго короля тунскаго, вооруженнаго съ головы до пятъ. Клопенъ Труйльфу, очень дѣловито, тихимъ голосомъ, возстановлялъ порядокъ въ кучкѣ бродягъ, грабившихъ огромную бочку съ выбитымъ дномъ, наполненную оружіемъ: топоры, сабли, кольчуги, наконецъ, наконечники для стрѣлъ, копій и алебардъ, луки и вертящіяся стрѣлы сыпались оттуда, какъ виноградъ изъ рога изобилія. Каждый бралъ изъ кучи: кто темлякъ, кто шпагу, кто мечъ съ крестообразной рукояткой. Даже дѣти вооружались, даже безногіе калѣки заковывались въ броню и латы и, какъ огромные жуки, ползали между ногъ пирующихъ.

Наконецъ, третья группа, самая многочисленная, шумная и веселая, занимала скамьи и столы вокругъ какого-то человѣка, пискливый голосъ котораго, ораторствуя и ругаясь, раздавался изъ-подъ тяжелыхъ доспѣховъ полнаго вооруженія, съ каской и шпорами. Человѣкъ, навьючившій на себя эту тяжесть, совершенно исчезалъ подъ своимъ вооруженіемъ, такъ что отъ всей его особы виднѣлись только дерзкій, красный, курносый носъ, прядь бѣлокурыхъ волосъ, румяный ротъ и смѣлые глаза. За поясомъ у него было заткнуто нѣсколько ножей и кинжаловъ, сбоку справа болтался большой мечъ, а слѣва—заржавленный самострѣлъ. Передъ нимъ стояла объемистая кружка вина, а рядомъ съ ними сидѣла толстая безобразная дѣвушка. Всѣ рты вокругъ хохотали, ругались и пили.

Прибавивъ еще группъ двадцать второстепенныхъ, слугъ и служанокъ, бѣгавшихъ съ кружками пива, игроковъ, нагнувшихся надъ шарами и костями, игравшихъ въ мельницу, палочку и другія азартныя игры; ссоры въ одномъ углу комнаты, поцѣлуи въ другомъ,— и тогда можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ общемъ видѣ этой картины, освѣщенной колеблющимся свѣтомъ яркаго огня, пылавшаго въ каминѣ и заставлявшаго плясать на стѣнѣ множество огромныхъ уродливыхъ тѣней.

Шумъ, царившій въ тавернѣ, придавалъ ей сходство съ внутренностью колокола во время трезвона.

Сковородка, на которой шипѣло сало, наполняла своимъ неумолкаемымъ трескомъ промежутки между разнородными разговорами, перекрещивавшимися во всѣхъ направленіяхъ.

Среди всего этого гама, въ глубинѣ таверны, на скамьѣ возлѣ очага сидѣлъ, положивъ ноги на пепелъ и устремивъ взоръ на горящіе уголья, философъ, погруженный въ свои мысли. Это былъ Пьеръ Гренгуаръ.

— Ну, скорѣй! Вооружайтесь живѣй! — черезъ часъ выступать, — говорилъ Клопенъ Труйльфу своей компаніи. Одна изъ женщинъ запѣла:

Bonsoir, mon père et ma mère!
Les derniers couvrent le feu [1]).

Двое игроковъ спорили:

—Валетъ! — кричалъ, весь разгорѣвшись, одинъ изъ нихъ, показывая кулакъ другому. — Покажу я тебѣ трефы.

— Уфъ! — рычалъ нормандецъ, котораго можно было узнать по его гнусавому произношенію.—Здѣсь напихано столько народу, что святыхъ въ Кальювиллѣ.

— Дѣти мои, — говорилъ фальцетомъ герцогъ Египетскій, обращаясь ко всей аудиторіи: — французскія вѣдьмы летаютъ на шабашъ безъ метлы, безъ сала, не на какомъ-либо звѣрѣ, а только при помощи магическаго слова. Итальянскихъ колдуній у ихъ двери всегда ждетъ козелъ. Но всѣ обязательно вылетаютъ въ трубу.

Голосъ юноши, вооруженнаго съ головы до ногъ, покрывалъ весь гамъ.

— Праздникъ! Праздникъ! — кричалъ онъ. — Я сегодня впервые надѣлъ оружіе! Бродяга! Я теперь бродяга! Налейте мнѣ вина! Друзья, меня зовутъ Жеганъ Фролло дю-Муленъ, я дворянинъ. Братья, мы предпринимаемъ славную экспедицію. Мы храбрецы. Мы осадимъ соборъ, выломаемъ двери, выведемъ красавицу, спасемъ ее отъ судей, отъ священниковъ, разнесемъ монастырь, сожжемъ епископа въ его домѣ и сдѣлаемъ все это въ меньшій срокъ, чѣмъ надо бургомистру, чтобъ съѣсть ложку супу. Наше дѣло правое; мы ограбимъ соборъ Богоматери — и баста! Квазимодо повѣсимъ! Знаете вы Квазимодо, сударыня? Видали ли вы, какъ онъ, весь запыхавшись, трезвонитъ въ большой колоколъ въ Троицынъ день? Красивое зрѣлище! Словно самъ дьяволъ сѣлъ верхомъ на жерло... Послушайте меня, друзья, я въ душѣ бродяга, я родился бродягой. Я былъ очень богатъ и прожилъ все свое состояніе. Мать желала, чтобы я былъ офицеромъ, отецъ — діакономъ, тетка — секретаремъ королевства, бабушка — королевскимъ прокуроромъ, а внучатная бабушка — казначеемъ. Я же сдѣлался бродягой. Я сказалъ это отцу, и онъ мнѣ отвѣтилъ проклятіемъ, мать расплакалась и распустила нюни, какъ это полѣно въ каминѣ. Да здравствуетъ веселье! Трактирщица, голубушка, еще вина! У меня есть еще чѣмъ заплатить. Вина! только не Сюренскаго! Оно деретъ глотку! Словно метелку проглотишь.

Компанія съ хохотомъ рукоплескала ему, и видя, что гамъ вокругъ него усиливается, школяръ продолжалъ:

— Ахъ, какой славный шумъ! *Populi debacchantis populosa debacchatio*. — И онъ принялся пѣть, закатывая глаза, тономъ каноника, начинающаго служить вечерню: „*Quae cantica! quae organa, quae can-*

---

[1]) Покойной ночи, батюшка и матушка!
Въ домахъ ужъ гасятъ послѣдніе огни.

tilenae, quae melodiae hic sine fine decantantur! Sonant mellitlua humnorum organa, suavissima angelorum melodia, cantica canticorum mira! [1])... И вдругъ онъ самъ прервалъ себя:

— Чортова трактирщица! Подай мнѣ ужинать!

Наступила минута затишья, среди котораго вдругъ поднялся рѣзкій голосъ герцога Египетскаго, поучавшаго своихъ цыганъ.

Онъ бросилъ тарелку объ полъ и запѣлъ во все горло.

— Ласку зовутъ Адуиной, лисицу — голубой ногой или лѣснымъ бродягой, волка — сѣрой или золотой ногой; медвѣдя — старикомъ или дѣдушкой. Колпакъ гнома дѣлаетъ невидимымъ и позволяетъ видѣть невидимыя вещи. — Всякую жабу, которую хотятъ окрестить, слѣдуетъ

---

[1]) Какое пѣніе! Какіе звуки! Какія пѣсни, какія мелодіи раздаются здѣсь безпрерывно! Раздаются сладчайшіе звуки гимновъ, пріятнѣйшее пѣніе ангеловъ, величественныя пѣсни пѣсней...

одѣть въ красное или черное бархатное платье, привязать къ шеѣ и ногамъ по колокольчику. Крестный отецъ долженъ держать ее за голову крестная мать — за заднія ноги... Злой духъ Сидрагасумъ имѣетъ силу заставлять дѣвушекъ плясать нагими.

— Клянусь чѣмъ хотите! Желалъ бы я быть этимъ злымъ духомъ! — воскликнулъ Жеганъ.

Между тѣмъ бродяги продолжали вооружаться, разговаривая шопотомъ на другомъ концѣ таверны.

— Бѣдняжка Эсмеральда, — говорилъ одинъ цыганъ. — Вѣдь она наша сестра; надо ее освободить.

— А развѣ она все еще въ соборѣ? — спросилъ одинъ изъ бродягъ съ еврейскимъ типомъ.

— Да, чортъ возьми, тамъ.

— Ну такъ идемъ на соборъ, товарищи! — крикнулъ бродяга. — Тѣмъ болѣе, что въ часовнѣ св. Ферреоля и Ферруціона есть двѣ статуи — одна св. Іоанна Крестителя, а другая — св. Антонія — обѣ изъ чистаго золота и вмѣстѣ вѣсятъ семь золотыхъ марокъ пятнадцать унцій; а серебряные золоченые пьедесталы ихъ вѣсятъ семнадцать мамарокъ, пять унцій. Я это достовѣрно знаю: я вѣдь золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Въ эту минуту Жегану подали его ужинъ. Молодой повѣса воскликнулъ, положивъ голову на грудь дѣвушки, сидѣвшей рядомъ съ нимъ:

— Клянусь св. Вульфомъ Люкомъ, котораго народъ называетъ св. Гоглю, я вполнѣ счастливъ! Передо мной торчитъ какой-то дуракъ съ гладкимъ подбородкомъ, какъ у эрцгерцога; а у сосѣда слѣва зубы такой длины, что за ними скрывается весь подбородокъ. А самъ я похожъ на маршала Жіэ при осадѣ Понтуаза — я, также, какъ онъ, опираюсь на холмъ. Чортъ возьми, пріятель, ты съ виду похожъ на разносчика и усаживаешься рядомъ со мной. Я, любезный, изъ дворянъ. Торговля несовмѣстна съ дворянствомъ. Убирайся отсюда!.. Эй, вы, тамъ, перестаньте драться! Какъ, Батостъ Крокъ-Цезонъ, ты рискуешь своимъ красивымъ носомъ, подставляя его подъ кулакъ этого быка! Дуракъ! *Non cuiquam datum est habere nasum*... А ты, право, божественна, Жаклина Ронжъ-Орейль, жаль только, что безволосая... Эй! Меня зовутъ Жеганъ Фролло, и братъ мой—архидіаконъ. Чортъ его побери! Все, что я говорю вамъ, — правда. Дѣлаясь бродягой, я съ легкимъ сердцемъ отказался отъ половины дома въ раю, которую братъ сулилъ мнѣ: *Dimidiam domum in paradiso*. Привожу его подлинныя слова. У меня есть владѣніе въ улицѣ Тиршаппъ, и всѣ женщины влюбляются въ меня; это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что св. Эмза былъ хорошимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, что въ богоспасаемомъ градѣ Парижѣ насчитываютъ пять цеховъ, и что св. Лаврентія сожгли на кострѣ изъ яичныхъ скорлупъ. Клянусь вамъ, товарищи, что я не стану пить перцовки цѣлый годъ, если лгу... Посмотри, моя милая, вѣдь ночь лунная; взгляни въ отдушину, какъ вѣтеръ метъ облака, такъ и я помну тебя... Эй вы, женщины, утрите носы дѣтямъ и снимите нагаръ со свѣчей... Юпитеръ! Что мнѣ подали? Ахъ ты, хозяйка, на головѣ у твоихъ дѣвицъ волосъ нѣтъ, зато ихъ находишь въ яичницѣ. Я люблю яичницу лысую... Чертовски хорошій кабакъ, гдѣ дѣвицы причесываются вилками!

Говоря это онъ бросилъ тарелку объ полъ и запѣлъ во все горло какую-то залихватскую пѣсню.

Между тѣмъ Клопенъ Труйльфу окончилъ раздачу оружія. Онъ подошелъ къ Гренгуару, который, поставивъ ноги на перекладину камина, казался погруженнымъ въ глубокое раздумье.

Клопенъ закричалъ громовымъ голосомъ: „Полночь!"

— Другъ Пьеръ, — началъ тунскій король, — о какомъ ты чортѣ думаешь?

Гренгуаръ обернулся къ нему съ меланхолической улыбкой.

— Люблю я огонь, ваше величество. И люблю я его не по той тривіальной причинѣ, что онъ согрѣваетъ намъ ноги или варитъ нашъ супъ, но люблю его за его искры. Иногда я по цѣлымъ часамъ смотрю на нихъ. Я открываю тысячу вещей въ этихъ звѣздахъ, усѣивающихъ черный фонъ очага. Эти звѣзды — тоже міры.

— Громъ и молнія, если я тебя понимаю! — возразилъ бродяга. — Знаешь ты, который часъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ Гренгуаръ.

Клопенъ подошелъ къ герцогу египетскому.

— Другъ Матіасъ, неудачное мы выбрали время: говорятъ, Людовикъ XI въ Парижѣ?

— Тѣмъ важнѣе извлечь изъ его когтей нашу сестру, — отвѣтилъ старый цыганъ.

— Ты —молодецъ, Матіасъ,—сказалъ тунскій король.—Къ тому же, мы живо обдѣлаемъ. Сопротивленія въ соборѣ нечего бояться. Каноники—зайцы, а мы сильны. То-то удивятся парламентскіе прислужники, когда придутъ завтра за Эсмеральдой. Клянусь кишками папы, я не допущу, чтобы повѣсили нашу красавицу.

Клопенъ вышелъ изъ кабака.

Между тѣмъ Жеганъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Я пью, я ѣмъ, я пьянъ, я Юпитеръ! Эй! Пьеръ Душегубъ, если ты еще разъ посмотришь на меня такими глазами, я щелчкомъ смахну у тебя пыль съ носа.

Гренгуаръ, выведенный изъ задумчивости, со своей стороны началъ всматриваться въ окружавшую его, шумную обстановку, и бормоталъ сквозь зубы: *Luxuriosa res vinum et tumultuosa ebrietas* [1]). Увы! хорошо я дѣлаю, что не пью, и правъ св. Бенедиктъ, говоря: *Vinum apostatare facit etiam sapientes* [2]).

Въ эту минуту вернулся Клопенъ и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Полночь!

При этомъ словѣ, произведшемъ такое же впечатлѣніе, какъ приказаніе сѣдлать, отданное отдыхавшему полку, всѣ бродяги — мужчины, женщины и дѣти — бросились вонъ изъ кабака, гремя оружіемъ и звеня желѣзомъ.

На луну набѣжало облако. Дворъ Чудесъ погрузился въ мракъ. Нигдѣ не было видно ни одного огонька. Однако дворъ не опустѣлъ: на немъ стояла толпа мужчинъ и женщинъ, переговаривавшихся между собою шопотомъ. Слышенъ былъ гулъ этой толпы, и въ темнотѣ сверкало оружіе. Клопенъ сталъ на большой камень.

— Стройся, бродяги! — скомандовалъ онъ. — Ровняйся, цыгане! По мѣстамъ галилеяне!

Въ темнотѣ произошло движеніе. Толпа, повидимому, строилась. Черезъ нѣсколько минутъ тунскій король еще разъ возвысилъ голосъ:

— Итти тихо во время шествія по Парижу! Пароль — „Огонекъ горитъ!“ Факелы зажечь только передъ соборомъ. Маршъ!

Черезъ десять минутъ ночные стражи бѣжали въ ужасѣ передъ процессіей одѣтыхъ въ черное людей, въ совершенномъ молчаніи двигавшихся по направленію къ мосту Мѣнялъ, по извилистымъ улицамъ, расходившимся во всѣ стороны по огромному Рыночному кварталу.

---

1) Отъ вина распутство и буйное веселье.

2) Вино доводитъ до грѣха даже мудрецовъ.

IV.

Плохая услуга.

Въ эту самую ночь Квазимодо не спалъ. Онъ только что въ послѣдній разъ обошелъ соборъ. Запирая дверь онъ не замѣтилъ, что архидіаконъ прошелъ мимо него и выразилъ неудовольствіе, видя, какъ онъ тщательно запиралъ всѣ засовы и замки тяжелыхъ дверей съ желѣзной обшивкой, придававшей этимъ дверямъ прочность каменной стѣны. Патеръ Клодъ имѣлъ видъ еще болѣе озабоченный, чѣмъ обыкновенно. Вообще, со времени послѣдняго приключенія въ кельѣ онъ обращался съ Квазимодо очень дурно; но напрасно онъ былъ грубъ съ нимъ, даже иногда билъ его,—ничто не было въ состояніи поколебать терпѣнія, покорности, преданности вѣрнаго звонаря. Онъ переносилъ отъ архидіакона все — брань, угрозы, побои — безъ ропота, безъ жалобы. Развѣ только глазъ его съ безпокойствомъ слѣдилъ за патеромъ Клодомъ, когда тотъ поднимался по лѣстницѣ въ башню; но архидіаконъ и самъ уже не показывался на глаза цыганкѣ.

Итакъ, въ эту ночь, бросивъ мимоходомъ взглядъ на свои колокола, которые онъ совсѣмъ забросилъ, — на Жаклину, Марію. Тибо, — Квазимодо взошелъ на вершину сѣверной башни и, поставивъ на крышу плотно закрытый фонарь, сталъ смотрѣть на Парижъ. Ночь, какъ мы уже сказали, была очень темная. Парижъ, который въ это время не освѣщался, представлялся глазу въ видѣ темной массы, перерѣзанной мѣстами бѣловатыми изгибами Сены. Квазимодо нигдѣ не видѣлъ свѣта, кромѣ какъ въ окнѣ отдаленнаго зданія, темный фасадъ котораго вырисовывался надъ прочими зданіями, въ сторонѣ Сантъ-Антуанскихъ воротъ. И тамъ былъ кто-то, кто не спалъ.

Оглядывая своимъ единственнымъ глазомъ этотъ темный, туманный горизонтъ, Квазимодо чувствовалъ въ душѣ какую-то необъяснимую тревогу. Уже нѣсколько дней онъ былъ насторожѣ. Онъ замѣчалъ, что вокругъ собора постоянно бродятъ какіе-то люди подозрительной наружности и не спускаютъ глазъ съ кельи, гдѣ нашла убѣжище молодая дѣвушка. Квазимодо думалъ, что, быть-можетъ, противъ несчастной составился какой-нибудь заговоръ. Онъ воображалъ, что народъ преслѣдуетъ ее своей ненавистью такъ же, какъ преслѣдуетъ его, и что слѣдовательно возможно ожидать всего. Поэтому онъ стоялъ на колокольнѣ насторожѣ, „мечтая въ своемъ укромномъ уголкѣ“, какъ говоритъ Раблэ, устремляя взглядъ то на келью, то на Парижъ, зорко сторожа, какъ хорошая собака.

Вдругъ, въ ту минуту, какъ онъ всматривался въ Парижъ однимъ глазомъ, который природа какъ бы въ вознагражденіе снабдила такой зоркостью, что онъ почти могъ замѣнять Квазимодо всѣ недостающіе у него органы, ему показалось, что набережная Віейль-Пеллетри приняла какой-то странный видъ, что тамъ что-то движется, что линія парапета, чернѣвшая на свѣтлой поверхности водъ, не такъ пряма и спокойна, какъ на прочихъ набережныхъ, что она, видимо, колеблется, какъ волна рѣки или головы движущейся толпы.

Это показалось Квазимодо очень страннымъ. Онъ удвоилъ вниманіе. Движеніе, казалось, шло со стороны Ситэ. Однако, не видно было ни

малѣйшаго огонька. Движеніе нѣсколько времени происходило на набережной, затѣмъ оно мало-по-малу улеглось, будто волна вошла внутрь острова; затѣмъ все исчезло, и линія моста снова сдѣлалась прямой и неподвижной.

Въ ту минуту, какъ Квазимодо терялся въ догадкахъ, ему показалось, что движеніе возобновилось въ улицѣ, идущей отъ площади по Ситэ, перпендикулярно къ фасаду собора. Наконецъ, несмотря на всю густоту мрака, онъ увидалъ, какъ у выхода изъ этой улицы показалась голова колонны, и вслѣдъ за тѣмъ всю площадь наводнила толпа, въ которой ничего нельзя было разсмотрѣть впотьмахъ, кромѣ того, что это—толпа.

Въ этомъ зрѣлищѣ было нѣчто страшное. Очень вѣроятно, что эта процессія, которой, повидимому, желательно было скрыться въ темнотѣ, сохраняла глубокое молчаніе. Однако, отъ нея все-таки слышался шумъ, — хотя бы шумъ шаговъ. Но эти звуки даже не долетали до глухого, и эта масса людей, которую онъ едва различалъ, которой не слыхалъ, хотя она волновалась и двигалась такъ близко отъ него, производила на Квазимодо впечатлѣніе сонма мертвецовъ, сборища молчаливаго, неосязаемаго, теряющагося во мглѣ. Ему казалось, что на него надвигается туманъ, полный людей, что онъ видитъ, какъ въ тѣни движутся тѣни.

Тогда къ Квазимидо вернулись его опасенія, ему снова представилось возможнымъ нападеніе на цыганку. Онъ смутно чувствовалъ, что наступаетъ развязка. Въ эту критическую минуту онъ все обдумалъ такъ основательно и быстро, какъ того мудрено было ожидать отъ его недалекаго ума. Разбудить ему цыганку? Дать ей возможность бѣжать? Какимъ ходомъ? Улицы всѣ заняты, а задній фасадъ собора выходитъ на рѣку. Нѣтъ ни лодки ни выхода... Оставалось одно, пасть мертвымъ на порогѣ собора, сопротивляться, по крайней мѣрѣ, пока не прійдетъ помощь, если только оно прійдетъ, и не нарушать сна Эсмеральды. Несчастную всегда еще успѣютъ разбудить для смерти. Принявъ такое рѣшеніе, Квазимодо началъ болѣе спокойно приглядываться къ *врагу*.

Толпа на площади, повидимому, росла съ каждой минутой, и изъ того, что въ окнахъ, выходившихъ на площадь, не показывалось огней, Квазимодо заключилъ, что все происходило въ тишинѣ. Вдругъ сверкнулъ огонь, и надъ головами замелькало во мракѣ колеблющееся пламя семи или восьми факеловъ. При свѣтѣ ихъ Квазимодо ясно разсмотрѣлъ на площади волнующуюся толпу оборванцевъ, мужчинъ и женщинъ, вооруженныхъ косами, пиками, кривыми ножами и палашами, острея которыхъ сверкали. Мѣстами черныя вилы выставлялись какъ рога надъ этими безобразными лицами. Квазимодо неясно припомнилась эта чернь, и ему даже казалось, что онъ узнаетъ и лица этихъ людей, провозглашавшихъ его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ папой шутовъ. Одинъ человѣкъ съ зажженнымъ факеломъ въ одной рукѣ и дубиной въ другой всталъ на тумбу и, повидимому, держалъ рѣчь. Въ то же время странная армія сдѣлала нѣсколько эволюцій, какъ бы размѣщаясь вокругъ собора. Квазимодо взялъ фонарь и спустился на площадку между башнями, чтобы видѣть все поближе и придумать средство для обороны.

Дѣйствительно, Клопенъ Труйльфу, дойдя до дверей собора, построилъ свою армію въ боевой порядокъ. Хотя онъ и не ожидалъ со

противленія, однако, по свойственному ему благоразумію, хотѣлъ сохранить порядокъ, который позволилъ бы ему встрѣтить внезапную атаку ночной стражи или отряда королевскихъ войскъ. Онъ расположилъ свою бригаду такъ, что издали и сверху она напоминала римскій трехъугольникъ въ битвѣ при Экномѣ, кабанью голову Александра или знаменитый клинъ Густава Адольфа. Основаніе этого трехъугольника опиралось о глубину площади, преграждая доступъ на нее съ улицы; одна изъ сторонъ была обращена къ Отель-Дьё, другая къ улицѣ Сенъ Пьеръ-о-Бёфъ. Клопенъ Труйльфу сталъ во главѣ съ герцогомъ египетскимъ, нашимъ другомъ Жеганомъ и самыми смѣлыми изъ бродягъ.

Нападенія, подобныя тому, которое бродяги намѣревались совершить на соборъ Богоматери, не составляли рѣдкости въ средніе вѣка. То, что мы теперь называемъ *полиціей*, тогда не существовало. Въ населенныхъ городахъ, особенно въ столицахъ, не было одной центральной, охраняющей порядокъ власти. Феодализмъ придалъ этимъ большимъ общинамъ странную организацію. Городъ являлся собраніемъ множества отдѣльныхъ феодальныхъ владѣній, раздѣлявшихъ его на части, самыя разнообразныя по формѣ и величинѣ. Отсюда являлось множество самыхъ противуположныхъ организацій, т.-е. въ сущности—никакой опредѣленной организаціи. Въ Парижѣ, напримѣръ, независимо отъ ста сорока одного владѣльца, имѣвшихъ право взимать пошлину, было еще двадцать пять владѣльцевъ, пользовавшихся и правомъ собирать подати и судебной властью, начиная съ парижскаго епископа, которому принадлежало сто пять улицъ, и кончая пріоромъ монастыря Богоматери въ Поляхъ, который владѣлъ четырьмя. Всѣ эти феодалы только по имени признавали авторитетъ своего сюзерена — короля. Всѣ пользовались правомъ собирать дорожныя пошлины. Всѣ были хозяевами у себя. Людовикъ XI, неутомимо работавшій надъ разрушеніемъ феодальнаго зданія,— что Ришелье и Людовикъ XIV продолжали на пользу усиленія королевской власти, а Мирабо окончилъ на пользу народа; Людовикъ XI пытался было сдѣлать брешь въ этой сѣти независимыхъ владѣній, покрывавшей Парижъ, издавъ два или три указа, касавшихся общей полиціи; такъ, въ 1465 году имъ былъ изданъ приказъ, чтобы граждане, подъ страхомъ смертной казни, при наступленіи ночи ставили зажженныя свѣчи на окна и запирали собакъ; въ томъ же году было приказано запирать улицы желѣзными цѣпями и запрещено носить при себѣ ночью кинжалы или вообще какое-либо оружіе, но всѣ эти попытки введенія общихъ законовъ весьма быстро сводились къ нулю. Вѣтеръ гасилъ свѣчи на окнахъ у гражданъ, а собаки преспокойно продолжали бродить на свободѣ; цѣпи протягивались только при осадномъ положеніи; запрещеніе носить кинжалы повело только къ переименованію улицы *Coupe-Gueule* въ улицу *Coupe-Gorge* [1), — очевидный прогрессъ! Старинное сооруженіе феодальнаго законодательства продолжало стоять; независимыя и арендныя владѣнія въ городѣ переплетались, сцѣплялись, мѣшали другъ другу, вытѣсняли одно другое; стражи, помощники стражей, сыщики образовали чащу, чрезъ которую пробивались во всеоружіи разбой, грабежъ и подкупъ. Стало-быть, подобное вооруженное нападеніе одной части населенія на

---

1) „Coupe-Gueule“ — улица, гдѣ рѣжутъ глотку; „Coupe-Gorge“ — гдѣ рѣжутъ горло.

дворецъ, на отель, на домъ въ одномъ изъ наиболѣе населенныхъ мѣстъ города при подобномъ безпорядкѣ не составляло событія неслыханнаго. Въ большинствѣ случаевъ, сосѣди вмѣшивались въ дѣло только тогда, когда грабежъ касался также и ихъ. При выстрѣлахъ изъ мушкетовъ они зажимали уши, закрывали ставни, баррикадировали двери, предоставляя нападенію разыграться при участіи стражи, или безъ нея, и на слѣдующій день по всему Парижу толковали: „Сегодня ночью разгромили домъ Стефана Барбетта. На маршала Клермона произведено нападеніе“ и т. п. Поэтому, не только королевскія резиденціи, Лувръ, дворецъ Правосудія, Бастилія, Турнель, но и дворцы вельможъ, какъ, напр., Малый Бурбонскій, отель де-Сансъ, отель герцога Ангулемскаго и т. д. были обнесены зубчатыми стѣнами и надъ воротами имѣли бойницы. Церкви охраняла ихъ святость. Однако, нѣкоторыя изъ нихъ— соборъ Парижской Богоматери не принадлежалъ къ числу послѣднихъ— бывали тоже укрѣплены. Аббатство Сенъ-Жермэнъ-де-Пре было обнесено такими же зубчатыми стѣнами, какъ резиденція какого-нибудь барона, и оно истратило на пушки много больше мѣди, чѣмъ на колокола. Еще въ 1610 году видны были эти укрѣпленія. Теперь отъ всего осталась только полуразрушенная церковь.

Вернемся теперь къ собору.

Когда первыя распоряженія были отданы—и къ чести дисциплины между бродягами мы должны сказать, что приказанія Клопена были исполнены въ полной тишинѣ и съ замѣчательной точностью—достойный предводитель шайки взобрался на парапетъ соборной паперти и возвысилъ свой хриплый, грубый голосъ, обращаясь въ сторону собора и потрясая факеломъ, багровый свѣтъ котораго, постоянно колеблемый вѣтромъ и застилаемый собственнымъ дымомъ, то озарялъ, то оставлялъ въ тѣни фасадъ храма.

— Обращаюсь къ тебѣ, Луи-де-Бомонъ, епископъ парижскій, членъ парламента, я, Клопенъ Труйльфу, король тунскій, принцъ бродягъ, епископъ шутовъ, и говорю тебѣ: „Наша сестра, осужденная на смертную казнь по ложному доносу въ колдовствѣ, нашла себѣ убѣжище въ твоей церкви; ты долженъ былъ дать ей пріютъ и покровительство; однако, парламентъ постановилъ вторично арестовать ее, и ты на это согласился, такъ что ее повѣсили бы завтра на Гревской площади, если бы дѣвушкѣ не помогъ Богъ и бродяги. Вотъ мы пришли сюда, епископъ. Если церковь твоя неприкосновенна, неприкосновенна и наша сестра; если наша сестра не неприкосновенна, твоя церковь тоже не неприкосновенна. Поэтому мы предлагаемъ тебѣ выдать намъ нашу сестру, если ты хочешь спасти церковь, иначе же мы силой возьмемъ сестру и ограбимъ церковь. Вотъ тебѣ сказъ! Въ доказательство, я водружаю здѣсь свое знамя, и да хранитъ тебя Господь, епископъ парижскій!“

Къ несчастью, Квазимодо не могъ слышать этихъ словъ, произнесенныхъ съ мрачнымъ величіемъ. Одинъ изъ бродягъ подалъ Клопену знамя, и онъ торжественно водрузилъ его въ щели между двумя плитами. То были вилы, на зубцахъ которыхъ висѣлъ окровавленный кусокъ падали.

Совершивъ это, король Тунскій обернулся и окинулъ взглядомъ свой отрядъ — мрачную толпу, гдѣ взгляды сверкали почти такъ же, какъ пики. Послѣ минутной паузы, онъ крикнулъ:

— Впередъ, дѣти! За дѣло, молодцы!

Тридцать здоровенныхъ молодцовъ съ желѣзными мускулами, повидимому, слесаря, выступили изъ рядовъ съ молотами, клещами и желѣзными полосами на плечахъ. Они направились къ главному входу въ соборъ, взошли по ступенямъ, скоро показались подъ стрѣлкой свода и принялись рычагами и клещами взламывать двери. Масса бродягъ послѣдовала за ними, чтобы посмотрѣть или помочь, и запрудила ступени лѣстницы.

Однако, дверь не подавалась.

— Чортъ возьми, какая крѣпкая! — сказалъ кто-то.

— Стара, и оттого хрящи у нея окостенѣли, — подхватилъ другой.

— Смѣлѣй, товарищи! — ободрялъ Клопенъ. — Клянусь головой, вы взломаете дверь, похитите дѣвушку и ограбите главный алтарь прежде, чѣмъ успѣетъ проснуться хоть одинъ изъ церковныхъ сторожей. Вотъ, кажется, замокъ уже подался.

Страшный трескъ, раздавшійся позади Клопена, заставилъ его прервать свою рѣчь. Онъ обернулся. Огромная балка упала сверху; она задавила съ десятокъ бродягъ на ступеняхъ паперти и полетѣла на мостовую съ оглушительнымъ трескомъ пушечнаго выстрѣла, перешибя по дорогѣ ноги нѣсколькимъ бродягамъ, сторонившимся съ криками ужаса. Въ одну уминуту площадка передъ папертью опустѣла. Молодцы, пробивавшіе дверь, хотя и бывшіе подъ защитой свода портика, бросили дверь, и самъ Клопенъ отступилъ на почтительное отдаленіе отъ церкви.

— По счастью, не попался! — воскликнулъ Жеганъ. — Только вѣтромъ пахнуло. Ну, а Пьеру-душегубу — крышка!

Невозможно изобразить, какое изумленіе и ужасъ вызвало это бревно среди бродягъ. Они нѣсколько минутъ смотрѣли въ воздухъ, перепуганные этимъ кускомъ дерева больше, чѣмъ могли бы быть перепуганы появленіемъ двадцати тысячъ королевскихъ стрѣлковъ.

— Чортъ возьми, — ворчалъ герцогъ египетскій, — это пахнетъ колдовствомъ.

— Луна швырнула въ насъ этимъ полѣномъ, — сказалъ Андрэ Ру.

— Говорятъ, что лунѣ покровительствуетъ Пресвятая Дѣва, — замѣтилъ Франсуа Шантпрюнъ.

— Всѣ вы дураки, — заявилъ Клопенъ; однако, и самъ не умѣлъ объяснить паденія бревна.

Между тѣмъ, на фасадѣ, до вершины котораго свѣтъ отъ факеловъ не достигалъ, ничего не было видно. Тяжелая балка лежала посрединѣ площади, и слышались стоны несчастныхъ, распоровшихъ себѣ животы, ударившись объ острые углы ступеней.

Очнувшись отъ перваго потрясенія, король тунскій нашелъ объясненіе, показавшееся правдоподобнымъ его товарищамъ.

— Чортъ побери! Кажется, попы вздумали обороняться? Такъ бейте ихъ! Грабьте!

— Грабьте! — заревѣла чернь. И въ фасадъ храма направился залпъ изъ самострѣловъ и мушкетовъ.

При грохотѣ этого залпа, мирные жители окрестныхъ домовъ проснулись; нѣсколько оконъ отворилось, появились ночные колпаки, и руки съ зажженными свѣчами.

— Стрѣляй по окнамъ! — командовалъ Клопенъ.

Окна тотчасъ захлопнулись, и бѣдные граждане, успѣвшіе бросить взглядъ на эту волнующуюся толпу, освѣщенную свѣтомъ факеловъ, вернулись, обливаясь холоднымъ потомъ, къ своимъ супругамъ, спрашивая себя, не шабашъ ли справляется на площади передъ соборомъ или не произошло ли нападеніе бургундцевъ, какъ въ 64 году. Въ воображеніи мужей вставали сцены грабежа, въ воображеніи женъ — насилія, и всѣ дрожали.

— Грабь! — повторяли бродяги, однако, не смѣли двинуться впередъ. Они смотрѣли на балку, смотрѣли на соборъ и не трогались съ мѣста. Зданіе сохраняло свой спокойный и опустѣлый видъ, но что-то непонятное леденило бродягъ.

— Ну, молодцы, за дѣло! — крикнулъ Труйльфу. — Выламывайте двери.

Никто не тронулся.

— Громъ и молнія! — ругался Клопенъ. — Трусы, испугались перекладины.

Старый слесарь отвѣчалъ ему:

— Не перекладина пугаетъ насъ, командиръ, а дверь вся обшита желѣзными полосами. Тутъ ничего не подѣлаешь клещами.

— Что жъ вамъ надо, чтобы взломать ее? — спросилъ Клопенъ.

— Надо бы таранъ.

Тунскій король смѣло подбѣжалъ къ ужасной балкѣ и ступилъ на нее.

— Вотъ вамъ таранъ, сами каноники вамъ его прислали. — И насмѣшливо кланяясь въ сторону собора, онъ прибавилъ: — Спасибо, отцы каноники!

Эта шутка произвела хорошее впечатлѣніе: бревно потеряло свою устрашающую силу. Бродяги ободрились. Скоро тяжелая балка, подхваченная, какъ перо, двумястами смуглыхъ сильныхъ рукъ, яростно ударилась о большія двери, которыя передъ тѣмъ пытались выломать. При слабомъ свѣтѣ факеловъ на площади, эта длинная балка, поддерживаемая бѣгомъ несущейся къ собору толпой, походила на тысяченогое чудовищное животное, нападающее на каменнаго великана.

Подъ ударами бревна дверь, наполовину состоявшая изъ металла, звенѣла какъ барабанъ; однако, она не подавалась, хотя весь соборъ содрогался, и удары, казалось, отдавались въ самыхъ отдаленныхъ подвалахъ зданія.

Въ ту же минуту на головы осаждающихъ сверху полился дождь крупныхъ камней.

— Ахъ, чортъ! — воскликнулъ Жеганъ! — Кажется, башня вздумала засыпать насъ своими балюстрадами?

Но толчокъ былъ данъ; примѣръ тунскаго короля подѣйствовалъ. Всѣ были увѣрены, что епископъ защищается, и это заставило только съ удвоенной яростью штурмовать дверь, несмотря на камни, разбивавшіе направо и налѣво черепа.

Замѣчательно, что камни падали по одиночкѣ, одинъ за другимъ; но зато очень часто. Осаждающіе чувствовали, и одновременно, ударъ одного по головѣ, другого по ногамъ. Рѣдкій изъ камней не наносилъ удара, и уже груда убитыхъ и раненыхъ истекала кровью и билась въ предсмертныхъ судорогахъ у ногъ осаждающихъ, которые, разсвирѣпѣвъ, безпрестанно смѣнялись свѣжими силами.

Длинная балка продолжала ударяться о дверь съ правильными промежутками, какъ языкъ колокола, а камни все сыпались, и дверь гудѣла.

Читатель, вѣроятно, уже угадалъ, что это неожиданное сопротивленіе, ожесточившее бродягъ, исходило отъ Квазимодо.

Случай, къ несчастью, пришелъ на помощь мужественному горбуну.

Когда онъ спустился на площадку между башнями, мысли у него въ головѣ путались. Онъ нѣсколько минутъ бѣгалъ по галлереѣ, какъ сумасшедшій, видя внизу плотную толпу бродягъ, готовыхъ устремиться на церковь, и прося Бога или сатану спасти Эсмеральду. Ему пришла мысль взбѣжать на южную колокольню и ударить въ набатъ; но прежде чѣмъ онъ успѣетъ раскачать колоколъ, прежде чѣмъ Марія издастъ одинъ звукъ, не успѣютъ ли нападающіе десять разъ выломать двери собора? Это было какъ разъ въ ту минуту, какъ выступили впередъ слесаря.

Вдругъ Квазимодо вспомнилъ, что каменщики цѣлый день работали надъ поправкой стѣны и крыши южной башни. Его озарила мысль. Стѣна была каменная, крыша свинцовая, а перекладины деревянныя. Эти перекладины были такъ часты, что получили названіе „лѣса“.

Квазимодо побѣжалъ на эту башню. Дѣйствительно, помѣщеніе нижняго этажа было завалено матеріалами. Тутъ были цѣлыя груды песчаника, листы свинца въ сверткахъ, пучки дранокъ, толстыя уже надпиленныя балки, груды щебня — цѣлый арсеналъ.

Времени терять было нельзя. Молотки и клещи работали внизу. Съ силой, удесятерившейся отъ сознанія опасности, Квазимодо поднялъ одно изъ бревенъ — самое тяжелое и самое длинное, — высунулъ его въ слуховое окно, затѣмъ выбѣжалъ на крышу и сталъ спускать его по карнизу балюстрады, окружавшей площадку и, наконецъ, сбросилъ его въ пропасть. Огромная балка, летя съ высоты ста шестидесяти футовъ, царапая стѣну, разбивая изваянія, нѣсколько разъ перевернулась въ воздухѣ, какъ оторвавшееся мельничное крыло и, наконецъ, достигла земли; послышался страшный крикъ, и огромное черное бревно, отскочивъ отъ мостовой, походило на гигантскую змѣю.

Квазимодо видѣлъ, какъ бродяги, при паденіи тяжелаго бревна, бросились въ стороны, какъ пепелъ отъ дуновенія ребенка. Онъ воспользовался ихъ смятеніемъ, и пока они въ суевѣрномъ страхѣ разглядывали темную массу, упавшую съ неба, и осыпали градомъ стрѣлъ и крупной дробью изваянія святыхъ на портикѣ собора, Квазимодо заготовилъ запасъ камней, щебню, мусора, даже цѣлые мѣшки съ инструментами каменщиковъ, на парапетѣ баллюстрады, откуда передъ тѣмъ сбросилъ бревно.

И какъ только бродяги начали выбивать дверь, на нихъ посыпался каменный градъ, и имъ показалось, что соборъ самъ собою разрушается надъ ихъ головами.

Видъ Квазимодо въ эту минуту былъ страшенъ. Кромѣ собранныхъ имъ камней на балюстрадѣ, онъ еще заготовилъ кучу ихъ на самой крышѣ. Какъ только запасъ на балюстрадѣ истощился, Квазимодо принялся за вторую кучу. Онъ нагибался, снова выпрямлялся, снова нагибался и опять выпрямлялся съ необычайной быстротой. Его огромная голова склонялась надъ парапетомъ балюстрады, и одинъ камень летѣлъ внизъ за другимъ. По временамъ, онъ слѣдилъ взглядомъ за

особенно большимъ камнемъ и, когда онъ удачно попадалъ въ цѣль, рычалъ.

Бродяги, между тѣмъ, не унывали. Уже болѣе двадцати разъ тяжелая дверь, противъ которой они направили свои усилія, дрожала подъ тяжестью дубоваго тарана, увеличенной силой сотни человѣкъ. Рамы дверей трещали, рѣзьба разлеталась въ дребезги, петли при каждомъ потрясеніи подпрыгивали, пазы расползались, дерево, окованное желѣзомъ, разсыпалось въ порошокъ подъ треніемъ металла. Къ счастью для Квазимодо въ дверяхъ было больше желѣза, чѣмъ дерева.

Однако, Квазимодо чувствовалъ, что дверь колеблется. Хоть онъ и не слышалъ, — однако, каждый ударъ тарана отзывался въ его сердцѣ такъ же, какъ въ церкви. Онъ видѣлъ, какъ изступленные бродяги изъ темноты съ торжествомъ грозили кулаками фасаду собора, и за себя и за цыганку завидовалъ совамъ, стаями взлетавшимъ надъ его головой.

Каменнаго града оказалось недостаточно, чтобъ отразить нападеніе.

Въ эту критическую минуту Квазимодо увидалъ нѣсколько ниже балюстрады, съ которой громилъ бродягъ, двѣ длинныя каменныя водосточныя трубы, оканчивающіяся какъ разъ надъ главнымъ входомъ. Верхнее отверстіе этихъ водостоковъ приходилось какъ разъ у края платформы. У Квазимодо мелькнула мысль. Онъ побѣжалъ въ свою сторожку, схватилъ тамъ вязанку хвороста, положилъ ее, а также сложенные вмѣстѣ свертки свинца, — снаряды, которыхъ еще не употреблялъ, — на кучу драни и, уложивъ этотъ костеръ въ устьяхъ водосточныхъ трубъ, зажегъ его съ помощью своего фонаря.

Въ этотъ промежутокъ каменный дождь прекратился, и бродяги перестали смотрѣть на небо. Бандиты, задыхаясь, какъ стая гончихъ, выгоняющая кабана изъ логова, съ шумомъ тѣснились вокругъ главной двери, изуродованной тараномъ, но все еще не уступавшей. Они съ трепетомъ ждали послѣдняго удара, который бы пробилъ ее. Каждый старался протѣсниться впередъ, чтобы первому ворваться въ этотъ богатый храмъ, гдѣ были собраны сокровища трехъ вѣковъ. Рыча отъ радости и жадности, бродяги напоминали другъ другу о великолѣпныхъ серебряныхъ крестахъ, роскошныхъ парчевыхъ ризахъ, чудныхъ золотыхъ ракахъ, великолѣпныхъ хоругвяхъ на хорахъ, окруженныхъ сверкающими свѣтильниками, иконахъ пасхальныхъ праздниковъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ, всѣхъ богатыхъ святыняхъ, гдѣ все — канделябры, раки святыхъ, дарохранительницы, ковчеги, иконостасы были покрыты какъ бы броней изъ литого золота съ драгоцѣнными каменьями. Безъ сомнѣнія, въ эту прекрасную минуту всѣ эти плуты, архиворы и бродяги думали гораздо меньше объ освобожденіи цыганки, чѣмъ о разграбленіи собора. Можно даже навѣрное сказать, что для многихъ изъ нихъ Эсмеральда была только предлогомъ, — если только ворамъ вообще нуженъ какой-нибудь предлогъ.

Вдругъ, въ ту самую минуту, какъ осаждавшіе, готовясь нанести послѣдній ударъ, столпились вокругъ тарана, затаивъ дыханіе и напрягая мускулы, чтобы придать больше силы рѣшительному натиску, изъ среды ихъ вдругъ поднялся вопль — еще болѣе ужасный, чѣмъ въ ту минуту, какъ на нихъ полетѣло бревно. Тѣ, кто не кричали, т.-е. оставшіеся невредимыми, оглядѣлись. Въ самую плотную часть толпы сверху, черезъ водостоки, лились двѣ рѣки расплавленнаго свинца.

Люди падали какъ подкошенные подъ кипящимъ металломъ, образовавшимъ въ мѣстахъ своего паденія, въ толпѣ, двѣ черныхъ дымящихся дыры, какія образовала бы горячая вода въ снѣгу. Тутъ корчились умирающіе, наполовину сваренные, испуская отчаянные вопли. Отъ этихъ двухъ главныхъ потоковъ летѣли въ стороны капли этого ужаснаго дождя и падали на осаждающихъ и пробуравливали имъ черепа, какъ огненные бурава. Тяжелыя раскаленныя капли тысячью градинъ падали на несчастныхъ.

Слышались раздирающіе душу вопли. Бродяги, и храбрые и трусливые, бѣжали вразсыпную, бросивъ балку на тѣла умирающихъ, и скоро площадь вторично опустѣла.

Всѣ устремили глаза на церковную колокольню. Тутъ имъ представилось необычайное зрѣлище. На верхней галлереѣ, приходившейся выше центральной розетки, горѣлъ яркій костеръ, пламя котораго съ вихремъ искръ поднималось между двумя колокольнями, и вѣтеръ по временамъ уносилъ въ своихъ порывахъ клочки его вмѣстѣ съ дымомъ. Подъ этимъ пламенемъ, подъ темной балюстрадой, металлическая рѣшетка которой раскалилась, двѣ водосточныя трубы изрыгали непрестанно изъ своихъ пастей этотъ жгучій дождь, серебристая струя котораго выдѣлялась на темной нижней части фасада. По мѣрѣ приближенія къ низу, потоки расплавленнаго свинца расширялись въ снопы, какъ вода, прорывающаяся изъ мелкихъ дырочекъ ситки на лейкѣ. Надъ пламенемъ возвышались обѣ огромныя башни, отъ каждой изъ которыхъ видны были двѣ стороны,—одна совершенно черная, другая багровая, — и которыя отъ отбрасываемой ими тѣни казались еще выше, чѣмъ обыкновенно. Безчисленные, украшавшіе ихъ орнаменты изъ чудовищъ и драконовъ принимали зловѣщій видъ. При трепещущемъ отблескѣ пламени, они, казалось, колебались и сами. Змѣи, какъ будто, смѣялись, чудовища съ открытыми пастями будто щелкали зубами, саламандры будто дули на огонь, горгоны чихали, задыхаясь отъ дыму. И среди этихъ чудовищъ, разбуженныхъ такимъ образомъ отъ каменнаго сна этимъ огнемъ, этимъ шумомъ, было одно чудовище, двигавшееся и мелькавшее время отъ времени на пылающемъ фонѣ костра, какъ летучая мышь передъ свѣчой.

Безъ сомнѣнія, этотъ странный маякъ долженъ былъ разбудить дровосѣковъ, жившихъ на далекихъ холмахъ Бисетра, испугавъ ихъ видомъ колебавшихся тѣней гигантскихъ башенъ собора надъ ихъ лѣсной чащей.

Между бродягами воцарилось гробовое молчаніе, нарушаемое только криками испуга канониковъ, запертыхъ въ своемъ монастырѣ и болѣе встревоженныхъ, чѣмъ лошади въ горящей конюшнѣ, мимолетнымъ стукомъ быстро отворяемыхъ и также быстро затворяемыхъ оконъ, шумомъ, поднявшимся внутри больницы Отель-Дьё, порывами вѣтра, задувавшими пламя, предсмертнымъ хрипѣніемъ умирающихъ и неумолкающимъ трескомъ свинцоваго дождя, падавшаго на мостовую.

Между тѣмъ, предводители шайки удалились подъ портикъ отеля Гондлорье и держали совѣтъ. Герцогъ египетскій, сидя на тумбѣ — съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣлъ на волшебный костеръ, пылавшій на двухсотъ-футовой высотѣ. Клопенъ Труйльфу кусалъ отъ бѣшенства свой толстый кулакъ.

— Войти невозможно! — бормоталъ онъ сквозь зубы.

— Старая заколдованная церковь! — ворчалъ старый цыганъ, Матіасъ Хунгади Спикали.

— Клянусь папскими усами, эти каменные жолоба плюются свинцомъ не хуже Лектурскихъ бойницъ, — вставилъ пожилой солдатъ.

— Видите вы этого демона, что бѣгаетъ взадъ и впередъ передъ огнемъ? — воскликнулъ герцогъ египетскій.

— Чортъ возьми, да это проклятый звонарь Квазимодо, — заявилъ Клопенъ.

Цыганъ покачалъ головой.

— А я говорю вамъ, что это духъ Сабнакъ, великій маркизъ, демонъ укрѣпленій. Онъ принимаетъ видъ солдата съ львиной головой. Иногда онъ является верхомъ на безобразной лошади. Онъ превращаетъ людей въ камни, изъ которыхъ строитъ башни. Подъ его командой пятьдесятъ легіоновъ. Говорю вамъ, это—онъ. Я его узналъ. Иногда онъ бываетъ одѣтъ въ прекрасное золотое платье турецкаго покроя.

— Гдѣ Бельвинь Летуаль? — спросилъ Клопенъ.

— Умеръ, — отвѣтила одна изъ женщинъ-бродягъ.

Андрэ Ру хохоталъ идіотскимъ смѣхомъ:

— Соборъ Богоматери задаетъ работу больницѣ Отель-Дьё.

— Неужели же нѣтъ возможности выбить эту дверь? — воскликнулъ тунскій король, топая ногой.

Герцогъ египетскій грустно указалъ ему на два сверкающіе свинцовые ручья, не перестававшіе бороздить темный фасадъ, какъ двѣ фосфорическія прялки.

— Бывали случаи, что церкви защищались сами такимъ образомъ, — добавилъ онъ вздыхая; — сорокъ лѣтъ тому назадъ св. Софія въ Константинополѣ три раза кряду ниспровергала полумѣсяцъ Магомета, потрясая свои куполы, свои главы. Гильомъ Парижскій, построившій этотъ соборъ, былъ колдунъ.

— Неужели же такъ и убираться отсюда ни съ чѣмъ, какъ какимъ-нибудь мелкимъ воришкамъ? — сказалъ Клопенъ. — И оставить въ рукахъ этихъ волковъ въ скуфьяхъ нашу сестру, которую они завтра повѣсятъ?

— И ризницу, гдѣ золота цѣлыя телѣги! — прибавилъ бродяга, имени котораго мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

— Ахъ, проклятые! — закричалъ Труйльфу.

— Попытаемся еще разъ, — предложилъ бродяга.

Матіасъ Хунгади покачалъ головой.

— Въ дверь намъ не войти. Надо найти, гдѣ есть изъянъ въ бронѣ старой колдуньи. Потайную дверь, отдушину, какую-нибудь щель.

— Кто пойдетъ за мной? Я возвращаюсь!—проговорилъ Клопенъ.— Кстати, гдѣ школяръ Жеганъ, который еще такъ вооружился?

— Должно-быть, приказалъ долго жить, — отвѣтилъ кто-то. — Его смѣха что-то не слыхать.

Король тунскій нахмурился.

— Тѣмъ хуже. Подъ латами билось храброе сердце... А метръ Пьеръ Гренгуаръ?

— Этотъ удралъ, когда мы еще не дошли до моста Мѣнялъ, — доложилъ Андрэ Ру. — Клопенъ топнулъ.

— Проклятый! Зазвалъ насъ сюда, и самъ первый далъ тягу, оставивъ насъ!.. Подлый болтунъ! Стоптанный башмакъ!

— Командиръ Клопенъ,—заговорилъ Андрэ Ру, смотря на улицу,— вотъ нашъ школяръ!

— Хвала Плутону! — произнесъ Клопенъ. — Какого это чорта онъ тащитъ за собой?

Дѣйствительно, это былъ Жеганъ, бѣжавшій такъ скоро, какъ ему позволяли его тяжелое вооруженіе и длинная лѣстница, которую онъ храбро тащилъ по мостовой, запыхавшись при этомъ больше муравья, трудящагося надъ соломинкой въ двадцать разъ длиннѣе его самого.

— Побѣда! *Te Deum!* — кричалъ школяръ. — Вотъ лѣстница нагрузчиковъ съ моста Санъ-Ландренъ.

Клопенъ подошелъ къ нему.

— Что ты затѣваешь, мальчуганъ? На какой чортъ тебѣ понадобилась эта лѣстница.

— Я досталъ ее... я зналъ, гдѣ она, — запыхавшись отвѣчалъ Жеганъ. — Она стояла подъ навѣсомъ у дома лейтенанта. — Тамъ живетъ знакомая дѣвица, которая находитъ, что я красивъ какъ купидонъ... Я воспользовался знакомствомъ, чтобы достать лѣстницу, и досталъ, прахъ ее побери!.. Дѣвчонка выскочила мнѣ отворить ворота въ одной рубашкѣ...

— Все это хорошо, — сказалъ Клопенъ, — на что только тебѣ понадобилась лѣстница?

Жеганъ взглянулъ на него плутовскимъ самоувѣреннымъ взглядомъ и щелкнулъ пальцами, какъ кастаньетами. Онъ былъ неподражаемъ въ эту минуту. На головѣ у него былъ одинъ изъ тѣхъ фантастическихъ шлемовъ пятнадцатаго вѣка, которые устрашали враговъ своими вычурными нашлемниками. На шлемѣ Жегана торчало штукъ десять металлическихъ клювовъ, такъ что Жеганъ могъ бы оспаривать у гомеровскаго Нестора эпитетъ „δεκεμβολος“.

— На что она мнѣ, могущественный король тунскій? Видите вы рядъ статуй, такъ глупо стоящихъ надъ тремя порталами?

— Да... Ну, что же?

— Это — галлерея французскихъ королей.

— А намъ какое дѣло до этого? — спросилъ Клопенъ.

— Погодите! Въ концѣ этой галлереи есть дверь, запертая только на щеколду; я взберусь туда по этой лѣстницѣ и проберусь въ церковь.

— Дай мнѣ взлѣзть впередъ, мальчуганъ.

— Нѣтъ, извините, товарищъ. Лѣстница моя. Вы, если хотите, будете вторымъ.

— Чтобы вельзевулъ тебя удавилъ! — проворчалъ угрюмый Клопенъ. — Я не хочу быть вторымъ.

— Ну, такъ попробуй отыскать лѣстницу!

Жеганъ побѣжалъ по площади, волоча за собой лѣстницу и крича:

— За мной, ребята!

Въ одну минуту лѣстницу подняли и прислонили къ балюстрадѣ нижней галлереи, надъ однимъ изъ боковыхъ порталовъ. Толпа бродягъ съ громкими криками толпилась у ея подножія, готовясь лѣзть по ней. Но Жеганъ отстаивалъ свое право, и первый ступилъ на лѣстницу. Лѣзть пришлось долго. Галлерея французскихъ королей въ настоящее время находится на высотѣ около шестидесяти футовъ надъ мостовой. Жеганъ лѣзъ медленно: ему мѣшало тяжелое вооруженіе;

онъ придерживался одной рукой за лѣстницу, а другой держалъ свой самострѣлъ. Достигнувъ половины лѣстницы, онъ бросилъ меланхолическій взглядъ на тѣла бѣдныхъ бродягъ, которыми была усѣяна мостовая, и проговорилъ:

— Увы, вотъ груда труповъ, достойная пятой пѣсни Иліады!

Затѣмъ онъ продолжалъ взбираться. Бродяги слѣдовали за нимъ. На каждой ступени стояло по человѣку. Эта колеблющаяся линія покрытыхъ латами спинъ имѣла въ полумракѣ сходство съ огромной змѣей, покрытой стальными чешуями, которая карабкалась по стѣнѣ собора. Жеганъ, стоявшій во главѣ, посвистывалъ и своимъ свистомъ дополнялъ иллюзію.

Наконецъ, студентъ достигъ балкона галлереи и довольно легко прыгнулъ на нее при выраженіяхъ одобренія со стороны всѣхъ бродягъ. Овладѣвъ, такимъ образомъ, цитаделью, онъ испустилъ крикъ радости, но вдругъ остановился, какъ окаменѣлый. За статуей одного изъ королей онъ увидѣлъ спрятавшагося Квазимодо, наблюдавшаго за нимъ сверкающимъ глазомъ.

Прежде чѣмъ второму осаждающему удалось ступить на галлерею, страшный горбунъ прыгнулъ къ лѣстницѣ, не произнося ни слова схватилъ ее за конецъ своими могучими руками, приподнялъ ее, отдалилъ отъ стѣны, раскачалъ и, при крикахъ ужаса толпы, съ сверхъестественной силой бросилъ длинную гибкую лѣстницу со всѣми унизывавшими ее сверху донизу бродягами на площадь. Наступило мгновеніе, когда самые отважные содрогнулись. Отброшенная лѣстница одну секунду простояла прямо, какъ бы колеблясь, затѣмъ, она закачалась и, описавъ огромный кругъ съ радіусомъ въ восемьдесятъ футовъ, рухнула на мостовую съ своимъ грузомъ нападавшихъ быстрѣе, чѣмъ подъемный мостъ, у котораго бы оборвались цѣпи. Раздалось страшное проклятіе, затѣмъ все замолкло, и нѣсколько искалѣченныхъ выползли изъ-подъ груды убившихся насмерть.

Торжествующіе крики смѣнились ропотомъ гнѣва и жалости. Квазимодо стоялъ невозмутимо, опершись о балюстраду, и смотрѣлъ внизъ. Онъ имѣлъ видъ древняго, обросшаго волосами короля, смотрящаго изъ окна своего дворца.

Жеганъ Фролло находился въ критическомъ положеніи. Онъ очутился на галлереѣ съ глазу на глазъ съ страшнымъ звонаремъ, отдѣленный отъ товарищей отвѣсной стѣной въ восемьдесятъ футовъ. Пока Квазимодо возился съ лѣстницей, Жеганъ побѣжалъ къ дверцѣ, которую думалъ найти отворенной. Его надежда не сбылась. Выходя на галлерею, горбунъ заперъ дверь за собой. Жеганъ спрятался за одну изъ статуй, затаивъ дыханіе и устремивъ на страшнаго горбуна растерянный взглядъ, какъ человѣкъ, который, ухаживая за женой сторожа въ звѣринцѣ и идучи однажды вечеромъ на любовное свиданіе, ошибся, перелѣзая черезъ стѣну, и неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ бѣлымъ медвѣдемъ.

Въ первую минуту глухой не замѣтилъ студента; но, наконецъ, онъ обернулся и вдругъ выпрямился: онъ увидалъ Жегана. Жеганъ приготовился къ жестокому нападенію; но горбунъ стоялъ неподвижно; онъ только смотрѣлъ на школяра.

— Хо! хо! — крикнулъ Жеганъ, чего ты такъ печально смотришь на меня своимъ кривымъ глазомъ?

Говоря это, повѣса исподтишка готовилъ самострѣлъ.

— Квазимодо! — закричалъ онъ, — я тебѣ перемѣню имя. Теперь тебя станутъ звать: слѣпой.

Раздался выстрѣлъ. Стрѣла просвистѣла въ воздухѣ и вонзилась въ лѣвую руку горбуна. Квазимодо обратилъ на это вниманіе не болѣе,

Квазимодо, вскочивъ на парапетъ галлереи, схватилъ его за ногу.

чѣмъ каменный король Фарамонъ, если бъ ему нанесли царапину. Онъ вырвалъ стрѣлу и спокойно разломилъ ее надвое о свое толстое колѣно. Затѣмъ онъ скорѣе уронилъ, чѣмъ бросилъ, оба обломка. Но выстрѣлить Жегану во второй разъ не удалось. Сломавъ стрѣлу, Квазимодо, пыхтя, прыгнулъ впередъ, какъ кузнечикъ, на школяра и притиснулъ его къ стѣнѣ

И въ полумракѣ, при трепещущемъ слабомъ свѣтѣ факеловъ, произошло нѣчто ужасное.

Квазимодо схватилъ за плечи Жегана, который уже не сопротивлялся, чувствуя, что погибъ. Правой рукой глухой, сохраняя молчаніе, сталъ снимать съ зловѣщей медленностью со школяра всѣ части его вооруженія — шпагу, кинжалъ, шлемъ, латы, наручники. Какъ обезьяна, которая очищала бы орѣхъ отъ кожуры, Квазимодо бросалъ къ своимъ ногамъ одинъ за другимъ куски желѣзной скорлупы, защищавшей школяра.

Увидавъ себя безоружнымъ, раздѣтымъ, слабымъ и обнаженнымъ въ этихъ ужасныхъ рукахъ, Жеганъ не пытался заговорить съ глухимъ, но нагло засмѣялся ему въ лицо и запѣлъ съ неустрашимой беззаботностью шестнадцатилѣтняго школяра:

Elle est bien habillée
La ville de Cambrai
Marafin l'a pillée...

Онъ не кончилъ: Квазимодо, вскочивъ на парапетъ галлереи, схватилъ его за ногу и началъ вертѣть имъ въ воздухѣ, надъ бездной, какъ пращой. Затѣмъ послышался шумъ, какъ бы отъ ящика съ костями, разбитаго объ стѣну, и въ воздухѣ мелькнуло что-то, что остановилось приблизительно на трети пути, зацѣпившись за выступъ зданія. То было бездыханное тѣло, которое повисло согнувшись, съ перебитыми костями, съ размозженнымъ черепомъ.

Крикъ ужаса поднялся среди толпы.

— Отмстимъ! — кричалъ Клопенъ. — Разнесемъ все! — отвѣчала толпа. — На приступъ! На приступъ!

Раздался ревъ, гдѣ смѣшались всѣ языки, всѣ нарѣчія, всѣ акценты. Смерть бѣднаго школяра пробудила ярость въ этой толпѣ. Стыдъ и злоба овладѣли ею при мысли, что ее такъ долго отражалъ отъ церкви какой-то горбунъ. Ярость заставила найти лѣстницы, новые факелы, и черезъ нѣсколько минутъ Квазимодо съ ужасомъ увидалъ, что бродяги со всѣхъ сторонъ, какъ муравьи, карабкаются по стѣнамъ собора. Тѣ, кому не досталось лѣстницы, дѣлали петли на веревкахъ, а тѣ, у кого не было и веревокъ, лѣзли прямо, хватаясь за выступы изваяній, цѣпляясь за рубища своихъ товарищей. Нечего было и думать устоять противъ прилива этихъ ужасныхъ силъ. Изступленіе исказило эти и безъ того дикія лица; глаза ихъ метали молніи; съ землистаго цвѣта лбовъ потъ струился ручьями.

Всѣ эти искаженныя злобой, отвратительныя лица окружали Квазимодо. Можно было подумать—какое-то другое зданіе выслало для осады собора всѣхъ своихъ горгонъ-псовъ, драконовъ, демоновъ, свои самыя фантастическія изваянія. Какъ будто слой живыхъ чудовищъ покрылъ слой каменныхъ чудовищъ фасада.

Между тѣмъ, на площади, подобно звѣздамъ, зажглось множество факеловъ. Весь этотъ хаосъ, погруженный до того времени въ темноту, вдругъ озарился свѣтомъ. Площадь была залита свѣтомъ, отбрасывавшимъ свой отблескъ на небо. Костеръ на верхней площадкѣ собора продолжалъ горѣть, издали освѣщая городъ. Огромный силуэтъ двухъ башенъ, далеко раскинувшись надъ городомъ, образовалъ темное пятно на этомъ свѣтломъ фонѣ. Городъ проснулся. Съ разныхъ

сторонъ сталъ доноситься звонъ набата. Бродяги рычали, пыхтѣли, ругались и все продолжали взбираться наверхъ, а Квазимодо, сознавая свое безсиліе передъ такимъ наплывомъ враговъ, дрожа за цыганку, видя, что всѣ эти разъяренныя лица все ближе и ближе подвигаются къ галлереѣ, просилъ у неба чуда и въ отчаяніи ломалъ руки.

V.

Молельня короля Людовика XI.

Читатель, можетъ-быть, не забылъ, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ Квазимодо замѣтилъ толпу наступавшихъ подъ покровомъ ночи бродягъ, онъ, окидывая съ высоты своей башни взглядомъ Парижъ, видѣлъ на всемъ его пространствѣ одну только свѣтлую точку, свѣтившуюся въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа высокаго и мрачнаго зданія близъ Сентъ-Антуанскихъ воротъ. Это зданіе была Бастилія, а свѣтъ — свѣча Людовика XI.

Король уже два дня былъ въ Парижѣ, и черезъ день онъ предполагалъ отправиться въ крѣпостцу Монтильзъ-лэ-Туръ; онъ рѣдко и только на короткое время показывался въ своемъ добромъ городѣ Парижѣ, находя, что тамъ недостаточно подземелій, висѣлицъ и шотландскихъ стрѣлковъ.

Въ эту ночь онъ избралъ мѣстомъ своего ночлега Бастилію. Онъ не любилъ занимаемую имъ въ Луврѣ большую комнату съ ея огромнымъ каминомъ, украшеннымъ массивнымъ изображеніемъ двѣнадцати животныхъ и тринадцати пророковъ, съ постелью, имѣвшею одиннадцать футовъ ширины и двѣнадцать длины. Онъ терялся среди этого величія и при своихъ буржуазныхъ вкусахъ чувствовалъ себя больше по себѣ въ маленькой комнаткѣ съ узкой постелью въ Бастиліи. Къ тому же Бастилія была лучше укрѣплена, чѣмъ Лувръ.

Эта келейка, которую король устроилъ для себя въ зданіи знаменитой тюрьмы, была все же довольно просторна и помѣщалась въ самомъ верхнемъ этажѣ башенки, которою оканчивалась сторожевая башня за̀мка. Комната имѣла круглую форму, стѣны ея были обтянуты блестящими цыновками; деревянный потолокъ украшали жестяныя золоченыя лиліи, а промежутки между балками были цвѣтные; кругомъ шелъ роскошный цвѣтной карнизъ, усѣянный розетками изъ бѣлой жести, раскрашенными ярко-зеленымъ цвѣтомъ, составленнымъ изъ желтаго мышьяку и индиго.

Слабый свѣтъ проникалъ чрезъ узкое стрѣльчатое окно съ переплетомъ изъ проволоки и желѣзной рѣшеткой; цвѣтныя стекла окна были украшенны живописными изображеніями гербовъ короля и королевы и стоили каждое по двадцать два соля.

Въ комнатѣ былъ всего одинъ входъ — дверь современной архитектуры съ низкой притолокой, обитая изнутри богатой вышивкой, а снаружи — выпуклой изъ ирландской сосны тонкой артистической работы; такія двери еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ встрѣчались въ старинныхъ домахъ. „Хотя онѣ обезображиваютъ наши жилища и занимаютъ массу мѣста, — говоритъ съ отчаяніемъ Соваль, — однако, наши старики не желаютъ съ ними разставаться и хранятъ ихъ наперекоръ всему“.

Въ этой комнатѣ не было рѣшительно ни одной вещи, составляющей обыкновенно меблировку комнатъ — ни скамей, ни табуретовъ, ни скамеекъ въ формѣ сундуковъ, ни изящныхъ скамеечекъ на рѣзныхъ ножкахъ, стоившихъ по четыре су каждая. Въ кельѣ стояло одно только складное кресло великолѣпной работы; дерево на немъ было раскрашено розами по красному фону; сидѣніе было обито краснымъ сафьяномъ, широкая бахрома кругомъ была прибита золотыми гвоздями. Одиночество кресла показывало, что въ этой комнатѣ имѣетъ право сидѣть только одно лицо. Возлѣ кресла, у самаго окна, стоялъ столъ, покрытый скатертью съ изображеніемъ птицъ. На столѣ стояли чернильница, запятнанная чернилами, лежали свитки пергамента, перья и рѣзной серебряный кубокъ. Нѣсколько поодаль помѣщалась грѣлка, далѣе — аналой, обтянутый ярко-краснымъ бархатомъ съ выпуклыми золотыми украшеніями. Наконецъ, въ глубинѣ комнаты стояла простая постель съ пологомъ изъ желтой и красной парчи, обшитой самой простой бахромой. Эту самую постель, въ которой Людовикъ XI находилъ себѣ покой или безсонницу, двѣсти лѣтъ тому назадъ видѣла въ домѣ одного государственнаго совѣтника мадамъ Пилу, описанная въ романѣ „Киръ“ подъ именемъ „Аррицидіи“ или „Олицетворенной нравственности“.

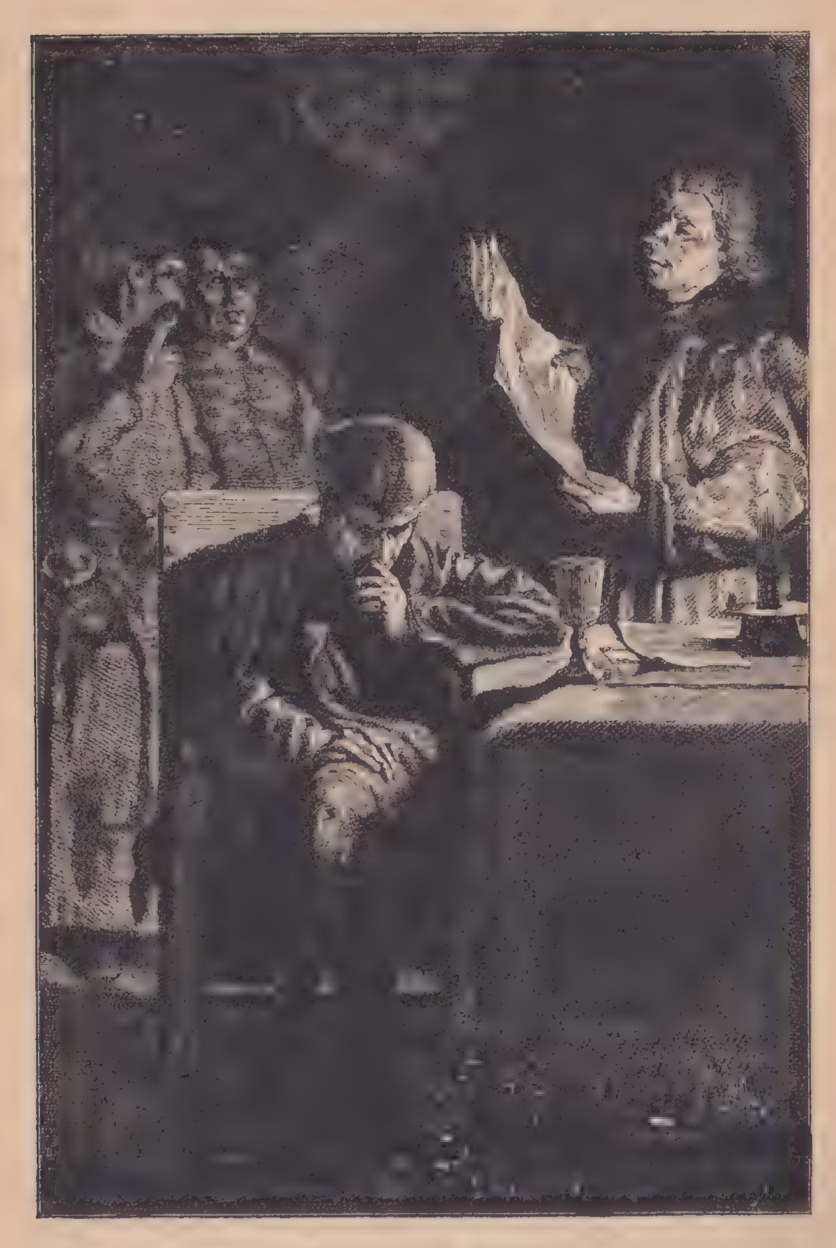
Такова была комната, называвшаяся „молельней Людовика XI“.

Въ ту минуту, какъ мы ввели читателя въ молельню, въ ней было довольно темно.

Сигналъ къ тушенію огней былъ данъ уже часъ тому назадъ; на дворѣ была ночь, и пять лицъ, находившихся въ комнатѣ, освѣщались только мерцающимъ свѣтомъ восковой свѣчи, стоявшей на столѣ.

Первый, на котораго падалъ свѣтъ, былъ вельможа въ великолѣпномъ нарядѣ, состоявшемъ изъ штановъ и полукафтанья пурпуровой матеріи съ серебряными полосами; поверхъ кафтана былъ надѣтъ родъ плаща съ широкими рукавами, украшенными отворотами изъ золотого сукна съ черными разводами. Этотъ великолѣпный нарядъ, на которомъ отражался свѣтъ, казалось, вспыхивалъ пламенемъ во всѣхъ своихъ складкахъ. У человѣка, носившаго его, на груди былъ вышитъ яркими красками гербъ—двѣ пересѣкающіяся подъ углами полосы, а подъ ними бѣгущая лань. Съ одной стороны герба находилась оливковая вѣтвь, съ другой — олений рогъ. За поясомъ у этого человѣка былъ заткнутъ богатый кинжалъ, золотая рукоятка котораго имѣла форму шлема и была украшена графской короной. Выраженіе лица вельможи были непріятное, гордое, высокомѣрное. При первомъ взглядѣ, на немъ читалась надменность, при второмъ — хитрость.

Онъ стоялъ безъ шапки, держа длинный свитокъ въ рукѣ, за кресломъ, въ которомъ сидѣла, некрасиво согнувшись, закинувъ одну ногу за другую и опершись локтемъ на столъ, личность весьма странной наружности. Пусть читатель представитъ себѣ на этомъ роскошномъ сафьянномъ креслѣ угловатыя колѣни и худыя ляжки, обтянутыя поношеннымъ чернымъ трико, туловище, закутанное въ бумазейный кафтанъ, обшитый совершенно облѣзлымъ мѣхомъ, и, наконецъ, въ довершеніе всего, на головѣ старую засаленную шапку изъ самого плохого сукна, отороченную шнуркомъ съ свинцовыми фигурками. Вотъ, вмѣстѣ съ засаленной ермолкой, почти скрывавшей волосы, все что можно было разсмотрѣть въ этой фигурѣ. Сидящій такъ низко наклонилъ голову, что изъ его лица, находившагося совершенно въ



Людовикъ XI въ Бастиліи.

тѣни, можно было разсмотрѣть только кончикъ носа, на который падалъ лучъ свѣта и который, повидимому, былъ довольно длиненъ. По худобѣ морщинистой руки въ сидѣвшемъ можно было предположить старика. Это былъ Людовикъ XI.

Стоя въ нѣкоторомъ разстояніи позади, разговаривали между собой два человѣка, одѣтые въ платье фламандскаго покроя. Они были настолько освѣщены, что каждый, присутствовавшій при представленіи мистеріи Гренгуара, безъ труда узналъ бы въ нихъ двухъ главныхъ представителей Фландріи — Гильома Рима, тонкаго гентскаго дипломата и Жака Коппеноля, популярнаго чулочника.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что оба эти человѣка имѣли тайныя политическія сношенія съ Людовикомъ XI.

Наконецъ, въ самой глубинѣ комнаты, у двери, стоялъ въ темнотѣ, неподвижный, какъ статуя, крѣпкій, коренастый человѣкъ въ военныхъ доспѣхахъ, въ кафтанѣ съ гербомъ; его четырехъугольное лицо съ огромнымъ ртомъ и глазами на выкатѣ, съ ушами, спрятанными подъ гладко начесанные волосы, и съ низкимъ лбомъ, напоминало въ одно и то же время и тигра и собаку.

Всѣ были безъ шапокъ, кромѣ короля.

Вельможа, стоявшій позади короля, читалъ ему нѣчто въ родѣ длинной докладной записки, которую его величество, повидимому, внимательно слушалъ.

— Ей Богу, я усталъ стоять! — проворчалъ Коппеноль. — Неужели здѣсь нѣтъ стула?

Римъ отвѣчалъ отрицательнымъ жестомъ, сопровождаемымъ сдержанной улыбкой.

— Ей Богу, мнѣ хочется усѣсться на полъ, поджавъ подъ себя ноги, какъ чулочникъ во время работы, или какъ я сижу въ своей лавочкѣ, — не унимался Коппеноль, раздосадованный также и тѣмъ, что приходилось такъ понижать голосъ.

— Какъ можно, метръ Жакъ?

— Ой ли! метръ Гильомъ! Стало-быть, здѣсь полагается присутствовать не иначе, какъ стоя на собственныхъ ногахъ.

— Или на колѣняхъ, — добавилъ его собесѣдникъ.

Въ эту минуту король возвысилъ голосъ. Разговаривавшіе умолкли.

— Пятнадцать су на платья нашимъ слугамъ и двѣнадцать ливровъ нашимъ придворнымъ писцамъ! Превосходно! Тратьте золото бочками! Да вы съума сошли, Оливье?

Говоря это, старикъ поднялъ голову. На его шеѣ заблестѣли золотыя раковины цѣпи ордена св. Михаила. Свѣча ярко освѣтила его худой, суровый профиль. Онъ вырвалъ свитокъ изъ рукъ Оливье.

— Вы насъ разоряете! — кричалъ онъ, пробѣгая ввалившимися глазами пергаментъ. — Къ чему все это? Зачѣмъ намъ такая роскошь въ нашемъ домѣ? Двумъ капелланамъ по десяти ливровъ въ мѣсяцъ каждому и причетнику по сто су! Камердинеру восемьдесятъ ливровъ въ годъ! Смотрителю за рабочими, огороднику, садовнику, повару, хранителю оружія, двумъ переводчикамъ по десяти ливровъ въ мѣсяцъ каждому! Двумъ поваришкамъ по восьми ливровъ! Конюху и его двумъ помощникамъ по двадцать четыре ливра въ мѣсяцъ! Разсыльному, пирожнику, хлѣбнику, двумъ кучерамъ по шестидесяти фунтовъ въ годъ! Кузнецу — сто двадцать ливровъ! А нашему казначею — тысячу

двѣсти ливровъ! Контролеру — пятьсотъ! И такъ безъ конца! Это безумство! Мы грабимъ Францію, чтобы платить жалованье нашимъ слугамъ! Да при подобныхъ расходахъ всѣ луврскія драгоцѣнности расплавятся, какъ на огнѣ. Всю посуду придется продать! А въ будущемъ году, если Господу и Пресвятой Богородицѣ — тутъ онъ приподнялъ шапку — угодно будетъ продлить нашу жизнь, мы будемъ пить изъ оловяннаго стакана.

Говоря это, король бросилъ взглядъ на серебряный кубокъ, сверкавшій на столѣ. Онъ кашлянулъ и затѣмъ продолжалъ:

— Метръ Оливье, владѣтельные князья, правители большихъ государствъ, короли и императоры не должны допускать роскоши въ своихъ домахъ, потому что оттуда этотъ огонь распространяется въ провинцію. — Итакъ, метръ Оливье, разъ навсегда: это намъ не нравится. Какъ это? До 79 года расходы не превышали тридцати шести тысячъ ливровъ. Въ 80 году они достигли шестидесяти шести тысячъ шестисотъ восьмидесяти ливровъ, а въ нынѣшнемъ году — я въ этомъ увѣренъ — дойдутъ до восьмидесяти тысячъ ливровъ. Въ четыре года они возросли вдвое! Это чудовищно!

Король замолчалъ, затѣмъ задыхаясь, продолжалъ запальчиво:

— Я вижу вокругъ себя только людей жирѣющихъ на счетъ моей худобы! Вы изъ всѣхъ моихъ поръ высасываете экю.

Всѣ молчали. У короля былъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ гнѣва, которые слѣдовало переждать. Онъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Это похоже на латинское прошеніе, поданное намъ феодалами Франціи, въ которомъ просятъ насъ возстановить, такъ называемыя „почетныя" придворныя должности. Нечего сказать, должности! Должности, отъ которыхъ хребетъ трещитъ! Вы заявляете, господа, что мы не настоящій король, если обходимся *dapifero nullo, buticulario nullo* [1]). Покажемъ мы вамъ, клянусь Пасхой, король ли мы!

Онъ улыбнулся съ сознаніемъ своего могущества; его дурное расположеніе духа смягчилось, и онъ обратился къ фламандцамъ:

— Видишь ли, кумъ Гильомъ: всѣ эти великіе хлѣбодары, виночерпіи, камергеры и сенешалы не стоятъ послѣдняго лакея... Запомни это, кумъ Коппеноль; въ нихъ нѣтъ никакого проку. Когда я вижу, какъ они безъ всякой пользы толкутся вокругъ меня, я вспоминаю статуи четырехъ евангелистовъ, окружающихъ циферблатъ большихъ дворцовыхъ часовъ, недавно подновленныхъ Филиппомъ Бриллемъ: они покрыты позолотой, но времени не указываютъ, и часы прекрасно могли бы обходиться безъ нихъ.

Онъ на минуту задумался и прибавилъ, покачавъ сѣдой головой:

— Ну, я не Филиппъ Брилль и не стану покрывать позолотой знатныхъ вассаловъ... Продолжай, Оливье.

Лицо, которое король называлъ этимъ именемъ, приняло изъ его рукъ тетрадь и продолжало чтеніе:

„Адаму Тенону, хранителю печатей въ парижскомъ вѣдомствѣ, за серебро, работу и гравировку этихъ печатей, сдѣланныхъ заново, ибо прежнія по ветхости и отъ долгаго употребленія уже не могутъ служить, — двадцать парижскихъ ливровъ.

---

[1]) Безъ всякаго кравчаго и виночерпія.

„Гильому Фреръ сумму въ четыре ливра четыре парижскихъ су за его труды и расходы по кормленію голубей на двухъ голубятняхъ отеля Турнель въ теченіе января, февраля и марта сего года. На тотъ же предметъ отпущено семь мѣръ ячменя. Францисканскому монаху за исповѣдь преступника четыре парижскихъ су“.

Король слушалъ молча, только время отъ времени покашливая; и тогда онъ бралъ кубокъ и отпивалъ изъ него глотокъ, дѣлая гримасу.

„Въ этомъ году, по распоряженію суда, было сдѣлано при звукахъ трубъ на перекресткахъ Парижа пятьдесятъ шесть оповѣщеній... Счетъ подлежитъ уплатѣ.

„За поиски и раскопки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Парижа и другихъ мѣстностяхъ кладовъ, которые, какъ говорятъ, тамъ были сокрыты — хотя ничего не найдено — сорокъ пять парижскихъ ливровъ“.

— Это значитъ закопать экю, чтобы выкопать су, — замѣтилъ король.

„.... За вставку шести панно изъ бѣлаго стекла въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится желѣзная клѣтка — тринадцать су... За изготовленіе и доставку, по приказу короля, въ день праздника шутовъ, четырехъ щитовъ съ королевскими гербами, увитыхъ розами — шесть ливровъ... — За новые рукава къ старому королевскому камзолу — двадцать су... За коробку мази для сапогъ короля — пятнадцать денье. — За новый хлѣвъ для помѣщенія королевскихъ черныхъ поросятъ — тридцать парижскихъ ливровъ. — Нѣсколько перегородокъ, досокъ и подъемныхъ дверей для помѣщенія львовъ въ звѣринцѣ близъ церкви св. Павла — двадцать два ливра“.

— Дороговько-таки обходятся эти звѣри, — сказалъ Людовикъ XI. — Ну, что дѣлать! Это королевская затѣя! Тамъ есть одинъ большой рыжій левъ, котораго я люблю за его ужимки... Метръ Гильомъ, видѣли вы его?.. Правителямъ необходимо имѣть такихъ диковинныхъ животныхъ. У насъ, королей, вмѣсто собакъ должны быть львы, а вмѣсто кошекъ — тигры. Величіе прилично коронѣ. Во времена языческія, когда народъ приносилъ въ жертву Юпитеру сто быковъ и сто овецъ, императоры давали сто львовъ и сто орловъ. Это было грозно и величественно. Короли французскіе всегда слышали рычаніе этихъ животныхъ вокругъ своего трона. Однако, надо отдать справедливость, что я трачу на этихъ звѣрей гораздо меньше, чѣмъ мои предшественники, и что число львовъ, медвѣдей, слоновъ и леопардовъ въ моемъ звѣринцѣ значительно сократилось... Продолжай, метръ Оливье; мы только желали сообщить это нашимъ друзьямъ — фламандцамъ.

Гильомъ Римъ низко поклонился, между тѣмъ, какъ Копеноль съ своей нахмуренной физіономіей походилъ на одного изъ тѣхъ медвѣдей, про которыхъ говорилъ король. Людовикъ не обратилъ дальнѣйшаго вниманія на фламандцевъ. Онъ омочилъ губы въ кубкѣ и выплюнулъ напитокъ, говоря:

— Фи, гадость!..

Читавшій продолжалъ:

„За прокормъ бездѣльника-бродяги, содержащагося шесть мѣсяцевъ на бойнѣ въ ожиданіи рѣшенія своей участи, — шесть ливровъ четыре су“...

— Это что? — прервалъ король. — Кормить того, кого слѣдуетъ повѣсить. Клянусь Пасхой, я не дамъ больше ни одного су на его

прокормъ. Оливье, переговори объ этомъ съ господиномъ д'Эстутвилемъ и сегодня же вечеромъ устрой все, что нужно для вѣнчанія этого молодца съ висѣлицей... Продолжай.

Оливье сдѣлалъ знакъ ногтемъ противъ статьи о *„бездѣльникѣ-бродягѣ“*.

„Анріэ Кузену, главному палачу при парижскомъ уголовномъ судѣ, выдана сумма въ шестьдесятъ парижскихъ су, по опредѣленію и приказанію господина парижскаго префекта на покупку, по распоряженію того же вышепоименованнаго г. префекта, большого меча для обезглавленія и казни лицъ осужденныхъ судомъ за ихъ проступки; а также за снабженіе вышеупомянутаго меча ножнами и всѣмъ необходимымъ; равно какъ за обновленіе и исправленіе стараго меча, треснувшаго и зазубрившагося при казни синьора Людвига Люксембургскаго, въ удостовѣреніе чего“...

Король прервалъ его:

— Довольно. Съ удовольствіемъ назначаю эту сумму. Противъ такихъ расходовъ я не возражаю. Я никогда не жалѣлъ денегъ, истраченныхъ на такіе предметы. Продолжай.

„За передѣлку заново новой клѣтки“...

— Да, я зналъ, что не даромъ пріѣхалъ въ эту Бастилію! — сказалъ король, опираясь обѣими руками на ручки кресла. — Подожди, метръ Оливье. Я хочу самъ взглянуть на клѣтку. Прочтешь мнѣ счетъ, пока я ее буду разсматривать... Господа фламандцы, пойдемте взглянуть. Это интересно.

Онъ всталъ, опираясь на руку своего собесѣдника, приказалъ знакомъ безмолвной личности, стоявшей у дверей, итти впереди, а фламандцамъ слѣдовать за собой, и вышелъ изъ комнаты.

У дверей кельи къ королю присоединилась свита, состоявшая изъ закованныхъ въ желѣзо воиновъ и маленькихъ пажей, которые несли факелы. Нѣкоторое время король и его спутники шли въ темной башнѣ, по лѣстницамъ и коридорамъ, мѣстами продѣланнымъ въ самой толщѣ стѣны. Комендантъ Бастиліи шелъ во главѣ, приказывая отворять двери передъ старымъ, согбеннымъ, больнымъ королемъ, кашлявшимъ во все время пути.

Передъ каждой дверью всѣмъ, кромѣ старика, согбеннаго лѣтами, приходилось нагибаться.

— Гм! — бормоталъ онъ сквозь десны, такъ какъ зубовъ у него не было, — мы ужъ близки къ двери подземелья. Въ него ведетъ низенькая дверца, входить въ которую можно — согнувшись.

Наконецъ, пройдя черезъ послѣднюю дверь, на которой было навѣшено столько замковъ, что пришлось провозиться четверть часа надъ ихъ отпираніемъ, они вошли въ большую высокую залу со стрѣльчатымъ сводомъ, посрединѣ которой при свѣтѣ факеловъ можно было разсмотрѣть массивный кубъ изъ камня, желѣза и дерева. Внутренность его была пуста. То была одна изъ клѣтокъ, предназначавшихся для государственныхъ преступниковъ и называвшихся *„дочками короля“*. Въ стѣнахъ куба было два или три окошечка, снабженныхъ такой частой рѣшеткой, что стеколъ совершенно не было видно. Дверью служила огромная плоская плита, какъ у могилы, — одна изъ тѣхъ дверей, которыя отворяются только для входа, но не для выхода. Только здѣсь мертвецомъ былъ живой человѣкъ.

Король сталъ медленно обходить сооруженіе, внимательно осматривая его, между тѣмъ, какъ Оливье громко читалъ счетъ:

„На поправку заново большой деревянной клѣтки изъ толстыхъ бревенъ, рамъ и лежней, имѣющей девять футовъ длины, при восьми ширины и восьми высоты между поломъ и потолкомъ, и окованной желѣзомъ клѣтки, устроенной въ одномъ изъ отдѣленій одной изъ башенъ крѣпости св. Антонія и служащей помѣщеніемъ задержанному по приказу короля, нашего государя, узника, помѣщавшагося въ старой развалившейся клѣткѣ. На вышеупомянутую новую клѣтку употреблено девяносто шесть бревенъ въ ширину, пятьдесятъ въ длину и десять трехсаженныхъ лежней. Заняты были постройкой этой клѣтки девятнадцать плотниковъ, обтесывавшихъ, пригонявшихъ и сколачивавшихъ весь матеріалъ на дворѣ Бастиліи двадцать дней“...

— Дубъ порядочный,—замѣтилъ король, пробуя кулакомъ дерево.

„...На клѣтку пошло,—продолжалъ читать Оливье,—двѣсти двадцать толстыхъ восьми и девяти футовыхъ желѣзныхъ брусьевъ, кромѣ нѣкотораго количества средняго размѣра, съ прибавкой къ нимъ обручей, болтовъ и скрѣпъ для упомянутыхъ брусьевъ. Все это желѣзо вѣситъ три тысячи семьсотъ тридцать пять фунтовъ, кромѣ восьми толстыхъ колецъ для прикрѣпленія клѣтки къ полу, вѣсящихъ вмѣстѣ съ гвоздями и скобками двѣсти восемнадцать фунтовъ—желѣза и желѣзныхъ оконныхъ рѣшетокъ помѣщенія, гдѣ поставлена клѣтка; дверныхъ засововъ и прочаго“...

— Не мало пошло желѣза, чтобы обуздать легкомысліе,—замѣтилъ король.

„...Стоимость всего — триста семнадцать ливровъ пять су семь денье“.

— Клянусь Пасхой,—не мало!—воскликнулъ король.

При этомъ любимомъ восклицаніи Людовика XI въ клѣткѣ какъ будто что-то зашевелилось, послышался лязгъ цѣпей и слабый голосъ, выходившій какъ бы изъ могилы:

— Государь! государь! пощадите!

Говорившаго нельзя было разсмотрѣть.

— Триста семнадцать ливровъ пять су семь денье!—повторилъ Людовикъ XI.

Жалобный голосъ, выходившій изъ клѣтки, заледянилъ ужасомъ всѣ сердца, даже сердце самого Оливье. Одинъ только король, какъ будто, не слыхалъ этого голоса. По его приказанію, метръ Оливье возобновилъ чтеніе, а его величество хладнокровно продолжалъ осмотръ клѣтки.

„... Кромѣ того, заплачено каменщику, пробивавшему въ стѣнахъ дыры для укрѣпленія рѣшетокъ въ окнахъ и на полу помѣщенія, гдѣ клѣтка, ибо полъ не могъ бы сдержать этой клѣтки по ея тяжести, двадцать семь ливровъ четырнадцать парижскихъ су.

Голосъ снова простоналъ:

— Смилуйтесь, государь! Клянусь вамъ, что измѣнникъ—кардиналъ Анжерскій, а не я.

— Дорогой попался каменщикъ,—замѣтилъ король. — Продолжай Оливье.

Оливье продолжалъ:

„Столяру за рамы, кровать, судно и прочія принадлежности—двадцать ливровъ два парижскихъ су“...

Опять послышался голосъ:

— Государь! Неужели вы не выслушаете меня? Увѣряю васъ, что не я писалъ монсиньёру Гіенскому, а г. кардиналъ Балю

— Дорогъ и столяръ! — замѣтилъ король. — Ну все?

— Нѣтъ еще, государь... — „Стекольщику за вставку оконъ въ означенномъ помѣщеніи — сорокъ шесть су восемь парижскихъ деньe“.

— Помилосердуйте, государь! Развѣ недостаточно того, что все мое состояніе отдано моимъ судьямъ, серебряная посуда — господину де-Торси, библіотека — метру Пьеру Доріолль, ковры — губернатору Руссильонскому? Я ни въ чемъ не повиненъ. Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, что я дрожу отъ холода въ желѣзной клѣткѣ. Пощадите, государь. Вамъ это зачтется на томъ свѣтѣ!

— Метръ Оливье, какова вся сумма? — спросилъ король.

— Триста шестьдесятъ семь ливровъ восемь су три парижскихъ деньe.

— Пресвятая Дѣва! — воскликнулъ король. — Эта клѣтка — одно разореніе.

Онъ вырвалъ тетрадь изъ рукъ Оливье и началъ самъ считать по пальцамъ, смотря то на пергаментъ, то на клѣтку. Между тѣмъ, оттуда доносились рыданія заключеннаго. Они производили тяжелое впечатлѣніе среди царившей темноты и присутствовавшіе переглядывались, блѣднѣя.

— Четырнадцать лѣтъ, государь! Въ апрѣлѣ уже минуло четырнадцать лѣтъ. Во имя Матери Божіей, выслушайте меня, государь. Вы все это время наслаждались солнечнымъ тепломъ. Неужели мнѣ, несчастному, уже не суждено увидать свѣтъ Божій? Помилуйте, государь! Будьте милосердны. Милосердіе—высокая добродѣтель государей, торжествующая надъ гнѣвомъ. Неужели ваше величество полагаетъ, что для короля является на смертномъ одрѣ большимъ утѣшеніемъ сознаніе, что онъ не оставитъ безнаказанной ни одну обиду? Къ тому же, государь, я не измѣнялъ вашему величеству, а измѣнилъ кардиналъ Анжерскій. А у меня ноги скованы тяжелой цѣпью съ тяжелымъ шаромъ на концѣ — гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ я того заслужилъ! Государь, сжальтесь надо мной!

— Оливье, — сказалъ король, качая головой, — я замѣчаю, что мнѣ ставятъ известку по двадцати су за бочку, когда она стоитъ не больше двѣнадцати су. Этотъ счетъ вы исправьте.

Онъ повернулся отъ клѣтки и направился къ выходу. Несчастный узникъ заключилъ по удаляющемуся свѣту факеловъ, что король уходитъ.

— Государь! Государь! — кричалъ онъ въ отчаяніи.

Дверь затворилась. Узникъ уже ничего не слышалъ, кромѣ хриплаго голоса тюремщика, распѣвавшаго надъ самымъ ухомъ:

Maître Jean Balue
A perdu la vue
De ses évêchés.
Monsieur de Verdun
N'en a plus pas un,
Tous sont dépêchés [1])

---

[1]) Метръ Жанъ Балю потерялъ изъ виду свою епархію; у архіепископа Верденскаго не осталось ни одной.

Король молча поднимался въ свою молельню, а свита его шла за нимъ подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ стоновъ узника. Вдругъ его величество обернулся къ коменданту Бастиліи:

— Кстати! Въ клѣткѣ какъ будто кто-то есть?

— Какъ же, государь! — отвѣтилъ комендантъ, пораженный вопросомъ.

— Кто же?

— Архіепископъ Вердэнскій.

Королю это было извѣстно лучше, чѣмъ кому-нибудь. Но такова была одна изъ привычекъ короля.

— А! — сказалъ онъ съ наивнымъ видомъ, будто въ первый разъ вспомнивъ объ этомъ: — Гильомъ де-Гаранкуръ, другъ кардинала Балю. Добрякъ былъ епископъ!

Черезъ нѣсколько минутъ дверь молельни опять отворилась и снова затворилась за пятью лицами, которыхъ читатель видѣлъ въ началѣ главы. Они снова заняли свои мѣста и въ прежнихъ позахъ продолжали свои разговоры.

Во время отсутствія короля на столъ положили нѣсколько депешъ, которыя онъ самъ распечаталъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ *метру Оливье*, повидимому, исполнявшему при немъ должность министра, чтобы тотъ взялъ перо, и, не сообщая ему содержаніе депешъ, началъ вполголоса диктовать отвѣты. Оливье писалъ въ довольно неудобной позѣ, — стоя на колѣняхъ передъ столомъ.

Гильомъ Римъ наблюдалъ.

Король говорилъ такъ тихо, что фламандцы могли слышать только малопонятные отрывки изъ того, что онъ диктовалъ.

„... Поддерживать торговлю въ плодородныхъ мѣстностяхъ, а фабричную промышленность въ безплодныхъ... Показать англичанамъ наши четыре бомбардирскихъ судна: „Лондонъ“, „Брабантъ“, „Бургъ-ан-Брессъ“, „Сентъ-Омеръ“... Война ведется теперь правильнѣе, благодаря артиллеріи... Нашему другу, г. де-Брелюиру... Нельзя содержать армію безъ налоговъ“... и т. д.

Однажды король пожалъ плечами:

— Клянусь Пасхой! Его величество, король сицилійскій, печатаетъ свои письма желтымъ воскомъ, какъ король Франціи. Мы, можетъ-быть, напрасно допускаемъ это. Нашъ любезный кузенъ, герцогъ Бургундскій, никому не давалъ герба съ краснымъ фономъ. Величіе царственныхъ родовъ поддерживается неприкосновенностью привилегій. Запиши это, кумъ Оливье. — Онъ пробѣжалъ посланіе, прерывая чтеніе восклицаніями: — Правда, нѣмцы такъ многочисленны и сильны, что едва вѣришь тому!.. Но мы не забываемъ поговорки: нѣтъ страны прекраснѣе Фландріи, герцогства прекраснѣе Милана и королевства — Франціи... Не такъ ли, господа фламандцы?

На этотъ разъ Копеноль и Гильомъ Римъ поклонились: король пощекоталъ патріотизмъ чулочника.

Послѣдняя депеша заставила Людовика XI нахмуриться.

— Это что? Жалобы и недовольство нашими гарнизонами въ Пикардіи? Оливье, напиши немедленно маршалу Руо... что дисциплина падаетъ... что разъѣздные жандармы, служащіе въ войскѣ, по призыву дворяне, вольные стрѣлки и швейцарцы наносятъ безконечный вредъ крестьянству... Что солдаты, недовольствуясь тѣмъ, что они находятъ въ

домахъ земледѣльцевъ, принуждаютъ ихъ палкою и плетью отправляться въ городъ за виномъ, рыбой, сластями и другими предметами роскоши... Напиши, что королю это извѣстно, что мы намѣреваемся оградить нашъ народъ отъ поборовъ, грабежей и насилій... и что, кромѣ того, намъ не угодно, чтобы всякіе менестрели, цырюльники, денщики одѣвались, какъ князья, въ бархатъ, шелковыя матеріи и носили золотые перстни... Подобное тщеславіе ненавистно Богу... Мы сами, хотя и дворяне, — довольствуемся суконнымъ кафтаномъ по шестнадцати су за парижскій локоть... Простонародье можетъ, слѣдовательно, тоже снизойти до сукна... Предпишите и прикажите!.. Господину Руо, нашему другу... Хорошо!

Онъ продиктовалъ это письмо громко, твердымъ, отрывистымъ тономъ. Въ ту минуту, какъ онъ его кончилъ, дверь отворилась, и появилось новое лицо, бросившееся въ комнату съ крикомъ:

— Государь! Парижская чернь бунтуетъ!

Строгое лицо Людовика исказилось; но это проявленіе волненія промелькнуло, какъ молнія. Онъ сдержался и сказалъ строго, спокойно:

— Что за манера такъ врываться къ намъ, кумъ Жакъ?

— Государь! Бунтъ! — отвѣтилъ, еле переводя духъ, „кумъ Жакъ".

Король, вставъ, грубо взялъ его за плечо и съ сдержаннымъ гнѣвомъ и, искоса поглядывая на фламандцевъ, сказалъ ему на ухо такъ, что Жакъ одинъ могъ слышать:

— Молчи, или говори шопотомъ.

Вошедшій понялъ и началъ шопотомъ сбивчивый разсказъ, который король слушалъ спокойно, между тѣмъ, какъ Вильгельмъ Римъ обращалъ вниманіе Коппеноля на лицо и нарядъ прибѣжавшаго, на его мѣховую шапку — *caputia porrata* — короткую епанчу — *epitogia curta* — и длинное платье изъ чернаго бархата, указывавшее на предсѣдателя счетной палаты.

Едва эта личность успѣла дать кое-какія объясненія королю, какъ Людовикъ XI воскликнулъ, захохотавъ:

— Въ самомъ дѣлѣ? Да говори же громче, кумъ Куактье. Чего шептаться? Пресвятой Дѣвѣ извѣстно, что у насъ нѣтъ ничего тайнаго отъ нашихъ друзей — фламандцевъ.

— Но, государь...

— Говори громче!

„Кумъ Куактье" молчалъ въ изумленіи.

— Ну же, говори, — продолжалъ король — въ нашемъ добромъ городѣ Парижѣ волненіе черни?

— Да, государь.

— Направленное, по твоимъ словамъ, противъ предсѣдателя суда?

— Да, повидимому, такъ, — отвѣчалъ „кумъ", путаясь въ словахъ послѣ рѣдкой, необъяснимой перемѣны, происшедшей въ мысляхъ короля.

Людовикъ XI спросилъ:

— Гдѣ ночной обходъ встрѣтилъ толпу?

— По дорогѣ отъ Двора Чудесъ къ мосту Мѣнялъ. И я повстрѣчался съ ней, отправляясь сюда по приказанію вашего величества. Я слышалъ, какъ нѣкоторые кричали: „Долой предсѣдателя суда".

— Что они имѣютъ противъ него?

— Вѣдь онъ ихъ ленный владѣтель.

— Въ самомъ дѣлѣ?!.

— Да, государь; это бродяги съ Двора Чудесъ. Они уже давно жалуются на предсѣдателя, которому подчинены. Они не хотятъ признавать за нимъ ни права судить ихъ ни права собирать подати.

— Вотъ какъ! — замѣтилъ король съ улыбкой удовольствія, которую тщетно старался скрыть.

— Во всѣхъ своихъ прошеніяхъ къ парламенту они утверждаютъ, что повинуются только двумъ высшимъ властямъ — вашему величеству и своему Богу, которымъ они, по моему мнѣнію, считаютъ сатану, — отвѣчалъ кумъ Жакъ.

— Эге! — удивился король.

Онъ потиралъ себѣ руки и смѣялся тѣмъ внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго сіяетъ лицо. Онъ не могъ скрыть радости, хотя и пытался сдержать себя. Никто ничего не понималъ, даже самъ Оливье. Король съ минуту молчалъ, задумавшись, но съ довольнымъ лицомъ.

— Много ихъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Да, государь, не мало, — отвѣчалъ кумъ Жакъ.

— Сколько?

— По крайней мѣрѣ, шесть тысячъ.

Король не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть·

— Отлично!

Затѣмъ онъ снова спросилъ:

— Вооружены?

— Косами, пиками, самострѣлами, заступами, всякимъ смертоноснымъ оружіемъ.

Этотъ перечень, повидимому, вовсе не встревожилъ короля. Кумъ Жакъ счелъ долгомъ прибавить:

— Если ваше величество не пошлете поспѣшно помощи предсѣдателю, онъ погибъ.

— Пошлемъ, — съ притворной серьезностью проговорилъ король, — конечно, пошлемъ. Предсѣдатель нашъ другъ. Шесть тысячъ! Какіе выискались отчаянные! Неслыханная дерзость, и мы на нее очень гнѣваемся. Но у насъ подъ рукой сегодня мало народу... Успѣемъ послать завтра.

Кумъ Жакъ осмѣлился возразить:

— Нѣтъ, сейчасъ, государь! До завтра все успѣютъ двадцать разъ разграбить, все разворовать, и самого судью повѣсить. Ради Бога, государь, пошлите, не дожидаясь завтрашняго дня.

Король пристально взглянулъ ему въ лицо.

— Я сказалъ — завтра утромъ!

Помолчавъ, Людовикъ XI снова возвысилъ голосъ.

— Кумъ Жакъ, ты долженъ знать это. Каковы были... — онъ поправился: — каковы феодальные права предсѣдателя.

— Государь, предсѣдатель суда владѣетъ улицей Каляпуръ до улицы Эрбри, площадью св. Михаила и постройками, извѣстными въ просторѣчьи подъ названіемъ Ле-Мюро, лежащими, въ числѣ тринадцати, близъ церкви Богородицы въ Поляхъ (тутъ Людовикъ XI приподнялъ шляпу), затѣмъ Дворомъ Чудесъ, больницей, называемой Банльё, всѣмъ шоссе отъ этой больницы до воротъ св. Іакова. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ пользуется правомъ суда и собиранія податей; вообще — всѣми правами владыки.

— Ого! — сказалъ король, почесывая за лѣвымъ ухомъ правой рукой, — порядочный кусочекъ моего города. Такъ г. судья *былъ* владѣльцемъ всего этого?

На этотъ разъ онъ не поправился и продолжалъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой:

— Подождите, г. судья! Хорошій кусочекъ нашего Парижа въ вашихъ зубахъ!

Вдругъ онъ разразился:

— Клянусь Пасхой! Что это за господа, присвоивающіе себѣ права сборщиковъ податей, судей, правителей, полныхъ хозяевъ въ нашемъ государствѣ! У нихъ свои сборщики податей, свой судъ и палачи на всѣхъ перекресткахъ! Выходитъ, что—какъ грекъ насчитывалъ столько боговъ, сколько было источниковъ въ его странѣ, а персъ — столько, сколько звѣздъ на небѣ, такъ французъ считаетъ въ своемъ отечествѣ столько королей, сколько видитъ висѣлицъ! Прескверный порядокъ, и подобное смѣшеніе мнѣ не нравится. Желалъ бы я узнать, волей ли Всевышняго установлено, чтобы въ Парижѣ кто-либо получалъ подати, кромѣ короля, чтобы судилъ кто-либо, кромѣ нашего парламента, и въ нашемъ государствѣ былъ иной государь, кромѣ насъ. Клянусь спасеніемъ своей души! Пора наступить дню, когда во Франціи будетъ одинъ король, одинъ владыка, одинъ судья, одинъ палачъ, подобно тому, какъ есть одинъ только рай, одинъ Богъ!

Онъ еще разъ приподнялъ шапку и продолжалъ, какъ бы погруженный въ свою мысль, тономъ охотника, науськивающаго и спускающаго свою свору:

— Хорошо, мой вѣрный народъ! Сокрушай этихъ самозванныхъ властителей! Дѣлай свое дѣло. Ату ихъ! Грабь ихъ, вѣшай, разоряй!.. А! вы захотѣли стать королями, господа! Бери ихъ, народъ, бери!..

Тутъ онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, закусилъ губу, какъ бы желая вернуть чуть было не вырвавшуюся наружу мысль, окинулъ своимъ проницательнымъ взглядомъ каждаго изъ присутствовавшихъ по очереди, и вдругъ схвативъ обѣими руками шапку и глядя на нее, сказалъ:

— О, я бы сжегъ тебя, если бъ ты знала, что у меня въ головѣ.

Затѣмъ, снова еще разъ оглядѣвшись внимательнымъ и тревожнымъ взглядомъ лисицы, тайкомъ пробирающейся въ свою нору, онъ докончилъ:

— Ну, все равно! Мы окажемъ помощь г. судьѣ. Къ несчастью, у насъ здѣсь мало войска сравнительно съ такой массой черни. Надо подождать до завтра. Порядокъ будетъ возстановленъ, а кого захватятъ, безъ разговоровъ повѣсятъ.

— Кстати, государь, съ перепугу я забылъ доложить, что стража захватила двухъ бродягъ изъ шайки. Если вашему величеству угодно будетъ видѣть этихъ людей, они тамъ.

— Угодно будетъ ихъ видѣть! — закричалъ король. — Клянусь Пасхой! Какъ ты забылъ такую вещь? Оливье, бѣги за ними!

Метръ Оливье вышелъ и черезъ минуту вернулся съ двумя захваченными, окруженными конвоемъ королевскихъ стрѣлковъ. У перваго изъ арестантовъ было толстое, глупое лицо пьяницы. Онъ былъ одѣтъ въ рубище и шелъ, сгибая колѣни и волоча одну ногу. Второй былъ человѣкъ съ блѣдной улыбающейся физіономіей, уже знакомый читателю.

Король смотрѣлъ на нихъ съ минуту, не говоря ни слова, затѣмъ вдругъ, обращаясь къ первому изъ приведенныхъ, спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Жьефруа Пенсбурдъ.

— Ремесло?

— Бродяга.

— Чего тебѣ понадобилось бунтовать?

Бродяга смотрѣлъ на короля, качая руками съ глупымъ видомъ. Это была одна изъ тѣхъ несуразныхъ головъ, гдѣ уму такъ же удобно помѣщаться, какъ огню подъ гасильникомъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ. — Другіе пошли, и я пошелъ.

— Вы шли нападать на вашего господина, предсѣдателя суда?

— Я знаю, что хотѣли нападать на что-то, захватить кого-то. Вотъ и все.

Одинъ изъ солдатъ показалъ кривой ножъ, найденный у бродяги.

— Ты узнаешь это оружіе? — спросилъ король.

— Да, это мой ножъ. Я виноградарь.

— А въ этомъ человѣкѣ признаешь своего товарища? — спросилъ Людовикъ, указывая на второго арестанта.

— Нѣтъ; я его не знаю.

— Довольно, — сказалъ король, дѣлая знакъ личности, молча стоявшей у двери и уже замѣченной читателемъ.

— Кумъ Тристанъ, займись имъ.

Тристанъ Пустынникъ поклонился. Онъ тихимъ голосомъ отдалъ приказаніе двумъ стрѣлкамъ, и они увели несчастнаго бродягу.

Между тѣмъ, король подошелъ ко второму арестованному, съ котораго градомъ катился потъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Пьеръ Гренгуаръ, государь.

— Ремесло?

— Философъ, государь.

— Какъ ты смѣешь возставать противъ нашего друга, господина предсѣдателя суда, и что скажешь объ этомъ бунтѣ черни?

— Государь, я въ немъ не участвовалъ.

— Какъ это? Развѣ не захватила тебя, грабителя, стража въ той толпѣ?

— Нѣтъ, государь — тутъ недоразумѣніе. Это злой рокъ. Я пишу трагедіи. Умоляю ваше величество выслушать меня. Я поэтъ. Людей моей профессіи меланхолія иногда заставляетъ выйти ночью на улицу. Со мной это случилось сегодня. Несчастная случайность! Меня задержали напрасно. Я не принималъ участія въ бунтѣ. Ваше величество видѣли, что бродяга не узналъ меня. Умоляю васъ, ваше величество...

— Молчи, — приказалъ король, отпивая своего питья. — Отъ твоей болтовни голова трещитъ...

Тристанъ Пустынникъ подошелъ и, указывая на Гренгуара пальцемъ, спросилъ:

— Государь, и этого можно повѣсить?

Это были первыя слова, произнесенныя имъ.

— Пхэ! — небрежно отвѣтилъ король, — не имѣю ничего противъ...

— А я-то имѣю! — сказалъ Гренгуаръ.

. Нашъ философъ былъ въ эту минуту зеленѣе оливки. По холодному и безучастному лицу короля онъ увидалъ, что спасенія можно искать въ какомъ-нибудь очень патетическомъ эффектѣ. Онъ бросился къ ногамъ Людовика, восклицая съ отчаянными жестами:

— Ваше величество, сдѣлайте милость выслушать меня! Государь, не тратьте ваши громы на такое ничтожество, какъ я. Громъ Божій не поражаетъ латукъ. Государь, великій, могущественный монархъ, сжальтесь надъ несчастнымъ, но честнымъ человѣкомъ, которому такъ же невозможно подстрекать кого-либо къ бунту, какъ льдинѣ невозможно дать изъ себя искру! Милостивый государь, — милосердіе добродѣтель льва и короля. Увы! Строгость только запугиваетъ умы; бѣшенымъ порывомъ вѣтра не сорвать плаща съ странника; солнце же, пригрѣвая его своими лучами, мало-по-малу такъ разгорячаетъ его, что заставляетъ остаться въ одной рубахѣ. Государь, вы солнце! Увѣряю васъ, мой государь, господинъ и повелитель, что я не бродяга, не товарищъ этихъ безумныхъ воровъ. Бунтъ и разбой не пристали привратнику Аполлона. Не такой я человѣкъ, чтобъ броситься въ эти грозныя тучи черни, которыя разражаются мятежомъ. Я вѣрный вассалъ вашего величества. Подобно тому, какъ мужъ дорожитъ честью своей жены, а сынъ дрожитъ при мысли навлечь на себя гнѣвъ отца, такъ хорошій вассалъ дорожитъ славой своего короля. Онъ долженъ положить свою жизнь за его августѣйшій домъ, служа ему. Всякая иная страсть, берущая верхъ надъ этимъ чувствомъ — заблужденіе. Вотъ, государь, мои политическія правила. Не смотрите же на меня, какъ на бунтовщика и грабителя, видя мое вытертое на локтяхъ платье. Если вы меня помилуете, я протру его на колѣняхъ, молясь денно и нощно за васъ! Правда, я не очень богатъ, и даже нѣсколько бѣдноватъ; но это не сдѣлало меня порочнымъ. Это не моя вина. Всѣмъ извѣстно, что литературными трудами не накопишь большого богатства, и что у углубляющихся въ хорошія книги не всегда бываетъ яркій огонь зимою. Одна только адвокатура склевываетъ всѣ зерна, оставляя мякину прочимъ научнымъ профессіямъ. На дырявый плащъ философовъ есть сорокъ пословицъ. О, государь, милосердіе — единственный свѣтъ, способный освѣтить великую душу. Милосердіе — свѣточъ, озаряющій всѣ прочія добродѣтели. Безъ нея это — слѣпцы, ищущіе Бога ощупью. Милосердіе создаетъ любовь подданныхъ, которая является лучшей охраной личности государя. Что въ томъ вашему величеству, ослѣпляющему всѣхъ вашимъ могуществомъ, если на свѣтѣ будетъ больше однимъ человѣкомъ — однимъ философомъ, который будетъ продолжать плестись во мракѣ бѣдствій съ пустыми карманами, болтающимися надъ его пустымъ желудкомъ? Къ тому же, государь, я ученый. Великіе, государь, увеличиваютъ славу своего вѣнца, покровительствуя ученымъ. Геркулесъ не пренебрегалъ титуломъ покровителя музъ. Матѳей Корвинъ покровительствовалъ Жану Монруалю, украшенію математиковъ. Плохое же было бы покровительство наукамъ, если бы ученыхъ вѣшали. Какое пятно наложилъ бы на себя Александръ, если бъ велѣлъ повѣсить Аристотеля! Этотъ поступокъ не былъ бы мушкой для украшенія его лица, но зловреднымъ наростомъ, который бы испортилъ его лицо. Государь, я написалъ очень удачную оду на въѣздъ принцессы Фландрской и августѣйшаго дофина. Развѣ могъ бы сдѣлать это мятежникъ? Ваше величество видитъ, что я не полуграмотный босякъ,

что я многому учился и обладаю природнымъ талантомъ. Помилуйте меня, государь. Этимъ вы угодите Пресвятой Дѣвѣ, и, клянусь вамъ, меня очень пугаетъ мысль о висѣлицѣ!

При этомъ Гренгуаръ въ отчаяніи цѣловалъ туфли короля, а Гильомъ Римъ говорилъ Коппенолю:

— Хорошо дѣлаетъ, что валяется у его ногъ. Король все равно, что критскій Юпитеръ, — у него уши только въ ногахъ.

А чулочникъ, не думая о критскомъ Юпитерѣ, отвѣчалъ съ натянутой улыбкой, смотря на Гренгуара:

— Превосходно! Точно канцлеръ Гюгонэ, когда онъ молилъ меня о пощадѣ.

Когда, наконецъ, Гренгуаръ умолкъ, еле переводя духъ, то дрожа поднялъ глаза на короля, который ногтемъ отчищалъ пятно на колѣняхъ своихъ панталонъ. Затѣмъ его величество началъ медленно пить свой напитокъ изъ кубка. Онъ не говорилъ ни слова, и это молчаніе было пыткой для Гренгуара. Наконецъ, Людовикъ взглянулъ на него:

— Вотъ такъ болтунъ, — проговорилъ онъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Тристану, приказалъ:

— Отпусти его!

Гренгуаръ такъ и присѣлъ, не помня себя отъ радости.

— Отпустить! — проворчалъ Тристанъ. — Ваше величество, не подержать ли его немножко въ клѣткѣ?

— Неужели ты думаешь, кумъ, что мы строимъ клѣтки, обходящіяся намъ по триста шестидесяти семи ливровъ восьми су, три денье, для такихъ птицъ, какъ онъ? Отпусти этого плута! (Людовикъ XI очень любилъ это слово, которое вмѣстѣ съ „Клянусь Пасхой“ всегда употреблялъ въ веселыя минуты). Вытолкать его отсюда пинкомъ!

— Ахъ! — воскликнулъ Гренгуаръ, — вотъ великій король!

Опасаясь, чтобы король не взялъ назадъ своего приказанія, онъ бросился къ двери, которую Тристанъ отворилъ ему довольно неохотно. Солдаты послѣдовали за нимъ, подталкивая его кулаками, что Гренгуаръ перенесъ, какъ подобаетъ истинному философу-стоику.

Хорошее расположеніе, овладѣвшее королемъ съ той минуты, какъ ему сообщили о возмущеніи противъ предсѣдателя суда, проглядывало во всемъ. Это необычайное милосердіе было немаловажнымъ признакомъ. Тристанъ смотрѣлъ изъ своего угла свирѣпо, какъ догъ, видѣвшій кость и не получившій ее.

Людовикъ XI, между тѣмъ, весело барабанилъ по ручкѣ своего кресла маршъ Понъ-Одемара.

Король былъ очень скрытенъ, но умѣлъ гораздо лучше скрывать свое огорченіе, чѣмъ свою радость. Эти внѣшнія проявленія удовольствія при каждомъ хорошемъ извѣстіи заходили иногда очень далеко; такъ, при извѣстіи о смерти Карла Смѣлаго, онъ далъ обѣтъ построить серебряную балюстраду въ храмѣ св. Мартина Турскаго; при своемъ восшествіи на престолъ онъ даже забылъ распорядиться похоронами отца.

— А что же? — вдругъ спохватился Жакъ Куактье, — что сталось съ острымъ приступомъ болѣзни, ради котораго вы меня вызвали?

— Охъ, кумъ, я и въ самомъ дѣлѣ мучаюсь, — отвѣчалъ король. — Въ ушахъ шумъ, и грудь раздираетъ словно желѣзными когтями.

Куактье взялъ руку короля и сталъ считать пульсъ съ ученымъ видомъ.

— Посмотри, Коппеноль, — шопотомъ обратился Римъ къ своему товарищу.— Вотъ онъ теперь между Куактье и Тристаномъ. Это весь его штатъ. Врачъ для него, палачъ — для другихъ.

Ощупывая пульсъ короля, Куактье становился все озабоченнѣе. Людовикъ началъ посматривать на него нѣсколько тревожно. Лицо Куактье, видимо, омрачалось. У бѣдняка не было другого средства пропитанія, кромѣ плохого здоровья короля. Онъ извлекалъ изъ него всю выгоду, какую могъ.

— Да, да, — пробормоталъ онъ, наконецъ, — съ этимъ шутить нельзя.

— Правда?— съ безпокойствомъ спросилъ король.

— *Pulsus creber, anhelans, crepitans, irreguluris* [1]), — продолжалъ врачъ.

— Клянусь Пасхой!

— При такомъ пульсѣ, черезъ три дня можетъ не стать человѣка.

— Пресвятая Дѣва! — воскликнулъ король.— Что же дѣлать?

— Подумаю, государь.

Онъ заставилъ Людовика XI показать языкъ, покачалъ головой, сдѣлалъ гримасу и посреди этихъ кривляній неожиданно сказалъ:

— Кстати, государь, я долженъ сообщить вамъ, что освободилось мѣсто сборщика коронныхъ регалій, а у меня есть племянникъ.

— Даю мѣсто твоему племяннику, кумъ Жакъ,— отвѣчалъ король,— только избавь меня отъ этого огня въ груди.

— Я надѣюсь, ваше величество, что при вашемъ милосердіи вы не откажете мнѣ немного помочь при постройкѣ моего дома въ улицѣ Сентъ-Андрэ дез'Аркъ.

— Гмъ! — отвѣтилъ король.

— Мои финансы истощились, — продолжалъ врачъ,— а, вѣдь, жаль оставить домъ безъ крыши. Не изъ-за дома — онъ у меня самый простой буржуазный, а изъ-за живописи Женага Фурбо, украшающей стѣны. Тамъ есть одна мчащаяся Діана съ полумѣсяцемъ на прелестной головкѣ, до такой степени чудно написанная, такая нѣжная, изящная, жизненная, съ такимъ оттѣнкомъ тѣла, что, кажется, способна соблазнить каждаго, кто на нее поглядитъ слишкомъ пристально. Есть еще Церера. Красивая богиня! Она сидитъ на слонѣ въ вѣнкѣ изъ козельца и другихъ цвѣтовъ. Ничто не можетъ быть обольстительнѣе ея глазъ и округленнѣе ея ногъ, благороднѣе ея фигуры и изящнѣе складокъ ея одежды. Это одна изъ совершеннѣйшихъ и самыхъ чистыхъ красавицъ, когда-либо вышедшихъ изъ-подъ кисти художника.

— Палачъ! — ворчалъ Людовикъ XI, — къ чему ты ведешь свою рѣчь?

— Всѣ эти картины нуждаются въ крышѣ, и хотя это не дорого стоитъ, однако, у меня совсѣмъ нѣтъ денегъ.

— Что будетъ стоить крыша?

— Крыша... мѣдная съ рѣзьбой и позолотой — не больше двухъ тысячъ!

---

[1]) Пульсъ, частый, прерывающійся, слабый, неправильный.

— Ахъ, убійца! — закричалъ король. — За каждый выдернутый зубъ ему приходится платить брилліантомъ.

— Будетъ у меня крыша? — спросилъ Куактье.

— Да! и убирайся къ чорту, только вылѣчи меня.

Жакъ Куактье низко поклонился и сказалъ:

— Государь, вотъ отвлекающее средство, которое спасетъ васъ. Мы вамъ поставимъ на поясницу цѣлебный пластырь изъ воска, армянскаго болюса, яичнаго бѣлка, оливковаго масла и уксуса. Вы будете продолжать пить свое питье, и мы отвѣчаемъ за жизнь вашего величества.

Горящая свѣча привлекаетъ не одну единственную мошку. Метръ Оливье, видя, что король въ щедромъ настроеніи, и считая минуту удобной, приблизился въ свою очередь:

— Государь...

— Что еще? — спросилъ Людовикъ.

— Государь, вамъ извѣстно, что Симоно Раденъ умеръ?..

— Ну, что же?

— Онъ состоялъ королевскимъ совѣтникомъ въ судѣ казначейства...

— Ну, такъ что же?

— Государь, его мѣсто освободилось...

Во время этого разговора на высокомѣрномъ лицѣ Оливье надменное выраженіе смѣнилось низкопоклоннымъ. Это единственная перемѣна, на которую способно лицо придворнаго. Король очень пристально взглянулъ ему въ лицо и отвѣтилъ сухо:

— Понимаю.

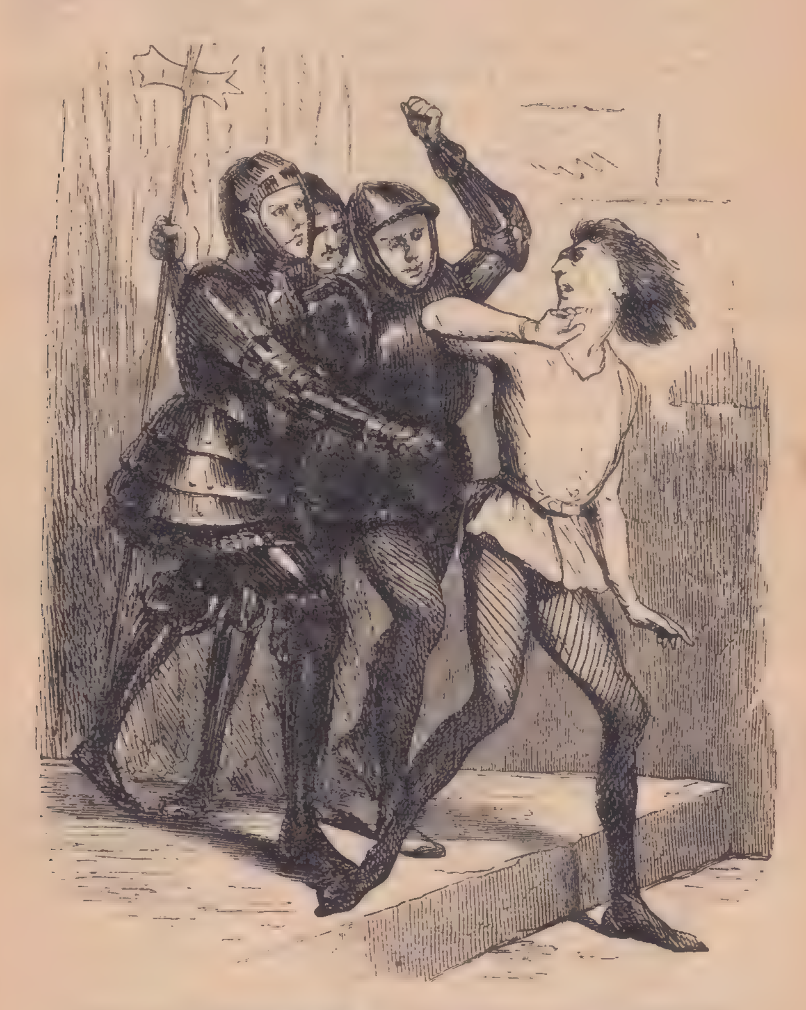
Затѣмъ продолжалъ:

— Метръ Оливье, маршалъ Бусико говорилъ: „Отъ кого ждать подарка, какъ не отъ короля, гдѣ ждать богатаго улова, какъ не въ морѣ“. Я вижу, ты раздѣляешь мнѣніе Бусико. Ну, теперь послушай, что я скажу. У насъ память хорошая. Въ 68 году мы возвели тебя въ должность камердинера; въ 69 — назначили тебя комендантомъ замка близъ моста въ Сенъ-Клу, съ жалованіемъ въ сто турскихъ ливровъ (ты желалъ парижскихъ). Въ ноябрѣ 73 года, рескриптомъ, даннымъ въ Жержолѣ, отдали тебѣ должность привратника въ Венсенскомъ лѣсу, на мѣсто оруженосца Жильбера Акля; въ 75 году сдѣлали тебя лѣсничимъ въ Руврэ ле-Сенъ-Клу, вмѣсто Жака ле-Мэра; въ 78 году мы указомъ за двумя висячими восковыми зелеными печатями соблаговолили предоставить тебѣ и женѣ твоей право взимать ренту въ десять парижскихъ ливровъ за мѣста съ торговцевъ, торгующихъ близъ Сенъ-Жерменской школы; въ 79 году мы назначили тебя лѣсничимъ Сенорскаго лѣса, вмѣсто бѣдняка Жегана Діаца, затѣмъ комендантомъ замка Лошъ, потомъ губернаторомъ Сенъ-Кентеки, потомъ комендантомъ Мёланскаго моста, и съ этого времени ты сталъ называться графомъ. Изъ пяти су, которые платитъ каждый цирюльникъ, бреющій въ праздникъ, три — на твою долю, а мы ужъ получаемъ остальное. Мы соблаговолили перемѣнить твою фамилію *Le Mauvais* (уродъ), слишкомъ подходящую къ твоей физіономіи. Въ 74 году, мы, къ великому неудовольствію нашего дворянства, даровали тебѣ разноцвѣтный гербъ, который дѣлаетъ твою грудь похожей на грудь павлина. Клянусь Пасхой! Ты не хватилъ ли лишнее! Не слишкомъ ли хорошъ и необычаенъ уловъ? Смотри, какъ бы лишняя лососка не опрокинула твою ладью? Тщеславіе

погубитъ тебя. За гордостью всегда идутъ по пятамъ разореніе и позоръ. Прими это во вниманіе и молчи!

Эти сурово произнесенныя слова заставили вернуться лицо метра Оливье къ его нахальному выраженію.

— Видно, что король боленъ сегодня, — пробормоталъ онъ почти вслухъ.— Все только для врача.



Солдаты послѣдовали за нимъ, подталкивая его кулаками.

Людовикъ вовсе не разсердился на такую дерзость, а, напротивъ, сказалъ довольно кротко:

— Постой, я еще забылъ, что далъ тебѣ постъ посланника въ Гентѣ, при дворѣ герцогини Маріи. Да, господа,— обратился король къ фламандцамъ,— онъ былъ посланникомъ. Ну, куманекъ, не обижайся— вѣдь, мы старые друзья. Однако, стало поздно; мы кончили работу. Побрей меня.

Читатель уже, вѣроятно, раньше догадался, что метръ Оливье не кто иной, какъ тотъ страшный Фигаро, котораго судьба, эта великая сочинительница драмъ, такъ искусно заставила играть роль въ длинной кровавой комедіи, извѣстной подъ названіемъ царствованія Людовика XI. Мы не станемъ останавливаться здѣсь подробно на этой оригинальной личности. У этого королевскаго брадобрея было три имени. При дворѣ его изъ вѣжливости звали Оливье ле-Денъ, въ народѣ — Оливье дьяволъ. Настоящее же его имя было Оливье Уродъ.

Оливье надулся и, стоя неподвижно, косился на Жака Куактье.

— Да, да, все врачу! — бормоталъ онъ сквозь зубы.

— Ну, да, врачу! — повторилъ Людовикъ съ необычайнымъ добродушіемъ, — врачъ пользуется бо̀льшимъ кредитомъ, чѣмъ ты. И это очень понятно. Онъ господинъ всей нашей особы, а ты только нашъ подбородокъ держишь въ своихъ рукахъ. Погоди, мой бѣдный брадобрей, и на твоей улицѣ будетъ праздникъ. А что бы ты сталъ дѣлать и на что бы тебѣ послужило твое ремесло, если бы я, какъ король Хильперикъ, имѣлъ привычку держаться за бороду рукою?.. Ну, куманекъ, принимайся за свои обязанности и выбрей меня. Принеси все, что надо.

Оливье, видя, что король все обратилъ въ шутку и что даже не было возможности разсердить его, отправился ворча исполнять его приказаніе.

Король всталъ, подошелъ къ окну и вдругъ, распахнувъ его, въ необычайномъ волненіи воскликнулъ, захлопавъ въ ладоши:

— Надъ городомъ зарево! то горитъ домъ предсѣдателя суда и не что иное. Ахъ, мой добрый народъ! наконецъ-то, ты поможешь мнѣ уничтожить этихъ феодаловъ!

Обращаясь къ фламандцамъ, онъ сказалъ:

— Посмотрите, господа. Вѣдь это зарево пожара?

Оба гентца подошли.

— Сильный огонь! — сказалъ Гильомъ Римъ.

— О, это напоминаетъ мнѣ сожженіе дома синьора д'Эмберкуръ! — прибавилъ Копеноль, глаза котораго вдругъ сверкнули. — Возстаніе, должно-быть, серіозное.

— Вы такъ думаете, метръ Копеноль? — спросилъ король, взглядъ котораго сталъ почти такъ же веселъ, какъ взглядъ чулочника. — Трудно будетъ противиться ему?

— Клянусь Богомъ! Вашему величеству придется пожертвовать не одной ротой солдатъ...

— Ахъ, мнѣ... Ну, это другое дѣло... Если бъ я захотѣлъ...

Чулочникъ смѣло продолжалъ:

— Если это возстаніе таково, какъ я предполагаю, то тутъ мало захотѣть вашему величеству...

— Двухъ ротъ моего конвоя да двухъ залповъ картечи достаточно, чтобы обуздать это мужичье, — отвѣтилъ Людовикъ.

Чулочникъ, несмотря на знаки, которые ему дѣлалъ Вильгельмъ Римъ, повидимому, рѣшился не уступать королю.

— Государь, и швейцарцы были мужичье! Герцогъ Бургундскій былъ знатный господинъ и съ презрѣніемъ относился къ этой черни. Въ битвѣ при Грансонѣ онъ кричалъ: „Канониры! стрѣляйте въ этихъ негодяевъ!“ и клялся св. Георгіемъ. Но шултейсъ Шарнахтель бро-

сился на великолѣпнаго герцога со своей палицей и своимъ народомъ и отъ натиска толстокожихъ мужиковъ блестящая бургундская армія разлетѣлась, какъ стекло отъ удара камнемъ. Не мало рыцарей пало отъ руки крестьянъ, а синьора Шато-Гюона, самого знатнаго вельможу Бургундіи, нашли мертвымъ съ его лошадью въ небольшомъ болотцѣ.

— Вы говорили, любезный, о битвѣ, а тутъ бунтъ. Я съ ними справлюсь, когда только мнѣ вздумается нахмурить брови.

Коппеноль отвѣчалъ невозмутимо:

— Очень можетъ быть, государь. Только какъ знать напередъ...

Гильомъ Римъ счелъ за нужное вмѣшаться:

— Метръ Коппеноль, вы говорите съ могущественнымъ королемъ

— Знаю, — серіозно отвѣчалъ чулочникъ.

— Пусть себѣ говоритъ, мой другъ Римъ, — сказалъ король. — Я люблю, когда говорятъ такъ свободно.Отецъ мой, Карлъ VII, говорилъ, что истина больна. Я же думалъ, что она умерла и не нашла себѣ духовника. Метръ Коппеноль доказалъ мнѣ, что я ошибаюсь.

И, положивъ ласково руку на плечо Коппеноля, онъ обратился къ нему:

— Итакъ, метръ Коппеноль, вы сказали?..

— Я сказалъ, государь, что впередъ ничего рѣшать нельзя: народъ можетъ устремиться и на вашу Бастилію.

Лицо Людовика омрачилось. Онъ задумался и нѣсколько минутъ молчалъ, затѣмъ похлопалъ рукой, какъ ласкаютъ крупъ коня, по толстой стѣнѣ молельни.

— Ну, нѣтъ, не такъ-то легко ты рушишься, моя добрая Бастилія?— сказалъ онъ. И вдругъ, обратившись рѣзкимъ движеніемъ къ смѣлому фламандцу, спросилъ:

— А вамъ, метръ Жакъ, случалось видѣть бунтъ?

— Я самъ принималъ въ немъ участіе, — отвѣчалъ чулочникъ.

— Какъ же вы устраивали такой бунтъ?

— Устроить бунтъ — дѣло не хитрое. Есть на это сто способовъ. Прежде всего необходимо, чтобъ въ городѣ существовало недовольство. Это не рѣдкость. Затѣмъ надо принять во вниманіе характеръ жителей. Жителей Гента къ возстанію подбить не трудно.

— Противъ кого же вы бунтуете? — спросилъ король. — Противъ вашихъ судей? противъ вашихъ синьеровъ?

— Иногда. Это — смотря по обстоятельствамъ. Иногда и противъ герцоговъ.

Людовикъ снова сѣлъ и сказалъ улыбаясь:

— У насъ пока еще только принимаются за судей.

Въ эту минуту вернулся Оливье въ сопровожденіи двухъ пажей, несшихъ принадлежности королевскаго туалета; но короля поразило то, что вмѣстѣ съ нимъ появился парижскій префектъ и начальникъ ночной стражи, повидимому, сильно перепуганные. У коварнаго брадобрея видъ былъ тоже перепуганный, но вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ его проглядывало злорадство. Онъ заговорилъ первый:

— Простите меня, государь, за новую печальную вѣсть, которую приношу вамъ.

Король быстро повернулся, царапая ножками кресла половую цыновку.

— Что такое?

— Государь, — началъ Оливье съ злобнымъ выраженіемъ человѣка, радующагося, что можетъ нанести жестокій ударъ, — народъ возсталъ не противъ предсѣдателя суда...

— Противъ кого же?

— Противъ васъ, государь!

Старый король вскочилъ и выпрямился во весь ростъ, какъ молодой человѣкъ.

— Объясни, что это значитъ? Да смотри, обдумывай свои слова; клянусь крестомъ св. Лоо, что если ты солжешь намъ сегодня, то окажется, что шпага, срубившая голову герцога Люксембургскаго, еще не такъ притупилась, чтобъ не снести твою!

Клятва Людовика XI была ужасна. Онъ только два раза въ жизни поклялся крестомъ св. Лоо.

Оливье пытался отвѣтить:

— Государь...

— На колѣни! — рѣзко перебилъ его король. — Тристанъ, не выпускай изъ виду этого человѣка!..

Оливье сталъ на колѣни и продолжалъ холодно:

— Государь, парламентскій судъ приговорилъ къ смерти колдунью. Она спаслась въ соборѣ Богоматери. Народъ хочетъ силой вывести ее оттуда. Господинъ префектъ и начальникъ ночной стражи, только что пришедшіе оттуда, могутъ подтвердить, правду ли я говорю. Чернь осаждаетъ соборъ Богоматери.

— Вотъ какъ! — тихо проговорилъ король, весь поблѣднѣвъ и дрожа отъ гнѣва. — Они нападаютъ на нашу покровительницу, Пресвятую Дѣву, въ Ея соборѣ!.. Встань, Оливье! Ты сказалъ правду. Мѣсто Симона Радена за тобой... Ты правъ: нападаютъ на меня. Колдунья находится подъ охраной церкви, а церковь подъ моей! А я-то думалъ, что взбунтовались противъ предсѣдателя суда!. Оказывается, — противъ меня...

Помолодѣвъ отъ ярости, король зашагалъ по комнатѣ крупными шагами. Онъ уже не смѣялся, а былъ ужасенъ; бѣгая такъ взадъ и впередъ, онъ уже походилъ не на лисицу, а на гіену; злоба душила его такъ, что онъ не могъ говорить и только сжималъ костлявые кулаки. Вдругъ онъ поднялъ голову; впалые глаза его сверкали, а голосъ звенѣлъ, какъ рожокъ.

— Бей ихъ, Тристанъ! Бей этихъ негодяевъ! Иди, Тристанъ, иди, мой другъ! Бей ихъ! Бей!

Послѣ этой вспышки онъ снова усѣлся и сказалъ съ холоднымъ, сосредоточеннымъ бѣшенствомъ:

— Поди сюда, Тристанъ... Здѣсь, въ Бастиліи, у насъ подъ рукой триста всадниковъ виконта де-Жифъ; возьми ихъ. Здѣсь также рота стрѣлковъ нашего конвоя подъ начальствомъ Шатопера, — возьми и ихъ. Ты, начальникъ кузнецовъ, захвати и ихъ. Въ отелѣ Сенъ-Поль застанешь стрѣлковъ новой гвардіи Дофина; возьми ихъ, — и со всѣми этими силами скорѣй къ собору... Что выдумали мужичье! Посягать на распоряженія французской короны и святость Пресвятой Дѣвы; нарушать общественный покой!.. Тристанъ, уничтожай ихъ! А кто останется живъ, того въ Монфоконъ!

Тристанъ поклонился.

— Повинуюсь, государь.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— А что дѣлать съ колдуньей?

Король призадумался:

— Съ колдуньей?.. Господинъ д'Эступвиль, что хотѣлъ съ ней сдѣлать народъ?

— Мнѣ думается, государь, что разъ народъ пытается взять ее изъ собора, гдѣ она нашла убѣжище, значитъ—ея безнаказанность возмущаетъ его, и онъ хочетъ ее повѣсить.

Король, повидимому, серіозно призадумался, а затѣмъ обратился къ Тристану:

— Ну, что же, кумъ, перебей народъ, а колдунью повѣсь!

— Вотъ отлично,—шопотомъ сказалъ Римъ Копенолю; — наказывать народъ за то, что онъ намѣревался сдѣлать, и исполнить его же желаніе!

— Слушаю, государь, — отвѣтилъ Тристанъ. — Если колдунья еще въ соборѣ, надо ее взять оттуда, несмотря на право убѣжища?

— Клянусь Пасхой, право убѣжища! — сказалъ король, почесывая за ухомъ. — А женщину эту необходимо повѣсить.

Тутъ, какъ бы подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшихъ мыслей, онъ бросился на колѣни передъ крестомъ, снялъ шапку, положилъ на сидѣніе и, набожно смотря на одну изъ свинцовыхъ ладонокъ, украшавшихъ шапку, началъ молиться, сложивъ руки:

— Прости меня, Парижская Богоматерь, моя милостивая покровительница. Никогда больше я не стану дѣлать этого. Надо покарать эту преступницу. Увѣряю Тебя, мою милостивую Заступницу, что эта колдунья недостойна Твоего милосердія. Тебѣ извѣстно, что многіе весьма набожные государи преступали церковныя привилегіи по слову Божію и по государственной необходимости. Св. Гуго, епископъ англійскій, разрѣшилъ королю Эдуарду взять колдуна изъ его церкви. Св. Людовикъ французскій, мой покровитель, такимъ же образомъ нарушилъ неприкосновенность храма св. Павла,—а Альфонсъ, сынъ короля іерусалимскаго, даже неприкосновенность храма Гроба Господня. Прости же меня на этотъ разъ, Парижская Богоматерь. Впредь я не буду нарушать неприкосновенности Твоего храма и въ него пожертвую прекрасную серебряную статую, — такую же, какую въ прошедшемъ году принесъ въ даръ церкви Богоматери въ Экуанѣ. Аминь.

Онъ перекрестился, всталъ, снова надѣлъ шапку и сказалъ Тристану:

— Не медли, кумъ. Возьми господина де-Шатоперъ съ собой. Пусть ударятъ въ набатъ. Раздави чернь, захвати колдунью. Я сказалъ. Казнь должна быть совершена въ твоемъ присутствіи. Ты отдашь мнѣ отчетъ въ ней... Оливье, я не лягу спать сегодня ночью.. Брей меня.

Тристанъ поклонился и вышелъ. Тогда король жестомъ отпустилъ Рима и Копеноля.

— Ступайте съ Богомъ, вѣрные друзья мои, господа фламандцы. Отдохните. Ужъ поздно; время ближе къ утру, чѣмъ къ вечеру.

Оба откланялись, и, по дорогѣ въ свои комнаты, куда ихъ повелъ комендантъ Бастиліи, Копеноль говорилъ Риму:

— Надоѣлъ мнѣ этотъ кашляющій король. Мнѣ приходилось видѣть Карла Бургундскаго пьянымъ: но онъ не былъ такъ золъ, какъ Людовикъ XI, когда онъ боленъ.

VI.

Огонекъ горитъ.

Выйдя изъ Бастиліи, Гренгуаръ пустился, какъ лошадь, вырвавшаяся изъ конюшни, внизъ по улицѣ св. Антонія. Добѣжавъ до воротъ Бодуйе, онъ направился прямо къ каменному кресту, стоявшему посерединѣ площади, какъ бы различивъ въ темнотѣ фигуру человѣка, одѣтаго въ черный плащъ съ капюшономъ и сидѣвшаго на ступеняхъ у подножія креста.

— Это вы, учитель?—спросилъ Гренгуаръ.

Черная фигура поднялась.

— Проклятіе! Я сгорѣлъ отъ нетерпѣнія, Гренгуаръ. Сторожъ съ башни Сенъ-Жерве прокричалъ половину второго пополуночи.

— Тутъ я ни въ чемъ не виноватъ,—сказалъ Гренгуаръ, а виновата королевская ночная стража. Мнѣ, однако, счастливо удалось отдѣлаться. Я опять чуть было не попалъ на висѣлицу. Такова, видно, моя судьба.

— Ты никуда не попадаешь, куда нужно. Ну, говори скорѣй. Знаешь пароль?

— Представьте себѣ, учитель, я видѣлъ короля. Я прямехонько отъ него. На немъ бумазейные штаны. Это цѣлое приключеніе.

— Ахъ ты болтунъ! Какое мнѣ дѣло до твоего приключенія. Ты узналъ пароль бродягъ?

— Узналъ; не безпокойтесь: «*огонекъ горитъ*».

— Хорошо. Иначе намъ не добраться до церкви. Бродяги преградили доступъ со всѣхъ улицъ. Но, кажется, къ счастью, они натолкнулись на препятствіе. Мы еще, можетъ-быть, поспѣемъ во-время.

— Поспѣемъ. А только, какъ войти въ соборъ?

— У меня ключи отъ башенъ.

— А какъ выйдемъ?

— Позади монастыря есть дверца, выходящая къ рѣкѣ. Я захватилъ ключъ отъ этой дверцы и съ утра заготовилъ лодку.

— Меня, право, чуть было не повѣсили!—снова сказалъ Гренгуаръ.

— Ну, скорѣй, иди! вмѣсто отвѣта приказалъ черный, и оба быстрыми шагами направились къ Ситэ.

VII.

«Шатоперъ, выручай!»

Читатель, можетъ-быть, помнитъ, въ какомъ критическомъ положеніи мы оставили Квазимодо. Храбрый глухой, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, потерялъ, если не всякое мужество, то, по крайней мѣрѣ, всякую надежду спасти не себя, — онъ и не думалъ о себѣ, — но цыганку. Онъ въ отчаяніи бѣгалъ по галлереѣ. Еще нѣсколько минутъ, и соборъ очутится въ рукахъ бродягъ. Вдругъ въ сосѣднихъ улицахъ послышался лошадиный топотъ; на площади показался длинный рядъ факеловъ и вслѣдъ, какъ ураганъ, полетѣла густая колонна всадниковъ, скакавшихъ съ пиками на-перевѣсъ, съ крикомъ: „Франція! Кроши мужиковъ! Шатоперъ, выручай! За прево! За прево!

Испуганные бродяги повернулись лицомъ къ всадникамъ.

Квазимодо, не слыша ничего, только увидалъ обнаженныя шпаги, факелы, пики, всадниковъ, во главѣ которыхъ узналъ капитана Феба, увидалъ смятеніе бродягъ, испугъ однихъ и смущеніе наиболѣе храб-

рыхъ, и почерпнулъ въ неожиданно подоспѣвшей помощи столько новой силы, что оттѣснилъ вонъ изъ церкви уже ступавшихъ было на галлерею осаждающихъ.

То, дѣйствительно, прискакали королевскіе отряды. Бродяги встрѣтили ихъ храбро. Они защищались отчаянно. Захваченные сбоку, со стороны улицы Сенъ-Пьеръ-о-Бёфъ, и аттакуемые съ тылу, черезъ улицу Парви, притиснутые къ фасаду собора, который они осаждали и который защищалъ Квазимодо, играя двойную роль осаждающихъ и осажденныхъ, бродяги находились въ такомъ же оригинальномъ положеніи, въ какомъ, впослѣдствіи, въ 1640 году, очутился графъ Генрихъ д'Аркуръ между принцемъ Ѳомой Савойскимъ, котораго онъ осаждалъ, и Маркизомъ Леганезъ, который блокировалъ его: *Taurinum obsessor edem et obsessus* [1]), какъ гласитъ его надгробная надпись. Произошла ужасная схватка. „Въ волка вцѣпились собачьи зубы", какъ говоритъ патеръ Матье. Королевскія войска, среди которыхъ отличался своей храбростью Фебъ Шатоперъ, не щадили никого: они кололи и рубили направо и налѣво. Плохо вооруженные бродяги, съ пѣной у рта, кусались. Мужчины, женщины, дѣти бросались на лошадей спереди и сзади и вцѣплялись въ нихъ зубами и ногтями, какъ кошки. Другіе совали факелы въ лицо всадникамъ. Третьи крючьями захватывали всадниковъ за шею, стаскивали съ лошадей и рубили упавшихъ на куски. Особенно выдавался одинъ изъ бродягъ, долго подкашивавшій огромной косой ноги лошадей. Онъ былъ ужасенъ. Распѣвая гнусливымъ голосомъ пѣсню, онъ безъ остановки взмахивалъ своей косой, и при каждомъ ударѣ вокругъ него ложился кругъ срѣзанныхъ членовъ. Спокойно и медленно покачивая головой и дыша глубоко и ровно, какъ косецъ, скашивающій поле пшеницы, онъ подвигался къ самому центру кавалеріи. Это былъ Клопенъ Труйльфу. Выстрѣлъ изъ арбалета уложилъ его.

Между тѣмъ, окна въ домахъ снова начали отворяться. Жители окрестныхъ домовъ, услыхавъ боевой крикъ королевскихъ солдатъ, вмѣшались въ дѣло, и со всѣхъ этажей на бродягъ посыпались пули. Густой дымъ, пронизываемый огненной полосой выстрѣловъ изъ мушкетовъ, окуталъ всю площадь. Черезъ нее съ трудомъ можно было различить фасадъ собора Богоматери и стариннаго зданія больницы Отель-Дьэ, крыша которой была усѣяна слуховыми окнами, откуда тамъ и сямъ высовывались истощенныя лица больныхъ.

Наконецъ, бродяги уступили. Усталость, недостатокъ въ хорошемъ оружіи, неожиданность нападенія, огонь, открытый изъ оконъ, храбрый натискъ королевскихъ войскъ все, — сломило ихъ. Они прорвались черезъ цѣпь осаждающихъ и пустились бѣжать во всѣхъ направленіяхъ, оставивъ на площади массу убитыхъ.

Увидавъ бѣгство своихъ враговъ, Квазимодо, ни на минуту не перестававшій обороняться, упалъ на колѣни и простеръ руки къ небу; затѣмъ, опьянѣвъ отъ радости, онъ съ быстротою птицы помчался въ келью, входъ которой такъ храбро защищалъ.

У него была одна только мысль: преклонить колѣни передъ той, кого онъ сегодня спасъ во второй разъ.

Когда онъ вошелъ въ келью, онъ увидалъ, что она пуста.

---

[1]) Самъ осаждалъ тавриновъ и былъ осажденъ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Башмачокъ.

Въ то время, какъ бродяги осаждали соборъ, Эсмеральда спала, но скоро ее разбудилъ шумъ, все увеличивавшійся на площади, и безпокойное блеяніе козы, проснувшейся раньше своей хозяйки. Молодая дѣвушка встала съ постели, прислушалась, оглядѣлась и, испуганная яркимъ свѣтомъ и шумомъ, выбѣжала изъ кельи, чтобы узнать, что творится. Видъ площади, смутные призраки, метавшіеся по ней, безпорядокъ этого ночного нападенія, отвратительная толпа, напоминавшая собой полчище прыгающихъ лягушекъ и чуть виднѣвшаяся въ темнотѣ, хриплые крики, раздававшіеся повсюду, красные огни факеловъ, мелькавшіе въ потемкахъ, точно болотные блуждающіе огни,—вся эта сцена произвела на Эсмеральду впечатлѣніе какой-то таинственной битвы между привидѣніями и каменными статуями собора. У молодой дѣвушки, зараженной съ дѣтства суевѣріями цыганскаго племени, мелькнула мысль, что ей пришлось быть невольной свидѣтельницей игрища, устроеннаго таинственными существами, бродящими по ночамъ. Въ ужасѣ бросилась она назадъ въ келью и упала на свое ложе, молясь послать ей менѣе страшныя сновидѣнія.

Но мало-по-малу первый испугъ прошелъ; по возраставшему шуму и другимъ признакамъ, явно принадлежавшимъ къ міру дѣйствительной жизни, она убѣдилась, что окружена не призраками, а живыми людьми. Тутъ испугъ ея не усилился, но принялъ другое направленіе. Ей подумалось, что, можетъ-быть, это возмутился народъ, чтобы взять ее силой изъ убѣжища. Мысль о томъ, что придется вторично проститься съ жизнью, съ надеждой, съ Фебомъ, образъ котораго всегда рисовался въ ея мечтахъ о будущемъ, сознаніе своего безсилія, невозможность бѣгства отсюда и, наконецъ, представленіе о своемъ полномъ одиночествѣ и безпомощности, легли тяжелымъ гнетомъ на ея душу. Она бросилась на колѣни, упала ничкомъ на постель, заломивъ надъ головой руки и дрожа отъ страха, забывъ, что она цыганка—язычница, идолопоклонница, стала рыдая просить помощи у христіанскаго Бога и Богоматери, принявшей ее подъ свое покровительство. Бываютъ въ жизни такія минуты, когда самый невѣрующій человѣкъ, готовъ исповѣдывать религію того храма, который кажется всего ближе къ нему въ это время.

Долго оставалась она въ такомъ положеніи, не столько молясь, сколько дрожа отъ страха, прислушиваясь съ замираніемъ сердца къ все приближавшемуся реву разъяренной толпы, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что тамъ творится, чего отъ нея хотятъ, лишь томясь предчувствіемъ страшной бѣды.

Вдругъ, среди этихъ мукъ неизвѣстности, она услыхала позади себя шаги. Два человѣка, изъ которыхъ одинъ держалъ фонарь, вошли въ ея келью. Эсмеральда быстро обернулась и, увидавъ ихъ, слабо вскрикнула.

— Не бойся, — проговорилъ знакомый голосъ; — это я.

— Кто вы? — спросила она.

— Пьеръ Гренгуаръ.

Это имя ее успокоило; она подняла глаза и, дѣйствительно, узнала поэта. Но рядомъ съ нимъ стоялъ еще кто-то закутанный съ ногъ до головы въ черное, и при видѣ этой мрачной фигуры Эсмеральда оцѣпенѣла.

— А, вѣдь, Джали меня узнала раньше тебя, — съ укоромъ замѣтилъ Гренгуаръ.

Усѣвшись на носу, онъ принялся грести изо всѣхъ силъ, стараясь выбраться на середину рѣки.

Козочка, дѣйствительно, не дожидалась того, чтобы поэтъ назвалъ себя по имени. Едва онъ вошелъ, она бросилась къ нему, начала тереться объ его колѣни и всячески ласкаться, осыпая его бѣлыми волосами, такъ какъ въ это время линяла. Гренгуаръ такъ же нѣжно отвѣчалъ на ея ласки.

— Кто это съ вами? — спросила цыганка шопотомъ.

— Не безпокойся, — отвѣчалъ Гренгуаръ, — это мой другъ.

Затѣмъ поэтъ, поставивъ на полъ свой фонарь, усѣлся на корточки и, лаская Джали, съ восторгомъ воскликнулъ:

— Что за прелестное животное, правда, болѣе замѣчательное своей чистоплотностью, чѣмъ ростомъ, но какое разумное, понятливое и знающее не меньше любого ученаго. А ну-ка, Джали, посмотримъ, не забыла ли ты свои штуки? Покажи-ка намъ, какъ Жакъ Шармолю...

Человѣкъ, закутанный чернымъ плащемъ, не далъ ему докончить, грубо тряхнувъ его за плечо. Гренгуаръ вскочилъ.

— Правда!—воскликнулъ онъ,—я и забылъ, что намъ нужно торопиться. А все-таки, учитель, можно было объ этомъ напомнить и другимъ образомъ.—Мое милое дитя,—продолжалъ онъ, обращаясь къ цыганкѣ,—жизни твоей и Джали грозитъ опасность, васъ хотятъ вырвать изъ этого убѣжища, но мы, твои друзья, пришли васъ спасти. Слѣдуй за нами.

— Неужели это правда?—воскликнула цыганка съ ужасомъ.

— Совершенная правда, а потому идемъ скорѣй.

— Идемъ,—пролепетала она.—Н[illegible] почему твой другъ все молчитъ?

— А въ томъ виноваты его чудаки-родители, у которыхъ онъ вышелъ такой угрюмый,—объяснилъ Гренгуаръ.

Эсмеральдѣ пришлось удовольствоваться такимъ объясненіемъ. Гренгуаръ взялъ ее за руку, спутникъ ихъ поднялъ фонарь и пошелъ впередъ. Обезумѣвшая отъ ужаса молодая дѣвушка шла покорно туда, куда ее вели. Коза, припрыгивая, бѣжала за ними, и, обрадованная встрѣчей съ Гренгуаромъ, постоянно совалась ему между ногъ, заставляя его спотыкаться на каждомъ шагу.

„Вотъ она жизнь,—размышлялъ нашъ философъ каждый разъ, какъ спотыкался,—часто бываетъ, что насъ сшибаютъ съ ногъ наши лучшіе друзья!“

Они быстро спустились по лѣстницѣ башни, прошли церковью, безлюдной, темной, но гудѣвшей отъ отдаленнаго шума боя на площади, что производило ужасное впечатлѣніе, и черезъ Красную дверь выбрались на монастырскій дворъ. Монастырь опустѣлъ, каноники попрятались въ дворцѣ епископа, гдѣ соборне молились; испуганные слуги забились въ укромные уголки. Бѣглецы направились къ калиткѣ, выходившей на Терренъ. Незнакомецъ въ черномъ плащѣ отперъ ее своимъ ключомъ. Читателямъ уже извѣстно, что Терреномъ назывался мысъ, обнесенный стѣнами со стороны Ситэ. Мысъ этотъ принадлежалъ капитулу собора Парижской Богоматери и составлялъ восточную оконечность острова позади монастыря. Здѣсь не было ни души, и даже шумъ битвы доносился сюда слабѣе, а крики осаждающихъ звучали глухо. Свѣжій вѣтерокъ, дувшій съ рѣки, шелестилъ листьями единственнаго дерева, выросшаго на самой оконечности мыса, и шопотъ листьевъ ясно доносился до бѣглецовъ. Но все же опасность не миновала. Ближайшими зданіями къ нимъ были—соборъ и дворецъ епископа. Во дворцѣ, очевидно, царило ужасное смятеніе. Сумрачная масса его постоянно озарялась огнями, перебѣгавшими отъ одного окна къ другому, и напоминала, собой кучку пепла отъ сожженой бумаги, на которой еще вспыхиваютъ тамъ и сямъ огоньки. Рядомъ,—двѣ огромныя башни и главный корпусъ церкви, подъ которымъ онѣ возвышались, вырисовывались черными силуэтами на огненно-красномъ фонѣ, охватывавшемъ всю площадь, и казались двумя гигантскими таганами надъ очагомъ циклоповъ.

Парижъ, виднѣвшійся отсюда, представлялъ собой страшное сочетаніе колеблющихся темныхъ и свѣтлыхъ тоновъ. На картинахъ Рембрандта встрѣчается иногда такое освѣщеніе задняго плана.

Человѣкъ, несшій фонарь, направился прямо къ оконечности мыса Террена. Здѣсь, около самой воды, шелъ полусгнившій заборъ изъ кольевъ, перевитыхъ виноградной лозой, которая цѣплялась за заборъ своими тонкими вѣтками, напоминая растопыренные пальцы руки. Въ тѣни за этимъ уголкомъ была привязана лодка. Незнакомецъ знакомъ приказалъ Гренгуару и его спутницѣ сѣсть въ лодку, коза прыгнула туда же за ними, а самъ незнакомецъ вошелъ послѣднимъ. Онъ отрѣзалъ веревку, которой была привязана лодка, оттолкнулся отъ берега длиннымъ крюкомъ, и, усѣвшись на носу, принялся грести изо всѣхъ силъ, стараясь выбраться на середину рѣки. Теченіе Сены очень быстро на этомъ мѣстѣ, и ему стоило большихъ трудовъ отплыть отъ мыса.

Первой заботой Гренгуара, помѣстившагося на кормѣ лодки, было взять на колѣни козочку; молодая дѣвушка, которой незнакомецъ внушалъ какой-то безотчетный ужасъ, усѣлась рядомъ съ поэтомъ и прижалась къ нему.

Почувствовавъ, что лодка тронулась съ мѣста, Гренгуаръ радостно потеръ руки и поцѣловалъ козочку въ голову, между рогами.

— Слава Богу,—воскликнулъ онъ,—теперь мы всѣ четверо спасены.

И, подумавъ немного, прибавилъ съ весьма глубокомысленнымъ видомъ

— Благополучный исходъ самыхъ великихъ предпріятій зависитъ столько же отъ судьбы, сколько отъ собственной сообразительности.

Лодка медленно подвигалась къ противоположному берегу. Молодая дѣвушка боязливо наблюдала за незнакомцемъ. Онъ уже успѣлъ тщательно закрыть свѣтъ своего глухого фонаря и точно призракъ вырисовывался во тьмѣ на носу лодки. Опущенный капюшонъ закрывалъ его лицо, точно маска, а при каждомъ взмахѣ веселъ широкіе черные рукава его одежды трепетали, словно крылья огромной летучей мыши. До сихъ поръ онъ не произнесъ ни слова, не проронилъ ни звука. Слышался только скрипъ веселъ въ уключинахъ да журчаніе воды.

— Ей Богу!—воскликнулъ вдругъ Гренгуаръ,—ну чего мы сидимъ, какъ на похоронахъ, и молчимъ, точно пиѳагорейцы или рыбы? Клянусь небомъ, друзья мои, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ васъ заговорилъ. Человѣческая рѣчь самая пріятная музыка для человѣческаго слуха. Это не мои слова, а изреченіе Дидима Александрійскаго, и весьма знаменитое изреченіе.—Вѣдь, Дидимъ Александрійскій великій философъ.—Скажите хоть словечко, моя красавица, хоть одно словечко. — Кстати, у васъ была привычка такъ мило надувать губки,—осталась она и теперь? Знаете ли вы, моя прелесть, что парламентъ имѣетъ верховную юрисдикцію надо всѣми мѣстами убѣжищъ и что вы подвергались большой опасности, оставаясь въ соборѣ? Увы, маленькая птичка трохилъ вьетъ себѣ гнѣзда въ пасти крокодила. Учитель, смотрите, вонъ взошла луна. Какъ бы насъ кто не замѣтилъ! Мы совершаемъ похвальный поступокъ, спасая сію дѣвицу, но если насъ увидятъ, то намъ не поздоровится. Увы, на людскія дѣянія можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія. За что порицаютъ меня, вѣнчаютъ лаврами тебя. Тѣ, которые восторгаются цезаремъ, осуждаютъ Катилину. Не такъ ли, учитель? И что вы скажете о моей философіи? Я вѣдь философъ отъ природы—*ut apes geometrio*. Ну, что же всѣ мо

чатъ? Какіе же вы оба скучные! Ну такъ я буду говорить одинъ. Въ трагедіи это называется монологомъ. Клянусь святой Пасхой! Надо вамъ сказать, что я только что видѣлъ короля Людовика одиннадцатаго и перенялъ у него эту поговорку. Итакъ, клянусь святой Пасхой! здòрово же они продолжаютъ шумѣть въ Ситэ.—Препротивный старикашка этотъ король. Онъ весь укутанъ въ мѣховыя одежды. И до сихъ поръ долженъ мнѣ за мою мистерію, да сегодня вечеромъ чуть-чуть не повѣсилъ меня, вотъ была бы штука! Онъ страшно скупъ на награды талантливымъ людямъ. Ему не мѣшало бы прочесть четыре тома сочиненій Сальвьена Кёльнскаго: *Adversus avaritiam.* Положительно, этотъ король имѣетъ весьма узкій взглядъ на писателей и совершаетъ крайне жестокіе поступки. Это какая-то губка, высасывающая всѣ деньги изъ народа. Его казна, это—растущая опухоль, изнуряющая собой весь остальной организмъ. И народныя жалобы на плохія времена переходятъ въ ропотъ противъ правительства. При этомъ богомольномъ государѣ—висѣлицы гнутся отъ множества повѣшенныхъ, плахи загниваютъ отъ пролитой крови, тюрьмы готовы лопнуть, какъ переполненныя утробы. Одной рукой онъ беретъ, а другой вѣшаетъ. Сильныхъ міра сего лишаютъ должности, а бѣдняковъ изнуряютъ все возрастающими налогами. Этотъ король ни въ чемъ не знаетъ границъ и мнѣ не нравится. А вамъ, учитель?

Незнакомецъ не обращалъ вниманія на болтовню поэта. Онъ продолжалъ бороться съ сильнымъ теченіемъ узкаго русла рѣки, отдѣляющаго островъ Ситэ отъ острова Богоматери, носящаго теперь названіе острова Св. Людовика.

— Кстати, учитель!—вспомнилъ вдругъ Гренгуаръ.—Замѣтили ли вы, когда мы пробирались по площади среди ошалѣвшихъ бродягъ, маленькаго карапуза, которому вашъ глухой звонарь собирался размозжить голову о перилы галлереи королей. Я близорукъ и не разглядѣлъ его хорошенько. А вы не знаете, кто это былъ?

Незнакомецъ не отвѣтилъ ни слова, только руки его вдругъ безпомощно опустились, выронивъ весла, голова поникла на грудь и послышался судорожный вздохъ. Эсмеральда при этомъ содрогнулась: такіе вздохи были ей знакомы.

Лодка, предоставленная сама себѣ, поплыла по теченію рѣки. Но незнакомецъ черезъ нѣсколько мгновеній овладѣлъ собой, выпрямился, схватилъ весла и снова началъ бороться съ теченіемъ. Онъ обогнулъ мысъ острова Богоматери и направился къ Сѣнной площади.

— А вонъ, — заговорилъ Гренгуаръ, — виднѣется отель Барбо. Посмотрите, учитель: видите вы группу черныхъ крышъ, образующихъ такіе странные углы, вонъ тамъ, подъ низко нависшими разорванными грязными облаками, гдѣ восходитъ луна, приплюснутая и желтая, какъ яичный желтокъ, пролившійся изъ разбитаго яйца? Это великолѣпное зданіе. Тамъ есть часовня, увѣнчанная небольшимъ сводомъ съ чудной рѣзьбой. А надъ кровлей вы можете замѣтить колокольни очень тонкой ажурной работы. При отелѣ есть паркъ, гдѣ имѣется прудъ, птичникъ, эхо, мѣсто для игры въ мячъ, лабиринтъ, домикъ для дикихъ звѣрей и множество густыхъ аллей, гдѣ Венера себя прекрасно чувствуетъ. Есть тамъ еще интересное дерево подъ названіемъ „Сластолюбецъ", подъ его тѣнью предавались наслажденіямъ любви одна знаменитая принцеса и нѣкій, весьма остро-

умный конетабль Франціи, большой поклонникъ женщинъ. Увы, что значимъ мы, бѣдные философы, передъ какимъ-нибудь конетаблемъ?— то же, что грядка капусты или редиски въ сравненіи съ Луврскимъ садомъ. Но не все ли равно въ концѣ концовъ? Человѣческая жизнь и для сильныхъ міра сего, какъ и для насъ, полна превратностей. Страданіе всегда слѣдуетъ за наслажденіемъ, какъ спондей за дактилемъ. Учитель, послушайте, я разскажу вамъ исторію отеля Барбо. Конецъ оя трагическій. Это было въ 1319 г., въ царствованіе Филиппа V, самаго долговязаго изо всѣхъ французскихъ королей. Выводъ изъ этой исторіи можно сдѣлать тотъ, что искушенія плоти всегда ведутъ къ погибели. Не надо слишкомъ засматриваться на жену своего ближняго, хотя бы она притягивала наши взоры своей красотой. Мысль о прелюбодѣяніи—весьма грѣховная мысль. Это—любопытство извѣдать наслажденіе, права на которое принадлежатъ другому... Ого! однако, шумъ тамъ все растетъ!

И, дѣйствительно, крики и грохотъ, доносившіеся сюда отъ собора, все усиливались. Довольно ясно раздавались побѣдные клики. Вдругъ сотни факеловъ, ярко освѣщавшихъ каски солдатъ, замелькала во всѣхъ этажахъ церкви, въ башняхъ, галлереяхъ, переходахъ. Очевидно, кого-то разыскивали и, несмотря на разстояніе, до бѣглецовъ ясно долетали возгласы: „Цыганка! колдунья! смерть цыганкѣ!“

Несчастная закрыла лицо руками, а незнакомецъ налегъ изо всѣхъ силъ на весла. Между тѣмъ, нашъ философъ погрузился въ размышленія. Нѣжно обнимая козочку, онъ осторожно отодвигался отъ цыганки, все ближе прижимавшейся къ нему, своему единственному защитнику.

Гренгуаръ находился въ ужасномъ затрудненіи. Онъ думалъ о томъ, что и козочку въ случаѣ поимки повѣсятъ по существующимъ законамъ, и ужасно жалѣлъ бѣдную маленькую Джали. Соображалъ, что ему будетъ слишкомъ трудно позаботиться о спасеніи обѣихъ жертвъ, тогда какъ его спутникъ не желаетъ ничего лучшаго, какъ взять на свое попеченіе только цыганку.

Въ душѣ поэта происходила ужасная борьба и, подобно Юпитеру Иліады, онъ поочередно взвѣшивалъ въ мысляхъ цыганку и козочку, и глядя на нихъ глазами ,влажными отъ слезъ, бормоталъ сквозь зубы:— „А все-таки я не могу спасти васъ обѣихъ“.

Сильный толчокъ далъ имъ знать, что они причалили къ берегу. Зловѣщій шумъ попрежнему доносился изъ Ситэ. Незнакомецъ всталъ, подошелъ къ цыганкѣ и хотѣлъ взять ее за руку, чтобы помочь выскочить изъ лодки. Она его оттолкнула и ухватилась за рукавъ Гренгуара, который, въ свою очередь, почти отпихнулъ ее, всецѣло занятый козочкой. Тогда она выпрыгнула на берегъ безъ посторонней помощи. Бѣдняжка была настолько испугана, что не сознавала, что дѣлаетъ, куда идетъ. Съ минуту она простояла, какъ потерянная, глядя на бѣгущія волны рѣки. Когда же она немного пришла въ себя, то увидала, что осталась одна съ незнакомцемъ. Повидимому, Гренгуаръ воспользовался минутой ея задумчивости, чтобы скрыться вмѣстѣ съ козой между тѣсно построенными домами улицы Гренье-сюръ-Ло.

Бѣдная цыганка вздрогнула, увидавъ себя наединѣ съ незнакомцемъ. Она хотѣла заговорить, крикнуть, позвать Гренгуара, но языкъ отказывался повиноваться, и она не могла произнести ни звука. Вдругъ она почувствовала, что незнакомецъ схватилъ ее за руку своей сильной и холодной, какъ ледъ, рукой. Зубы ея застучали и лицо сдѣла-

лось блѣднѣе луча луны, озарявшаго ее. Незнакомецъ не произнесъ ни слова. Быстрыми шагами онъ направился къ Гревской площади, держа Эсмеральду за руку. Въ эту минуту молодая дѣвушка смутно сознавала, что съ судьбой бороться безполезно. Силы ее оставили, она больше не сопротивлялась и бѣжала рядомъ съ быстро шагавшимъ незнакомцемъ. Набережная въ этомъ мѣстѣ идетъ въ гору, но Эсмеральдѣ казалось, что она спускается по крутому склону!"

Она оглядѣлась вокругъ. Нигдѣ ни души. Набережная была совершенно пустынна. Виднѣлись человѣческія фигуры и слышались крики только на пылавшемъ заревомъ островѣ Ситэ, отдѣленномъ отсюда лишь узкимъ рукавомъ Сены. Оттуда часто доносилось ея имя, сопровождаемое угрозами смерти. Весь же остальной Парижъ тонулъ во мракѣ.

Между тѣмъ, незнакомецъ продолжалъ ее увлекать впередъ такъ же быстро и такъ же безмолвно. Она не узнавала ни одного изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они шли. Проходя мимо освѣщеннаго окна, она сдѣлала послѣднее усиліе, вдругъ остановилась и крикнула: „Помогите"!

Буржуа, жившій въ этомъ домѣ, отворилъ окошко, показался въ немъ въ одной рубашкѣ и съ свѣтильникомъ въ рукѣ, тупо посмотрѣлъ на набережную, пробормоталъ что-то, чего она не разслышала, и снова захлопнулъ окно. Послѣдній лучъ надежды исчезъ.

Незнакомецъ не произнесъ ни звука и, крѣпко держа ее за руку, зашагалъ еще быстрѣе. Она больше не сопротивлялась и слѣдовала за нимъ, совсѣмъ разбитая.

По временамъ она собирала послѣднія силы и спрашивала голосомъ, прерывающимся отъ быстраго бѣга по неровной мостовой:—„Кто вы? Скажите, кто вы"?—Онъ ничего не отвѣчалъ.

Такъ они дошли, все время слѣдуя вдоль по набережной, до довольно обширной площади, освѣщенной луной. Это была Гревская площадь, посреди нея возвышалось что-то наподобіе креста: то была висѣлица. Теперь Эсмеральда все это узнала и поняла, гдѣ находится.

Незнакомецъ остановился, обернулся къ ней и поднялъ капюшонъ.

— Ахъ, я такъ и знала, что это онъ!—воскликнула молодая дѣвушка, цѣпенѣя отъ ужаса.

То былъ, дѣйствительно, архидіаконъ. Лунный свѣтъ, озарявшій его, придавалъ ему видъ собственнаго привидѣнія. При такомъ лунномъ освѣщеніи всѣ предметы кажутся призраками самихъ себя.

— Слушай,—заговорилъ онъ, и Эсмеральда содрогнулась при звукахъ этого зловѣщаго голоса, давно ею неслышаннаго. Онъ продолжалъ свою рѣчь отрывистымъ и задыхающимся голосомъ, что доказывало глубокое внутреннее волненіе.—Слушай. Мы пришли сюда, и я хочу съ тобой поговорить. Это—Гревская площадь. Дальше итти некуда. Судьба насъ отдала во власть другъ другу. Твоя жизнь въ моихъ рукахъ, моя душа—въ твоихъ. Этой площадью и сегодняшней ночью для насъ все кончается. Слушай же, что я хочу тебѣ сказать... только не вспоминай о своемъ Фебѣ. (Говоря такъ, онъ все время ходилъ взадъ и впередъ, какъ человѣкъ, который не можетъ устоять на мѣстѣ, и таскалъ ее за собой). Не вспоминай о немъ, слышишь! Если ты назовешь его по имени, я не знаю, что я сдѣлаю, но это будетъ ужасно.

Высказавъ это, онъ остановился, какъ тѣло, нашедшее, наконецъ, свой центръ тяжести. Но въ словахъ его звучало прежнее волненіе. Голосъ его становился все глуше.

— Не отворачивайся такъ отъ меня. Слушай, это очень серьезная вещь. Во-первыхъ, вотъ что произошло. Клянусь, тутъ дѣло не шуточное.—О чемъ это я говорилъ? не помнишь? Ахъ, да. Состоялось постановленіе парламента, которымъ тебя приговорили къ смертной казни Я тебя спасъ отъ нея, но они ищутъ тебя, посмотри.

И онъ указалъ на Ситэ. Тамъ, повидимому, дѣйствительно, продолжались поиски. Шумъ все усиливался. Въ башнѣ дома лейтенанта, расположеннаго какъ разъ напротивъ Гревской площади, мелькали огни, раздавались крики. На противоположной набережной виднѣлись фигуры солдатъ, бѣгавшихъ взадъ и впередъ съ факелами въ рукахъ, раздавались ихъ возгласы: „Цыганка! гдѣ цыганка? Смерть цыганкѣ!„

— Ты сама хорошо видишь, что тебя ищутъ и что я тебѣ сказалъ правду. Но я тебя люблю. — Молчи, лучше совсѣмъ молчи, только не говори, что ты меня ненавидишь. Я не хочу больше этого слышать. Сейчасъ я спасъ тебя отъ смерти. Подожди, дай мнѣ договорить. Я могу тебя совсѣмъ спасти. У меня все готово. Теперь дѣло только за тобой, какъ ты захочешь, такъ я и сдѣлаю... — Тутъ онъ круто оборвалъ свою рѣчь. — Нѣтъ, совсѣмъ не то я хотѣлъ сказать.

И быстрыми шагами, не выпуская ея руки изъ своей и влача за собой Эсмеральду, онъ подошелъ къ висѣлицѣ и, указавъ на нее пальцемъ, холодно проговорилъ:

— Выбирай между нами.

Эсмеральда вырвалась изъ его рукъ и припала къ подножію висѣлицы, обнимая ее, какъ свою послѣднюю опору. Потомъ она приподняла свою хорошенькую головку и взглянула черезъ плечо на архидіакона. Тотъ стоялъ, не шевелясь, попрежнему указывая пальцемъ на висѣлицу, неподвижный, какъ статуя.

Наконецъ, цыганка проговорила.

— Все-таки я ея меньше боюсь, чѣмъ васъ.

Руки архидіакона горестно опустились, и взоръ съ глубокимъ отчаяніемъ устремился на камни мостовой.

— Если бы эти камни могли говорить, — прошепталъ онъ, — то они бы сказали, что передъ ними самый несчастный человѣкъ въ мірѣ.

Молодая дѣвушка, колѣнопреклоненная у подножія висѣлицы и вся закрытая длинными растрепавшимися волосами, не перебивала его ни звукомъ. Теперь въ голосѣ его слышались мягкія, жалобныя ноты, странно противорѣчившія надменному и суровому выраженію лица.

— Я тебя люблю, люблю всей душой. День и ночь я сгораю отъ любви, ни днемъ ни ночью не знаю покоя — неужели я не заслуживаю состраданія? Вѣдь, такая любовь это — пытка. Да, я слишкомъ страдаю, и меня стоитъ пожалѣть. Ты видишь, какъ я кротко говорю съ тобой, мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы ты перестала меня бояться. — Да, наконецъ, развѣ мужчина виноватъ, если полюбитъ женщину! — Ахъ, Боже мой! — Неужели ты мнѣ никогда не простишь, будешь вѣчно меня ненавидѣть! Значитъ, все кончено! Вотъ отчего я становлюсь такимъ жестокимъ, что дѣлаюсь страшнымъ самому себѣ. Ты даже не смотришь на меня? Ты, можетъ-быть, думаешь о другомъ, пока я умоляю тебя, стоя на краю бездны, готовой поглотить насъ обоихъ. — Главное, не говори ничего о капитанѣ! — Все напрасно! Пусть я валяюсь у твоихъ ногъ, пусть я цѣлую — не ноги твои, нѣтъ, ты этого не позволишь, но слѣды твоихъ ногъ, пусть я плачу какъ ребенокъ, пусть я готовъ

растерзать грудь свою, вырвать оттуда сердце и внутренности, чтобы доказать свою любовь, — все, все напрасно! А между тѣмъ, душа твоя полна жалости и состраданія; ты добра, ты кротка, ты милосерда ко всѣмъ. Ты жестока только ко мнѣ! О, проклятіе!

Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Въ первый разъ молодая дѣвушка видѣла его плачущимъ.

Въ эту минуту, стоя передъ ней и вздрагивая отъ рыданій, онъ казался болѣе несчастнымъ и жалкимъ, чѣмъ ползая передъ ней на колѣняхъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, — заговорилъ онъ, немного успокоившись, — я не нахожу больше словъ. А между тѣмъ, я хорошо обдумалъ все, что хотѣлъ сказать тебѣ. Теперь же я волнуюсь, дрожу, силы покидаютъ меня въ рѣшительную минуту, я чувствую надъ нами руку судьбы, и слова замираютъ у меня на устахъ. О, я брошусь на землю въ отчаяніи, если ты не сжалишься надо мной, не сжалишься надъ собой. Не губи насъ обоихъ. Если бы ты знала, какъ я тебя люблю, какое сердце ты оттолкнула! До чего ты довела меня! Ты заставила меня отречься отъ всего добраго, отречься отъ самого себя! Ученый — я отвернулся отъ науки, дворянинъ — я опозорилъ свое имя, священнослужитель — я надругался надъ святыней. И все это ради тебя, чаровница, чтобы стать достойнымъ твоего ада. Ты отвергаешь грѣшника! Но, подожди, это еще не все, осталось самое ужасное — да, самое ужасное!

При послѣднихъ словахъ лицо его приняло совершенно безумное выраженіе. Онъ замолкъ на секунду, а затѣмъ продолжалъ громкимъ голосомъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ:

— Каинъ, что сдѣлалъ ты со своимъ братомъ?

Опять онъ замолкъ, потомъ заговорилъ снова.

— Что я съ нимъ сдѣлалъ, Господи? Я призрѣлъ его, я его вырастилъ, вскормилъ, я его любилъ, боготворилъ и я его убилъ. Да, Господи, сегодня на моихъ глазахъ, ему размозжили голову о стѣны Твоего храма, и это по моей винѣ, изъ-за этой женщины, изъ-за нея...

Глаза его блуждали, голосъ становился все глуше. Онъ повторилъ еще нѣсколько разъ безсознательно съ большими разстановками: „Изъ-за нея... изъ-за нея“... подобно замирающему отзвуку отъ послѣдняго удара колокола. Потомъ словъ уже не было слышно, только губы его продолжали что-то шептать. Вдругъ ноги у него подкосились, онъ рухнулъ на землю и замеръ такъ, уткнувшись головой въ колѣни.

Его заставило очнуться движеніе молодой дѣвушки, освобождавшей свою придавленную имъ ногу. Онъ медленно провелъ рукой по своему исхудалому лицу и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на свои мокрые пальцы.

— Что это? — прошепталъ онъ, — неужели я плакалъ?

И, обернувшись къ цыганкѣ, продолжалъ съ невыразимой мукой:

— И ты равнодушно смотрѣла, какъ я плакалъ? Знаешь ли ты, дитя, что эти слезы были раскаленной лавой? Нѣтъ, видно, ненавистному человѣку ничѣмъ не тронуть твоего сердца. Если я буду умирать у тебя на глазахъ, ты только засмѣешься. Но я не хочу твоей смерти. Скажи хоть одно слово, одно слово прощенія! Не говори, что любишь меня, скажи только, что согласна, этого довольно; я спасу тебя. Если же нѣтъ... Время идетъ; умоляю тебя всѣмъ святымъ, не дожидайся пока я опять превращусь въ камень, какъ эта висѣлица, поджидающая тебя. Подумай, твоя жизнь въ моихъ рукахъ, я схожу съ ума и каждую ми-

нуту мы можемъ оба упасть въ пропасть, разверстую у нашихъ ногъ, и, падая, я буду преслѣдовать тебя вѣчно! Хоть одно ласковое слово! Скажи хоть одно слово! Одно слово!..

Она открыла губы, собираясь отвѣчать. Онъ упалъ на колѣни передъ ней, съ благоговѣніемъ ожидая ея словъ, быть-можетъ, болѣе мягкихъ и сострадательныхъ. Но она произнесла:

— Вы убійца!

Архидіаконъ въ бѣшенствѣ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и захохоталъ, какъ безумный.

Она начала носить ее на рукахъ какъ будто то была ея прежняя малютка.

— Ну, да, я убійца! — воскликнулъ онъ, — а все-таки ты будешь моею. Ты не захотѣла, чтобы я былъ твоимъ рабомъ, такъ я буду твоимъ господиномъ. Но ты будешь моей. И ты пойдешь за мной, — да, ты волей-неволей пойдешь за мной, иначе я тебя выдамъ! Выбирай, красавица, между смертью и мною! Да, ты будешь принадлежать священнику, отступнику, убійцѣ! И сегодня же ночью, слышишь? Ну, смотри веселѣе! Поцѣлуй меня, дурочка! Выбирай, — я или могила!

Глаза его сверкали отъ бѣшенства и нечистыхъ пожеланій. Онъ покрывалъ страстными поцѣлуями шею молодой дѣвушки, она отбивалась отъ него всѣми силами, а онъ продолжалъ цѣловать ее, не помня себя.

— Не кусай меня, чудовище! — кричала она. — Гнусный, отвратительный монахъ! Оставь меня! Я вырву у тебя твои гадкіе сѣдые волосы и брошу ихъ тебѣ прямо въ лицо!

Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, наконецъ, выпустилъ ее изъ своихъ объятій и мрачно взглянулъ на нее.

Она же подумала, что взяла верхъ, и продолжала:

— Я тебѣ сказала, что принадлежу Фебу, люблю Феба,—мой Фебъ такой красивый. А ты монахъ, старый, безобразный. Уходи прочь отъ меня!

Онъ вскрикнулъ, какъ будто его коснулись раскаленнымъ желѣзомъ.

— Такъ умри же! — проговорилъ онъ, заскрежетавъ зубами.

Увидавъ его яростный взглядъ, Эсмеральда кинулась бѣжать, но онъ догналъ ее, встряхнулъ, бросилъ на землю и быстро зашагалъ къ башнѣ Роланда, крѣпко держа ее за руки и волоча за собой по камнямъ.

Подойдя къ башнѣ, онъ еще разъ спросилъ:

— Послѣдній разъ,— согласна ты быть моей, или нѣтъ?

— Нѣтъ! — твердо отвѣчала она.

Тогда онъ крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Гудула! Гудула! Я привелъ тебѣ цыганку! отомсти за себя!

Молодая дѣвушка почувствовала, какъ кто-то ее крѣпко схватилъ за локоть. Она обернулась и увидала костлявую руку, высунувшуюся изъ небольшого окошечка въ стѣнѣ; рука эта сжала ее, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

— Держи хорошенько, — сказалъ архидіаконъ, это — бѣглая цыганка, смотри не выпусти ее, пока я не приведу солдатъ. Ты увидишь, какъ ее повѣсятъ.

Гортанный смѣхъ раздался изъ-за стѣны въ отвѣтъ на эти жестокія слова. „Ха, ха, ха!“... Цыганка увидала, какъ архидіаконъ быстро направился къ мосту Богоматери, откуда доносился топотъ скачущихъ лошадей.

Между тѣмъ, молодая дѣвушка узнала злую затворницу. Задыхаясь отъ ужаса, она попробовала освободиться: извивалась, отчаянно билась и рвалась, но все было напрасно, — затворница держала ее съ нечеловѣческой силой. Худые, костлявые пальцы впились въ руку молодой дѣвушки. Казалось, она приросла къ ней совсѣмъ. Это было хуже цѣпи, хуже аркана, хуже желѣзнаго кольца—это были одушевленныя, разумныя клещи, высунувшіяся изъ стѣны. Обезсилѣвъ, бѣдняжка прислонилась къ стѣнѣ, и ее охватилъ страхъ смерти. Она задумалась о прелести жизни и молодости, о небѣ, природѣ, любви Феба, обо всемъ, что миновало и что ждетъ ее впереди, объ архидіаконѣ, который пошелъ ее выдать и приведетъ сюда палача, о висѣлицѣ, бывшей у нея передъ глазами. Она почувствовала, какъ у нея отъ ужаса зашевелились волосы, и услыхала зловѣщій смѣхъ старухи, шептавшей ей: „Ха, ха, ха! сейчасъ тебя повѣсятъ!“

Въ смертельной тоскѣ она обернулась къ окошку и сквозь рѣшетку его увидала безумное лицо отшельницы.

— Что я вамъ сдѣлала?—спросила Эсмеральда умирающимъ голосомъ.

Затворница ничего не отвѣтила и начала бормотать какимъ-то пѣвучимъ, злобнымъ и насмѣшливымъ голосомъ; „Цыганка, цыганка, цыганка!“ Несчастная Эсмеральда горестно поникла головой, понявъ, что имѣетъ дѣло съ безумнымъ существомъ. Вдругъ заключенная воскликнула, какъ будто вопросъ цыганки только теперь дошелъ до ея сознанія.

— Что ты мнѣ сдѣлала, спрашиваешь ты? Ты хочешь знать, что ты мнѣ сдѣлала, цыганка? Такъ, слушай же!.. У меня былъ ребенокъ! ребенокъ, понимаешь ты!—хорошенькая, маленькая дѣвочка!.. Агнесса моя,—продолжала она, какъ бы въ забытьи, цѣлуя что-то въ темнотѣ.—Такъ, слушай же, цыганка! У меня отняли, украли мою дочь. Вотъ что ты мнѣ сдѣлала!

Молодая дѣвушка отвѣчала, какъ ягненокъ въ баснѣ·

— Быть-можетъ, меня тогда еще не было на свѣтѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразила заключенная, — этого не можетъ быть. Дочь моя была бы твоихъ лѣтъ теперь. — И вотъ пятнадцать лѣтъ, какъ я сижу здѣсь, пятнадцать лѣтъ, какъ я страдаю, молюсь и бьюсь головой о стѣны. Ее украли у меня цыганки, слышишь ты? Украли и растерзали своими зубами. — Есть у тебя сердце? Такъ представь себѣ, что это такое—маленькій ребенокъ, который играетъ, сосетъ грудь, спитъ. Что можетъ быть невиннѣе? — И это-то они у меня отняли, убили! Про то знаетъ Господь Богъ!.. Сегодня мой чередъ, я отомщу цыганкѣ. О, я бы тебя искусала, если бы мнѣ не мѣшала рѣшетка. Голова у меня черезъ нее не пролѣзаетъ. Бѣдная малютка! Ее украли сонную! А если она проснулась въ это время и принялась кричать, все-таки меня не было около нея!.. Ага, цыганки! Вы убили моего ребенка, теперь посмотрите, какъ умретъ ваша дочь.

И она принялась хохотать или скрежетать зубами: на этомъ изступленномъ лицѣ трудно было отличить одно отъ другого. Тѣмъ временемъ начало разсвѣтать. Сѣроватый полусвѣтъ озарялъ эту сцену, и висѣлица все отчетливѣе вырисовывалась на площади. Съ противоположнаго берега, отъ моста Богоматери, все яснѣе доносился до слуха несчастной дѣвушки конскій топотъ.

— Сударыня!—воскликнула она, простирая руки и падая на колѣни, вся растрепанная и обезумѣвшая отъ ужаса. — Сударыня, сжальтесь! Они приближаются. Я вамъ ничего не сдѣлала. Неужели вы хотите, чтобы я умерла такой ужасной смертью у васъ на глазахъ. Я знаю, въ вашемъ сердцѣ найдется хоть капля жалости. Дайте мнѣ возможность убѣжать. Простите меня! Ради Бога! Я не хочу такъ умирать!

— Отдай моего ребенка, — отвѣчала узница.

— Сжальтесь, сжальтесь!

— Отдай моего ребенка!

— Пустите меня, — ради Бога!

— Отдай моего ребенка!

Молодая дѣвушка снова упала, измученная, обезсиленная, глаза ея уже пріобрѣтали стеклянный блескъ мертвеца.

— Увы! — прошептала она, — вы ищете свою дочь, а я ищу своихъ родителей.

— Отдай мнѣ мою маленькую Агнессу! — продолжала Гудула. — Ты не знаешь, гдѣ она? Такъ умри же! Я тебѣ все разскажу,—слушай. У меня былъ ребенокъ, и его у меня отняли. Его украла цыганка. Теперь ты понимаешь, почему ты должна умереть, когда твоя мать цыганка придетъ за тобой, я ей скажу: „Взгляни на висѣлицу!“ Если не хочешь умереть, отдай мнѣ моего ребенка. Знаешь ты, гдѣ моя маленькая дочка? Посмотри, что я тебѣ покажу. Вотъ ея башмачокъ, все, что у меня осталось. Не видала ли ты гдѣ другого башмачка? Если видѣла, скажи, и будь это хоть на другомъ концѣ свѣта, я поползу туда на колѣняхъ.

12*

И съ этими словами она показала изъ-за рѣшетки вышитый башмачокъ. Было уже настолько свѣтло, что легко можно было разглядѣть его форму и цвѣтъ.

— Покажите мнѣ ближе этотъ башмачокъ! — воскликнула цыганка, вся затрепетавъ. — Боже мой, Боже!

И въ то же время свободной рукой поспѣшно раскрыла ладонку, украшенную зелеными бусами, которую всегда носила на шеѣ.

— Ладно, ладно! — бормотала Гудула, хватайся за свой дьявольскій талисманъ! — Вдругъ голосъ ея оборвался, она задрожала всѣмъ тѣломъ и воскликнула голосомъ, выходящимъ изъ глубины души: — Дочь моя!

Цыганка вынула изъ ладонки башмачокъ, какъ двѣ капли воды похожій на показанный ей. Къ башмачку былъ привязанъ кусочекъ пергамента, а на немъ написаны слѣдующіе стихи:

Quand le pareil retrouveras
La mère te tendra les bras...

Въ одну секунду Гудула сравнила оба башмачка, прочла надпись на пергаментѣ и, припавъ къ оконной рѣшеткѣ лицомъ, сіяющимъ небесной радостью, воскликнула:

— Дочь моя, дочь моя!

— Мать моя! — отозвалась цыганка.

Перо безсильно описать эту встрѣчу. Стѣна и желѣзная рѣшетка раздѣляли ихъ.

— О, эта стѣна! — воскликнула Гудула. — Видѣть тебя и не имѣть возможности обнять. Дай мнѣ хоть свою руку!

Молодая дѣвушка протянула въ окошко руку, и затворница жадно прильнула къ ней губами — и такъ и замерла, не подавая никакихъ признаковъ жизни, только конвульсивныя рыданія по временамъ потрясали все ея тѣло. Она плакала молча, въ темнотѣ, и слезы ея текли ручьями, подобно дождю въ тихую, темную ночь. Она обливала эту драгоцѣнную руку потоками слезъ, накопившихся у нея за пятнадцать лѣтъ, выражавшихъ всю душевную муку, перенесенную ею за это время.

Вдругъ она вскочила, откинула съ лица длинныя пряди сѣдыхъ волосъ и принялась съ яростью львицы раскачивать желѣзную рѣшетку окна. Но рѣшетка не поддавалась. Тогда она схватила большой камень, служившій ей изголовьемъ, и съ такой силой ударила имъ о рѣшетку, что одинъ изъ желѣзныхъ прутовъ сломался, брызнувъ во всѣ стороны искрами. Второй ударъ окончательно разбилъ старую крестообразную рѣшетку, загораживавшую окно. Бываютъ минуты, когда руки женщины пріобрѣтаютъ нечеловѣческую силу. Въ одну минуту расширивъ такимъ образомъ отверстіе, она схватила свою дочь и втянула ее въ келью.

— Сюда! сюда! я спасу тебя отъ гибели, — шептала она.

Втащивъ ее въ келью, она тихо опустила ее на полъ, потомъ снова подняла ее и начала носить на рукахъ, какъ будто то была ея прежняя малютка — Агнесса. Она ходила взадъ и впередъ по своей крошечной кельѣ, опьяненная, не помня себя отъ радости; она кричала, пѣла, цѣловала свою дочь, что-то ей безсвязно разсказывала, заливаясь хохотомъ и слезами въ одно и то же время.

— Дочь моя, дочь моя! — повторяла она. — Моя дочь нашлась! Вотъ она! Милосердый Господь возвратилъ ее мнѣ. Эй, вы! идите всѣ сюда! Кто хочетъ взглянуть на мою дочь? Господи Боже мой!.. какая она красавица! Пятнадцать лѣтъ я искала ее, зато какой красавицей

нашла ее теперь! Значитъ, цыганки тебя не съѣли? Кто же это выдумалъ? Дочурка моя! милая моя дочурка! Поцѣлуй меня. Добрыя цыганки, я ихъ люблю теперь. Такъ это въ самомъ дѣлѣ ты? Не даромъ у меня сердце билось всегда, когда ты проходила мимо. А я-то думала, что это отъ ненависти. Прости меня, дорогая Агнесса, прости меня! Ты думала, что я очень злая, вѣдь—правда? Ахъ, какъ я тебя люблю. Цѣла ли у тебя родинка на шеѣ? покажи-ка. Цѣла! Ахъ, какъ ты хороша. Отъ меня вы унаслѣдовали ваши чудные глаза, сударыня. Поцѣлуй меня! Какъ я тебя люблю! Теперь мнѣ все равно, что у другихъ матерей есть дѣти, мнѣ нечего имъ завидывать. Пусть они придутъ сюда, я имъ покажу свою дочь. Вотъ ея шейка, глазки, волосы, ручки. Есть ли на свѣтѣ что-нибудь прекраснѣе нея? У нея будетъ много поклонниковъ, я за это ручаюсь. Пятнадцать лѣтъ я проплакала, вся моя красота исчезла,—и снова расцвѣла въ ней. Поцѣлуй меня!..

И много другихъ безсвязныхъ рѣчей говорила она голосомъ, полнымъ невыразимой нѣжности; одежду молодой дѣвушки она привела въ такой безпорядокъ, что та смущенно краснѣла; она цѣловала ея ноги, колѣни, лобъ, глаза, гладила ея шелковистые волосы и всѣмъ восхищалась. Молодая дѣвушка отдавалась ея ласкамъ и лишь изрѣдка нѣжно шептала: „Матушка!“

— Вотъ, что я тебѣ скажу, моя дочурка,—продолжала заключенная, прерывая свою рѣчь поцѣлуями,— вотъ что я тебѣ скажу, я тебя буду очень-очень любить. Мы уйдемъ отсюда и заживемъ такъ счастливо. Я получила въ Реймсѣ, на родинѣ, маленькій клочекъ земли въ наслѣдство. Ты помнишь Реймсъ? Нѣтъ, конечно, забыла его, ты была еще слишкомъ мала! А если бы ты знала, какая ты была хорошенькая, когда тебѣ было четыре мѣсяца! Ножки у тебя были такія крошечныя, что на нихъ приходили полюбоваться изъ Эпернэ, а вѣдь это за семь льё отъ Реймса. У насъ будетъ свой домикъ, свое поле. Ты будешь спать на моей постели. Боже мой, Боже мой! Трудно даже повѣрить, — моя дочь со мной!

— Ахъ, матушка! — отвѣчала молодая дѣвушка, преодолѣвъ, наконецъ, свое волненіе настолько, что могла заговорить,— мнѣ это всегда предсказывала одна цыганка. Въ нашемъ таборѣ была такая добрая цыганка, она умерла въ прошломъ году; съ самаго дѣтства она заботилась обо мнѣ, какъ кормилица; она повѣсила мнѣ на шею эту ладонку и часто повторяла: „Дѣвочка, береги эту вещицу, это безцѣнное сокровище, оно поможетъ тебѣ найти твою мать. Ты носишь свою мать у себя на шеѣ. Цыганка предсказала вѣрно!“

Гудула снова обняла свою дочь.

— Дай, я еще разъ тебя поцѣлую! Какъ ты мило разсказываешь! Когда мы вернемся на родину, мы отнесемъ оба башмачка въ церковь и обуемъ ими статую младенца Іисуса. Надо же намъ чѣмъ-нибудь отблагодарить милосердую Пресвятую Дѣву. Боже мой, какой у тебя прелестный голосъ! О, Господи! Я нашла свою дочь! Ну, можно ли этому повѣрить! Видно, люди ни отъ чего не умираютъ, если я не умерла отъ радости.

Потомъ она снова принялась хлопать въ ладоши, смѣясь и крича:

— Ахъ, какъ мы будемъ счастливы!..

Въ эту минуту въ келью донесся звонъ оружія и топотъ лошадей, проскакавшихъ, повидимому, по мосту Богоматери и теперь приближав-

шихся сюда вдоль по набережной. Цыганка съ отчаяніемъ бросилась въ объятія Гудулы.

— Спаси меня! спаси меня, мама! Они ѣдутъ за мной!

Мать поблѣднѣла.

— Боже мой, что ты говоришь! Я совсѣмъ забыла! За тобой гонятся! Что же ты сдѣлала?

— Не знаю, — отвѣчала бѣдняжка, но меня приговорили къ смертной казни.

— Къ смертной казни! — проговорила Гудула, пошатнувшись, точно сраженная громомъ. — Къ смертной казни! — медленно повторила она, глядя на дочь остановившимся взглядомъ.

— Да, матушка, — продолжала растерянно молодая дѣвушка, — они хотятъ меня повѣсить. Вотъ они идутъ за мной. Эта висѣлица приготовлена для меня! Спаси меня! спаси меня! они уже близко, спаси меня!

Гудула нѣсколько минутъ простояла неподвижно, какъ статуя, потомъ покачала съ сомнѣніемъ головой, и, наконецъ, разразилась громкимъ хохотомъ, своимъ прежнимъ ужаснымъ хохотомъ.

— Ха, ха, ха! нѣтъ, это ты мнѣ сказки разсказываешь. Какъ! потерять ее и мучиться этимъ пятнадцать лѣтъ, потомъ снова найти ее, чтобы пробыть съ ней всего нѣсколько секундъ. Ее хотятъ опять отнять у меня! Теперь, когда она выросла и стала такой красавицей, когда она узнала и полюбила меня, теперь они хотятъ съѣсть ее на глазахъ у меня,—у меня, ея матери! Нѣтъ, это невозможно, милосердый Господь не допуститъ этого!

Тутъ конскій топотъ замолкъ, отрядъ, повидимому, остановился и издали послышался голосъ:

— Сюда, мессиръ Тристанъ! Архидіаконъ сказалъ, что мы ее найдемъ около Крысиной Норы...

Затѣмъ конскій топотъ раздался снова.

Затворница вскочила, испустивъ вопль отчаянія.

— Бѣги, бѣги, дитя мое! Теперь я все вспомнила. Ты права! Это идетъ твоя смерть! О, ужасъ, о, проклятье! Бѣги же, бѣги!

Она высунула голову въ окно и тотчасъ же отшатнулась.

— Оставайся здѣсь, — отрывисто и мрачно прошептала она, судорожно сжимая руку цыганки, помертвѣвшей отъ ужаса. — Оставайся здѣсь и не дыши! Солдатъ безчисленное множество, тебѣ нельзя выйти, слишкомъ свѣтло.

Глаза ея сверкали. Она молчала, бѣгая взадъ и впередъ по кельѣ. По временамъ она останавливалась, вырывала у себя клокъ сѣдыхъ волосъ и разрывала его зубами. Вдругъ она заговорила:

— Они приближаются. Я съ ними поговорю. Спрячься вонъ въ томъ углу, оттуда тебя не будетъ видно. Я имъ скажу, что ты вырвалась и убѣжала.

Она отнесла свою дочь, которую до сихъ поръ все еще держала на рукахъ, въ самый дальній уголъ кельи, не видный съ улицы. Тамъ она усадила ее, заботливо осмотрѣвъ, чтобы ни рукъ ни ногъ не выходило изъ мрака, окутывавшаго этотъ уголъ, распустила ея черные волосы, стараясь ими прикрыть бѣлое платье, передъ ней поставила свою кружку съ водой и камень, служившій ей изголовьемъ, единственные предметы, бывшіе въ ея распоряженіи, воображая, что за нихъ можно спрятаться. Покончивъ съ этимъ, она немного успокоилась, встала на колѣни и принялась молиться.

Еще едва начинало разсвѣтать и Крысиная, Нора тонула во мракѣ. Въ эту минуту возлѣ кельи раздался зловѣщій голосъ архидіакона:

— Сюда, капитанъ Фебъ де-Шатоперъ.

Услыхавъ этотъ голосъ, это имя, Эсмеральда зашевелилась въ своемъ углу.

— Тише! — прошептала Гудула.

Въ ту же секунду около самой кельи раздалось бряцанье оружія, людскіе голоса и конскій топотъ. Затворница быстро вскочила и встала у окна, стараясь заслонить его собой. Она увидала большой отрядъ конныхъ и пѣшихъ солдатъ, выстроившихся на Гревской площади. Ихъ начальникъ сошелъ съ лошади и направился къ отшельницѣ.

— Старуха, — произнесъ этотъ человѣкъ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица,—мы ищемъ колдунью, чтобы ее повѣсить. Намъ сказали, что она у тебя.

Несчастная мать постаралась принять самый равнодушный видъ и отвѣчала:

— Не понимаю, что вамъ нужно.

— Чортъ возьми! Что же намъ наплелъ этотъ безумный архидіаконъ? Да гдѣ же онъ самъ?

— Монсиньоръ, — отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ, — онъ исчезъ.

— Смотри, старуха, не ври,—заговорилъ начальникъ отряда,—тебѣ поручили стеречь колдунью, куда она дѣвалась?

Затворница поняла, что, отпираясь ото всего, можетъ навлечь на себя подозрѣніе и потому отвѣчала сердито, но какъ будто чистосердечно:

— Коли вы ищете высокую дѣвушку, которую мнѣ велѣли держать, такъ негодяйка меня укусила, и я выпустила ее... А теперь отстаньте отъ меня.

Начальникъ отряда скорчилъ недовольную гримасу.

— Смотри, не вздумай соврать, старая карга!— пригрозилъ онъ.— Я — Тристанъ Отшельникъ, кумъ самого короля, слышишь? — и, посмотрѣвъ на Гревскую площадь — прибавилъ: — Здѣсь мое имя хорошо извѣстно.

— Хоть бы ты былъ самъ сатана Отшельникъ, все-таки я тебя не боюсь и ничего больше не знаю, — отвѣчала ободренная Гудула.

— Ахъ, чортъ тебя возьми!— воскликнулъ Тристанъ,—вотъ зубастая баба! Такъ колдунья убѣжала? А куда она побѣжала?

— Кажется, по улицѣ Мутонъ.

Тристанъ обернулся и подалъ знакъ отряду отправляться въ дальнѣйшіе поиски. Гудула вздохнула съ облегченіемъ.

— Монсиньоръ,— вдругъ вмѣшался одинъ изъ стрѣлковъ,— спросите-ка у старой вѣдьмы, почему у нея сломана рѣшетка въ окнѣ?

Этотъ вопросъ снова повергъ несчастную мать въ бездну отчаянія. Но все-таки она не потеряла присутствія духа.

— Она всегда была такая,—пробормотала она.

— Ну, нѣтъ, — отвѣчалъ стрѣлокъ,— вчера еще былъ цѣлъ желѣзный крестъ и наводилъ прохожихъ на набожныя мысли.

Тристанъ взглянулъ подозрительно на затворницу.

— Что это ты, голубушка, путаешь?

Несчастная понимала, что ей нужно сохранить присутствіе духа, и, холодѣя отъ ужаса, заставила себя расхохотаться:

— Неправда, — возразила она, — солдатъ, вѣрно, пьянъ. Уже съ годъ тому назадъ телѣжка, нагруженная камнями, задѣла за рѣшетку и сломала ее. Ужъ какъ я ругала тогда возчика!

— Правда, — поддержалъ ее другой стрѣлокъ, — я самъ видѣлъ.

На свѣтѣ много такихъ людей, которые, оказывается, вездѣ были и все видѣли. Это неожиданное вмѣшательство поддержало и ободрило затворницу, испытывавшую во время допроса чувство человѣка, переправляющагося черезъ пропасть по острею ножа. Но ей, видно, суждено было подвергаться вѣчнымъ переходамъ отъ надежды къ отчаянію.

— Если бы рѣшетку сломала повозка, — возразилъ первый солдатъ, — то обломки прутьевъ были бы вдавлены во внутрь, а теперь они торчатъ на улицу.

— Ну, ну! — обратился Тристанъ къ солдату, — да у тебя нюхъ, какъ у сыщика при судѣ въ Шатле. А ну-ка, бабушка, что ты на это скажешь?

— Боже мой! — воскликнула Гудула, теряя голову, голосомъ, въ которомъ слышались слезы; — клянусь вамъ, монсиньоръ, что телѣжка сломала рѣшетку. Вы слышали, вонъ тотъ солдатъ самъ это видѣлъ. Да и не все ли вамъ равно, вѣдь это не касается вашей цыганки.

— Гмъ! — пробурчалъ Тристанъ.

— Чортъ возьми! — снова замѣтилъ солдатъ, польщенный похвалою начальника, — а вѣдь взломъ рѣшетки совсѣмъ свѣжій!

Тристанъ покачалъ головой, Гудула поблѣднѣла.

— А давно ли телѣжка сломала рѣшотку?

— Да съ мѣсяцъ тому назадъ, а можетъ недѣли съ двѣ, монсиньоръ! Не помню навѣрное.

— А сначала она разсказывала, что съ годъ тому назадъ, — проговорилъ солдатъ.

— Да, тутъ дѣло не чисто, — согласился съ нимъ Тристанъ.

— Монсиньоръ! — воскликнула Гудула, продолжая заслонять собой окошко и дрожа при мысли, какъ бы они не вздумали, осматривая окно, заглянуть въ келью, — монсиньоръ, клянусь вамъ, что рѣшетка сломана телѣжкой. Клянусь вамъ въ этомъ всѣми святыми ангелами. Пусть меня ждутъ вѣчныя муки на томъ свѣтѣ, если это неправда.

— Ты что-то слишкомъ горячо клянешься! — замѣтилъ Тристанъ, окидывая ее инквизиторскимъ взглядомъ.

Несчастная женщина чувствовала, что теряетъ самообладаніе, дѣлаетъ промахи и говоритъ совсѣмъ не то, что нужно.

Тутъ подбѣжалъ другой солдатъ и воскликнулъ:

— Старая вѣдьма вретъ; колдунья не могла убѣжать на улицу Мутонъ. Улица всю ночь была загорожена цѣпью, и часовые никого не видали.

Лицо Тристана съ каждой минутой становилось мрачнѣе.

— Что ты скажешь на это? — обратился онъ къ заключенной.

— Не знаю, монсиньоръ, можетъ я ошиблась. Кажется она, дѣйствительно, побѣжала къ рѣкѣ.

— Да это совсѣмъ въ другую сторону, — сказалъ Тристанъ, — и притомъ невѣроятно, чтобъ она бросилась назадъ къ Ситэ, гдѣ ее ищутъ. Ты врешь, старуха!

— А кромѣ того, — вмѣшался первый солдатъ, — ни на томъ ни на этомъ берегу нѣтъ лодки.

— Она могла переплыть рѣку, — возразила Гудула, отстаивая подъ собой почву шагъ за шагомъ.

— Да развѣ женщины умѣютъ плавать! — отвѣчалъ солдатъ.

— Чортъ возьми! Ты врешь, старуха! Врешь! — гнѣвно воскликнулъ Тристанъ. — Пожалуй, вмѣсто колдуньи придется мнѣ повѣсить тебя. Четверть часика разговора въ застѣнкѣ, вѣрно, развяжетъ тебѣ языкъ. Собирайся-ка съ нами въ путь.

Она съ жадностью ухватилась за этотъ исходъ.

— Какъ вамъ угодно, монсиньоръ. Берите меня, берите. Пытка, такъ пытка. Ведите меня,—скорѣе, скорѣй! Идемъ сейчасъ же. „Тѣмъ временемъ дочь моя успѣетъ убѣжать" подумала она.

— Чортъ возьми! — удивился Тристанъ; — она такъ и рвется въ застѣнокъ. Никакъ не разберешь этой полоумной.

Тутъ изъ рядовъ выступилъ старый сѣдой сержантъ, служившій въ ночной стражѣ, и обратился къ Тристану:

— Она и впрямь полоумная, монсиньоръ. Если она выпустила цыганку, то не по своей винѣ, потому что она ненавидитъ цыганокъ. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я хожу дозорнымъ, и каждый вечеръ слышу, какъ она осыпаетъ цыганокъ всяческими проклятіями. Въ особенности, она ненавитъ плясунью съ козой, которую мы теперь ищемъ.

Гудула сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе и проговорила:

— Да, да,—эту въ особенности.

Остальные солдаты единодушно подтвердили слова стараго сержанта. Тристанъ Отшельникъ, потерявъ надежду добиться толку отъ затворницы, повернулся къ ней спиной, и она съ невыразимымъ замираніемъ сердца смотрѣла, какъ онъ направился къ своей лошади.

— Трогай!—приказалъ онъ сквозь зубы.—Надо продолжать поиски. Я не успокоюсь, пока не повѣшу цыганку.

Подойдя къ лошади, онъ на минуту остановился въ нерѣшительности. Ни жива ни мертва—Гудула наблюдала за тѣмъ, какъ онъ окинулъ площадь безпокойнымъ взоромъ охотничьей собаки, чующей близость звѣря и нежелающей уходить. Наконецъ онъ тряхнулъ головой и вскочилъ въ сѣдло. Страшная тяжесть, давившая сердце Гудулы, скатилась, и она прошептала, оглянувшись на дочь, на которую до сихъ поръ ни разу не рѣшалась взглянуть:

— Ты спасена!

Несчастная молодая дѣвушка все это время просидѣла въ своемъ углу, притаившись—не дыша, не шевелясь, ожидая смерти каждую минуту. Она слышала весь разговоръ Тристана съ Гудулой, и всѣ треволненія, испытанныя ея матерью, переживались и ею. Двадцать разъ ей казалось, что тонкая нить, на которой она висѣла надъ бездной, обрывается; теперь, наконецъ, она вздохнула свободнѣе и опять почувствовала почву подъ ногами. Вдругъ она услыхала знакомый голосъ, говорившій Тристану:

— Чортъ возьми! Монсиньоръ, я — человѣкъ военный и не мое дѣло вѣшать колдуній. Чернь усмирена, а съ остальнымъ вы сумѣете управиться одни. Если позволите, я вернусь къ своему отряду, который остался безъ капитана.

То былъ голосъ Феба де-Шатоперъ. Трудно передать словами, что произошло съ цыганкой при звукахъ этого голоса. Такъ онъ тутъ, ея другъ, ея покровитель, ея заступникъ, ея убѣжище, ея Фебъ. Она вскочила такъ быстро, что мать не успѣла ея удержать и бросилась къ окну съ крикомъ:

— Фебъ! Ко мнѣ, мой Фебъ!

Но Феба не было на площади. Онъ поднялъ лошадь въ галопъ и уже скрылся за угломъ улицы Кутельри. Зато Тристанъ еще не успѣлъ удалиться. Мать съ дикимъ воплемъ бросилась на свою дочь и быстро оттащила ее отъ окна, впиваясь ей ногтями въ шею: вѣдь матери-тигрицы не церемонятся. Но было слишкомъ поздно, — Тристанъ все видѣлъ.

— Ага! — воскликнулъ онъ, захохотавъ и оскаливъ при этомъ зубы, что придало его лицу удивительное сходство съ волчьей мордой. — Въ мышеловкѣ-то оказалось двѣ мыши!

— Я такъ и думалъ, — замѣтилъ солдатъ.

Тристанъ потрепалъ его по плечу.

— У тебя хорошій нюхъ! — похвалилъ онъ. — А, ну-ка, гдѣ тутъ Анріэ Кузенъ?

Изъ рядовъ выступилъ человѣкъ, не похожій ни по осанкѣ ни по одеждѣ на остальныхъ солдатъ. Платье на немъ было наполовину сѣрое, наполовину коричневое, съ кожаными рукавами; въ рукахъ у него былъ пучокъ веревокъ. Этотъ человѣкъ всегда сопровождалъ Тристана, какъ тотъ сопровождалъ Людовика XI.

— Дружище, — обратился къ нему Тристанъ Отшельникъ, — надо полагать, что это та самая колдунья, которую мы ищемъ. Повѣсь-ка ее. Гдѣ твоя лѣстница?

— Лѣстницу возьмемъ изъ подъ навѣса Дома съ колоннами. Не на этомъ ли „правосудіи" намъ ее вздернуть? — продолжалъ онъ, указывая на каменную висѣлицу на площади.

— Да.

— Отлично! — воскликнулъ палачъ съ хохотомъ, еще болѣе звѣрскимъ, чѣмъ смѣхъ Тристана. — По крайней мѣрѣ, недалеко ходить.

— Поворачивайся живѣй! — приказалъ Тристанъ.

Гудула не произнесла ни слова съ той минуты, когда Тристанъ увидалъ ея дочь: она поняла, что послѣдняя надежда потеряна. Бросивъ бѣдную помертвѣвшую цыганку въ уголъ кельи, она снова стала у окна, вцѣпившись обѣими руками, точно когтями, въ углы подоконника. Принявъ такую позу, она окинула солдатъ смѣлымъ взоромъ, глаза ея приняли прежнее—дикое и безумное выраженіе. Когда Анріэ Кузенъ подошелъ къ кельѣ, лицо затворницы сдѣлалось такъ ужасно, что тотъ попятился назадъ.

— Монсиньоръ, — обратился онъ къ Тристану, — которую прикажете взять?

— Молодую.

— Тѣмъ лучше! Со старухой было бы трудненько справиться.

— Бѣдная плясунья! — пожалѣлъ ее старый сержантъ.

Анріэ Кузенъ снова подошелъ къ окошку и невольно потупилъ глаза, встрѣтивъ пристальный взглядъ несчастной матери.

— Сударыня... — обратился онъ къ ней довольно робко.

Она перебила его яростнымъ шипящимъ шопотомъ:

— Чего тебѣ нужно?

— Я не за вами пришелъ, а вотъ за той.

Она принялась трясти головой, крича:

— Здѣсь нѣтъ никого! Нѣтъ никого! Нѣтъ никого!

— Ну, будетъ вамъ представляться! — сказалъ палачъ. — Дайте мнѣ взять молодую, а васъ я не трону.

Она отвѣчала, какъ-то странно посмѣиваясь:

— Такъ ты меня не тронешь?

— Дайте мнѣ взять вонъ ту молодку, сударыня. Монсиньоръ такъ приказалъ.

Она продолжала твердить съ безумнымъ видомъ:

— Здѣсь нѣтъ никого!

— А я вамъ говорю, что есть, — возразилъ палачъ. — Мы видѣли, что васъ было двѣ.

— Ну, посмотри самъ! — воскликнула Гудула посмѣиваясь; — сунь-ка голову въ окошко!

Палачъ взглянулъ на ея когти и попятился.

— Живѣй! — крикнулъ ему Тристанъ, успѣвшій тѣмъ временемъ выстроить своихъ солдатъ полукругомъ передъ Крысиной Норой, а самъ подъѣхалъ верхомъ къ висѣлицѣ.

Смущенный Анріэ опять подошелъ къ своему начальнику, положилъ веревки на землю и спросилъ, сконфуженно комкая въ рукахъ свою шапку:

— Монсиньоръ, какъ же туда войти?

— Чрезъ дверь.

— Двери нѣтъ.

— Ну, чрезъ окно.

— Да оно слишкомъ узко.

— Такъ расширь его, — отвѣчалъ сердито Тристанъ.

Изъ глубины кельи несчастная мать все время внимательно наблюдала за ними. Она потеряла уже послѣднюю надежду, и сама не знала, чего добивается; она не хотѣла только отдать свою дочь.

Анріе Кузенъ отправился подъ навѣсъ Дома съ колоннами, гдѣ въ ящикѣ хранились разные инструменты, употреблявшіеся при казняхъ. Оттуда онъ вытащилъ двойную лѣстницу и сейчасъ же приставилъ ее къ висѣлицѣ. Пять-шесть солдатъ вооружились кольями и рычагами, и Тристанъ во главѣ ихъ снова направился къ кельѣ.

— Слушай, старуха! — заговорилъ онъ суровымъ тономъ. — Отдай намъ цыганку добромъ.

Она взглянула на него безсмысленнымъ взоромъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Тристанъ, — какое тебѣ дѣло до этой колдуньи? Чего ты намъ мѣшаешь повѣсить ее по приказу короля?

Несчастная захохотала своимъ безумнымъ смѣхомъ.

— Какое мнѣ дѣло?!. Да вѣдь это моя дочь!

Голосъ, какимъ она произнесла это слова, заставилъ вздрогнуть самого Анріэ Кузена.

— Мнѣ очень жаль тебя, — продолжалъ Тристанъ, — но такова воля короля.

Она воскликнула, продолжая хохотать своимъ дикимъ смѣхомъ:

— Какое мнѣ дѣло до твоего короля? Я тебѣ сказала, что это моя дочь!

— Ломай стѣну! — распорядился Тристанъ.

Для того, чтобы расширить отверстіе, достаточно было выломать рядъ камней надъ окошкомъ.

Услыхавъ ударъ кольевъ и рычаговъ, сокрушавшихъ ея крѣпость, несчастная мать испустила отчаянный вопль и принялась съ ужасающей быстротой кружиться по своей кельѣ, — то была привычка, пріобрѣтенная ею за долгіе годы, прожитые ею, — подобно дикому звѣрю въ клѣткѣ. Она молчала, но глаза ея такъ горѣли, что солдатъ охватилъ ужасъ.

Вдругъ она схватила камень и, захохотавъ, съ размаху бросила его въ солдатъ. Камень, брошенный неловко, дрожащими руками, не задѣвъ никого, упалъ къ ногамъ лошади Тристана. Гудула заскрежетала зубами.

Тѣмъ временемъ, хотя солнце еще не совсѣмъ взошло, но на дворѣ было уже вполнѣ свѣтло, и старыя дымовыя трубы Дома съ колоннами озарились нѣжнымъ розовымъ отблескомъ. Въ этотъ часъ раньше другихъ проснувшіеся обыватели уже весело отворяютъ свои окна, выходящія на крыши домовъ. На площади показалось нѣсколько рабочихъ, потомъ нѣсколько торговцевъ фруктами, отправляющихся на своихъ осликахъ на базаръ. Всѣ они на минуту останавливались передъ отрядомъ солдатъ, выстроившимся около Крысиной Норы, смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ и затѣмъ проходили дальше.

Гудула усѣлась около дочери, заслоняя ее своимъ тѣломъ, неподвижно глядя передъ собой и прислушиваясь къ тихому шопоту бѣдной дѣвушки, твердившей не переставая: „Фебъ, мой Фебъ!"

По мѣрѣ того, какъ работа солдатъ, ломавшихъ стѣну, подвигалась впередъ, мать невольно откидывалась назадъ и все сильнѣе прижимала молодую дѣвушку къ стѣнѣ. Вдругъ Гудула увидала, что камни, за которыми она наблюдала, не спуская глазъ, закачались, и услыхала голосъ Тристана, подбодрявшій работавшихъ. Тутъ она вышла изъ охватившаго ее на нѣсколько минутъ оцѣпенѣнія и закричала какимъ-то страннымъ голосомъ, то рѣжущимъ ухо, какъ звукъ пилы, то захлебывающимся отъ проклятій, стремившихся разомъ вылиться изъ ея устъ.

— Го, го, го! Но вѣдь это ужасно! Разбойники вы, разбойники! Неужто въ самомъ дѣлѣ хотите отнять у меня дочь? Я же вамъ сказала, что это—моя дочь! Ахъ, подлые! Прислужники палача! Проклятые холуи,—убійцы! Помогите, помогите! Пожаръ! Неужто у меня отнимутъ дочь! Гдѣ же справедливость послѣ этого?

Потомъ она обернулась къ Тристану и заговорила съ пѣной у рта, съ блуждающимъ взоромъ, стоя на четверенькахъ и ощетинясь словно пантера.

— Попробуй-ка отнять у меня дочь! Или ты забылъ, что тебѣ сказано, что это моя дочь? Да понимаешь ли ты, что значитъ имѣть ребенка? Или ты, волкъ, никогда не жилъ съ волчицей, не имѣлъ отъ нея волченка? А если у тебя есть дѣтеныши, неужели у тебя внутри ничего не шевелится, когда они воютъ?

— Сворачивай камень, — приказалъ Тристанъ, — онъ чуть держится.

Рычаги подтянули тяжелую каменную плиту надъ окномъ, бывшую, какъ мы уже говорили, послѣднимъ оплотомъ бѣдной матери. Она бросилась впередъ, хотѣла удержать камень, вцѣпилась въ него ногтями, но тяжелая каменная глыба, на которую напирало шесть человѣкъ, выскользнула у нея изъ рукъ и медленно опустилась на землю съ помощью желѣзныхъ рычаговъ. Мать, увидавъ, что входъ готовъ, бросилась къ отверстію и загородила его своимъ тѣломъ, ломая руки, стукаясь головой о камни и крича чуть слышнымъ голосомъ, охрипшимъ отъ усталости: „Помогите! Горимъ! Пожаръ!"

— Теперь берите цыганку, — хладнокровно сказалъ Тристанъ.

Мать окинула подошедшихъ солдатъ такимъ грознымъ взглядомъ, что тѣ остановились въ нерѣшимости.

— Чего же вы стали! — крикнулъ Тристанъ. Анріэ Кузенъ, ступай ты впередъ!

Никто не тронулся съ мѣста.

— Чортъ васъ побери! — разсердился Тристанъ. Туда же,— солдатами называетесь, а боитесь женщины!

— Монсиньоръ, — возразилъ Анріэ, — да развѣ это женщина?

— У нея грива, какъ у льва, — замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Впередъ! — скомандовалъ Тристанъ, отверстіе достаточно широко. Полѣзайте туда потрое въ рядъ, какъ при осадѣ Понтуаза. Пора покончить съ этимъ, чортъ возьми! Перваго, кто вздумаетъ отступить, я разрублю пополамъ.

Очутившись между строгимъ начальникомъ и не менѣе грозной матерью, солдаты поколебались немного, затѣмъ рѣшительно двинулись къ Крысиной Норѣ. Увидавъ это, Гудула быстро встала на колѣни, откинула волосы съ лица и снова безпомощно опустила свои исхудалыя исцарапанныя руки. Крупныя слезы одна за другой закапали изъ ея глазъ и побѣжали по бороздившимъ ея лицо морщинамъ, какъ ручей по проложенному имъ руслу. И въ то же время она заговорила такимъ умоляющимъ голосомъ, такъ кротко, покорно и жалобно, что вокругъ Тристана не одинъ старый рубака, ни во что не цѣнившій человѣческую жизнь, утиралъ себѣ глаза.

— Монсиньоры! Господа сержанты! Одно слово! Дайте мнѣ сказать только одно слово. Это моя дочь, понимаете ли вы? Моя маленькая дочурка, которую я считала потерянной! Послушайте, это цѣлая исторія. Вѣдь я васъ хорошо знаю,—вы добрые, вы всегда защищали меня отъ мальчишекъ, бросавшихъ въ меня камнями за то, что я вела распутную жизнь. Я знаю, вы не захотите отнять у меня дочь, когда я вамъ все разскажу. Я была дурной женщиной, ее у меня украли цыганки. Но я пятнадцать лѣтъ хранила ея башмачокъ. Глядите, вотъ онъ. Посмотрите, какая у нея была маленькая ножка. Это было въ Реймсѣ, въ улицѣ Фоль-Пенъ; можетъ быть, вы знавали тамъ Пакетту Шантфлёръ? Вѣдь это я. Славное то было время, весело жилось. Моньсиньоръ, вѣдь вы сжалитесь надо мной? Цыганки украли ее у меня, пятнадцать лѣтъ прятали отъ меня. И я считала ее умершей. Пятнадцать лѣтъ провела я здѣсь въ кельѣ, не разводя никогда огня. Не легко мнѣ приходилось... Дорогой башмачокъ!.. Я такъ плакала, что Господь внялъ моимъ мольбамъ. Сегодня ночью Онъ возвратилъ мнѣ дочь. Свершилось чудо. Она жива, и вы не захотите отнять ее у меня, я знаю. Повѣсьте лучше меня, но не трогайте ея, вѣдь ей всего шестнадцать лѣтъ. Дайте ей еще пожить на свѣтѣ, порадоваться на Божій міръ. Что она вамъ сдѣлала? Ничего, да и я тоже. Если бы вы знали, что кромѣ нея у меня нѣтъ никого на свѣтѣ! Посмотрите, какъ я стара,— вѣдь это Матерь Божія ниспослала мнѣ Свое благословеніе. А вы всѣ такіе добрые, вы не знали раньше, что она моя дочь, теперь же вамъ это извѣстно. Ахъ, какъ я ее люблю! Господинъ начальникъ, я скорѣе согласна дать себѣ распороть животъ, чѣмъ видѣть царапинку у нея на мизинцѣ! У васъ такой добрый видъ! Теперь вы понимаете, почему я не хотѣла отдавать ея? Монсиньоръ, вспомните свою мать! Вѣдь вы начальникъ надъ ними, не велите имъ трогать мою дочь! Смотрите, я молю васъ на колѣняхъ, какъ молятъ Самого Господа Бога! Мнѣ ничего не нужно, я сама изъ Реймса, тамъ у меня есть клочокъ земли, доставшійся мнѣ отъ дяди, Майе Прадона. Я не нищенка. Мнѣ ничего не нужно, только не трогайте моего ребенка!

Оставьте мнѣ мою дочь! Не даромъ же мнѣ ее возвратилъ Господь, Властитель надъ всѣми! Король! Вы говорите, что такъ приказалъ король? Ну, велико ли ему будетъ удовольствіе изъ-за того, что убьютъ мою дѣвочку? И потомъ, король такъ милостивъ! Это моя дочь! Нѣтъ до нея дѣла королю! Нѣтъ дѣла вамъ! Я не хочу больше оставаться здѣсь, мы обѣ уйдемъ отсюда! Смотрите, смотрите, вотъ идутъ двѣ женщины, одна изъ нихъ мать, другая дочь; на что онѣ вамъ? Пускай себѣ идутъ! Пустите насъ, мы обѣ родомъ изъ Реймса. Вы такіе всѣ добрые, господа сержанты, я васъ очень люблю!.. Вы не отнимете у меня, моей дорогой дѣвочки, этого не можетъ быть? Не правда ли, вѣдь этого никакъ не можетъ быть? Дѣточка, моя дѣточка!..

Мы не въ силахъ передать отчаянія, звучавшаго въ ея голосѣ, отражавшагося на ея лицѣ. Слезы ручьями текли у нея по щекамъ, и она глотала ихъ; она то складывала руки съ мольбой, то въ отчаяніи ломала ихъ. Свою безсвязную, безпорядочную рѣчь она сопровождала раздирающими улыбками, молящими взглядами, вздохами, стонами, потрясающими душу воплями. Когда она замолкла, Тристанъ нахмурилъ брови, чтобы скрыть слезу, навернувшуюся ему на глаза, похожіе на глаза дикаго звѣря. Онъ превозмогъ, однако, эту слабость и проговорилъ отрывисто: „Такова воля короля“.

Потомъ онъ нагнулся къ Анріэ Кузену и шепнулъ ему на ухо:

— Кончай скорѣе!

Грозный Тристанъ, быть-можетъ, чувствовалъ, что теряетъ власть надъ собой.

Палачъ и солдаты вошли въ келью. Мать не оказала имъ никакого сопротивленія; она подползла къ дочери и, бросившись на нее, прикрыла ее своимъ тѣломъ.

Ужасъ смерти оживилъ цыганку. Она увидала подходящихъ солдатъ.

— Матушка! — воскликнула она невыразимо - отчаяннымъ голосомъ. — Матушка! Они идутъ! Защити меня!

— Да, да, моя дѣточка, я защищу тебя! — отвѣчала мать угасшимъ голосомъ, сжимая ее въ объятіяхъ и покрывая поцѣлуями. Обѣ онѣ, мать и дочь, лежавшія, прижавшись другъ къ другу, на землѣ, представляли картину, которую нельзя было видѣть безъ состраданія.

Анріэ Кузенъ схватилъ молодую дѣвушку поперекъ тѣла. Почувствовавъ на себѣ эту руку, бѣдняжка вскрикнула и лишилась чувствъ. Палачъ, у котораго слезы такъ и капали, хотѣлъ ее унести, взявъ на руки. Сначала онъ постарался отцѣпить отъ нея мать, руки которой точно узломъ завязались вокругъ стана бѣдной дѣвушки, но она такъ судорожно обхватила, дочь что не было никакой возможности ее оттащить. Тогда Анріэ Кузенъ потащилъ изъ кельи молодую дѣвушку, волоча и мать за собою. У матери также были закрыты глаза.

Въ это время солнце уже взошло, и на площади было много народу, старавшагося издали разсмотрѣть, кого это тащатъ такимъ образомъ по мостовой къ висѣлицѣ. Таковъ былъ обычай Тристана—не допускать любопытныхъ слишкомъ близко къ мѣсту казни. У оконъ никого не было. Только вдали, на вершинѣ башни собора, господствующей надъ Гревской площадью вырисовывались на яркомъ фонѣ утренняго неба двѣ человѣческія фигуры, наблюдавшія за происходившимъ на площади.

Анріэ Кузенъ остановился со своей ношей у подножія роковой лѣстницы и, тяжело дыша отъ усталости, накинулъ петлю на прелест-

ную шейку дѣвушки. Бѣдняжка почувствовала ужасное прикосновеніе веревки. Она открыла глаза и увидала надъ своею головой распростертую каменную руку висѣлицы. Она вся вздрогнула и воскликнула громкимъ, раздирающимъ душу голосомъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу!“ Мать, приникшая лицомъ къ одеждѣ своей дочери, не произнесла ни слова, только все тѣло ея затрепетало, и она стала покрывать страстными поцѣлуями свое дитя. Палачъ воспользовался этой минутой, чтобы быстро отцѣпить ея руки, обвивавшія станъ осужденной. Можетъ-быть, выбившись изъ силъ, можетъ-быть, отъ отчаянія, она не сопротивлялась, когда онъ взвалилъ себѣ на плечи молодую дѣвушку, при чемъ тѣло ея, граціозно перегнувшись пополамъ, запрокинулось за его большую голову. Потомъ онъ ступилъ на лѣстницу, собираясь лѣзть наверхъ.

Въ эту минуту мать, валявшаяся на мостовой, вдругъ широко раскрыла глаза. Не издавъ ни звука, она вскочила съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ и, точно звѣрь на добычу, кинулась на палача и укусила его за руку. Это произошло съ быстротою молніи. Палачъ зарычалъ отъ боли, къ нему подбѣжали и съ трудомъ освободили его окровавленную руку отъ впившихся въ нея зубовъ несчастной матери. Она хранила глубокое молчаніе. Ее грубо оттолкнули, и голова ея грузно ударилась о мостовую. Ее подняли, но она упала снова. Она умерла.

Палачъ, не выпустившій тѣло молодой дѣвушки, сталъ взбираться по лѣстницѣ.

II.

LA CREATURA BELLA BLANCO VESTITA [1]).

(Данте).

Когда Квазимодо увидалъ, что келья опустѣла, что цыганки тамъ нѣтъ, что ее похитили въ то время, какъ онъ защищалъ ее, онъ схватился за голову руками и затопалъ ногами отъ бѣшенства и отчаянія. Затѣмъ онъ бросился искать по всей церкви цыганку, испуская страшные крики, во всѣхъ углахъ усѣивая своими рыжими волосами полъ. Это какъ разъ совпало съ той минутой, когда королевскіе стрѣлки, восторжествовавъ, вступили въ соборъ, также разыскивая цыганку. Квазимодо помогалъ имъ, не подозрѣвая, бѣдняга, ихъ коварнаго намѣренія: онъ считалъ за враговъ цыганки бродягъ. Онъ самъ проводилъ Тристана по всѣмъ закоулкамъ, гдѣ бы можно было скрыться, отворялъ ему всѣ потайныя двери, двойныя ниши алтарей и ризницъ. Если бъ несчастная была тамъ, онъ самъ предалъ бы ее.

Когда, наконецъ, Тристану надоѣло искать безъ результата,— а онъ вообще не скоро отставалъ, — Квазимодо продолжалъ свои поиски одинъ. Онъ двадцать разъ, сто разъ, обѣгалъ церковь вдоль и поперекъ, сверху донизу, бѣгая по лѣстницамъ, зовя, крича, суя голову во всѣ дыры, освѣщая факеломъ каждый сводъ, не помня себя, доходя до помѣшательства. Никакой звѣрь не могъ бы рычать отчаяннѣе.

Наконецъ, когда онъ окончательно убѣдился, что Эсмеральды нѣтъ, что все кончено, что ее похитили, онъ медленно поднялся на башню по той самой лѣстницѣ, по которой въ такомъ восторгѣ и съ такимъ

---

[1]) Прекрасное созданіе въ бѣлой одеждѣ.

торжествомъ несъ наверхъ ту, которую спасъ. Онъ прошелъ по тѣмъ же мѣстамъ, опустивъ голову, безъ голоса, безъ слезъ, почти не дыша. Соборъ снова опустѣлъ и погрузился въ тишину.

Оставшись одинъ въ этихъ обширныхъ стѣнахъ, столь шумныхъ еще нѣсколько минутъ тому назадъ, Квазимодо снова пошелъ въ келью, гдѣ Эсмеральда спала столько ночей подъ его охраной.

Подходя къ кельѣ, онъ воображалъ себѣ, что, можетъ-быть, найдетъ въ ней свою цыганку. Когда на поворотѣ галлереи, выходящей на наклонную кровлю, онъ увидалъ узенькую келейку съ маленькимъ окошечкомъ и дверцей, пріютившуюся подъ сводомъ, какъ гнѣздышко подъ вѣткой, бѣдняга не выдержалъ и долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Онъ вообразилъ, что Эсмеральда, можетъ-быть, вернулась къ себѣ, что какой-нибудь добрый геній привелъ ее туда обратно, что келейка слишкомъ спокойна, надежна и уютна, чтобъ она ушла изъ нея, и не смѣлъ сдѣлать ни шагу, боясь нарушить иллюзію.

— Да,— говорилъ онъ про себя,— она, быть-можетъ, спитъ или молится. Не надо ей мѣшать.

Наконецъ, собравъ всѣ силы, онъ на цыпочкахъ подкрался къ двери, заглянулъ черезъ нее и вошелъ въ келью. Никого! Келья попрежнему была пуста. Бѣдный глухой медленно обошелъ ее, приподнялъ матрацъ и посмотрѣлъ подъ него, будто Эсмеральда могла скрываться подъ нимъ, затѣмъ покачалъ головой и остановился, не зная, что дѣлать.

Вдругъ онъ яростно потушилъ факелъ ногой и, не говоря ни слова, не вздохнувъ, со всего размаху хватился головой объ стѣну. Онъ упалъ и лишился сознанія.

Придя въ себя, Квазимодо бросился на постель, и, катаясь по ней, бѣшено цѣловалъ еще теплое мѣсто, гдѣ спала дѣвушка. Нѣсколько минутъ онъ пролежалъ неподвижно, будто готовясь испустить духъ, затѣмъ всталъ, весь обливаясь потомъ, задыхаясь, теряя способность разсуждать, и началъ биться объ стѣну головой съ ужасающей правильностью языка своихъ колоколовъ и рѣшимостью человѣка, хотящаго покончить съ собой. Наконецъ, потерявъ силы, онъ вторично упалъ; онъ на колѣняхъ выползъ изъ кельи и присѣлъ противъ двери въ позѣ, выражающей удивленіе. Квазимодо просидѣлъ такъ больше часу, безъ движенія, не спуская глазъ съ опустѣвшей кельи, смотря на нее задумчивѣе и мрачнѣе матери, сидящей между опустѣвшей кроваткой и наполнившимся гробикомъ. Онъ не проронилъ ни слова; только, черезъ долгіе промежутки, рыданіе потрясало его тѣло, но то было рыданіе безъ слезъ, какъ лѣтняя молнія, не сопровождаемая громомъ.

Повидимому, въ эту минуту, раздумывая въ своемъ отчаяніи, кто могъ такъ неожиданно похитить дѣвушку, онъ вспомнилъ объ архидіаконѣ. Онъ припомнилъ, что одинъ только патеръ Клодъ имѣлъ ключъ отъ лѣстницы, которая вела въ келью; ему вспомнились ночныя нападенія на дѣвушку, первому изъ которыхъ онъ, Квазимодо, содѣйствовалъ, а второму помѣшалъ. Онъ припомнилъ множество подробностей, и ему стало ясно, что одинъ только архидіаконъ могъ похитить цыганку. Однако, таково было его уваженіе къ патеру, любовь и преданность къ этому человѣку такъ укоренились въ его сердцѣ, что эти чувства даже въ эту минуту боролись съ ревностью и отчаяніемъ.

Онъ думалъ, что это дѣло архидіакона, и непримиримая, кровавая ненависть, которую онъ почувствовалъ бы ко всякому другому, замѣ-

Проклятіе!..— вскрикнулъ онъ и полетѣлъ въ пропасть.

нилась, только еще болѣе обострившеюся горестью. Въ ту минуту, какъ его мысль сосредоточилась, такимъ образомъ, на священникѣ, а заря начала освѣщать своды, Квазимодо вдругъ увидалъ на верхнемъ этажѣ собора, на заворотѣ наружной балюстрады, окружающей хоры, двигавшуюся человѣческую фигуру. Она направлялась въ его сторону. Онъ узналъ архидіакона. Клодъ шелъ медленной, важной походкой, не смотря передъ собой на ходу. Онъ направлялся къ сѣверной башнѣ, но лицо его было обращено въ сторону праваго берега Сены, и онъ держалъ голову высоко, будто силясь разсмотрѣть что-то поверхъ крышъ. Сова часто такъ поглядываетъ искоса. Она летитъ къ одной точкѣ, а смотритъ на другую. Священникъ прошелъ надъ головой Квазимодо, не замѣтивъ его.

Глухой, окаменѣвъ при внезапномъ появленіи патера, смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся за дверью лѣстницы въ сѣверную башню. Читатель знаетъ, что изъ этой башни видъ открывался на ратушу. Квазимодо всталъ и пошелъ слѣдомъ за архидіакономъ, чтобы узнать, зачѣмъ онъ туда поднимается. Бѣдняга звонарь совершенно не сознавалъ, что онъ станетъ дѣлать, что скажетъ, вообще, чего онъ хочетъ. Ярость въ немъ боролась съ боязнью. Въ его сердцѣ архидіаконъ столкнулся съ цыганкой.

Дойдя до вершины башни, прежде чѣмъ выступить изъ мрака лѣстницы на площадку, Квазимодо осторожно взглянулъ, гдѣ—священникъ.

Тотъ стоялъ, обернувшись къ нему спиной. Вокругъ площадки на колокольню шла балюстрада ажурной работы. Священникъ, смотря въ городъ, опирался грудью на ту изъ сторонъ балюстрады, которая выходила къ мосту Богоматери. Подкравшись неслышными шагами, Квазимодо сталъ черезъ плечо патера наблюдать, на что онъ смотритъ. Вниманіе священника было такъ поглощено открывавшимся передъ нимъ зрѣлищемъ, что онъ даже не услыхалъ за спиной шаговъ глухого.

Чудную и прелестную картину представляетъ вообще Парижъ, а особенно Парижъ того времени, съ башенъ собора Богоматери при первыхъ лучахъ утренней зари. Стоялъ іюль мѣсяцъ. На небѣ не было ни единаго облачка. Нѣсколько запоздавшихъ звѣздочекъ погасали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а одна, очень яркая, сверкала на востокѣ, гдѣ небо было всего свѣтлѣе. Солнце должно было появиться сію минуту. Парижъ начиналъ просыпаться. При яркомъ чистомъ свѣтѣ всѣ очертанія домовъ на восточной сторонѣ особенно ясно рисовались въ воздухѣ. Гигантская тѣнь отъ колокольни протягивалась по крышамъ отъ одного края города до другого. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ уже слышались шумъ и говоръ. Кое-гдѣ раздавался звонъ колокола, кое-гдѣ ударъ молота, мѣстами дребезжаніе ѣдущей телѣжки. Уже кое-гдѣ, на пространствѣ всѣхъ этихъ крышъ, изъ трубъ, будто изъ трещинъ огромнаго вулкана, начинали подниматься струйки дыма. Рѣка, разбивающая свои волны о быки столькихъ мостовъ, о мысы столькихъ острововъ, вся сверкала серебристой рябью. За стѣнами города взоръ терялся въ большомъ кругѣ клочковатаго тумана, черезъ который проглядывали неясныя линіи равнинъ и граціозный изгибъ холмовъ. Надъ этимъ полупроснувшимся городомъ носились самые разнородные звуки. На востокѣ утренній вѣтерокъ гналъ легкія, какъ вата, облачка, оторванныя отъ туманной пелены, окутывавшей холмы.

Нѣсколько городскихъ кумушекъ, стоя на соборной паперти съ молочными кувшинами въ рукахъ, удивленно разсматривали разрушенныя

за ночь двери собора и застывшіе въ углубленіяхъ песчаника свинцовые ручьи. Это были единственные слѣды, оставшіеся отъ ночного переполоха. Костеръ, разведенный Квазимодо между башнями, погасъ. Тристанъ уже очистилъ площадь и велѣлъ побросать убитыхъ въ рѣку. Короли, подобные Людовику, заботятся, чтобы послѣ кровопролитія улицы были быстро вымыты.

Съ внѣшней стороны балюстрады, какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ остановился священникъ, приходилась одна изъ тѣхъ каменныхъ сточныхъ трубъ причудливаго рисунка, которыми покрыты готическія зданія, а въ одной изъ трещинъ трубы двѣ цвѣтущія гвоздики, колеблемыя вѣтеркомъ, точно живыя, привѣтствовали другъ друга, кивая головками. Надъ башнями, высоко въ небѣ, слышалось щебетанье птичекъ.

Но священникъ ничего этого не слышалъ и не видѣлъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ не существуетъ ни утра, ни птицъ, ни цвѣтовъ. На этомъ обширномъ горизонтѣ, представлявшемъ столько разнообразія вокругъ него, одна только точка поглощала все его вниманіе.

Квазимодо сгоралъ нетерпѣніемъ спросить у него, куда онъ дѣвалъ цыганку. Но архидіаконъ, казалось, перенесся въ эту минуту въ другой міръ. Онъ, видимо, переживалъ одну изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, когда человѣкъ не замѣтилъ бы, если бы подъ нимъ разверзлась земля. Неизмѣнно устремивъ глаза на одну точку, онъ стоялъ неподвижно, въ полномъ молчаніи, и въ этой неподвижности и въ этомъ молчаніи было что-то настолько ужасное, что безстрашный звонарь опасался нарушить ихъ. Онъ могъ только косвеннымъ образомъ предложить вопросъ архидіакону, т.-е. глазами прослѣдить за направленіемъ пристальнаго взгляда священника. Несчастный глухой такъ и поступилъ, и взглядъ его упалъ на Гревскую площадь.

Онъ также увидалъ то, на что смотрѣлъ священникъ. Къ висѣлицѣ, постоянно стоявшей тамъ, была приставлена лѣстница. На площади была кучка народа и очень много солдатъ. Какой-то человѣкъ тащилъ по землѣ что-то бѣлое, за что цѣплялось что-то черное. Этотъ человѣкъ остановился у подножія висѣлицы.

Тутъ произошло что-то, чего Квазимодо не могъ уже разсмотрѣть, не потому, чтобъ его единственный глазъ потерялъ способность видѣть вдали, но оттого, что толпа солдатъ заслоняла отъ него происходившее. Къ тому же, въ эту минуту показалось солнце, и съ горизонта хлынула волна такого ослѣпительнаго свѣта, что всѣ выдающіяся точки Парижа — шпили, трубы, колокольни—стояли точно въ огнѣ.

Между тѣмъ, человѣкъ началъ подниматься по лѣстницѣ. И тогда Квазимодо снова ясно увидалъ его. Онъ несъ на плечѣ женщину — молодую дѣвушку—всю въ бѣломъ; молодой дѣвушкѣ на шею была накинута петля. Квазимодо узналъ эту дѣвушку.—Это была она.

Человѣкъ дошелъ до послѣдней ступени. Здѣсь онъ сталъ затягивать узелъ. Въ эту минуту священникъ, чтобы лучше видѣть сталъ на колѣни на балюстраду.

Вдругъ человѣкъ рѣзкимъ движеніемъ ноги оттолкнулъ лѣстницу, и Квазимодо, у котораго уже нѣсколько минутъ прервалось дыханіе, увидалъ, какъ на концѣ веревки, въ двухъ саженяхъ надъ мостовой, закачалось тѣло бѣдной дѣвушки, на плечи которой вскочилъ человѣкъ. Веревка нѣсколько разъ перекрутилась въ воздухѣ, и Квазимодо увидалъ, какъ по тѣлу цыганки пробѣжала страшная судорога. Священникъ

также, съ выкатившимися изъ орбитъ глазами, вытянувъ шею, смотрѣлъ на эту ужасную группу человѣка и дѣвушки, — паука и мухи.

Въ самую раздирающую душу минуту этой сцены смѣхъ—сатанинскій, нечеловѣческій, исказилъ помертвѣвшее лицо священника. Квазимодо не слыхалъ этого смѣха, но видѣлъ его.

Звонарь попятился на нѣсколько шаговъ за спиной архидіакона и вдругъ, яростно устремившись на него, своими могучими руками толкнулъ его сзади въ пропасть, нагнувшись надъ которой, стоялъ Клодъ.

— Проклятіе!.. вскрикнулъ тотъ и полетѣлъ въ пропасть. Въ своемъ паденіи архидіаконъ зацѣпился за водостокъ. Онъ въ отчаяніи схватился за него руками, и въ то мгновеніе, какъ онъ открылъ ротъ, чтобы закричать вторично, онъ увидалъ высунувшееся надъ собой изъ-за балюстрады страшное лицо Квазимодо, дышавшее мщеніемъ.

Крикъ замеръ у патера въ горлѣ. Подъ нимъ зіяла пропасть. До мостовой было болѣе двухсотъ футовъ.

Въ этомъ ужасномъ положеніи архидіаконъ не произнесъ ни слова, не издалъ ни единаго стона. Онъ только извивался, держась за водостокъ и употребляя неимовѣрныя усилія, чтобы снова подняться на балюстраду. Но руки скользили по граниту, ноги его напрасно царапали почернѣвшую поверхность, ища за что зацѣпиться. Лица, всходившія на башни собора Богоматери, знаютъ, что сейчасъ подъ балюстрадой—каменный откосъ. На этомъ-то откосѣ и старался удержаться несчастный архидіаконъ. Онъ имѣлъ дѣло не съ отвѣсной стѣной, а съ стѣной, убѣгавшей изъ-подъ его ногъ.

Стоило Квазимодо только протянуть руку, и онъ могъ бы вытащить патера изъ пропасти, но горбунъ даже не смотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ на площадь, на висѣлицу, на цыганку.

Глухой оперся о балюстраду на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за минуту передъ тѣмъ былъ священникъ, и, не сводя глазъ съ единственнаго предмета, существовавшаго для него въ эту минуту, онъ стоялъ неподвижно, не произнося ни звука, какъ человѣкъ, пораженный громомъ, и изъ его единственнаго глаза, незнавшаго до сихъ поръ что такое слезы, онѣ катились теперь неудержимымъ потокомъ.

Архидіаконъ, между тѣмъ, тяжело переводилъ духъ. Съ его лысаго лба потъ катился градомъ, изъ-подъ ногтей выступала кровь, колѣни обдирались о стѣну. Онъ чувствовалъ, какъ его ряса, зацѣпившаяся за трубу, трещала по всѣмъ швамъ при каждомъ его усиліи. Къ довершенію несчастья, труба оканчивалась свинцовымъ желобомъ, гнувшимся подъ тяжестью его тѣла. Несчастный сознавалъ, что какъ только его руки откажутся служить ему, какъ только ряса разорвется, а свинецъ согнется, придется упасть, и ужасъ леденилъ его до мозга костей. Иногда онъ съ ужасомъ поглядывалъ на подобіе узенькой площадки, которую футахъ въ десяти пониже образовало какое-то архитектурное украшеніе, и отъ всей своей измученной души молилъ небо дать ему окончить жизнь на этомъ пространствѣ въ два квадратныхъ фута, хотя бы ему пришлось пробыть на немъ сто лѣтъ. Одинъ разъ онъ взглянулъ внизъ — на площадь, въ пропасть; когда онъ поднялъ голову, глаза его были закрыты, и рѣдкіе волосы стояли дыбомъ.

Было что-то ужасное въ молчаніи этихъ двухъ людей. Между тѣмъ какъ архидіаконъ мучился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Квазимодо, звонарь плакалъ, смотря на Гревскую площадь.

Архидіаконъ, видя, что всѣ его усилія только колеблютъ его ненадежную опору, рѣшился больше не шевелиться. Онъ обхватилъ водостокъ, едва переводя духъ, не шевелясь, безъ другого движенія, кромѣ судорожнаго сокращенія мускуловъ живота, которое испытывается во снѣ, когда кажется, что падаешь. Его неподвижные глаза были болѣзненно расширены, какъ бы отъ удивленія. Однако, почва мало-по-малу начинала уходить изъ-подъ него; его пальцы скользили по трубѣ; онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ увеличивавшуюся слабость рукъ и тяжесть своего тѣла; свинцовая труба, поддерживавшая его съ каждой минутой, все больше сгибалась, наклоняясь къ безднѣ.

Онъ видѣлъ подъ собой ужасное зрѣлище: кровля церкви Сенъ-Жанъ-ла-Ронъ казалась маленькой, какъ пополамъ согнутая карта. Онъ смотрѣлъ поочередно на всѣ безстрастныя изваянія, украшавшія башни, висѣвшія, какъ онъ, надъ бездной, но не испытывавшія ни ужаса за себя ни жалости къ нему. Все кругомъ него было каменное,— передъ глазами чудовища съ раскрытыми пастями, внизу, въ глубинѣ, мостовая, надъ головой — плачущій Квазимодо.

На площадкѣ передъ соборомъ собралось нѣсколько любопытныхъ, преспокойно разсуждавшихъ, какой безумецъ нашелъ себѣ такую странную забаву. Священникъ слышалъ, какъ они говорили, — звукъ ихъ голосовъ долеталъ до него: „Да онъ себѣ сломитъ шею!“

Квазимодо все плакалъ.

Наконецъ, архидіаконъ съ пѣной у рта отъ бѣшенства и ужаса понялъ, что все безполезно. Однако, онъ собралъ остатокъ своихъ силъ для послѣдняго усилія. Онъ привсталъ на жолобъ, оттолкнулся отъ стѣны колѣнами, зацѣпился рукавами за щель въ камняхъ и успѣлъ вскарабкаться приблизительно на одинъ футъ. Но отъ этого рѣзкаго движенія свинцовая труба вдругъ согнулась крючкомъ. Въ ту же минуту ряса разорвалась сверху-донизу. Тогда, чувствуя, что у него уже нѣтъ опоры снизу, что его поддерживаютъ только нѣмѣющія руки, несчастный закрылъ глаза и выпустилъ изъ рукъ жолобъ. Онъ упалъ.

Квазимодо смотрѣлъ, какъ онъ летѣлъ внизъ.

Паденіе съ такой высоты рѣдко бываетъ совершенно отвѣсно. Полетѣвъ въ пространство, архидіаконъ сначала падалъ головой внизъ съ распростертыми руками, затѣмъ онъ нѣсколько разъ перевернулся въ воздухѣ. Вѣтеръ отнесъ его на крышу одного изъ домовъ, о которую несчастный ударился. Однако, онъ былъ еще живъ, когда упалъ на эту крышу. Звонарь видѣлъ, какъ онъ еще пытался удержаться за конекъ ногтями. Но плоскость была слишкомъ поката, и у него не хватило силъ. Онъ быстро покатился съ крыши, какъ оторвавшаяся черепица, и грохнулся о мостовую. Тутъ онъ уже не шевельнулся.

Тогда Квазимодо поднялъ свой взоръ на цыганку, тѣло которой качалось на висѣлицѣ и подергивалось подъ своей бѣлой одеждой въ послѣднихъ судорогахъ; затѣмъ онъ взглянулъ внизъ на архидіакона, лежавшаго у основанія башни и уже потерявшаго всякій человѣческій образъ, и изъ глубины души его вырвалось рыданіе со словами:

— Вотъ все, что я любилъ!

III.

Женитьба Феба.

Подъ вечеръ этого же дня, когда судебные пристава епископа подняли на площади изувѣченный трупъ архидіакона, Квазимодо исчезъ изъ собора Богоматери.

Объ этомъ происшествіи по городу ходили разные слухи. Никто не сомнѣвался, что наступилъ тотъ день, когда, въ силу заключеннаго между ними договора, дьяволъ, т.-е. Квазимодо, долженъ былъ унести Клода Фролло, т.-е. колдуна. Предполагали, что онъ разбилъ тѣло, чтобы унести душу, подобно тому, какъ обезьяны разбиваютъ скорлупу орѣха, чтобы вынуть ядро.

Поэтому архидіакона не похоронили въ освященной землѣ.

Людовикъ XI умеръ въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго, 1483 года.

Что касается Пьера Гренгуара, то ему удалось спасти козочку, и онъ добился успѣха, какъ драматургъ. Повидимому, попытавъ свои силы въ астрологіи, философіи, архитектурѣ и герметикѣ — словомъ, во всѣхъ сумасбродствахъ — онъ вернулся къ трагедіи, худшему изъ нихъ всѣхъ. Онъ называлъ это „трагическимъ концомъ". Вотъ что мы читаемъ объ его драматическихъ успѣхахъ подъ 1483 г. въ отчетахъ городского управленія: „Заплачено Жегану Маршану и Пьеру Гренгуару, плотнику и сочинителю, сочинившимъ и поставившимъ мистерію, представленную въ парижскомъ Шатлэ, по случаю въѣзда г. легата, на вознагражденіе дѣйствующихъ лицъ, на снабженіе ихъ костюмами, какъ того требовала мистерія, а также за сооруженіе необходимыхъ подмостковъ — за все сто ливровъ".

Фебъ Шатоперъ тоже „кончилъ трагически," — онъ женился.

IV.

Женитьба Квазимодо.

Мы сказали, что Квазимодо исчезъ изъ собора въ день смерти цыганки и архидіакона. Никто не видалъ и никто не зналъ, что сталось съ нимъ.

Въ ночь за казнью Эсмеральды палачи сняли ея тѣло съ висѣлицы и, по обычаю, отнесли его въ Монфоконскій склепъ.

Монфоконъ, по словамъ Соваля, „былъ самой древней и самой великолѣпной висѣлицей во всемъ королевствѣ". Между предмѣстьемъ Тампль и Сенъ-Мартенъ, саженъ около шестидесяти за стѣнами Парижа, на разстояніи нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ самострѣла, на вершинѣ пологаго холма, поднимавшагося незамѣтно, но довольно высокаго, чтобы быть видимымъ на нѣсколько льё въ окружности, возвышалось зданіе странной формы, нѣсколько похожее на кельтскій кромлехъ, и гдѣ также приносились человѣческія жертвы.

Представьте себѣ на вершинѣ известковой насыпи большой параллелепипедъ, сложенный изъ камней, высотою въ пятнадцать, шириною въ тридцать, длиною въ сорокъ футовъ, съ дверью, наружнымъ карнизомъ и площадкой на верху. На площадкѣ возвышаются шестнадцать огромныхъ столбовъ изъ дикаго камня, высотою въ тридцать футовъ, огибающихъ колоннадой три стороны массивнаго сооруженія, служащаго

основаніемъ ихъ и связаннаго наверху крѣпкими балками, съ которыхъ на извѣстныхъ промежуткахъ спускаются цѣпи; на всѣхъ этихъ цѣпяхъ висятъ скелеты; въ окрестности, на равнинѣ, — каменный крестъ и двѣ второстепенныя висѣлицы, кажущіяся двумя развѣтвленіями центральной висѣлицы. Надъ всѣмъ этимъ вѣчно кружатся стаи вороновъ. Таковъ Монфоконъ.

Въ концѣ пятнадцатаго вѣка огромная висѣлица, выстроенная въ 1328 году, уже пришла въ ветхость. Балки подгнили, цѣпи заржавѣли, столбы покрылись зеленой плѣсенью. Фундаментъ изъ тесаннаго камня весь разсѣлся и площадка, на которую уже не ступала человѣческая нога, поросла травой. Этотъ памятникъ вырисовывался страшнымъ силуэтомъ на горизонтѣ, особенно ночью, когда луна слабо освѣщала эти бѣлые черепа или сильный ночной вѣтеръ раскачивалъ цѣпи и скелеты въ ночномъ полумракѣ. Этой одной висѣлицы было достаточно, чтобы придать всей окрестности зловѣщій видъ.

Каменное зданіе, служившее основаніемъ отвратительному сооруженію, было пусто внутри. Тамъ былъ устроенъ обширный склепъ, запиравшійся старой, еле державшейся рѣшеткой. Въ этотъ склепъ бросали не только куски человѣческихъ тѣлъ, спадавшіе съ цѣпей Монфокона, но также и тѣла всѣхъ несчастныхъ, казненныхъ на прочихъ висѣлицахъ Парижа. Въ этой глубокой могилѣ, гдѣ столько человѣческихъ праховъ, столько преступленій гнило вмѣстѣ,—много знатныхъ и много невинныхъ людей сложили свои кости, начиная отъ доблестнаго Энгеррана де-Мариньи, обновившаго Монфоконскую висѣлицу, и кончая такимъ же доблестнымъ адмираломъ Колиньи, послѣднимъ изъ погребенныхъ тамъ.

Что же касается таинственнаго исчезновенія Квазимодо, то вотъ все, что намъ удалось узнать о немъ.

Около двухъ или полутора лѣтъ спустя послѣ событій, которыми заключился нашъ разсказъ, когда въ Монфоконскій склепъ пришли разыскивать тѣло Оливье ле-Дена, повѣшеннаго за два дня передъ тѣмъ и удостоеннаго Карломъ VIII милости быть погребеннымъ въ лучшемъ обществѣ, на Сенъ-Лоранскомъ кладбищѣ, между всѣми отвратительными трупами были найдены два скелета, изъ котораго одинъ обнималъ другой. На одномъ изъ этихъ скелетовъ, женскомъ, еще оставались лохмотья когда-то бѣлаго платья, а на шеѣ было ожерелье изъ зеренъ какого-то растенія съ маленькой шелковой ладонкой, украшенной зеленымъ бисеромъ, но открытой и пустой. Эти предметы были такъ малоцѣнны, что палачъ, вѣроятно, не пожелалъ взять ихъ. Другой скелетъ, державшій первый въ объятіяхъ, былъ скелетъ мужчины. Замѣтили, что его позвоночный столбъ былъ искривленъ, голова вдвинута между лопатокъ и одна нога короче другой. Однако, у него не было замѣчено никакого поврежденія спинного хребта на затылкѣ, изъ чего можно было заключить, что онъ не былъ повѣшенъ. Слѣдовательно, человѣкъ этотъ пришелъ сюда и умеръ здѣсь. Когда его скелетъ хотѣли отдѣлить отъ скелета, который онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, — онъ разсыпался прахомъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Оглавленіе II части.

Книга седьмая.

Книга восьмая.

Книга девятая.

Книга десятая.

Книга одиннадцатая.